

УСКРАМ
ПЫЛ.

МАРТЪ

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

М а р т ъ , 1882.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:

Средняя Подъячская, № 1.

1882.

△
P Slav 605.15 ($\frac{1882}{3}$)

✓

Средняя Подъячская, д. № 1.
2317.

Keller Fed

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1882.

	Стр.
I. 1 МАРТА 1881 ГОДА.—Стихотвореніе.—А. Н.	
II. МАРИНА МНИШЕЕЪ.—(Поэма).—Часть II и III.—Александры Львовой	1
III. РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ.—Глава IV-VII.—П. Морозова	39
IV. НАСЛѢДСТВО.—Романъ.—Часть 2-ая.—А. Львовой.	58
V. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.—Усмиреніе Петромъ Великимъ Булавинскаго бунта.—Глава V-VI.—Н. Краснова.	115
VI. НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ СТОЛѢТІЙ.—Историческій романъ.—Часть 1-ая, глава III-IV.—А. Шардина	138
VII. НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.—Революція.—Томъ второй.—Торжество якобинцевъ.—(Продолженіе).—Иполита Тэна.—(Переводъ съ французскаго)	178
VIII. ОБЪТОВАННЫЯ ЗЕМЛИ.—(Бъ вопросу крестьянскихъ переселеній).—(Окончаніе).—Евгенія Марнова	231
IX. МЕХАНИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ ПРОЦЕССОВЪ РАЗМНОЖЕНІЯ.—IV. Трата на индивидуальность и сила размноженія у растений.—V. Трата на индивидуальность и сила бесполого размноженія животныхъ.—VI. Трата на индивидуальность и половое размноженіе животныхъ.—Л. К. Попова	305
X. ИДЕАЛИСТЫ.—Повѣсть.—Часть 1-ая, глава III-IV.—Яна Лама.—(Переводъ съ польскаго).	343

XI. ЗЕМСКОЕ ДѢЛО.—Земскіе врачи и санитары.—По поводу слуховъ объ учрежденіи крестьянскаго земельного банка	1
XII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—1 марта 1881 года.—По поводу реформы управленія Кавказомъ	41
XIII. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.—Интересный примѣръ догадливости паука.—Цитозои, новые элементы клеточекъ.—Распространеніе заразительныхъ болѣзней при посредствѣ молока.—Металлоскопія и металлотерапія.—Мнѣніе Мильнъ-Эдвардса о вредномъ дѣйствіи гипнотизма.—Зльпе	67

1 МАРТА 1881 ГОДА.

Ужасный день! Безумцевъ горсть дерзнула
На жизнь царя Россіи посягнуть,
И угасающую жизнь его задула,
И прекратила кровью ея путь.

Святая жертва! Ты не искупила
Своимъ страданьемъ грѣхъ нашъ вѣковой,
Твоя кончина въ насъ не пробудила
Ни добрыхъ силъ, ни истины живой.

Мы такъ же слабы, немощны и хилы,
Мы такъ же пошлы жалкою душой,
И даже ореолъ твоей могилы
Не въ силахъ насъ вернуть на путь иной.

На путь добра, на путь горячей вѣры,
На путь служенья правдѣ и любви;
Все тѣ же мы остались лицемѣры,
Съ заразой язвъ въ испорченной крови.

Въ насъ нѣтъ ни чувствъ высокихъ, ни желаній;
Изгѣденные ложью болтуны,
Того-жъ безвѣрья, гѣхъ же отрицаній
И вождельнѣй грязныхъ мы полны.

Въ нѣмой тоскѣ, въ безцѣльныхъ пререканьяхъ,
Съ желаньемъ новаго узнать лишь что нибудь,
Въ бесплодныхъ, но мучительныхъ страданьяхъ
Намъ суждено окончить жизни путь.

Придетъ пора, иныя поколѣнья
На смѣну намъ, исчезнувшимъ, придуть,
Не дѣти жалкаго, ничтожнаго сомнѣнья,
Они тебѣ, что должно, воздадутъ.

За всѣ твои великія дѣянья,
Они тебя высоко вознесутъ,
А за всю скорбь, за всѣ твои страданья,
За смертный часъ, грядущимъ въ назиданье,
Твой прахъ—къ земли святынямъ сопричтутъ.

Молись за насъ, тамъ, у престола Бога,
Царь, пострадавшій за ошибки всѣхъ,
Намъ милосердыя нужно много, много,
Чтобъ былъ прощень нашъ общій, страшный грѣхъ.

А. Н.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

(ПОЭМА).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Царская невѣста.

1.

Промчался годъ; за это время
Взошло посѣянное сѣмя.
Кровавый призракъ, столько лѣтъ
Смущавшій тайнаго убійцу,
Шелъ побѣдителемъ въ столицу;
Ему ни въ чемъ преграды нѣтъ.
Слѣпое Божіе орудье,
Онъ, воплощенный въ кровь и плоть,
Являлъ собою правосудье.
Кому понятна цѣль судьбы?
Въ теченіи жизни вѣковой,
Палачъ и жертва—всѣ рабы
Той высшей воли міровой,
Которой все подчинено;
Такъ безконечное звено
Событій всѣхъ, съ начала вѣка,
Поработило человѣка.

Кн. III.—Мартъ, 1882.

1

Терзаемъ пыткой угрызенья,
 Не вынесъ муки царь-гордецъ,
 Закрѣпощенія творецъ;
 Онъ прекратилъ свои мученья
 И отравился. Какъ волна
 Во время бѣшеннаго шквала,
 Неудержима и сильна,
 Въ Россіи смута бушевала;
 Какъ грозовая непогода,
 Какъ гнѣвъ Господень, мечь народа
 Надъ Годуновыми стряслась,
 Свершила казнь и улеглась.
 И вотъ смѣльчакъ, игрушка рока,
 Уже прославленный молвой,
 Взвился, какъ коршунъ, издалека
 Надъ бѣловаменной Москвой.
 Онъ сталъ царемъ, всего достигъ,
 Но на вершинѣ грезъ своихъ
 Онъ не былъ счастливъ; безъ отвѣта,
 Любовь, какъ лилія безъ свѣта,
 Поблекла въ сердцѣ молодомъ.
 Одинъ среди пустыхъ хоромъ,
 Онъ ждетъ невѣсту, но Марина
 Пріѣздомъ медлитъ. Почему?
 Какая новая причина
 Мѣшаетъ ѣхать ей къ нему,
 Ее задерживая въ Польшѣ?
 Онъ пишетъ, что не въ силахъ дольше
 Разлуку съ ней переносить,
 И, наконецъ, уставъ просить,
 На основаньи правъ своихъ,
 Пріѣзда требуетъ женихъ.
 Ея мечты теперь сбывались;
 Онъ царь, и отъ нея одной
 Зависитъ быть его женой.
 Предъ ней и то всѣ преклонялись,
 Какъ предъ царицей; ужъ она
 Вкусила сладости величья,
 Когда съ посломъ обручена,
 Закономъ русскаго обычья,
 Она примѣрила корону.
 Ей шагъ одинъ остался къ трону,

Но этотъ шагъ перешагнуть—
 Вѣдь это значитъ безъ возврата
 Всю жизнь вверхъ дномъ перевернуть!
 Зачѣмъ тоскою сердце сжато?
 Что ей такъ страшно?... Вѣдь сама
 Она къ коронѣ напрягала
 Всѣ силы сердца и ума!
 Давно-ль еще она мечтала
 О томъ, что нынче только страхъ
 Въ ней возбуждаетъ непонятный!
 И вотъ судьба въ ея рукахъ,
 Но тайный голосъ, сердцу внятный,
 Ей шепчетъ: «Не иди впередъ!»
 Какъ будто смерть ее тамъ ждетъ!
 Еще одно ей отравляетъ
 Мечты заносчивой полетъ,
 Одно невольно наполняетъ
 Все сердце горечью нѣмой.
 Но въ этомъ и себѣ самой
 Она не смѣетъ признаваться:
 Ей жаль съ любовью расставаться.
 Да, она любить! Съ той поры,
 Какъ, жертва дѣвичьей игры,
 Въ дуэли Корецкій былъ раненъ
 И чуть не умеръ, какъ ни страненъ,
 Быть можетъ, этотъ переломъ,
 Но снова въ сердцѣ молодомъ
 Проснулось чувство молодое.
 Была-ль то жадость, иль другое
 Какое чувство, какъ узнать?
 Какъ сердце женщины понять?
 Когда онъ при смерти лежалъ,
 Она, ночной порой, верхомъ,
 Переодѣтая пажемъ,
 Къ нему являлась; провожалъ
 Ее Осмолевскій; одному
 Лишь другу дѣтства своему
 Она довѣриться могла.
 Онъ за нее готовъ былъ въ воду,
 Въ огонь идти! Его свободу,
 И жизнь, и все она взяла.
 Его привязанность была

Изъ тѣхъ, что ничего не просятъ,
 Какъ только счастья—любить.
 Такія чувства все выносятъ,
 Все могутъ женщинѣ простить;
 Улыбка, слово безъ значенья—
 Для нихъ блаженство; ихъ мученья .
 Никто не цѣнитъ никогда,
 Хотя отъ нихъ, почти всегда,
 Готовы пользоваться всѣмъ,
 Не обязуясь ничѣмъ.
 Но такъ любить лишь могутъ дѣти
 Въ пятнадцать или шестнадцать лѣтъ.
 Осмольскій ни за что на свѣтѣ
 Не могъ сказать Маринѣ: «нѣтъ».
 Онъ былъ въ восторгѣ, въ часъ условный,
 Когда протяжный звонъ церковный
 Разнесся въ воздухъ ночномъ,
 Покинувъ, врадучися, домъ,
 Ее съ конями дожидался
 У придорожнаго креста
 И по степи съ ней рядомъ мчался,
 Минуя торныя мѣста,
 Ее, какъ взрослый, охраняя
 Отъ нападенія волковъ,
 И страхъ въ ней цѣснью разгоняя
 Со смысломъ тайнымъ нѣжныхъ словъ.
 А какъ она была мила
 Въ мужской малиновой магеркѣ,
 Въ атласной съ золотомъ венгеркѣ,
 Въ мужскомъ плащѣ! Но какъ мала,
 Какъ молода она казалась,
 Совсѣмъ ребенокъ! Передъ ней
 Осмольскій выглядѣлъ виднѣй,
 Почти мужчиною, и онъ
 Былъ этимъ видимо польщенъ.
 Но бѣдный Корецкій не могъ
 Узнать Марины; онъ былъ плохъ,
 Онъ умиралъ,—и съ этихъ поръ
 Забыть Марина не могла
 Ни блѣдность смертную чеда,
 Ни взглядъ, направленный въ упоръ,
 Ни рѣчь безсвязную того,

Кто такъ любилъ ее. Его
Спасли отъ смерти; но когда
Къ нему вернулись жизни силы,
Онъ бросилъ край, на вѣкъ постылый,
И скрылся, но зачѣмъ? куда?—
Никто изъ близкихъ не узналъ.
Марину онъ не вспоминалъ
Передъ отъѣздомъ, и никто
Ему не смѣлъ сказать про то,
Что какъ-то разъ, ночью порой,
Къ нему являлся молодой,
Красивый пажъ, въ которомъ всѣ
Узнали дочку воеводы,
По длинной, вьющейся косѣ,
Что расплелась, ища свободы,
Изъ-подъ магерки расшивной,
Такой косы вѣдь нѣтъ другой,
Какъ нѣтъ и не было очей
Ясныхъ, блестящихъ, горячихъ.
О немъ Марина изнывала;
Она почти позабывала
Воздушный рой тщеславныхъ сновъ
И равнодушная, безъ словъ,
Царя подарки принимала,
А имъ вѣдь не было цѣны!
Родные всѣ восхищены,
И лишь она, какъ будто всѣмъ
Уже пресытилась. Межъ тѣмъ
Уже давно на ней одной
Сосредоточились взгляды
И Рима, и страны родной.
Всѣ ждали выгодъ и награды
Отъ брака съ полькою царя.
И въ поздравительномъ посланьи,
Двуличной ревностью горя,
Самъ папа даже о призваньи
Ея великомъ намекалъ.
Онъ всѣ надежды возлагалъ
На духъ царицы благородной,
Достойной дочери страны
Благочестивой и свободной;
Въ Москвѣ проникнуться должны

Ея примѣромъ; безъ насилья
 Она сьумѣетъ Русь склонить
 Принять латинство; всѣ усиля
 Ей предстоитъ употребить
 На долю миссиі священной.
 Такой мечтою дерзновенной
 Честолюбивое смутить
 Онъ могъ бы сердце. Вся полна
 Мечтами славы безпредѣльной,
 О, какъ воспрянула-бъ она
 Къ служенью церкви нераздѣльной!
 Какая честь! Самъ папа ей
 Такое дѣло поручаетъ!
 Что можетъ быть еще важнѣй?
 Но сердце разуму мѣшаетъ.

2.

Совѣмъ одѣтая для бала,
 Въ атласномъ платьѣ съ серебромъ,
 Она корону надѣвала,
 И ярко-радужнымъ огнемъ
 Алмазы крупные горѣли
 Надъ блѣдно-матовымъ челомъ.
 Огонь свергающихъ очей
 Еще былъ ярче. Блескъ свѣчей
 Дробился въ разноцвѣтной грани
 Венеціанскаго стекла
 И въ серебрѣ блестящей тѣани
 Ея одеждъ. О, какъ мила
 Она въ роскошномъ одѣяньи!
 Какъ діадема къ ней идетъ!
 Она застыла въ созерцаньи
 Самой себя: съ такой осанкой,
 Ужель она простой шляхтянкой,
 Какъ родилась, такъ и умереть?
 Она вздохнула. «Полно ждать
 «И медлить здѣсь... пора! пора!
 «Не стыдно-ль о любви мечтать!
 «Воображенія игра

«Должна пройти!» Прочь призракъ блѣдный!
Разсѣйся, какъ туманъ безслѣдный!

Она-ль пожертвуетъ любви
Мечты тщеславныя свои?...

— «Царица!» (всѣ ужъ титулъ царскій
Ей придавали) — «Ксендзь Помасскій
«Желаешь видѣть васъ» — «Теперь?»

«Въ такую пору?..» Но за дверь

Она въ приемную спѣшитъ;

Несвоевременный визитъ

Тоску предчувствій возбудилъ

Въ душѣ отзывчиво кипучей.

Конечно, только важный случай

Иезуита побудилъ,

Отбросивъ всякій этикетъ,

Ее тревожить не во-время.

Она вошла. Какъ лунный свѣтъ

Блеснуло выбритое темя

Духовника; онъ передъ ней

Почти что до полу склонился

И съ хитрой мягкостью своей

За безпокойство извинился.

Она его просила сѣсть,

Но по лицу его прочесть

Что либо, было слишкомъ трудно:

Улыбка вѣчная его

Не выражала ничего;

Въ немъ чувства спали непробудно

Подъ выраженіемъ однимъ,

Онъ былъ всегда неуловимъ.

— «Что привело васъ къ намъ такъ поздно?»

Она спросила; онъ серьезно

И молча подаль ей листокъ.

Едва глазами пробѣжала

Она въ началѣ пару строкъ,

Какъ свѣжесть юности сбѣжала

Съ ея лица и задрожала

Рука, сжимавшая посланье.

— «Все клевета, все нареканье!»

Она вспылила внѣ себя.

— «Не вѣрю, чтобъ, меня любя,

«Онъ могъ московкой увлекаться,

«Когда-бъ и такъ, со мной сравняться
«Она не можетъ.»

ПОМАССКІЙ.

Но надъ вами
(Простите, это между нами)
Она имѣеть перевѣсъ
Ужь тѣмъ, что на глазахъ царя.
А вѣдь по правдѣ говоря,
Въ любви одно имѣеть вѣсъ:
Кто на глазахъ, тотъ сердцу ближе.
Пусть Ксенія во всемъ васъ ниже,
Пусть въ немъ играетъ только кровь,
Горячка сердца—не любовь,
Но образъ вашъ звѣздой далекой
Блестить на небѣ его грезъ,
И онъ красавицѣ жестокой,
Которой въ жертву все принесъ —
И жизнь, и честь, чтобъ ей вѣнецъ
И тронъ царей завоевать,—
Конечно, предпочтетъ въ конецъ
Ту, кто не станетъ оскорблять
Его отказами любви,
Кто чувства лучшія свои
Не станетъ прятать для другихъ...

МАРИНА.

Что вы сказали?

ПОМАССКІЙ.

Доказать
Могу я правду словъ моихъ.

МАРИНА.

Довольно! Все, что нужно знать,
Я знаю, и не стану ждать!
Посмотримъ, кто кого сильнѣй,
Кто сердцу Дмитрія нужнѣй,
Она ль, любовница на мигъ,

Иль обрученная невѣста,
Почти жена! Изъ насъ двоихъ
Одна должна уйти... но мѣста
Не уступлю!..»

Она была,
Какъ молноенный ангелъ зла
Въ минуту злобнаго протеста,
Полна ужасной красоты.
Ея красивыя черты
Дышали внутренней грозой
И гордой силой. Такъ, порой,
Въ разбушевавшейся природѣ
Стихи спорять на свободѣ,
И бури огненный порывъ,
Какъ пылъ страстей краснорѣчивъ.
Она въ волненіи ходила
Взадъ и впередъ, она твердила
Безсвязно гордыя слова:
«Не уступлю свои права,
«Не уступлю!» А духовникъ,
Какъ Мефистофеля двойникъ,
Слѣдилъ за ней, съ кривой усмѣшкой
На тонкихъ выпцвѣтшихъ губахъ.
О, какъ онъ зналъ ее! Такъ пѣшкой
Игрокъ на шахматныхъ доскахъ
По волѣ ходъ свой обставляетъ
И къ вѣрной цѣли направляетъ
Головоломную игру.
— «Я все сломаю, все попру!»
Она забывшись, продолжала
И рѣчь порывисто дрожала.
— «Я всѣ преграды въ прахъ сотру!»
А онъ глядѣлъ и улыбался,
И даже въ тайнѣ любовался,
Красивымъ бѣшенствомъ ея.
— «Нѣтъ, вы не знаете меня!»
Она съ усильемъ прошипѣла.
— «О нѣтъ, не знаете. Любить
«Я не умѣю... я успѣла
«Въ себѣ всѣ чувства притупить.
«О, я давно ужъ отревлась
«Отъ всякихъ грезъ!.. Къ отцу сейчасъ

«Пройдемте вмѣстѣ; надо намъ
«Поговорить...»

Она къ дверямъ
Пошла блѣднѣй луны луча,
Тяжелый шлейфъ свой волоча
По яркимъ бархатнымъ коврамъ.

3.

Въ Москвѣ, у ската, надъ рѣкою,
Два новыхъ, маленькихъ дворца
Влекутъ приманкой дорогою
Толпы народа; у крыльца
Трехглавый песъ, какъ чортъ стоитъ
И, разомъ пасти открывая,
Свирѣпо воеетъ и рычитъ.
— «Ишь ты диковина какая!»
Креститься въ страхѣ темный людъ.
— «Какъ есть лукавый!.. Либо врутъ,
«А либо правду говорятъ,
«Что будто бурвулы его,
«Какъ угли, по ночамъ горять,
«И что исходятъ изъ него
«Огонь и пламень.» Такъ толкуютъ
Толпы глазѣющихъ зѣвакъ;
Но только издали кулакъ
Ему показывать рискуютъ.
Давно въ народѣ на царя
Ужъ въ тайнѣ ходятъ нареканья;
Какого онъ исповѣданья
Никто не знаетъ. — «Слышь, онъ зря
«Мясное ѣсть! Телятъ и то
«На бойнѣ рѣжутъ, экій грѣхъ!
«Въ его палатахъ плясъ и смѣхъ,
«Какъ въ кабацкѣ!.. Да мало ль что!
«Поляки, чортовы зятя,
«Какъ свора псовъ, прости насъ Богъ,
«Повсюду рыщутъ, и житья
«Отъ нихъ не стало. За порогъ
«Не смѣютъ бабы выходить.
«Да что ужъ тамъ и говорить,

«Неладно что-то на Руси!
 «Не даромъ намъ, на небеси
 «Являться знаменія стали.
 «Господь прогнѣвался!—Едва-ли
 «Все это кончится добромъ.
 «Охъ, быть бѣдѣ и грянетъ громъ.»
 Ропталъ народъ, а царь межъ тѣмъ,
 Къ доносамъ былъ и глухъ и нѣмъ.
 Счастливымъ опьяненный рокомъ,
 Онъ замышляетъ надъ востокомъ
 Свою державу утвердить.
 Весной онъ жаждетъ снарядить
 Походъ на Крымъ, и для того
 Съ Европой связи заводилъ
 Гдѣ только могъ; онъ разсудилъ,
 Что тѣмъ вѣрнѣе для него
 Успѣхъ во всемъ, чѣмъ больше силъ
 Онъ привлечетъ къ себѣ извнѣ.
 О, онъ поставитъ наравнѣ
 Москву съ латинскими странами.
 Но между дѣломъ и мечтами
 Хватало время на любовь.
 Невѣста мешкала, а кровь
 Играла въ немъ. Однажды онъ
 Царевну Ксенію увидѣлъ.
 Ея красюю пораженъ,
 Онъ свѣта Божьяго не взвидѣлъ:
 —«Какъ! чтобъ такую красоту
 «Да въ монастырь!»—И сироту
 Сейчасъ къ нему перевезли,
 Ее нарочно берегли
 Вѣдь для него. Ну ужъ судьба!
 Бориса дочь—его раба!
 Она все плачетъ дни и ночи;
 Но эти бархатные очи
 Въ слезахъ прекраснѣе еще.
 Ее онъ любить горячо,
 Не такъ конечно, какъ Марину,
 Совсѣмъ иначе, и сама
 Она иная! Но причину
 Къ отсрочкѣ свадьбы изъ письма
 Отца невѣсты онъ узналъ.

Старикъ причиною выставлялъ
Царевну Ксенію. Пора!
Ему наскучила игра:
Все слезы, слезы! Богъ съ ней, право!
Марина, та другаго права,
Съ той веселѣй, и вотъ ужъ онъ,
Свиданьемъ близкимъ опьяненъ,
Спѣшить раздѣлаться скорѣй
Съ игрушкой временной своей.

4.

Надъ бѣлокаменной столицей
Восходить мѣсяцъ блѣднолицый;
Внутри заиндѣвшихъ садовъ,
Онъ чистымъ серебромъ и златомъ
Ползеть, дробится по палатамъ
Боярскихъ старыхъ теремовъ,
И по стариннымъ колокольнямъ,
И по церквамъ первопрестольнымъ
Золотоверхаго Кремля.
Горить алмазами земля;
Бурмицкимъ жемчугомъ морозы
Поразъукрашили березы,
И, какъ невѣста подъ вѣнцомъ,
Подъ серебристою фатою,
Онѣ стоятъ, покрыты льдомъ,
Подъ снѣговою пеленою,
А свѣтлый мѣсяцъ, какъ женихъ,
Съ небесъ любитъ на нихъ.
Ясный блѣютъ края
Зубчатыхъ стѣнъ; за ихъ предѣлъ
Никто-бъ отважиться не смѣлъ,
Но свѣта вольнаго струя,
Вездѣ проходъ себѣ найдетъ;
Какъ серебристая змѣя,
Она безъ шума вверхъ ползеть
По всходамъ Краснаго брыльца;
Сквозь окна мрачнаго дворца,
По спинкѣ трона внизъ спадаетъ,
На стѣнахъ зайчикомъ играетъ,

И смѣло всходитъ во свѣтлицы,
Гдѣ жили русскія царицы.
Въ свѣтлицахъ пусто; лишь въ одной,
Какъ трель соловушки весной,
Унылой пѣсни льются звуки;
О, сколько въ нихъ тоски и муки
По грезамъ жизни молодой!
Не чайка плачетъ въ синемъ морѣ,
Не лебедь смерть свою зоветъ,—
Съ тоской въ груди, съ тоской во взорѣ,
Царевна Ксенія поетъ!
Поетъ тѣ пѣсни, что слагались
Въ душѣ измученно-больной,
Какъ пѣснь малиновки лѣсной.
Волнами косы разметались,
Глаза горять, слезой блестать;
Они, какъ пѣсня, говорятъ
О томъ, что сердцемъ пережито,
Схоронено, но не забыто!
И какъ забыть ей: дочь царя,
Она росла, какъ подъ стекломъ;
Ей угождали всѣ кругомъ
Заботой, лаской, баловствомъ.
Судьба разщедрилась, даря
Ей все, чего ни описать
Перомъ нельзя, ни рассказать.
Плели, что по колѣна въ златѣ,
По локти въ чистомъ серебрѣ,
Она, какъ солнце на зарѣ,
Жила у бабушки въ палатѣ;
Да и природа-то сама
Ее такъ щедро наградила,
И совершенствомъ уродила.
Лицемъ румяна и бѣла,
Она роскошно разцвѣла;
Глаза большіе съ поволокой,
Взглядъ ясный, нѣжный и глубокой;
Никто не видывалъ нигдѣ
Такой улыбки милой, кроткой;
Стройна притомъ, пышна, походкой
Плавна какъ лебедь на водѣ;
Такихъ тяжелыхъ русыхъ косъ

И въ цѣломъ мірѣ-бѣ не нашлось!
 Но лучше всякой красоты,
 Въ ея душѣ тайлся даръ,
 Всѣ чувства, мысли, всѣ мечты,
 И думъ огонь, и сердца жаръ,
 Въ унылыхъ пѣсняхъ выражать,
 И любо было имъ внимать
 Какъ въ роцѣ трелямъ соловья,
 Какъ плеску горнаго ручья.
 Поэтъ въ душѣ, она жила
 Въ какомъ-то мірѣ непонятномъ;
 Ея душа изъ тѣхъ была,
 Что ищутъ счастья въ необъятномъ,
 Всѣ чувства лучшія свои
 Храня для неба и любви.
 Любовь! Она ее не знала
 Въ понятіи грубомъ чувствъ земныхъ,
 Она ничѣмъ не запятнала
 Стремленій чистыхъ и святыхъ
 Своей задумчивой души,
 И были чудно хороши
 Ея несбывшіяся грезы!
 Однажды ей отецъ сказалъ,
 Что жениха ей подыскалъ,
 Она зардѣлась ярче розы:
 Не тотъ ли онъ, кѣмъ такъ давно
 Воображеніе полно?
 Она его какъ будто знала,
 Любила прежде... межъ другихъ.
 Она сейчасъ его узнала.
 Но вратовъ былъ свиданья мигъ:
 Не вынесъ юноша-женихъ,
 Заморскій принцъ, зимы трескучей,
 И умеръ. Звѣздочкой падучей
 Онъ въ жизни Ксеніи мелькнулъ
 И за собою потянулъ
 Ея восторженную душу.
 Ей вѣрилось, ее онъ ждалъ
 Въ иномъ міру. — «Я не нарушу —
 Она твердила — мой обѣтъ,
 «И на землѣ мнѣ мужа нѣтъ»!
 Съ тѣхъ поръ, о Боже! сколько слезъ

Пролито ею! Онъ унесъ
 Съ собой и счастье, и все,
 Чтò сердце бѣдное любило!
 Ужь ей на свѣтѣ не житье!
 Ей вспомнить страшно все, что было.
 За что? За бабушкинѣ ли грѣхъ,
 Иль за родимой немоленье?
 Осиротѣвъ, лишившись всѣхъ,
 Обречена на постриженье,
 Она отъ міра отеклась,
 И вся молитвѣ предалась.
 Какъ вдругъ, о ужасъ, о позоръ,
 Димитрій... нѣтъ... убійца, воръ,
 Палачъ всѣхъ милыхъ, всей семьи,
 Съ лукавой хитростью змѣи,
 Ея спокойствіе укралъ!
 О, какъ онъ роль свою сыгралъ!
 Какъ осторожно шелъ онъ въ цѣли!
 «Не дядя-ль онъ на самомъ дѣлѣ?»
 Сначала думала она,
 Его игрой ослѣплена.
 Онъ полонъ былъ къ ней уваженья,
 Любви, и ласкъ, и попеченья.
 Вражда и зло въ ея года
 Проходятъ скоро, безъ слѣда.
 Она привыкла, ободрилась,
 Съ его присутствіемъ мирилась
 И улыбалась иногда.
 Онъ ласкъ не требовалъ, но разъ
 Ей стало страшно; глазъ на глазъ
 Она сидѣла съ нимъ вдвоемъ.
 Онъ вдругъ къ себѣ ее привлекъ,
 И крѣпко сжалъ, и какъ огнемъ
 Устами жаркими обжогъ.
 Она въ испугѣ оттолкнула
 Его назадъ. Онъ весь дрожалъ,
 Онъ блѣденъ былъ, и взоръ блуждалъ,
 Какъ отъ вина. Она смекнула—
 И отвращеніе, и страхъ
 Онъ прочиталъ въ ея глазахъ.
 И съ той поры борьба глухая
 Межъ ними шла; не высыхая

Глаза ея и день и ночь
 Отъ слезъ горѣли, но помочь
 Никто не могъ ей. Безъ призрѣнья,
 Безъ близкихъ, безъ друзей, одна,
 Она была доведена
 До неизбѣжнаго паденья;
 Но и въ минуту возвращенья,
 Не потускнѣла чистота
 Ея души: ея уста
 Не отдавали поцѣлуя,
 И трепеща, и негодуя,
 Она въ объятіяхъ его
 Не испытала ничего.

5.

Поетъ несчастная! Одна
 Еще осталась ей отрада
 Живая пѣснь. Она ей рада,
 Какъ другу милому; она
 Съ ней забываетъ все: и горе,
 И близкихъ, даже свой позоръ, —
 И чувства, словно волны въ морѣ
 Несутся съ пѣснью на просторъ.
 Въ вѣтѣ теплится лампада,
 Иконы въ камняхъ дорогихъ,
 Узоры въ окнахъ росписныхъ,
 Огнями радуги залиты,
 А изъ косячата окна
 Снопомъ серебрянымъ луна
 Легла на каменные плиты.
 Прекрасенъ обликъ молодой
 Поющей дѣвушки, и мнится,
 Что, неба ангелъ неземной,
 Она въ надзвѣздный край умчится,
 Взмахнувши крыльями въ лучахъ,
 И пропадетъ на небесахъ...
 Шаги за дверью... быстро, твердо,
 Они подборами стучать,
 И повелительно, и гордо
 Подковы звонкія звучать.

Дрогнула дверь... дрогнуль замокъ,
 И голосъ Ксеніи замолець.
 Сейчасъ войдетъ онъ, полный страсти,
 Въ сознаньи дерзкомъ гордой власти,
 Съ огнемъ желанія въ очахъ.
 Ужь онъ не тотъ, когда въ ногахъ
 Своей красавицы надменной
 Валялся съ просьбою смиренной!
 О, онъ увѣренъ и въ себя,
 И въ то, что даже не любя,
 Никто не смѣетъ оттолкнуть
 Его державную любовь.
 Дрогнула дверь... иль отомкнуть
 Она не хочетъ... дико кровь
 Взыгралась въ немъ.—«Ага! ты такъ!»
 Со всею силою кулакъ
 Ударилъ въ дверь.—«Я отворю!»
 Она взмолилась, и замокъ
 Два раза щелкнулъ. Какъ жестокъ
 Былъ взглядъ его! Ему, царю,
 Не отворять!.. убѣетъ, иль нѣтъ?
 Но лишь вошелъ, какъ стерся слѣдъ
 Жестокій вспышки... съ ней-ли грубо,
 Съ такой голубкой, обойтись.
 Онъ молвилъ ей:—«О не сердись!
 Прости меня!.. моя ты любя!
 Прости... прости... забудь...» Что съ нимъ?
 Хорошій, иль не добрый знаеъ?
 Онъ говорить совсѣмъ не такъ.
 И самъ другой онъ... всѣ движенья,
 И рѣчи, полны уваженья.
 Она-бъ его любить могла,
 Когда-бы страсть не увлекла
 Его за крайніе предѣлы
 Любви безнравственной и смѣлой!
 —«Дитя, прости, не проклинай!»
 Онъ шепчетъ,—«ты меня считала
 «Своимъ врагомъ, ты отвергала
 «Съ презрѣнемъ страсть мою; но знай,
 «Когда-бы лаской хоть одною
 «Смягчила душу ты мою,
 «Я-бъ могъ любовію святою

«Къ тебѣ горѣть, и кровь свою,
 «И необузданную душу
 «Тебѣ въ угоду усмирить.
 «Но ты не хочешь полюбить,
 «И я повою твой не нарушу.
 «Прости на вѣки... между нами
 «Порвалась слабой связи нить!
 «Но разойдемся-ль мы врагами?
 «Скажи, что нѣтъ... скажи, что мнѣ
 «Простить готова ты вполнѣ
 «Всѣ оскорбленія любви,
 «Порочной можетъ быть, мятежной,
 «Но, вѣрь мнѣ, искренной и нѣжной...
 «И предъ разлукой неизбѣжной,
 «Молю, меня благослови».
 Она внимаетъ въ изумленьи,
 Въ ней таетъ ненависти ледъ,
 И въ мягкомъ сердцѣ оскорбленья
 Уже не ставятся въ расчетъ.
 Ее надежда оживила:
 — «Передъ разлукой?» повѣторила
 Она за нимъ,— «ты удалишь
 «Меня совсѣмъ!..

ДМИТРІЙ.

Какъ ты спѣшишь
 Меня покинуть!..

КСЕНІЯ.

О прости!
 Ты знаешь,—я живой мертвецъ:
 Отъ міра я спѣшу уйти,
 И схорониться...

ДМИТРІЙ.

Но вѣнецъ,
 Когда бъ съ тобой я раздѣлилъ?

КСЕНІЯ.

Меня вѣнецъ бы не прельстилъ.
 Вѣнецъ одинъ ужь я ношу,

Но тѣмъ вѣнцомъ я дорожу:
Его Спаситель надѣвалъ!

ДМИТРІЙ.

Прости меня!

КСЕНІЯ.

Господь простить,
Я и подавно: Онъ велить
Не помнить зла!

ДМИТРІЙ.

Я не желалъ
Вѣдь зла тебѣ! Ты такъ чиста,
Понять не можешь силу страсти,
Но вѣрь, надъ ней не можетъ власти
Никто имѣть...

КСЕНІЯ.

Любовь свята!
Она отъ Бога! Тотъ кто любитъ,
Чужую душу не погубить.
Ты не любилъ меня...

Безъ словъ
Предъ нею онъ. Тяжелъ, суровъ
Былъ приговоръ ея, и страхъ
Его какъ молніей объялъ.
Была минута,—онъ бы палъ,
Какъ рабъ, предъ нею ницъ въ слезахъ,
И всю бы жизнь ей рассказалъ;
Но онъ опомнился.—«Прости!»
Онъ молвилъ снова.—«Отвести,
Куда прикажешь?»... а изъ глазъ
Струились слезы. Въ первый разъ,
Она обѣими руками
Схватила голову его,
Прижала вѣрно и ее
Омыла счастья слезами.
—«Благодарю!» она твердила,
И отъ души перекрестила
Того, кто жизнь ея разбилъ,

Кто въ ней всю молодость убилъ,
 Кто и теперь лишь оттого
 Свою забаву прекращалъ,
 Что въ домъ невѣсту поджидалъ.
 Но въ первый разъ и отъ него
 Она обиды не видала,
 И страсти въ немъ не пробуждала.
 Порывы сердцемъ поборовъ,
 Онъ молча руку ей пожалъ,
 Не находя ни слезъ, ни словъ,
 И какъ безумный убѣжалъ.

6.

Ликуеть древняя столица,
 Первопрестольная Москва,
 Какъ златоглавая царица,
 Принарядясь для торжества.
 На майскомъ солнцѣ горячѣй
 Горятъ верхушки золотыя
 Ея дворцовъ, ея церквей;
 Кресты сиянемъ залитые,
 Далеко видны за рѣкой,
 Куда народъ валить толпой.
 Прохода нѣтъ отъ тѣсноты,
 Въ глазахъ рябитъ отъ пестроты,
 Отъ металлическаго блеска
 Стальныхъ оружій, сбруй, щитовъ,
 Гдѣ выдѣляются такъ рѣзко
 Кафтаны красные стрѣльцовъ.
 Какъ протодьяконъ голосистый
 Звучитъ царь-колоколъ басистый;
 Ему отвѣтствуетъ трезвонъ
 Изъ всѣхъ церквей, со всѣхъ сторонъ.
 Но вотъ съ моста раздался вой
 Нестройной музыки и бой
 Большихъ турецкихъ барабановъ.
 Толпа задвигалась быстрѣй,
 Какъ стадо тѣсное барановъ,
 Спѣша увидѣть поскорѣй
 Посольство пышное бояръ

Къ невѣстѣ царской; словно жаръ
 Горятъ на солнцѣ ихъ наряды,
 Какъ драгоценныя олады
 На ризахъ кованныхъ иконъ.
 За ними, цугомъ запряженъ,
 Плыветъ невиданный ковчегъ,
 Весь ярко-красный съ серебромъ,
 Съ двуглавымъ царственнымъ орломъ
 На дверцахъ; бѣлые, какъ снѣгъ,
 Двѣнадцать въ яблотахъ коней,
 Сверкая искрами огней
 Богатыхъ сбруй и чепраковъ
 И чистымъ золотомъ подковъ,
 Карету царскую везутъ;
 Двѣнадцать конюховъ ведутъ
 Ихъ подъ уздцы; сейчасъ же вслѣдъ,
 Косясь, кусая удила
 Подъ яркой вышивкой сѣдла,
 Танцуетъ кровный аргамакъ,
 Съ нимъ еле справится казакъ
 И двое конюховъ; его
 Шлетъ царь для тестя своего.
 Толпа успѣла ужъ устать,
 Проголодаться и помать
 Изрядно плечи и бока,
 За то и цѣль уже близка:
 Еще немного—и Москва
 Увидитъ царскую невѣсту.
 Зачѣмъ же странныя слова
 Въ народѣ шепчутся не къ мѣсту:
 «Ишь басурманка! безъ поповъ,
 «Безъ образовъ ее встрѣчаютъ!
 «Законы пращѣдовъ, отцовъ
 «Ужъ для нея не соблюдаютъ!
 «Не ладно такъ! Того гляди
 «Бѣда стрясется!»...

7.

Посреди

Большаго, пышнаго шатра,
 Гдѣ все, отъ стѣнъ и до ковра,

Восточной роскошью блистало;
 Марина молча ожидала
 Пословъ царя. Не смѣя сѣсть,
 Вокругъ нея стояла свита.
 Отецъ и тотъ считалъ за честь
 Сидѣть поодаль. Вся залита
 Отъ головы до башмачковъ,
 Игрою алмазовъ, жемчуговъ,
 Она кругомъ распространяла
 Сіянье солнечныхъ лучей,
 И дума гордая сіяла
 Въ зрачкахъ расширенныхъ очей.
 Такъ вотъ предѣлъ!.. Еще ступень—
 И ей ужъ нечего желать!
 Еще лишь шагъ, и словно тѣнь,
 Ей можно будетъ попить
 Ступней державной полъ-Европы!
 За ней—извилистыя тропы,
 Предъ ней—прямой, широкій путь!
 И страшно внизъ ей заглянуть,
 Въ обрывъ, въ густую темноту,
 Откуда ей на высоту,
 На свѣтъ взбираться приходилось.
 Иль то, что было, только снилось?
 Иль то, что есть, одинъ лишь сонъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, торжественный трезвонъ
 Церквей столицы златоглавой,
 И пышный, царственный приемъ,
 Все для нея! Все, все кругомъ
 Лишь служить царственной оправой
 Одной жемчужины, одной,
 Которой равной нѣтъ другой!
 Но голова среди полета
 Не закружилась безъ отчета.
 Сознанье гордое царить
 Въ ея душѣ и мысль парить
 Въ неизмѣримой высотѣ;
 Предѣла нѣтъ ея мечтѣ!
 Въ рукахъ царя—судьба народа
 Въ рукахъ царицы—духъ его;
 Дѣла ихъ разны, какъ природа.
 Вліяньемъ сердца своего,

Апостоль вѣры и развитья,
Она сѹмѣеть направлять
Его десницу, удалить
Войну, раздоръ, кровопролитье.
Она сѹмѣеть оправдать
Довѣрье церкви, и сама,
Искусствомъ слова и ума,
Задачу миссиі святой
Закончить славой неземной.
О, мало ей простой короны!
Ея желаньямъ нѣтъ препоны!
Ей мало лавровъ! Вѣчный Римъ
Сіянье святости, быть можетъ;
Вокругъ чела ея наложить,—
Тогда, и лишь тогда своимъ
Неисчерпаемымъ стремленьямъ
Она найдетъ земной предѣлъ!
Тогда, блестящимъ отреченьемъ
Закончивъ рядъ великихъ дѣлъ,
Въ смиренной рясѣ, безъ вѣнца
На посѣдѣвшей головѣ,
Она сѹмѣеть до конца,
Въ неизмѣримомъ торжествѣ
Недосягаемой гордыни,
Весь міръ смиреньемъ поразить
И подвизуясь въ пустынѣ,
Канонизаціи дожить!
Не даромъ бродятъ эти думы
Въ ея головѣ молодой:
Важнѣйшій членъ боярской думы,
Потомокъ Рюрика сѣдой,
Ее царицей величаетъ;
Она выходитъ—и народъ
Ее царицею встрѣчаетъ.
И вотъ предъ ней опять встаетъ
Прошедшій сонъ, и на яву
Она узрѣла ту Москву,
Что ей мерещилась въ глазахъ,
Когда, въ Самборѣ, у окна
Она, луной освѣщена,
Стояла въ призрачныхъ мечтахъ.
Но гдѣ мечтѣ воображенья

Сравниться съ силой впечатлѣнья
 Передъ картиною живою!
 Вдали за синюю рѣкою,
 Свержавшей искрами алмаза,
 Неизмѣримая для глаза,
 Столица русскихъ городовъ
 Стоглавымъ чудищемъ казалась;
 На каждой изъ ея головъ,
 Какъ жаръ, корона красовалась
 Изъ чиста-золота, съ крестомъ
 На сводѣ неба голубомъ.
 Войска по улицамъ вдали,
 Какъ цѣпь, весь городъ обвили,
 На солнцѣ блестками горя,
 Какъ росписная чешуя
 Стоглавой, сказочной змѣи.
 И какъ Мемнона голова,
 Въ сѣнни солнечныхъ сноповъ,
 Гудѣла древняя Москва
 Соборомъ всѣхъ колоколовъ.

8.

Къ ногамъ невѣсты, въ нетерпѣнни,
 Спишитъ вѣнчанный царь-женихъ.
 И въ этотъ лучший жизни мигъ
 Забыты всѣ его сомнѣнья,
 Всѣ муки ревности глухой,
 Когда, въ разлукѣ годовой,
 Онъ ждалъ напрасно милой встрѣчи;
 Забыть и образъ молодой,
 И слезы, и святныя рѣчи
 Далекой Ксеніи его!
 Теперь онъ жаждетъ одного —
 Назвать своей на вѣки ту,
 Кого любилъ онъ, какъ мечту
 Еще невѣдомаго счастья,
 Чей образъ, полный сладострастья,
 Чей взоръ, какъ пламя огневой,
 Владѣли силой роковой.
 И вотъ, въ невѣдомой тревогѣ,
 Стоитъ онъ долго на порогѣ,

И робость прежняя опять
 Успѣла сердце ему сжать.
 Она!.. она!.. Еще мгновенье—
 И онъ у ногъ ея. Волненье
 Ему мѣшаетъ говорить;
 Онъ можетъ лишь одно твердить:
 «Моя Марина!» Но, прями,
 Горда, загадочно нѣма,
 Она порывъ оледѣнила
 И снова ласки отстранила,
 Какъ въ ту таинственную ночь,
 Когда, не въ силахъ превозмочь,
 Страданья адскія любви,
 Онъ ей признанія свои
 При яркихъ звѣздахъ повѣрять,
 И бредилъ вслухъ, и цѣловалъ,
 Припавъ къ ногамъ, одежды край.
 Онъ всталъ. — «Марина!.. отвѣчай!..
 «За что, за что немилость эта?
 «Ты медлишь... не даешь отвѣта...
 «Не заслужилъ я?.. Все, что могъ,
 «Я все исполнилъ! Богъ помогъ
 «И тронъ, и царство мнѣ добыть, —
 «Все для тебя!.. О, такъ любить
 «Никто не можетъ! Цѣлый годъ
 «Я ждалъ свиданія, и вотъ
 «Чего дождался!..»

— «Царь, я тоже

«Свое исполнила: я здѣсь,
 «У васъ, въ Московіи. Чего-жь
 «Еще хотите?» Что за спѣсь,
 Что за холодность прозвучала
 Въ ея словахъ! Она играла,
 Какъ прежде, сердцемъ... или она
 Измѣнной такъ уязвлена?..
 — «Марина! молвилъ ей онъ вновь:—
 «Я такъ люблю васъ! На любовь
 «Я жду отвѣта... вы моя!»
 — «О, нѣтъ еще, не ваша я!
 «Не ваша, царь!.. На эти ласки
 «Еще отвѣтить мнѣ нельзя.
 «Что я предъ вами?.. Санъ вашъ царскій

«Недосыгаемъ для меня,
 «И я боюсь... боюсь... какъ знать...
 «Сегодня я, а тамъ другая...
 «Вѣдь было ужь!...»

— «О, дорогая,

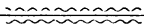
«За что напрасно упрекать?!
 «Я не любилъ другихъ. Одну,
 «Одну люблю—мою жену,
 «Мою царицу!...»

— «Царь, жена—

«Царица васъ любить съумѣетъ;
 «Но я... я въ чувствахъ не вольна,
 «Я не царица...» И головкой
 Предъ нимъ склонилася она,
 Закончивъ хитрую уловкой
 Давно обдуманную рѣчь.
 Она успѣла въ немъ разжечь
 Таковую бурю петерпѣнья,
 Что онъ, въ минуту увлеченья,
 Готовъ былъ все ей, все отдать,
 Чтобъ только слово услышать,
 Одно лишь слово утѣшенья.
 И на колѣняхъ передъ ней
 Влюбленный царь всея Руси
 Клялся державою своею:
 — «Все царство у меня проси,
 «Всю жизнь мою,—я все отдамъ!
 «Я на невѣсту возложу
 «Вѣнецъ царицы. Я докажу,
 «Какъ я люблю! Къ твоимъ ногамъ
 «Я брошу все!...» — «О, царь, межъ нами,—
 Она шепнула,—только тронъ.
 «Я васъ люблю!...» Забылся онъ,
 И жадно жаркими устами
 Прильнулъ къ устами, но, какъ волна,
 Въ тотъ мигъ отпрыгнула она.

Свершилось!.. Шапка Мономаха,
 Вѣнецъ наслѣдственный царей,
 По волѣ бѣглаго монаха,
 Сдавила тяжестью своею,

Надъ бѣлой свадебной фатой,
Чело шляхтянки молодой.
Свершилось!.. Мрачный сводъ собора
Дрожить отъ свадебнаго хора,
Отъ многолѣтя. Близъ царя,
Какъ небо звѣздное горя,
Сидитъ московская царица
(Не православная дѣвица!),
Позоря святость алтаря
И возбуждая гласъ народный
Гремѣть, какъ Божій гласъ свободный,
Какъ звонъ набата вѣчевой,
Надъ вѣнценосной головой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Царица.

1.

Пируетъ царь съ своей царицей
Во вновь отстроенныхъ дворцахъ.
Что день, то праздникъ. И въ столицѣ,
Еще впервые при царяхъ,
Свободно дышется вездѣ.
Но Русь не жалуется свободу,
Порядокъ по сердцу народу,
Онъ твердость требуетъ въ вождѣ.
Отъ развлеченій чужестранныхъ
Въ испугѣ люди. «Огнь небесъ
Какъ не сойдетъ на окаянныхъ!
Не царь съ царицей, ровно бѣсъ
Свой шабашъ съ вѣдьмою справляетъ!»
Промежъ себя народъ болтаетъ,
Пока державный молодой,
Не вѣря слухамъ роковымъ,
Справляетъ мѣсяцъ медовой.
Межъ тѣмъ враги его надъ нимъ
Произносили приговоръ.
Князь Шуйскій, помня свой позоръ
На Лобной площади, когда
Надъ нимъ палачъ держалъ топоръ,
И онъ, сѣдая борода,
Древнѣйшій князь, былъ имъ прощень,—
Имъ, этимъ призракомъ царя,—
Князь Шуйскій, местию горя,
Назначилъ страшный день расправы.
Межъ тѣмъ готовились забавы,—
Турниръ, сраженье, маскарады;
Валы копая и канавы,
Народъ ропталъ, а Шуйскій радъ:

Его клеветы разжигали
Негодование во всѣхъ,
И слухъ вездѣ распространяли,
Что рядъ воинственныхъ потѣхъ.
Коварный замыселъ тайтъ:
«Царь разстрѣлять бояръ велить,
«Чтобъ, моль, никто не могъ вступаться
«За бѣдный людъ и за Москву.
«Онъ вишь бояръ однихъ боится,
«А ихъ не будетъ—онъ Литву
«Въ чины боярскіе поставитъ,
«И вѣру римскую заставитъ
«Принять насильно». Такъ болталъ
Народъ вездѣ; ужъ были драки,
Никто обиды не спускалъ,
И уstraшенные поляки
Взывали къ помощи царя;
А онъ смѣялся, говоря:
—«Какіе трусы, погляжу!
«Иль вы не знаете, что я
«Всю власть въ рукахъ своихъ держу?
«Я не боюсь!» Феномень вѣка,
Одною волей человѣка,
Съумѣвшій тронъ завоевать,
Онъ вѣрилъ въ тайный ходъ судьбы
И не хотѣлъ предполагать,
Чтобъ безсловесные рабы
Могли разбить его мечты.
Онъ дѣтской мыслью задавался
Развитье вольное привить
Одною силой убѣжденья,
И плѣснь вѣговъ искоренить.
Какая юность убѣжденья
Какой безумный дѣтскій бредъ!
Съ тѣхъ поръ смѣнялись поколѣнья
За поколѣнья. Сто лѣтъ
Прошли, какъ сонъ, а между тѣмъ
Великій Петръ не могъ ничѣмъ,
Какъ грозной палицей своей,
Спасти людей своей страны
Изъ плѣна ржавленныхъ цѣпей
Закоренѣлой старины.

II.

Полночь, а можетъ быть и больше,
 Но въ залахъ новаго дворца
 Звучить веселье безъ конца.
 Тамъ балъ, и все, какъ будто въ Польшѣ,
 Отдѣлка комнатъ, все вполне:
 Пестрѣтъ зала вся въ огнѣ,
 Узоромъ тканей и ковровъ,
 Рѣзьбой высокихъ потолоковъ
 И артистической отдѣлкой
 Печныхъ зеленыхъ изразцовъ,
 Съ рѣшеткой вычурной и мелкой
 Изъ серебра. Димитрій самъ
 Примѣръ даетъ своимъ гостямъ,
 И въ польскомъ аломъ жупанѣ
 Съ своей Мариною танцуетъ.
 Осмолевскій тутъ же въ сторонѣ
 За ней слѣдить, но не ревнуетъ.
 Онъ знаетъ, для него она
 На высоту вознесена
 Такою, что свѣтило дня,
 Въ лучахъ безсмертнаго огня,
 Одно равняться можетъ съ ней.
 Но съ этихъ поръ еще полнѣй
 Онъ отдавался своему
 Недосыгаемому чувству.
 Она казалась ему
 Богиней, феей! Такъ искусству
 Всецѣло преданный поэтъ,
 Любовью чистою согрѣтъ,
 Такъ, весь въ эстетикѣ, художникъ
 Влюбленъ въ богиню красоты,
 И ей лишь молится, безбожникъ,
 Фанатикъ дѣвственной мечты!
 Марина счастлива: она
 Царя вѣнчанная жена,
 Царемъ играетъ своенравно.
 Чего жъ еще! Забытъ Самборъ,
 Забытъ и Корецкій, чей взоръ

Ее преслѣдовалъ недавно.
 Гдѣ онъ? Богъ вѣдаетъ! Что въ томъ!
 Не время думать ей о немъ.
 Никто не зналъ, куда онъ скрылся!
 Быть можетъ онъ въ тоскѣ зарылся
 Въ монастырѣ, или, скорѣй,
 Громаду переплывъ морей,
 На полушаріи другомъ
 Обрѣлъ и родину, и домъ,
 А можетъ быть и смерть нашель.
 Что ей за дѣло! Вѣдь престолъ
 Ей замѣнилъ любовь и счастье;
 И то сердечное участие,
 Которымъ нѣкогда она
 Была на мигъ увлечена,—
 Смѣнило гордое безстрашье!
 Ей хорошо!..

Въ тотъ самый часъ,
 Въ хоромахъ Шуйскаго велась
 Игра другая. Вкругъ стола
 Сидѣли старые бояре
 За круговой; въ полуугарѣ,
 Вольнѣе тутъ бесѣда шла;
 Вѣдь все свои: кого бояться!
 Вдоль стѣнъ почтительно тѣснятся
 Поближе—гости и купцы,
 Подальше—челядь и стрѣльцы.
 Василий Шуйскій рѣчь ведетъ,
 Такъ мягко, вкрадчиво, поетъ,
 Не говорить:—«Не я-ль, князя,
 «Не я-ль, бояре и друзья,
 «Все люди русскіе, не я-ль
 «Во всеуслышанье твердилъ,
 «Что онъ не царь! Мнѣ было жаль
 «Родной земли... не измѣнилъ
 «Я и тогда, когда топоръ
 «Надъ головой моей висѣлъ!
 «Народъ и слушать не хотѣлъ!
 «Не поддержалъ меня! Съ тѣхъ поръ
 «Вы убѣдились, что онъ воръ,
 «Разстрига, польскій еретикъ!
 «Да мало-ль на него улыбъ!

«Внчавшись въ церкви освященной,
 «На иноземѣхъ некрещенной,
 «Онъ нашу вѣру осквернилъ,
 «Казну полякамъ раздарилъ,
 «И насъ предасть имъ! Ужь и то
 «Они надъ нами господа!
 «Чего же ждать?.. Чего?.. Почто
 «Терпѣть-то будемъ мы года?
 «Не лучше-ль разомъ навсегда
 «Покончить дѣло, до конца!
 «Пропала Русь, коль деревцо
 «Тотчасъ не срубимъ мы... Оно
 «Взростетъ до самыхъ до небесъ,
 «И развѣтвится въ темный лѣсъ,
 «И насъ раздавить. Намъ одно
 «Осталось нынѣ,—иль пропасть,
 «Иль вырвать съ корнями напасть,
 «Не то и дѣтки наши малы
 «Отцу небесному на насъ
 «Жалиться будутъ! Чтожь, заразъ
 «Идемъ, чтоль, други! Я пожалуй
 «Готовъ за вѣру и народъ,
 «Какъ предводитель вашъ, впередъ
 «Идти на вора!..» Дружный крикъ
 Отвѣтилъ на призывный кликъ
 Вождя измѣны...—«Да, идемъ!
 «Веди насъ, князь! Мы Русь спасемъ!»
 И такъ за чаркой пьяной браги
 Померкла яркая звѣзда
 Самодержавнаго бродяги
 И закатилась навсегда.
 Другой искатель царской власти
 Въ ту ночь прокладывалъ себѣ
 Дорогу къ царству... Такъ, въ борьбѣ
 Враждебныхъ партій, часто страсти
 И цѣли тайныя вождей
 Прикрыты лозунгомъ идей!

3.

Прошло два дня—условный срокъ,
 Заря полоской кровавой
 Слегка окрасила востокъ,
 Вдругъ дрогнулъ колоколь, другой,
 И третій, и за ними всѣ,—
 И какъ ужасный дикій вой
 Волковъ голодныхъ, какъ въ грозѣ
 Раскаты тучи громовой,
 Какъ ревъ испуганнаго льва,
 Набата голосъ роковой
 Забилъ тревогу. Вся Москва
 Въ одно мгновеніе проснулась,
 Какъ ошалѣлая метнулась,
 Ища условленныхъ крестовъ,
 И съ крикомъ: «бей Литву!» рванулась
 Въ ворота мѣченныхъ домовъ.
 Еще поляки не очнулись,
 Какъ вдругъ широко распахнулись
 Ворота Спасскія... Съ крестомъ
 Въ одной рукѣ, въ другой съ мечемъ,
 Въ блестящихъ латахъ, какъ въ огнѣ,
 Архистратигомъ на конѣ,
 Явился Шуйскій. Онъ рукой,
 Въ которой мечъ блеснулъ какъ пламя,
 Махнулъ на Кремль, и крестъ, какъ знамя,
 Поднявъ высоко надъ толпой,
 Пустилъ воя.

Въ Кремлѣ межъ тѣмъ,
 Въ опочивальнѣ, близъ Марины,
 На мягкомъ бархатѣ перины,
 Не растревоженный ничѣмъ
 Димитрій спалъ; передъ зарей,
 Успѣлъ недавно онъ вздремнуть.
 Всю ночь опять былъ пиръ горой,
 Послѣдній пиръ!.. Спокойно грудь
 Его дышала; на губахъ
 Горѣлъ послѣдній поцѣлуй.
 Еще въ глубокомъ, сладкомъ снѣ
 Всѣ звуки, грозные извѣй,

Неясно, словно ропотъ струй,
 Едва до слуха доносились;
 Но вдругъ уста его сѣрвились,
 Онъ заметался... Дикій стонъ
 Марину чуть не разбудилъ,
 И онъ, встревоженный, вскочилъ.
 — «Что это? Что? Набата звонъ?»
 Онъ не ослышался! Надѣвъ
 Что ни попало, онъ бѣжитъ
 Къ дверямъ, гдѣ мечниѣ сторожить,
 Но нѣтъ его. Похолодѣвъ
 И растерявшись, бѣдный царь
 Вбѣгаетъ въ сѣни:— «Что такое?»
 — «Пожаръ должно быть, государь!
 «Москва горитъ!» — «Нѣтъ, нѣтъ, другое...
 «Другое что-то», и къ окну
 Онъ самъ подходит: копій лѣсъ
 Блеснулъ въ глаза... — «Конецъ! Жѣну,
 Марину, надобно спасти!»
 Онъ къ ней бѣжитъ, но на пути,
 Басмановъ, блѣдный какъ мертвецъ,
 Къ нему кидается.— «Конецъ!
 «Конецъ! Ахти, мой царь, ахти!
 «Ты мнѣ не вѣрилъ, а теперь
 «Мы всё пропали!» Вдругъ, какъ звѣрь,
 Влетѣлъ въ растворенную дверь
 Одинъ изъ бѣшеной толпы.
 — «Ну, царь безвременный, гдѣ ты?
 Проспался, что-ль?» Однимъ ударомъ
 Его Басмановъ уложилъ.
 Но вслѣдъ за нимъ народъ валилъ,
 И пьяный бѣшенымъ угаромъ
 Разбушевавшихся страстей,
 Ломился въ сѣни. Изъ дверей,
 Махая длиннымъ бердышемъ,
 Димитрій крикнулъ:— «Не Борисъ,
 «Я вамъ дался!» Но раздались
 Въ то время выстрѣлы по немъ.
 — «Побойтесь Бога!» завопилъ
 Съ крыльца Басмановъ; онъ просилъ
 Бояръ и думныхъ всѣхъ людей
 Толпу примѣромъ усмирить

И удалиться; говорить
 Ему не дали.— «Ну, злодѣй»,
 Вскричалъ, кидаясь на него,
 Съ ножомъ Татищевъ, тотъ, кого,
 Онъ спасъ отъ ссылки,— «ну, съ тобой,
 «Расправлюсь я... иди-ка въ адъ,
 «Съ твоимъ царемъ!» И вмигъ толпой
 Онъ сброшенъ внизъ. Внутри палатъ
 Димитрій скрылся... стража вся
 Ужь перебита... голоса,
 Рыча, ломая дверь за дверью,
 Толпа за нимъ бѣжала вслѣдъ.
 — «Зачѣмъ поддался я довѣрью?»
 Онъ бредилъ вслухъ.— «Спасенья нѣтъ!»
 «Марина! Съ ней проститься надо!
 «Въ окно, что-ль, крикнуть?.. Сердце!.. Зрада!..» ¹⁾
 Тотъ страшный, тотъ предсмертный крикъ
 Ужь до Марины не достигъ.
 Давно разбужена набатомъ,
 Стрѣльбою, криками, всѣмъ адомъ,
 Что носить имя мятежа,—
 Она, отъ ужаса дрожа,
 Сбѣжала внизъ. На встрѣчу ей
 Толпа разнузданныхъ звѣрей
 Бѣжала мимо, и ее
 Столкнула съ лѣстницы. Всочивъ,
 Она вернулась. Еле живъ,
 Полуизрубленный Осмольскій
 Едва держался у дверей
 Одинъ на всѣхъ. «Змѣенышъ польскій!..
 «Руби! Руби его!» при ней
 Живое мясо искромсали...

4.

Межъ тѣмъ Димитрія съискали.
 Спасаясь, онъ прыгнулъ въ окно
 И весь расшибся... все равно,

Ему погибнуть суждено!
 Онъ мать зоветъ... онъ помириться
 Не хочетъ съ правдой...—«Что же мать?»
 —«Да, слышь, не хочетъ его знать!»
 —«Винится, что-ль, злодѣй?»—«Винится!»
 За разъ два выстрѣла... конецъ!
 Нѣтъ, нѣтъ еще! вѣдь и мертвецъ
 Ожить съумѣеть!.. и влекутъ
 Распухшій трупъ за волоса
 На площадь... крови полоса
 За нимъ течеть; его сѣкутъ
 Ножами острыми; на столъ
 Въ аршинъ длиной его владуть.
 —«На колъ его!.. на колъ!.. на колъ!»
 Реветь толпа. Но кто-то маску
 Нашель въ покояхъ у него.
 — «Давай сюда!.. Еще чего?..
 «А дудку въ ротъ!» «Дуду! вѣдь пляску
 «Любилъ небось!»—Ведуть и мать.
 —«Ну говори: твой сынъ иль нѣтъ?»
 Но былъ загадоченъ отвѣтъ:
 —«Теперь не мой! тогда бы звать,
 «Какъ былъ онъ живъ!»

Трещить костеръ,

И жгутъ его, но онъ хитеръ,
 Хитеръ волшебникъ,—не горить!
 И трупъ изъ пламя вынимаютъ
 Вторично бросили... совсѣмъ
 Теперь конецъ! Сгорѣлъ до тла...
 Но это что еще? зачѣмъ
 Собрали пепелъ?.. иль зола
 Воскреснуть можетъ?.. набиваютъ
 Золою пушку... заряжаютъ—
 «Пали!!! Теперь ужъ не придетъ».
 Какъ знать!—вѣдь имя не умереть!

5.

Подъ стражей, бывшая царица,
 Какъ въ клеткѣ дикая орлица,
 Въ безсилы бьется, въ головѣ,

Еще тяжелой отъ похмѣлья
 Величья, счастья, веселья,
 Хаосъ какой-то!—Въ торжествѣ
 Минутной власти окупившись,
 Она не вѣрила, очнувшись,
 Что все потеряно... но вдругъ,
 Припоминая все, испугъ
 Въ ея чертахъ изображался,
 И бредъ ужасный начинался,
 Съ галлюцинаціей... опять
 И лужи крови, и куски,
 Лохмотья мяса!.. Отъ тоски
 Она бросалась на кровать,
 Заснуть старалась... гдѣ тутъ спать?
 О, что за адъ!—отецъ не могъ,
 Не смѣлъ утѣшить! только Богъ
 Помочь ей можетъ, но молится
 Ей не хотѣлось... Умереть?
 О, тоже нѣтъ! но и ужиться
 Съ такою жизнью какъ? стереть
 Все то, что было? лучше ей
 Сойти съ ума... вообразить
 Себя царицей... Если-бъ такъ,
 О, если-бъ мысли полный мракъ
 Могъ бѣдный черепъ успокоить!
 О, если-бъ нравственный обманъ,
 Какъ изцѣленіе отъ ранъ,
 Могъ чуткій мозгъ ея разстроить!
 Но умъ ничѣмъ не омраченъ,
 Онъ на сознанье обреченъ!
 А между тѣмъ, горда, надменна,
 Она осталась неизмѣнно
 Въ глазахъ другихъ,—«Царица я»
 Она твердила,—«и царицей
 «Всегда останусь... жизнь моя
 «Еще не кончена... сторицей,
 «Когда нибудь и я воздамъ,
 «За все, за все, своимъ врагамъ!»
 И въ Ярославль, гдѣ она,
 Была съ отцемъ заключена,
 Она Москву не забывала,
 Себя царицею считала,

И дня возмездія ждала.
И вотъ надежда ожила:
Къ ней слухи глухо доходили,
Что Дмитрій живъ, они будили
Въ ней безконечныя мечты—
Восторгъ тщеславной суеты.
Что ей свобода безъ величя!
Не ей, съ ничтожествомъ безличья,
Ужиться въ серомной тишинѣ,
Какъ вѣчно ропщущей волнѣ
Въ морской не смолкнуть глубинѣ.

Александра Львова.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вступленіе М. Н. Муравьева въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ.—Знакомство съ краемъ.—Главныя начала дѣятельности.—Западный комитетъ.—Православное духовенство.—Крестьянское дѣло.—Старообрядцы.—Русскіе чиновники.—Процентный сборъ.—Учебное дѣло.—Подавленіе мятежнаго духа.—Польскій катихизисъ.

Вступая при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ, М. Н. Муравьевъ, какъ выше сказано, было хорошо знакомъ съ условіями быта и съ характеромъ туземнаго населенія, еще по прежней своей службѣ въ этомъ краѣ въ должностяхъ вице-губернатора и губернатора. Обладая при этомъ несомнѣннымъ умомъ, онъ долговременною своею службою приобрѣлъ навыкъ понимать людей и, сверхъ того, хорошо зналъ, на кого изъ высшихъ сановниковъ ему можно было рассчитывать и отъ кого можно встрѣтить противодѣйствіе. Графъ Д. Н. Блудовъ, князь П. П. Гагаринъ, К. П. Чевкинъ, Дмитрій и Николай Алексѣевичи Милютины, А. А. Зеленый относились, во все время управленія краемъ, весьма сочувственно къ дѣятельности М. Н. Муравьева и тѣмъ много содѣйствовали къ упроченію торжества русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ; имена ихъ не забудетъ русская исторія, и вмѣстѣ съ именами М. Н. Муравьева, митрополита Іосифа Сѣмашко, униатскаго митрополита Ираклія Лисовскаго, бѣлорускаго епископа Георгія Конисскаго, игумена Мотрененскаго монастыря Мельхисе-

дека Яворскаго, гетмановъ казацкихъ Богдана Хмѣльницкаго и Конашевича-Сагайдачнаго, князя К. К. Острожскаго и другихъ представителей русско-народной силы, западно-русскій народъ почтить благодарнымъ воспоминаніемъ.

Для М. Н. Муравьева, несочувствовавшаго либерально-канцелярскому направленію, было ясно: 1) что рассчитывать на расположеніе и преданность поляковъ въ Западномъ краѣ — есть преступное заблужденіе предъ Россіей; 2) что поляки, не измѣнивъ своимъ вѣковымъ преданіямъ, не могутъ сочувствовать торжеству русской народной силы въ краѣ, 3) что все латинское шляхетство въ Сѣверо-Западномъ краѣ причисляетъ себя, по обычаямъ, языку и притязаніямъ, къ польщизнѣ и тѣмъ добровольно ставитъ себя въ исключительное положеніе; 4) что необходимо бороться съ латино-шляхетскою силою, опираясь на народно-русскую силу; 5) что по исторически сложившимся условіямъ жизни въ Сѣверо-Западномъ краѣ, все, что не принадлежитъ къ народно-русской силѣ, то враждебно русской власти, а потому исполнителями видовъ правительства по торжеству русскаго дѣла могутъ быть только лица, несвязанныя никакими отношеніями съ латино-шляхетствомъ; 6) что только народъ, перевоспитанный на русскихъ началахъ, представляетъ надежную и крѣпкую туземную силу, и 7) что только рядъ рѣшительныхъ и послѣдовательныхъ мѣръ, безъ всякихъ послабленій и колебаній, могутъ очистить край отъ насильственно-навязаннаго ему внѣшняго польскаго вида.

Всѣ эти главныя начала М. Н. Муравьевъ, въ обстоятельномъ изложеніи, представилъ на разсмотрѣніе существовавшаго тогда, подъ предсѣдательствомъ (извѣстнаго сподвижника по уніатскому дѣлу митрополита Іосифа Сѣмашки) графа Д. Н. Блудова, западнаго комитета, въ которомъ, по смерти графа Блудова, предсѣдательствовалъ князь П. П. Гагаринъ, очень сочувствовавшій русскому дѣлу.

Высочайше утвержденныя положенія западнаго комитета послужили основаніями для послѣдующей дѣятельности по устройству Сѣверо-Западнаго края на народно-русскихъ началахъ.

Прежде всего въ Вильнѣ М. Н. Муравьевъ счелъ нужнымъ опереться на народно-русскую силу въ краѣ, и вмѣстѣ съ нею вступить въ борьбу съ латино-шляхетскою силою. Благодаря положенію 19 февраля 1861 года, по этому пути М. Н. Муравьевъ могъ идти далѣе прежнихъ дѣятелей народно-русскаго дѣла въ западной Руси, такъ какъ этимъ великимъ положеніемъ западно-русскій народъ былъ призванъ къ новой жизни, а латино-шля-

хетской силѣ былъ нанесенъ тяжкій ударъ, припоминая при этомъ заявленія депутатовъ на польскомъ сеймѣ, выработывавшемъ конституцію 3 мая 1791 года, «что шляхетство не можетъ жить безъ хлопства и погибнетъ при малѣйшей волѣ хлопства».

Не смотря на открытый мятежъ, положеніе 19 февраля 1861 г. дѣятельно приводилось въ дѣйствіе, но уже не мѣстными мировыми посредниками, а русскими людьми, вызванными изъ внутреннихъ областей для занятія всѣхъ должностей по крестьянскимъ учрежденіямъ,—людьми, въ большинствѣ глубоко проникнутыми значеніемъ великой, возложенной на нихъ задачи. Немедленно были прекращены всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, и обязательный выкупъ, при содѣйствіи правительства, былъ распространенъ на весь Сѣверо-Западный край. Запутанность взаимныхъ отношеній не замедлила обнаружиться. По смыслу мѣстнаго положенія 19 февраля 1861 г., крестьянамъ надлежало предоставить въ надѣлъ все то количество земли, которое въ то время находилось въ ихъ дѣйствительномъ пользованіи. При участковомъ надѣлѣ приходилось опредѣлять и возстановлять права крестьянъ на землю, обезземеленныхъ помѣщиками послѣ введенія инвентарнаго положенія. Вопросы о пастбищахъ и вообще о сервитутахъ, а также о вольныхъ сѣмщикахъ земельныхъ участковъ еще болѣе усложняли дѣло. Почти одновременно съ устройствомъ быта помѣщичьихъ крестьянъ, было приступлено къ устройству быта и государственныхъ крестьянъ, чрезъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ; но на этотъ разъ всѣ чиновники были исключительно русскіе, и имъ приходилось много сдѣлать для исправленія работъ прежней люстраціи, состоявшей, какъ было сказано, изъ польскихъ чиновниковъ. Кромѣ крестьянъ, М. Н. Муравьевъ обратилъ вниманіе и на другихъ представителей народно-русской силы, а именно, на православное духовенство и мѣстныхъ старовѣровъ. Зная, что до сего времени православное духовенство было единственнымъ представителемъ русско-народной силы въ Сѣверо-Западномъ краѣ, что оно долго страдало съ народомъ и жило его жизнью, М. Н. Муравьевъ считалъ необходимымъ принять мѣры для обезпеченія быта этого духовенства, по предоставленію ему лучшихъ земельныхъ надѣловъ и особыхъ оброчныхъ статей, въ видѣ мельницъ, рыболовствъ и т. п.

Православные храмы, по своему убожеству, не могли не обратить вниманія главнаго начальника края. Были найдены

средства для ихъ возстановленія и возобновленія. Православная святыня являлась впервые, послѣ долгаго времени бѣдствій и гоненій, въ своемъ торжественномъ великолѣпнн и явственно говорила народу о воскресеніи православно-русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Не были забыты и старовѣры, болѣе другихъ сохранившіе неприкосновенно свою самобытность и народность, и лишь одни преслѣдуемые въ Россіи за свои религиозныя убѣжденія, вопреки всеобщей вѣротерпимости нашего законодательства, положенной въ наказѣ Екатерины II. Несомнѣнно, что старовѣры оказали большія услуги русской власти въ подавленіи открытаго мятежа. Какъ въ юго-западной Руси малороссы, потомки днѣпровскихъ казаковъ и гайдамаковъ, такъ здѣсь старовѣры, потомки выходцевъ изъ восточной Руси, скоро управились съ мятежною шляхтою, перевязавъ и представивъ русскому начальству мятежниковъ, причемъ, конечно, бывали случаи представленія и лицъ неувличенныхъ въ мятежѣ, которыя и были освобождаемы по разслѣдованію обстоятельствъ дѣла. Нѣкоторые старовѣры были награждены за услуги, оказанныя по усмиренію мятежа, другіе были надѣлены казенными землями или участками, оставшимся свободными отъ высылки изъ края неблагонадежныхъ семействъ для водворенія въ отдаленныхъ областяхъ. Всѣ преслѣдованія старовѣровъ за вѣру были оставлены и они могли надѣяться на признаніе за ними общихъ гражданскихъ правъ.

Можно сказать утвердительно, что въ предѣлахъ осѣлости старовѣровъ мятежъ былъ потушенъ очень скоро.

Подобной услуги не могъ оказать забытый литовско-русскій народъ. Образованные изъ него сельскіе караулы по большей части боялись своихъ вѣковыхъ притѣснителей и не дерзали дѣйствовать, какъ малороссы и старовѣры. И нельзя ставить этого въ упрекъ несчастному народу, столь много и долго страдавшему даже подъ русскимъ владычествомъ. Не недостатокъ желанія, а вѣковая приниженность была причиною ихъ слабости и даже трусости. Неизвѣстность и неувѣренность въ будущемъ не мало способствовали ихъ, кажущемуся поверхностному наблюдателю, равнодушію.

Принятое старовѣрами положеніе навлекло на нихъ неудовольствіе пановъ помѣщиковъ, которые начали всѣми средствами стараться вытѣснять ихъ съ арендуемыхъ земель. Но М. Н. Муравьевъ не замедлилъ сдѣлать распоряженіе, по которому, впредь до разсмотрѣнія законодательнымъ путемъ вопроса объ отношеніяхъ старовѣровъ къ помѣщикамъ по арендѣ, воспре-

шалось возвышать наемную плату болѣе 3 р. сер. за десятину (дѣны высокой въ то время), а всѣ споры по арендѣ старовѣровъ разбирать въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Распоряженіе это оградило старовѣровъ отъ произвольныхъ обидъ пановъ и дало имъ возможность оставаться на своихъ насиженныхъ мѣстахъ.

Кромѣ того было сдѣлано распоряженіе, по которому вольные сѣемщики небольшихъ земельныхъ участковъ у помѣщиковъ обязательно были оставлены на своихъ участкахъ впредь на 12 лѣтъ, чтобы избѣжать увеличенія бездомнаго и готоваго на всѣ безпорядки бродячаго населенія. Эти вольные сѣемщики по большей части были отпущенные на волю помѣщиками крѣпостные люди, для присоединенія ихъ коренныхъ земельныхъ участковъ къ своимъ помѣщичьимъ угодьямъ. Подобнымъ вольнымъ людямъ иногда свои же бывшіе помѣщики, а чаще другіе, охотно давали уже на правахъ арендаторовъ пустыри или насады, а потому число вольныхъ людей-сѣемщиковъ было значительнѣе тамъ, гдѣ не было старовѣровъ. Но въ числѣ вольныхъ сѣемщиковъ попадались и польскіе шляхтичи, а иногда и вновь созданные для дѣлей темной силы дворяне.

Между тѣмъ, по мѣрѣ прибытія вызванныхъ изъ внутреннихъ русскихъ областей чиновниковъ, неблагонадежные польскіе чиновники въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ должны были уступать имъ свои мѣста. Хотя всѣмъ русскимъ чиновникамъ и была сдѣлана прибавка 50% къ опредѣленному по должностямъ содержанію, по тѣмъ не менѣе составъ новыхъ чиновниковъ во всемъ бюрократическомъ строѣ существовавшихъ въ краѣ учреждений, къ сожалѣнію, при спѣшности выбора, нельзя было признать удовлетворительнымъ и эти чиновники—продукты канцеляризма и сутяжничества, принесли съ собою и нашли въ краѣ благодарную почву для разныхъ стяжаній и стремленій, имѣвшихъ мало общаго съ видами русской власти. Прежніе чиновники, уволенные отъ службы, по большей части остались служить въ тѣхъ же учрежденіяхъ на низшихъ должностяхъ по вольному найму и сдѣлались, такъ сказать, руководителями русскихъ чиновниковъ во всѣхъ темныхъ дѣлахъ. Сдѣлалось для всѣхъ яснымъ, что бюрократическія учреждения, заимствованныя у просвѣщенной Европы и причинившія столь много золь въ Великой Россіи, здѣсь еще болѣе и еще настоятельнѣе требовали кореннаго обновленія не только личнаго состава, но и самихъ учреждений на другихъ началахъ.

По этимъ причинамъ М. Н. Муравьевъ не могъ расчисти-

вать на пополненные русскими чиновниками учрежденія и потому, на ряду съ ними, поставилъ особое военно-гражданское управленіе, на которое и возложилъ обязанность борьбы съ латино-шляхетскою силою, такъ глубоко пустившею здѣсь корни. Были назначены военные губернаторы, уѣздные и участковые начальники изъ военныхъ, съ предоставленіемъ имъ большихъ правъ, хорошаго содержанія, но со строгою отвѣтственностью. По «Сборнику распоряженій графа М. Н. Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ», (напечатанному въ Вильнѣ, нынѣ библиографическая рѣдкость), можно видѣть, съ какою точностью и ясностью опредѣлены обязанности всѣхъ и каждаго.

Для необходимыхъ расходовъ по устройству края, всѣ безъ исключенія помѣщики, не исключая и русскихъ, были обложены процентнымъ сборомъ, такъ какъ для всѣхъ было настоятельно необходимо скорѣйшее умиротвореніе края и упроченіе въ немъ твердой русской власти. Изъ этого источника покрывались всѣ расходы по обновленію православныхъ храмовъ, по добавочному содержанію русскихъ чиновниковъ, по устройству русскихъ поселеній и вообще всѣ расходы, вызванные исключительнымъ положеніемъ края, потрясеннаго мятежемъ.

Подъ ближайшимъ и непосредственнымъ руководствомъ М. Н. Муравьева, новый попечитель виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ и его достойные сотрудники усердно принялись за устройство гимназій и другихъ учебныхъ заведеній на русскихъ началахъ; возникла необходимость обновленія личнаго состава служащихъ по вѣдомству просвѣщенія и установленія надлежащаго надзора за воспитанниками внѣ учебныхъ заведеній, на ученическихъ квартирахъ. Для освобожденнаго народа быстро открывались, при дѣятельномъ участіи новыхъ мировыхъ посредниковъ, народныя школы; народъ не жалѣлъ своихъ скудныхъ средствъ и труда на сооруженіе помѣщеній для школъ и для обезпеченія народныхъ наставниковъ, по большей части вызванныхъ изъ восточной Руси. Было положено начало подготовленію народныхъ наставниковъ изъ мѣстнаго русскаго сельскаго населенія—учрежденіемъ Молодечьянской учительской семинаріи въ Виленской губерніи. Къ чести мѣстнаго православнаго духовенства нужно сказать, что устроенныя ими еще до 1863 года при церквяхъ школы способствовали скорѣйшему устройству повсемѣстныхъ школъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Нельзя не замѣтить въ этомъ послѣдствіи дѣятельности прежнихъ церковныхъ братствъ, такъ много потрудившихся на пользу народно-русскаго дѣла въ Литовской Руси.

Стремясь къ торжеству русско-народной силы, М. Н. Муравьевъ дѣйствовалъ рѣшительно въ борьбѣ съ явною и тайною латино-шляхетскою силою.

Не смотря на объявленное полное прощеніе тѣмъ, кто къ 1 мая того же 1863 года возвратится съ раскаяніемъ, повстанскія шайки, съ наступленіемъ теплаго времени, стали вездѣ появляться и наводить ужасъ на все населеніе своими жестокостями, какъ бы желая доказать преемственность преданій отъ утѣснителей западно-русскаго народа.

Разсказываютъ, что жена одного богатаго пана католика, русская и православная, представляя М. Н. Муравьеву двухъ своихъ православныхъ сыновей, возвратившихся до 1 мая изъ шайки, просила его отечески ихъ наказать. М. Н. Муравьевъ замѣтилъ ей, что если кого нужно наказать, такъ это мать, такъ дурно воспитавшую своихъ православныхъ сыновей.

Между тѣмъ всѣ помѣщики Сѣверо-Западнаго края во всеподданнѣйшемъ адресѣ, представленномъ въ маѣ 1863 года, отвергали свое участіе въ мятежѣ.

Подъ непосредственнымъ руководствомъ главнаго начальника края, войска наши неутомимо преслѣдовали повстанскія шайки и очищали мѣстность отъ ихъ разбоевъ. Августовская губернія была подчинена виленскому генераль-губернатору, который не замедлил и тамъ принять рѣшительныя мѣры для подавленія открытаго мятежа.

Въ это трудное время положеніе помѣщиковъ было крайне тяжелое: доставляя повстанцамъ необходимые припасы, они подвергались законному наказанію отъ русскихъ властей, а отказывая повстанцамъ и донося объ ихъ пребываніи, они подвергали себя еще большей опасности отъ мятежниковъ. Приходилось помѣщикамъ быть крайне осторожными и осмотрительными въ своихъ дѣйствіяхъ, для избѣжанія и законной кары, и мести подпольнаго ржонда польскаго. Латинское духовенство могло имъ служить въ этомъ дѣлѣ примѣромъ для подражанія.

По указаніямъ М. Н. Муравьева, было сдѣлано много важныхъ разслѣдованій въ самой Вильнѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края. Военно-слѣдственные комисіи, съ своей стороны, открывали нити заговора, узлы котораго находидись внѣ предѣловъ края. Въ Петербургѣ были указаны нѣкоторые главные двигатели тайной польской силы, но большинство успѣло скрыться отъ заслуженной кары. Слѣдствіе по покушенію на жизнь назначеннаго правительствомъ виленскаго губернскаго предводителя дворянства А. Ѳ. Домейко (поляка) повело къ по-

вымъ разоблаченіямъ. Но самая цѣль покушенія осталась не-
 выполнена выясненною. Открытіе извѣстнаго въ то время польскаго
 катохизиса, составленнаго Мѣрославскимъ для подпольной ра-
 боты латино-шляхетской силы, своевременно напечатаннаго,
 уяснило правительству и русскому обществу, на какія средства
 рассчитываетъ враждебная намъ сила, и тѣмъ указало путь для
 успѣшной съ нею борьбы.

По этому пути неуклонно слѣдовалъ М. Н. Муравьевъ во
 все время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, къ сожалѣнію
 весьма непродолжительнаго, и имъ были положены по всѣмъ
 отраслямъ прочныя основанія къ устройству края на народно-
 русскихъ началахъ. Эти основныя начала были заложены такъ
 прочно, что ни важныя ошибки его преемниковъ, ни постоян-
 ная усиленная работа тайнаго противодѣйствія со стороны мѣст-
 ной интеллигенціи, ни другія неблагопріятныя обстоятельства не
 могли до сего времени поколебать великаго значенія этихъ на-
 чаль. Народно-русская сила получила съ того времени въ Сѣверо-
 Западномъ краѣ всѣ необходимыя данныя для дальнѣйшаго сво-
 его развитія въ дружномъ, неразрывномъ единеніи со всѣмъ
 великимъ русскимъ народомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Борьба съ латино-шляхетскою силою. — Принятіе строгихъ мѣръ противъ вѣтшей
 колонизаціи. — Секвестръ и конфискація имущества. — Высылка неблагонадежныхъ
 лицъ на жительство и на водвореніе въ отдаленныхъ областяхъ.

Подавляя открытый мятежь, М. Н. Муравьевъ стремился
 вырвать съ корнемъ значеніе латино-шляхетской силы и тѣмъ
 уничтожить вредную крамолу, давъ возможность туземному на-
 селенію идти по пути мирнаго развитія своего благосостоянія
 на общихъ со всею великою Русью народныхъ началахъ, даро-
 ванныхъ ей великимъ Царемъ-освободителемъ. Въ этой борьбѣ
 требовалось много знанія дѣла, устойчивости и послѣдователь-
 ности, дабы все туземное населеніе проникнулось убѣжденіемъ
 въ рѣшимости правительства не отступать отъ избраннаго имъ
 пути и не возвращаться болѣе никогда къ прежнимъ уступ-
 камъ и колебаніямъ, такъ пагубно отзывавшимся на народъ и
 на уваженіи къ русской власти въ краѣ. Борьба эта была тѣмъ
 труднѣе, что приходилось бороться со всею интеллигенціею края,

во всѣхъ ея видахъ, и, такъ сказать, перевоспитать весь литовско-русскій народъ. Достигнуть положительнаго успѣха въ краѣ, въ которомъ почти всѣ помѣщики, чиновники, все ино-вѣрное духовенство (латинское и реформатское) до того времени принадлежали по духу своему къ враждебной силѣ—очевидно было дѣломъ очень и очень труднымъ. Противопоставить этой силѣ можно было только что освобожденный народъ, старовѣровъ и бѣдное православное духовенство съ церковными братствами. Евреи были, какъ всегда, на сторонѣ сильнѣйшихъ, признаніе ихъ «поляками моисеева закона» не имѣло особаго значенія, когда польская сила была побѣждена. Выше было сказано, что дѣло по устройству быта освобожденныхъ крестьянъ и по отношеніямъ старовѣровъ-съемщиковъ земель къ помѣщикамъ, было поручено надежнымъ русскимъ лицамъ, и что русскія народныя школы отрывались повсемѣстно, подготавливая подростящее поколѣніе къ сознательному служенію русскому дѣлу; ближайшіе же руководители духовной жизни народа, сельскіе православные священники, были болѣе или менѣе обеспечены и, сдѣлавшись вполнѣ независимыми отъ помѣщиковъ, получили нѣкоторое значеніе въ сельской жизни.

Между тѣмъ латино-шляхетская сила, во время своего господства, успѣла придать всему въ краѣ, въ особенности же въ городахъ, внѣшній польскій видъ. Приѣзжему, поверхностному наблюдателю могло казаться, что находишься въ Польшѣ. Русскій языкъ умышленно не хотѣли понимать въ гостинницахъ, лавкахъ, и даже извозчики, одѣтые, какъ въ Варшавѣ, въ особое платье съ краковскою запряжкой. Выѣски и всѣ надписи, счета и т. п. писались исключительно по-польски. Со времени же мятежа, русскіе даже на улицахъ опасались говорить по русски; жалоба (трауръ) по «ойчизнѣ» былъ для всѣхъ обязательенъ. Нарушители распоряженій тайнаго ржонда обливались помоями или разными ѣдкими кислотами. Сборщики «офяръ» (жертвъ) на «ойчизну» безнаказанно требовали со всѣхъ наложенную ржондомъ подать. Кинжалщики поражали жертвы, указываемыя ржондомъ.

На все это обратилъ вниманіе М. Н. Муравьевъ и призналъ нужнымъ принять рѣшительныя и крутыя мѣры для коренныхъ измѣненій.

Пошеніе траура дозволялось только, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, по умершимъ родственникамъ. Польскій театръ былъ замѣненъ русскимъ, съ пособіемъ отъ правительства. Газета «Виленскій Вѣстникъ», издаваемая на деньги учебнаго вѣдом-

ства по-польски, начала издаваться по-русски. Появился ежемѣсячный «Вѣстникъ Западной Россіи», въ коемъ печаталось много полезныхъ свѣдѣній о судьбахъ края. Запрещено было употреблять польскій языкъ въ обращеніяхъ словесныхъ и письменныхъ ко всякому начальству и говорить по-польски во всѣхъ общественныхъ, служебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ, въ ресторанахъ, гостинницахъ, лавкахъ и магазинахъ и т. п. Всѣ счета и торговыя книги надлежало вести по-русски. Ношеніе польской одежды, шапокъ и всякихъ особыхъ знаковъ воспрещалось въ краѣ повсемѣстно. Извозчики обязаны были имѣть упряжь и одежду русскую. Всякія процесіи и богослуженія внѣ костеловъ могли быть совершаемы только съ особаго каждаго разъ разрѣшенія мѣстнаго начальства. Всякія сѣзды въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ воспрещались полякамъ и латинскому духовенству, а для выѣзда въ другой уѣздъ требовалось письменное разрѣшеніе мѣстнаго начальства. Законъ Божій начали преподавать латинянамъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ по-русски. Нѣкоторые латинскіе монастыри, избличенные въ пособничествѣ мятежникамъ, были закрыты, а монахи распределены по другимъ монастырямъ. Большое впечатлѣніе въ краѣ произвело закрытіе на Жмуди Цитовянского, Полавеньскаго и Трашкунскаго монастырей, въ коихъ костелы оставлены приходскими. Но болѣе всего поразило польское общество закрытіе въ Вильнѣ женскаго монастыря, извѣстнаго *Sacré-cœur* (Сердце Иисусово) монахинь визитантокъ, въ которомъ получали самое іезуитско-фанатическое воспитаніе дочери мѣстной знати. Всѣ монахини, по предварительному соглашенію нашего правительства съ французскимъ, были отправлены въ Парижъ въ тамошній монастырь того же ордена. Зданія же монастырскія съ костелами были обращены въ православный (первый въ литовской епархіи) женскій монастырь во имя св. Маріи Магдалины, а монахини были вызваны изъ Москвы. Этому новому монастырю было предоставлено почти все недвижимое имущество упраздненнаго латинскаго монастыря, и нынѣ онъ, благодаря усердію московскихъ монахинь, представляется образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ; въ немъ получаютъ даровое воспитаніе до 60 бѣдныхъ русскихъ дѣвицъ, подготовляемыхъ для должностей наставницъ.

Кромѣ того, другими распоряженіями были строго воспрещены всякія наружныя проявленія по всему краю полонизма во всѣхъ видахъ. За доставленіе мятежникамъ всякихъ припасовъ виновные подвергались строгой отвѣтственности, равно

кабъ и тѣ, которые имъ давали пріютъ. За нарушеніе распоряженій начальства налагались значительныя денежныя пени, при повтореніи значительно усиливаемыя, смотря по состоянію и положенію виновныхъ, и взыскивались немедленно. Виновные-же въ важныхъ противуправительственныхъ дѣйствіяхъ были судимы военными полевыми судами и подвергались отвѣтственности по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ, причемъ, до опредѣленія ихъ виновности, на ихъ имѣнія налагался секвестръ, а затѣмъ имѣнія нѣкоторыхъ конфисковались въ казну. Менѣе виновные высылались въ разныя области Россіи и Сибири, дворяне—на жительство, а лица податныхъ сословій—для водворенія на казенныхъ земляхъ со своими семействами. Немущіе дворяне получали на свое содержаніе пособія отъ казны, а лица, водворяемые на казенныхъ земляхъ, особыя пособія для первоначальнаго обзаведенія. По наложеніи секвестра на имѣнія лицъ, высланныхъ изъ края, имѣнія эти поступали въ казенное управленіе въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ ¹⁾. Участки-же лицъ, высланныхъ съ семействами для водворенія на казенныхъ земляхъ съ пособіемъ отъ казны, были обращены подъ водвореніе старообрядцевъ и вообще лицъ русскаго происхожденія, въ особенности оказавшихъ услуги по усмиренію мятежа. Лица неблагонадежныя были устранены отъ арендованія казенныхъ фермъ, которыя, впредь до ихъ распредѣленія, предписано было отдавать въ аренду исключительно русскимъ людямъ и мѣстнымъ крестьянамъ. По всѣмъ этимъ дѣламъ М. Н. Муравьевъ встрѣчалъ полное содѣйствіе со стороны преемника своего по управленію министерствомъ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленаго; но съ бывшимъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ не было столь полезнаго единодушія, въ особенности по дѣлу высылки изъ края неблагонадежныхъ лицъ, чтд, конечно, очень вредно отразилось на успѣшномъ ходѣ дѣла по очищенію края отъ всегда безпокойнаго населенія мѣстной шляхты. Нѣтъ сомнѣнія, что ближайшіе изслѣдователи дѣла доставятъ болѣе обстоятельныя разъясненія этихъ прискорбныхъ разногласій, когда будетъ

¹⁾ По секвестрованнымъ и конфискованнымъ имѣніямъ было предъявлено много разныхъ долговыхъ претензій, изъ которыхъ признавались подлежащими удовлетворенію только тѣ, которыя несомнѣнно были формально совершены до изданія правилъ 15 марта 1863 года (о секвестрѣ имѣній), а въ удовлетвореніи по сохраннымъ роспискамъ и прочимъ обязательствамъ, о времени выдачи которыхъ не имѣлось точныхъ удостовѣреній, было отказано (высочайше утвержденное 29 ноября 1863 г. положеніе западнаго комитета).

дозволено напечатаніе архивныхъ дѣлъ канцеляріи генералъ-губернатора.

Положенія западнаго комитета по устройству Сѣверо-Западнаго края, къ сожалѣнію необнародованныя, представляютъ много поучительнаго и занимательнаго для изученія, подробно излагая соображенія, на коихъ онѣ были основаны. Такъ, напримеръ, М. Н. Муравьевъ, по дѣлу высылки изъ края, представлялъ о необходимости высылать лицъ неблагонадежныхъ съ семействами съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращать ихъ въ край, доказывая, что политическіе преступники неисправимы, и что наложенное на нихъ наказаніе не можетъ исправить ихъ убѣждений, а только болѣе раздражаетъ ихъ противъ правительства, почему, при возвращеніи на родину, они и ихъ дѣти получаютъ особое значеніе въ средѣ сочувствующаго имъ населенія, имѣя, такъ сказать, на себѣ вѣнецъ мученика за отчизну, и потому могутъ всегда причинять новыя заботы правительству, приводя въ броженіе спокойныхъ жителей. Примѣръ возвращенія ссыльныхъ по мятежу 1831 года ясно подтверждаетъ справедливость этого мнѣнія. Поэтому являлось необходимымъ прочное и удовлетворительное водвореніе на казенныхъ земляхъ высланныхъ семействъ въ отдаленныхъ областяхъ, гдѣ онѣ, забывъ свои политическія мечтанія, по бывшимъ примѣрамъ, дѣлаются полезными земледѣльцами.

Западный комитетъ вполне согласился съ этими соображеніями.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мѣры къ усиленію русскаго землевладѣнія въ Сѣверо-Западномъ краѣ.—Водвореніе русскихъ поселенцевъ.—Надѣленіе государственныхъ крестьянъ землею.—Воспрещеніе евреямъ приобрѣтать земельную собственность въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Одновременно съ высылкою неблагонадежныхъ лицъ, М. Н. Муравьевъ признавалъ необходимымъ, вромѣ поднятія духа и благосостоянія западно-русскаго народа и вообще русскихъ людей въ краѣ, привлечь для постояннаго водворенія образованныхъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ русскихъ людей, и способствовать имъ приобрѣтать здѣсь земельную собственность съ нѣкоторыми льготами и преимуществами.

Другими словами, признавалось необходимымъ усиленіе рус-

скаго землевладѣнія въ краѣ, которое передъ мятежемъ не могло представлять надежной силы для русскаго дѣла, въ особенности же въ губерніяхъ Виленской, Ковенской и Гродненской. Въ этихъ губерніяхъ большинство крупныхъ имѣній, пожалованныхъ русскимъ людямъ Екатериною II, были ими или ихъ наслѣдниками проданы полякамъ, какъ уже было упомянуто выше. Только въ Ковенской области (на Жмуди) огромныя имѣнія, пожалованныя семейству Зубовыхъ, находились еще во владѣніи ихъ наслѣдниковъ: графовъ Зубовыхъ, Нарышкиныхъ, Койсаровой. Много казенныхъ имѣній, какъ было сказано выше (см. главу II), остались окончателно въ незаконномъ владѣніи пановъ. Крупныя русскіе землевладѣльцы, не живя въ краѣ и распоряжаясь своими большими имѣніями чрезъ управляющихъ-поляковъ, не могли имѣть полезнаго вліянія въ мѣстной средѣ, а пріѣзжая въ край, сходились съ польскими панами и особенно благосклонно относились къ латинскому духовенству, имѣвшему всегда наклонность и способность нравиться знатнымъ и вліятельнымъ, но недалекониднымъ людямъ. Польское шляхетство умѣло тоже снискивать расположеніе важныхъ людей. Бѣдное православное духовенство было намѣренно устранима, да оно и не могло-бы имѣть значенія въ глазахъ по-европейски образованныхъ баръ, привыкшихъ презирать все русское.

Средніе, а тѣмъ болѣе мелкіе русскіе землевладѣльцы, силою обстоятельствъ вынужденные жить въ мѣстной средѣ, прониклись шляхетскимъ духомъ, и по многимъ причинамъ, о коихъ нѣтъ надобности распространяться, должны были искать расположенія польскихъ землевладѣльцевъ. Все это указывало на необходимость имѣть новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ, несвязанныхъ никакими отношеніями съ латинско-шляхетствомъ и могущихъ привлечь въ свою среду мѣстныхъ русскихъ людей.

Соображенія по этому поводу были разсмотрѣны въ западномъ комитетѣ и послужили основаніемъ для составленія особыхъ правилъ о льготахъ, преимуществахъ и денежныхъ ссудахъ, предоставляемыхъ «уроженцамъ непольскаго происхожденія всѣхъ губерній имперіи, кромѣ евреевъ, при покупкѣ частныхъ и казенныхъ имѣній въ Западномъ краѣ». Правила эти были, по положенію западнаго комитета, высочайше утверждены 5 марта 1864 года. По § 42 этихъ правилъ, всѣ деньги, вырученныя чрезъ продажу казенныхъ имѣній и оброчныхъ статей, поступаютъ съ того времени въ составъ особаго ссуднаго фонда, предназначеннаго на усиленіе русскаго землевла-

дѣнія въ Западномъ краѣ. Сознаніе въ необходимости такового фонда весьма знаменательно при самомъ началѣ дѣла. Но къ сожалѣнію, этому дѣлу, какъ мы увидимъ ниже, никогда не было суждено осуществиться; хотя и были дѣлаемы разныя попытки, но всегда встрѣчались важныя препятствія со стороны вліятельныхъ лицъ. Въ краѣ говорили, что польская сила успѣвала всегда затормазить дѣло, а затѣмъ уже наступало время охлажденія къ жгучему въ свое время вопросу и успѣхъ польской силы былъ обезпеченъ.

Между тѣмъ правительство, выступая на совершенно новый для него путь привлеченія въ край русскихъ людей, дѣйствовало какъ-то нерѣшительно, неувѣренно; оно не сочло возможнымъ обнародовать положеніе 5-го марта 1864 г. въ настоящемъ его видѣ, съ объясненіемъ истинныхъ причинъ, его вызвавшихъ, но, объявляя въ указѣ сената отъ 3 апрѣля 1864 года главныя основанія новаго положенія по рапорту министра государственныхъ имуществъ, объясняетъ ихъ появленіе слѣдующимъ образомъ. «Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ въ западныхъ губерніяхъ имѣли столь вредное вліяніе на экономическое состояніе этого края, что улучшеніе этого состоянія, при отсутствіи у частныхъ владѣльцевъ свободныхъ капиталовъ, дѣлается невозможнымъ безъ особыхъ со стороны правительства мѣропріятій. Тѣ же неудобства отразились невыгоднымъ образомъ и на казенныхъ имѣніяхъ. Изъ нихъ многія, по недостатку въ числѣ мѣстныхъ обывателей лицъ, обладающихъ достаточными средствами для веденія, соотвѣтственнаго современному состоянію науки, рациональнаго хозяйства, остаются неотданными въ аренду; другія же, хотя и были взяты въ содержаніе, но арендаторы не только ничего не сдѣлали къ улучшенію имѣній, но значительное число ихъ оказались неисправными въ платежѣ самаго аренднаго дохода. Для востановленія въ западномъ краѣ упавшей экономической дѣятельности необходимымъ признано привлечь туда изъ другихъ губерній дѣятелей съ достаточными средствами». Затѣмъ объявляются только четыре статьи, а именно: 1) о предоставленіи пріобрѣтателямъ частныхъ имѣній нѣкоторыхъ льготъ на основаніи особыхъ правилъ, преподанныхъ министру государственныхъ имуществъ; 2) объ образованіи особаго фонда для выдачи ссудъ на покушку имѣній; 3) объ обращеніи въ продажу нѣкоторыхъ казенныхъ имѣній; и 4) о порядкѣ исполненія льготъ и преимуществъ при покупкѣ. Въ обнародованномъ указѣ не упоминается, что къ пріобрѣтенію имѣній со льготами

не допускаются лица польскаго происхожденія и евреи, а также что всѣ, воспользовавшіеся какими либо изъ установленныхъ льготъ, преимуществъ и пособій, обязываются за себя, а также за наслѣдниковъ и преемниковъ ихъ правъ, имѣнія тѣ не продавать, не закладывать или какимъ либо образомъ передавать лицамъ польскаго происхожденія, или евреямъ и имъ же не отдавать имѣнія въ аренду или въ управленіе. Евреи могутъ быть винокурами и арендаторами корчемъ. При выдачѣ свидѣтельствъ на право пользованія льготами и проч. отбирались отъ каждаго лица особыя подписки въ соблюденіи упомянутыхъ ограниченій, и въ самыхъ свидѣтельствахъ эти ограниченія прописаны полностью; равнымъ образомъ въ свидѣтельствахъ при перечисленіи льготъ и преимуществъ сдѣлана ссылка на необнародованное положеніе 5 марта 1864 года. При этомъ не было установлено какой именно отвѣственности должны подвергаться виновные въ нарушеніи данныхъ ими подписокъ въ соблюденіи установленныхъ ограниченій. Дополнительные правила къ положенію 5 марта 1864 года были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Трудно себѣ уяснить причины, по коимъ было признано нужнымъ какъ будто скрывать самое положеніе 5 марта 1864 года. Въ настоящее время можно сказать положительно, что оно не достигло цѣли. До сего времени самое незначительное число лицъ воспользовалось льготами, потому что въ дѣйствительности эти льготы, какъ мы увидимъ ниже, не могли быть примѣняемы по точному смыслу положенія, и сверхъ того встрѣчались затрудненія со стороны подлежащихъ министерствъ. Предположенія же М. Н. Муравьева о льготной продажѣ казенной земельной собственности были осуществлены позднѣе, при его преемникѣ К. П. фонъ Кауфманѣ.

Кромѣ привлеченія въ край новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ, М. Н. Муравьевъ считалъ болѣе необходимымъ привлеченіе русскихъ людей въ мѣстную крестьянскую среду посредствомъ надѣленія казенными землями мѣстныхъ безземельныхъ русскихъ крестьямъ и мѣщанъ, а также старовѣровъ, съ припискою ихъ къ сельскимъ обществамъ по мѣстамъ ихъ водворенія. Для этой цѣли, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, были предназначены: а) всѣ участки, оставшіеся свободными послѣ выселенія неблагонадежныхъ семействъ для водворенія на казенныхъ земляхъ въ отдаленныхъ областяхъ, б) изъ запасныхъ и вообще свободныхъ казенныхъ земель—исключительно всѣ, расположенныя въ лѣсахъ и по границѣ съ царствомъ Польскимъ, и сверхъ того тѣ земли, которыя

останутся свободными за удовлетвореніемъ потребностей мѣстныхъ государственныхъ крестьянъ, и в) въ случаѣ же надобности и казенныя фермы. Первымъ русскимъ поселеніемъ на Литвѣ была Александровская слобода, образованная изъ конфискованнаго у помѣщика Акко имѣнія въ 30 верстахъ отъ г. Ковно. Выше (см. главу III) были разсказаны обстоятельства, послужившія поводомъ къ основанію слободы на этомъ мѣстѣ. До 40 семействъ мѣстныхъ безземельныхъ русскихъ людей получили здѣсь удовлетворительный надѣлъ хорошей земли. Для нихъ былъ устроенъ православный храмъ во имя св. Александра Невского; въ слободѣ открыто народное училище. Отъ слободы проведено шоссе (8 верстъ) до большаго шоссе, идущаго отъ г. Ковно къ Петербургу. Устройство казармы для эскадрона конницы увеличило еще число русскихъ людей въ этой слободѣ и доставило новымъ поселенцамъ нѣкоторый источникъ дохода. Въ этой слободѣ не было вовсе евреевъ и даже корчму содержали русскіе крестьяне. Впрочемъ это былъ единственный случай обращенія конфискованнаго имѣнія подъ русское поселеніе, потому что всѣ конфискованныя имѣнія были обременены болѣе или менѣе значительными долгами и обязательствами, часто дутыми, но по формѣ правильно совершенными, на удовлетвореніе которыхъ имѣнія эти и должны были поступать въ продажу, по окончаніи разсмотрѣнія судебными мѣстами предъявленныхъ претензій къ имѣніямъ.

Тотчасъ по удаленіи неблагонадежныхъ семействъ изъ края на ихъ участкахъ были водворяемы русскіе люди, преимущественно старообрядцы, оказавшіе услуги правительству по усмиренію мятежа. Нѣсколько шляхетскихъ околицъ были въ полномъ своемъ объемѣ обращены въ русскія слободы, съ присвоеніемъ имъ русскихъ названій. Въ Виленской и Ковенской губерніяхъ нѣкоторыя казенныя фермы и свободныя, за надѣломъ государственныхъ крестьянъ, земли были обращены подъ водвореніе русскихъ людей, преимущественно старообрядцевъ. Водворяемые должны были быть приписаны къ сельскимъ обществамъ, безъ согласія послѣднихъ, по мѣстамъ водворенія. Для всѣхъ водворенныхъ съ 1-го января 1863 года на казенныхъ земляхъ С. З. края крестьянъ были испрошены льготы (высочайше утвержденное 26 ноября 1864 года положеніе западнаго комитета) въ избавленіи на 3 года отъ платежа оброка за землю и отъ всѣхъ прочихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, въ томъ числѣ и рекрутской. Сверхъ того при

водвореніи выдавалось денежное пособие въ размѣрѣ до 100 рублей изъ суммъ процентнаго сбора, съ возвратомъ въ 6 лѣтъ, и давался безвозмездно изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ лѣсъ до 100 пней на постройку.

Вообще-же по дѣлу водворенія русскихъ поселенцевъ послѣдовалъ только рядъ отдѣльныхъ распоряженій, часто между собою несогласованныхъ и притомъ непринаровленныхъ вовсе къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. По этимъ и многимъ другимъ причинамъ, какъ мы увидимъ ниже, столь существенно важное дѣло—введеніе въ составъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ русскихъ людей, не достигло цѣли, а сами водворенные русскіе люди были поставлены въ крайне бѣдственное положеніе и въ послѣдующее время долго требовали особыхъ заботъ правительства, достоинство котораго требовало все новыхъ жертвъ для исправленія важныхъ ошибокъ при началѣ дѣла.

Правила, составленныя министерствомъ государственныхъ имуществъ для распредѣленія казенныхъ земель, и инструкція люстраціоннымъ комисіямъ давали обширный просторъ произвольной дѣятельности чиновниковъ и межевщиковъ, отводившихъ земельные надѣлы на мѣстахъ. Неудовольствія и жалобы на дѣйствія этихъ чиновниковъ, очень часто совершенно основательныя, не всегда могли находить законное удовлетвореніе, тѣмъ болѣе, что чиновники часто не были безупречны.

На Литвѣ и въ Бѣлоруссіи все сельское населеніе исключительно земледѣльческое и очень дорожить землею. По смыслу же инструкціи предоставлялось чиновникамъ, а) дополнять неполный участковый надѣлъ, сообразуясь съ зажиточностью и многосемейностью хозяевъ, б) давать огородникамъ полевые надѣлы, т. е. участокъ или полуучастокъ, если они имѣютъ возможность и средства завести самостоятельное хозяйство; в) давать бобылямъ усадьбы и огороды (до 1 дес.), и г) предоставлять полевой надѣлъ постороннимъ лицамъ, приписавшимся къ сельскимъ обществамъ. На этомъ послѣднемъ основаніи лица, водвореніе коихъ въ сельскихъ обществахъ вовсе не могло быть желательно, получали хорошіе земельные участки. Между подобными лицами часто встрѣчаются польскіе шляхтичи, евреи и нѣмцы (на Жмуди); сверхъ того чиновники должны были приводить въ извѣстность надѣлы православнаго и латинскаго духовенства, дополняя первымъ, отрѣзая излишнее отъ втораго. Столь неограниченное доверіе было оказано чиновникамъ, въ средѣ коихъ оказалось не мало лицъ, употребившихъ во зло обширное полномочіе и довѣріе министерства. Дѣло водворенія

русскихъ поселенцевъ много пострадало, какъ будетъ рассказано ниже, отъ неправильныхъ дѣйствій разныхъ мѣстныхъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, хотя лица, стоящія въ то время во главѣ этого министерства и его главныхъ отдѣловъ, относились вполне сочувственно къ русскому дѣлу въ Западномъ краѣ. Но неудачный выборъ чиновниковъ, неудачно составленные правила и инструкціи, при недостаткѣ ближайшаго надзора, вредно отразились на этомъ важномъ дѣлѣ. Всѣ послѣдовавшія исправленія не могли поправить испорченнаго съ самаго начала дѣла. Ниже, я вернусь къ болѣе подробному описанію водворенія русскихъ поселенцевъ, на которое впоследствии было обращено особенное вниманіе высшаго мѣстнаго начальства, когда вопли голодныхъ поселенцевъ громко зывали о скорой помощи, и когда вся неприглядная сторона бюрократическаго отношенія къ дѣлу была, наконецъ, обстоятельно выяснена въ 1868 году и представлена главному начальнику края.

Передъ самымъ мятежемъ 1863 года, по высочайше утвержденному 26 апрѣля 1862 года положенію комитета объ устройствѣ евреевъ, было разрѣшено евреямъ приобрѣтать землю и угодья, принадлежащія къ помѣщичьимъ имѣніямъ, оставшіяся во владѣніи помѣщиковъ за надѣломъ крестьянъ. Нѣсколько имѣній на этомъ основаніи были приобрѣтены евреями и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Киевскій генералъ-губернаторъ Анненковъ, принявъ во вниманіе вредъ отъ увеличенія числа землевладѣльцевъ изъ евреевъ во ввѣренномъ ему краѣ, какъ для благосостоянія и нравственности сельскаго населенія, такъ и въ видахъ упроченія тамъ русскаго элемента, обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о прегражденіи евреямъ возможности приобрѣтать въ Юго-Западномъ краѣ земельную собственность. Западный комитетъ, на обсужденіе котораго было представлено это ходатайство, съ своей стороны нашель, что усиленіе еврейскаго элемента между землевладѣльцами западныхъ губерній не соотвѣтствовало бы, ни въ политическомъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ, видамъ правительства, которымъ въ послѣднее время признана необходимость, какъ усиленія въ Западномъ краѣ русскаго элемента между землевладѣльцами, такъ и поставленія въ томъ краѣ въ столь возможно независимое положеніе крестьянскаго населенія. Для достиженія первой изъ сихъ цѣлей изданы высочайше утвержденныя правила для производства ссудъ и оказанія разныхъ льготъ лицамъ русскаго происхожденія, покупающимъ недвижимыя имѣнія въ западныхъ

губерніяхъ, а для освобожденія крестьянъ отъ гнета помѣщиковъ высочайше повелѣно произвести въ Западномъ краѣ обязательный выкупъ крестьянскихъ угодій. Обѣ эти мѣры, отъ которыхъ правительство ожидаетъ самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, были бы, если не выполнены, то значительно ограничены въ ихъ примѣненіи дозволеніемъ евреямъ покупать помѣщичьи и крестьянскія земли въ Западномъ краѣ; такъ какъ евреи, располагая значительными капиталами и состоя въ то же время займодавцами большей части мѣстныхъ помѣщиковъ, явятся при продажѣ имѣній опасными соперниками, съ которыми весьма трудно будетъ соперничать русскимъ, не взирая на предоставленныя имъ отъ правительства льготы и ссуды, а крестьянское населеніе, едва освободившееся отъ тягостнаго вліянія помѣщиковъ и нуждающееся въ заработкахъ, будетъ поставлено въ новую зависимость отъ землевладѣльцевъ-евреевъ, располагающихъ большими денежными средствами и неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. По этимъ соображеніямъ комитетъ полагалъ воспретить всѣмъ, безъ исключенія, евреямъ приобретать отъ помѣщиковъ и крестьянъ земли въ девяти западныхъ губерніяхъ. Государь императоръ высочайше утвердить соизволил это положеніе 10 іюля 1864 года и оно было объявлено въ указѣ сената отъ 5 августа 1864 года (безъ соображеній западнаго комитета) (см. «Сборникъ правительственныхъ распоряженій въ Сѣверо-Западномъ краѣ», изд. 1870 г.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общественная жизнь.—Театръ, клубы и проч.—Возбужденіе русскаго народнаго чувства.—Значеніе М. Н. Муравьева.—Его сотрудники.—Отозваніе его изъ Вильны.—Итоги его дѣятельности.—Память о немъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Пребываніе довольно значительнаго числа русскихъ войскъ въ краѣ и наплывъ новыхъ русскихъ людей и русскихъ чиновниковъ, а также выѣздъ изъ городовъ многихъ польскихъ помѣщиковъ въ свои имѣнія, не могли не отразиться на общественной жизни въ городахъ края. Поляки говорили, что «съ Муравьевымъ наѣздъ московскій заполонилъ край». Даже въ войскахъ, расположенныхъ въ краѣ, число польскихъ офицеровъ было ограничено извѣстнымъ процентомъ въ каждой отдѣльной части, по обнаруженіи вреднаго вліянія польскихъ офицеровъ,

когда ихъ число значительно въ отдѣльныхъ частяхъ. Театры, клубы, общественныя собранія, гостиницы, рестораны, кофейни и т. п. были наполнены русскими людьми и русская рѣчь получила вездѣ всѣ права гражданства. Никто уже болѣе въ то время не отговаривался непониманіемъ русскаго языка. Въ Вильнѣ русскій театръ, съ пособіемъ изъ процентнаго сбора, замѣнилъ польскій театръ, изъ состава котораго нѣкоторые даровитые актеры поступили и заняли почетное мѣсто на русской виленской сценѣ, пополнявшейся пріѣзжими изъ внутреннихъ областей русскими актерами. Давать театральныя представленія на польскомъ языкѣ было воспрещено во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. По всѣмъ городамъ уже составлялись общественныя кружки русскихъ людей, въ которые изрѣдка попадали и поляки. Русскіе люди уже стали избѣгать заключенія браковъ съ латинянами, зная, по недавнему опыту, какое превратное воспитаніе получаютъ дѣти отъ подобныхъ браковъ, въ особенности опасаясь вліянія польскихъ женщинъ, всегда находящихся подъ нравственною опекою латинскаго духовенства и вносящихъ чуждыя начала въ русскія семьи, по большей части довольно равнодушныя къ дѣламъ вѣры и народной самобытности. Но въ то время, подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій, большинство русскихъ людей относилось съ большимъ вниманіемъ ко всему, составляющему отличительныя черты русской народности. Хотя русскіе чиновники и принесли съ собою свои извѣстныя привычки собираться на вечеринки и пирушки съ закускою, для разныхъ сплетенъ и картежной игры, но тѣмъ не менѣе, подъ впечатлѣніемъ особой важности переживаемаго времени, даже на чиновничьихъ вечеринкахъ удѣлялось время для политическихъ разговоровъ о водвореніи русскаго «элемента» (любимое выраженіе чиновниковъ того времени), о козняхъ враждебной силы, о молодецкихъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, быстро уничтожившихъ всѣ скопища повстанскихъ шаекъ и притомъ такъ человѣчески обращававшихся съ мятежниками, которые, въ свою очередь, выказывали самыя звѣрскія наклонности, какъ-бы напоминая населенію времена польскаго владычества; въ особенности отличалась на этомъ безчеловѣчномъ поприщѣ шайка ксендза Мацкевича (на Жмуди), который, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ кинжаломъ въ другой, благословлялъ слѣпыхъ фанатиковъ на самыя безчеловѣчныя подвиги. Говорили о кинжалщикахъ, о жандармахъ-вѣшателяхъ и прочихъ наемныхъ убійцахъ мятежнаго рѣонда польскаго. Подозрѣваемые въ чемъ-либо были немилосердно подвергаемы разнымъ истязаніямъ и повѣ-

шенію по деревнямъ и мѣстечкамъ крал. Въ шайки вербовались часто насильственно, подъ разными угрозами или по найму. Хлопы, привыкшіе повиноваться панамъ, не смѣли ослушиваться, опасаясь притомъ мести на себѣ и на своихъ семействахъ. Превратно воспитанная молодежь воспламенялась заманчивыми обѣщаніями и рѣчами о братствѣ, равенствѣ и свободѣ, о прежнихъ вольностяхъ шляхетства, о шумныхъ сеймикахъ, о сеймахъ и т. п. Женщины, возбуждаемыя латинскимъ духовенствомъ, служили орудіями пропаганды и возбужденія страстей. Но скоро и насильно собранныя шайки представляли образецъ польскаго неустройства; всѣ хотѣли быть начальниками и не хотѣли повиноваться ими же избраннымъ начальникамъ. Но хлопы и въ шайкахъ имѣли значеніе только чернорабочей силы. Пока паны и шляхта одѣвались въ разные наряды и спорили между собою, некому было заниматься устройствомъ мятежнаго войска. Только бывшіе офицеры русской службы, въ особенности офицеръ генеральнаго штаба Сѣраковскій, посланный на казенный счетъ за границу, умѣлъ дать нѣкоторое устройство повстанцамъ. Взятый въ плѣнъ отрядомъ генерала Ганецкаго, Сѣраковскій напоминалъ генералу о мнѣніи Европы. Какъ будто въ Европѣ не наказываются, какъ измѣнники, всѣ нарушившіе долгъ чести и присяги, дѣйствующіе съ оружіемъ въ рукахъ противъ войскъ, въ которыхъ они состоятъ на службѣ. Сужденный военнымъ судомъ въ Вильнѣ и приговоренный къ смертной казни, Сѣраковскій воображалъ возбудить къ себѣ сочувствіе и, быть можетъ, заступничество русскихъ солдатъ, говоря имъ на мѣстѣ казни, что ему они обязаны отмѣною тѣлеснаго наказанія (опъ былъ дѣйствительно однимъ изъ составителей дисциплинарнаго устава). Умному и развитому Сѣраковскому долженъ былъ быть хорошо извѣстенъ духъ русскаго воинства, а потому подобное обращеніе всѣмъ показалось весьма страннымъ, тѣмъ болѣе, что онъ, будучи разжалованъ въ солдаты по дѣлу Петрашевскаго, долго служилъ рядовымъ въ одномъ изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ. Много говорили о подвигахъ русскихъ офицеровъ, о генералахъ Баклановѣ, Ганецкомъ и проч. Даже женщины увлекались общимъ направленіемъ. Газеты, въ особенности московскія, читались на расхватъ. Говорили объ Аксаковѣ и Катковѣ, порицалось направленіе газеты «Голосъ» и ему подобныхъ органовъ европействующей петербургской печати, а статьи Аксаклова и Каткова читались съ восторгомъ во всѣхъ собраніяхъ. Вообще русское направленіе взяло перевѣсъ надъ чиновничьимъ

либерализмомъ. Взрывъ русскаго народнаго чувства во всей Россіи по случаю вмѣшательства иностранныхъ державъ въ наши внутреннія дѣла нашель здѣсь вѣрный отголосокъ. Отвѣтныя ноты нашего маститаго канцлера князя А. М. Горчакова державамъ, полныя достоинства и спокойной увѣренности въ своемъ правѣ и силѣ, производили магическое дѣйствіе на русскихъ людей. Адресы, присылаемые со всѣхъ концовъ Россіи М. Н. Муравьеву, воодушевляли всѣхъ служащихъ русскому дѣлу, видя въ нихъ одобреніе русскаго общества принятому въ краѣ направленію дѣлъ. Не смотря на всѣ несомнѣнныя заслуги М. Н. Муравьева, ему приписывалось даже болѣе, чѣмъ въ дѣйствительности онъ даже могъ сдѣлать. Ему чуть не одному приписывали усмиреніе всего польскаго мятежа и спасеніе всей западной Россіи отъ поляковъ. На добровольныя пожертвованія была устроена особая часовня во имя св. архистратига Михаила при восстановленной въ Вильнѣ Свято-Никольской церкви, сооруженной въ XVI вѣкѣ извѣстнымъ ревнителемъ православно-русскаго дѣла въ западной Россіи княземъ Константиномъ Острожскимъ. Въ этой часовнѣ служились молебны за здравіе М. Н. Муравьева, а по его смерти совершаются панихиды въ извѣстные дни, при большомъ стеченіи русскихъ людей, по усопшемъ графѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

Съ давнихъ временъ русская исторія не можетъ намъ указать примѣровъ такой заслуженной извѣстности высшихъ сановниковъ на гражданскомъ поприщѣ. Блескъ и слава извѣстныхъ полководцевъ нерѣдко встрѣчаются въ нашей исторіи. Но имя М. Н. Муравьева сдѣлалось народнымъ и произносилось всѣми истинно русскими людьми съ особымъ уваженіемъ. Слова его и нѣкоторыя замѣчанія повторялись всѣми. Всѣ служившіе при немъ до сего времени рассказываютъ съ особымъ увлеченіемъ разные случаи изъ его многосторонней дѣятельности. Столь продолжительное почитаніе памяти умершаго сановника лучше всего говорить за себя; тутъ безсилны всякія злословія его многочисленныхъ враговъ и завистниковъ. Тѣмъ болѣе знаменательно это явленіе, когда вспомнимъ, что до 1863 года М. Н. Муравьевъ вовсе не пользовался расположеніемъ русскаго общества.

Строгий и взыскательный по службѣ, М. Н. Муравьевъ былъ самый радушный и гостеприимный хозяинъ, а также примѣрный семьянинъ и даже очень мягкій въ домашней жизни, находясь отчасти подъ вліяніемъ своей жены, Пелагеи Ва-

сильвны, напоминавшей ему, когда и какую форму нужно надѣвать. Старый его слуга нерѣдко спорилъ съ нимъ по поводу формы одежды и обращался къ Пелагеѣ Васильевнѣ. Врагъ всякой формалистики, онъ всегда былъ простъ въ обращеніи; подчиненные любили его, уважали, но очень боялись. Находясь же у него въ гостяхъ, никто не чувствовалъ никакихъ стѣсненій. Нѣкоторые поляки удивлялись, что, обѣдая у него, они свободно говорили по-польски въ его присутствіи. Когда полиціймейстеръ счелъ нужнымъ ему доложить, что въ клубномъ маскарадѣ явились маски въ польскихъ костюмахъ, М. Н. Муравьевъ сказалъ только, что нужно ихъ пригласить танцовать мазурку и краковякъ. Получивъ донесеніе, что одинъ изъ крайне ограниченныхъ пановъ въ городѣ Вилькомирѣ нарядился въ фантастическій нарядъ, неудачно подражая формѣ гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ, и участвовалъ въ этомъ нарядѣ въ одной политической духовной процесіи, онъ приказалъ этому пану немедленно явиться къ нему, при общемъ представленіи въ большой залѣ, въ томъ самомъ нарядѣ, и затѣмъ съ адъютантомъ прокатиться по Вильнѣ.

Приняты были всѣ мѣры для предупрежденія возможности покушеній на жизнь М. Н. Муравьева, такъ какъ для польской силы всѣ средства были хороши для достиженія цѣли—устраненія столь опаснаго для ихъ дѣла русскаго сановника; когда же убійство и отравленіе не могли удасться, польская сила обратилась къ другому излюбленному ею средству—тайной интригѣ въ С.-Петербургѣ. Но, къ счастью для русскаго дѣла, М. Н. Муравьевъ управлялъ Сѣверо-Западнымъ краемъ немного болѣе двухъ лѣтъ и въ столь непродолжительное время сдѣлалъ такъ много, что до сего времени (т. е. болѣе 16 лѣтъ) русское дѣло не могло быть совершенно испорчено его преемниками, въ особенности дѣйствовавшими по другому направленію съ марта 1868 года. Встрѣчая со стороны генералъ-адъютантовъ Д. А. Милютина и А. А. Зеленаго полное сочувствіе и содѣйствіе, ему приходилось по другимъ вѣдомствамъ встрѣчать или равнодушіе, или затрудненія, за исключеніемъ главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія.

Работая неустанно самъ по цѣлымъ ночамъ, М. Н. Муравьевъ лично руководилъ всѣми дѣлами и указывалъ направленіе, иногда объясняя все, до мельчайшихъ подробностей. По его личнымъ указаніямъ была открыта тайная типографія мятежнаго ржонда въ Вильнѣ; многіе обыски приводили къ важнымъ

открытіямъ, а также часто нападали и на слѣды мятежническихъ шаекъ.

Важнѣйшія дѣла были выдѣлены въ особую канцелярію, помѣщавшуюся въ генераль-губернаторскомъ домѣ, и тамъ работали, подъ его личнымъ руководствомъ, хорошо извѣстныя ему лица. Въ общей же генераль-губернаторской канцеляріи осталась только обыкновенная текущая переписка. Эту канцелярію управлялъ со временъ генераль-губернатора Назимова дѣйствительный статскій совѣтникъ Тумановъ, а особою канцелярію былъ назначенъ управлять И. А. Никотинъ. Помощниками главнаго начальника края были: по военной части генераль Хрущовъ, а по гражданской—генераль Потаповъ. О генералѣ Хрущовѣ ничего не приходится говорить, кромѣ того, что онъ былъ изъ генераловъ временъ императора Николая I и участвовалъ въ крымской войнѣ 1853—1855 гг. Генераль же Потаповъ (впослѣдствіи генераль-губернаторъ 1868—1874 годовъ) былъ въ то время строгимъ исполнителемъ распоряженій главнаго начальника края, по порученію котораго онъ производилъ въ Вильнѣ закрытіе латинскаго монастыря визитантинокъ и отправленіе всѣхъ монахинь въ Парижъ. Въ Вильнѣ въ то время генераль Потаповъ былъ тѣмъ, каковымъ былъ передъ этимъ въ Варшавѣ въ должности оберъ-полицеймейстера, какъ описано въ извѣстныхъ запискахъ Н. Берга («Записки о польскихъ мятежахъ»). Но въ домѣ генерала Потапова у жены его, Екатерины Васильевны, уже тогда собирався особый кружокъ, въ которомъ нерѣдко высказывались мнѣнія, совершенно несогласныя съ направлениемъ, принятымъ въ то время въ краѣ. Екатерина Васильевна Потапова, по свойственной ей сердечной добротѣ и христіанскому чувству, помогала по мѣрѣ возможности несчастнымъ жертвамъ увлеченія отцовъ, мужей или братьевъ. Едва-ли были справедливы упреки, дѣлаемая ей за это нѣкоторыми русскими людьми. Отличительное свойство русскихъ людей—помогать несчастнымъ, безъ разбора причинъ ихъ несчастья, олицетворялось вполне въ добрѣйшей Екатеринѣ Васильевнѣ. Всѣ несчастные, безъ различія положенія, состоянія и народности, находили у нея слово утѣшенія и возможную помощь. По всѣмъ этимъ даннымъ Екатерина Васильевна была настоящая русская женщина и христіанка по убѣжденію и безъ фарисейства. Конечно, она не могла бы давать направленія ходу общихъ дѣлъ въ краѣ, но какъ руководительница благотворенія, она была незамѣнима въ свое время. Всѣ несчастные, равно какъ и всѣ, знавшіе ее близко,

сохранили о ней наилучшее воспоминаніе. Къ ея дѣятельности по дѣламъ благотворительности я вернусь далѣе, когда она возвратилась въ Вильну въ 1868 году, уже какъ жена главнаго начальника края А. Л. Потапова.

По учебному дѣлу, какъ было сказано выше, попечитель виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ дѣйствовалъ по непосредственнымъ указаніямъ М. Н. Муравьева, знавшаго его по прежней службѣ. Въ то время было положено начало устройству виленской публичной библіотеки и музея, изъ коего все, наминавшее времена польскаго владычества, было отправлено въ московскій румянцовскій музей. Было приступлено къ разработкѣ, на научныхъ началахъ, древнихъ актовъ и грамотъ, кромѣ того открыто въ Вильнѣ отдѣленіе императорскаго географическаго общества, и вообще поощрялось всякое научное изслѣдованіе. Въ то время не только не боялись печатнаго слова, а напротивъ, какъ бы вызывали къ этому. Великую услугу оказала русскому обществу въ то время печать. Она познакомила русское общество съ западною окраиною. По удачному выраженію И. С. Аксакова, извѣстный ученый бѣлорусъ профессоръ М. О. Кояловичъ былъ новымъ Колумбомъ, открывшимъ русскому обществу западную Русь. Его труды о западной Россіи были въ то время настольною книгою всѣхъ русскихъ людей и дѣятелей въ томъ краѣ. Теперь эти труды составляютъ библіографическую рѣдкость. Вообще до марта 1868 года можно было свободно писать и говорить о Сѣверо-Западномъ краѣ во всѣхъ направленіяхъ.

По крестьянскому дѣлу были присланы изъ Петербурга въ числѣ другихъ и работали въ Вильнѣ Л. С. Маковъ (бывшій министръ). И. Л. Барыковъ (управляющій земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ) Зубковъ и Левшинъ. По слѣдственно-политическимъ дѣламъ работалъ П. Ф. Неѣловъ (московскій военный прокуроръ) и управлявшій политическимъ отдѣленіемъ бывшій аудиторъ М. М. Яковлевъ. Другими дѣлами въ особой канцеляріи занимался генералъ Чевати (умершій) и А. Н. Мосоловъ (директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій). Особымъ довѣріемъ пользовался полковникъ П. А. Черевинъ (бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ). Находился еще въ Вильнѣ полковникъ князь М. В. Шаховскій-Глѣбовъ-Стрѣшневъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ).

Вотъ и всѣ ближайшіе сотрудники М. Н. Муравьева. Къ ихъ числу еще нужно причислить избранныхъ имъ губернато-

ровъ. Всѣ они были усердными исполнителями распоряженій главнаго начальника края и дѣйствовали по его указаніямъ.

Въ апрѣлѣ 1865 года М. Н. Муравьевъ былъ уже отозванъ изъ Вильны. За услуги онъ былъ возведенъ въ потомственное графское достоинство. Отозваніе это возбудило надежды однихъ и недоумѣнія другихъ.

Польская сила думала уже торжествовать побѣду своей интриги. Но народно-русская сила, обновленная приливомъ новыхъ русскихъ людей и поставленная, такъ сказать, на ноги послѣдними событіями, могла рассчитывать, что высшее правительство уже болѣе не измѣнитъ принятаго направленія, умудренное горькимъ опытомъ двухъ мятежей. Всѣ терялись въ догадкахъ, кто можетъ заступить мѣсто М. Н. Муравьева, взявъ въ твердыя руки начатое имъ дѣло. Подводя итоги всесторонней дѣятельности этого дѣйствительно государственнаго мужа, надлежитъ сказать, что имъ окончательно и въ короткое время было потушено вооруженное возстаніе и край былъ очищенъ отъ кинжалщиковъ, жандармовъ-вѣшателей и прочихъ наемныхъ убійцъ подпольнаго ржонда. Много (хотя менѣе чѣмъ предполагалось) неблагонадежныхъ лицъ съ семействами удалены навсегда изъ края на жительство или на водвореніе въ отдаленныхъ областяхъ имперіи. Латинское духовенство, польское, равно какъ и ополяченное дворянство поставлены подъ надзоръ мѣстнаго начальства для предупрежденія всякихъ, съ ихъ стороны, враждебныхъ противъ русскаго дѣла дѣйствій.

Внѣшней колонизаціи края было нанесено сильное пораженіе цѣлымъ рядомъ строгихъ и послѣдовательныхъ мѣръ. Православные храмы и монастыри постепенно возстановлялись и возобновлялись, а духовенство было болѣе или менѣе обезпечено и получило соотвѣтственное положеніе въ мѣстной средѣ. Возникло предположеніе о возстановленіи знаменитаго православнаго виленскаго свято-духовскаго братства, сослужившаго большую службу православно-русскому дѣлу въ край во времена польскаго владычества и прекратившаго свою полезную дѣятельность уже послѣ соединенія литовской руси съ имперією, между тѣмъ какъ другія старинныя братства продолжали существовать, о чемъ я буду говорить далѣе.

Учебное дѣло поступило въ руки русскихъ людей, причѣмъ было обращено должное вниманіе на народное образованіе и для этой цѣли была учреждена въ виленской области молодецкая учительская семинарія. Весь литовско-русскій народъ былъ съ 1 марта 1863 года окончательно освобожденъ отъ

всякой зависимости отъ бывшихъ помѣщиковъ и польскихъ чиновниковъ и призванъ къ новой жизни, подъ руководствомъ надежныхъ русскихъ людей, служившихъ въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Не только всякія преслѣдованія старообрядцевъ за ихъ вѣру были прекращены, но были положены основанія для устройства ихъ быта.

Было обращено вниманіе на, такъ называемыхъ, вольныхъ сѣмщиковъ земель у помѣщиковъ и на множество безземельныхъ бобылей, существовавшихъ въ край подъ различными наименованіями. На необходимые расходы по устройству края, безъ обремененія государственнаго казначейства, всѣ землевладѣльцы были обложены процентнымъ сборомъ, который иногда взимался въ усиленномъ размѣрѣ въ видѣ наказанія; отъ этого сбора (10% съ дохода отъ имѣнія) впоследствии были освобождены русскіе землевладѣльцы, а по представленіямъ бывшаго въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева и прибалтійскаго генералъ-губернатора графа П. А. Шувалова были, по высочайшему повелѣнію, освобождены и уроженцы прибалтійскихъ областей. Новые русскіе люди были призваны на службу по всѣмъ вѣдомствамъ Сѣверо-Западнаго края, съ предоставленіемъ имъ усиленнаго содержанія и нѣкоторыхъ преимуществъ, какъ напр., сохраненіе пенсій при поступленіи на службу въ Сѣверо-Западный край изъ отставки. Одновременно съ тѣмъ большинство неблагонадежныхъ польскихъ чиновниковъ были устранены изъ государственной службы въ край. Были сдѣланы попытки для привлеченія въ край новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ изданіемъ положенія о льготахъ, преимуществахъ и денежныхъ ссудахъ при покупкѣ имѣній; сверхъ того выработывались правила для продажи русскимъ людямъ казенной и конфискованной недвижимой собственности на очень выгодныхъ условіяхъ. Положено было начало водворенію русскихъ поселенцевъ на казенныхъ и конфискованныхъ земляхъ. По представленію кievскаго генералъ-губернатора Н. Н. Анненкова и министра внутреннихъ дѣлъ Валуева было воспрещено всѣмъ евреямъ пріобрѣтать всякую земельную собственность въ девяти западныхъ областяхъ.

Общественная жизнь въ край съ того времени приняла совершенно новое направленіе. вмѣсто прежней замкнуто-сословной жизни проявились начала общенности. Число выписываемыхъ въ край журналовъ и газетъ достигло почтенной цифры. Библіотеки и книжныя лавки съ русскими книгами откры-

вались по разнымъ, даже уѣзднымъ городамъ. Начали появляться газетныя статьи изъ Сѣверо-Западнаго края, до того времени почти совершенно незнакомаго русскому обществу.

Все обѣщало, повидимому, коренное преобразование края: но непродолжительное управленіе М. Н. Муравьева не могло сдѣлать болѣе, чѣмъ оно сдѣлало, не могло прочнѣе заложить основанія будущаго устройства края, не могло сильнѣе и правильнѣе дѣйствовать на разсѣяніе ложныхъ мечтаній и надеждъ польской силы и, наконецъ, не могло болѣе поднять духа и нравственнаго значенія народно-русской силы. Поэтому до сего времени живы еще въ краѣ воспоминанія о плодотворной дѣятельности М. Н. Муравьева, неизгладимо совершившей крутой переворотъ на литовской Руси и закрѣпившей братскій союзъ западной Россіи съ восточною на незыблемыхъ началахъ духовнаго единенія, общности выгодъ и опасностей. Съ того времени всѣ взоры русскихъ людей обращены на возрожденіе литовско-бѣлорусскаго народа, которому и надлежитъ занять свое мѣсто во всероссійской монархіи, выставляя на общее служеніе отечеству изъ своей среды лучшихъ людей на всѣ поприща общественной и государственной дѣятельности. Мѣстной же интеллигенціи, оторванной историческими событіями отъ своего народа, предстоитъ нынѣ два пути, и вся будущность этой интеллигенціи зависитъ отъ выбора этого пути. Я не могу признавать нынѣшнее поколѣніе отвѣтственнымъ за ошибки и увлеченія ихъ предковъ, но скажу, что современному поколѣнію виднѣе и яснѣе дѣйствительность, чѣмъ прошлому; оно имѣетъ болѣе средствъ къ узнанію истины, а потому оно можетъ сознательнѣе и откровеннѣе выбрать для себя путь, безъ всякаго внѣшняго давленія. Вопросъ о вѣроисповѣданіи не можетъ и не долженъ служить преградой для свободнаго выбора, при трезвомъ и разумномъ отношеніи къ дѣлу. При этомъ борьба двухъ силъ можетъ уже происходить на разумныхъ началахъ.

Едва окончивался годъ со времени отозванія М. Н. Муравьева изъ Вильны, какъ страшное, покушеніе 4 апрѣля 1866 г. призвало вновь графа Муравьева къ многотрудной дѣятельности раскрытія причинъ и зародышей ужаснаго преступленія. Съ обычною ему ревностью, онъ дѣятельно приступилъ къ трудной работѣ и можно было бы ожидать важныхъ открытій, какъ внезапная смерть въ своемъ имѣніи Псковской губерніи прекратила полезную дѣятельность, столь ненавистную всѣмъ врагамъ Россіи. Въ Вильнѣ предполагали, что онъ былъ отравленъ, но это предположеніе ничѣмъ не подтверждается.

Недолго пережили графа Муравьева и другіе сановники, извѣстные по своей полезной дѣятельности въ истинно русскомъ направленіи: Н. А. Милютинъ, графъ Д. Н. Влудовъ, К. П. Чевкинъ, а позднѣе, литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и А. А. Зеленый.

Послѣ 4 апрѣля 1866 года выступили на поприще государственной дѣятельности другіе сановники.

П. Морозовъ¹⁾.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Вслѣдствіе заявленія, неизвѣстно на какомъ основаніи, въ газетѣ «Новое Время», что статьи эти принадлежатъ молодому ученому П. Морозову и публичнаго опроверженія этого заявленія, въ той же газетѣ, г. П. Морозовымъ, редакция съ своей стороны, считаетъ нужнымъ заявить, что подпись «П. Морозовъ» есть случайно взятый псевдонимъ автора этихъ статей, знатока Северо-Западнаго края, стоявшаго на столько близко къ главнымъ дѣятелямъ эпохи 1857—80 годовъ, что у него сохранилось много драгоценныхъ документовъ, къ сожалѣнію, еще не подлежащихъ обнародованію.

Примѣч. Редакціи.

НАСЛѢДСТВО.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Человѣкъ, чья болѣзнь занимала весь уѣздъ, служила предметомъ всѣхъ разговоровъ и такъ волновала и даже радовала наслѣдниковъ, не подозрѣвалъ еще самъ опасности своего положенія. Василій Ивановичъ овдовѣлъ лѣтъ десять тому назадъ, не имѣлъ дѣтей и жилъ совершенно какъ волкъ-одинецъ, въ своемъ большомъ, каменномъ, двухъ-этажномъ домѣ. Необычайная скупость владѣльца видна была во всемъ, начиная отъ полуразвалившихся службъ, съ окнами, заколоченными досками, до разрушенныхъ оранжерей, уничтоженныхъ тотчасъ послѣ эмансипаціи. Онъ самъ занималъ только нижній этажъ дома; въ верхнемъ, огромныя, парадныя комнаты, съ старинною мебелью въ чехлахъ, никогда не топились и стояли всегда закрытыя. Большой старинный садъ, съ крытыми липовыми аллеями, гротами, прудами и искусственными пригорками, также былъ совершенно запущенъ; чистилась только одна широкая дорожка, обсаженная стриженными ёлками, которая, спускаясь терасами, вела къ небольшому озеру, снабжавшему владѣльца даровою рыбою. Василій Ивановичъ почти ничего не истрачи-

валъ, даже на свой столъ. Этотъ человѣкъ, который носилъ на груди миліонъ, зашитый въ ладонѣ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ въ губерніи, получавшій съ однихъ отрѣзовъ болѣе десяти тысячъ въ годъ, у котораго векселями и долговыми росписками былъ доверху набитъ несгараемый Санъ-Галліевскій шкэфъ, питался одними карасями изъ своего озера, никогда не покупалъ говядины и спалъ на коврѣ, посланномъ прямо, безъ тюфяка, на доски кровати. Необычайная скупость Андронова равнялась только его необычайной трусости; онъ постоянно жилъ въ страхѣ отъ воровъ и поджога. Онъ боялся рѣшительно всего, воображалъ, что можетъ обрушиться потолокъ въ его комнатахъ, и, во избѣжаніе этой катастрофы, приказалъ связать балки на потолокъ желѣзными болтами. Для защиты отъ воровъ, онъ вооружилъ свою прислугу и, чтобы задавать страху мнимымъ посягателямъ на его имущество, приказывалъ стрѣлять по почамъ, пугая окрестныя деревни этою неожиданною и необыкновенною пальбою. Съ Карповымъ отцомъ, своимъ двоюроднымъ братомъ и въ настоящее время единственнымъ наслѣдникомъ, онъ разошелся уже очень давно, когда они оба еще не были женаты. Какъ это не покажется страннымъ и невѣроятнымъ, что такой сухой человѣкъ, какъ Андроновъ, могъ быть способенъ на нѣжное чувство, онъ однако въ молодости былъ влюбленъ и влюбленъ страстно въ дѣвушку, въ которую былъ въ то же время влюбленъ и Карповъ. Эта дѣвушка была бѣдная мѣщанка, швея, на которой ни тотъ, ни другой никогда и не думали жениться. Она полюбила красиваго Карпова и отдалась ему. Эта обыкновенная и простая исторія, случающаяся въ жизни почти каждаго молодаго человѣка, кончилась печально. Дѣвушка умерла въ родахъ. Эта смерть произвела потрясающее впечатлѣніе на обоихъ молодыхъ людей. Карповъ былъ въ отчаяніи, не потому, что потерялъ любимую женщину, — какъ всѣ очень молодые люди, онъ довольно легкомысленно смотрѣлъ на свою связь съ бѣдною мѣщанкою, — но потому, что считалъ себя виновникомъ ея смерти; онъ былъ убѣжденъ, что роды были несчастливы, только вслѣдствіе нравственныхъ страданій матери о будущей судьбѣ ребенка. Онъ даже хотѣлъ застрѣлиться, и только встрѣча съ другою дѣвушкою, съ тою, которая стала потомъ его женою, спасла его отъ смерти. Счастливый мужъ и отецъ семейства, Карповъ однако никогда не утѣшался въ смерти своей Кати; каждый годъ, въ продолженіи долгихъ лѣтъ, отправлялся онъ на ея могилу, въ день ея смерти, и всѣ неудачи и огорченія въ жизни приписывалъ Божескому наказанію за

грѣхъ своей ранней молодости. Это же самое происшествіе по-дѣйствовало совершенно иначе на желчную, себялюбивую и эгоистичную натуру Андропова. Съ той минуты, какъ онъ убѣдился, что дѣвушка, за которою онъ ухаживаетъ, любить Карпова, онъ возненавидѣлъ ихъ обонхъ, и не было гадости, которую бы онъ ни дѣлалъ, чтобы отравить жизнь бѣдной Кати; онъ писалъ анонимныя письма, въ которыхъ пугалъ ее, что родители Карпова выхлопочутъ ей желтый билетъ, терзалъ разказами о мнпмой предстоящей женитьбѣ ея любовника, и наконецъ, когда она умерла, написалъ Карпову письмо, въ которомъ упрекалъ его въ гибели и смерти любившей его женщины. Съ этихъ поръ между двоюродными братьями прекратились всѣ сношенія; о наследствѣ, понятно, не было и помина, такъ какъ они оба были еще очень молоды. Карповъ женился первый, Андроновъ женился уже старымъ холостякомъ, единственно изъ желанія имѣть законныхъ наследниковъ, для того, чтобы его имѣніе никогда не перешло въ родъ Карповыхъ. Но судьба и на этотъ разъ была на сторонѣ его ненавистнаго двоюроднаго брата. Всѣ дѣти Андропова, а ихъ было четверо, умерли въ равнемъ дѣтствѣ. Позже умерла и жена. Еще при жизни жены, Андроновъ имѣлъ связь съ одною изъ ея горничныхъ. Но тогда дѣти Глафиры отправлялись въ воспитательный домъ; теперь же, оставшись совершенно одинокимъ, послѣдняго мальчика, родившагося уже послѣ смерти жены, онъ оставилъ у себя не столько изъ потребности привязаться къ кому нибудь, какъ единственно изъ желанія сдѣлать его своимъ наследникомъ; но ребенокъ умеръ на десятомъ году и Андроновъ опять остался одинокимъ, съ перспективою, что его капиталы и имѣніе перейдутъ когда нибудь въ руки Карпова. Тогда онъ сдѣлалъ духовную, которую хранилъ въ тайнѣ, и отдалъ ее на сохраненіе въ дворянскую опеку, взявъ обѣщаніе съ свидѣтелей, подписавшихъ эту духовную, никому не говорить о ея содержаніи. Петръ Петровичъ Карповъ, какъ человекъ очень мягкій и добрый, пробовалъ, послѣ женитьбы Андропова, возобновить съ нимъ прежнія отношенія, но, встрѣтивъ холодный отпоръ, отказался, наконецъ, отъ всѣхъ попытокъ сближенія. Дѣти Петра Петровича, конечно, не знали причину ссоры отца съ Андроновымъ; о немъ никогда не говорили въ семействѣ, такъ что они не имѣли о немъ никакого понятія.

Андроновъ хворалъ уже давно; доктора, съ которыми онъ совѣтывался, предписывали ему именно то, что было для него совершенно невозможно: душевное спокойствіе, поѣздку на воды,

легкую и питательную пищу, а главное, отсутствіе хлопотъ, заботъ и дѣлъ. Все это было немислимо. Василій Ивановичъ только тѣмъ и жилъ, что вляузничалъ, интриговалъ на земскихъ и дворянскихъ выборахъ, покупалъ за безцѣнокъ на аукціонахъ имѣнія прогорѣвшихъ дворянъ, донималъ мужиковъ штрафами и неустойками и заваливалъ мировыхъ судей долговыми росписками и взысканіями. Если-бы Андроновъ направилъ свою дѣятельность на что нибудь хорошее, то могъ бы принести много пользы, потому что по-истинѣ былъ неутомимъ; его ничто не удерживало, ни дурная дорога, ни погода; онъ не доѣдалъ, не досыпалъ, ѣздилъ въ самыхъ невозможныхъ, тряскихъ экипажахъ, даже иногда, изъ экономіи, если съ него дорого просили, шель нѣсколько верстъ пѣшкомъ; ѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ въ третьемъ классѣ, и только уже подъ старость разрѣшилъ себѣ прихоть садиться во второй, — и все для того, чтобы или купить за безцѣнокъ какое нибудь имѣніе, или чтобы заручиться лишними шарами для забалотированія нелюбимаго мирового судьи, недостаточно створчиваго на счетъ взысканій съ крестьянъ по долговымъ роспискамъ.

— Борьба за существованіе! говорилъ онъ тогда, хихикая по обыкновенію. — Авдулинъ наноситъ ущербъ моимъ интересамъ, я и хлопочу о томъ, чтобы его не выбрали. Борьба за существованіе!

Встрѣча съ Карповыми на станціи, гдѣ онъ; весь мокрый, строчилъ просьбу на старосту, произвела на него сильное впечатлѣніе. Послѣ ихъ отъѣзда, онъ сейчасъ же узналъ, кто они такіе. Усталость отъ дороги въ тряскомъ тарантасѣ, лихорадочное состояніе, вслѣдствіе дождя, промочившаго его насквозь, досада на старосту, все это вмѣстѣ потрясло его нервы и заставило видѣть что-то роковое въ этой обыкновенной встрѣчѣ. «Вороны всегда слетаются на падаля, твердилъ онъ мысленно во все время дороги, — должно быть, смерть мою чуютъ; вѣкъ не ѣздили, а тутъ на... Ничего имъ не будетъ, я духовную не перемѣню». Въ Энскѣ онъ пріѣхалъ совсѣмъ больной; но не смотря на лихорадку, которая била его, и на нестерпимыя желудочныя боли, онъ отправился въ мировой сѣздъ, гдѣ засѣдалъ въ качествѣ почетнаго мирового судьи, для того только, чтобы касировать всѣ авдулинскія рѣшенія. Въ Энскѣ, какъ это всегда бывало, Андропова обступили всѣ его кліенты, ходатаи по дѣламъ, повѣренныя и должники; одному онъ строчилъ просьбу на рѣшеніе мирового судьи въ сенатъ, у другаго принималъ росписки и деньги по виннымъ складамъ и кабакамъ, которыхъ у него

было множество, говорилъ знакомымъ гласнымъ, кому власть налѣво на выборахъ, протестовалъ весела, однимъ словомъ работалъ въ потъ лица и вернулся въ свое Высокое уже большой окончательно. Всѣ эти хлопоты и дѣла не помогли ему однако забыть встрѣчу на станціи съ племянниками. Его особенно поразила лицо Карпова старшаго; оно показалось ему знакомымъ, только онъ никакъ не могъ вспомнить, гдѣ онъ видѣлъ прежде эти большіе, мрачныя глаза, это строгое, смуглое худощавое лицо, и тонкія губы, напоминавшія его собственныя. Загадка скоро объяснилась. Карповъ старшій былъ поразительно похожъ на свою прабабку Андронову, родную бабу Василя Ивановича и Петра Петровича; портретъ ея висѣлъ въ кабинетѣ Андропова, — и это сходство до того потрясло его, слабого и разбитаго нервами, что ему сдѣлалось дурно, и Глафира на силу привела его въ чувство.

— Сними! сказалъ онъ глухимъ голосомъ, показывая на стѣну.

— Кого снять? спросила Глафира.

— Портретъ, дура!

— Чей? Ихъ тутъ много.

— Бабки, Арины Силишны.

— Это еще что за новость? Чѣмъ онъ вамъ помѣшалъ? Вѣкъ висѣлъ, а теперь снимай.

При этихъ словахъ Василій Ивановичъ такъ закричалъ и затопалъ ногами, что Глафира должна была влѣзть на стулъ, снять портретъ и унести его въ свою комнату. А портретъ былъ очень хорошъ и написанъ мастерски. На немъ была изображена женщина лѣтъ тридцати, черноволосая, смуглая, въ бѣломъ платьѣ, съ коротенькою талією, и въ красной шали, накинутой на одно плечо. Волосы были острижены и завиты à la Titus, какъ носили ихъ во времена директоріи. Не смотря на красоту, въ этомъ гордомъ и строгомъ лицѣ было что-то отталкивающее; странная, необыкновенная жестокость сквозила въ этихъ строгихъ, черныхъ глазахъ и въ сжатыхъ тонкихъ губахъ. Эта русская барыня конца прошедшаго столѣтія напоминала кровожадныхъ римскихъ императрицъ, хладнокровно созерцавшихъ растерзанныя тѣла рабовъ въ циркѣ и втыкавшихъ булавки въ грудь служанокъ. И между тѣмъ въ этомъ надменномъ лицѣ было еще что-то фатальное, что-то, говорившее о преждевременной смерти. Андроновъ, не обращавшій прежде никакого вниманія на этотъ портретъ, который онъ привыкъ видѣть съ дѣтства, не могъ выносить теперь взгляда этихъ чер-

ныхъ, мрачныхъ глазъ, которые напоминали другіе мрачныя глаза, видѣнные имъ у этого юнаго проѣзжаго офицера. Судя по впечатлѣнію, произведенному Карповымъ старшимъ на Андронова, казалось бы невозможнымъ, чтобы онъ принялъ его, если-бы тотъ вздумалъ къ нему пріѣхать, а между тѣмъ случилось совсѣмъ противное и неожиданное; но вѣдь изъ неожиданностей часто слагается вся жизнь.

II.

У мирового судьи Авдулина, по случаю именинъ жены, шелъ ниръ горой. Гостей съѣхалось такъ много, что принуждены были обѣдать въ двухъ комнатахъ и даже накрыли для молодежи столъ на балконѣ. Горничныя совсѣмъ сбились съ ногъ, да и сама хозяйка насилу таскала ноги. Къ Авдулинымъ многіе изъ гостей пріѣзжали даже наканунѣ праздника, какъ водилось очень давно, еще во времена крѣпостнаго права. Всеобщее оскуднѣніе дворянъ уже давно положило конецъ всѣмъ справленіямъ именинъ, храмовыхъ праздниковъ, когда пріѣзжали всею семьєю, съ чадами и домочадцами, на шестерикахъ и четверкахъ, и гостили по двое и трое сутокъ; но всѣ эти прежніе порядки уцѣлѣли въ семействѣ Авдулиныхъ, и вовсе не потому, чтобы они были люди богатые, а просто потому, что были очень гостеприимны, радушны и знакомы со всѣмъ уѣздомъ. Въ ихъ домѣ, точно на какой-то нейтральной почвѣ, сходились всѣ партіи, существующія даже въ Энскомъ уѣздѣ, и люди, которые на выборахъ интриговали противъ Авдулина и потихоньку клали ему черныя шары, тоже ѣздили къ нему. Авдулинъ былъ мировымъ судьей уже третье трехлѣтіе и надѣялся быть выбраннымъ и на предстоящихъ выборахъ, тѣмъ болѣе, что его главный антагонистъ Андроновъ былъ очень боленъ и врядъ-ли останется живъ, какъ утверждалъ докторъ Амфитеатровъ, тоже находившійся здѣсь съ женою. Господи, кого тутъ только не было! Даже личности, которыя, по старости или хворости, давно нигуда не показывались, считали своею обязанностью пріѣхать 25 іюля на именины Анны Ильинишны. У Авдулиныхъ было двѣ дочери: одна взрослая дѣвица, другая подростокъ, и два сына, изъ которыхъ Митя былъ пріятель Саши Карпова, а меньшой, балованный и рѣзвый восьмилѣтній мальчикъ, еще учился дома, составляя отчаяніе матери и гувернантки, доброй и рыхлой барышни, неизмѣнно пребывавшей съ папирскою въ

зубахъ. Эта папироска несказанно мучила и сердила Анну Ильинишну, но, по необыкновенной мягкости своего характера, она никакъ не могла рѣшиться сказать гувернанткѣ, какъ ей не нравится это постоянное куреніе.

— Бѣдная, она очень нервами страдаетъ, такъ это ее успокоиваетъ, говорила она немножко нараспѣвъ,—что тутъ будешь дѣлать?

Обѣдъ былъ очень шумный; всѣ говорили вдругъ, какъ это бываетъ въ провинціи, не давая высказаться и перебивая одинъ другаго. Злобою дня были предстоящіе выборы и болѣзнь Андропова.

— Смотрите, выздоровѣть! говорилъ хозяинъ дома, высокій, полный господинъ, съ круглымъ, добродушнымъ лицомъ, опущеннымъ красивою темнурою бородою.—Такие люди живучи, у нихъ душа къ тѣлу винтомъ привинчена.

— Ну нѣтъ, шутки! отвѣчалъ Амфитеатровъ, облеченный, по случаю торжества, не въ желтую, а въ черную пару, которая все-таки походила на жидовскій лапсердакъ.—Отъ рака въ желудкѣ не выздоравливаютъ; его можетъ, впрочемъ, утѣшать та мысль, что онъ умираетъ отъ той же болѣзни, отъ которой умеръ Наполеонъ I.

— И откуда у него могла взяться такая знаменитая болѣзнь? спросилъ сѣдой господинъ съ желчнымъ лицомъ. Онъ, кажется, готовъ былъ завидовать, зачѣмъ у Андропова та же болѣзнь, что у Наполеона.

— Очень просто, отвѣчалъ докторъ:—онъ всю жизнь дѣлалъ все, чтобы получить эту болѣзнь; во первыхъ, всегда скверно ѣлъ; во вторыхъ...

— Что-жъ, и Наполеонъ тоже скверно ѣлъ? замѣтилъ ironically желчный господинъ.

— Дайте досказать, Степанъ Дмитричъ, ядовиты ужъ вы очень. Во первыхъ, я не знаю, какъ ѣлъ въ дѣтствѣ и въ ранней молодости Наполеонъ, когда еще жилъ на своемъ островѣ, вѣрно скверно; во вторыхъ, причиною рака въ желудкѣ не всегда дурное питаніе; я говорю, что это только одна изъ причинъ...

— Что же во вторыхъ? опять перебилъ желчный господинъ.

— А во вторыхъ то, что Андроновъ непременно умретъ, и умретъ скоро.

— Но вы намъ все-таки не объяснили, во вторыхъ-то что? не унимался желчный господинъ.

— Отстаньте вы отъ меня, Бога ради! Во вторыхъ то, что и вы, и я, и другіе ему много крови испортили.

— Таеъ бы вы и говорили, а то вдругъ начали съ Наполеона!

— Фу ты пропасть! Да отстанете ли вы отъ меня, наконецъ?

Степанъ Дмитріевичъ захохоталъ; онъ былъ очень радъ, что разсердилъ Амфитеатрова.

— Отчего вашего брата здѣсь нѣтъ? спросила Анна Федоровна, подозвавъ къ себѣ послѣ обѣда Сашу Карпова.

Мальчикъ сконфузился и отвѣчалъ точно неохотно:

— Его дома нѣтъ.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ къ Андронову поѣхалъ.

— Къ Андронову? Мириться вѣрно?

— Иванъ Дмитріичъ сказалъ, что ему надо ѣхать.

Анна Федоровна ничего не отвѣчала, но ей внутренно было невыразимо досадно, хотя она и сознавала, что ей нѣтъ никакого дѣла до Карпова и до тѣхъ мотивовъ, которые заставили его ѣхать къ Андронову. Не смотря на свои сорокъ лѣтъ и на постоянную жизнь въ средѣ людей, изъ которыхъ большая часть всегда руководствовалась самыми низменными и даже низкими побужденіями, людская низость всегда невыразимо сердила и огорчала ее; тѣмъ болѣе ей тяжело было встрѣтить ее въ такомъ молодомъ человѣкѣ, какъ Карповъ.

«Ah, bah! сказала она, наконецъ, мысленно, — мнѣ-то что, пускай подличаетъ! Я удивляюсь только, какъ Дина, съ ея чуткостью, можетъ интересоваться подобнымъ господиномъ?»

— А Надежда Александровна таеъ и не захотѣла къ намъ пріѣхать? прервала ее размышленія хозяйка, подсаживаясь къ ней, съ явнымъ намѣреніемъ ее занимать. Въ провинціи это дѣлается всегда очень наивно.

— Вѣдь вы знаете, Анна Ильинишна, что она въ траурѣ, отвѣчала Амфитеатрова.

— Ну что-жь, что въ траурѣ, вѣдь у насъ не балъ; пріѣхала бы, развлеклась бы немножко. Не понимаю, какъ молодая женщина можетъ вести такую жизнь, все одна, да одна?

— Она привыкла къ такой жизни.

— Какое же привыкла; она, я думаю, въ Петербургѣ много выѣзжала, и все, конечно, въ grand monde; за границую потомъ долго жила.

— Въ Петербургѣ она очень мало выѣзжала, да и grand monde, къ которому я сомнѣваюсь чтобы она принадлежала, не ведетъ такую разсѣянную жизнь, какъ вы предполагаете; въ

среднемъ кругу веселятся гораздо больше; гдѣ меньше претензій, тамъ больше настоящаго веселья. Вотъ вѣдь и у васъ очень весело, прибавила она, улыбаясь, — а между тѣмъ нѣтъ ни князей, ни графовъ.

— А какая причина, что Надежда Александровна мужа оставила? спросила, понизивъ голосъ, хозяйка.

— Право не знаю; скажу вамъ больше: я даже не знаю, оставила ли она его; сама она мнѣ ничего объ этомъ не говорила.

— Ну, полноте, вамъ-то не знать; вы, кажется, такъ дружны съ нею, особенно Иванъ Ивановичъ былъ всегда такъ друженъ съ Архаровыми.

— Вотъ видите, моя милая Анна Ильинишна, есть вещи, о которыхъ не говорятъ самому лучшему другу; да намъ-то что до этого, оставила она мужа или нѣтъ?

— Конечно, намъ все равно, но все-таки... А слышали ли вы, какое неожиданное счастье Карповымъ-то?

— Наслѣдство? Вѣдь это все очень невѣрно. Мнѣ говорили про какую-то духовную, и потомъ эта женщина, мать его покойнаго сына... конечно, она ему ближе племянниковъ, которыхъ онъ и въ глаза не знаетъ.

— Это вы про Глафиру говорите?

— Я не знаю, какъ ее зовутъ.

— Она не имѣетъ на него никакого вліянія.

— Ну такъ въ память сына... говорятъ, онъ очень любилъ мальчика. Одного я понять не могу, какимъ образомъ Карповъ попалъ къ нему, какъ онъ его принялъ? Вѣдь это было ужъ слишкомъ, какъ бы сказать, наивно и цинично вмѣстѣ, явиться въ домъ человѣка, котораго прежде знать не хотѣли, единственно потому, что этотъ человѣкъ умираетъ, а мы его наслѣдники. Я бы на мѣстѣ Андропова прогнала этого офицера.

— И представьте, Андроновъ принялъ его и даже принялъ довольно радушно.

— Можетъ ли быть?

— У страха глаза велики. Андроновъ ужасно боится смерти, но еще больше боится своихъ людей; вы знаете, какой онъ подозрительный, всегда боялся быть обокраденнымъ и зарѣваннымъ; вѣдь онъ деньги-то на груди носить.

— Да, слышала.

— Карпова свезъ туда мой мужъ. Андроновъ хотя и ненавидитъ его, какъ мирового судью, всегда къ намъ ѣзжалъ. Иванъ Дмитричъ поѣхалъ его провѣдать и взялъ съ собою старшаго Карпова. Мы очень любимъ меньшаго, Сашу, и, конечно, же-

лаемъ, чтобы состояніе Андропова скорѣе перешло къ Карповымъ, чѣмъ въ какой нибудь Глафирѣ. Карповъ старшій, весьма несимпатичный *entre nous soit dit*, принялъ приглашеніе, конечно, съ радостью, хотя все старался увѣрить насъ, что ему все равно, ѣхать или нѣтъ. Поѣхали. Всю дорогу—мнѣ рассказывалъ мужъ—Карповъ молчалъ, какъ убитый, и на вопросъ мужа, знаетъ ли о болѣзни Андропова его отецъ,—буркнулъ, что знаетъ, но что это... какъ это они всѣ теперь говорятъ? забыла выраженіе...

— Безразлично?

— Именно; препротивное слово. И все вздоръ! Какъ же можетъ быть безразлично, знаетъ ли это Карповъ-отецъ или нѣтъ?

— Ну дальше-то что же? немножко нетерпѣливо замѣтила Анна Федоровна.

— Вотъ-съ мужъ пріѣхалъ, Карпова оставилъ въ гостиной, а самъ пошелъ въ кабинетъ Андропова, нашелъ его не въ постелѣ, а на ногахъ, только, говорить, ужасно страшный, совсѣмъ земляного цвѣта, глаза провалились; сидитъ на креслѣ передъ письменнымъ столомъ, бумагу какую-то читаетъ и замѣтки на ней карандашомъ дѣлаетъ, а самъ—красне въ гробъ кладутъ. Мой Иванъ Дмитричъ поздоровался, да такъ прямо и говоритъ:—«Я къ вамъ, Василій Ивановичъ, племянника привезъ». — «Какого племянника?»—«Карпова, говоритъ,—молодой человекъ, очень хорошій, скромный, въ академію готовится». Знаете, похвалилъ его, вѣдь нельзя же. Молчить.

— Кто молчить?

— Да Андроновъ. Вы знаете, онъ сразу никогда ничего не скажетъ.—«Такъ какъ же, говоритъ мой мужъ,—примете его?» — «Отчего же, говоритъ,—хоть я и знаю, что онъ пріѣхалъ потому, что наслѣдства отъ меня ожидаетъ; да нѣтъ-съ, это шутки, я умирать еще вовсе не намѣренъ. Еловую шишку отъ меня они получаютъ!» Такъ и сказала.—«Никто на ваше наслѣдство не рассчитываетъ, говоритъ ему мой мужъ,—вы еще насъ всѣхъ переживете, а просто молодой человекъ хочетъ вамъ представиться», такъ и сказалъ: представиться. «Чуть было я не фыркнулъ, рассказывалъ мужъ, а Андроновъ всѣ эти пустыя слова на вѣру принимаетъ». — «Хорошо,—говоритъ,—пусть войдетъ». Ну вотъ, такимъ образомъ и познакомились дядюшка съ племянникомъ.

— Что-жъ, понравился Карповъ дядѣ?

— Какъ вамъ сказать, не то что понравился, а просто, я думаю, Андроновъ боится одинъ на рукахъ лакеевъ остаться.

Мужъ мой правду говорить, что онъ, какъ всѣ недовѣрчивые люди, иногда вдругъ довѣрится комунибудь, такъ, зря, безъ толку. Не надо ему только противорѣчить; а гдѣ тутъ противорѣчить, этотъ офицеръ молчитъ какъ стѣна. Но, должно быть, онъ, въ самомъ дѣлѣ, понравился Андронову, потому что тотъ пригласилъ его опять прїѣхать, и Саша говоритъ, что вчера его братъ уѣхалъ въ Высокое.

— Странно это все очень. А вѣдь когда Андроновъ умретъ, мнѣ все сдается, что Карповымъ ничего не достанется, потому что я навѣрное слышала, что, послѣ смерти сына, онъ сдѣлалъ духовную.

— Не думаю; на родовое имѣніе трудно сдѣлать духовную. Капиталь—это другое дѣло, но усадьба и земли достанутся Карповымъ, и то, слава Богу! у него вѣдь тысяча надѣловъ еще не на выкупѣ, да отрѣзныхъ земель бездна.

— Да, но вѣдь большая часть имѣнія принадлежала его матери, а послѣ нея Карповы не наслѣдники.

— Я ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю. А знаете, какая мнѣ мысль пришла: я бы, на мѣстѣ Андропова, ни за что не приняла Карпова, взглядъ у него ужъ очень мрачный. Я бы боялась.

— Чего?

— Право не знаю, какъ сказать, подумать даже страшно...

— Какое у васъ пылкое воображеніе, Анна Ильинишна; молодой человѣкъ, изъ хорошей, честной семьи, молчаливый, сдержанный, характера меланхолическаго; да вѣдь и радоваться то ему нечего, а вы ужъ Богъ знаетъ, что воображаете.

— Ничего я не воображаю, а все-таки, на мѣстѣ Андропова, я бы боялась, такіе они теперь страшные, эти молодые люди; помните, этотъ, что Скобелеву-то убилъ, ну кто бы могъ предполагать это заранѣе?

— Богъ съ вами, Анна Ильинишна. Ну что тутъ общаго? Пойдемте-ка лучше, посмотримъ, какъ тамъ молодежь танцуетъ.

И обѣ дамы отправились въ залу, откуда уже раздавался голосъ Саши Карпова: «Grand rond s'il vous plait».

III.

Пока младшій братъ беззаботно танцовалъ и веселился, совершенно забывая и болѣзнь Андропова, и миллионное наслѣдство, старшій переживалъ мучительные и тяжелые дни. Онъ

жилъ уже болѣе недѣли въ Высокомъ; но сближенія между нимъ и дядею было такъ же мало, какъ и въ первые дни послѣ его прїѣзда. Еще въ первый день, Андроновъ, пристально всматриваясь въ пасмурное лицо племянника, какъ будто съ любопытствомъ разспрашивалъ его о занятіяхъ, о приготовленіи въ академію, о разныхъ петербургскихъ происшествіяхъ и слухахъ, о послѣдней войнѣ, старательно избѣгая упоминать даже имя его отца и никогда не интересуясь ни матерью, ни братомъ, ни сестрами Карпова, точно ихъ не существовало. Онъ обращался съ молодымъ человѣкомъ, какъ съ совершенно чужимъ, постороннимъ, малознакомымъ гостемъ; но когда Григорій Петровичъ изъявилъ, на другой же день, желаніе уѣхать, онъ отвѣчалъ ему: «останьтесь, куда вамъ ѣхать, да и отвезти мнѣ васъ теперь не на чѣмъ, всѣ лошади на работѣ». На отвѣтъ молодаго человѣка, что ему нужно заниматься самому и готовить брата, который, въ половинѣ августа, долженъ непременно явиться въ гимназію, Андроновъ сказалъ: «успѣетъ, раньше 1 сентября классы не начнутся». И Карповъ остался, самъ, въ сущности, не отдавая себѣ яснаго отчета, для чего онъ остался. Анна Ильинишна вѣрно угадала причину, заставившую Андропова оставить у себя племянника; причина эта была страхъ остаться одному, на рукахъ прислуги, изъ которой онъ не довѣрялъ никому, даже Глафирѣ. Впечатлѣніе, произведенное на него сходствомъ Карпова съ портретомъ, какъ это часто бываетъ, совершенно изгладилось; онъ даже пересталъ находить это сходство и былъ очень доволенъ, что молодой человѣкъ, который даже начиналъ ему нравиться своею сдержанностью и молчаливостью, гостить у него. Что же касается до Карпова, то онъ вовсе не былъ доволенъ своимъ пребываніемъ у дяди.

Вѣчная и знакомая его спутница — тоска не давала ему, какъ всегда, покоя, а къ этому еще прибавилась скука, такъ какъ онъ рѣшительно цѣлый день ничего не дѣлалъ; книгъ у Андропова не было, а рисовать онъ тоже не могъ, потому что ничего не взялъ съ собою изъ дома, у Василія же Ивановича не только кистей и красокъ, но даже не водилось порядочнаго карандаша и бумаги. Не смотря на болѣзнь, Андроновъ цѣлые дни проводилъ за письменнымъ столомъ, все строча какія-то бумаги, а когда ему дѣлалось уже очень худо, то ложился на старинный, жесткій диванъ, стоявшій у него въ кабинетѣ. Одна изъ особенностей его болѣзни, въ которой Глафира видѣла очень дурное предзнаменованіе, была та, что онъ постоянно мѣнялъ мѣсто своего ночлега; свою спальную онъ давно уже вознена-

видѣлъ и бросилъ и каждую ночь кочевалъ изъ комнаты въ комнату, то спалъ въ кабинетѣ, то въ гостиной, даже заставлялъ ставить себѣ кровать въ столовой. Только въ комнату племянница онъ никогда не заглядывалъ, единственно потому, что тамъ находился ненавистный портретъ, который Глафира повѣсила тамъ, такъ какъ Василій Ивановичъ требовалъ, чтобы она унесла его изъ своей комнаты.

Комната, которую занималъ Карповъ, была мрачная, неуютная, съ окнами, выходившими на запущенный фруктовый садъ. Ходъ въ нее былъ изъ передней, черезъ длинный коридоръ, загроможденный всякимъ хламомъ; тутъ стояли сундуки, которые не открывались уже очень давно, такъ что сама Глафира забывала, что находится въ этихъ сундукахъ. Прежде, при жетѣ Василя Ивановича, эти сундуки выносились лѣтомъ на дворъ и все, что въ нихъ заключалось, просушивалось и провѣтривалось. Тогда появлялись на свѣтъ Божій ковры, вышитые домашнею шерстью, крѣпостными горничными, разные прошивки и вышивки гладью по батисту, сдѣланныя тѣми же рабскими руками, и свертки кружевъ, сплетенныхъ ими же. Вынимались стеганныя атласныя одѣяла, подбитыя грубою домашнею холстиною, старые дворянскіе мундиры, треуголки, лакейскія ливреи, кучерскія шапки древняго фасона, и все это просушивалось, провѣтривалось и опять запиралось въ огромные сундуки, вырощенные красною краскою и обитые по угламъ мѣдью. Въ домѣ Андропова ничто прежде никогда не терялось, не изнашивалось и не выкидывалось за негодностью; сохранялись даже приданныя платья бабки, изъ лино-батиста, съ коротенькою въ нѣсколько вершковъ талією и узенькою съ влиньями юбкою. Покойная жена Василя Ивановича была достойная его подруга и не уступала ему въ скупости. Послѣ ея смерти, рыхлая и безпечная Глафира перестала слѣдить за барскимъ добромъ, заключавшимся въ сундукахъ, и никогда не открывала ихъ, совершая обрядъ провѣтриванія разъ въ два—три года. Въ коридорѣ, на облупившихся, старыхъ стѣнахъ съ обоями, отъ которыхъ остались одни лоскутья, висѣли всѣ старые, вынесенные изъ парадныхъ комнатъ, портреты и картины. Картины и портреты были равно безобразны и всѣ были произведенія домашняго, крѣпостнаго художника, писавшаго ихъ при жизни отца Василя Ивановича, большаго любителя живописи. Въ домѣ Андропова, какъ въ большей части старинныхъ помѣщичьихъ домовъ, все, что оставалось отъ отдаленной эпохи 70 и 80 лѣтъ тому назадъ, было красиво и изящно, все же позднѣйшее было безобразно и без-

вкусно. Дворянское оскудѣніе началось гораздо раньше эмансипаціи.

Въ комнатѣ, отведенной молодому человѣку, пахло затхлостью и нежилымъ покоемъ. Мебель была старинная, краснаго дерева, за которую теперь любитель далъ бы большія деньги, именно, мебель, извѣстная теперь подъ именемъ Яacob. Кресла, столы и шифоньеры были всѣ выложены и отдѣланы бронзою и обиты полинялымъ штофомъ. Комната казалась темною, только потому, что двойныя рамы были не выставлены и, повидимому, стекла въ нихъ никогда не мылись, многія совершенно выгорѣли и переливали радужными цвѣтами. Въ простѣнкѣ висѣло овальное, треснувшее по серединѣ, зеркало, въ прелестной деревянной, рѣзной рамѣ, съ бантикомъ наверху; позолота потемнѣла и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно облупилась. Карповъ не даромъ былъ художникъ, онъ сейчасъ же замѣтилъ красоту рамы и старинной мебели; этотъ вытертый, поблекшій, желтый штофъ очень шелъ къ ней; но ему особенно понравился портретъ Арины Силипны, висѣвшій прямо противъ входа. Среди этой старой темнокрасной мебели, гдѣ мѣстами искрилась бронза, въ тусклой золотой рамѣ, на темномъ фонѣ портрета, такъ хорошо выдѣлялась красивая голова съ черными волнистыми волосами, падавшими на низкій лобъ,—лобъ римскихъ императрицъ, съ презрительно сжатыми, тонкими губами и карими, мрачными глазами, которые глядѣли на него точно живые. Это изображеніе переносило его въ то отдаленное прошлое, которое нравилось ему, манило и пугало его, какъ манили и пугали въ дѣтствѣ сказки про Бабу-Ягу и Соловья-Разбойнива. Выросшій въ городѣ, среди обстановки, въ которой было гораздо больше иностраннаго, чѣмъ русскаго, онъ чувствовалъ, какъ въ тишинѣ этого большаго дома, полного преданій крѣпостной Руси, невольно и незамѣтно выросталъ въ немъ прежній баринъ, жестокосердый, надменный и лѣнивый, и какъ ненависть къ труду, желаніе жить въ свое удовольствіе, на чужой счетъ, все больше и больше охватывало его душу.

«Странная эта Надежда Александровна, думалъ онъ иногда, переносясь мыслію на балконъ, заросшій дикимъ виноградомъ, гдѣ онъ такъ часто говорилъ съ нею, и чувствуя, какъ при этомъ воспоминаніи замирало и ныло его сердце,—право странная; неужели она, такая чуткая ко всему изящному, не страдаетъ отъ этого отсутствія поэзіи, которымъ болѣетъ наша современная, мѣщанская жизнь? Неужели эти старинные, тѣнистые, вѣковые парки, мрачные каменные дома, съ мебелью Яacob, съ

рѣзными рамами на зеркалахъ, не въ тысячу разъ изящнѣе и поэтичнѣ нынѣшнихъ крошечныхъ садиковъ, съ декоративными растеніями и смѣшными фонтанами, нынѣшнихъ мизерныхъ домиковъ въ русскомъ стилѣ, съ комнатами, оклеенными дешевенькими обоями, мягкой гостинодворскою мебелью, и съ керосиновыми лампами подъ бронзу. «Я ненавижу старую Русь, говорила она, — съ ея суетвѣремъ, жестокостью и грубостью нравовъ», точно теперь меньше жестокости, точно не видалъ я, какъ люди, толкующіе о гуманности и прогресѣ, хладнокровно выжигали цѣлыя селенія. Борьба за существованіе всегда была, есть и будетъ; но за то въ старину эта борьба для нѣкоторыхъ была очень легка, и ужь, конечно, моему прадѣдушкѣ жилось легче, чѣмъ мнѣ, его гуманному, интеллигентному и нищему правнуку».

IV.

Василій Ивановичъ чувствовалъ себя лучше и, усерднѣе чѣмъ когда нѣбудь, что-то писалъ, сидя за своимъ невзрачнымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и книгами свода законовъ. Погода была отвратительная; дождь такъ и хлесталъ въ окна, а холодный, пронзительный вѣтеръ завывалъ въ трубахъ и стучалъ старыми, гнилыми рамами. Карповъ, сидя у окна, угрюмо глядѣлъ на пустой, запущенный садъ, съ качающимися деревьями, и на алею изъ стриженныхъ елокъ, окаймляющихъ широкую дорожку, по которой вода бѣжала потоками къ озеру. Онъ былъ мрачнѣе обыкновеннаго; у него точно гвоздемъ сидѣла въ мозгу мысль, что Андронову гораздо лучше, что прожить онъ можетъ еще очень долго, и что подлость, какъ называлъ онъ свое пребываніе въ Высокомъ, будетъ подлостью безъ результата.

— Батюшка, Василій Иванычъ! послышался вдругъ робкій голосъ, вышедшій изъ открытой двери въ гостиную.

Андроновъ оглянулся; въ дверяхъ кабинета стоялъ мужикъ въ старомъ полушубкѣ, въ заплаткахъ, перебирая въ рукахъ вытертую и совершенно неидущую къ сезону, жалкую, мѣховую шапку. Карповъ уставился на него удивленными глазами; первый разъ ему приходилось видѣть, что мужикъ безъ доклада входилъ прямо въ кабинетъ барина.

— Чего лѣзешь въ комнаты? грубо проговорилъ Андроновъ, причемя лицо его еще больше потемнѣло и пожелтѣло. — Сказано — жди!

— Да я, Василій Иванычъ, съ утра жду, не пимши, не ѳмши, отвѣчалъ мужикъ такимъ жалкимъ голосомъ, что Карповъ невольно поморщился и отвернулся въ окну. Это движеніе, повидимому, не ускользнуло отъ Андропова, и насмѣшливая улыбка искривила его тонкія губы.

— Толкуй! продолжалъ онъ, не глядя на мужика.— Видишь, молодой баринъ повѣрилъ, что ты точно не пимши, не ѳмши; а я знаю, что ты въ кабакъ уже два раза бѣгалъ.

— Грѣшный человѣкъ, заходилъ погрѣться, вишь погода-то какая! Богъ тепла не даетъ; какъ зачастить дождь, того и смотри, что бабки проростутъ. Такъ какъ-же на счетъ долга-то? продолжалъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу:— ужь сдѣлайте божескую милость, повремените.

— Никакой тебѣ милости не будетъ! На водку у васъ небось деньги есть, а какъ долгъ отдавать, такъ и запѣлъ Лазаря. Знаю я, какъ вы нивольщину-то справляли, два дня разомъ ходили. Сказано—не жду! Убирайся и приноси деньги, а не то приставъ все опишетъ; исполнительный-то листъ у меня полученъ.

— Батюшка, Василій Иванычъ, заставъ за себя Бога молить! И мужикъ повалился въ ноги. Карпова точно что кольнуло, и не глядя на Андропова, онъ глухо сказалъ по-французски:—*Accordez lui donc ce qu'il vous demande.*

— Это не ваше дѣло-сь, сухо отвѣчалъ Андроновъ.— Русскому человѣку въ ноги поклониться, все-равно что мнѣ стаканъ воды выпить.

Мужикъ продолжалъ стоять на колѣняхъ, поглядывая изъ подлобья на молодаго барина; онъ понялъ, что тотъ за него заступился.

— Да ты хоть до завтра стой, сказалъ Андроновъ, точно стальнымъ голосомъ, голосомъ скрягъ:— меня, братъ, этимъ не проймешь, я всѣ ваши уловки знаю. Деньги завтра, или приставъ прійдетъ. Ступай!

— Василій Иванычъ! повремени хоть маленько, ну хоть послѣ Успенья.

— Когда это Успенье? спросилъ Андроновъ, ни къ кому собственно не обращаясь.

— Это должно быть Успенье, 15 августа, отвѣчалъ молодой человѣкъ; ему было совѣстно взглянуть на мужика. «Что онъ объ насъ думаетъ, этотъ мужикъ?» вертѣлось у него въ головѣ.

— Хорошо, пусть до Успенья, сказалъ Андроновъ, — а за обожданіе, приходи ко мнѣ косить въ оржаномъ полѣ.

— Ослободи, Василій Ивановичъ; самъ знаешь, какая теперь пора, что ни на есть самая горячая.

— Вотъ народецъ! съ негодованіемъ произнесъ Андроновъ, — сейчасъ торговаться. Ну, слушай ты, глупая твоя борода, я слова своего не мѣняю: или завтра-же деньги, или, если до Успенья, то косить. Пошелъ!

— Счастливо оставаться, пробормоталъ мужикъ, низко кланяясь. Отвѣтилъ ему только Карповъ. Мужикъ вздохнулъ и побрелъ вонъ, какъ-то робко ступая по старому, истрескавшемуся паркету, точно боясь осквернить его своими мужицкими сапогами. Молодой человѣкъ тоже всталъ и, не смотря на дождь и вѣтеръ, отправился въ садъ; его душила злорада и какое-то гнетущее, прежде неиспытанное имъ чувство стыда.

«Вотъ и новая Русь! думалъ онъ, — чѣмъ-же она лучше старой? Развѣ только тѣмъ, что теперь баринъ казнить и донимаетъ рублемъ; я убѣжденъ, что этотъ мужикъ лучше-бы согласился быть высѣченнымъ, чѣмъ ползать на колѣняхъ, вынося издѣвательства этого двуногаго волка». Карповъ былъ вовсе не изъ чувствительныхъ, но чрезвычайно гордый самъ, онъ не выносилъ зрѣлища человѣческаго униженія, и никакое кровавое зрѣлище, къ которымъ онъ привыкъ на войнѣ, не производило на него такого мучительнаго впечатлѣнія, какъ видъ этого жалкаго, оборваннаго мужика, ползающаго на колѣняхъ, изъ за какихъ-нибудь грошей. «И что это за народъ! думалъ онъ съ негодованіемъ, — никакого чувства собственнаго достоинства я не видалъ на его лицѣ, даже озлобленія на того, кто такъ гнусно издѣвался надъ его нищетою и безпомощностью; все тотъ-же плаксивый, жалкій голосъ, тотъ-же мутный, покорный взглядъ. Развѣ это люди? Это какіе-то бараны. Я помню, какъ загорались глаза болгаръ, даже дѣтей и женщинъ, при разсказахъ о туркахъ; пятисотлѣтній гнѣтъ не истребилъ въ нихъ гордости и чувства человѣческаго достоинства, а эти!..» Онъ нервно шагалъ по дождю, не замѣчая и точно не чувствуя его.

Дойдя до озера и спустившись въ нему по шатавшимся ступенькамъ, онъ остановился на гнилой пристани, съ обвалившимися перилами. Вѣтеръ прямо на него гналъ бурныя волны, съ поблѣвшими верхушками, которыя прыгали на пристань, скрипѣвшую и точно стонавшую отъ ихъ усилій. Небо, та-

кое-же бурое, низко висѣло надъ озеромъ, а дождь такъ и хлесталъ по водѣ.

За озеромъ виднѣлись обширныя поля съ сжатою рожью. Дождь согналъ людей съ работы, и надъ сложенными въ бабки снопами стали носиться вороны, оглашая окрестность неистовымъ карканьемъ. Никогда еще село Высокое, съ его запущеннымъ садомъ, не казалось Карпову такимъ унылымъ и мрачнымъ. «Зачѣмъ я здѣсь? думалъ онъ, поворачивая назадъ къ дому и съ трудомъ взбираясь по размокшей дорожкѣ. Неуклюжій, каменный домъ, съ облупившейся штукатуркой, подъ этимъ сѣрымъ, дождливымъ небомъ, имѣлъ видъ стараго, заброшеннаго острога.— «Глафира увѣряетъ меня, что у него не сдѣлано никакой духовной, значить, здѣсь-ли я, или нѣтъ, не въ далекомъ будущемъ все будетъ наше; не унесетъ-же онъ въ гробъ свои деньги, они-же, говорятъ, въ именныхъ билетахъ, значить украсть ихъ нѣтъ никакого расчета. Зачѣмъ-же я здѣсь? Завтра уѣду, это наконецъ гадко!»

Поднимаясь на крыльцо, которое вело въ ту сторону дома, гдѣ находилась его комната, онъ увидалъ старуху Афимью, которую встрѣчалъ и прежде, такъ какъ каморка, гдѣ жила она, выходила на тотъ-же самый коридоръ, отсюда вела дверь и въ его комнату.

Старуха, не смотря что ей было за семьдесятъ пять лѣтъ и что она постоянно все забывала и дурно видѣла, воображала, что она по прежнему хозяйничаетъ въ домѣ, что все лежитъ на ея ответственности, и глубоко ненавидѣла Глафиру, корчившую изъ себя барыню и воображавшую, что она можетъ надъ нею командовать, по словамъ Афимьи. Борьба за власть шла постоянно между выжившею изъ ума старухой и толстой, здоровой Глафирой, которая до того была глупа, что даже не умѣла скрыть отъ старухи свое интимное знакомство съ волостнымъ писаремъ, и постоянно трепетала, что старуха, нѣтъ, нѣтъ, да и расскажетъ все Василию Ивановичу. Афимья была кормилица Андропова и вслѣдствіе этого пользовалась нѣкоторымъ авторитетомъ въ домѣ, хотя жила такъ же грязно и ѣла такъ же скудно, какъ и остальная прислуга. За свою, болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнюю службу она имѣла только двѣ привилегіи: спать на перинѣ, подаренной ей еще покойной барыней, матерью Василия Ивановича, и невообразимо жарко топить печку въ своей каморкѣ. Дрова она таскала сама. Афимья, съ перваго-же дня пріѣзда Григорія Петровича, угадала въ немъ соперника Глафиры и начала его беречь, какъ только могла;

носила ему ягоды, которая сама ходила собирать въ саду, и угощала пѣнками, такъ какъ, по старой памяти, варила варенье, не смотря на увѣреніе Глафиры, что старая чертовка только даромъ сахаръ изводитъ, и что всякій годъ ея варенье либо засахарится, либо скиснетъ.

— Что это, батюшка, по такой погодѣ гулять изволишь? спросила Афимья, лова руку молодого человѣка, которую тотъ успѣлъ отдернуть.

— А отъ чего-же, бабушка, и не гулять, я вѣдь не сахарный, отъ дожда не растаю, отвѣчал молодой человѣкъ, всегда охотно говорившій съ Афимьею. Эта высокая сѣдая старуха, съ потухшими, черными глазами, казалась ему очень типичной; ея высохшее, желтое и сморщенное лицо носило слѣды замѣчательной красоты.

— Вѣдь ты сидишь же тутъ на крылечѣ, не боишься сырости?

— Я, другое дѣло, я привыкли съ измалѣтства, мы народъ ломаный, бывалый, всего навидѣвшись; а ты—господское дитѣ, нѣжное.

— Я солдатъ, бабушка, отвѣчал онъ, садясь рядомъ со старухой, на ступеньки крыльца, подъ навѣсомъ.—Я вѣдь и на войнѣ былъ.

— Ахти, мать Царица небесная! Такой-то молоденькій, уседа прибавается. А что, страшно, я думаю, на войнѣ-то?

— Сначала страшно, а потомъ ничего.

— Ничаво!.. охъ, охъ, охъ! Грѣхи-то наши тяжкіе! Вотъ моего Василя Ивановича Богъ миловалъ, никогда онъ на войнѣ не бывалъ; маменька ихъ покойница, — Царство ей небесное, легкое лежанье, — хотѣла, чтобы онъ по штатской пошелъ, все больше по законамъ-то этимъ. Ужь и законникъ же онъ вышелъ, и не приведи Господи какой! Кажись, нѣтъ такого на свѣтѣ закона, котораго бы онъ не зналъ. А вотъ что я тебѣ скажу: такіе это законы пошли мудреные, что будь человѣкъ какъ хошь правъ, у нихъ, по этимъ-то законамъ, виновать выйдетъ; ужаси какіе мудреные, иного закона и не выговоришь. Ты, я думаю, и не слыхивалъ, гдѣ тебѣ это знать: вдругъ законъ кассація называется, слыхалъ ты такой законъ?

— Точно, удивительный законъ, сказалъ, улыбаясь, Карповъ.

— Да ты не смѣйся, я правду истинную говорю. А вотъ что ты мнѣ скажи: отчего это прежде такихъ законовъ не бывало, а люди жили не хуже.

— Какъ не было? Ну такъ другіе были.

— Никакихъ я тебѣ скажу не было; ты вѣдь небось не помнишь, какъ крѣпостными мы были?

— Не помню.

— То-то, значить ты ничаво о тогдашнихъ порядкахъ не знаешь. Въ тое время былъ у тебя баринъ, ты его только и слушаль, угождалъ ему, какъ только твоей силушкой хватало; сдѣлалъ ты что худое—выпорять, служишь вѣрно—наградятъ, вотъ тебѣ и законъ весь.

— Да вѣдь и тогда судили человѣка, если онъ украдетъ или убьетъ?

— Все, скажу тебѣ, было въ барскихъ рукахъ; хороший баринъ, свою завсегда, хоть какую уголовщину сдѣлай, защищалъ. Не знаю, какъ у другихъ, а у насъ въ вотчинѣ никакого закона не было; бывало, что господа межъ собою судились, это бывало. У насъ тутъ по сусѣдству жили два брата помѣщики, всю жизнь межъ собою тягались; какъ родители ихъ померли, такъ и затыгались, подѣлиться промежъ себя не могли, домъ пополамъ разрубили, изъ каждаго, прости Господи, паршиваго корыта чуть не дрались, такъ и не могли подѣлиться, судъ ужъ ихъ раздѣлилъ; да и потомъ-то до самой смерти тягались, и померли не помирившись. Вотъ грѣхи-то какіе, а все изъ-за закону.

— Такъ вотъ, были же законы и въ старину?

— Да то у господъ, а у насъ никакихъ законовъ не было.

— Что-жъ, по твоему, бабушка, въ старину лучше было?

— Вотъ, что я тебѣ скажу: бою было много, а жить легче было, куды легче.

— Какого бою?

— Дрались очень господа, только не всѣ, зачѣмъ врать. Вотъ бабушка-то твоя, Катерина Михайловна,—Царство ей небесное, легкое лежанье,—добрая была барыня, ужъ такая добрая, я ее дѣвушкою еще помню, смиренная, да кроткая. И такой матери дочка, подумаешь!

— Какой матери?

— Не знаешь что-ли, не слыхалъ, какая была твоя прабабушка, Арина Силишна?

— Что портретъ-то у меня въ комнатѣ виситъ?

— Во, во, во, она самая и есть! Лютая была,—людей до смерти засѣкала, прибавила, понизивъ голосъ, Афимья, точно боюсь, что грозная тѣнь Арины Силишны сейчасъ прерветъ ея дерзкую рѣчь.

— Людей засѣкала? Эта красивая, молодая женщина?

— А померла-то какой смертью, страшно и выговорить!

— Какъ же померла-то?

— Убили; садовникъ лопатой убилъ.

«Такъ и въ то время не всё ползали на колѣняхъ, подумалъ молодой человѣкъ;— были же и такіе, которые умѣли ненавидѣть и мстить».

— Бабушка, расскажите пожалуйста, какъ это было и когда?

— Давно, такъ давно, что я еще маленькая про это слыхала, отъ матушки покойницы. Охъ! много здѣсь человѣческой крови пролито, говаривала она бывало; строгая была наша барыня Арина Силишна, неумолимая. Осталась она молодой вдовою съ сыномъ, да дочерью, вотъ дочка-то потомъ за твоего дѣдушку, Петра Александровича, замужъ вышла, а сыновъ, Иванъ Михайловичъ, былъ отецъ нашего Василя Ивановича, вѣдь онъ сдвуродный съ папашей твоимъ. Вотъ и жила Арина Силишна, съ малолѣтними дѣтьми. Барыня она была богатая, важная, собою красавица, только ужъ очень слѣсовая, да жестокосердая, ндраву ея не препятствуй. Жила она хорошо, гостей къ ней много ѣзжало, всего вдосталь, всё ей кланялись, да угождали; любила, чтобы по ея слову сейчасъ все дѣлалось. Какъ не по ней, сейчасъ хлысть въ рожу; говорятъ, разъ одной барынь изъ мелкопомѣстныхъ въ лицо плюнула, что-то поперегъ ей сказала, такъ таки и плюнула. Горничныя дѣвки, какъ бывало идтить ее одѣвать, вкрестились, а все бывало не угождать. Ужъ она и по щекамъ-то ихъ била, и щипала до крови, и за косы таскала; повѣришь ли, даже булавки имъ въ тѣло втыкала.

«Точь въ точь римская императрица», подумалъ Карповъ.

— Людей, при себѣ, за каждую провинность на конюшнѣ наказывала; такъ бывало на рогожкѣ человѣка и вынесутъ. Многихъ до смерти запарывала; умереть человѣкъ, она и велитъ попу похоронить; всёмъ заважетъ говорить, что своею смертью померъ. А извѣстно, поппъ тоже ее боялся; какъ что не по ней, она сичасъ къ архирею и попа съ мѣста долой, ужъ ей конечно больше вѣры архирей дастъ, чѣмъ тамъ попу какомунибудь. Попы-то въ старину были не то, что таперича; у господъ поппъ тоже какъ въ вѣрности былъ, и състь-то не смѣлъ въ барской гостиной; водочки поднесутъ тамъ, гдѣнибудь, у ключницы, и на томъ спасибо. Вотъ такимъ самымъ манеромъ и жила Арина Силишна; правда, на нее бѣгали не разъ холопы жаловаться въ губернію, да что пользы-то: къ ней же ихъ назадъ исправникъ отошлетъ, а она того человѣка еще пуще отдеретъ, да на поселеніе потомъ въ Сибирь сошлетъ,

либо въ солдаты, не въ очередь, сдать. Ну и стало не въ терпѣжь; все-жь люди, не своты какіе. Собака и та на хозяина огрызнется, если ужь оченно бить ее зачнетъ. Стала Арина Силишна придираться къ садовнику. Парень былъ молодой, смирный. Не влюбила она его; какъ онъ ни старался, никакъ не угодить на барыню. Драли его на конюшнѣ почестъ что кажинный день; ну, мужикъ молодой, выносливый, встряхнется, повалится день-другой, опять за работу, только злоба его все пуще да пуще разбирала. «Когда-жь этому тиранству конецъ будетъ?» думаетъ. Вотъ приходитъ разъ барыня въ садъ, а тогда вишни пшанскія поспѣли; она смерть ихъ любила, только Боже сохрани, чтобы кто нибудъ прежде ягоду съѣлъ, сыночка маленькаго высѣкла за то, что подъ сѣтку разъ залѣзъ. А сѣткой вишенье закрывали отъ воробьевъ, и пропасть ихъ была этихъ вишеневъ. Вотъ и приходитъ въ садъ Арина Силишна, прямо къ сараю, смотреть, съ одной стороны сѣтка немножко приподнята, а садовникъ тутъ же, недалеко, около парниковъ возится. «Сенька! что это значить?» кричитъ. Онъ подошелъ, а въ рукахъ у него лопата, которой копалъ. — «Чего изводите?» отвѣчаетъ. — «Кто тамъ — говоритъ — въ сарай лазить?» — «Никто не лазить». — «Отъ чего же сѣтка вотъ въ этомъ мѣстѣ приподнята?» — «А Богъ ее знаетъ, должно быть вѣтромъ какъ нибудъ приподняло, аль можетъ павлинъ сюда летаетъ, такъ какъ нибудъ своротилъ». — «Павлинъ? Ахъ ты мерзавецъ, да какъ ты смѣешь павлина сюда пущать?» И хлысть его въ рожу. Онъ ничего, стоитъ; самъ потомъ на допросѣ показывалъ: «всего меня лихорадка бьетъ и не то, чтобы я спужался, а ужь очень мнѣ обидно вдругъ стало, къ горлу что-то такъ и подступило». — «Говори, анафема, зачѣмъ павлина пустилъ?» Молчитъ; только потомъ сказывалъ: «все у меня какъ круги огненные передъ глазами, да подъ сердце подпираетъ». «Говори, пристаешь барыня, — а не то закатаю на конюшнѣ; забылъ, діаволь, какъ вчера тебя драли?» — «Нѣтъ, не забылъ! какъ крикнетъ онъ не своимъ голосомъ, — только тебѣ ужь больше надо-мною не потѣшаться». Да лопатой то ее по головѣ какъ вдарить, она и повалилась. — «А какъ — говорилъ — повалилась барыня, а и свѣту Божьяго не взвидѣлъ; ничаво не помню, только лопатой-то ее по головѣ и пошелъ катать; билъ, билъ, только мнѣ въ лицо-то, мозги да кровь такъ и хлыщутъ; бросилъ лопату и пошелъ въ семейную: «вяжите меня, говорю, — я барыню убилъ».

— Ну, а потомъ что?

— Извѣстно что, судъ понаѣхалъ, пороли тутъ много на-

роду, думали, что у садовника пособники были; а онъ, какъ ни билъ его исправникъ, стоитъ на своемъ: «никто не поддучалъ, самъ надумалъ, да и убилъ». А по правдѣ тебѣ сказать, его хоть никто не поддучалъ, а всѣ много разъ слышали, какъ онъ говаривалъ: я барыню безпремѣнно порѣшу. Отодрали его, злодѣя, кнутомъ и въ Сибирь на каторгу сослали. А изъ-за него много народу погибло, драли немилосердно, иные со страху сами на себя наговорили; кого на поселеніе, кого въ солдаты; много въ тѣ поры крови да слезъ пролилось. А все-жъ, скажу, лучше теперешняго жили, куды лучше, закончила совершенно неожиданно свой трагическій рассказъ Афимья.

Мрачная повѣсть прѣжнихъ лѣтъ произвела на Карпова странное впечатлѣніе; войдя въ свою комнату, онъ сѣлъ на кресло противъ портрета Арины Силишны и долго смотрѣлъ на него, точно желая найти въ лицѣ этой женщины разгадку и причину ея необыкновенной жестокости; онъ былъ нѣсколько фаталистъ по натурѣ. Ему тоже показалось, какъ и Андронову, что онъ гдѣ-то видалъ эти каріе, мрачныя глаза и сжатые тонкія губы. «Гдѣ же?» И вдругъ его что-то осѣнило. Онъ быстро всталъ и подошелъ къ зеркалу. Надтреснутое зеркало отразило его блѣдное, смуглое лицо и прямо взглянули на него мрачныя, каріе глаза. Онъ отошелъ отъ зеркала и опять сѣлъ противъ портрета.

«Въ четвертомъ поколѣніи явилось сходство, думалось ему, глядя на портретъ.—Вотъ она, эта сила наслѣдственности, сила крови; а мы, жалкіе мудрецы, неумѣльные педагоги, думаемъ побороть эту силу воспитаніемъ, культурою. Такъ вотъ отъ кого наслѣдовалъ я и гордость и жажду богатства, т. е. власти; ей было не нужно богатства, оно было у нея, была и власть, которую теперь даютъ только деньги. Поборотъ въ себѣ родовнаго наклонности немислимо, не даромъ, девятнадцати лѣтъ отъ роду, я, не блѣднѣя, смотрѣлъ на кровь, а—достойный правнукъ жестокосердой Арины Силишны... И тебя вѣрно мучила тоска? продолжалъ онъ думать, не сводя глазъ съ портрета,—не даромъ эта тоска свѣтитя въ твоихъ мрачныхъ глазахъ. Но о чемъ тоска? Тебѣ было покорно все, ты убивала изъ прихоти, а я, жалкій слабецъ, блѣднѣю и дрожу даже отъ мысли столкнуть препятствіе съ дороги; но вѣдь передъ тобою не стоялъ свѣтлый образъ, предъ которымъ безсиленъ духъ зла, который меня терзаетъ». Онъ порывисто всталъ, сѣлъ къ письменному столу, придвинулъ къ себѣ X томъ свода законовъ и сталъ дѣлать изъ него какія-то выписки.

V.

Леонидъ Леонидычъ Карминскій, возвратясь изъ-за границы въ Петербургъ, сталъ замѣчать, что кредитъ его падаетъ. Въ воздухѣ носились какія-то новыя вѣянія, начинали поговаривать о сокращеніяхъ, объ экономіи; газеты, одна передъ другою, изобличали разныя хищенія, и все больше и больше выдвигался на сцену вопросъ о народѣ. Мужикъ, простой, сѣрый мужикъ, сталъ предметомъ всѣхъ думъ, всѣхъ административныхъ вчинаній, предлогомъ всѣхъ мѣропріятій, темою разговоровъ и журнальной перебранки. Мужикъ, конечно, ничего объ этомъ не зналъ и продолжалъ голодать, пропивать въ кабакѣ послѣдній грошъ и мечтать о какомъ-то передѣлѣ. Своихъ радѣтелей онъ не зналъ, и даже не подозрѣвалъ, что о немъ такъ много говорятъ въ салонахъ, гдѣ и порусски то говорить не умѣли, и занимаются о водвореніи въ немъ нравственности въ этихъ департаментахъ, съ важными швейцарами, съ лѣстницами, устланными коврами, на которыя даже никогда не вступала его мужицкая нога. Леонидъ Леонидычъ мужика совсѣмъ не зналъ, какъ не знали его и тѣ, которые по немъ такъ убивались; кромѣ того, къ деревнѣ и къ мужику онъ имѣлъ даже какое-то почти физическое отвращеніе, и только физическое, потому что, какъ человѣкъ благовоспитанный и вполне благонамѣренный, онъ предпочиталъ мужика разночинцу. Онъ особенно ненавидѣлъ недавно народившагося интеллигентнаго разночинца. Вѣдомство, въ которомъ служилъ Леонидъ Леонидычъ, не имѣло никакого прямого соприкосновенія съ мужикомъ, но за то оно начинало ступшевываться, и по всему было видно, что будущее принадлежало дѣятелямъ на другомъ поприщѣ. Леонидъ Леонидычъ, какъ человѣкъ тонкій, сразу увидалъ, что если онъ останется на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ было такъ легко и выгодно служить, то пѣсенка его спѣта. Надобно было применить къ новымъ дѣятелямъ, переходить на службу туда, гдѣ представлялись такія широкія перспективы, а для этого нужно было довазать, что онъ знаетъ и Россію, и мужика. Но нельзя же было изучать народныя нужды и стремленія въ Петербургѣ, и вотъ Леонидъ Леонидычъ, пользуясь тѣмъ, что срокъ его отпуска еще не кончился и что никого изъ высокопоставленныхъ лицъ еще въ это время въ Петербургѣ не было, рѣшился уѣхать въ деревню, къ женѣ, и въ одинъ прекрасный день, Надежда Александровна,

получила слѣдующую телеграму: «Выѣзжаю изъ Петербурга сегодня вечеромъ, буду на станціи Староселье завтра утромъ, пришлите за мною лошадей и экипажъ въ Энскъ».

Отъ этой депеши у Надежды Александровны даже руки опустились; правда Леонидъ Леонидычъ уже раньше писалъ ей ней, что умираетъ отъ скуки въ Петербургѣ, что его такъ и тянетъ къ ней, въ милое Ясное; но она принимала это за однѣ фразы, на которыя былъ такой охотникъ Леонидъ Леонидычъ, и вдругъ эта телеграма, съ обычнымъ лаконизмомъ извѣщающая о его пріѣздѣ,—это уже не фразы. Но дѣлать было нечего. Надежда Александровна, ненавидѣвшая объясненія, еще больше ненавидѣла скандалъ и пересуды. Отвѣчать отказомъ, значило сдѣлать весь Энскъ повѣреннымъ своихъ отношеній къ мужу. Ея телеграма уже не застанетъ его въ Петербургѣ, она должна написать въ городъ, онъ пріѣдетъ въ Энскъ, не найдетъ тамъ лошадей, а найдетъ ея записку, и долженъ будетъ уѣхать назадъ, къ великому удивленію и соблазну Файны Николаевны и всѣхъ городскихъ обывателей. Поэтому она, скрѣпя сердце, позвала Тимофеича, приказала ему приготовить спальную Леониду Леонидычу, въ кабинетѣ стараго барина, и завтра послать въ городъ кучера съ коляской. Тимофеичъ, никогда ни чему неудивлявшійся, не удивился и на этотъ разъ, что молодой баринъ будетъ ночевать не въ одной комнатѣ съ барыней, даже не замѣтилъ, какъ при этомъ приказаніи лукаво улыбнулась Даша, но сказалъ: «слушаю-сь» и пошелъ исполнять приказанія.

VI.

На другой день, часа въ два, та же коляска, запряженная четверкою сытыхъ гнѣдыхъ лошадей, быстро подкатила къ крыльцу бѣлаго дома, и изъ нея очень бодро выскочилъ мужчина среднихъ лѣтъ, средняго роста, съ красивымъ, румянымъ лицомъ, окаймленнымъ длинными, бѣлокуроыми, дипломатическими бакенбардами. Онъ былъ безукоризненно одѣтъ въ сѣрый дорожный костюмъ, шляпа на немъ была также сѣрая. Окинувъ усталымъ и разсѣяннымъ взглядомъ дворъ и крыльцо, онъ увидалъ, что его никто не встрѣчаетъ, кромѣ маленькаго старичка, съ бритымъ, воричневымъ лицомъ и темными волосами, остриженными въ кружокъ. Леонидъ Леонидычъ въ первый разъ видѣлъ Тимофеича и никакъ не могъ понять, какого рода должность сей индивидуумъ исполняетъ въ домѣ. «Что онъ

такое: дворникъ, садовникъ, кучерь?» думалъ онъ, смотря на него въ недоумѣніи. На вопросительный взглядъ Леонида Леонидыча, Тимофеичъ отвѣчалъ по солдатски: «здравія желаю, ваше превосходительство! съ пріѣздомъ честь имѣю поздравить!» Тимофеичъ былъ большой формалистъ и почитатель чиновной іерархіи.

— Спасибо, отвѣчалъ Леонидъ Леонидычъ, снисходительно улыбаясь. Своимъ привѣтствіемъ Тимофеичъ сразу приобрѣлъ довѣренность барина.

— Надежда Александровна дома? здорова? спросилъ онъ, всходя по лѣстницѣ въ просторную и опрятную переднюю.

— Генеральша у себя, отвѣчалъ также почтительно Тимофеичъ, таща саки и пледы Леонида Леонидыча.

«Совершенно какъ въ Петербургѣ», думалъ тотъ, вѣшая свое пальто на ясневую вѣшалку. Тимофеичъ, такой старательный, на этотъ разъ не могъ помочь ему, такъ какъ у него руки были заняты пледами и саками. «Какая тишина! думалъ Леонидъ Леонидычъ, входя въ столовую, полутемную отъ балкона, заросшаго дикимъ виноградомъ, «точно замокъ *chez la belle au bois dormant*, и изъ всѣхъ живыхъ существъ, одинъ только этотъ гномъ!» Онъ посмотрѣлъ на Тимофеича, который въ это время растворилъ дверь въ комнату налѣво и суетился тамъ, что-то прибирая.

— Гдѣ же барыня, наконецъ? уже нетерпѣливо спросилъ Леонидъ Леонидычъ, и точно въ отвѣтъ на его вопросъ, въ дверяхъ гостиной показалась вертлявая Даша, въ узенькомъ, по модному обтянутомъ, желтомъ, ситцевомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ, съ большимъ бантомъ.

— Надежда Александровна приказали спросить, проговорила она жеманно, — гдѣ вамъ будетъ угодно завтракать: здѣсь, или на балконѣ, и чего прикажете — кофе или чаю?

— Скажите, моя милая, что прежде всего я желаю видѣть Надежду Александровну.

Горничная исчезла. Леонидъ Леонидычъ счелъ смѣшнымъ дожидаться въ столовой и направился въ гостиную. Вскинувъ *pince-nez*, онъ принялся разсматривать картины. Прямо противъ двери висѣла большая картина, изображавшая нормандскій берегъ во время бури; на первомъ планѣ рыбаки тащили лодку; темно сѣрое дождливое небо низко нависло надъ бурнымъ моремъ и, казалось, слышался прибой волнъ и завыванье вѣтра въ бѣлыхъ снастяхъ лодки. «Не дурная вещь», сказалъ онъ, щурясь, «только сюжетъ непріятный». И онъ перешелъ

къ картинѣ, изображавшей молодую, красивую итальянку, съ грустно поникшей головой. Тишина кругомъ была невозмутимая; въ открытыя окна лился изъ сада теплый воздухъ, насыщенный слабымъ запахомъ цвѣтовъ; мухи, жужа, бились подъ опущенными маркизами, и больше ни звука, ни пороха. Карминскій подошелъ къ круглому столу, стоявшему посреди комнаты, «La sainte bible»... «l'Illiade», прочелъ онъ на корешкахъ толстыхъ книгъ. На маленькомъ столикѣ у дивана тоже лежала книга. «Le règne Goriot», прочиталъ онъ. «Бальзакъ! Старина какая», сказалъ онъ уже вслухъ, — и охота ей читать такую дрянь». Онъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ въ садъ и, наконецъ, о, ужасъ! засвисталъ.

«Скука-то однако-жъ какая здѣсь!» подумалъ онъ опять. Стеклянная дверь, къ которой въ эту минуту онъ стоялъ спиною, отворилась и въ комнату вошла Надежда Александровна, въ черномъ платьѣ, болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно. Наступила очень непріятная минута свиданія супруговъ, которые супруги только по названію. Она не знала, что сказать, и остановилась въ нерѣшительности. Леонидъ Леонидычъ, не смотря на свой апломбъ, тоже стоялъ молча, не рѣшаясь подойти къ женѣ. Первая, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, оправилась отъ смущенія Надежда Александровна; она повидимому спокойно подошла къ мужу и, протягивая ему руку, сказала: «Bonjour, Léonide, я рада васъ видѣть;» она сказала — рада, но мѣстоименіе «васъ» сразу говорило: «вы мнѣ чужой, гость, и ничего больше». Леонидъ Леонидычъ такъ это и понялъ; онъ поцѣловалъ протянутую ему руку, сейчасъ же заговорилъ о дорогѣ, о грязной станціи Староселье и жалкомъ городкѣ Энскѣ, совершенно созданномъ для того только, чтобы служить мѣстомъ административной ссылки, и опять осматривая комнату въ *rinse-nez*, похвалилъ домъ, говоря: «qu'il a du cachet».

— Вы надолго приѣхали? спросила Надежда Александровна, нарушая вдругъ этимъ вопросомъ всѣ законы гостепріимства; повидимому, болтовня Леонида Леонидыча раздражала ее.

— Насколько позволите, отвѣчалъ Карминскій, какъ-то неестественно улыбаясь.

— Нѣтъ, шутки въ сторону, перебила его Надежда Александровна, — будемъ говорить серьезно; вѣдь это наконецъ смѣшно, что мы ведемъ съ вами посторонніе діалоги. Впрочемъ, говорить о дѣлѣ теперь еще не время; вы конечно устали съ дороги, которая точно ужасна, къ тому же вы вѣроятно голодны. Пойдемте на балконъ, тамъ все готово, потомъ Тимофеичъ по-

кажетъ вамъ вашу комнату, вы отдохнете и тогда я попрошу васъ объяснить мнѣ ваши намѣренія.

— Зачѣмъ же откладываетъ, я могу объяснить ихъ въ двухъ словахъ, вы уже слишкомъ хлопочете обо мнѣ какъ о гостѣ и, кажется, совершенно забываете, что я вамъ не совсѣмъ чужой.

— Къ сожалѣнію, я это не забыла и потому мнѣ такъ тяжело...

— Чтожъ, договаривайте... такъ тяжело мое присутствіе?

— Да.

— Что дѣлать, надобно къ этому привыкать; я намѣренъ здѣсь пробыть до осени.

— До осени?

— Да, это необходимо по разнымъ причинамъ, о которыхъ долго рассказывать. Вы можете мнѣ сказать на это, что я здѣсь у васъ; но я долженъ васъ предупредить, что, по нашимъ законамъ, жена не имѣетъ права выгнать мужа изъ своего дома. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы это никогда не сдѣлаете; вы такъ уважаете законы гостепріимства и, конечно, даже не намекаете мнѣ о томъ, что я здѣсь не у себя. Теперь пойдемте завтракать, я дѣйствительно усталъ и проголодался. Онъ галантно подаль руку Надеждѣ Александровнѣ, которая на этотъ разъ не нашлась что отвѣчать, и супруги, молча, отправились на балконъ, который выходилъ на дворъ. Леонидъ Леонидычъ остановился въ столовой, посмотрѣлъ въ *pince-nez* на развѣшанныя по стѣнамъ тарелки и произнесъ съ видомъ знатока:

«*Du vieux sevre et du vieux saxe, je vous en fais mon compliment.*»

— Это самыя обыкновенныя, дешевыя, русскія тарелки, разрисованныя отцомъ, отвѣчала Надежда Александровна.

— *Pas possible!*

— Увѣрю васъ. И она, высвободивъ руку изъ-подъ руки Леонида Леонидыча, подошла ближе къ стѣнѣ, чтобы снять одну изъ тарелокъ.

— Да, да, точно, какъ я могъ такъ ошибиться, отвѣчалъ Барминскій, оборачивая тарелку, — *c'est très bien imité.*

Она ничего не сказала и быстро пошла впередъ, показывая ему дорогу. Они вышли на балконъ; столъ былъ накрытъ. Леонидъ Леонидычъ подошелъ къ периламъ и поморщился; онъ, повидимому, ожидалъ чего-то лучшаго. Прямо противъ балкона, окаймленный широкою дорогою, былъ небольшой северъ, обсаженный спыреемъ, между спыреемъ были симметрично расположены сиреневыя кусты. За северою виднѣлась алея изъ тополей, которая вела къ сараю и конюшнѣ; направо лежала

дорога къ выѣзду, обсаженная молодыми кленами и изгородью изъ сиреней; налѣво отъ двора подымались старыя, развѣсистыя липы, а подъ ними вилась дорожка и пропадала дальше, въ густой зелени тополя, лозняка и ясени. Вида въ даль не было; за огородомъ, который виднѣлся вдали, стояла густая стѣна изъ старыхъ, плакучихъ березъ, совершенно закрывавшая горизонтъ.

— Я вамъ замѣчу, сказалъ Леонидъ Леонидычъ, садясь за столъ и придвигая къ себѣ тарелку съ личницей—(«завтракъ не важный», подумалъ онъ)—я вамъ замѣчу, что газонъ у васъ на скверѣ очень не хорошъ; если-бы я это зналъ, то привезъ бы вамъ сѣмена рей-грасса или чего нибудь въ этомъ родѣ.

— Теперь это былъ бы напрасный трудъ, отвѣчала Надежда Александровна улыбаясь и придвигая къ мужу телячьи котлеты и блюдо съ великолѣпной малиной,—рей-грассъ сѣется съ осени и поэтому газонъ могъ бы быть только на будущій годъ.

— *Vraiment?* Значитъ теперь ничего нельзя сдѣлать?

— Рѣшительно ничего, можно только велѣть скосить эту некрасивую траву; но крестьяне теперь такъ заняты полевыми работами, что право не до газоновъ, а Тимофеичъ косить не умѣетъ.

— Вы, повидимому, отлично знаете сельское хозяйство? спросилъ Леонидъ Леонидычъ, накладывая себѣ малины на тарелку.

— Къ сожалѣнiю, понятiя не имѣю.

— Отчего же къ сожалѣнiю?

— Потому что, живя въ деревнѣ, стыдно и грѣшно не умѣть хозяйничать.

— Неужели вы имѣете намѣренiе остаться здѣсь надолго?

— Не надолго, а навсегда.

— *Vous, Дина, c'est absurde.* Я все надѣюсь, что вы измѣните это рѣшенiе.

— Напрасно, я рѣшенiй моихъ никогда не измѣняю.

— Оставимъ пока жгучiе вопросы въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что, я вижу, сюда идетъ какой-то юный господинъ въ кителѣ.

— Ахъ! это Сапа, сказала Надежда Александровна, взглянувъ въ свою очередь въ сторону липъ, откуда выходилъ младшiй Карповъ.

VII.

— Мой сосѣдъ, Карповъ, сказала Надежда Александровна, показывая на юношу, который остановился на порогѣ, увидя, совершенно неожиданно, незнакомаго господина, спокойно завтракающаго на балконѣ Надежды Александровны.

— Леонидъ Леонидычъ Карминскій, прибавила она, замѣтивъ недоумѣніе Саши.

— Очень радъ познакомиться, сказалъ Карминскій, не вставая и протягивая руку молодому человѣку;—вы здѣсь на ваканціи у вашихъ родителей?

— Нѣтъ, мои родители въ Петербургѣ, я здѣсь съ братомъ. Я пришелъ простииться съ вами, Надежда Александровна, продолжалъ Саша уже грустнымъ и видимо смущеннымъ голосомъ, присутствіе Карминскаго его очень женировало, —завтра я уѣзжаю въ Петербургъ.

— А братъ вашъ дома?

— Да, онъ вчера вернулся изъ Высокаго и непременно требуетъ, чтобы я завтра же уѣзжалъ, тогда какъ мнѣ очень можно остаться здѣсь до 1-го сентября.

— Вы воспитываетесь въ военной гимназіи? спросилъ Карминскій.

— Да, каникулы у насъ кончаются 15 августа; но настоящіе уроки нѣогда не начинаются раньше сентября. Многіе учителя не приходятъ, ученики не всѣ въ сборѣ, это только Гая таковой педантъ, непременно гонитъ меня въ Петербургъ.

— Вамъ, какъ видно, очень не хочется уѣзжать, Саша? ласково замѣтила Надежда Александровна, накладывая юношѣ малину на тарелку.

— Правда ваша, очень не хочется, наивно повторилъ Саша, принимая тарелку изъ рукъ Карминской.

— Хотите я поговорю за васъ съ вашимъ братомъ?

— Пожалуйста, я не смѣлъ васъ просить. Ужъ васъ-то онъ конечно послушаетъ, онъ васъ такъ... онъ остановился, взглянулъ изъ-подлобья на Карминскаго и проговорилъ наконецъ:— уважаетъ.

— Непременно поговорю, отвѣчала Надежда Александровна, немножко краснѣя, что ей было невыразимо досадно, при видѣ иронической улыбки, съ которой Леонидъ Леонидычъ взглянулъ на нее.

— Скажите вашему брату, чтобы онъ приходилъ ко мнѣ

обѣдать сегодня, продолжала она, — я съ нимъ поговорю о васъ.

— Какая вы добрая, Надежда Александровна. И Саша, съ жаромъ поцѣловавъ руку хозяйки, бѣгомъ помчался съ балкона, позабывъ на радостяхъ даже поклониться Леониду Леонидычу. Супруги опять остались одни. Леонидъ Леонидычъ курилъ сигару и не думалъ уходить въ свою комнату. Надежда Александровна, сорвавъ цвѣтокъ пеларгоніума, украшавшаго балконъ, нервно обрывала съ него листикъ за листикомъ.

— Что такое эти Карповы? спросилъ, наконецъ, Леонидъ Леонидычъ.

— Сыновья Петра Петровича Карпова, который служитъ въ министерствѣ (она назвала министерство). Вы вѣроятно слышали?

— Да, слыхалъ. Старшій братъ, котораго этотъ юнецъ по-видимому такъ боится, что онъ такое?

— Офицеръ, готовится въ военную академію.

— Порядочный человѣкъ?

— Вполнѣ порядочный.

— Тоже очень юный?

— Кажется.

— Гмъ!.. Неужели, кромѣ этихъ господъ, здѣсь нѣтъ никого сосѣдей?

— Здѣсь очень много сосѣдей; но я рѣдко выдаюсь съ ними и у меня они рѣдко бываютъ.

— Но эти бываютъ часто?

— Кто эти?

— Ну, какъ ихъ... этотъ гимназистъ и его братъ?

— Эти часто.

— И ихъ общество васъ удовлетворяетъ?

— Праздный вопросъ, Леонидъ Леонидычъ; мы кажется опять играемъ съ вами въ діалоги.

Леонидъ Леонидычъ бросилъ сигару, всталъ, медленно потянулся и проговорилъ:

— Однако я дѣйствительно порядочно усталъ, вы мнѣ позволите удалиться въ мою комнату?

Надежда Александровна молча наклонила голову; ее невѣроятно сердила насмѣшка, сквозившая въ словахъ Леонида Леонидыча. Она ясно видѣла, что уѣзжать онъ не намѣренъ и, съ какою-то неизвѣстною цѣлью, будетъ еще долго надоѣдать своимъ присутствіемъ.

Саша Карповъ напрасно надѣялся на ходатайство Надежды Александровны. Братъ его, узнавъ о пріѣздѣ Карминскаго, не

пошелъ обѣдать на тотъ дворъ, отговариваясь головною болью, и не смотря на просьбы Саша, на другой же день приказалъ ему собираться въ дорогу. Сконфуженный и взволнованный, Саша прибѣжалъ вечеромъ къ Надеждѣ Александровнѣ, чтобы проститься съ нею, почти со слезами объявляя ей, что онъ завтра ѣдетъ и что лошади уже наняты. Надежда Александровна была одна и очень сочувственно отнеслась къ горю юности.

— Отчего же вашъ братъ не пришелъ ко мнѣ? спросила она Сашу.

— Не знаю, Надежда Александровна, ей Богу не знаю! отвѣчалъ Саша.—Я Ганю просто не узнаю; онъ и всегда былъ, знаете, молчаливый и скучный, а теперь глядитъ какъ приговоренный къ смерти, худой, блѣдный, сердитый, слова отъ него не дождешься. Заладилъ одно: поѣзжай, нечего тебѣ здѣсь баклуши бить, пѣлые дни ничего не дѣлаешь; точно я виновата, что онъ двѣ недѣли у Андропова пробылъ... да и прежде то, ужь давно, пересталъ со мной заниматься какъ слѣдуетъ; сидитъ, да все думаетъ... и о чемъ это онъ все думаетъ?

Надежда Александровна слушала эту безхитростную рѣчь съ замираніемъ сердца; ей казалось, что она, какъ будто виновата въ этой тоскѣ, непонятной меньшому брату.

— Что я васъ попрошу, сказалъ наконецъ Саша:—общайтесь, что вы сдѣлаете?

— Что такое, голубчикъ? Все сдѣлаю, что могу.

— Нѣтъ, общайтесь прежде.

— Ну хорошо, общаю.

— Посоветуйте брату, пусть онъ броситъ думать объ этомъ проклятомъ наслѣдствѣ, оно и мнѣ ужь противно стало. Андропову, говорятъ, лучше, ну и чортъ съ нимъ, пускай живетъ! Вѣдь жили же мы до сихъ поръ безъ его миліоновъ, и дальше проживемъ. Я навѣрное знаю, что Ганя все думаетъ объ этомъ наслѣдствѣ.

— Общаю вамъ, что поговорю; но будетъ ли изъ этого какойнибудь толкъ, сомнѣваюсь.

— Будетъ, ей Богу будетъ! Онъ отъ того и не пошелъ, что зналъ, что вы будете просить за меня, а онъ вамъ отказать не можетъ. Ганя васъ ужасно любитъ; я тогда не сказалъ этого при вашемъ мужѣ, я зналъ, что ему это будетъ непріятно, онъ вѣрно ревнивый; всѣ мужа ревнивые.

— Какой вы ребенокъ, Саша! Что же въ томъ дурнаго, если вашъ братъ меня любить? Я тоже люблю и его, и васъ.

— Ахъ, это совсѣмъ не то, совсѣмъ не то!.. совсѣмъ вы не такъ насъ любите; бываютъ разныя любви.

Надежда Александровна невольно улыбнулась.

— Ну хорошо, хорошо, Саша, сказала она, желая прервать разсужденія о любви;—я поговорю съ вашимъ братомъ, а ужъ вы, дѣлать нечего, поѣзжайте и, смотрите, учитесь хорошо, голубчикъ; образованіе вѣрнѣ всякаго наслѣдства.

— Я и самъ это знаю, да что будешь дѣлать, лѣнь меня одолѣла; ужъ видно такая моя планида, какъ говоритъ нашъ староста.

— Полноте, какая тутъ планида, надобно быть строже къ самому себѣ, не раскисать. Ну прощайте, дай вамъ Богъ всего хорошаго!

Юноша крѣпко поцѣловалъ руку Надежды Александровны и, чтобы скрыть свои слезы, бѣгомъ пустился изъ комнаты.

VIII.

Прошло больше недѣли, а Леонидъ Леонидычъ, повидимому, и не думалъ уѣзжать изъ Яснаго, хотя скучалъ страшно, тѣмъ болѣе, что его отношенія съ женою продолжали быть все тѣ же холодныя и натянутыя. Мужикъ, котораго онъ пріѣхалъ изучать, никакъ не поддавался изученію, во первыхъ потому, что онъ видѣлъ его очень рѣдко и то издали, когда мужикъ косилъ или возилъ бабки съ поля; во вторыхъ потому, что когда ему и случалось съ нимъ заговаривать, то ему всегда казалось, что онъ или не понимаетъ, или смѣется надъ нимъ, оставаясь совершенно равнодушнымъ къ его заигрыванію и отвѣчая неохотно на его распросы о сельскомъ бытѣ. Леонидъ Леонидычъ рѣшилъ, что въ деревнѣ надо вставать рано, и потому Тимофеичъ долженъ былъ ровно въ семь часовъ являться въ его комнату подымать стору и будить его. Вся эта процедура длилась очень долго, потому что Леониду Леонидычу смерть не хотѣлось вставать, и по привычкѣ, и потому, что въ продолженіи цѣлаго дня ему рѣшительно нечего было дѣлать; поэтому онъ долго вряхтѣлъ, мычалъ и притворялся спящимъ, въ то время, какъ Тимофеичъ акуратно, черезъ каждыя десять минутъ, повторялъ:

— Ваше превосходительство, извольте вставать!

Въ эту минуту онъ желалъ Тимофеичу провалиться сквозь землю. Потомъ начинался туалетъ, продолжавшійся также очень

долго. Тимофеичъ долженъ былъ вытирать его всего мокрою губкою, и дѣлалъ это такъ неумѣло и долго, что Леонидъ Леонидычъ все время крихтѣлъ, ежился и негодовалъ. Потомъ начиналось чищенье ногтей, которое также брало много времени; ногти же Леонидъ Леонидычъ носилъ невыразимо длинные, похожіе скорѣе на когти звѣря, чѣмъ на человѣческіе ногти, такъ что даже ничему и никогда не удивлявшійся Тимофеичъ, смотря, не то съ робостью, не то съ удивленіемъ на эти ногти, только недоумѣвалъ, для чего это генераль носить такіе страшные ногти... ломаются, чай, часто? Наконецъ, вымытый, причесанный, одѣтый и слегка надушенный, Леонидъ Леонидычъ выходилъ на балконъ, гдѣ вертлявая Даша подавала ему кофе. Хотя Даша была очень некрасива, но привычка любезничать съ женщинами до того вѣлася въ плоть и кровь Леонида Леонидыча, что онъ шутилъ съ горничною и даже слегка заигрывалъ съ нею. Потомъ онъ спускался въ садъ и оттуда направлялся въ поле. Тамъ давно уже кипѣла работа, и, поглядывая на солнце, мужики и бабы уже готовились перехватывать, что дѣлается обыкновенно часовъ въ десять—въ одиннадцать.

Въ одно прекрасное утро, наступившее послѣ дождливой погоды, Леонидъ Леонидычъ подошелъ къ жавшимъ бабамъ, брезгливо повода носомъ; его чуткое обоняніе страдало отъ сильнаго запаха пота, распространяемаго прекраснымъ поломъ.

— Богъ въ помощь! сказалъ онъ, какъ всегда подымая немного сѣрую, широкополую шляпу.

— Благодаримъ покорно, отвѣчали бабы, съ любопытствомъ оглядывая барина, а когда онъ отошелъ, то стали передавать свои замѣчанія.

— Надежды Александровны нашей хозяйинъ, сказала одна баба другой.

— Никакъ не русской, отвѣчала другая.

— Ишь, вретъ! подхватила третья, уже пожилая баба, усердно вязавшая снопы.—Русской, да еще, говорятъ, энараль. Красивый изъ себя, дюжій, да гладкій, ётъ нашей барынѣ, дай Богъ ей здоровья, пара, сувсѣмъ пара; вотъ только Богъ дѣтокъ имъ не даетъ, прибавила она жалостливымъ голосомъ и, бросивъ вязать, подперла щеку рукою.

— Рѣчь у него словно бы не наша, рассейская, продолжала упорствовать вторая баба, которой повидимому не нравился Леонидъ Леонидычъ.

— Рѣчь? Извѣстно не наша, мужицкая, а господская, мягкая, отвѣчала старуха.

Въ это время, Леонидъ Леонидычъ вступилъ въ разговоръ съ высочимъ, пожилымъ крестьяниномъ, у котораго поверхъ рубахи былъ надѣтъ пиджакъ; этотъ мужикъ не работалъ, а только наблюдалъ за работами.

— Это все ясенскія поля? спросилъ Леонидъ Леонидычъ, показывая тросточкой на яровое поле, тянувшееся по сторонамъ дороги

— Вашей милости, Линидъ Линидычъ, отвѣчалъ мужикъ, снимая шапку.

— Пожалуйста надѣнь, я не люблю когда передо мною стоять съ открытой головой, сказалъ Карминскій. Мужикъ, не говоря ни слова, сейчасъ же надѣлъ шапку, продолжая смотрѣть на барина, который не зналъ, что это его поля.

— Это какое поле? опять спросилъ Леонидъ Леонидычъ.

— Яровое, отвѣчалъ мужикъ, сейчасъ же понявшій, что баринъ не въ состояннн отличить яроваго поля отъ ржанаго.

— Кажется Богъ уродилъ овсеца этотъ годъ? продолжалъ Карминскій, подлаживаясь подъ мужицкую рѣчь.

— Какое уродилъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ крестьянинъ, удивляя барина знаніемъ его чина, —насилу сѣмена соберемъ; съ первоначалу сгорѣли совсѣмъ овесъ да жито, а потомъ, какъ убирать стали, пошли дожди, да вотъ и маемся такъ до сей поры. Вашей милости ужъ не знаемъ, какъ и аренду отдавать будемъ.

— Какъ аренду?! удивился Леонидъ Леонидычъ. — Развѣ Надежда Александровна отдала Ясное на аренду?

— Ужъ шестой годъ пошелъ, какъ арендуемъ мы всю землю отвѣчалъ крестьянинъ, удивленный на этотъ разъ, что баринъ не зналъ даже и этого, но не показывая и вида, что онъ удивляется.

— «Какъ это смѣшно, что Дина мнѣ объ этомъ ничего не сказала, думалъ Леонидъ Леонидычъ, — она точно нарочно ставить меня въ смѣшное положеніе передъ этими мужиками».

Онъ совершенно забылъ, что Надежда Александровна говорила ему объ этомъ, когда отдавала Ясное въ аренду, но онъ тогда такъ мало интересовался помѣстьемъ жены и всѣмъ, что тамъ дѣлалось.

— За глаза, извѣстно, какое хозяйство? продолжалъ мужикъ, вида, что генералъ молчитъ и думая, что онъ недоволенъ тѣмъ, что безъ его спросу жена отдала имѣніе въ аренду. — Какъ Александра Петровичъ отсюда уѣхалъ, такъ все прахомъ пошло; староста былъ съ первоначалу, такъ все съ мужиченкамъ не

ладиль, все бывало у мирового съ нимъ тягался, да разбирался; а при Александрѣ Петровичѣ у насъ и заведенія такого не бывало, чтобы у мирового судиться, а въ тамъ шрафы какіе взыскивать, да просрочки. Душевный баринъ былъ Александра Петровичъ, такого другаго барина, кажись, на свѣтѣ нѣтъ; онъ этихъ неприятностейъ, да жалобъ терпѣть не могъ, лучше свое потеряетъ. Мужиченки на старосту въ Питеръ жаловаться къ ему ѣздили, онъ его и смѣнилъ.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ, тутъ другой былъ, управляющій, приставомъ прежде служилъ, такъ при эвтомъ мужики до барина не доходили, съ нимъ за одно были; ужъ и разорилъ же онъ имѣніе, жуликъ былъ,—и лѣсъ барскій продавалъ. Въ ту пору имѣніе ужъ за Надеждой Александровной числилось, Тимофеичъ и напиши: такъ и такъ разоряетъ значитъ имѣніе... ну она пристава вонъ; ѣхалъ отсюда, на десяти подводкахъ одного добра повезъ, а пріѣхалъ какъ есть, съ позволенія сказать, одни штаны за душой были. Вотъ и отдала барыня намъ на аренду; тяжеленько иной годъ приходится, аренда-то большая, тысяча рублей, да барыня добрая, такъ ее жалѣючи и взяли.

— «Что онъ вретъ, или правду говоритъ?» думалъ Карминскій, глядя на благообразное, сѣдобородое лицо мужика и не замѣчая плутовства, сквозившаго въ его сѣрыхъ, маленькихъ глазахъ, съ нависшими вѣками.

— Ну ужъ и жалѣючи? сказалъ онъ, наконецъ.—Никакъ ты меня, братецъ не увѣришь, что вамъ нѣтъ никакой выгоды отъ аренды.

— Какъ Богъ святъ, провалиться на эвтомъ мѣстѣ! Кормимся только, это правда, а чтобы перепало что,—ни синь пороха! Да вы сами посудите: повинности плати, и земскія, и дворянскія, и страховку, и канавы копей, и лѣсъ карауль, а мы, малосемейные, насъ тутъ трое хозяевъ арендуетъ, не осилить однимъ; ну напашчиковъ тоже нанимаемъ, а за напашчикомъ-то глазъ нуженъ, а то онъ тебѣ такъ землю сковыряетъ, что ничего не выростетъ. За всякую помочъ пой ихъ, а глотки то у нихъ бездонныя, одна водва во что тебѣ вкатится.. а ежели еще Богъ ведра не пошлетъ, какъ нонече, душенька вся изноетъ, на хлѣбъ-то гляючи.. мокнетъ подъ дождемъ, того и смотри проростетъ. Да и народъ, какой теперь народъ пошелъ? безпардонный, ему все какъ бы отъ работы отвильнуть, какъ бы хозяина надуть. Встанешь ты какъ злогъ, да какъ есть цѣлый день кричишь, да лаешься какъ собака, ажно охрипнешь..

нѣтъ ужъ какое теперь хозяйство, не приведи Господи! Истинно говорю, что только барыню жалѣючи взяли, знаемъ, что ей не справиться, ее женское дѣло. Вотъ какъ бы вы, ваше превосходительство, сюды переѣхали, да хозяйничать стали, такъ эта другая статья, прибавилъ мужикъ, лукаво взглядывая на барина изъ-подъ нависшихъ вѣвъ.

— «Онъ, вѣжета, смѣется надо мною, подумаль Карминскій. Удивительный право народъ, никакъ не узнаешь, когда вретъ, когда правду говорить».

— Мнѣ нельзя, я служу, отвѣчалъ онъ небрежно.—А что народъ здѣсь очень нуждается? прибавилъ онъ, желая переменить разговоръ о хозяйствѣ.

— Кто пьяный, да лѣнивый, такъ извѣстно нуждается; а то ничаво, жить можно.

— Какъ же мнѣ говорили, что здѣсь голодъ.

— Никакого голоду нѣту; пьютъ много, это правда, пьянство Рассею сгубило.

— Какъ же ты говоришь голоду нѣтъ, а я слышалъ, что вы говядины никогда не ѣдите?

— Такъ рази это голодъ? отвѣчалъ мужикъ, улыбаясь наивности барина, и вдругъ, не договоривъ, закричалъ неистово-пронзительнымъ голосомъ:

— Ей вы, бабы? чего стали, ручки поджамши?

— Перехватывать пора, отвѣчали бабы.

— Перехватывать! передразнилъ хозяинъ,—а полосу недожали небось; это съ какихъ поръ вы тутъ возжаетесь?

Въ отвѣтъ бабы что-то затораторили пронзительными голосами. Хозяинъ бросился къ нимъ, а Леонидъ Леонидычъ отправился дальше по дорогѣ.— «Ну какъ тутъ изучить мужика? думаль онъ.—Я на половину не вѣрю тому, что онъ говорилъ; да и выраженія какія-то дикія: перехватывать, возжаемся, что за чухъ!»

Ясное, блѣдно-голубое небо лежало надъ сжатыми на половину полями; блѣлыя нити паутины, предвѣстники хорошей погоды, цѣплялись за солому; высоко носились ласточки, быстро разрѣзая прозрачный воздухъ своими острыми, черными крыльшками, а на право отъ дороги, далеко внизу, слышалось журчанье рѣчки, бѣгущей по каменистому руслу. Но эта мирная благодать и тишина природы, казалось, не производила впечатлѣнiя на Леонида Леонидыча; презрительно сморщившись и сравнивая эту бѣдную русскую природу съ западною,

которую онъ такъ недавно оставилъ, онъ незамѣтно дошелъ до межи, отдѣлявшей ясенскія поля отъ полей сосѣдней деревни. Не смотря на неумѣнье отличить яровое поле отъ ржаного, онъ все таки увидалъ, что поля, которыя шли дальше, по ту сторону мостика, переброшеннаго черезъ канаву, были совсѣмъ не такія, какъ тѣ, что лежали по эту сторону. Рѣдкій и низкій овесъ далеко не напоминалъ тотъ рослый, но, по мнѣнью арендатора, пропавшій овсецъ, который жали бабы; въ тому же полосы также рѣзко отличались одна отъ другой: на иной росъ овесъ, на другой зеленѣлъ низенькій ленокъ; попадались полосы на которыхъ не было ничего, кромѣ лебеды и дикой горчицы. — «Какія однако жалкія поля, подумалъ Карминскій, — вотъ что значить, что у крестьянъ нѣтъ хорошихъ земледѣльческихъ орудій». Его размышленія были прерваны шумнымъ разговоромъ. На встрѣчу ему шла толпа деревенскихъ парней; косы ихъ такъ и блестяли на солнцѣ. Поравнявшись съ баринномъ, парни посмотрѣли не него съ любопытствомъ, но ни одинъ изъ нихъ не снялъ шапки.

«Что за невѣжи!» подумалъ Карминскій, вспомнивъ низкіе поклоны арендатора и другихъ пожилыхъ мужиковъ, встрѣченныхъ имъ по дорогѣ.

— Баринъ, дай папирочку! сказалъ одинъ изъ парней, еще совершенно безбородый, развязно подходя къ нему и перекладывая косу съ одного плеча на другое.

— У меня, любезный, нѣтъ для тебя папирочки, отвѣчалъ Леонидъ Леонидычъ, возмущенный этою фамильярностью.

— Нѣту! Врешь, просто дать не хочешь!

— Оставь меня въ повоѣ, съ досадою проговорилъ Леонидъ Леонидычъ. — Говорятъ тебѣ, что нѣтъ.

— Ну цыгарку дай!

— И сигары у меня нѣтъ.

— Ишь жидъ, право жидъ! захохоталъ парень.

— Ванька, брось! Ну чаво присталъ? заговорили другіе парни. — Захотѣлъ отъ барина, чтобы цыгарку далъ; ему противно и до руки-то твоей корявой дотронуться; ишь гуляетъ съ тросточкою, прохлаждается... имъ бы только гулять; небось, поработалъ бы съ наше, такъ не до гулянки бы было.

И толпа быстро пошла по дорогѣ въ село, оставя за собою недоумѣвающаго и немного оробѣвшаго Леонида Леонидыча.

IX.

Послѣ отъѣзда брата, Григорій Карповъ затосковалъ еще больше. Онъ думалъ, что ему будетъ легче, когда онъ останется одинъ, когда смѣхъ, возня и безцѣльная болтовня Саши и его товарища не будутъ надоѣдать ему и мѣшать заниматься или, скорѣе, думать все одну и ту же горькую думу. Но ему, напротивъ, стало еще тяжелѣе, когда, съ отъѣздомъ брата, невозмутимая тишина, водворившаяся въ домѣ, точно камнемъ легла ему на сердце. На тотъ дворъ онъ не ходилъ, хотя сознавалъ самъ все неприличіе подобнаго поступка въ отношеніи женщины, которая была всегда такъ добра съ нимъ. Онъ никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что она тамъ не одна, что тамъ съ нею живетъ ея мужъ, въ которому онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе, увидавъ его разъ, и то издали, въ сосѣднемъ саду.

«Мужъ, повторялъ онъ почти съ негодованіемъ, — и какой противный мужъ, румяный, самодовольный, штатскій генераль! Что же она за женщина послѣ этого, если можетъ любить такого мужа?»

Ему вазалось, что что-то погрнано, что-то унижено; что идеаль его забрызганъ грязью; что божество, которому онъ поклонялся, свержено во прахъ, поругано, разбито. Онъ зналъ, конечно, и прежде, что она замужемъ, но никогда объ этомъ не думалъ и забывалъ о существованіи этого мужа, о которомъ она никогда не говорила; а теперь онъ тутъ, тутъ, этотъ здоровый, румяный мужъ... тутъ, въ одномъ домѣ, въ одной комнатѣ, въ ея спальнѣ, наконецъ; гадость кака!

«Да мнѣ-то что за дѣло? думалъ онъ потомъ, стараясь себя успокоить. — Развѣ я ее люблю, развѣ я изъ тѣхъ сладкихъ селадоновъ, что влюбляются? Я, правда, бѣжалъ изъ этого проклятаго дома, гдѣ такъ медленно умираетъ этотъ хищникъ; бѣжалъ отъ страшныхъ мыслей, которыя приходили мнѣ въ голову; бѣжалъ больше потому, что она скажетъ, что я подлець. Я все думалъ, что здѣсь, при ней, мнѣ будетъ легче; что ея глубокіе, черные глаза опять ласково будутъ глядѣть на меня; опять буду я плавать хорошими слезами, слушая ея игру. Мечталъ, дуракъ, что она исцѣлитъ меня, и вотъ... чортъ бы его побралъ, этого руманаго, довольнаго генерала!»

Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда брата онъ сидѣлъ, по обыкно-

венію, на крыльцѣ и такъ углубился въ свои мысли, что не замѣтилъ Тимофеича, который точно выросъ передъ нимъ.

— Генеральша просятъ васъ къ себѣ, сказала тотъ.

— Генеральша? Какая генеральша? спросилъ Карповъ.— Никакой генеральши я не знаю.

— Помилуйте, Григорій Петровичъ, это вы Надежду Александровну-то не изволите знать?!

— Ну, такъ бы и сказали, а то—генеральша! Вы прежде ее такъ никогда не называли.

— Таперича ихъ превосходительство здѣсь, такъ можетъ имъ будетъ неприятно.

«Дуракъ!» подумалъ Карповъ.

— Что же отъ меня угодно генеральшѣ? спросилъ онъ, иронически напирая на послѣднее слово; но эта иронія совершенно пропала для Тимофеича.

— Простятъ васъ къ нимъ придти, говорятъ—оченно нужно.

— Хорошо, скажите, что сейчасъ приду. А генераль вашъ дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, къ предводителю на обѣдъ изволили уѣхать.

— А когда изволятъ пріѣхать?

— Не могу знать-съ. Счастливо оставаться! И Тимофеичъ, круто повернувшись, какъ старый солдатъ, быстро зашагалъ маленькими шажками по направленію къ дому.

X.

«Зачѣмъ ей нужно меня видѣть?» спрашивалъ самъ себя Карповъ, подходя къ знакомому балкону, на которомъ онъ прежде такъ часто сидѣлъ съ Надеждою Александровною.

Но на балконѣ не было никого и, всходя по лѣстницѣ, онъ уже изъ передней услышалъ «Les études symphoniques» Шумана. Онъ тихо вошелъ въ столовую и остановился у двери гостиной. Надежда Александровна не могла его видѣть, такъ какъ онъ стоялъ за портьерою, но онъ видѣлъ ее, и прежнее сладкое и томительное чувство, всегда испытываемое имъ въ ея присутствіи, опять пробудилось въ немъ съ прежнею силою. Это была все та же Дина, которую онъ любилъ такъ страстно и такъ безнадежно, отвергая, мучась и не сознавая въ этой любви. На ней было то же черное, кашемировое платье, въ которомъ она казалась еще тоньше и выше; ея черные, густые

волосы были такъ же гладко причесаны на ея маленькой, античной головѣ. Такъ же грустно смотрѣли глубокіе, черные глаза; такъ же было прозрачно-блѣдно правильное, красивое лицо, и такіе же полные, гармоническіе звуки лились изъ-подъ ея искусныхъ, тонкихъ пальцевъ. Она играла эту музыку Шумана, понятную только для того, кто много страдалъ и много любилъ, и передавала ее, какъ нѣто. Могучіе звуки, полные чарующей прелести, затаенной страсти и вмѣстѣ глубокой грусти, наполняли комнату, уже темнѣвшую въ раннихъ августовскихъ сумеркахъ, и, казалось, внимали имъ, не шевеля ни однимъ листомъ, и высокія, старыя деревья въ саду, и слегка заалѣвшее, вечернее небо, и блѣдный молодой мѣсяцъ, выплывавшій на это алѣвшее небо. Она вдругъ вздрогнула, перестала играть и уставилась на дверь большими, испуганными глазами.

— Ахъ, это вы, Григорій Петровичъ! сказала она нѣсколько дрожащимъ голосомъ. — Вы такъ тихо вошли, что я и не слыхала. Она встала и подошла къ нему, ласково протягивая ему руку. — Отчего вы такой блѣдный? Развѣ вы нездоровы?

— Нѣтъ, здоровъ, благодарю васъ, отвѣчалъ Карповъ, не цѣлуя ея руку, какъ обыкновенно, а только крѣпко пожимая ее, такъ крѣпко, что она чуть не вскрикнула.

— Отчего вы такъ давно у меня не были? продолжала она, садясь у открытаго окна въ садъ и показывая ему на кресло противъ себя.

— Самъ не знаю... или нѣтъ, неправда, знаю, но не могу сказать; да и къ чему говорить, словами ничего не выразишь. Зачѣмъ вы перестали играть? Мнѣ такъ было легко, когда я васъ слушалъ. Играйте еще, умоляю васъ!

— Вы очень странный человекъ: говорите, что любите слушать мою игру, а сами, живя въ двухъ шагахъ отъ меня, не кажете ко мнѣ глазъ въ продолженіи цѣлой недѣли, и, конечно, не пришли бы и теперь, если-бы я за вами не прислала.

— Не пришелъ бы, это вѣрно.

— Но отчего же? Нельзя сказать?

— Нельзя. Вашъ мужъ еще долго здѣсь пробудетъ?

— Не знаю.

— Вы уѣдете отсюда вмѣстѣ съ нимъ?

— Нѣтъ, я здѣсь остаюсь.

— Надолго?

— Навсегда.

— Какъ навсегда? повторилъ Карповъ; глаза его блеснули и онъ съ какимъ-то радостнымъ удивленіемъ взглянулъ на На-

дежду Александровну.—Значить то, что я слышалъ и чему не вѣрилъ,—правда?

— Оставимъ этотъ разговоръ, я не люблю говорить о своихъ семейныхъ дѣлахъ; я позвала васъ для того, чтобы поговорить съ вами о томъ, что касается васъ самихъ.

— Я могу также отвѣчать вамъ, Надежда Александровна, что мои личныя дѣла касаются только меня одного, отвѣчалъ онъ съ горечью.

— Нѣтъ, вы не можете и не должны это говорить, потому что помочь вамъ можно, а мнѣ нельзя; потому, наконецъ, что я старше васъ и могу говорить и совѣтовать вамъ, какъ бы я совѣтовала моему сыну.

— Вы слишкомъ молодая мать, Надежда Александровна. Къ тому же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я старше васъ: во мнѣ нѣтъ ни вашей довѣрчивости къ людямъ, ни вашей душевной ясности; вы любите еще многое и многихъ, а же многихъ и многое презираю и никого не люблю.

Онъ мрачно опустилъ голову.

— Вы на себя клевете; напротивъ, вы очень добрый и хорошій юноша, прекрасный, заботливый братъ.

— Я нисколько не люблю моего брата; если я занимаюсь съ нимъ, то только по необходимости, изъ желанія скорѣе поставить его на ноги, чтобы имѣть право никогда больше о немъ не заботиться.

— Вольно же вамъ извращать ваше хорошее чувство; я также навѣрное знаю, что вы хорошій сынъ.

— Не думаю, потому что меня постоянно тяготитъ мысль, что я всѣмъ обязанъ моимъ родителямъ; я бы хотѣлъ поскорѣе возратить имъ то, что они потратили на мое воспитаніе, и, пожалуй, окружить ихъ старость тѣми заботами, которыми они окружали меня въ дѣтствѣ.

— Это очень много и вовсе не такъ бессердечно, какъ вы думаете. Ваши родители окружали васъ любовью и заботливостью; если вы оплатите имъ тѣмъ же—вы прекрасный сынъ и очень хорошій молодой человѣкъ.

— Вамъ непременно хочется видѣть во мнѣ Грандиссона, но повторяю вамъ, что на любовь и ту нѣжную заботливость, о которой вы говорите, я неспособенъ; я просто не люблю быть никому обязаннымъ, я всегда плачу мои долги, вотъ и все!

— Я вамъ не вѣрю.

— Какъ вамъ угодно.

— Кто такъ любитъ музыку, тотъ не можетъ имѣть черствое сердце.

— Какъ я былъ правъ, говоря, что вы моложе меня. Я люблю музыку потому, что она сильно дѣйствуетъ на мои нервы, приводитъ меня въ какое-то особенное, возбужденное состояніе, доставляя мнѣ пріятное ощущеніе. Въроятно, мой слухъ такъ устроенъ, что звуковыя волны, быстрѣе, чѣмъ у другаго, передаются моему мозгу... чувство тутъ не причесть; можно быть очень злымъ, даже жестокимъ человѣкомъ и любить музыку. Я знавалъ людей, которые вѣшали и рѣзали совершенно хладнокровно, но умилялись, даже плакали, когда солдаты запѣвали какую нибудь заунывную, русскую пѣсню.

— Изъ этого слѣдуетъ, что вы любите не въ состояніи?

Легкая краска вспыхнула на блѣдномъ, смугломъ лицѣ Карпова; онъ поднялъ на Карминскую свои мрачные глаза и проговорилъ медленно:

— Т. е. какъ любить? Любить женщину?

— Положимъ.

— Нѣтъ, могу, только не такъ, какъ любятъ другіе.

— Это говорятъ обыкновенно всѣ въ ваши годы; какимъ бы способомъ не проявлялась любовь, она, au fond, все-таки одна и та же.

— Нѣтъ, не одна и та же! Я былъ влюбленъ и знаю, какое это ничтожное, пустое, эгоистическое чувство. Я люблю иначе. Моя любовь—культъ! Женщина, которую я люблю, можетъ сдѣлать изъ меня все, что захочетъ; можетъ прогнать бѣса честолюбія и корысти, который не даетъ мнѣ покоя; можетъ вдохнуть въ меня душу живую; можетъ сказать мнѣ иди туда—и я пойду, отдай на служеніе идеи жизнь—и я отдамъ; но эта женщина должна стоять на высотѣ своего призванія, не сходить съ пьедестала, на который поставила ее моя любовь... въ этой женщинѣ я не допущу никакихъ слабостей и не прощу ихъ. Пусть она не будетъ моею, боги не должны сходить въ смертнымъ; но пусть также она будетъ ничья, иначе я погибну... Голосъ его прерывался, нервная дрожь пробѣгала по тѣлу. Сумракъ наполнилъ всю комнату; но блѣдные лучи мѣсяца заглянули въ окно и при ихъ свѣтѣ Карминская различала блѣдное лицо и варіе, мрачные глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ. Ей становилось и больно, и жалко; что-то ненормальное, болѣзненное, слышалось ей въ этомъ страстномъ признаніи, что-то загадочное проглядывало въ этой несвязной рѣчи, и чѣмъ-то зловѣщимъ звучалъ этотъ грустный, точно надорванный голосъ.

— Успокойтесь, сказала она, положивъ ласково свою руку на руку молодого человѣка, — какъ человѣкъ нервный и очень юный, вы преувеличиваете всякое чувство совершенно безна-мѣренно. Желаю отъ души, чтобы та, которую вы полюбите, съумѣла понять и оцѣнить ваше чувство, обошлась бы съ нимъ бережно.

— Вы сказали — полюбите? Вы такъ меня поняли? Какой же я дуракъ, что могъ говорить все это вамъ! Честь имѣю кланяться, Надежда Александровна! Онъ всталъ, губы его такъ и дергало.

— Погодите, мягко отвѣчала Карминская, — я еще не успѣла сказать вамъ, для чего именно я просила васъ придти ко мнѣ. Однако, что же это мы сидимъ въ потьмахъ. Она позволила, явилась Даша и, взглянувъ на барыню и Карпова, насмѣшливо улыбнулась.

— Скажите Тимофеичу, чтобы онъ зажегъ лампу, сказала Надежда Александровна. Горничная удалилась, еще разъ оглянувшись на смущенную фигуру Карпова и на блѣдное, взволнованное лицо Карминской.

«Тоже амуры заводитъ, подумала она, — а на видъ поди какая тихонькая, воды не замутишь».

Вскорѣ явился Тимофеичъ и невозмутимо, не торопясь, зажегъ лампу на большомъ, кругломъ столѣ передъ диваномъ. Онъ дѣлалъ все это такъ медленно и такъ акуратно, что Карповъ внутренно посылалъ его къ чорту; онъ все еще чего-то ждалъ отъ разговора съ Карминской.

— Вы были въ Высовомъ? спросила Надежда Александровна, когда Тимофеичъ, наконецъ, удалился своими обычными, маленькими шажками.

— Былъ; я думаю вы давно объ этомъ знаете, отвѣчалъ съ досадою Карповъ, видя, что разговоръ принимаетъ совершенно другое направленіе.

— Зачѣмъ?

— Хотѣлъ познакомиться и сойтись съ богатымъ родственникомъ, котораго мы единственные наслѣдники.

— Что же, сошлись?

— Кажется... онъ самъ предложилъ мнѣ остаться погостить у него.

— А вамъ онъ понравился?

— Нисколько, онъ ужасное животное, хищникъ, эксплуататоръ и скрага.

— И не смотря на это, вы все-таки оставались у него?

— Оставался и опять поѣду. Что мнѣ за дѣло до того, что онъ негодяй, развѣ я обязанъ уважать его; я только жду его смерти и караю, чтобы его деньги не стащилъ ктонибудь изъ домашнихъ.

Этотъ циническій [отвѣтъ до того поразилъ Надежду Александровну, что она не нашла, что отвѣчать и только съ удивленіемъ глядѣла на молодаго человѣка, который нѣсколько минутъ тому назадъ такъ горячо признавался въ любви-культѣ.

— Вы вѣрно шутите, сказала она наконецъ;—я не допускаю въ васъ такую низость чувствъ.

— Вольно же вамъ такъ называть самыя естественныя человѣческія побужденія. Каждый на моемъ мѣстѣ думалъ бы точно также, какъ и я; но не каждый былъ бы такъ откровененъ.

— Положимъ, что вы правы, въ отношеніи большинства людей; но, признаюсь, такое корыстолюбіе какъ-то не вяжется съ вашими же словами о любви.

— Вы напрасно такъ думаете. Во мнѣ, какъ и въ каждомъ я думаю, борятся два начала, назовемъ ихъ, положимъ, злое и доброе; я во многое не вѣрю—это правда, но я вѣрю въ наслѣдственность, въ судьбу. Мнѣ иногда вѣжется, что я вѣрю въ чорта. Любимая женщина олицетворяетъ для меня доброе начало, ангела-хранителя, какъ думаютъ вѣрующіе... но она далека отъ меня, она не хочетъ хранить меня, однимъ словомъ, она меня не любитъ—и злое начало торжествуетъ, злой духъ беретъ перевѣсъ и... но какой однако вздоръ я говорю вамъ, да еще на ночь. Прогоните меня, Надежда Александровна.

Въ отворенное окно ясно донесся скрипъ колесъ по песку и фырганье лошадей, остановившихся у крыльца.

— Леонидъ Леонидычъ пріѣхалъ, сказала Надежда Александровна.

Въ передней раздалися шаги, а потомъ недовольный голосъ Леонида Леонидыча. Онъ бранилъ Тимофеича, зачѣмъ въ столовой не зажжена лампа.

— Я думалъ, ваше превосходительство, не нужно зажигать, отвѣчалъ тотъ,—гостей никого нѣту.

— Ты вѣчно съ глупостями! Что у васъ за привычки здѣсь какія-то допотопныя! И разсерженный генералъ отправился дальше.

Войдя въ гостиную, онъ остановился, при видѣ незнакомаго.

— «Какже Тимофеичъ говоритъ, что гостей нѣту, подумалъ онъ,—а этого офицера за кого же онъ считаетъ?»

— Monsieur Карповъ, сказала Надежда Александровна, показывая мужу на молодаго человѣка.

— Очень пріятно, отвѣчалъ тотъ протягивая Карпову два пальца; онъ всегда держался этой манеры съ своими подчиненными. Молодой человѣкъ молча поклонился и вышелъ изъ комнаты.

— Очень благовоспитанный юноша, проворчалъ Леонидъ Леонидычъ, садясь напротивъ жены, на то же мѣсто, гдѣ сидѣлъ до него Карповъ.—У васъ, *chère amie*, очень странные знакомые. Если бы я могъ принять этого господина *au ségieux*, то нашелъ бы весьма страннымъ такое поведеніе: не кажетъ глазъ при мнѣ, является въ мое отсутствіе, въ очень поздній часъ, и сейчасъ же удаляется при моемъ возвращеніи. *Seгаіs-se un amoigneux par hazard?* И онъ засмѣялся.

— Полноте, Леонидъ Леонидычъ, нетерпѣливо отвѣчала Надежда Александровна,—роль ревниваго мужа вамъ совсѣмъ не къ лицу.

— Тѣмъ болѣе, что я вамъ мужъ только по названію. *Vouses Dinah*, долго будетъ продолжаться это невозможное положеніе?

Онъ нагнулся къ ней ближе, глаза его блестя и сильный винный запахъ доказывалъ, что предводитель хорошо угостилъ сановнаго петербургскаго гостя. Карминская быстро встала. Никогда еще этотъ франтоватый, элегантнѣйшій Леонидъ Леонидычъ не казался ей такъ противенъ, какъ въ эту минуту; она вспомнила блѣдное, измученное лицо Карпова, его горячіе, мрачныя глаза, его страстную рѣчь, и сладкая, циничная улыбка Карминскаго, его посоловѣвшіе глаза, возбуждали въ ней невыразимое отвращеніе.

— Дина, куда же ты? продолжалъ тотъ, ничего не замѣчая,—*tu es jolie comme un ange!* глазки такъ и горятъ. Онъ всталъ, немножко пошатываясь, и хотѣлъ обнять ее. Она отшатнулась съ такимъ ужасомъ, что онъ пробормоталъ, нѣсколько сконфуженный:

— Ты думаешь, что я пьянъ? вздоръ какой! Они такъ радушно угощали меня, *ses braves-gens, Monsieur et Madame la ma-géchale*, что я никакъ не могъ отказаться и долженъ былъ выпить два-три бокала. Что я сапожникъ, что ли, чтобы рѣшиться явиться къ тебѣ пьянымъ.

— Я не знаю, сколько вы выпили, отвѣчала Карминская, смотря на мужа съ нескрываемымъ негодованіемъ; но я думаю, что вы навѣрно пьяны, если рѣшились говорить мнѣ вздоръ, который меня оскорбляетъ. Между нами, Леонидъ Леонидычъ,

все давно и безвозвратно кончено, неужели вы въ этомъ до сихъ поръ не убѣдились?

— Но что же, наконецъ, я сдѣлалъ? объяснитесь, потому что я ничего не понимаю.

— Если бы вы были въ нормальномъ положеніи, я бы можетъ быть объяснила вамъ, что вы сдѣлали; но теперь вы меня не поймете.

— А, понимаю, опять вы подымаете прежнюю исторію. Но вѣдь я же просилъ прощенія... и наконецъ измѣна мужчины, не имѣетъ большаго значенія; вы, женщины, не въ состояніи этого понять (голосъ его нѣсколько заплетается)... можно измѣнять женѣ, и все таки любить ее выше всего на свѣтѣ. Ну, Дина, та petite Дина, прости! И онъ опять хотѣлъ обнять ее.

— Вы совсѣмъ пьяны! вырвалось у нее.

Быстрымъ движеніемъ, она отстранила отъ себя влюбленнаго Леонида Леонидыча и вышла. Черезъ минуту онъ явственно услышалъ, какъ щелкнулъ ключъ въ замкѣ ея комнаты.

— «Сумазбродная женщина, думалъ онъ, направляясь въ свою спальную, гдѣ его уже давно ждалъ Тимофеичъ,—идеалистка, прогресистка и дура». Наединѣ съ самимъ собою, Леонидъ Леонидычъ не стѣснялся въ выраженіяхъ.— «Ужь не влюбилась ли она, чего добраго, въ этого рыцаря печальнаго образа, который глядѣлъ на меня такими сердитыми глазами? Даша должна все знать, она хитрая дѣвчонка и даромъ что не красива, очень и очень пивантна... «La donna e mobile» запѣлъ онъ вдругъ, даже удививъ этимъ пѣніемъ Тимофеича, оправлявшаго постель, на которой должно было почивать выхолощенное тѣло его превосходительства.

А. Львова.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.

II.

УСМИРЕНІЕ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ БУЛАВИНСКАГО БУНТА.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Причины булавинскаго бунта по донскимъ источникамъ.—Какъ поступали въ казаки.—Булавинъ отстаиваетъ войсковые интересы по вопросу о солинныхъ варницахъ.—Какому городку принадлежалъ Булавинъ.—Отправленіе на Донъ князя Юрія Долгорукова.—Донесеніе Долгорукова царю Петру о приступѣ къ возложенному на него порученію.—Населеніе въ казачьихъ городкахъ, отошедшихъ отъ войсковой территоріи послѣ булавинскаго бунта.

«Въ то время, какъ башкирцы начали уже успокоиваться, бунтъ, говоритъ Соловьевъ¹⁾,—запылалъ тамъ, откуда уже давно ждали его недовольные—на Дону. Здѣсь наконецъ и явился новый Разинъ».

Посмотримъ на обстоятельства, предшествующія булавинскому возмущенію, какъ онѣ изложены въ историческомъ описаніи войска донскаго, монографіи, изданной въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, съ приложеніями изъ разныхъ архивовъ, а также и у другихъ донскихъ исторіографовъ. Нѣкоторыхъ фактовъ мы не находимъ у Соловьева; названія городцовъ, гдѣ запылалъ бунтъ, иныя въ «Историческомъ описаніи». Постараемся бросить лучъ свѣта въ эту до сихъ поръ темную эпоху.

¹⁾ «Исторія Россіи», т. XV, стр. 217.

«Историческое описаніе» приводитъ, что булавинское возмущеніе было послѣдствіемъ многихъ событій, вѣ войска донскаго совершившихся.

Извѣстно, что донское казачье населеніе до XVIII столѣтія поддерживало свое существованіе непрерывнымъ приходомъ свободныхъ людей изъ русскихъ городовъ. На рѣкѣ Великой, эти бѣглецы находили себѣ убѣжище и покровительство. Когда же общество казаковъ увеличилось до значительныхъ размѣровъ, верховное правительство стало полагать къ побѣгамъ на Донъ нѣкоторыя преграды и требовало обратно въ Москву бѣглецовъ, въ особенности изобличенныхъ въ грабежѣ и разбояхъ. Въ концѣ XVII вѣка побѣги въ особенности усилились, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, которыя велъ царь Алексѣй Михайловичъ, а въ эпоху преобразованій, по случаю заведенія царемъ Петромъ правительственнаго флота. Казаки и сами были недовольны громаднымъ приливомъ бѣглыхъ людей. Это видно изъ того, что они запрещали переселенцамъ заниматься хлѣбопашествомъ; «а если кто станетъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, того бить до смерти», гласили повелѣнія войскового правительства.

Вопросъ о поступленіи въ казаки довольно подробно разработанъ въ донской литературѣ 60-хъ годовъ. Съ многими мыслями знатока исторіи Дона г. Леонова мы совершенно соглашаемся, но все связанное имъ по сему предмету относимъ къ низовымъ казакамъ, къ главному войску, поселенія котораго были близъ Черкаска и по рѣкѣ Дону, до Раздорской станицы; верховые же казаки, распространившіеся по всей остальной территоріи Дона и его притоковъ, имѣли инныя воззрѣнія, и лишь въ настоящее столѣтіе интересы и тѣхъ, и другихъ, послѣ изданія положенія 1835 г., сдѣлались одинаковыми. Кстати замѣтимъ, что донской интеллигентный классъ изъ прогресистовъ и защитниковъ земской реформы и до сихъ поръ рѣзко отличается въ своихъ воззрѣніяхъ отъ массы казаковъ.

Инныя, чуждыя замкнутости, идеи по всей вѣроятности внесены въ интеллигентный классъ соприкосновеніемъ съ донскими крестьянами ¹⁾, по преимуществу малороссійскаго происхожденія.

Приводимъ доводы г. Леонова ²⁾ о поступленіи въ казаки въ прежнее время.

¹⁾ Черезъ нянекъ и кормилицъ.

²⁾ «Какъ поступали въ казаки. («Донскія войсковыя вѣдомости», № 39 и 40, 1862 г.) Эта статья написана въ видѣ возраженія на статью Ив. Краснова: «О народности въ донскомъ войскѣ».

«Какъ скоро образовалась казачья община, возникло войско, какъ стройное, организованное цѣлое, какъ учрежденіе съ характеромъ и устройствомъ гражданскимъ и политическимъ; въ замкнутый кругъ его входилъ уже только тотъ, передъ кѣмъ онъ самъ раздвигался».

«Въ дѣлѣ пополненія войска новыми членами, въ пополненіи каждой отдѣльной станицы, каждаго отдѣльнаго городка, новыми гражданами, нужно было не одно личное желаніе вступающаго (принужденія, разумѣется, не могло быть), даже не одно желаніе принимавшей его отдѣльной мѣстной общины (станицы, городка), но еще, и это главное, желаніе, согласіе на то воли общей; словомъ, требовалась воля всего великаго войска донскаго».

«Первоначальная община, какъ доказано исторіею, образовалась изъ людей бездомныхъ, холостыхъ (въ Малороссіи бурлаки), и казаковать значило, не только молодецествовать, храбровать, заниматься вольными промыслами, но быть казакомъ, значило еще и вести жизнь холостую, бурлацкую. Слѣдовательно, естественной поддержки для численнаго состава и размноженія войска, при первоначальномъ существованіи его, не было. Надобно было избрать другой способъ. И войско нашло его въ принятіи въ свою среду постороннихъ охотниковъ, въ привлеченіи къ себѣ желающихъ. Даже оно не заботилось объ этомъ привлеченіи, или, лучше сказать, не встрѣчало въ этомъ препятствія, ибо желающихъ было всегда болѣе, чѣмъ требовалось; говоря языкомъ экономической науки, предложеніе превышало требованіе. Въ войско приходили и вступали въ казаки, не по экономическимъ причинамъ, не потому, что войсковая земля была обильна млекою и медомъ; нѣтъ, она была бѣдна и бесплодна (?) и поймать въ рѣкахъ ея рыбу, или въ степяхъ ея перелетную птицу, надобно было не иначе, какъ подъ арканомъ и пулею врага; въ войско приходили потому, что въ немъ дышать было вольнѣе: въ немъ не было ни воеводъ, ни подъячихъ, ни приказовъ, ни разныхъ притѣсненій и поборовъ; не было тюремъ и застѣнковъ, никакихъ кабалъ, не только крѣпостнаго ига».

«Если въ сословіе простыхъ приписныхъ къ станицамъ, для одного временнаго проживательства въ войскѣ, безъ права гражданства, безъ участія и голоса на станичномъ сборѣ или въ войсковомъ кругу, и между тѣмъ съ обязанностию нести разныя новинности, безъ полученія за то жалованья, нужно было и согласіе мѣстной общины, и позволеніе войска, то, тѣмъ болѣе и это согласіе, и позволеніе, требовались тогда, когда кто

либо поступалъ въ сословіе полноправныхъ, такъ называемыхъ, жалованныхъ казаковъ».

«Съ званіемъ казака, кромѣ права поземельнаго въ общемъ станичномъ куртѣ и права голоса въ общественныхъ совѣщаніяхъ, соединилось еще право на жалованье. Оттого-то войско, при приѣмѣ въ казаки, имѣло въ виду, не только политическія и сословныя, но и экономическія побужденія. Приѣмъ въ войско каждаго новаго лица, увеличивая составъ войска и превышая норму царскаго жалованья, былъ обременителенъ для войска, и вотъ для чего оно было такъ строго-экономно и осмотрительно въ этомъ случаѣ».

«И такъ, только въ такомъ случаѣ, когда войско находило необходимымъ и, главное, удобнымъ увеличить составъ свой, безъ обремененія для себя, оно разрѣшало поступленіе въ казаки лицъ постороннихъ».

Мы привели эти доводы, чтобы насъ не обвинили въ субъективныхъ воззрѣніяхъ на этотъ вопросъ. Для насъ важно въ данномъ случаѣ мнѣніе, основанное на историческихъ документахъ и доказывающее, что донскіе казаки, по крайней мѣрѣ главное войско, принимали въ себѣ не просто вслѣгаго приходившаго на Донъ, а только тѣхъ, кого могло и хотѣло принять; а при этихъ условіяхъ посягательство правительства на то, что войско считало своимъ правомъ, не могло обойтись безъ волненій. Если же мы присоединимъ сюда: тяготы службы въ Азовѣ, ненависть донцовъ къ комендантамъ этой крѣпости, мѣшавшимъ имъ производить морскіе поиски и заниматься рыболовствомъ, а также подчиненіе войсковаго правительства сосѣднимъ губернаторамъ Толстому и Апраксину, то не станемъ удивляться, что затаенный ропотъ могъ перейти въ открытое возмущеніе.

Мы уже видѣли, какъ рѣшительно Петръ требовалъ свода казачьихъ городковъ съ лѣвой стороны Донца и притоковъ этой рѣки и переселенія старослужилыхъ казаковъ на почтовую дорогу изъ Воронежа въ Азовъ. Главное войско просило, говорится въ «Историческомъ описаніи», по крайней мѣрѣ не уничтожать казачьихъ городковъ, поселенныхъ по рѣкѣ Айдару. Въ этой просьбѣ имъ было отказано, и для понужденія къ скорѣйшему выполненію царской воли, былъ отправленъ на Донъ въ іюнь 1706 г. стольникъ Леонтій Шеншинъ, которому между прочимъ предписывалось поступать съ старшинами и казаками вѣжливо, взятковъ отъ нихъ не вымогать и не требовать излишняго корма и подводу.

«Около этого времени, говорится въ «Историческомъ описаніи»,—возникли ссоры у донскихъ казаковъ, поселенныхъ по Дону, съ казаками изюмскаго поля за границы владѣній. Главнѣйшая причина этихъ несогласій, имѣвшая немалое вліяніе на возмущеніе казаковъ, было присвоеніе изюмскимъ полковникомъ Шидловскимъ соляныхъ источниковъ, находившихся во владѣніи донскихъ казаковъ, куда населеніе города Тора и другихъ окрестныхъ мѣстъ, влекомое выгоднымъ добываніемъ соли, начало переселяться въ началѣ XVIII столѣтія, заняло подъ солеварни многія мѣста, принадлежащія къ юрту бахмутскаго казачьяго городка, и дѣлало инья притѣсненія. Въ это время бахмутскимъ станичнымъ атаманомъ былъ отважный Кондратій Булавинъ; онъ не упустилъ удобныхъ случаевъ къ отомщенію за претерпѣваемые отъ изюмскихъ полчанъ обиды, имѣя повелѣніе и отъ войска (круга) употреблять всѣ зависящія средства къ защитѣ войсковыхъ границъ». Изъ обоюдныхъ ссоръ возникли несогласія, которыя, по приказанію верховнаго правительства, должны были прекратиться, такъ какъ было приказано и изюмцамъ, и донскимъ казакамъ оставаться на прежнихъ мѣстахъ впредь до разграниченія. Между тѣмъ, изъ посольскаго приказа послѣдовало предписаніе о забраніи, какъ у донскихъ, такъ и у изюмскихъ казаковъ соли въ казну и о продажѣ оной на мѣстѣ высшими цѣнами. «Булавинъ, огорченный этими притѣсненіями, въ 1705 г., собралъ значительную партію казаковъ, напалъ на жителей, занимавшихся вывариваніемъ близъ рѣчки Бахмута соли, разорилъ всѣ строенія и заводы, забралъ всю готовую соль казенную и частныхъ лицъ, а также деньги и прочее имущество». Уничтоживъ потомъ всѣ бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ солеваренные заводы и причинивъ большіе убытки изюмцамъ, Булавинъ самъ началъ вываривать соль, не допуская иногородныхъ участвовать въ этомъ промыслѣ. Изюмскій полковникъ жаловался адмиралтейскому приказу ¹⁾, который выслалъ дьяка Горчакова, для разъясненія этого дѣла; но «Булавинъ, выждавъ позволеніе войскаго круга, объявилъ Горчакову, что такъ какъ изюмцы вываривали соль на землѣ имъ принадлежащей, то и не должны требовать удовлетворенія».

«Въ 1707 г. въ войско донское былъ посланъ полковникъ князь Долгоруковъ, для уничтоженія нѣкоторыхъ казачьихъ го-

¹⁾ Подобнаго дѣла мы не нашли въ описаніи морскаго архива.

родковъ. Потомъ начали вводиться мѣры къ обузданію своевольства на Дону, что весьма раздражало казаковъ, которыхъ въ особенности это касалось. Пользуясь ропотомъ и неудовольствіемъ соотчичей и тѣмъ, что главнаго войска, командированнаго частію въ Швецію, частію въ Польшу, не было, Булавинъ рѣшился поднять знамя бунта».

Такъ изложено дѣло въ «Историческомъ описаніи войска донскаго». О солеварняхъ и несогласіяхъ за границы мы ничего не нашли у Соловьева, хотя самый бунтъ у него приведенъ далеко съ большими подробностями, чѣмъ въ «Историческомъ описаніи». Составители этого описанія называютъ Булавина бахмутскимъ станичнымъ атаманомъ, тогда какъ въ подлинныхъ документахъ ¹⁾ и у Соловьева онъ зовется казакомъ трехъ-избянской станицы. Впослѣдствіи мы опишемъ мѣстность, гдѣ закипѣлъ бунтъ, и причины, почему въ нынѣшнемъ донскомъ обществѣ утратилось даже воспоминаніе объ этомъ знаменательномъ событіи, имѣвшемъ громадное вліяніе на послѣдующую исторію Дона. Весьма возможно, что существовалъ и бахмутскій городокъ, ибо и нынѣ на картѣ Харьковской губерніи значатся селенія: Бахмутовка и Булавиновка, недалеко отъ Шульгинской слободы и расположенныя на рѣкѣ Айдарѣ, тогда какъ Трех-избянская слобода (въ Петровское время казачій городокъ) находится на лѣвой сторонѣ Донца. Въ 1703 г. Петръ I устроилъ крѣпость Бахмутъ, какъ опорный пунктъ противу нападений нагайскихъ татаръ, которые, въ описываемое время, кочевали между Дономъ и Міусомъ ²⁾. Придерживаясь общаго смысла документовъ, мы должны признать, что Кондратій Булавинъ, по распоряженію войска, былъ назначенъ походнымъ атаманомъ для содѣйствія правительству въ его мѣропріятіяхъ по укрѣпленію Азова, созданію флота и устройству почтовой дороги между Воронежомъ и укрѣпленными пунктами въ низовьяхъ Дона. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Булавинъ уже въ это время отличался дарованіями и административными способностями, въ войсковомъ, а не правительственномъ смыслѣ, почему неудивительно, что войсковой кругъ и двуличный атаманъ Лувьянъ Максимовъ трудный постъ походнаго атамана близъ крѣпости Бахмута довѣрили человеку отважному, не останав-

¹⁾ Архивъ морскаго министерства.

²⁾ «Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. «Екатеринославская губернія. Павловача».

ливающемуся ни передъ чѣмъ, если нужно было защищать войсковые интересы.

Причина булавинскаго бунта въ эпоху преобразованія изложена историкомъ Россіи слѣдующимъ образомъ:

«Мы видѣли, говоритъ Соловьевъ,—что Петръ уже давно сталъ требовать нарушенія основнаго казачьяго права,—права принимать къ себѣ каждаго безъ отдачи. Побѣги изъ украинскихъ мѣстъ на Донъ все усиливались. Помѣщики били челомъ государю, что они отъ этихъ побѣговъ разоряются, платятъ за бѣглыхъ всякія подати спуста. Велѣно де взять съ двадцати дворовъ человѣка въ солдаты, а съ десяти дворовъ работника въ Петербургъ, а бѣглые крестьяне, живучи въ казачьихъ городкахъ, государевой службы не служатъ и податей не платятъ. Легко понять, какъ раздражали Петра эти указанія, что столько людей отбываетъ отъ службы и отъ податей. На Донъ шли царскія грамоты съ требованіемъ, чтобы такіе-то и такіе крестьяне, поименованные въ челобитной, были сысканы и отданы челобитчикамъ. Войсковые атаманы сыскивали нѣкоторыхъ и отдавали, но много оставалось на Дону: гдѣ ихъ всѣхъ сыскать, особенно когда искать не хочется? Атаманы и войсковые старшины, старые казаки (т. е. главное войско) уступали волею-неволею царскимъ требованіямъ; но самыя требованія увеличивались все болѣе и болѣе. «Было видно, что время совершеннаго подчиненія вольной рѣки государству близко».

Мы уже знаемъ, что царь распорядился переводомъ донскихъ казаковъ изъ однѣхъ мѣстъ въ другія для населенія дороги отъ Воронежа къ Азову. Въ маѣ 1705 г. пошла на Донъ новая грамота. «Указали мы, великій государь, тѣ городки, которые поселены не по указу и не на шляхахъ, свестъ и жителей изъ тѣхъ городковъ перевестъ и поселить за Сѣверскимъ Донцемъ, по шляху, въ пристойныхъ мѣстахъ, и въ тѣ, и въ другіе городки бѣглецовъ и никакихъ пришлыхъ и работныхъ людей ни откуда отнюдь не примать. За укрывательство такихъ бѣглецовъ казаки сосланы будутъ вѣчно на ваторги, а пушіе заводчики безъ милости казнены будутъ. Пришлыхъ людей, которые приняты послѣ 1695 г. ¹⁾, всѣхъ послать въ русскіе города, откуда кто пришелъ, потому что работники, будучи у нашихъ великаго государя дѣлъ, забрали въ зачетъ работы многія деньги и не, хотя работать,

¹⁾ Первый азовскій походъ.

бѣжали и бѣгаютъ всегда въ тѣ города, а которые городки по Сѣверному Донцу, до азовскихъ походовъ, тѣмъ быть по прежнему».

«Вспыхнулъ астраханскій бунтъ. Донъ, говоритъ Соловьевъ, — повелъ себя хорошо и царь за такое поведеніе въ февралѣ 1706 года пожаловалъ казаковъ войсковыми елейнотами... Но Петръ, награждая казаковъ, не забылъ, что указъ 1706 года о сведеніи городковъ не былъ исполненъ». Въ 1706 году, какъ мы говорили, онъ отправилъ на Донъ прежнее требованіе: «свестъ городки, построенные послѣ азовскихъ походовъ, не по увазу и не на шляхахъ, свестъ, не дожидаясь новаго указа, а въ городкахъ, что на шляхахъ, жильцовъ всѣхъ переписать; старожильцовъ оставить для почтовой гоньбы, потому что чрезъ тѣ городки будетъ установлена въ Черкаску и до Азова обыкновенная ради скорости почта, а новопришлыхъ людей выслать въ тѣ мѣста, откуда кто пришелъ».

Новопришлыхъ людей не высылали и число ихъ увеличивалось все болѣе и болѣе. На Великую рѣку бѣжали не одни крестьяне: туда бѣжали работники съ корабельнаго дѣла, въ особенности изъ Воронежа и Азова, гдѣ служба была уже слишемъ тягостная и нудная. Въ верховые казачьи городки бѣжало очень много солдатъ и драгуновъ, посланныхъ съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ изъ Кіева для усмиренія въ 1705—1706 годахъ астраханскаго возмущенія. Царь не хотѣлъ терпѣть болѣе, особенно когда нужда въ служилыхъ людяхъ увеличивалась по случаю приближенія шведскаго короля къ границамъ Россіи. Дѣлу отысканія бѣглыхъ Петръ I придаетъ государственное значеніе и поручаетъ его одному изъ лично извѣстныхъ ему по службѣ въ потѣшномъ преображенскомъ полку лицъ, князю Юрію Владиміровичу Долгорукову, командовавшему въ 1707 году двумя полками, стоявшими близъ Азова и Таганрога. Мы уже говорили, что вѣрность Азовъ въ описываемое время имѣла такое-же значеніе для петровскихъ полковъ, какъ въ николаевское время лѣвый и правый фланги кавказской линіи. Въ Азовъ и Таганрогъ, для изученія инженернаго и морскаго дѣла, командировались офицеры изъ лучшихъ фамилій¹⁾. Однихъ князей Долгоруковыхъ въ Азовѣ насчитывалось нѣсколько человекъ, служившихъ, какъ на азовской флотиліи, такъ и въ вѣрностяхъ Троицѣ (Таганрогъ) и Азовѣ. Пови-

¹⁾ Архивъ морскаго министерства.

димому, непріятная эспедиція въ донскія городки была навязана Юрію Долгорукову по представленію губернатора и азовскаго коменданта Толстаго, находившагося во враждебныхъ отношеніяхъ къ князю.

Читатели не посѣтуютъ, если, для освѣщенія рисуемой нами эпохи и мѣстности, мы позволимъ себѣ сдѣлать болѣе подробную выписку изъ подлинныхъ документовъ, доселѣ неопубликованныхъ. Вотъ какъ самъ князь Юрій Владиміровичъ доноситъ о приступѣ къ исполненію возложеннаго на него порученія. «Въ нынѣшнемъ 1707 году ¹⁾, 2 августа въ 5 день, по имянному его, великаго государя, указу, каковой присланъ къ нему изъ военнаго похода, изъ Люблина, велѣно ему ѣхать изъ Троицкаго на Донъ во всѣ казачьи городки для сыска бѣглецовъ, всякихъ чиновъ людей, которые бѣжали изъ разныхъ порубежныхъ и изъ иныхъ городовъ, и оставя прежніе свои промыслы, въ разные донскіе городки и укрывались съ женами и дѣтьми, и иные многіе бѣжали, починя воровство и забойство, и тѣхъ бѣглецовъ донскіе казаки изъ городовъ не высылаютъ и держатъ въ домахъ своихъ. И по тому имянному указу и по грамотѣ сентября во 2 день пріѣхалъ онъ въ городъ Черкасскій и войсковому атаману Лукьяну Максимову и всему войску донскому вышписанной великаго государя указъ сказывалъ, чтобы они войскомъ въ Черкасскомъ и въ иныхъ городкахъ бѣглыхъ всякихъ этихъ людей сыскивать велѣли, и они-де войскомъ въ Черкасскомъ бѣглыхъ всякихъ людей сыскивать ему не дали, а для чего не дали, о томъ они войскомъ дали сказку за рукою (подписью) и за войсковою печатью, и съ той ихъ сказки присланъ въ разрядъ списокъ.

«А выше того Черкаскаго городка во всѣ по Дону и по инымъ рѣкамъ стоящіе городки послали они войскомъ свои войсковыя письма къ атаманамъ и казакамъ, чтобы тѣхъ городковъ атаманы и казаки къ сыску и къ отдачѣ бѣглыхъ всякихъ чиновъ людей были ему и посланнымъ офицерамъ во всемъ послушны, и для того послали они войскомъ съ нимъ (то есть княземъ) и съ посланными офицерами старшинъ своихъ, знатныхъ людей.

«И сентября въ 6, да въ 7, да въ 9 числахъ, въ городкахъ, въ Манычѣ ²⁾, въ Багаѣ, въ Бесергеновѣ, которые стоятъ

¹⁾ Морской архивъ. Дѣло приказа морскаго флота, № 24, 1702 года, стр. 1101—1112.

²⁾ Нынѣшнія Манычская и Багаевская станицы.

по Дону, по сказкамъ тѣхъ городковъ станичныхъ атамановъ и знатныхъ казаковъ (старшинъ) въ тѣхъ городкахъ живутъ и служатъ издавна, сыскалъ онъ, князь Юрья, въ тѣхъ юртахъ бѣглыхъ, всего 14 человекъ. Да въ Багаевѣ-жъ сыскано ново-пришлыхъ женъ, которыхъ мужья въ военномъ походѣ, въ Польшѣ, 16 человекъ, а всего 30 человекъ. А въ Медеховѣ городкѣ, сентября по 13 число, по сказкамъ того городка атамана и казаковъ, сыскалъ бѣглыхъ же военныхъ чиновъ людей 20 человекъ. А сколько въ вышеписанномъ городкѣ старыхъ казаковъ налицо, которые живутъ издавнихъ лѣтъ, и о томъ у атамановъ берутъ сказки и имянные списки за руками.

«А съ вышеозначенныхъ же городковъ явились новопришлые жъ люди, а по сказкамъ тѣхъ городковъ атамановъ и по вопросамъ пришлыхъ людей женъ, тѣ новопришлые люди нынѣ на службѣ съ донскими казаками въ военномъ походѣ въ Польшѣ, и такихъ новопришлыхъ людей женъ до указа отдалъ онъ въ тѣхъ же городкахъ атаманамъ и казакамъ съ росписками...

«А въ спискѣ сказки войсковаго атамана Лукьяна Максимова и всего войска донсваго написано о розыскѣ, что въ Черкасскѣ у нихъ чинить розыскъ о пришлыхъ людяхъ невозможно, потому что до сего времени великаго государя указа таковаго не было, чтобы пришлыхъ съ Руси людей не принимать, и заказу о томъ не бывало».

Здѣсь ясно, что Лукьянъ Максимовъ подразумѣваетъ только одно главное войско, то есть жалованныхъ казаковъ.

«А по справкѣ въ разрядѣ въ прошлыхъ годахъ, по имени великаго государя указу велѣно внизъ по Дону, по обѣ стороны и по рѣчкамъ до Паншина ¹⁾, которые впали въ Донъ и гдѣ въ 701 году переведены и поселены по дорогамъ къ Азову по рѣчкамъ же изъ верхнихъ городковъ жители, послать 2 человекъ стольниковъ, и велѣно имъ по тѣмъ урочищамъ въ старыхъ и въ новопоселенныхъ городкахъ у атамановъ и казаковъ взять сказки, сколь давно тѣ казаки пришли и за долго-ль до азовскихъ походовъ, и нѣтъ ли у нихъ въ тѣхъ городкахъ какихъ пришлыхъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полка и иныхъ городовъ разныхъ людей. Также и которые приписаны къ корабельному дѣлу и отъ того корабельнаго дѣла сбѣжали, и бѣглыхъ боярскихъ дѣтей холопей

¹⁾ Близъ вышнїи Кагагинской станицы.

и крестьянъ, и иныхъ какихъ чиновъ людей, и сколь давно они пришли... А которые пришли до азовской службы, а въ азовскихъ походахъ не были, и ихъ изъ тѣхъ городковъ сослать всѣхъ на запольныя рѣчки между Валуйки и Рыбнаго, гдѣ велѣно перевести и поселить отъ Рыбнаго и отъ Валуйки до Азова, по дорогамъ».

Затѣмъ, повторяя прежніе указы о сведеніи казачьихъ городковъ, князь Долгорукій приводитъ:

«И для того изъ разряда посланы были по правую сторону Михайло Федоровъ, сынъ Пушкинъ, по лѣвую сторону Максимъ Никифоровъ, сынъ Кологривовъ.

«... Пушкинъ, для вышеписаннаго дѣла былъ по правую сторону рѣки (т. е. Дона) и по Сѣверному Донцу и на запольныхъ рѣчкахъ (притокахъ Донца)... въ Казанкѣ, Клецкомъ, Сиротинѣ, Новогригорьевскомъ, Старогригорьевскомъ (по Дону). По Сѣверному жъ Донцу: въ Гундоровѣ, Каменской, Митяевинѣ, въ Лугани, Старо-айдарскомъ ¹⁾; Теплинскомъ, Трехъизбянскомъ, Боровскомъ, Краснянскомъ, Сухаревскомъ; въ новопоселенныхъ, Богучарѣ, Грязновѣ, что на рѣчкѣ Богучарѣ-Большой Лукѣ; въ Яблоновѣ, въ Большой же Лукѣ, что на рѣчкѣ Бѣлой Калитвѣ, въ Обловѣ городкѣ, что на рѣчкѣ Быстрой, въ Каширскомъ городкѣ, что на рѣчкѣ Большой, въ Новотишанскомъ, въ Среднемъ Калитвенскомъ, въ Чиру, въ Курмоярковѣ, въ Кундрючѣ, Устьбыстрянскомъ, въ Новокраснянскомъ городкѣ, что на рѣчкѣ Краснянской, въ Ново-айдарскомъ городкѣ, въ Бѣленскомъ Обливѣ, что на рѣчкѣ Деркулѣ, въ Закотенскомъ, что на рѣчкѣ Айдарѣ, въ Осиновскомъ городкѣ, что на рѣчкѣ Айдарѣ жъ—въ 34 городкахъ».

Кологривовъ производилъ ревизію въ 16 городкахъ и ннѣ существующихъ и лежащихъ, частью по верхнимъ частямъ Дона, а частью по нижнимъ частямъ Донца. Всего ревизія была произведена въ 50 городкахъ.

Князь Юрій Долгорукій продолжаетъ такъ:

«И тѣхъ вышеписанныхъ въ казачьихъ городкахъ пришлыхъ бѣлгородскаго и сѣвскаго полку и многихъ городовъ разныхъ и всякихъ чиновъ служивыхъ людей и бѣглыхъ боярскихъ холопей и крестьянъ они не изъѣхали (не нашли) ни одного че-

¹⁾ Подчеркнутые городки отошли отъ территоріи донскаго войска послѣ булавинскаго бунта.

ловѣка. И въ тѣхъ вышечисанныхъ казачьихъ въ старыхъ и новопоселенныхъ городкахъ и юртахъ ¹⁾, у атамановъ и казаковъ взяты сказки за рукамы, подъ смертною казнью.

«А въ сказкахъ тѣ атаманы и казаки и въ допросахъ своихъ сказали, что-де приходили въ тѣ старыя казачьи городки до азовскихъ походовъ и въ азовскихъ походахъ были. А которые приходили въ тѣ же городки до азовскихъ же служебъ, а въ азовскихъ походахъ не были, и тѣ изъ старыхъ городковъ высланы на запольныя рѣчки въ указанныя, новопоселенныя мѣста.

«И въ тѣхъ же вышечисанныхъ городкахъ, въ старыхъ и въ новопоселенныхъ, во всѣхъ, въ которыхъ они, стольники, были, новопришлыхъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полку, городовъ разныхъ людей, и бѣглыхъ боярскихъ холопей, и крестьянъ, и задворныхъ и дѣловыхъ людей, и иныхъ нижнихъ чиновъ... у нихъ нѣтъ также.

«И о тѣхъ пришлыхъ всякихъ чиновъ людяхъ, чтобы они, атаманы и казаки, впредь никакихъ чиновъ пришлыхъ людей въ тѣ городки не принимали и у себя не держали и не таили, его государя указъ подъ смертною казнью...

«Да тѣ же казаки сказывали: вышечисанные присланные изъ Москвы стольники не только новопришлыхъ къ нимъ на Донъ казаковъ, но и старожильцевъ, которые народились изъ стари и поселились по рѣвѣ Дону, и тѣхъ старожильцевъ и ихъ дѣтей переписываютъ, а сказокъ у нихъ не принимаютъ и тѣмъ ихъ сказкамъ не вѣрятъ, и въ томъ-де они, казаки, въ великомъ сомнѣннн, что стольники переписываютъ ихъ всѣхъ поименно въ однихъ верхнихъ городкахъ и по Сѣверному Донцу, и по Бузулуку, и по Хопру, и по Медвѣдицѣ, по Паншинъ, а ниже Паншина тѣ стольники въ городкахъ ихъ казачьихъ никого не переписываютъ, и они-де, казаки, чаютъ, что есть на нихъ его государя гнѣвъ.

«А которые-де присланы дворяне... изъ адмиралтейскаго приказа къ нимъ на Донъ для описи лѣсовъ и для розыска бѣглыхъ корабельныхъ и работныхъ людей, и тѣ-де дворяне имъ казакамъ чинятъ обиду великую и вступаются въ тѣ-же дѣла... и которые казаки у нихъ на Дону жили лѣтъ по восьми и тѣхъ высылаютъ въ Русь, бивъ батогами, и того-де всего въ

¹⁾ Подъ юртою, какъ и нынѣ, сѣдуетъ понимать общее земельное овольствие известнаго городка. На юргу заводились хутора и зимовники.

войсковой отпискѣ всѣмъ войскомъ написать не смѣли, а приказано донести словесно имъ, казакамъ, и у великаго государя милости просить, чтобы тѣхъ старожильцевъ въ верховыхъ городкахъ, по Дону живущихъ и ихъ дѣтей, кромѣ новопришельцевъ, по именамъ стольникамъ не переписывать, а имѣть бы о томъ изъ войска за руками сказки...

«А что они, донскіе казаки, чрезъ помянутыхъ своихъ присылщиковъ великому государю доносили о томъ, что ниже Паншина въ ихъ казачьихъ городкахъ никого тѣ посланные изъ разряда не переписываютъ и не разбираютъ, отчего-де верховыхъ казачьихъ городковъ казаки будто въ великомъ сомнѣніи пребываютъ, чая на себя государскій гнѣвъ, и того ради указалъ онъ, великій государь, въ томъ ихъ, казаковъ, обнадежить, понеже его, государскаго, гнѣва на тѣхъ верховыхъ городковъ казаковъ нѣтъ, и имѣетъ ихъ всегда въ своей государской милости, такъ и прочихъ нижнихъ городковъ казаковъ, и въ томъ-де разборѣ и въ перепискѣ они, казаки, никакого сомнѣнія не имѣли для того, что все учинено по его, государеву, изволенію, не ради чего иного чего, но только во увѣдомленію и къ лучшей явственной смѣтѣ, сколько по Дону тѣхъ верховыхъ казачьихъ городковъ старыхъ и новопоселенныхъ числомъ, и какъ которому городу имя и званіе, и что въ нихъ людей, и нѣтъ-ли откуда какихъ бѣглецовъ и пришлыхъ людей, о чемъ ему, великому государю, многое есть челобитье отъ разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, что люди и крестьяне, бѣгая со многими ихъ браденными пожитками, укрываются въ тѣхъ городкахъ. Однако-же, великій государь всѣмъ по Дону стоящимъ городкамъ указалъ по той переписи быть въ прежнемъ состояніи, гдѣ который городъ стоитъ, при прежнихъ своихъ во всякихъ угодахъ... и поселеній безъ имяннаго его, великаго государя указу строить имъ, казакамъ, не велитъ и впредь никакихъ пришлыхъ людей отнюдь не принимать и тѣмъ тягости и разоренія никому не наносить».

Затѣмъ слѣдуютъ статистическія свѣдѣнія о числѣ жителей мужскаго пола въ каждомъ изъ осматрѣнныхъ казачьихъ городковъ, а равно время построения каждаго.

Изъ уничтоженныхъ послѣ булавинскаго бунта значитя: Староайдарскій 77 человекъ; Теплинскій 67; Трехъ-избянскій 61; Боровской 120; Краснянскій 115; Сухоревскій 88; Новокрасненскій 28; Новоайдарскій 70; Бѣленскій 41; Облага, чтѣ на рѣкѣ Деркулъ, 35 чел.; Закотенскій 58 человекъ.

Изъ этой длинной отписки мы видимъ, что царь Петръ

произвелъ перепись казачьимъ городкамъ, распорядился выслать всѣхъ бѣглыхъ, зашедшихъ на Донъ послѣ перваго азовскаго похода въ 1695 году, выселилъ старослужилыхъ казаковъ на почтовую дорогу изъ Воронежа на Азовъ и запретилъ безъ указовъ строить новыя казачьи городки. Слѣдовательно и существующій нынѣ порядокъ гражданской жизни на Дону слѣдуетъ отнести не къ положенію 1835 года, а къ началу царствованія Петра I. Изъ этой же отписки видно, что стольники Пушкинъ и Кологривовъ въ 1706 году сдѣлали уже все возможное для исполненія царскаго указа. Зачѣмъ же было вновь посылать князя Долгорукова?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Гдѣ вспыхнулъ булавинскій бунтъ?—Трехъ-избянскій и другіе казачьи городки по рр. Донцу и Айдару.—Историческія свѣдѣнія о Слободской украинѣ.—Донецкое казачество.—Слободскіе казачьи полки и ихъ военное устройство.—Святогорскій монастырь и украинская женщина.—Занятіе донскими казаками бассейна нижняго Донца.—Захваты казачествомъ громаднхъ земельныхъ довольтвій и причина этого явленія.

Если читатель обратитъ вниманіе на подчеркнутыя названія казачьихъ городковъ и взглянетъ на карту нынѣшней Донской области, то этихъ городковъ (нынѣшнихъ станицъ) онъ не найдетъ. Придется обратиться къ общей картѣ Европейской Россіи и тогда увидимъ, что многіе изъ подчеркнутыхъ казачьихъ городковъ находятся на территоріяхъ Екатеринославской, Воронежской и Харьковской губерній. Въ особенности на картѣ послѣдней изъ нихъ они и теперь примѣтны Трехъ-избянскую, Боровскую, Закатную и Шулъгинскую слободы, гдѣ началось булавинское возмущеніе.

Въ Донской области, въ Міускомъ округѣ, населенномъ крестьянами и ихъ бывшими помѣщиками, сохранились наименованія: «булавинскій шляхъ», «булавинскій колодезь»; но самыя событія 1707—1708 годовъ почти что неизвѣстны донскимъ казакамъ и слабо очерчены ихъ исторіографами, ибо мѣстность, гдѣ съ наибольшею лютостью кипѣлъ бунтъ, принадлежитъ нынѣ, не донской территоріи, а харьковской губерніи. Отъ притока Сѣверскаго Донца—рѣки Айдара, гдѣ возникъ пожаръ, головни переносились къ верховьямъ Хопра въ

Тамбовскую губернію; пламя бушевало въ нижнихъ частяхъ р. Чира, и нынѣ еще населенномъ приверженцами старой вѣры, и доходило до Черкасса, Азова и Таганрога, почему, безъ знанія географіи и безъ пособія карты Европейской Россіи, неудобно слѣдить за перипетіями этой исторической трагедіи, ожидающей своего драматурга. По незнанію географіи, историки Дона, какъ напримѣръ Броневскій, при описаніи булавинскаго возмущенія, впадаютъ въ грубыя ошибки. На харьковскомъ университетѣ и интеллигентномъ классѣ бывшей Слободской Украйны лежить нравственная обязанность собрать новые матеріалы, нарисовать полную картину этой достопамятной эпохи и охарактеризовать самаго Кондратія Булавина; мы же рѣшаемся, какъ говорили, бросить сюда лишь лучъ свѣта и сообщить, что знаемъ, лишь о самомъ возмущеніи донскихъ казаковъ.

Булавинъ былъ казакомъ Трехъ-избянскаго городка, лежащаго по среднему теченію р. Донца. На этой же рѣкѣ лежалъ Боровской городокъ, атаманъ котораго первый принялъ сторону предводителя голытьбы. Начальное кровавое столкновеніе, полное трагизма, произошло въ Шульгинскомъ городкѣ, лежащемъ на р. Айдарѣ, впадающемъ въ Донецъ съ лѣвой стороны, а слѣдовательно бунтъ вспыхнулъ, не на рѣкѣ Великой, а въ бывшей Слободской Украйнѣ, съ которою необходимо познакомиться; иначе Кондратія Булавина будутъ постоянно смѣшивать съ Стенькою Разинымъ и Пугачевымъ, которые въ дѣйствительности оказываются уроженцами рѣки Великой.

Кстати замѣтимъ, что донскіе критики напрасно упрекаютъ насъ что личность Булавина мы рисуемъ несогласно съ исторіею нравовъ и обычаевъ донскихъ казаковъ и придаемъ ему и женщинамъ ¹⁾ описываемаго періода болѣе мягкія черты, присутія малороссійскому народу.

Мы думаемъ, что слобожанѣ—это смѣсь суроваго и цѣломудреннаго казака великороссійской закваски съ кроткимъ, ласковымъ и женолюбивымъ малороссіяниномъ.

И такъ, перенесемся въ нынѣшнюю Харьковскую губернію, въ бывшую Слободскую Украйну.

Матеріалы для статистики и географіи Россіи, собранные

¹⁾ Отзывъ Донской газеты по поводу драматической хроникки: «Донской казакъ съ ружьемъ на бочкѣ». Украинецъ съ женою обращается лучше, чѣмъ русскій; драки и ссоры очень рѣдки. Сидя, или лежа дома, съ свойственною азіатскимъ народомъ безпечною, мужъ предоставляет все домашнее хозяйство въ распоряженіе жены и ни во что не вѣшивается.

Кн. III.—Мартъ, 1882.

офицерами генеральнаго штаба въ шестидесятыхъ годахъ, въ сожалѣнію, не закончились изданіемъ статистическаго описанія Харьковской губерніи. Намъ извѣстно, что сюда былъ также отправленъ одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, если не ошибаемся, даже питомецъ харьковскаго университета, нѣкто Т.; но онъ не исполнилъ возложеннаго на него порученія, почему для желающихъ ознакомиться съ мѣстностью этого края мы рекомендуемъ изданія бывшаго департамента генеральнаго штаба «Военно-статистическія описанія россійской имперіи»¹⁾, или же «Списки населенныхъ мѣстъ», изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ²⁾. Въ послѣднемъ изъ этихъ изданій читатель найдетъ ссылки на разные источники и въ томъ числѣ на историческіе труды извѣстнаго харьковскаго профессора Срезневскаго.

Во время владычества татаръ вся Украина оставалась пустынею; только въ скалахъ Святыхъ горъ спасались русскіе отшельники. Лабиринтъ высѣченныхъ въ мѣловой скалѣ ходовъ, въ нѣсколько ярусовъ, доказываетъ опасность положенія ихъ въ то время. По преданіямъ извѣстно, что на эти скалы неоднократно покушались татары, но не могли ими завладѣть³⁾. Богатыя степи и нивы нынѣшней Харьковской губерніи прельщали татаръ; они стали здѣсь кочевать, и еще въ XIV столѣтіи вся эта страна называлась ордынскою или ногайскою. По завоеваніи литовцами и поляками Червонной Руси и кievскаго княжества, Харьковская губернія составляла часть, такъ называемой Украйны, куда ссылались преступники. Впослѣдствіи туда стали переселяться изъ Кіева русскіе и многіе изъ польской шляхты; они приходили сюда на пограничную службу и, будучи жалуемы за заслуги землями, оставались на жительствѣ. Нынѣшняя Харьковская губернія, вмѣстѣ съ прочею южною Россіею, будучи совершенно отдѣлена отъ кореннаго русскаго народа, очень

1) «Военно-статистическое описаніе Харьковской губерніи», составилъ капитанъ Могульскій, 1850 г.

2) Харьковская губернія, 1869 г.

3) Святогорскій мужской монастырь находится въ Изюмскомъ уездѣ. Онъ устроенъ у подошвы мѣловаго утеса. На самой скалѣ помѣщена церковь. Видъ съ этого мѣста очаровательный на 40 верстѣ въ окружности. Мѣловой утесъ весь устанъ пещерами и внутренними ходами. Запорожскіе казаки, еще до времени Баторія, владѣли всѣми степями отъ Днѣпра до праваго берега Сѣверскаго Донца, а потому Святогорскъ былъ на ихъ землѣ. По свойственной имъ набожности и благоговѣнію къ святымъ мѣстамъ, они защищали монастырь отъ татарскихъ нападений. Слѣдуетъ полагать, что кошевые запорожскіе и войсковые атаманы Дона кончали здѣсь свою жизнь.

часто измѣнялась въ бытѣ своего населенія. Втеченіи 400-лѣтняго чуждаго надъ нею владычества, она находилась 80 лѣтъ во владѣніи татаръ, 20 лѣтъ—литовцевъ и 300 лѣтъ—поляковъ. Это смѣшеніе западныхъ славянскихъ поколѣній съ коренными жителями и долговременное вліяніе на нихъ Польши придали украинцамъ другой домашній бытъ, иное нарѣчіе, другіе обычаи и даже нравы; но украинцы, подобно жителямъ Малороссіи, сохранили православную вѣру, не смотря на всѣ усилія поляковъ склонить ихъ къ католицизму, а потомъ къ униі. Въ этой долговременной и отчаянной борьбѣ за вѣру украинцамъ неоднократно помогали сосѣди ихъ—запорожскіе казаки, которые нѣкоторыя земли нынѣшней Харьковской губерніи, именно задонецкую часть Изюмскаго уѣзда, равно какъ Міусскій округъ Донской области, считали своими вольностями и оспаривали ихъ у поляковъ и донскихъ казаковъ.

Въ 1571 году, т. е. при Іоаннѣ IV Грозномъ, главнымъ начальникомъ сторожевой и станичной службы былъ князь Воротыпскій; онъ подвинулъ сторожевую линію почти до самой оконечности Харьковской губерніи, до правой стороны Донца.

Притѣсненія и гоненія польскаго дворянства способствовали переселенію малороссіянъ на русскую Украйну, и такимъ образомъ составила пограничная вооруженная линія противъ Рѣчи Посполитой.

Царь Михайлъ, имѣя въ слободскихъ полкахъ уже 17,000 человекъ, началъ воздвигать укрѣпленія по Ворсклѣ, Осколу и Донцу, съ тѣмъ, чтобы около этихъ мѣстъ поселять малороссійскихъ выходцевъ, прибывавшихъ въ этотъ край въ большомъ числѣ; но вліяніе Польши на Малороссію было еще слишкомъ сильно и не дозволяло тогда открыто принять подъ свое покровительство всю страну; тѣмъ не менѣе всѣ полки украинскаго отряда были наполнены малороссіянами, которые охотно сражались, не только противъ крымцевъ, но и противъ своихъ же собратій малороссіянъ, остававшихся въ подданствѣ Польши. При царѣ Алексѣѣ, въ 1667 году, когда заднѣпровская сторона, за исключеніемъ Кіева, отошла отъ вліянія Россіи, передшніе оттуда казаки составили слободо-украинскіе полки, которые, за оказанныя ими службы, были жалованы землями въ теперешней Харьковской губерніи. Эти полки были: харьковскій, сумскій, ахтырскій, изюмскій и острогожскій. Послѣдній былъ устроенъ уже при царѣ Петрѣ I. Полковые двory ихъ находились въ городкахъ, по имени которыхъ именовались и

полки, а городъ Изюмъ даже и устроенъ былъ полковникомъ слободскаго полка, Григоріемъ Захаржевскимъ.

Полки подчинялись, подобно донскому войску, вначалѣ посольскому приказу, а при Петрѣ зависѣли въ гражданскомъ отношеніи отъ бѣлгородскаго приказа, а въ военномъ—отъ военной коллегіи.

Такимъ образомъ, расширялось московское царство, съ сѣвера Украины, нынѣшней Харьковской губерніи, имѣвшее въ виду огражденіе своей южной границы отъ татарскихъ набѣговъ. Съ другой стороны, мы видимъ подобное же явленіе съ запада слободской Украины—со стороны Малороссіи.

Днѣпровскіе казаки¹⁾, тѣснимые униєю и польскимъ дворянствомъ, положили въ слободской Украинѣ основаніе донецкому казачеству. Такъ въ странѣ, богато одаренной отъ природы, стали возникать слободы и города. «Переселенцы сначала водворялись по берегамъ Донца, начиная отъ его поворота на востокъ—вверхъ по теченію; затѣмъ строили города и слободы въ сѣверо-западной части губерніи, а послѣ того заняли и юго-восточную (?). Одновременно съ городами возникали и слободы; всѣ онѣ тянулись по берегамъ рѣкъ».

Во время образованія поселеній, Харьковская губернія подвергалась безпрестаннымъ нападеніямъ крымскихъ татаръ; поэтому и сами переселенцы организовали на новомъ мѣстѣ жительства военныя общины—казачество, или общины донецкихъ черкасовъ, на подобіе устройства запорожцевъ. Самые города были укрѣпленными пунктами, или крѣпостями, какъ Изюмъ, Харьковъ, Купянскъ и другіе. Вслѣдствіе подобнаго военнаго устройства, здѣсь образовались малороссійскіе (черкасскіе) казачьи полки. Селеніе, въ которомъ пребывалъ полковникъ и другіе высшіе начальники, называлось полковымъ городомъ и было укрѣплено сильнѣе городовъ сотенныхъ, гдѣ сосредоточивалось управленіе полковою сотнею; прочія селенія, занятая преимущественно земледѣльцами, назывались слободами и хуторами. Это и было причиною наименованія здѣшней Украины и полковъ «слободскими».

Все населеніе раздѣлялось на три главныя сословія: 1) казачковъ, считавшихся на службѣ, изъ которыхъ выбирались въ города пушкари, 2) компанейцевъ и 3) крестьянъ землевла-

¹⁾ «Списки населенныхъ мѣстъ».

дѣльцевъ или владѣльческихъ. Донецкіе казаки ¹⁾ раздѣлялись сперва на три, а потомъ на пять полковъ.

Каждый полкъ находился подъ управленіемъ полковника и членовъ полковой старшины. Полковникъ былъ избираемъ полковою старшиною, по большинству голосовъ, на всю жизнь. Завѣдывая устройствомъ своего полка, онъ имѣлъ право приговора къ наказанію виновныхъ; онъ могъ раздавать въ награду земли, никѣмъ незанятыя, а равнымъ образомъ и самъ могъ занимать такія земли въ потомственное владѣніе. Всѣ свои распоряженія онъ подтверждалъ письменными приказами — универсалами, за собственноручнымъ подписаніемъ, съ приложеніемъ своей гербовой печати, которая употреблялась какъ полковая. Полковую старшину составляли шесть чиновниковъ: полковой обозный, судья, эсаулъ, хорунжій и два писаря. Полковой обозный ²⁾, старшій послѣ полковника во всемъ полку, былъ начальникъ пушкарей и всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Полковой судья завѣдывалъ гражданскими дѣлами; полковой эсаулъ былъ помощникомъ по военной части. Полковой хорунжій начальствовалъ надъ хорунжевыми казаками и хранилъ полковое знамя — хоругвь. Полковые писаря были секретарями въ полку, одинъ по гражданской, другой по военной части. Всѣ эти шесть чиновниковъ составляли полковую раду, т. е. совѣтъ для совѣщаній о важнѣйшихъ военныхъ дѣлахъ. Каждый на радѣ имѣлъ равный голосъ, кромѣ полковника, имѣвшаго два голоса. Распорядителемъ на радѣ былъ полковой обозный. Что касается до дѣлъ гражданскихъ, то онѣ рѣшались въ полковой ратушѣ, гдѣ засѣдали тѣ же лица и также подъ предсѣдательствомъ полковника, а главнымъ распорядителемъ дѣлъ былъ полковой судья. Таково было, по словамъ Срезневскаго, устройство слободскихъ полковъ, основанное на старыхъ обычаяхъ.

Если читатель припомнитъ нашъ первый очеркъ ³⁾, то увидитъ, что въ Слободской Украинѣ ничего не было похожего на олократическое устройство гражданского управленія на рѣкѣ Великой, гдѣ все рѣшалъ войсковой кругъ, а войсковой атаманъ былъ только исполнителемъ повеленій этого круга.

Чтобы не возвращаться больше къ историческому анализу

¹⁾ Срезневскій, въ своемъ историческомъ описаніи гражданского устройства Слободской Украины, говоритъ: «донскіе казаки». Едва-ли это правильно.

²⁾ Эта должность напоминаетъ нынѣшняго завѣдывающаго полковымъ хозяйствомъ.

³⁾ «Отъ Разина до Булавина». №№ 1, 2 и 3 «Русской Рѣчи», 1881 г.

Слободской Украйны, замѣтимъ, что послѣ ослабленія крымскихъ и ногайскихъ татаръ взятіемъ крѣпости Азова и возведенія крѣпости Бахмута, надобность въ службѣ слободскихъ казаковъ становилась менѣе настоящей. Въ то же время и черкасы свыкались съ мирнымъ, осѣдлымъ образомъ жизни. Поэтому, хотя по южной границѣ Харьковской губерніи еще кочевали ногайскіе татары, но при Петрѣ I начинается новый періодъ въ устройствѣ описываемаго нами края. Правительство стремится ввести слободскихъ казаковъ въ общій строй русской жизни и управленія, отнять все исключительное и сравнять съ прочими частями Россіи. Въ 1708 году 18 декабря утверждено было новое раздѣленіе Россіи на 8 губерній. По этому закону земли слободскихъ полковъ (вмѣстѣ съ отмежеванными отъ донской территоріи) вошли въ составъ Азовской губерніи. Послѣ полтавской битвы Петрѣ I оставилъ въ Малороссіи 15 полковъ подъ начальствомъ Рѣпинина, а завѣдываніе слободскими полками поручилъ генералу Аправсину, имѣвшему, подобно Потемкину, при Екатеринѣ II, громадное вліяніе также и на устройство и бытъ казаковъ по Дону и по Тереку.

Изъ свѣдѣній о распространеніи раскола въ Харьковской губерніи видно, что единовѣрцы и раскольники находятся въ поселеніяхъ съ велико-россійскимъ элементомъ и преимущественно въ юго-восточной части, отторженной отъ донской территоріи послѣ булавинскаго бунта. Раскольниковъ и до сихъ поръ много въ Трехъ-избянской слободѣ.

Если русское правительство съ сѣвера, а малороссійскіе выходцы съ запада заполняли Слободскую Украйну, то донскіе казаки, съ своей стороны, стремились занять ее съ южной и юго-восточной стороны, преимущественно по теченію средняго Донца и притоку Айдару, и понятно, что въ этомъ поступательномъ движеніи встрѣтились съ враждебными имъ элементами, въ особенности малороссійскимъ, успѣвшемъ завести своеобразные порядки. Долгорукій, въ своемъ рапортѣ царю Петру I ¹⁾ упоминаетъ, что Староайдарскій городокъ существовалъ уже 30 лѣтъ, т. е. заселенъ донскими казаками въ 1677 году; трехкубанскій 28 лѣтъ, боровскій 30, новоайдарскій, бѣленскій и завотенскій лишь 8 лѣтъ, слѣдовательно, послѣ азовскихъ походовъ царя Петра. Мы увидимъ впоследствии, какое было гражданское устройство въ большинствѣ донскихъ казачьихъ

¹⁾ Морской архивъ. Дѣло приказа морскаго флота, № 24.

городковъ, а теперь и на основаніи сказаннаго нами объ устройствѣ слободскихъ полковъ, считаемъ возможнымъ заявить, что гражданское устройство донецкихъ городковъ, образованныхъ казаками на рѣкѣ Великой, было смѣшанное, т. е. частію соображенное со станичными кругами, практиковавшимися на рѣкѣ Великой, а частію имѣло характеръ малороссійскій рады слободскихъ полковъ. Только этимъ можно объяснить преобладаніе въ этихъ городкахъ личности и, въ данномъ случаѣ, Кондратія Булавина, надъ общиною, или кругомъ. На Дону и въ его войсковомъ кругу едва-ли могла бы выдвинуться личность подобнаго атамана голытьбы.

Захваты русской территоріи казаками производились всюду, гдѣ существовало казачество, самобытное-ли, или утвержденное самимъ правительствомъ. Запорожцы считали своими степи отъ южнаго Буга до Міуса, гдѣ тѣснили донскихъ казаковъ. Эти послѣдніе двинулись въ нынѣшнюю Харьковскую, Воронежскую, Саратовскую и Астраханскую губерніи. Занимаясь предпочтительно сперва звѣроловствомъ, а потомъ скотоводствомъ, казаки стремились къ громадному земельному надѣлу. До булавинскаго бунта, по тогдашнему населенію, донскіе казаки владѣли по одной квадратной верстѣ на душу мужскаго пола. Уральскіе казаки и донинѣ владѣютъ по полторы квадратной версты на душу мужскаго пола, т. е. по 150 дес. ¹⁾ Немного менѣе надѣла имѣютъ оренбургскіе казаки; однако-же около 60 дес. на душу. Замѣчательнѣе всего въ этомъ отношеніи сибирскіе казаки. По первоначальному законодательству, правительство опредѣлило имъ по 6 дес. на душу; они-же умудрились получить болѣе 100 дес. на душу, и почти не занимаются, не только земледѣліемъ, но и скотоводствомъ, а земли отдаютъ сосѣдямъ-киргизамъ въ арендное содержаніе ²⁾.

Даже въ интеллигентномъ классѣ казачества до сихъ поръ считается спорнымъ вопросъ: слѣдуетъ-ли развивать казаковъ въ промысловой дѣятельности, или ограничить занятія ихъ въ мирное время коневодствомъ и скотоводствомъ ³⁾, а при по-

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что двѣ трети уральскихъ земель негодны для земледѣлія.

²⁾ Оренбургское войско имѣетъ территорію въ 8.492,808 дес.; уральское въ 6.458,791 дес.; сибирское 5.115,886 дес. Лицъ войскового сословія мужскаго пола въ оренбургскомъ 142,000; уральскомъ 43,200 и въ сибирскомъ 47,216 чело-вѣкъ («Военный Сборникъ», 1880 годъ).

³⁾ Усовъ, «Статистическое описаніе сибирскаго казачьяго войска».

добномъ взглядѣ, раздѣляемомъ низшими классами казачества, естественно, что надѣлъ въ одну квадратную версту на душу мужскаго пола приходится считать нормальнымъ ¹⁾).

За исключеніемъ нѣсколькихъ переходныхъ годовъ, а именно съ 1855—1867 года, правительство постоянно стремилось и стремится поощрять въ казачьихъ войскахъ развитіе скотоводства и коневодства, въ ущербъ другимъ промысламъ. Одинъ царь Петръ I иначе смотрѣлъ на казаковъ и стремился развить между ними гражданственность, приученіемъ обитателей рѣки Великой къ винодѣлію, шелководству и хлѣбопашеству.

Мы уже говорили, что преобразователь Россіи, не только прекратилъ морскіе поиски казаковъ, но не позволялъ появляться ихъ лодкамъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, ни для торговли, ни для рыболовства. Понятно, что суровый государь не могъ стерпѣть поступательнаго движенія донскихъ казаковъ въ Слободскую Украину, гдѣ, волею или неволею, населеніе безропотно стало вмѣсто казаковъ поставлять рекрутъ. Бывшая Слободская Украина далеко болѣе, чѣмъ территорія рѣки Великой, способствовала развитію земледѣлія, а рядомъ съ нимъ и размноженію населенія, столь необходимаго тогда Россіи въ ея постоянныхъ войнахъ. Слободская Украина уже въ половинѣ XVIII столѣтія представляла всѣ данныя для развитія въ ней гражданственности.

Поверхность ея скорѣе волнистая, чѣмъ степная; она несравненно болѣе донской территоріи, пересѣкается водами, и оттого имѣла больше лѣсовъ. Рѣки, орошающія Слободскую Украину, принадлежать къ двумъ системамъ: Днѣпра и Дона.

Пространство, лежащее на сѣверъ, изобилуетъ лѣсами и, какъ видно изъ направленія рѣкъ, составляетъ болѣе возвышенное пространство, чѣмъ южная часть, гдѣ встрѣчаются преимущественно мѣста болѣе ровныя и лѣсистыя, хотя и тутъ правый берегъ Донца и другихъ рѣкъ постоянно возвышается надъ лѣвымъ, образуя нерѣдко весьма крутыя скалы и глубокіе овраги. Значительныхъ горъ, которыхъ относительное возвышеніе могло бы имѣть особенное вліяніе на климатъ, вовсе нѣтъ, а потому, какъ увидимъ, въ военномъ отношеніи, гораздо важнѣе не горы а овраги и русла рѣкъ, которыя пересѣкая мѣстность во всѣхъ направленіяхъ, образуютъ для регулярныхъ войскъ такія же затрудненія, какъ и горы съ ихъ дефиле.

¹⁾ Хорошкинъ. Мнѣнія этого писателя въ книгѣ: «Казачьи войска», 1881 г.

Почва Слободской Украйны, нынѣшней Харьковской губерніи, состоитъ изъ чернозема. Песчанія пространства находятся, но ихъ легко обойти. Въ описываемую нами эпоху, воды Харьковской губерніи были обильнѣе, рѣки шире и глубже, и въ особенности рѣка Донецъ была обильна водою; по этой рѣкѣ проходили на Донъ большія транспортныя суда. Промышленность, со времени занятія Слободской Украйны великороссійскимъ элементомъ съ сѣвера, развивалась очень медленно. Даже и по изгнаніи татаръ, когда русскіе опять стали твердою ногою на берегахъ Донца и Дона и, казалось, все обѣщало развитіе промышленности, обстоятельства не благоприятствовали порывамъ русскихъ выходцевъ. Властвованіе турокъ надъ устьями Донца и Дона были непреодолимою преградой плаванія по здѣшнимъ рѣкамъ и развитію промышленности.

Торговые пути сосредоточивались въ городѣ Валуйкѣ, нынѣшней Воронежской, и въ Путивлѣ, нынѣшней Курской губерній, такъ какъ въ этихъ двухъ пунктахъ сосредоточивалась тогда торговля съ Дона и Днѣпра, а потому часто эти пути назывались валуйскими и путивльскими.

Въ заключеніе, скажемъ, что поваренная соль, изъ-за которой возникло несогласіе между Булавинымъ и изюмскимъ слободскимъ полкомъ, до сихъ поръ добывается градировкой и вываркою изъ соляныхъ озеръ близъ города Славянска. Соли получается до 50,000 пудовъ ¹⁾.

Н. Красновъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ По полученнымъ нами частнымъ свидѣніямъ, неисчерпаемое количество каменной соли лѣтомъ 1881 года открыто въ Екатеринославской губерніи и Донской области.

НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ СТОЛѢТІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

III.

Д о к л а д ъ.

Въ спальнѣ государыни было уже приготовлено все къ приему ея перваго, утренняго доклада.

Подлѣ самой стѣны, неподалеку отъ двери, ведущей изъ спальни въ кабинетъ, былъ поставленъ стулъ, съ высокой спинкой, обитой штофомъ; къ стулу были придвинуты два полуовальные, выгибные столика, поставленные такимъ образомъ, что выгибы ихъ приходились одинъ противъ другаго на ружу, причемъ одинъ приходился противъ стула, приготовленнаго для государыни, а другой противъ стула докладчика. На каждомъ изъ столиковъ стояли по два шандала, съ зажженными десятью свѣчами. Стулъ для докладчика былъ съ низенькой и рѣзной спинкой и подлѣ него стояла низенькая этажерка. На столикѣ, приходящемся къ стулу, приготовленному для государыни, стояла великолѣпная бронзовая чернильница, лежали перья, карандаши и другія письменныя принадлежности; впереди, у самаго выгиба, на краю стола, лежала чистая бумага.

Двери изъ китайской комнаты и уборной въ спальню приходились справа противъ стула, на которомъ государыня принимала докладъ. Прямо противъ обѣихъ этихъ дверей, между окнами, была расположена великолѣпная краснаго дерева съ бронзою кіота, съ драгоцѣннымъ образомъ Казанской Божіей матери, стариннаго письма, въ золотой ризѣ, осыпанной брилліантами и ахонтами. Передъ образомъ горѣла неугасимая лампада и нѣсколько восковыхъ свѣчей. Стѣна, противоположная той, подлѣ которой ставился стулъ государыни, прикрывалась голубой штофной драпировкой, за которой, въ альковѣ, на возвышеніи стояла широкая кровать, съ высокими тюфяками въ штофныхъ чаклахъ. По сторонамъ кровати были поставлены широкія трюмо, за которыми изъ алькова былъ видѣнъ тоже драпированный шелкомъ проходъ, ведущій въ ванную, гардеробную и другія внутреннія комнаты. Противъ алькова и кровати былъ расположенъ небольшой фонтанъ, состоящій изъ маленькаго золотого амура, льющаго воду въ серебряный бассейнъ.

Государыня, войдя въ спальню, ту же минуту сѣла на приготовленный для нея стулъ и позвонила.

Явился по звонку опять тотъ же камердинеръ Кошечкинъ.

Екатерина взглянула на него хмуро. Она полагала, что довольно ея звонка, чтобы угадать, чего она желаетъ.

Но Кошечкину и въ голову не приходила такая требовательность, и онъ стоялъ передъ государыней, уставя глаза и не зная, что сказать.

— Позови фельдмаршала! сказала Екатерина сурово и подумала: «Ну что за радость выбирать себѣ неспособныхъ, и еще какъ: чѣмъ неспособнѣе, тѣмъ лучше, чѣмъ старѣе, тѣмъ соотвѣтственнѣе». Это сказала себѣ Екатерина, между тѣмъ, какъ служебный выборъ вращается именно на этомъ силогизмѣ людскаго тщеславія, желающаго всегда видѣть кругомъ себя только тѣхъ, которые ниже его во всѣхъ отношеніяхъ.

Камердинеръ исчезъ, вошелъ Суворовъ.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на императрицу, сидящую на своемъ стулѣ у столиковъ, онъ прошелъ мимо, прямо къ образу Казанской Божіей матери, и не торопясь, медленно, съ чувствомъ и разстановкой, положилъ передъ образомъ три полныхъ земныхъ поклона. Послѣ онъ обратился къ императрицѣ и сдѣлалъ ей также одинъ полный земной поклонъ.

— Что ты, Александръ Васильевичъ, не стыдно ли? Ты меня конфузишь! сказала государыня.

— Не тебѣ, матушка-царица, не тебѣ. Я кланяюсь своей надеждѣ, а надеждѣ у меня одна—ты!

— Полно, садись! Дѣло есть?

Суворовъ сѣлъ напротивъ.

— Самое важное, отвѣчалъ онъ.—Пришелъ взглянуть на тебя, какъ на наше красное солнышко. Не сердись на старика, которую недѣлю не вижу, такъ и скучно, а увидѣлъ и заплѣлъ...

И онъ сейчасъ же проплѣлъ свое «кувареку».

Государыня улыбнулась и протанула ему руку.

Суворовъ почтительно поцѣловалъ и сталъ говорить о приученіи каре выдерживать кавалерійскую атаку.

— Я этого не понимаю, мой дорогой фельдмаршалъ. Въ этомъ уже я полагаюсь на васъ.

— А ты разрѣшаешь, матушка? скажи, ты разрѣшаешь?

— Разумѣется, я разрѣшаю все, что на пользу и добро.

— И слава Богу! ура, кувареку! Онъ всталъ и сталъ прощаться.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, повторила государыня,—не забывай навѣщать!

Суворовъ ушелъ; государыня велѣла позвать Дмитрія Петровича Трощинскаго.

— Что у тебя Трощинскій? спросила она, подавая ему руку послѣ его низкаго поклона.—Садись!

— Меморія о баварскомъ наслѣдствѣ и прусскомъ королѣ, отвѣчалъ Трощинскій, садясь.

— Отложи ее, я прочитаю уже съ княземъ Платономъ Александровичемъ и графомъ Марковымъ и потомъ пришлю за тобой. А вотъ я хотѣла тебя просить, распорядись какъ нибудь по моему дому. Я чуть у себя ауто-да-фе не произвела. Встала я сегодня очень рано. Не болѣе шести часовъ было, хотѣлось написать побольше. Только мнѣ показалось холодно; чтобы никого не тревожить, я подошла къ камину и сама зажгла подложенную подъ дрова бумагу и бересту; каминъ вспыхнулъ. Вдругъ раздался страшный крикъ. Я ужасно испугалась. Въ трубѣ оказался мальчикъ-трубочистъ. Я, можно сказать, сама себя не вспомнила, однакожь позвонила. Спасибо, на мой звонокъ старикъ Зотовъ прибѣжалъ. Выкинули дрова, вытащили мальчика, а все очень непріятно. Онъ хоть и не обжегся, но отъ испуга едва не помѣшался. Да и я то, признаться, не меньше его перетрусилась. Нельзя ли какъ распорядиться, чтобы мою каминную трубу съ вечера чистили что ли, или чтобы, когда чистятъ, за-

крывали чѣмъ нибудь каминъ? Передай ты объ этомъ Строгонову. Онъ можетъ что и придумаетъ.

Слова «съ Богомъ!» отпустили и Тропинскаго.

За Тропинскимъ слѣдовали другіе и такъ шло до 12 часовъ, когда государыня встала и пошла въ уборную, гдѣ ожидали ее всѣ перечисленные камердинеромъ лица.

Она вошла, поклонившись по мужски направо, налѣво, и прямо подошла къ зеркалу, въ то время, какъ присутствующіе отвѣшивали ей низкіе поклоны, касаясь рукою земли. Подлѣ зеркала стояла уже одна изъ ея любимыхъ камерфрау Алексѣева, со льдомъ и полотенцемъ, подлѣ нея двѣ сестры дѣвицы Звѣревы съ булавками, и гречанка Палокучи съ чепчиками.

Въ то же время у зеркала очутился и ея шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ и церемоніймейстеръ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, исправлявшій въ то время должность оберъ-гофмаршала, ея всегдашніе собесѣдники во время ея туалета. Они начали ей рассказывать городскія новости и слухи, между прочимъ упомянули и о предстоящей дуэли.

— Этой дуэли не будетъ, сказала государыня, — я не хочу!

Прибранная государыня обошла всѣхъ, кого еще она не видѣла, между прочимъ сказала любезность и смоленскому губернатору.

Но только что онъ, веселый и довольный, собрался ѣхать изъ дворца, его попросили вновь къ государынѣ. Онъ вошелъ за камердинеромъ въ бриліантовую комнату. Тамъ, кромѣ государыни и Строгонова, не было никого.

— Что это у тебя, спросила государыня сурово, — іезуиты католичество распространять вздумали, а? На что-жъ ты губернаторъ? Чтобы этого не было! Слышишь? Ты отвѣчаешь мнѣ головой. Я не пожалѣю, не пощажу!.. Она сказала это такъ, что бѣдный губернаторъ невольно коснулся своей головы, какъ бы желая удостовѣриться, на мѣстѣ ли она еще у него, или уже онъ думаетъ безъ головы.

— Больше ничего, съ Богомъ! Но помни, что я тебѣ сказала: отвѣчаешь головой!

— Бѣдняга! проговорилъ Строгоновъ, когда тотъ ушелъ, — а онъ былъ такъ счастливъ отъ вашего всемиловивѣйшаго слова!

— Что-жъ, я хвалю при всѣхъ, а браню съ глазу на глазъ. Это мое правило!

— А знаете-ли, государыня, какая дѣйствительная причина дуэли, о которой говорили и которая не сегодня завтра должна

будеть составлять одну изъ самыхъ свѣженькихъ новостей для болтовни въ гостинихъ.

— Какая?

— Усы!

— Усы! Это что еще за исторія?

— Да, усы, ваше величество. И Строгановъ разсказалъ, что слышалъ отъ лейбъ-гусаровъ.

— Тѣмъ болѣе я должна принять мѣры, чтобы такой дуэли не допустить.

Въ это время ей доложили, что прибылъ князь Гагаринъ.

— Хотя мнѣ уже время одѣваться къ обѣду, сказала государыня, — но дѣлать нечего, зови! Уходи Строгановъ, чтобы мнѣ намылить ему шею съ глазу на глазъ. Съ мальчигомъ вздумалъ связаться, и еще изъ-за усовъ.

Нужно познакомить читателей съ Ильиними, изъ коихъ одна была за княземъ Гагаринымъ, другая жила у Гагарина въ домѣ въ качествѣ дѣвицы-невѣсты, а братъ ихъ, полковникъ Ильинъ, былъ одинъ изъ любимыхъ адъютантовъ графа Захара Григорьевича Чернышева, поэтому пользовался не совсѣмъ обыкновеннымъ вниманіемъ общества того времени, обращавшаго свое вниманіе только на тѣхъ, кто имѣетъ какое-либо отношеніе къ фавору.

Отецъ ихъ, генераль Павелъ Антоновичъ Ильинъ считался однимъ изъ исполнительнѣйшихъ генераловъ екатерининскаго времени. Онъ былъ не только хорошей исполнитель, но, можно сказать, артистъ исполненія, ибо доводилъ точность своей исполнительности до предѣловъ возможнаго. Онъ стремился обыкновенно исполнять поручаемыя ему дѣла такъ, чтобы въ каждый моментъ, каждая черта этого дѣла, не только въ общемъ, но и въ частностяхъ, постоянно соответствовала желанію дѣлавшаго ему порученія.

Разумѣется, такая исполнительность вызывала къ нему чрезвычайное сочувствіе тогдашняго фавора; тѣмъ болѣе, что онъ былъ не Рылѣвъ, не дѣлалъ ничего не думая, и никакого нѣтъ сомнѣнія, не бросился-бы набивать чучелу изъ банеира Сутерланда. Его исполнительность была тѣмъ и хороша, что всегда была осмыслена, хотя и доводилась иногда до такой точности, что иногда право не уступала событію съ Сутерландомъ.

Одинъ разъ, напримѣръ, подъ Очаковымъ, Свѣтлѣйшій, въ

минуту хандры, неудовольствій и злобной апатіи, какія иногда на него находили, вздумалъ ему указать на два татарскія села и сказалъ: «Распорядись Ильинъ, чтобы духу ихъ не было!» Провинились-ли чемъ жители этихъ селъ или просто мѣшали планамъ Свѣтлѣйшаго, этого Ильинъ не зналъ, да и знать не хотѣлъ. Онъ долженъ былъ распорядиться и распорядился.

Раннимъ утромъ онъ овружилъ эти села двойною цѣпью; на возвышенностяхъ поставилъ артилерію. Устроивъ резервы и открывъ дѣло артилерійскимъ огнемъ, онъ умышленно разгорячилъ войска, вызвавъ въ нихъ ожесточеніе. Потомъ повелъ ихъ штурмовать эти села съ внушеніемъ: не дѣлай пощады ни старому, ни малому.—Чтобы собака не могла ускользнуть! говорилъ онъ. И точно не ускользнули даже собаки; перебили всѣхъ заурядъ, не жалѣя ни пола, ни возраста, хотя атакованныя такимъ образомъ села почти не сопротивлялись. «Бѣда кого-нибудь оставить, разсуждалъ исполнительный Ильинъ, хотя былъ вовсе не злой человѣкъ:—оставишь тамъ мальчишку, или дѣвчонку, или старика,—плакать стануть, пищи просить, а Свѣтлѣйшій сказалъ, чтобы и духа не было».

Ну перебили всѣхъ, даже до собаки, стало быть и дѣло съ концомъ. Не тутъ-то было. Исполнительный генералъ сообразилъ, что вѣдь трупы разлагаться стануть, стануть гнить, стало быть, какъ-бы глубоко ихъ не зарыли, будетъ духъ, а Свѣтлѣйшій именно говорилъ... Вотъ онъ и рѣшилъ связать всѣхъ убитыхъ вмѣстѣ, привязать къ нимъ три—четыре бочки смолы, жердей, хворосту, негодныхъ досокъ и всякой другой горючей дряни, все это зажечь и пустить внизъ по Днѣстру въ море, за осаждаемую крѣпость. Тогда ужъ именно духу не будетъ; да если-бы и принесся изъ-за крѣпости какой-либо духъ, то это ужъ будетъ духъ турецкій, а не татарскій, такъ какъ крѣпость-то турки защищаютъ.

Какъ было не любить такого исполнителя екатерининскимъ самодурамъ, особливо, если принять во вниманіе то, что попасть въ случай онъ не искалъ; интриговать никогда ни противъ кого не интриговалъ, и во всемъ всегда всецѣло уступалъ. И точно его любили всѣ, начиная отъ подозрительнаго, но высокоразумнаго фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, до великолѣпнаго дѣланта и именно великаго человѣка на грандіозныя предположенія и малыя дѣла Потемкина, даже до хитраго, геніальнаго, выпускающаго на себя великую придурь Суворова и до блестящаго Зубова, а также искренняго весельчака и мота Нарышкина и остряка Строгонова,

даже до не менѣе точныхъ исполнительницъ, чѣмъ онъ самъ, разумѣется въ другомъ родѣ, Протасовой, Брюсъ, Нарышкиной и Перекусихиной. И такая общая любовь къ нему была понятна. Во-первыхъ, онъ былъ не честолюбивъ; лучше сказать, его честолюбіе ограничивалось только полученіемъ хлѣбнаго мѣстечка, выгодной командировочкой, надѣломъ небольшого, дворовъ въ 500, имѣнія; во-вторыхъ, онъ былъ угодливъ; всѣмъ угождалъ и угождалъ мастерски, не роняя своего достоинства, и не давая даже замѣтить, что онъ желаетъ угодить.

Эти свойства, при всеобщемъ расположеніи, давали ему возможность непрерывно получать то одно, то другое выгодное порученіе. То пошлютъ его барановъ покупать, то контрибуцію собирать, а то и богатой областью управлять. Потомъ, въ представленіи, будто ошибкой, глядишь и его имя упомянуто, хоть онъ и въ дѣлѣ не былъ. А тамъ глядишь и землю отмежуютъ, и деревеньку дадутъ; да все это по-маленечку, да по-тихонечку, такъ что никто и не замѣчалъ. Ну да война войной, а есть и мирныя занятія. Матушка-царица любить, кто и въ войнѣ и въ мирѣ дѣломъ занятъ; хвалить Румянцева хозяйство, хвалить и поддерживаетъ фабрикантовъ и купцовъ. Разумѣется, онъ не станетъ проситься въ третьей гильдіи купечество, какъ графъ Апраксинъ, такъ что государыня послала узнать, не помѣшался-ли онъ; но и безъ записки въ гильдію мало-ли есть дѣла; вотъ, напримѣръ, въ откупа войти, Москву взять на откупъ. Такого точнаго исполнителя и любимаго генерала никакая купеческая шельма не захочетъ обсчитывать, онъ во многомъ и многомъ полезенъ будетъ; а тутъ вѣдь можно деньги нажить и еще какія деньги.

Такимъ-то путемъ безкорыстія и самоотрицанія у исполнительнаго генерала Павла Антоновича Ильина, когда ему еще и пятидесяти лѣтъ не было, изъ пяти родовыхъ отцовскихъ душъ стало десять тысячъ душъ отличнаго имѣнія, т. е. ровно столько, сколько успѣлъ себѣ въ то время вытянуть отъ Екатерины графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, хотя о роскоши послѣдняго и о щедрыхъ наградахъ, имъ полученныхъ, чуть не кричалъ цѣлый міръ, тогда какъ о генералѣ Ильинѣ не говорилъ никто. Правда, Орловъ и самъ себя кое-чѣмъ награждалъ, хозяйничая безотчетно въ Италіи; ну да и генералъ Ильинъ, говорятъ, не положилъ себѣ охулки на руки, спавшая крещенный народъ въ Москвѣ.

Разумѣется, такой точный и акуратный исполнитель своихъ обязанностей не могъ не быть счастливъ въ своей семейной

жизни. Онъ женился рано, когда его способности прагтической жизни еще не обозначались съ такою рельефностью, съ какою обозначались впоследствии. Тѣмъ не менѣе жена его, Авдотья Ивановна Кудрина, мелкая дворяночка Тульской губерніи, изъ выведенныхъ въ дворянство прокурорскихъ и секретарскихъ дѣтей, души не чаяла въ своемъ супругѣ. Она, кажется, думала, что одинъ только ея мужъ и есть совершенный мужчина на свѣтѣ. Воспитываясь чуть-ли не подъ строгими правилами Домостроя, усиленнаго еще секретарскимъ врючкотворствомъ, и можно сказать, сама не зная какъ, по родительскому благословенію, она сдѣлалась супругою молодаго сосѣда, про котораго говорили «въ немъ будетъ путь», и она всю душу свою положила въ него. Ея постоянною заботою, постоянною мыслію было: «а что скажетъ, что подумаетъ онъ, ея Павелъ Антоновичъ?» Разумѣется, ему никогда въ голову не приходило прибѣгнуть къ родительскимъ увѣщаніямъ, да и не за что было, въ виду того, что жена только и дѣлала, что смотрѣла ему въ глаза, стараясь всѣми силами ему угодить. Тѣмъ не менѣе, дѣдовская плетка у нея всегда была въ памяти, и она ни минуты не задумалась бы ее подать, если-бы Павелъ Антоновичъ, разсердившись на какойнибудь непорядокъ въ домѣ, ей это приказалъ и велѣлъ бы наклониться, чтобы ея милый другъ могъ съ удобствомъ поучить ее нѣсколькими ударами по ея нѣжнымъ плечамъ. Потомъ она не задумалась бы поцѣловать эту бившую ее руку, признавая свое послушаніе мужу первымъ долгомъ, первую христіанскою добродѣтелью женщины и счастливой жены.

Плодомъ этого счастливаго брака были двѣ дочери и сынъ. Разность лѣтъ между старшей и младшей дочерью была болѣе десяти лѣтъ; сынъ былъ средній между ними, такъ что когда старшая сестра, Юлія Павловна, выходила замужъ за князя Гагарина, младшая, Наденька, была еще совершенный ребенокъ, говорившій, что она хочетъ выйти замужъ за папу или за Анну Матвѣевну, старушку, бывшую еще нянюшкой Авдотьи Ивановны и потомъ поступившую ей въ приданое, чтобы нянчиться съ ея дѣтьми. Выполнивъ вполне добросовѣстно, т. е. выхотивъ и выкормивъ сперва Юлію Павловну, потомъ Павла Павловича, она теперь выхаживала и баловала со всею силою своей старческой нѣжности маленькую Надечку, сердясь страшно, что эта ея милая барышня не отдана подъ ея исключительный надзоръ, а подчинена наблюденію еще двухъ нянекъ, нѣмки и французенки, нанятыхъ исполнительнымъ генераломъ, потому

что, соотвѣтственно своему настоящему, увеличившемуся состоянію, онъ считалъ себя обязаннымъ дать дочери воспитаніе, требуемое вѣкомъ и жизнью, тѣмъ болѣе, что жена, добрая, милая, послушная, его милая Дунюшка, съ которой столько лѣтъ онъ считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, прохворавъ съ недѣлю, неожиданно скончалась, прижимая въ послѣдній разъ его руку къ своимъ оледенѣвающимъ губамъ.

Оставшись одинокимъ вдовцомъ съ дѣтьми на рукахъ, Павелъ Антоновичъ не вдавался ни въ развратъ, ни въ пьянство, и не потерялся въ своей дѣятельности. Напротивъ, онъ сталъ еще строже, еще исполнительнѣе, отчего становился, разумѣется, богаче и богаче; но богатѣлъ онъ все время такъ, что о его богатствѣ никто ничего не говорилъ, до того даже, что когда, потерявъ жену, онъ устроилъ ей пышныя похороны, то Москва говорила: «Бѣднякъ, помѣшался съ горя, не знаетъ куда и деньги бросать; и что тутъ удивительнаго, больше двадцати лѣтъ жили душа въ душу. А попы тому и рады, ишь сколько ихъ понаѣхало!»

Когда Павелъ Антоновичъ скоронилъ свою жену, старшей дочери его Юліи было уже восемнадцать лѣтъ, и онъ скоро выдалъ ее замужъ за князя Гагарина, секундъ-маіора преображенскаго полка (что равнялось тогда генераль-маіору арміи) камергера и кавалера, хотя онъ былъ человѣкъ еще молодой и красивый. Онъ былъ человѣкъ не бѣдный и въ ходу; стало быть, партія была вполне приличная. Да какъ и не найти было ему приличной партіи для своей дочери, когда онъ, при замужествѣ, наградила ее вотчиной тысячи въ три души; да и деньгами, говорятъ, отсыпалъ столь приличный бушъ, что Гагаринъ и не ожидалъ. Она же у него была красавица. Сынъ, почти въ то же время, мальчишкой лѣтъ пятнадцати поступилъ на службу, вмѣстѣ съ преображенцами былъ взятъ Орловымъ въ Италію и отличился въ чесменской битвѣ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ дядей, лейтенантомъ Ильинымъ, командовавшимъ брандерами. У него въ домѣ осталась одна Наденька. На ней исполнительный генераль и соединилъ всю свою нѣжность. Онъ любилъ ее за всѣхъ: и за покойную ея мать, скромное послушаніе и любовь которой столько лѣтъ окружали его полнымъ счастіемъ, незабываемымъ имъ ни на одну минуту до сихъ поръ; и за ея сестру, теперь гордую и строгую княгиню, дѣлающую своею жизнью честь своему отцу; и за сына, долженствующаго быть единственнымъ представителемъ его имени. Болѣе—въ своей Наденькѣ онъ любилъ свою служебную исполнительность, свой ус-

пѣхъ жизни, спокойствіе и утѣшеніе своей старости. Она была для него все, была радость, развлеченіе, мечта. О чемъ могъ мечтать онъ, уже старикъ, почти взявшій отъ жизни все, что жизнь могла ему дать. Разумѣется о дочери и только о дочери, объ этомъ шаловливомъ, веселомъ ребенкѣ, бѣгающимъ передъ его глазами, скачущемъ по стульямъ и столамъ и цѣлующемъ его начинающую лысѣть голову. Сынъ хорошо служить, утѣшаетъ его, уже въ офицеры произведенъ; но онъ далеко. За-мужняя дочь тоже не съ нимъ, она въ Петербургѣ; да и за-мужняя дочь — отрѣзанный ломоть. Но этотъ ребенокъ, ребенокъ милый, живой, вѣчно поющій, вѣчно веселый, будто птичка Бо-жія, этотъ ребенокъ даетъ все, что только есть свѣтлаго и чи-стаго въ жизни, что только можетъ радовать старость.

А такая безпредѣльная любовь отца, исполнительнаго и любимаго генерала, обладающаго значительнымъ состояніемъ, разумѣется, вызывала общее баловство его милой Нади. И выросла хорошенькая Надя подъ вліяніемъ этого всеобщаго балов-ства и исполненія малѣйшихъ прихотей знакомыми и незна-комыми, выполняемыми всѣми тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, что она была дѣйствительно милый, прелестный, шаловливый ребенокъ, на котораго невольно засмотришься, а иногда невольно задумаешься. «Что-то будетъ, думалось, съ этимъ ребенкомъ въ будущемъ, когда она окунется въ эту жизнь, способную разру-шить всякую иллюзію юности».

Такимъ образомъ росла Надя въ Москвѣ, дѣвица-шалунья, какъ прозвала ее Мосева, балуемая всѣми и любимая беско-нечно отцомъ, у котораго была только одна забота — любить ее и утѣшать, и пожалуй другая — наживать. Онъ наживалъ много, очень много, и не по жадности, — нѣтъ; онъ уже давно сказалъ себѣ: довольно; но во первыхъ потому, что получаемыхъ дохо-довъ прожить ему было некуда, да и что безъ пути прожи-вать; во вторыхъ, потому, что къ деньгамъ деньги всегда сами просятся, а московскій откупъ, который чуть-ли не полностью началъ принадлежать ему, хотя формально и не за нимъ чис-лился, давалъ большой доходъ; наконецъ, и потому, что онъ уже привыкъ наживать, и ему показалось бы странно, если-бы про-шелъ мѣсяцъ и его состояніе хоть чѣмъ нибудь не увеличилось.

Изъ всего рассказаннаго здѣсь видно, что дѣвицы Ильины были невѣсты не бѣдныя и князь Гагаринъ зналъ, что дѣлалъ, когда женился на одной изъ нихъ. Но Москва ничего этого не хотѣла знать и кричала, что будто онъ влюбился безъ памяти и женился по страсти, вопреки желанію своей матери, старой

княгини Гагариной, которая будто никакъ не хотѣла помириться съ мыслью, что сынъ ея женится на какой-то Ильиной, дѣдъ которой, въ ихъ Тульской губерніи, бывало, вмѣстѣ съ своими тремя крѣпостными работниками, самъ за косулей шель, и былъ ужъ именно, что называется, мелкопомѣстнымъ, такъ какъ за нимъ числилось всего только пять ревизскихъ душъ; да и отецъ-то ея самъ, какъ мальчишкой былъ, безъ сапогъ бѣгалъ.

Но вотъ настали времена очаковскія. Турки объявили Россіи войну. Свѣтлѣйшій, завистливо смотрѣвшій на военную славу Румянцева и Суворова, захотѣлъ и себя украсить лаврами побѣды. Онъ принялъ на себя командованіе арміей и поѣхалъ осаждать Очаковъ. Проѣзжая черезъ Москву, онъ вспомнилъ объ исполнительномъ генералѣ и потребовалъ, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ. Ильину очень не хотѣлось ѣхать, но отказать Свѣтлѣйшему было опасно. Дѣлать было нечего, нужно было оставить все, разстаться съ своей шалуньей Надинькой и ѣхать куда-то, куда его теперь уже не тянули ни возможность наживы, ни честолюбивые замыслы. Но слово Потемкина не могло быть не принято, и онъ уѣхалъ, отправивъ свою милую шалунью на житье, до своего возвращенія, къ старшей сестрѣ, княгинѣ Гагариной. Тамъ она и встрѣтила молодого Чесменскаго.

Чесменскій былъ уже капраль или вахмистръ кавалергардовъ, стало быть армейскій майоръ, хотя ему было не болѣе семнадцати лѣтъ. Про него говорили, что онъ находится подъ особымъ покровительствомъ государыни. Генераль-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій былъ его крестный отецъ; графиня Татьяна Семеновна Чернышева—крестная мать. Въ немъ принимали участіе: Орловы, Чернышевы, Панины, стало быть въ фавору вообще онъ былъ близокъ, имѣлъ къ нему отношеніе. При такихъ условіяхъ легко служить, хотя никто навѣрное не зналъ, откуда ему все сіе. Понятно, что его принимали и ласкали всюду. «Онъ долженъ далеко пойти», говорили про него и относились къ нему сочувственно. У княгини Гагариной онъ былъ частымъ гостемъ. Тогда онъ былъ еще вполне юноша, добродушный, веселый, не думающій о завтрашнемъ днѣ; да ему нечего было и думать, когда ему все само будто съ неба валялось.

Молоденькій вахмистръ кавалергардовъ не могъ не остановитъ на себѣ вниманія тринадцатилѣтней дѣвочки-шалуньи, какъ звала Москва Надиньку Ильину.

И въ самомъ дѣлѣ, избалованная всѣми, кого только она знала и видѣла и болѣе всего исполнительнымъ генераломъ ея

отцемъ, она была шалунья страшная. Ни минуты не могла она пробыть, чтобы не прыгать, не смѣяться, не выдумать какую-нибудь шалость, невинную конечно, иногда даже милую, но все же шалость, переходящую иногда предѣлы приличія. То она вмѣстѣ съ персиками подастъ искусно сдѣланный персикъ изъ мороженаго, или въ виноградъ вмѣшаетъ восковую вѣсть; то уговоритъ старика сосѣда проплясать съ ней русскую; то нарядится старухой и явится въ гостиную; разъ гримировалась такъ искусно, что самъ отецъ ее не узналъ; а не то начнетъ передразнивать архимандрита донскаго монастыря и втеченіи получаса почти къ каждому слову своему прибавляеть «того». «Вы того пожаловали бы того къ намъ, мы бы того угостили васъ того рыбой, прямо того съ Астрахани» и т. д.; но смѣшнѣе всего было, когда она начнетъ разговаривать въ такомъ родѣ съ самимъ архимандритомъ, который ничего не замѣчалъ.

Къ этимъ шалостямъ примѣшивались иногда и пришиваніе къ французскому кафтану хвоста, или положеніе въ кошелекъ напудренной косы живаго мышенка, причемъ приносился и котъ Васька, желавшій, разумѣется, по своему кошачьему характеру, вытащить мышенка изъ кошелька, куда его шалунья-дѣвица посадила, и, разумѣется, не для того, чтобы его выпустить.

Въ Москвѣ ей все сходило съ рукъ. Одно слово «шалунья дѣвица» и дѣло съ концомъ,—«хорошая, добрая, но шалунья страшная».

— Хоть бы разъ ее отецъ посѣлъ хорошенько, говорили москвичи. — Право посѣлъ бы, а то хорошо ли? Скоро надо замужъ выдавать, а она минуты безъ какой нибудь шалости не посидить.

— Вотъ бы, хоть на мѣсяць, ее къ Михаилу Федотычу въ дочки, замѣтилъ на это какой-то любитель дисциплины и исправительныхъ мѣропріятій,—тотъ разомъ бы вышкололлъ; всякую придурь разомъ бы, какъ рукою, снялъ.

— Да, у того сразу бы шелковал стала. На что, говорятъ, были разбойники бѣлогородскій полкъ. Отдали въ дивизію Михаилу Федотовичу и, глядишь, мѣсяца не прошло, тише воды, ниже травы стали!

Михаилъ Федотовичъ, этотъ московскій идеаль исправленія нравовъ, введенія послушанія, благонравія и другихъ семейныхъ добродѣтелей, былъ никто иной, какъ извѣстный генералъ-аншефъ графъ Каменскій. Онъ былъ изъ тѣхъ отцовъ и генераловъ, которые твердо помнили завѣтное для нихъ слово: «лю-

бай наказуетъ» и до того абсолютно примѣняли это правило къ жизни, что когда, какъ-то разъ, во время маневровъ, въ виду непріятеля, его старшему сыну графу Сергѣю Михайловичу, мушкетѣрѣ лѣтъ тридцати съ хвостикомъ и уже полковнику, случилось въ чемъ-то промедлить противъ его приказанія, то онъ, въ виду всѣхъ, велѣлъ ему скинуть полковничій мундиръ и собственноручно отпустилъ по спинѣ двадцать пять ударовъ арапникомъ; а когда, отъ имени императрицы, у него потребовали объясненія, по какому праву онъ позволяетъ себѣ оскорблять ея полковниковъ, то онъ, не обинуясь, отвѣчалъ, что полковниковъ ея величества онъ никогда не оскорблялъ, но высѣкъ сына за неисправность и непослушаніе.

— Хорошо, что онъ не дожилъ до того, какъ его младшаго сына, графа Николая Михайловича, произвели въ фельдмаршалы, а то онъ, пожалуй, и фельдмаршала бы вздумалъ высѣчь, какъ отецъ, хотя самъ былъ только генераль-аншефъ, тѣмъ болѣе, что графъ Николай Михайловичъ фельдмаршаломъ былъ сдѣланъ очень молодымъ, лѣтъ 24-хъ не болѣе.

— И, пожалуй, вышла бы старинная русская расправа, замѣтилъ князь Адамъ Чарторыйскій, рассказывая этотъ анекдотъ императору Александру Павловичу, когда послѣдній былъ уже на престолѣ: — генераль-аншефъ велѣлъ бы высѣчь фельдмаршала, какъ отецъ сына, а потомъ фельдмаршалъ высѣкъ бы генераль-аншефа, какъ фельдмаршалъ своего генерала.

Государь улыбнулся только на замѣчаніе Чарторыйскаго и проговорилъ, будто нехотя:

— Другія времена, другіе нравы, другія и понятія!

Такъ вотъ къ какому папенькѣ отправляла Москва свою любимицу, свою дѣвицу-шалунью, о шалостяхъ которой постоянно рассказывались анекдоты, развлекавшіе, вмѣстѣ съ рассказами объ исполненіи дѣлхъ зятѣй графа Орлова-Чесменскаго, праздное вниманіе москвичей. Москвичи сознавали, что исполнительный генераль хотя и былъ себѣ на умѣ человекъ, хотя и отличался во всемъ точностью и исполнительностью, но дочкѣ далъ такую волю, распустилъ такъ, что ей и удержи нѣтъ, и что не худо бы ее отдать на исправку тому, кому отдадутъ на исправленіе распущенные и избалованные полки. Но скоро и безъ Михайла Федотовича пришлось ей попасть въ школу, такую, что лучше всякаго арапника вышколить. Ей пришлось попасть въ петербургскій большой свѣтъ и еще какой большой свѣтъ — екатерининскаго времени, а тогда не то, что нынѣ! Она переѣхала на временное жительство въ строгій домъ князя Николая Ники-

тича Гагарина и своей родной сестры княгини Юліи Павловны Гагариной, успѣвшей усвоить уже, подъ руководствомъ своей матушки-тещи, княгини Анны Васильевны Гагариной, урожденной Салтыковой, всѣ великосвѣтскіе приемы петербургской строгости, всю недоступность французскаго аристократизма.

Домъ Гагариныхъ, въ то время, отличался самымъ безукоризненнымъ соблюденіемъ великосвѣтскаго этикета. Онъ стоялъ на Дворцовой набережной, почти прямо противъ Алексѣевскаго рavelина Петропавловской крѣпости. Домъ былъ большой, трехъ-этажный, съ садомъ и флигелями, выходившими на Луговую Миліонную. Сперва, въ то время, когда центромъ города предполагалась Петербургская сторона, онъ отстраивался, чтобы быть загороднымъ убѣжищемъ родоваго князя-вельможи, полагавшаго, что нѣтъ предѣла его княжеской мощи. Но когда гнѣвъ Петра Великаго и наказаніе, которому князь Гагаринъ подвергся передъ окнами сената, посбили его вельможную спѣсь, то лѣтнія палаты были передѣланы и обращены въ постоянное мѣстопробываніе опальнаго вельможи, котораго почему-то не пожелали отпустить на покой въ Москву. Послѣ его смерти, сынъ его держалъ тотъ же тонъ недоступности, хотя и являлся не только при дворѣ, но и въ переднихъ тогдашнихъ временщиковъ. Впрочемъ, не являться тогда было опасно, какъ разъ къ Андрею Ивановичу Ушакову въ передѣлку попадешь. Внуку его женился на Салтыковой, причитавшейся сродни императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и отецъ которой, Василій Ѳеодоровичъ, успѣлъ оказать ей важную услугу при ея восшествіи на престолъ. Ясно, что это подняло начинавшій упадать старинный княжескій домъ, связавъ его родственными узами со всею тогдашнемъ знатью, со всѣми вліятельными людьми того времени. Онъ умеръ, не доживъ преклонныхъ лѣтъ и оставивъ на попеченіи супруги своей Анны Васильевны, урожденной Салтыковой, двухъ сыновей: Петра Никитича и Николая Никитича.

Не смотря на то, что ни служебное положеніе покойнаго, ни его состояніе, хотя и довольно значительное, но далеко не то, которое имѣлъ дѣдъ, не давали никакихъ условій исключительности, но княгиня поддерживала тонъ, сохранившійся въ ихъ семействѣ еще со временъ опалы ихъ дѣда, — тонъ строгой неприступности и самой изысканной чопорности.

Мы сказали, что домъ ихъ стоялъ на Дворцовой набережной и былъ трехъ-этажный. Бель-этажъ занимала сама старая княгиня Анна Васильевна, первый этажъ ея женатые сыновья: Петръ Никитичъ, женившійся на княжнѣ Голицыной, и Николай

Никитичъ, женившійся на Ильиной, что дѣйствительно весьма коробило старую княгиню, находившую, что Ильины, хотя и старинная дворянская фамилія, хотя отецъ супруги ея сына заслуженный генераль и наградила свою дочь не менѣе, чѣмъ могъ бы наградить ее какою бы то тамъ ни было князь, но все же эта женитьба, по ея мнѣнію, далеко не соотвѣтствовала родовой важности князей Гагариныхъ, ведущихъ свою родословную прямо отъ Рюрика.

Но объясняя несоотвѣтственность выбора нежѣсты своимъ вторымъ сыномъ, княгиня Анна Васильевна не думала возставать противъ самаго факта. Напротивъ, она очень полюбила молодую княгиню Юлію Павловну Гагарину, только требовала отъ нея, чтобы она была настоящая княгиня Гагарина и, если можно, то позабыла бы совсѣмъ, что она была когда-то чѣмъ нибудь другимъ. Она отъ нея требовала, чтобы каждый взглядъ ея говорилъ, что она не простая смертная, а княгиня, и еще какая княгиня, которая имѣетъ источникъ своего происхожденія и важности въ самой княгинѣ Аннѣ Васильевнѣ.

Каждый изъ сыновей, равно какъ и сама Анна Васильевна, хотя и жили въ одномъ домѣ, но имѣли каждый свое отдѣльное хозяйство, свой столъ, свой пріемъ, свой выѣздъ. Но они оба, съ своими супругами и дѣтьми, два раза въ недѣлю, въ воскресенье и въ четвергъ, обязательно должны были непремѣнно обѣдать у матери. И ни одинъ, ни при какомъ случаѣ, не смѣлъ бы явиться къ ней не въ полной формѣ, какъ бы явился онъ во дворецъ, т. е. въ шитомъ кафтанѣ, въ чулкахъ, башмакахъ и напудреннымъ; точно также, какъ и ихъ жены непремѣнно должны были являться къ обѣду у матушки-тещи съ открытымъ лифомъ, въ фижахъ и въ прическѣ à la Помпадуръ или à la Севинье. Даже дѣти не могли явиться къ своей бабушкѣ иначе, какъ бывъ завитыми и раздушенными à la jeunesse de Louis XV и непремѣнно съ золотою бонбоньеркою, подражаніемъ табакерки въ рубахъ.

Третій этажъ былъ занятъ приживалками и пенсіонерками старой княгини. Прислуга помѣщалась въ флигеляхъ.

Всѣ живущіе въ домѣ должны были подчиняться всѣмъ правиламъ самаго строгаго этикета, принятаго княгиней. Они могли являться къ старой княгинѣ не иначе, какъ только по особымъ приглашеніямъ или испросивъ предварительно ея разрѣшеніе. Бѣда если кто-нибудь изъ живущихъ вздумалъ сдѣлать малѣйшее отступленіе отъ установленнаго порядка. Таковыя

немедленно были наказаны остракизмомъ и лишены навсегда счастья видѣть княжескія очи неприступной княгини.

Разъ въ мѣсяцъ княгиня Анна Васильевна удостоивала, по очереди, посѣщеніемъ своихъ сыновей и обѣдала у нихъ. И Боже мой, какой это былъ торжественный день, къ которому Петръ Никитичъ и Николай Никитичъ должны были готовиться, если не за день, то непременно наканунѣ. Они должны были озаботиться составленіемъ шепу, которое было бы приятно ихъ матери и не напоминало бы ей ни одного шепу, изъ бывшихъ за обѣдомъ въ послѣдніе дни у нея самой. Потомъ они должны были пригласить ей собесѣдниковъ, чѣмъ нибудь замѣчательныхъ, непременно принадлежащихъ къ высшему обществу и вообще приятныхъ, чтобы матушка не сказала потомъ, что она обѣдала съ какими-то мастодонтами временъ патріарха Никона. Затѣмъ они должны были имѣть въ виду составленіе послѣ обѣда для матушки партіи въ вистъ, рокамболь, или ломберъ, игры, которыя старая княгиня признавала аристократическими, не допуская у себя ни берлана, ни игры въ три-три, хотя эти игры были приняты въ то время при дворѣ и были любимыми играми обоихъ ея сыновей и обѣихъ невѣстокъ. Она не запрещала имъ играть въ нихъ, только не при ней; — «а то, пожалуй, скоро подваретную введутъ, въ гостиной», говорила она. Во время игры требовалось исполненіе всѣхъ условій этикета, установленнаго въ Версали для игры у лучезарнѣйшаго короля, какимъ признавалъ себя Людовикъ XIV; поэтому всякій долженъ былъ помнить, съ кѣмъ онъ играетъ, и гдѣ играетъ.

Когда князь Петръ Никитичъ воротился изъ семилѣтней войны, раненый въ ногу, такъ что ему не было возможности надѣть чулка, то много было разговоровъ о томъ, какъ онъ увидится съ своею матерью. Послѣ разныхъ предположеній было рѣшено, что онъ увидится съ ней у себя, для чего мать удостоить его спуститься къ нему, а онъ ее приметъ, сидя въ вольтеровскихъ креслахъ, одѣтый въ полный парадъ, но въ одномъ чулкѣ, имѣя другую ногу забинтованную и уложенную въ синій бархатный мѣшокъ.

Самый входъ въ этотъ домъ нацуской важности и изысканнаго этикета останавливалъ уже каждаго отъ всякаго нарушенія порядка. Напротивъ самыхъ входныхъ дверей, на площадкѣ, ступеней на пять выше входа, сидѣлъ швейцаръ, приличной толстоты и роста, въ голубой ливреѣ и перевязи, обшитой серебрянымъ галуномъ съ гербами князей Гагариныхъ, и съ серебряною булавою, голова которой, изъ за серебряныхъ кистей,

представляла художественно сдѣланную эмалью голову черного медвѣдя. Внизу у дверей стояли два его помощника; они открывали двери и принимали верхнее платье. Швейцаръ же, вставъ со стула, не трогался съ мѣста, отдавая честь своей булавою только завѣдомо важнымъ посѣтителямъ. По его звонку, будто изъ подъ земли, являлись на лѣстницѣ четыре человѣка официантовъ, въ комнатной ливреѣ, въ напудренныхъ парикахъ, чистыхъ перчаткахъ, чулкахъ и башмакахъ. Передъ дверьми молодыхъ князей направо и на лѣво показывались два арапа. Наверху стоялъ старикъ дворецкій, княжескій баринъ, обыкновенно толстый, пузатый, съ золотою цѣпью на камзолѣ и привѣсками и печатками на животѣ. Его дѣло было принять имя посѣтителя, передать камердинеру для доклада и указать, смотря по званію и положенію посѣтителя, комнату, въ которой тотъ долженъ ожидать приглашенія по сдѣланномъ докладѣ. Въ третій этажъ по парадной лѣстницѣ хода не было. Если братъ хотѣлъ навѣстить брата или невѣстки повидаться между собою, то это дѣлалось не иначе, какъ съ предварительнымъ извѣщеніемъ; вечера же проводились вмѣстѣ не иначе, какъ по предварительному приглашенію.

Можно себѣ представить, какую скуку должна была чувствовать дѣвица шалунья, Надинька Ильина, когда судьба заставила ее, хотя временно, помѣститься у сестры. Она почувствовала себя разомъ будто связанною, будто въ тюрьмѣ, подъ гнетомъ самыхъ строгихъ условій, когда она должна была разсчитывать каждый свой шагъ, каждое свое слово, — она, привыкшая не стѣсняться никакими условіями въ мірѣ, не останавливаться ни передъ чѣмъ, какъ полная хозяйка въ домѣ души не слышавшаго въ ней отца. Она проснется. Еще рано, ей хочется понѣжиться въ постелѣ, а ей говорятъ: ждетъ парикмахеръ убирать волосы! — Ну пусть ждетъ! Ей намекаютъ, что парикмахера нанимаетъ старая княгиня, платитъ по часамъ, такъ не совсѣмъ ловко будетъ заставить за себя платитъ, безъ всякой нужды, ожидающему и считающему часы парикмахеру. По неволѣ приходилось вставать и отдавать свою голову въ распоряженіе парикмахера. Вотъ она встала, убрала голову, выпила свой шеколадъ, хотѣлось бы прогуляться. Въ Петербургѣ рѣдко погода бываетъ такъ хороша. Нельзя. Сестрица княгиня Юлія Павловна изволятъ ѣхать съ визитами и берутъ съ собою обоихъ выѣздныхъ, а нельзя же ей идти безъ человѣка!... Вотъ и сестрица пріѣхала. Но уже пора одѣваться къ обѣду. Сегодня у нихъ обѣдаютъ супруга сенатора Державина, Иванъ Петро-

вичъ Лопухинъ и князь Борисъ Александровичъ Куракинъ. Неловко, если сестрицѣ придется заставить ихъ ожидать!

И такъ все и во всемъ: того нельзя, это не принято, другое неприлично!—Это напоминаетъ московское мѣщанство! Это старые обычаи, отъ которыхъ мы должны отвыкать, отъ которыхъ должны освободиться. Это не употребляется въ хорошемъ обществѣ; это противорѣчитъ изящному вкусу, царствующей модѣ, принятымъ правиламъ вѣжливости и приличія. И то не такъ, и это не эдакъ, не перевернись и не довернись. Скука, тоска и только!

Среди такой тоски и скуки, можно себѣ вообразить, какъ наша дѣвица шалуныя обрадовалась, встрѣтивъ у сестры, — у которой собирались большею частію люди солидные, въ чинахъ, лентахъ, съ важнымъ положеніемъ, — молоденькаго кавалергардскаго капрала Чесменскаго, съ которымъ и поболтать и посмѣяться можно, который не обижается, если надъ нимъ чѣмъ нибудь и подшутить, и всегда съ удовольствіемъ спѣшитъ оказать всякую услугу. Дѣвицѣ шалуныѣ онъ показался находкой, кладомъ, посланнымъ ей въ утѣшеніе отъ страшной скуки великолѣпной петербургской жизни.

И вотъ въ первый же разъ, какъ онъ былъ, она, разболтавшись съ нимъ, его обманула, увѣривъ, что загадала, о чемъ думала, и уговорила взять за кончикъ одну изъ поданныхъ ему ленточекъ. Онъ взялъ, а ленточка-то и прилипла къ пальцамъ. Онъ старался оторвать и только больше путался. Какъ она смѣялась! А онъ нисколько не разсердился, сказалъ только, что въ порядкѣ вещей мушкетѣ прилѣпиться къ той, даже цвѣточныя цѣпи которой неразрываемы. Она не помнитъ, какъ это онъ сказалъ, но помнитъ, что сказалъ что-то очень любезное, пріятное».

И ждала его наша шалуныя всегда съ нетерпѣніемъ; она всегда придумывала, какую бы шалость, какую бы новую шутку съ нимъ устроить. Молоденькій капраль всегда принималъ эту шутку съ удовольствіемъ, и первымъ же смѣялся, если ей удавалось въ чемъ нибудь его обмануть.

Но, говорятъ, дѣвицы тѣмъ и опасны, что, проводя съ ними время и входя въ ихъ интересы, непременно поддаешься ихъ очарованію. Такъ случилось и съ Чесменскимъ. Сперва онъ смѣялся, шутилъ, отшучивался просто, безъ всякой мысли, ради взаимнаго естественнаго удовольствія. Болтать съ хорошенькой, веселой дѣвчушкой, почти ребенкомъ, но, можно сказать, ребенкомъ уже осмысленнымъ, отдыхать душой, слушая ея лепетъ, опасно и не девят-

надцатилѣтнему юнкеру. А тутъ именно отдохъ и отъ всей уютительности скучнаго этикета и натянутаго положенія. И день за днемъ его стало тянуть къ Гагаринымъ, въ этотъ скучный домъ, гдѣ онъ съ удовольствіемъ сталъ проводить цѣлыя вечера, тогда какъ прежде съ трудомъ просиживалъ четверть часа визита, обусловленнаго приличіемъ. Эта дѣвочка, съ ея веселымъ смѣхомъ, гармоническимъ голосомъ, вьющимся волосами, легкой, неслышной походкой и граціозными движеніями, становилась болѣе и болѣе дорога ему. Ему съ ней становилось легко, отрадно, становилось свѣтлѣе, радостнѣе. Ея фантазія, всегда игривая, улыбка, иногда насмѣшливая, но всегда добрая, симпатичная, шутки, подчасъ особенно, когда сестры нѣтъ въ гостиной и она услышать не можетъ, несовсѣмъ сдержанныя; юмористическій рассказъ или юмористически пропѣтый романсъ, — оживляли его, успокаивали, привлекали. И онъ самъ, не замѣчая того, началъ о ней думать, началъ мечтать. Наконецъ, ему стало скучно безъ нея. Съ нетерпѣніемъ сталъ онъ ждать дня, когда могъ идти къ Гагаринымъ. Онъ, казалось, если-бы могъ, не отходилъ бы отъ нея. Безъ нея онъ начиналъ тосковать.

Тутъ онъ опомнился.

«Что я? къ чему я? чего я добиваюсь? думалъ онъ. — Неужели ея и своего несчастія? За меня ее не отдадутъ, чего же я хочу?»

Но эти вопросы, эти сомнѣнія, если и ведутъ къ чему нибудь, то никакъ не тогда, когда юношѣ только 19 лѣтъ, и когда 14-ти лѣтняя дѣвушка, полною и совершенною наивною своею, старается разбить въ своемъ собесѣдникѣ всякія сомнѣнія. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ переломить себя, забыть; но его опять будто волшебною силою тянуло, такъ что онъ начиналъ самъ не сознавать себя. Въ это время подошло его производство, и гусарскій обычай не ѣздить въ свѣтъ невольно долженъ былъ прекратить его посѣщенія, которыя впрочемъ не могли не прекратиться уже и потому, что Гагарины уѣхали въ деревню.

Прошло мѣсяцевъ девять или десять, какъ Чесменскій былъ лейбъ-гусарскимъ корнетомъ. Гагарины возвратились изъ деревни, и точно ли нужда въ должныхъ ему по картамъ четырехъ имперіалахъ или другое неудержимое чувство заставило его вновь явиться въ ихъ гостиной, только его посѣщеніе кончилось весьма неудачно. Николай Никитичъ, хотя уже человѣкъ довольно солидный, въ лѣтахъ, почтилъ его своимъ вызовомъ.

«Что же дѣлать? Ну пусть убьетъ, если хочетъ. Мнѣ и такъ тяжело жить! А тутъ Кандалицевъ говоритъ: причину

дуэли объясни ея именемъ, ври, хвастай, говори о благосклонности, когда онъ видѣлъ только доброту...

— Ни за что, ни за что! Пусть полкъ дѣлаетъ, что хочетъ, но ея имя для меня слишкомъ дорого, чтобы я позволилъ себѣ. Ни за что! отвѣчалъ онъ Кандалинцеву.— Это было бы безчестно. я презиралъ бы послѣ того самого себя...

Съ невольною дрожью въ сердцѣ, князь Николай Никитичъ Гагаринъ входилъ въ китайскую комнату собственныхъ покоевъ государыни въ Зимнемъ дворцѣ, куда его пригласилъ Рыльцевъ. «Чтобы такое? Зачѣмъ бы?» невольно спрашивалъ онъ себя, иди вслѣдъ за старымъ, любимымъ камердинеромъ государыни Захаромъ Константиновичемъ Зотовымъ, довѣренность къ которому государыни была столь велика, что она иногда поручала ему наблюдать за случайными людьми, находящимися въ приближеніи и фаворѣ, ея любимцами.

Недавно еще только онъ уловилъ паренька, — такъ называлъ Зотовъ молодаго любимца государыни графа Дмитріева-Мамонова, — что мысли у него, какъ флюгеръ, и отъ солнца звѣздами любитъ. Недавно и за новымъ любимцемъ ѣздилъ смотрѣть. Да нѣтъ! этотъ или почестолубивѣе, или поискуснѣе, — не ловится. А хорошо бы тоже поймать было! Не любилъ Зубова Зотовъ, а за что, самъ не знаетъ; не любилъ, да и все тутъ! То ли бы дѣло вотъ хоть бы этотъ: ну, князь родовой, да и посолднѣе, а то что? Да нѣтъ, не на ту сторону клонить, не на то вѣдетъ!

И Гагаринъ понималъ, что не на то идетъ. Не оберъ-полицеймейстеръ привезъ бы приглашеніе, если-бы онъ могъ ожидать чего нибудь для себя пріятнаго. «Непремѣнно достанется, говорилъ онъ себѣ, — только за что?»

«Не проболтался ли я гдѣ? думалъ Гагаринъ.— Не Зубовъ ли нажаловался? Впрочемъ, кажется не за что?» И онъ невольно робѣлъ.

Относительно дуэли ему и въ голову не приходило полагать, чтобы она могла быть причиною приглашенія его къ государынѣ. Правда, говорили, что Еватерина сочиняетъ строгій законъ о дуэляхъ; но пока этотъ законъ не выданъ, на дуэли вообще смотрѣли съвозъ пальцы, полагая, что онѣ поддерживаютъ воинственность настроенія въ арміи. Поэтому о дуэли Гагаринъ рѣшительно ничего не думалъ. Въ чемъ же дѣло?

Гагаринъ зналъ хорошо, что его не подвергнуть ни истязаніямъ пытки, ни смертной казни, что могло бы случиться при

Биронъ; зналъ, что государыня не станетъ ни допрашивать, ни на имѣніе его налегать. Но онъ зналъ также, что Екатерина, какъ награждать, такъ и наказывать умѣетъ, и, пожалуй, распорядится такъ, что и безъ пытки пожалѣешь о пытѣхъ.

Поэтому невольно ёкнуло сердце Гагарина, когда Зотовъ, отворивъ двери въ китайскую комнату, дальше не пошелъ и остановился у дверей. Ясно государыня тамъ. Войти нужно. Гагаринъ вошелъ съ невольнымъ чувствомъ сомнѣнія и страха.

По обычаю, онъ отвѣсилъ государынѣ низкій поклонъ, касаясь рукою пола, приподнялся и встрѣтилъ остановленный на себѣ упорный, стальной взглядъ нахмуренной государыни.

Всѣ писатели, хроникеры, частныя лица, въ запискахъ, письмахъ, преданіяхъ говорятъ о необыкновенной выразительности глазъ Екатерины и необыкновенной подвижности ея улыбки. Когда она хотѣла кого обласкать, то свѣтло-голубые глаза ея обдавали того какимъ-то свѣтомъ особой мягкости, особой доброты, и производили чарующее впечатлѣніе; обаяніе улыбки ея въ это время было изумительно. Она какъ-бы сіяла отъ нѣжности, отъ сочувствія, отъ любви ко всему окружающему. Екатерина никогда не была хороша, даже смолоду, но она была лучше; ея лицо было выразительно, а глаза и улыбка ея были очаровательны. За то, когда она хотѣла выразить чувства противоположныя, когда ее охватывали досада, гнѣвъ, ненависть, то глаза ея какъ-то темнѣли, начинали отсвѣчивать сталью, получали какую-то непонятную неподвижность и изъ-подъ нахмуренныхъ бровей императрицы смотрѣли такъ, что никто не выдерживалъ ея взгляда, и долго не забывалъ его тотъ, кому случалось его вызвать. Не даромъ Петръ III говорилъ, что боится глядѣть въ глаза своей жены, и онъ былъ справедливъ. Взгляда ненависти Екатерины можно было бояться и его нельзя было забыть. Равнымъ образомъ и ея улыбку. При чувствѣ неудовольствія, ея нижняя челюсть подавалась нѣсколько впередъ и придавала выраженію ея лица такую жесткость, такое тяжелое упорство, вызывающее даже легкое дрожаніе ея верхней губы, которыя не забывались никогда. Вотъ такимъ-то взглядомъ, такой-то улыбкой, Екатерина встрѣтила входящаго Гагарина. Передъ такой грозой онъ совершенно потерялся.

— Что это, князь, вы нонче въ бретеры записались, дуэлями промышленяты начинаете? заговорила Екатерина, когда онъ вошелъ.—И приэтомъ ваши вызовы направяете прямо на меня, да еще какъ, вызывая мальчиковъ на дуэль за то, что они съ точностью исполняють мои повелѣнія?

Гагарина эти слова будто обдали варомъ. Его даже прошибъ потъ. Безсознательно, машинально, совершенно подъ влияемъ внѣшней давящей силы, онъ опустился на колѣни.

— Вы вызвали лейбъ-гусара на дуэль за то, что онъ, исполняя мое повелѣніе, носить установленную мною форму?

— Виновать, всемилостивѣйшая государыня, не подумалъ я, не зналъ... и онъ... онъ... могъ только проговорить Гагаринъ.

— Такъ это правда? сказала она. — Чего же вы хотѣли? Вы хотѣли, чтобы цѣлый полкъ оказалъ мнѣ непослушаніе? Вы вызвали на дуэль изъ-за усовъ, стало быть желали, чтобы, вопреки моей воли, гусары перестали носить... усы?

Екатерина сама нѣсколько замаялась, высказывая это неприличное по тогдашнимъ понятіямъ слово, хотя она любила называть вещи ихъ настоящими именами и, подражая стариннымъ русскимъ барынямъ, не задумывалась употреблять иногда, не только на словахъ, но и на письмѣ, такого рода выраженія, которыя не всегда удобно напечатать. И тутъ она замаялась только на мгновеніе, но потомъ сказала ясно и твердо: — Изъ-за усовъ, которые носить я установила? И вызвали мальчика, которому нѣтъ еще двадцати лѣтъ?

— Ваше величество, вдругъ вздумалъ сказать Гагаринъ, — никогда я не смѣлъ и не думалъ идти противу вашихъ всемилостивѣйшихъ повелѣній. Но здѣсь усы были только одинъ видъ, служили только предлогомъ.

— Предлогъ? а дѣйствительная причина?

— Причина, ваше величество, та, что, случайно познакомившись съ Чесменскимъ и пригласивъ его къ себѣ, я не имѣлъ въ виду, что откроется война и мнѣ придется пріютить у себя мою свояченицу, дочь генерала Ильина. Взавъ же на свое попеченіе молодую дѣвушку, я долженъ за нее отвѣтствовать. Чесменскій видимо за ней ухаживаетъ, не смотря на то, что и я, и моя жена, княгиня, не одинъ разъ давали ему явно почувствовать, что его ухаживанье совершенно неумѣстно. Наконецъ, мы были вынуждены дать ему понять, что его частыя посѣщенія намъ непріятны и что мы будемъ рады, если онъ исключитъ нашъ домъ изъ числа своихъ знакомыхъ. Жена моя замѣтила, что его ухаживанье начинаетъ уже смущать молодую дѣвушку. Онъ пересталъ ѣздить, но продолжалъ свое, встрѣчая свояченицу у многихъ общихъ знакомыхъ. Тутъ подоспѣло его производство и онъ пересталъ выѣзжать. Мы думали, что этимъ все и кончится, тѣмъ болѣе, что жена съ сестрой своей уѣхала въ деревню. Но вотъ онъ воротились, и онъ, къ нашему

огорченію, незванный-непрошенный вдругъ явился опять. Я счелъ себя обязаннымъ потребовать объясненія, и вотъ... Позволю себѣ доложить вашему величеству, что никто изъ всепреданнѣйшихъ вамъ подданныхъ никогда не осмѣлится и подумать идти противу священнѣйшихъ повелѣній вашихъ; но тутъ былъ только предлогъ, придирка...

— Отчего же вамъ такъ не нравится ухаживанье Чесменскаго за вашей свояченицей? спросила Екатерина.

— Помилуйте, ваше величество, она дочь генерала, дѣвушка съ состояніемъ, столбовая дворянка. На одной сестрѣ женать я, ваше величество.

— А Чесменскій? самолюбиво спросила Екатерина.

— Неизвѣстнаго происхожденія, ваше величество.

— Онъ дворянинъ, онъ записанъ дворяниномъ! Иначе онъ не могъ бы служить въ моей конной гвардіи, горячо и нервно проговорила Екатерина.

— Неизвѣстнаго происхожденія, ваше величество! повторилъ Гагаринъ механически, — повторилъ такъ, какъ можетъ быть предки его, бояре, когда-то, тоже механически, по преемственному обычаю, сползали за царскимъ обѣдомъ со скамьи, на которую ихъ насильно посадили, подъ столъ, и твердили свое: «Твоя воля, батюшка-государь, вели хотъ голову снять, хотъ батогами на подѣлѣти до смерти избить, а сидѣть мнѣ ниже собачьяго сына Васютки Анучина не можно. Его дѣдъ въ служивыхъ подъячихъ былъ, прадѣдъ псаремъ, и только съ его отца Анучины боярскими дѣтymi считаться начали; а мы завѣдомо родовые князья, и твоей царской чести всегда въ ближнихъ боярахъ служили и воеводствами заправляли! Да и мать его, да и отца его... да и самъ онъ, молокососъ эдакій, внудомъ былъ бить». И дальше, дальше начинали перебирать, правду ли, не правду ли, все равно, было бы обидно.

А въ это время сѣдой какъ лунь бояринъ Василій Евтихѣвичъ Анучинъ, обозванный молокососомъ, вставалъ съ своего мѣста и билъ челомъ въ оскорбленіи, хотя въ сущности нисколько не оскорблялся, а былъ очень доволенъ, потому что зналъ, что Гагаринъ вретъ отъ досады, по обычаю. И всѣ знали, что онъ вретъ.

Точь въ точь, также механически, преемственно, по обычаю, нисколько не думая ни о послѣдствіяхъ своихъ словъ, ни о томъ, что государыня его словами можетъ дѣйствительно оскорбиться, повторилъ онъ вновь свои слова:—«Неизвѣстнаго про-

исхожденія, ваше величество, поэтому въ родство съ князьями Гагариными ему вступать не приходится!

Екатерина разсердилась окончательно. Изъ стального, упорнаго взгляда ея сверкнула искра. Губы судорожно заходили. Машинально она засучила рукава своего капота и большими шагами прошла нѣсколько разъ по кабинету.

— Неизвѣстнаго происхожденія, смѣете вы сказать! прикрикнула она. — Неизвѣстнаго происхожденія, когда онъ записанъ дворяниномъ, по высочайшему повелѣнію! Или вы осмѣливаетесь судить и даже осуждать поступки вашей государыни? Вы, должно быть, забыли примѣръ, который на вашемъ же родѣ показалъ императоръ Петръ Великій, и смѣете разсуждать!.. Неизвѣстнаго происхожденія, скажите! Мѣстничество, по вашему, что ли ввести нужно?..

Гагаринъ опѣшилъ. Ему пришло въ голову: «ну, а какъ онъ ея сынъ?»

— Онъ извѣстнаго происхожденія, милостивый государь, продолжала Екатерина нервно. — И хотя не мой сынъ, но я его покровительница! Онъ сынъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго. Того Орлова, на котораго опиралась ваша государыня, вступая на престолъ! Заслуги котораго отечеству не можетъ не признавать каждый, и ихъ признаетъ ваша государыня. Того Орлова, который столько разъ велъ русскій флотъ къ побѣдѣ, кто чесменскимъ дѣломъ далъ Россіи морское значеніе. Того Орлова, который въ то время, когда вы забавлялись каруселями и развратничали, гоняясь за ерѣвостными дѣвками и пріѣзжими актрисами, — посвящалъ себя службѣ своей государыни... Происхожденіе опредѣляется заслугами, милостивый государь! А гдѣ, и въ чемъ ваши заслуги? Въ праздности, въ пустотѣ, въ самолюбивомъ чванствѣ! И вы сравниваете себя съ нимъ? Извольте идти вонъ! Я не хочу васъ видѣть! Но чтобы этой дуэли не было, я не хочу! Слышите! Иначе я надъ вами повторю примѣръ, который показалъ Петръ Великій. Слышите? Извольте идти!

Гагаринъ вышелъ совершенно отуманенный. Государыня разсердилась такъ, какъ онъ никогда и не слыхалъ, чтобы она сердилась.

Выйдя въ кавалергардскій залъ, онъ увидѣлъ оберъ-полицеймейстера, стоявшаго на вытяжкѣ, двухъ кавалергардовъ и двухъ гусаръ. Ихъ пригласилъ догадливый Николай Константиновичъ Зотовъ, на случай, если ея величеству угодно будетъ сдѣлать какое либо распоряженіе. Однако-жь, распоряженія нивакого

не послѣдовало. Государыня позвала къ себѣ только одного Рылѣева и повторила ему свою волю, чтобы дуэли не было ни въ какомъ случаѣ и ни подѣ какимъ предлогомъ и видомъ.

Она съ Рылѣевымъ говорила уже спокойно и, отпустивъ его, велѣла звать вице-канцлера Остермана, чтобы принять второй докладъ.

IV.

Кто кого перебѣжить?

За много лѣтъ до того, какъ юношѣ Чесменскому пришлось отстаивать свои едва пробивающіеся усы, за столько лѣтъ, что тогда онъ еще и не родился, Екатерина была глубоко поражена и даже оскорблена другою дуэлью, о которой до сихъ поръ не могла вспомнить безъ содраганія.

Она собиралась ѣхать въ Москву, праздновать заключеніе Кучукъ-Кайнарджичаго мира съ Турціею. Ей хотѣлось, чтобы торжество было полное. Послѣ столькихъ побѣдъ на сушѣ и на морѣ, послѣ уничтоженія всѣхъ крамоль, интригъ, вляузъ, затруднейшій, она желала самымъ торжествомъ выразить чувство своего удовольствія. Празднованіе она рѣшила устроить въ Москвѣ, — сердцѣ Россіи. Екатерина знала, что этимъ она вызоветъ въ народѣ себѣ сочувствіе, а она очень дорожила всѣмъ, что дорого народу. Теперь съ нетерпѣніемъ она ожидала извѣстія о ратификаціи трактата. Она желала мира. Жертвы войны становились для Россіи уже слишкомъ тяжкими. Но она желала мира славнаго, каковъ и былъ Кучукъ-Кайнарджичій, въ предположенномъ проектѣ. Она невольно сомнѣвалась. Она помнила, что три года назадъ козни и интриги враговъ разрушили конгрессъ въ Фокшанахъ, а конгрессъ этотъ давалъ Россіи то же, что и теперь. «И я должна была безъ всякой пользы для себя вести войну еще три года, думала Екатерина. — Что если этотъ выгодный, этотъ славный для моего царствованія трактатъ и теперь не будетъ подписанъ? И опять война? Но Россія уже истощена, у нея уже нѣтъ средствъ. И такъ принесены были жертвы чрезвычайныя». Но нѣтъ, нѣтъ! Они подпишутъ! Трактатъ состоится. Всѣ извѣстія подтверждаютъ, что миръ для Турціи необходимъ. Турція истощена несравненно болѣе, чѣмъ Россія. У Турціи средствъ еще менѣе. Для нея миръ

еще необходимѣ!.. Но отъ чего же дѣло идетъ такъ медленно, чисто по-турецки? Чего тянуть?»

Екатеринѣ наскучило ждать и она выѣхала изъ Петербурга, написавъ Румянцову и Рѣпинину, чтобы ратификованный трактатъ прислали къ ней прямо въ Москву, съ тѣмъ, чтобы по его полученіи немедленно начать предполагаемое торжество. «Все же въ Москвѣ я на недѣлю времени буду ближе ко всѣмъ вѣстямъ», думала она.

Екатерина была очень весела. Да какъ было и не быть веселою и довольною Екатеринѣ, когда всѣ событія, будто нарочно, располагались такъ, чтобы ее возвышать, успокоивать, тѣшить ея самолюбіе; когда самыя, казалось, враждебныя обстоятельства обращались ей въ пользу, унижали ея враговъ и завистниковъ? Пугачевъ былъ пойманъ и сложилъ уже свою буйную голову; самозванку везутъ, Голицынъ въ Петербургѣ ее допросить. «Во всякомъ случаѣ я ее не выпущу изъ рукъ», думала Екатерина. Всѣ эти внутренніе враги, эти мелкіе заговорщики пойманы, посрамлены, уничтожены; а тутъ слава Катула, Чесмы, ея законодательства,—величіе и красота ея сооруженій. «Теперь Крымъ будетъ отдѣленъ отъ Турціи, думаетъ государыня,—и, естественно, подчинится вліянію Россіи.. долженъ подчиниться», прибавила она.—«А вотъ прусскій король дѣлаетъ мнѣ лестное предложеніе, да! лестное и выгодное предложеніе. Одного боюсь: «плутъ большой» этотъ прусскій король, этотъ Фридрихъ или Фрицъ, какъ его прозвали нѣмцы! Но предложеніе точно выгодно. Онъ предлагаетъ, въ возвратъ всѣхъ жертвъ войны и за отдачу назадъ Турціи завоеванной мною Молдавіи, взять у Польши старинныя, коренныя русскія области, почти сплошь занятая православнымъ населеніемъ. Это предложеніе тѣмъ уже хорошо, что избавляетъ отъ опасности новой войны—войны болѣе трудной, чѣмъ турецкая—съ австро-венгерскою королевою Маріей Терезіей, которую, разумѣется, будетъ поддерживать и Германія, такъ какъ германскій императоръ Іосифъ ея родной сынъ, наслѣдникъ и соправитель, а Марія Терезія признаетъ присоединеніе Молдавіи къ Россіи въ такой степени вреднымъ для своихъ и германскихъ интересовъ, что рѣшилась во что бы то ни стало тому препятствовать. Прускій король предлагаетъ выходъ. Разумѣется, онъ главное хлопочетъ о себѣ. Тутъ ему придется хорошенькій кусочекъ даромъ. Да кто же не хлопочетъ о себѣ? Къ тому же и войны ему не хочется. Послѣ семилѣтней войны, когда, говорятъ, онъ уже и пистолетъ самъ для себя зарядилъ, онъ противъ войны всѣми

мѣрами.. Но и мнѣ, обсуждала Екатерина, — присоединеніе польскихъ областей, предлагаемыхъ Фридрихомъ, выгодно. Оно во первыхъ, превращаетъ одно изъ непріятнѣйшихъ дѣлъ съ Польшею о дисидентахъ, — дѣло, въ которомъ замѣшана моя честь, страдаетъ мое самолюбіе и которое поляки, по упорству и подвліяніемъ фанатическихъ ученій, Богъ знаетъ куда тянуть; такъ что легко можетъ выйти, что придется воевать съ ними и безъ прускаго короля. Этимъ, обдумывала Екатерина, — границы Имперіи округляются, средства наши усиливаются присоединеніемъ областей съ развитою культурою и трудолюбивымъ населеніемъ; наконецъ, я становлюсь собирательницею русской земли, какъ Иванъ III и Петръ I, и мое имя не забудетъ исторія. Однимъ словомъ, все идетъ хорошо, все какъ по маслу, только скорѣй бы трактать! Скорѣй бы ратификованный султаномъ трактать.

Но въ то время, какъ она это обсуждала, стремясь къ принятію мѣръ, охраняющихъ, обезопасивающихъ и усиливающихъ государство, кругомъ ея, между лицами, самыми къ ней близкими, кипѣла зависть, велась интрига, глухая, внутренняя, подземная, тѣмъ не менѣе упорная и дѣятельная. Дѣло въ томъ, что придворные замѣтили, что самый близкій къ государынѣ человекъ, ея любимецъ, генераль-адъютантъ Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, ей страшно наскучилъ. Она не только избѣгала оставаться съ нимъ глазъ-на-глазъ, но положительно раздражалась, когда ей докладывали, что онъ къ ней явился. «Не сегодня—завтра она непременно его отъ себя отпустить» говорили придворные. — «Кто же будетъ на его мѣстѣ»? Этотъ вопросъ занималъ собою всѣхъ.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ всего болѣе боялся, чтобы не возвратился опять графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Ему такъ трудно было его удалить. Почти десять лѣтъ бился, самъ десять разъ былъ на волоскѣ. Да и не удалось бы, не смотря на всѣ его дикія выходки и бѣшенный характеръ, если-бы самому ему не пришла въ голову глупость ѣхать на конгрессъ въ Фокшаны. Ну, удалось, и вдругъ опять. «Бѣда! думалъ Панинъ. Теперь онъ знаетъ, что я шелъ противъ него и, разумѣется, не проститъ. Орловы не такіе мальчики, чтобы обиды забывали. Нужно не допустить, во что бы то ни стало не допустить! Пусть возьметъ кого хочетъ, только бы не его».

Чернышевымъ было недовольно того, чтобы не возвратился Орловъ, хотя они также съ возвратомъ его теряли всякое вліяніе, — имъ еще нужно было, чтобы мѣсто Орлова не занялъ кто нибудь изъ старой аристократіи. Они знали, что старая ари-

стократія очень ихъ не жалуетъ, какъ продуктъ новаго быта. А потеря вліянія людямъ честолюбивымъ, пронырливымъ и умѣющимъ извлекать себѣ изъ этого вліянія пользу, была чуть-ли не хуже смерти.

Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, напротивъ, стоялъ за своихъ. Ему очень хотѣлось, чтобы государыня приблизила къ себѣ кого нибудь изъ Трубецкихъ, Барятинскихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ. Со всѣми у него было знакомство, со всѣми связи, родство. Онъ не прочь былъ и отъ Нарышкиныхъ, Лопухиныхъ и Стрѣшневыхъ, но не желалъ Салтыковыхъ, хотя тоже и съ ними былъ въ свойствѣ. Онъ боялся салтыковского честолюбія.

Николай Ивановичъ Салтыковъ тоже, пожалуй, не прочь бы и отъ старой аристократіи; онъ не боялся и новыхъ выскочекъ, помощью фавора; его положеніе было прочно. Но онъ очень боялся усиленія вліяній Вяземскаго и Панина. Такимъ образомъ всѣ сторожили, выскивали, держали, какъ говорятъ, ухо востро; всѣ хотѣли впередъ уловить, на комъ остановится взглядъ Екатерины.

Но взглядъ Екатерины пока не останавливался ни на комъ. Удовлетворенная въ своемъ самолюбіи, занятая предстоящимъ торжествомъ и видимымъ выраженіемъ къ ней народнаго сочувствія, развлеченная необходимостью приѣма множества новыхъ лицъ,—она только и думала о томъ, чтобы скорѣе получить ратификованный трактатъ и войти въ соглашеніе съ прусскимъ королемъ о Польшѣ. Къ тому же жизнь, полная мысли, литературный трудъ и многообразныя сношенія отвлекали ее отъ идей, которыя могли бы давать пищу ея воображенію. Она скучала только съ Васильчиковымъ, по совершенной его неспособности войти хоть сколько нибудь въ общественные интересы, но ни сколько не интересовалась ни кѣмъ другимъ.

— Мнѣ некогда скучать, некогда и фантазировать, говорила Екатерина близкимъ къ ней дамамъ, которыя, желая вывѣдать ея мысли, нарочно заговаривали о своихъ мечтахъ, о скудѣ обыденной жизни и неудовлетворенныхъ желаніяхъ.—У меня теперь одно желаніе, говорила Екатерина: получить подписанный трактатъ!

Съ этимъ трактатомъ изъ арміи, отъ Румянцева, летѣлъ на курьерскихъ, не переводя духъ и не жалѣя ни арашника для спинъ ящичковъ, ни рублей имъ на водку, молодой генераль Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Онъ добился своего. Фельдмаршалъ поручилъ ему отвезти

и представить государынѣ подлинный, подписанный султаномъ, мирный трактатъ. Кромѣ того фельдмаршалъ далъ ему нѣсколь-ко порученій къ государынѣ и еще особое письмо, въ которомъ, выражаясь весьма лестно о его личныхъ военныхъ заслугахъ, писалъ о многомъ такомъ, что давало ему поводъ къ неоднократному и интимному довлѣду государынѣ.

«Этимъ можно и должно воспользоваться, думалъ Потемкинъ!—Оно и дано мнѣ съ тѣмъ, чтобы я этимъ воспользо-вался».

«Да, думалъ онъ, подпрыгивая въ своей курьерской повозкѣ, которую приходилось ему то ставить на полозья, то опять поднимать на колесный ходъ,—добился! Будетъ ли только въ этомъ толкъ?... А стоило же это мнѣ, чортъ возьми! вспоминалъ Потемкинъ.—Почти два года возился; все равно что возъ на себѣ везъ; какое—хуже! И сравненія не выдумаешь!.. Тяжело, очень тяжело было! Оно не то тяжело, что приходилось всюду на рожонъ лѣзть, какъ сумасшедшему... это бы еще куда ни шло! Ну, снялъ бы тамъ какойнибудь бѣшенный турокъ голову или уложила бы турецкая пуля—и дѣлу былъ бы конецъ. Жизнь—копѣйка, о ней ни думать, ни жалѣть нечего! Но было досадно, было обидно, что капризникъ нашъ будто ничего не видитъ; что я ни дѣлаю—рѣшительно не замѣчаетъ. Ясно—умышленно! Не хотѣлъ видѣть, потому и не видѣлъ. И случаи то еще какіе попадались, будто нарочно, прямо передъ его глазами, а онъ все ничего, будто не замѣтилъ, или будто иначе и не бываетъ, будто ничего особаго и не было. И ни поль-слова, ни за что!.. Ну, думаю, чортъ съ тобою, ты не хочешь ничего видѣть—другіе видать. Я свое дѣло буду дѣлать. Можетъ быть, черезъ когонибудь и дойдетъ. По крайней мѣрѣ, никто не скажетъ, что Потемкинъ на войнѣ свою голову берегъ, о жизни своей думалъ. Да пропадай она совсѣмъ, жизнь-то эта! Не нужна она мнѣ...»

— Пошелъ, пошелъ! закричалъ Потемкинъ на ямщика, замѣтивъ, что тотъ хотѣлъ дать перевести духъ лошадямъ.

За этимъ возгласомъ повозка опять понеслась во весь духъ.

«Дѣло не въ томъ, чтобы жить, а въ томъ, какъ жить? продолжалъ разсуждать про себя Потемкинъ.—Это вопросъ, это дѣло! Пожить бы хоть немного, да хорошо. А то... Вотъ, напримѣръ, если-бы мнѣ пришлось снова ухаживать за нашимъ полугеніальнымъ, полусумасшедшимъ фельдмаршаломъ, за этимъ отставнымъ ловеласомъ, мотомъ, игрокомъ; за этимъ скабресникомъ, съ которымъ не зналъ какъ и управиться Фридрихъ Великій, когда

онъ былъ въ Берлинѣ, въ то время, какъ онъ управлялся со всею Европою, а теперь обратившимся въ подозрительнаго ханжу; за капризникомъ и лицомъромъ, который, кажется, чуть ли не на своемъ носу видитъ дьявола; притомъ хитрецомъ, такимъ хитрецомъ, что онъ и дьявола-то, кажется, хочетъ надуть; хитрецомъ, который въ Молдавіи, за три тысячи верстъ, видитъ, что дѣлается въ Петербургѣ, и зорко слѣдитъ за всѣмъ, что можетъ коснуться его самолюбія или выгодъ. Впрочемъ, всегда и вездѣ онъ былъ хитрецомъ. Еще въ дѣтствѣ, говорятъ, онъ, мальчишкою, сѣмѣлъ семь нянекъ проводить, да такъ, что разъ, убѣжавъ отъ нихъ, попалъ въ прорубь. А потомъ, бывъ уже офицеромъ, въ Берлинѣ, когда Фридрихъ съ ума сходилъ отъ его скандаловъ и, по просьбѣ его отца, Александра Ивановича, велѣлъ отыскать и арестовать его, во что бы то ни стало, для отправки въ Россію, онъ сѣмѣлъ явиться въ тамошнему оберъ-полиціймейстеру подъ чужимъ именемъ и предложилъ свои услуги поймать самого себя. И за такую обѣщанную имъ услугу успѣлъ двѣ награды схватить—это отъ нѣмцевъ то!—хотя, разумѣется, самого себя не отыскалъ и не поймалъ. За то потомъ, генераломъ уже, у того же короля прускаго лучшую его крѣпость Кольбергъ, послѣ того какъ три генерала подъ нею зубы сломали и не знали какъ ноги унести, сразу изъ-подъ носа выхватилъ, будто изъ рукъ унесъ. Такъ если-бы съ эдакимъ хитрецомъ, баловнемъ судьбы съ дѣтства, капризникомъ въ квадратѣ, да такимъ капризникомъ, который сердится, кажется, на то, что крѣпости не падаютъ отъ одного его взгляда, а потомъ и на то, зачѣмъ онѣ падаютъ прежде, чѣмъ онъ всѣ свои соображенія атаки употребить,—если-бы съ такимъ капризникомъ пришлось мнѣ снова возиться, снова разсѣивать его предубѣжденія противъ меня, заискивать его расположеніе, то право, кажется, я бы съ ума сошелъ. Онъ право жестче всякой турецкой пули, опаснѣе всякаго делибаша... А я повозился-таки, покорившись необходимости. Притворился такимъ поклонникомъ, что и самъ себя повѣрилъ, что выше, умнѣе и славнѣе Петра Александровича Румянцева въ мірѣ человѣка нѣтъ—и вотъ добился. Онъ прямо за меня. Теперь еще ступень, послѣдняя, рѣшительная ступень,—добьюсь ли?..»

Потемкинъ задумался. Онъ зналъ, что его примутъ милостиво. Онъ жданный и нетерпѣливо жданный гость. Ему будутъ рады, засыплютъ наградами. Но что все это значить? Какъ все это ничтожно, какъ далеко отъ его желаній, отъ его мечты! Ну, генераль-поручикъ, александровскій кавалеръ, да хоть-бы и

генераль-аншефъ, не все-ли равно? Удовлетворить ли это его честолюбіе, его замыслы? Нисколько. Ну, дадутъ деревню въ пятьсотъ, ну тысячу, ну полторы тысячи душъ,—ужасно нужно!

«Я все-таки буду такъ же бѣденъ, какъ и теперь. Дали же мнѣ вѣдъ деревню, послѣ «Петербургскаго дѣйства», въ 300 душъ, но отъ того нисколько не менѣе я сталъ нуждаться. Ну, денегъ дадутъ, я ихъ проживу—и только! Вотъ быть первымъ человѣкомъ, имѣть власть, по своему произволу, карать и миловать; имѣть силу, хоть-бы такую, что если-бы я захотѣлъ, то могъ бы нашего капризника, ханжу и фокусника, генераль-фельдмаршала, со всею его хитростью и пронырствомъ, въ дугу согнуть, въ тартарары упрятать,—другое дѣло! Это было бы уже чтонибудь! Это было бы уже не генераль-поручикъ, не генераль-аншефъ, а было бы нѣчто, было бы кое-что! А то, спрячусь въ монастырь, убѣгу въ скитъ, на Аѳонскую гору, и буду тамъ просфоры печь, да каноны распѣвать. Не то въ воду брошусь. А ничтожествомъ не хочу быть. Не хочу—и только!.. Да и почему мнѣ не быть человѣкомъ? вдругъ спросилъ себя Потемкинъ.—Почему не быть въ случаѣ, въ милости, въ фаворѣ? Чѣмъ я хуже другихъ, хоть бы этого пресловутаго Гришки Орлова? Я и самъ Григорій, и ужь, разумѣется, отъ того не хуже, что Александровичъ, а не Григорьевичъ. Учился я лучше его, больше его и, во всякомъ случаѣ, знаю больше, чѣмъ онъ, потому что онъ, сколько мнѣ извѣстно, ровно ничего не знаетъ, хотя и попалъ въ бомбардирскую роту и по артилеріи сдавалъ экзаменъ. Ну да что экзаменъ, когда есть деньги и протекція. А у него и деньги, и протекція были. Она, кто что бы не говорилъ, а была въ это время великая княгиня и могла поддержать. Въ позапрошломъ году онъ отличился, показалъ свои знанія. На экзаменѣ юнкеровъ, говорятъ, осрамился такъ, что, кажется, я послѣ того на свѣтъ бы Божій не захотѣлъ глядѣть; а ему ничего, вотъ наподи! Преосвященный Платонъ спросилъ у юнкера: «Кто написалъ евангеліе?» Юнкеръ замаялся. А велемудрый Гришка, сіятельный графъ, теперь уже римскій князь, фельдцейхмейстеръ, конференцъ-колегіи вице-предсѣдатель, и то потому только, что предсѣдателемъ сама государыня, сеансъ-комитета артилеріи президентъ, захотѣлъ свое знаніе показать, ученостью и краснорѣчіемъ блеснуть, обратился къ юнкеру съ укоромъ, да и говорить: «Не стыдно ли этого не знать? Вы христіанинъ, св. евангеліе должно быть вашею настольною книгою. Разумѣется, Иисусъ Христосъ!..» Это «разумѣется», говорятъ, было такъ хорошо, такъ эффектно, что преосвященнѣйшій такъ и осѣлъ, не

зналъ, что и сказать... Ну, да Богъ съ нимъ! Теперь его нѣтъ. Мѣсто не занято. Въ сердцѣ вакансія, и эту вакансію не Васильчикову занять, не Васильчикову наполнить. Это замѣтилъ даже нашъ хитрецъ-фельдмаршалъ, высказавъ прямо: «не его ума это дѣло; пужно человѣка повидержаннѣе, поразумнѣе». И нужно сказать правду, хитрецъ нашъ фельдмаршалъ; капризникъ, но хитрецъ такой, что и не выдумаешь. Сперва меня не замѣчалъ, слова не хотѣлъ сказать. Чего? Съ рекогносцировки турецкія пушки привезешь, чего бы кажется, и тутъ молчить, будто такъ и слѣдовало, будто всегда привозятъ. Не похвалить ни за что. Передъ его глазами чуть не одинъ на янычаръ лѣзешь, онъ и тутъ не видитъ. Потомъ вдругъ сталъ я его нещечко любимое, его ученикъ достойный, рука правая, и все такое, даже Петра Михайловича Голицына забылъ. А въ чемъ дѣло? Въ томъ, что хитрецъ за три тысячи верстъ увидѣлъ, что Васильчикову не устоять, что его пѣсенка уже спѣта, что нуженъ другой, а этимъ другимъ, онъ понимаетъ, никого способнѣе меня быть не можетъ; способнѣе меня для такого случая онъ никого не найдетъ. И разумѣется не найдетъ; пусть кто что хочетъ говорить, а Гришеѣ Орлову я ни въ чемъ не уступлю, это вѣрно!»

Теченіе мыслей Потемкина опять прервалось его воспоминаніями. Онъ помнитъ, какъ она поразила его въ первую минуту, когда онъ только что ее увидѣлъ. Онъ былъ тогда еще совершенный мальчикъ и только что поступилъ въ лейбъ-регіментъ, изъ котораго сформировалась потомъ конная гвардія. Она была еще великою княгинею и проходила вдоль фронта одного изъ эскадроновъ ихъ полка, выстроеннаго по пѣшему въ одной изъ залъ дворца, по случаю какого-то торжества. Она милостиво кланялась солдатамъ и отмахивалась ручкою на честь, отдаваемую офицерами. Ему сказали: «вотъ будущая государыня». Онъ взглянулъ — и замѣлъ на мѣстѣ. Его поразила не красота ея, да она и не была красавицею; не величественность, да она и не была величественна въ томъ смыслѣ, какъ это говорили объ Аннѣ и о красавицѣ Елисаветѣ; у нея не было ни ихъ высокаго роста, ни ихъ стройности и производящаго впечатлѣніе взгляда; но его поразила ея какая-то особая, спокойная ровность выраженія, какая-то чрезвычайно пріятная мягкость, сквозь которую, однакожь, свѣтилась энергія и сила, какими, нѣтъ сомнѣнія, никогда не обладали ни Анна, ни Елисавета. Вотъ идетъ ей на встрѣчу человѣкъ, ей непріятный, адъютантъ ея супруга, великаго князя, Гудовичъ. Она отвернулась и на

щечкахъ ея выступилъ румянецъ, нижняя губка дрогнула, а изъ глазъ рѣшительно свергнула молнія. Но все это было одно мгновеніе. Гудовичъ прошелъ и опять необыкновенная мягкость, сердечная доброта и задушевность засіяли въ ея глазахъ, засвѣтились въ ея нѣжной улыбкѣ, обозначились въ ея движеніи.

«Вотъ это женщина! подумалъ онъ.— Она съумѣетъ заставить цѣлый міръ забыть для себя».

И точно, Потемкинъ помнитъ, что онъ тогда засмотрѣлся на нее, забывъ и фронтъ, и дисциплину, и самого себя, и вѣроятно сдѣлалъ бы что нибудь несоответственное, если-бы не толчокъ капрала, стоящаго въ замкѣ, приказывавшаго держать равненіе. Онъ слишкомъ высунулся впередъ. Между тѣмъ она прошла и, разумѣется, восторженнаго юнкера не видала.

Съ этой минуты Потемкинъ часто думалъ объ Екатеринѣ и старался видѣть ее, гдѣ могъ. Но это нисколько не вызвало къ нему ея вниманія. Да и чѣмъ могъ обратить на себя вниманіе великой княгини, супруги наследника престола, мальчижь-юнкеръ, невзрачный и еще неразвившійся физически? Она не только не имѣла случая его замѣтить, но даже и не слыхала о немъ.

Но вотъ изъ наследницы престола она стала императрицею; отъ того однакожъ ея положеніе не улучшилось. Всѣ знали, что императоръ относится къ ней весьма дурно. Всѣ ее сожалѣли, принимали ея сторону—она такъ умѣла себя держать. Говорили, что она въ опасности, что не сегодня—завтра ее запрутъ въ монастырь. Эти слухи вызывали къ ней общее сочувствіе, которое, разумѣется, охватило собою и восторженнаго юношу, и онъ, самъ не понимая что дѣлаетъ, сталъ однимъ изъ самыхъ ревностнѣйшихъ ея партизановъ; сблизился съ Орловыми, Пассекомъ, Хитрово, Рославлевыми, однимъ словомъ, сталъ въ число наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ въ затѣяхъ дѣйства братьевъ Орловыхъ, хотя все же не имѣлъ даже случая быть ей представленнымъ. Что дѣлать! Онъ довольствовался тѣмъ, что ей извѣстно его имя, какъ одного изъ преданнѣйшихъ ея защитниковъ.

Вспоминаетъ онъ эту замѣчательную и страшную ночь. Его передъ тѣмъ только что произвели въ портупей-юнкера. Она рѣшилась идти противъ своего мужа-императора, испуганная извѣстіемъ, что распоряженіе объ ея арестованіи уже сдѣлано и немедленно, послѣ именинныхъ торжествъ, будетъ приведено въ исполненіе. Вся почти гвардія собралась на площади противъ новаго зимняго дворца. Конная гвардія на коняхъ стояла

у Брюсова дома, фронтомъ ко дворцу. Вотъ, видитъ онъ, къ подъѣзду дворца подводятъ верховую лошадь, осѣдланную поддамски. Двери отворились; съ лѣстницы сходитъ государыня, за нею три брата Орловы; Григорій идетъ почти рядомъ съ нею. А за ними—Неплюевъ, Панинъ, графы Скавронскій и Шереметевъ, сенаторы, оберъ-полиціймейстеръ Корфъ, фельдцейхмейстеръ Вильбоа, хотя Вильбоа былъ одинъ изъ преданнѣйшихъ императору лицъ, и себѣ бы не повѣрилъ, если-бы ему сказали, что онъ сдѣлаетъ то, что въ ту минуту дѣлалъ, просто растерявшись передъ ея властнымъ словомъ. На государынѣ, сверхъ ея платья, былъ надѣтъ мундиръ преображенскаго полка, къ которому конная гвардія тогда причислялась, и мундиръ старый, любимый полкомъ, петровской формы, а не прускаго образца. Она садится на лошадь, опираясь на руку Григорія Орлова, и выѣзжаетъ къ войску. Орловъ идетъ подлѣ ея стремени, а другой братъ его, Алексѣй, съ другой стороны. Всѣ другіе остались на подъѣздѣ. Войско, увидавъ государыню, гаркнуло «ура!» Государыня кланяется. Позади ея, неизвѣстно откуда, явилась другая амазонка, во на ту Потемкинъ не смотрѣлъ. Онъ впился взглядомъ въ государыню. Она выѣхала впередъ, подѣхала къ конной гвардіи, здороваается. Орловы подлѣ. Конная гвардія отвѣчаетъ, и опять «ура!» Государыня пожелала обнажить привѣшанную у нея съ боку шпагу, но смотреть—нѣтъ темляка.

— Темлякъ! сказала Екатерина тихо Григорію Орлову.

Орловъ повторилъ это слово громче, а затѣмъ по рядамъ провеслось: «государынѣ темлякъ, государынѣ темлякъ!»

Фронтъ былъ полонъ офицерами всѣхъ родовъ войска. На каждомъ, разумѣется, былъ темлякъ, но никто не догадался снять его съ себя и подать государынѣ. Только его, молодого портупей-юнкера—можетъ быть потому, что онъ только недавно, при своемъ производствѣ, получилъ право носить темлякъ—будто кто толкнулъ подъ бокъ. Онъ живо сорвалъ съ своей сабли темлякъ и выѣхалъ передъ фронтъ.

Подъ нимъ былъ лихой конь, высокой голандской породы. Его отецъ, небогатый помѣщикъ Смоленской губерніи, нотанувшій въ русскую сторону и едва-ли не изъ первыхъ женившійся на русской, тогда какъ большинство смоленскаго дворянства тянуло тогда въ сторону Польши и женилось большею частію на польскихъ шляхтянкахъ,—долго откладывалъ свои доходы, чтобы купить своему Гришенькѣ хорошаго коня, и нарочно выписалъ его черезъ Ригу, чтобы потѣшить сына ко дню производства въ

портупей-юнкера; это было уже шагомъ къ производству въ офицеры. Потемкинъ, съ темлякомъ въ рукахъ, вылетѣлъ изъ фронта молодцомъ передъ самую государыню. Но конь заржалъ и поднялся на дыбы.

Потемкинъ былъ хорошій ѣздокъ. Онъ мунштукомъ повернулъ коня въ сторону на заднихъ ногахъ и, подавъ государынѣ темлякъ, далъ коню сильные шенкеля съ обоихъ боковъ, освободивъ поводъ. Конь всей силой рванулся впередъ и понесся вихремъ къ адмиралтейству; но Потемкинъ успѣлъ повернуть его къ фронту и, проѣзжая назадъ мимо государыни, отдалъ ей честь. Все это было дѣломъ одной минуты. Возвращаясь къ полку, онъ слышалъ, какъ государыня спросила у Алексѣя Орлова, наклонясь къ нему:

— Кто этотъ кривой юнкеръ?

Орловъ назвалъ его фамилію.

— Молодецъ! замѣтила Екатерина.

Послѣднее замѣчаніе его утѣшило, но слово «кривой» отдалось уколомъ ему въ сердцѣ; оно будто ожгло его...

И вотъ теперь, прошло болѣе 10-ти лѣтъ послѣ этой ночи; она царствовала и не одинъ разъ выказывала ему свое благоволеніе, но онъ чувствовалъ, что его воспоминаніе объ этомъ ея первомъ отзывѣ о немъ, какъ-то жжетъ его, какъ-то колеть, и онъ не можетъ отдѣлаться отъ этого томящаго, давящаго ощущенія. Онъ даже вздрогнулъ при воспоминаніи объ этомъ ея первомъ замѣчаніи.

«Но вѣдь теперь я не кривой, сказалъ онъ, какъ-бы стараясь себя подбодрить. Теперь она не увидитъ закрытаго глаза, который всегда пугаетъ и вызываетъ антипатію женщинъ!.. А желалъ бы я угадать, узнаетъ ли она меня, замѣтитъ ли, что у меня фальшивый глазъ? Надобно сказать правду, этотъ французъ мусье Жозефъ взялъ, подлець, дорого, за то сдѣлалъ хорошо; когда я смотрю на себя въ зеркало, самъ не вижу, что глазъ вставной. Артистически сдѣлалъ. Увидитъ ли она?»

Послѣ знаменитой ночи, Потемкинъ много разъ удостоивался ея вниманія, но все какъ-то въ массѣ, въ толпѣ. На другой же день по возвращеніи изъ Петергофа, онъ былъ произведенъ въ корнеты, а потомъ и въ поручики. Вмѣстѣ съ другими участниками «дѣйства» онъ получилъ деревню, потомъ ему были даны и деньги. Но все это было какъ-бы заочно; все это въ массѣ, между другими, въ толпѣ. Придетъ благодарить, но въ то же время благодарятъ, кто за что, чуть не цѣльми сотни; явится во дворецъ по службѣ, опять или во фронтѣ, или въ массѣ при-

дворныхъ и должностныхъ. Даже, когда разъ или два его пригласили на представленія въ эрмитажѣ, то и тутъ, слушая вмѣстѣ съ другими музыку, онъ не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета въ томъ, точно ли она его видѣла и вообще замѣтила ли, тѣмъ болѣе, что—это онъ видѣлъ хорошо—она почти исключительно была занята Григорьемъ Орловымъ, и ему показалось, что, разговаривая даже съ посланниками, она не спускаетъ съ Орлова глазъ.

«Счастливецъ, думалъ Потемкинъ.—И отчего, за что ему такое счастье? Правда, былъ красивъ, говорятъ; но теперь и красоты особой нѣтъ! Обрюзгъ и осунулся какъ-то... Да и нѣтъ той ловкости, того форса, чтобы можно было сказать: вотъ, дескать, всѣмъ взялъ! Не порти меня этотъ глазъ, я бы...»

Но можно было критиковать, завидовать про себя, въ слухъ же можно было только молчать. Потемкинъ и молчалъ, какъ ему не было это горько и обидно. Онъ видѣлъ, что никакимъ образомъ, ничѣмъ обратитъ на себя вниманіе государыни онъ не можетъ. Орловъ застилалъ въ ея глазахъ не только его, но всѣхъ. Она не видѣла или не примѣчала никого, а его тѣмъ болѣе.—«Заставлю ее не видѣть, такъ слышать», сказалъ онъ себѣ и сталъ проситься въ дѣйствующую армію. Его безъ затрудненія отпустили, переведя соответствующимъ, по тогдашнему, чиномъ генераль-маіора.

«Панъ или пропаль! думалъ тогда о себѣ Потемкинъ,—а ужъ вниманіе-то на себѣ остановлю; это вѣрно, долженъ оставаться!»

Но вотъ бѣда, фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій принялъ его очень хмуро. Потемкинъ пріѣхалъ къ нему въ команду противъ его воли, и фельдмаршалу думалось: «зачѣмъ бы, къ чему? Отъ двора, въ его годы и съ положеніемъ, которое въ арміи выслужить онъ никогда бы не могъ, и вдругъ сюда, голодать и маяться,—очень и очень подозрительно!» Ему невольно приходило въ голову, не шпионить ли за нимъ прислали этого гвардейскаго выскочку, этого двадцати-трехъ-лѣтняго генерала, ненюхавшаго еще пороха. «Да, подозрительно!» Къ тому же фельдмаршалъ зналъ, что Потемкинъ былъ партизаномъ Екатерины, когда императоръ былъ еще живъ; а фельдмаршалъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые были преданы покойному императору до послѣдней минуты. Онъ даже послѣ его смерти сейчасъ-же подалъ прошеніе объ отставкѣ и остался только по усиленному настоянію Екатерины. Теперь онъ зналъ, что она цѣнитъ его, но никакъ не особенно благо-

возить, и вотъ присылаетъ одного изъ своихъ кліентовъ, бывшаго ея партизаномъ. «Ну что-жь, много ходу ему не дадимъ!»

Потемкинъ все это понялъ. Онъ сразу угадалъ и подозрительность фельдмаршала, и его предубѣжденіе противъ себя, и далъ себѣ слово ихъ разсвѣять, во что бы то ни стало. Но разсвѣять подозрительность мнительнаго и крайне осторожнаго главнокомандующаго было нелегко. Считаая Потемкина какъ бы своимъ соглядатаемъ, онъ не вѣрилъ даже его личной храбрости. Онъ думалъ: гвардейскій шематонъ и больше ничего!

Потемкинъ не пришелъ однакожь отъ того въ отчаяніе. Онъ удвоилъ свои старанія, угождая ему, лстя и принимая самыя отважныя предложенія, по исполненіи которыхъ всю славу своего исполненія приписывалъ ему, главнокомандующему. Наконецъ, онъ дѣйствительно разогрѣлъ Румянцева, заставилъ его себѣ вѣрить... — «Не пропалъ», — говорилъ теперь себѣ Потемкинъ, — «стало быть нужно быть паномъ»!

«Теперь Орлова нѣтъ, — разсуждалъ онъ. — Васильчиковъ, этотъ расписной красавчикъ, восковой херувимъ, извѣстно, не пользуется уже прежнею милостью. Съ нимъ скучаютъ. Ну со мпой не соскучились бы, я надѣюсь... Вотъ теперь мнѣ придется съ ней говорить съ глазу на глазъ, и не одинъ, а много разъ. Къ тому же придется говорить когда, при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ? Когда я прѣвѣжаю нетерпѣливо жданнымъ, радостнымъ вѣстникомъ мира, осуществленію котораго самъ, хотя въ нѣкоторой степени, содѣйствовалъ; когда меня прославляютъ героемъ, по крайней мѣрѣ самъ фельдмаршалъ пишетъ, да пожалуй и вся армія засвидѣтельствуетъ, что своей кожи не жалѣлъ. Эти обстоятельства не могутъ мнѣ не содѣйствовать, и надо ими воспользоваться. Да, или теперь или никогда! — Либо буду настоящій панъ, сказалъ Потемкинъ въ слухъ, — или въ самомъ дѣлѣ уѣду на Аѳонъ просфоры печь!

— Пошелъ, пошелъ! Заснулъ! крикнулъ Потемкинъ на ямщика, котораго ту же минутоу казакъ сзади огрѣлъ нагайкой. Ямщикъ поневолѣ подобралъ возжи и провелъ надъ своей тройкой кнутовищемъ «Эй вы, родимые!» крикнулъ онъ, и тройка опять полетѣла стрѣлой.

Такимъ образомъ повозка все неслась, да неслась. Ямщики, погоняемые въ двѣ нагайки, одной отъ казака, а другой собственноручно отъ ѣдущаго генерала и поощряемые рублями на водку, лѣзли изъ кожи, стараясь одинъ передъ другимъ. И вотъ утромъ, на зарѣ, передъ Потемкинымъ вдругъ будто вы-

росло въ воздухѣ очертаніе Симонова монастыря. Показалась Москва бѣлокаменная, съ своимъ Кремлемъ священнымъ, съ своими теремами узорочными, стародавними, съ золотыми маковками своихъ Божьихъ церквей...

Потемкинъ приподнялся въ повозѣ и перекрестился.

Интрига при дворѣ разрасталась и выпѣла. Хлопотали и думали всѣ; день и ночь думали: какъ-бы на свою сторону перетянуть, какъ-бы къ себѣ поближе придвинуть? И письма летѣли по этой думѣ во всѣ стороны; гонцы разсылались всюду. И Боже какіе молодцы, на основаніи этихъ писемъ, приѣзжали въ Москву и являлись къ оберъ-камергеру, бывшему вице-канцлеру, князю Александру Михайловичу Голицыну, двоюродному брату другаго Голицына, тоже Александра Михайловича, фельдмаршала, бывшаго теперь главнокомандующимъ Петербурга и тамошнимъ генераль-губернаторомъ, и допрашивавшаго теперь, привезенную Грейгомъ, несчастную Али-Эмете.

«Такіе все молодцы,—писалъ оберъ-камергеръ своему кузену фельдмаршалу въ Петербургъ,—такіе красавцы, что такихъ, надо думать, древняя Греція и во снѣ не видала, и все въ разныхъ родахъ, на всѣ вкусы. Тутъ и юноша лѣтъ семнадцати, свѣженькій, пухленькій, чистенькій, съ свѣтлыми кудрами, падающими на плечи, — точно у молоденькой дѣвушки; за нимъ тридцати-двухъ-лѣтній атлетъ, Геркулесъ въ полномъ смыслѣ этого слова: быка свалить, медвѣдя кулакомъ убить; смуглый, волосатый;—а за нимъ, черномазымъ атлетомъ, блондинъ, совершенный рыцарь среднихъ вѣговъ, Малекъ-Адель г-жи Котень, съ томнымъ настроеніемъ и сверкающими голубыми глазами; а то совершенный Ванъ-Диеъ, какъ его молодымъ пишутъ и въ картинныхъ лавкахъ мечтательнымъ барышнямъ продаютъ. Истинно можно сказать, будто на подборъ собраны, и всѣ съ одной, будто заученной фразой:—«желалъ бы, говорить, имѣть счастье представиться великой государынѣ, знаменитой Семiramидѣ сѣвера, законодательницѣ и просвѣтительницѣ своего народа; желалъ бы принести лично мое усерднѣйшее поздравленіе съ торжествомъ ея оружія и славой ея имени!»

«Услышишь такую фразу, писалъ Голицынъ другому Голицыну,—невольно взглянешь и видишь: «хорошъ, очень хорошъ, и строенъ, и высокъ, и глаза съ выраженіемъ, и брови будто отведены». — Начинаешь спрашивать: кто, отъ кого, есть ли письмо? Безъ этой предосторожности, пожалуй, пришлось бы

чуть не съ улицы представлять, потому что рѣшительно всѣ, кто только считаетъ себя не настолько уродомъ, чтобы какъ взглянуть, такъ плюнуть, кто думаетъ, что у него и глаза и носъ на мѣстѣ, всѣ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, представляются лѣзуть,—всѣ хотятъ, хоть на минуту, да фаворъ получить; всѣ думаютъ: чѣмъ чортъ не шутить, отчего же не я?

«Ну и начинаешь распрашивать. Этого г-жа Жоффрень изъ Парижа нарочно прислала, и письмо дала, зоветъ графомъ; ну—въ списокъ! Этого польскій король, по старой памяти, рекомендуетъ. Спросить нужно, захотятъ ли еще уважить рекомендацію польскаго короля. Этихъ рекомендуютъ наши: Лопухина, Протасова и твоя невѣстуха Брюспа. О нихъ пожалуй и говорить нечего, вѣрно было уже говорено. Вотъ отъ г-жи Бельне пріѣхалъ датчанинъ. Красивъ, нечего сказать: въ немъ есть что-то необыкновенное, что-то напоминающее Гаральда и древнюю русскую исторію. Прусскій король и тотъ своего адъютанта прислалъ: плотный нѣмецъ, сказать нечего. Но знаешь, смотрю я, смотрю, записываю, переписываю, докладываю, назначаю часы аудіенціи и смѣюсь отъ всей души. Что будетъ дальше—не знаю, а пока всѣ они уходятъ, понуривъ голову и повѣсивъ носы. Наша-то матушка выйдетъ: царица царицей, красавица красавицей. Кажется она и двадцати лѣтъ такъ хороша не была. Выйдетъ это, обдастъ всѣхъ привѣтомъ и во взглядѣ, и въ улыбкѣ, каждый такъ и растаетъ. Но... но... Все дѣло въ этомъ но... Только заикнется кто, что желалъ бы служить при особѣ ея величества, она благодаритъ очень любезно и отвѣчаетъ, что ея маленькое хозяйство такъ ограничено, что рѣшительно не можетъ дать никакого простора великимъ способностямъ просящаго. А что если онъ хочетъ служить Россіи,—Россіи талантливые люди нужны,—то вотъ у графа Задунайскаго въ арміи ему очень рады будутъ. Одному такъ на Сибирь у Якобіа указала. Шутница государыня, ей Богу! И все это такъ спокойно, такъ просто... Какъ хорошо она выдумала влнаться при выходѣ. Поклонится направо, налево и прямо, просто по-мужски, и потомъ идетъ на того, кто въ глаза бросится. Скажу откровенно, я всякій день люблюсь, и, смотря на всѣхъ этихъ искателей, на всѣхъ этихъ амуровъ писанныхъ, слетѣвшихъ, какъ вороны по чутью, невольно думаю: «Не такіе люди могутъ ея вниманіе на себя обратить, не такіе люди отъ нея милость заслужать. Есть у насъ съ тобою человекъ. Вотъ красавецъ, такъ красавецъ. И умомъ, и душой, и образованіемъ, всѣмъ взялъ. Изъ арміи пи-

путь, что въ дѣлѣ спокойствіе и распорядительность невѣроятныя, веселость оживляющая, а доброта, — все преклоняется передъ этой добротой. «Я это пишу съ голоса другихъ, хоть ты и самъ знаешь своего кузена, а моего молодшаго братишку, князя Петра. «Вотъ его бы сюда, думается подчасъ.—Всѣхъ бы разомъ затмилъ». Но Богъ съ нимъ! Не Голицынымъ милость фаворомъ выслуживать. Придетъ само,—хорошо, не придетъ—и того лучше. Знаешь самъ, близъ царя, что близъ солнца, и не увидишь, какъ крылья опалишь. Мы это лучше другихъ по нашимъ дядямъ, да и по великому Голицыну, князю Василью Васильевичу, знаемъ. А что за радость быть новымъ Икаромъ.... Одно жаль, что до сихъ поръ, вотъ прошло около четырехъ лѣтъ, онъ своей Катіи забыть не можетъ. Ему бы точно было нужно поразсѣяться, поразвлечься. Положимъ служба, но служба не разсѣяніе. Ну была война, хорошо; все дѣйствовать приходилось. Теперь миръ заключили, чего бы тамъ ему въ Молдавію кинуть? Вотъ бы сюда пріѣхалъ на людей посмотрѣть и себя показать. Я этого ему не пишу, потому что при нынѣшнихъ искаательствахъ считаю неприличнымъ, но, признаюсь, желалъ бы....»

Окончить своего письма Голицыну не удалось. Его перервали докладомъ, что отставной лейбъ-компаніи вахмистръ, арміи секундъ-маіоръ Семенъ Никодимычъ Шепелевъ проситъ позволенія видѣть его сіятельство по весьма нужному дѣлу.

Съ невольной досадою князь положилъ перо и вышелъ.

Передъ нимъ стоялъ чуть не саженный господинъ, въ венгерскѣ съ шелковыми шнурами, и съ большими черными усами, доходящими чуть не до плечъ.

А. Шардинъ.

(Продолженіе будетъ).

НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СОЧИНЕНІЕ ИПОЛИТА ТЭНА.

РЕВОЛЮЦІЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Торжество якобинцевъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Если-бы депутаты, съ такою торжественностью и съ такимъ энтузіазмомъ принесли 1 октября 1791 года присягу вѣрности конституціи, захотѣли лишь открыть глаза, они увидели-бы, что по всей территоріи конституція эта безпрестанно истребляется и нарушается. Въ силу обычая, а еще болѣе въ силу авторскаго самолюбія, Туре, послѣдній президентъ учредительнаго собранія, старался въ своемъ заключительномъ доводѣ прикрыть непріятную правду громкими и трескучими фразами; но достаточно было пробѣжать мѣсячный отчетъ, для того, чтобы провѣрить, дѣйствительно-ли, какъ значилось по его увѣреніямъ, «исполненіе декретовъ было вполне удовлетворительно и совершенно во всѣхъ частяхъ государства». Гдѣ-же это полное и совершенное исполненіе? спрашиваетъ Маллэ-Дю-

пань.— Не въ Тулонѣ-ли, посреди убитыхъ и раненыхъ, разстрѣленныхъ на глазахъ изумленного муниципалитета и директоріи. Не въ Марселѣ-ли, гдѣ избиваютъ и растерзываютъ двухъ частныхъ лицъ, подѣ предлогомъ, что они аристократы и что они продавали дѣтямъ отравленные конфеты, съ цѣлью возбудить контръ-революцію? Не въ Арлѣ-ли, противъ котораго въ эту самую минуту выступаетъ 4,000 марсельцевъ, наущенныхъ клубомъ? Не въ Байе-ли, гдѣ избрали въ депутаты законодательнаго собранія нѣкоего Фоше, приговореннаго къ тюремному заключенію и признаннаго неспособнымъ къ дѣламъ политическимъ? Не въ Блуа-ли, гдѣ командира, обреченнаго на смерть за попытку привести въ исполненіе декретъ, заставляють отослать вѣрный полкъ и поворотиться взбунтовавшемуся батальону? Не въ Нимѣ-ли, гдѣ дофинейскій полкъ, покидающій городъ по приказанію министра, получаетъ отъ народа и отъ клуба приказаніе не слушаться министра и оставаться? Не въ тѣхъ-ли полкахъ, офицеры которыхъ были принуждены подѣ угрозой смерти уступить свое мѣсто любителямъ? Не въ Тулузѣ-ли, гдѣ въ концѣ августа административное начальство приказало всѣмъ неприсягнувшимъ священникамъ оставить городъ втеченіи трехъ дней и удалиться на четыре мили разстоянія? Не въ предмѣстьѣ-ли Тулузы, гдѣ 28 августа вѣшаютъ на фонарь муниципальнаго чиновника, вслѣдствіе вооруженнаго столкновенія? Не въ Парижѣ-ли, гдѣ 25 сентября чернь нападаетъ на ирландскую колегію, состоящую подѣ охраною междунагоднаго договора; гдѣ вѣрные католики, слушавшіе обѣдню, были схвачены и повлечены въ сосѣднюю церковь, гдѣ служба совершалась присягнувшимъ священникомъ; гдѣ насильно увлекають одну женщину отъ исповѣдальни, а другую просто избиваютъ.

Безпорядки эти—утверждали сперва—неизбѣжны, но представляютъ лишь временное явленіе; разъ какъ конституція будетъ обнародована, порядокъ самъ собою возстановится. Но вотъ конституція окончена, принята королемъ, объявлена, поручена охранѣ законодательнаго собранія; пусть-же законодательное собраніе разсмотритъ картину общаго положенія дѣлъ въ первыя же недѣли своего существованія. Въ восьми департаментахъ, окружающихъ Парижъ, безпрестанные бунты въ рыночные дни; толпы бродягъ наводняютъ фермы и заставляють землевладѣльцевъ откупаться отъ ихъ постоя; пелюнкскій мэръ избить до крови и едва спасенъ изъ рукъ черни; въ Бельфорѣ возмущеніе, съ цѣлью перехватить обозъ съ деньгами, и

комисаръ Верхняго Рейна едва не убитъ. Въ Бувиллье на помѣщиковъ нападаетъ обнищавшая національная гвардія и салъмъ-салъмскіе солдаты; двери домовъ выломаны, погреба ограблены; въ Мирекуръ толпа женщинъ осаждастъ съ барабаннымъ боемъ втеченіи трехъ дней городскую ратушу. То происходитъ бунтъ въ Рошфоръ, и портовые работники принуждаютъ муниципалитетъ развернуть красное знамя. Затѣмъ жители Лилля, отказываясь мѣнять свою монету и асигнаціи на клочки бумаги, называемые билетами довѣрія (billets de confiance), собираются толпами, угрожаютъ и едва усмиряются цѣлымъ гарнизономъ. 16 октября Авиньонъ во власти бандитовъ и тамъ происходитъ ужасное избиеніе Глясберы. 5 ноября, въ Каэнѣ избиваютъ чуть-ли не до смерти и волочатъ въ тюрьму 82 дворянъ, буржуа и ремесленниковъ, за то, что тѣ предлагаютъ себя муниципалитету въ качествѣ добровольной полиціи. 14 ноября, въ Монпелье желѣзные кулаки или избиватели (tape-dur) окончателно торжествуютъ; 8 мущинъ и женщинъ убито на улицахъ и въ домахъ; всѣ умѣренные обезоружены или-же принуждены спастись бѣгствомъ. Съ конца октября поднимается на другомъ берегу Атлантическаго океана гигантская волна дыма и огня, вдругъ возникшая, и съ недѣли на недѣлю все болѣе и болѣе разрастающаяся,—это междоусобная война на Сэнъ-Доминго, гдѣ дикіе звѣри выпущены на своихъ сторожей, гдѣ возстали 50,000 негровъ и гдѣ на первыхъ порахъ уже избито 1,000 бѣлыхъ, убито 15,000 негровъ, уничтожено 200 сахарныхъ заводовъ, гдѣ убытокъ вычисляется въ 600.000,000 р., «гдѣ почти уничтожена цѣлая колонія, которая одна стоитъ десяти провинцій». Въ Парижѣ Кондорсэ пишетъ въ своемъ журналѣ, «что извѣстія весьма сомнительны, и что вся цѣль ихъ въ созданіи для короля французовъ заморскаго царства, заключающаго и властелиновъ, и рабовъ»; тамъ-же бапраль національной гвардіи, въ силу своей личной власти, отдаетъ приказаніе королю не выходить изъ сада своего дворца, во избѣжаніе его побѣга, и приказываетъ часовымъ совсѣмъ не выпускать его послѣ девяти часовъ вечера; въ Тюльери всевозможные ораторы то и дѣло изобличаютъ аристократовъ и священниковъ; въ Палэ-Роялѣ настоящій пандемоній общественнаго разврата и самыхъ возмутительныхъ рѣчей ¹⁾; во всѣхъ

¹⁾ Главный свидѣтель этому Сэнъ-Юрюжъ. Жюстинъ появляется въ Палэ-Роялѣ въ серединѣ 1791 года; тамъ выставляютъ напоказъ двухъ подставныхъ дикарей, которые продѣлываютъ передъ платящею публикою возмутительныя сцены изъ нравовъ и обычаевъ жителей Отаупи (Воспоминанія М. Х.).

кварталахъ безпрестанные бунты, буйства и воровства, при полнѣйшей безнаказанности воровъ; никакой полиціи; всѣ суды завалены дѣлами; недостаточное количество тюремъ для огромной массы преступниковъ; почти всѣ богатые отели закрыты; въ одномъ Сѣнъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ годовое потребленіе уменьшается на 250 тысячъ; 20,000 клеименныхъ мошенниковъ проводятъ дни въ разныхъ притонахъ разврата, въ театрахъ, въ Палэ-Роллѣ, въ національномъ собраніи, въ кафе; тысячи нищихъ наполняютъ улицы, переулки, площади; вездѣ картина самой глубокой и въ то-же время самой отталявающей нищеты, такъ какъ она соединена съ дерзостью; стаи оборвышей, существующія лишь продажей бумажныхъ асигнацій, самыхъ разнообразныхъ и выпускаемыхъ какъ только заблагоразсудится, разорванныхъ на кусочки, продаваемыхъ и отдаваемыхъ въ видѣ грязныхъ лохмотьевъ, грязнѣе тѣхъ, которые покрываютъ ихъ жалкихъ продавцевъ; на 700,000 жителей приходится 100,000 бѣдныхъ, изъ которыхъ 60,000 стеклись изъ другихъ департаментовъ; между ними 31,000 немущихъ, распущенныхъ изъ общественныхъ мастерскихъ въ прошломъ іюнѣ и, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, снова вернувшихся въ это огромное гнѣздо бродяжничества и разнузданности, чтобы распатать своею беспорядочною массою и безъ того шатко сложенное зданіе общественнаго управленія и усилить собою народныя сборища и бунты. Въ Парижѣ и въ провинціи вездѣ равно по всѣмъ степенямъ іерархіи царствуетъ неповиновеніе: здѣсь, директоріи департаментовъ противятся приказаніямъ министровъ; тамъ, муниципалитеты отвергаютъ распоряженія своихъ директорій; дальше, цѣлыя общины, насильственно распоряжающіяся своимъ маромъ; въ иныхъ мѣстностяхъ солдаты и матросы арестующіе своихъ-же начальниковъ; подсудимые, издѣвающіеся надъ своими-же судьями и заставляющіе ихъ отступить отъ произнесеннаго приговора; толпы, облагающія налогомъ хлѣбъ на рынкахъ или просто грабящія его; національные гвардейцы, не позволяющіе продавать хлѣбъ или произвольно захватывающіе его; отсутствіе всякой безопасности относительно собственности, жизни и совѣсти; большинство французовъ, на дѣлѣ лишонное права исповѣдывать вѣру по своему убѣжденію и вотировать при избираніяхъ; для высшихъ классовъ націи, духовныхъ и дворянъ, офицеровъ арміи и флота, значительныхъ негоціантовъ и помѣщиковъ, ни малѣйшей безопасности ни днемъ, ни ночью, полнѣйшая невозможность добиться правосудія, никакихъ поземельныхъ доходовъ, а только обличеніе,

изгнаніе, насильное затворничество, постоянныя нападенія и осады, запрещеніе соединяться даже въ виду охраны закона и подъ покровительствомъ законныхъ-же властей; какъ разительный контрастъ всему этому, преобладаніе и безнаказанность секты, образующей отдѣльную политическую корпорацію, «распространяющую свои развѣтвленія по всему государству и даже за его предѣлы, имѣющую свою кассу, свои комитеты, свои постановленія, распоряжающуюся правительствомъ, предписывающую закону», захватывающую или заправляющую администраціей вездѣ, начиная отъ столицы и кончая послѣдней деревенькой. Свобода, равенство, владычество закона, все это существуетъ лишь на словахъ. Изъ числа трехъ тысячъ декретовъ, рожденныхъ учредительнымъ собраніемъ, самые восхваленные, самые разукрашенные философскимъ крещеніемъ, оазываются не болѣе какъ жалкими выкидышами, для которыхъ Франція дѣлается обширнымъ кладбищемъ. Что существуетъ въ дѣйствительности подъ обманчивымъ видомъ объявленнаго, признаннаго и сотни разъ клятвами подтвержденнаго права, это, съ одной стороны, притѣсненіе высшаго и образованнаго класса, у котораго отнимаютъ всѣ человѣческія права, а съ другой стороны, тиранія грубой и фанатической толпы, присвоивающей себѣ всѣ верховныя права.

II.

Тщетно протестуютъ честные люди собранія противъ тако-го невиданнаго произвола и насилія. Собраніе, руководимое якобинцами, или принужденное покориться имъ, передѣлываетъ законъ исключительно съ цѣлью окончательно забыть притѣсненныхъ и снабдить еще большею властью притѣснителей. Не дѣлая различій между вооруженными сборищами въ Кобленцѣ, которыя оно имѣетъ право преслѣдовать, и втрое болѣе многочисленными бѣглецами, женщинами, стариками, дѣтьми, все людьми непричастными и совершенно безвредными, не говоря уже о дворянахъ, но даже и между среднимъ сословіемъ¹⁾, бѣжавшими исключительно въ видахъ спасенія отъ притѣсненій черни, оно конфискуетъ имущество всѣхъ эмигрантовъ и приказываетъ

¹⁾ «Мониторъ», XI, 317, засѣданія 6 февраля 1792 года. Рвчъ министра Кайе: «Много эмигрантовъ принадлежитъ къ такъ называемому среднему классу. Причину ихъ эмиграція можно приписать исключительно религіознымъ безпокойствамъ».

пустить его въ продажу¹⁾. Новымъ постановленіемъ о паспортахъ оно приковываетъ всѣхъ къ ихъ настоящему мѣстожительству и подчиняетъ право ихъ переѣзжать даже внутри государства произволу каждаго якобинскаго муниципалитета²⁾. Оно окончательно раззоряетъ ихъ, уничтожая безъ всякаго вознагражденія остающуюся часть ихъ поземельнаго дохода и всѣ господскія и владѣльческія права, признанныя законными учредительнымъ собраніемъ. Оно, по мѣрѣ возможности, уничтожаетъ ихъ исторію и ихъ прошлое, сжигая въ общественныхъ архивахъ и хранилищахъ всѣ ихъ родословныя и разрядныя книги³⁾. Оно отнимаетъ у всѣхъ неприсягнувшихъ священниковъ, т. е. у двухъ третей духовенства во Франціи, его насущный хлѣбъ, ту маленькую пенсію, выдаваемую имъ на пропитаніе въ видѣ выкупа за ихъ конфискованныя имущества; оно объявляетъ ихъ «заподозрѣнными въ возстаніи противъ закона и въ дурныхъ намѣреніяхъ противъ отечества»; оно подвергаетъ ихъ особому присмотру; оно позволяетъ мѣстнымъ администраціямъ изгонять ихъ въ случаѣ смуть или безпорядковъ, безъ предварительнаго суда; оно даже подвергаетъ ихъ въ данномъ случаѣ ссылкѣ⁴⁾.

¹⁾ Декретъ 9 ноября 1791 года. Этотъ первый декретъ имѣетъ повидимому въ виду лишь вооруженныя сборища на границѣ; однако изъ дебатовъ ясно, что дѣло касается всѣхъ эмигрантовъ вообще. Корреспонденція Мирабо и графа деля-Марка, III, 264. Письмо де-Пеллена, 12 ноября 1791 года. «Декретъ (противъ эмигрантовъ) былъ подготовленъ въ комитетахъ; ожидали ихъ возвращенія, но опасались его. Боялись, чтобы дворяне по своимъ помѣстьямъ, соединившись съ неприсягнувшими священниками, не придали бы еще больше силы и безъ того стѣснительному для нихъ сопротивленію. Но обнародованный декретъ повидимому лишь способствовалъ къ удержанію эмигрантовъ за предѣлами государства».

²⁾ Декретъ 1 февраля, 1792 года. «Мониторъ», XI, 412, засѣданіе 17 февраля. Рѣчь Гупилло. «Со времени декрета національнаго собранія о паспортахъ, эмиграція усилилась». Всѣ покидали Францію, спасаясь изъ нея, какъ отъ тюрьмы.

³⁾ Декретъ 19 іюня, «Мониторъ», XIII, 331. «Во имя закона, во вторникъ 7 августа, на Вандомской площади, въ 2 часа дня будутъ сожжены: во первыхъ, 600 картоновъ, или около того, составляющихъ послѣднюю часть собранія родословныхъ, титуловъ и правъ на дворянство; во вторыхъ, 200 картоновъ, составляющихъ часть работы въ 263 тома, касательно ордена Святаго Духа».

⁴⁾ Лъжандръ предлагаетъ въ клубѣ якобинцевъ болѣе быструю и рѣшительную мѣру, чтобы избавиться отъ священниковъ. «Въ Брестѣ, говоритъ онъ, существуютъ суда, называемыя *Marie-Salopes*; ихъ нагружаютъ нечистотами и онѣ устроены такимъ образомъ, что послѣ нагрузки сами отплываютъ на середину рейда и тамъ выбрасываютъ свой грузъ. Устроимся такъ же со священниками; только пошлемъ ихъ дальше въ самое море, и пусть, если нужно, и сами суда идутъ вмѣстѣ съ ними ко дну» («Журналъ друзей конституціи» № 194, 15 мая 1792 года).

Оно запрещаетъ и уничтожаетъ всѣ мірскія конгрегаціи мужчинъ или женщинъ, духовныя и свѣтскія, не исключая и тѣхъ, которыя имѣютъ единственною цѣлью уходъ за больными въ госпиталяхъ и частныхъ домахъ, а также занимающихся первоначальнымъ воспитаніемъ, что отнимаетъ у 600,000 дѣтей возможность выучиться читать и писать. Оно воспрещаетъ духовенству носить его платье; оно продаетъ епископскіе дворцы, дома, еще занятые монахами или монахинями. Оно рукоплещетъ священнику, представляющему ему свою жену. Оно не только уничтожаетъ, но сперва надругивается, и составители всѣхъ утверждаемыхъ декретовъ прибавляютъ къ ихъ громовому удару убійственный градъ поношеній, клеветъ и тяжкихъ оскорбленій. «Конгрегаціи, говоритъ одинъ изъ депутатовъ, — внушаютъ дѣтямъ ядовитыя понятія аристократизма и фанатизма». «Очистите села, говоритъ Лягреволь, — отъ гадовъ, ихъ пожирающихъ». «Каждому извѣстно, восклицаетъ Изнаръ, — что священникъ такъ же подлъ, какъ мстительнъ. Отошлите этихъ зачумленныхъ въ лазареты Рима и остальной Италіи. Какая польза въ религіи, нелюдимой по своей природѣ и неповорной по принципу?» Неприсягнувшіе, эмигрировавшіе въ дѣйствительности, расположенные къ эмиграціи, «крупные собственники, богатые негоціанты, лживые умѣренные», всѣ они отертыя заговорщики или тайные враги. Имъ приписываютъ всѣ общественныя невзгоды и бѣдствія. «Причина безпокойствъ, волнующихъ колоніи, говоритъ Бриссо, — это дьявольская гордость бѣлыхъ, трижды преступившихъ договоръ, который они трижды поклялись исполнить». Ихъ собственною злонамѣренностью легко объясняется недостатокъ работы и причиненный этимъ недостаткомъ голодъ. «Многіе богатые люди, говоритъ Франсуа де-Навтъ, — оставляютъ земли свои невоздѣланными, поля неспаханными, для того, чтобы насладиться нуждою народа». Раздѣляютъ Францію на двѣ части: съ одной стороны, аристократія, которой приписываютъ всѣ пороки, съ другой — народъ, котораго одѣляютъ всѣми добродѣтелями. «Каждый день, говоритъ Лямаркъ, — богатые бывшіе дворяне подло покидаютъ защиту свободы, надѣвъ передъ тѣмъ маску патріотизма исключительно съ цѣлью обмануть насъ. Не въ этомъ классѣ, а между гражданами, презрительно именуемыми народомъ, встрѣчаются души чистыя, горячія, дѣйствительно заслуживающія свободы». Еще одинъ шагъ — и добрымъ позволять все противъ злыхъ; тѣмъ хуже для аристократовъ, если ихъ постигнетъ несчастье. Офицеры, которыхъ забрасываютъ камнями, какъ де-ля-Жайля и другихъ, «не могли ничѣмъ

избѣжать народной расправы»¹⁾. Изнаръ восклицаетъ съ вышины трибуны: «Народъ сдѣлался палачомъ, вслѣдствіе долгой безнаказанности преступниковъ; да, гнѣвъ народа, подобно гнѣву Божію, часто лишь грозное дополненіе безмолвія закона». Другими словами, оправдываютъ преступленіе и возбуждаютъ противъ тѣхъ, которыхъ уже избиваютъ втеченіи двухъ лѣтъ, все новыя и новыя убійства.

Естественнымъ образомъ слѣдуетъ, что если жертва винов-

¹⁾ Слова Бриссо. («Французскій Патриотъ, Patriote Français, № 887.) Письмо, написанное 5 января въ брестскомъ клубѣ, господами Ковалье и Маляси, депутатами въ національномъ собраніи: «Что же касается событія съ господиномъ ля-Жайль, несмотря на все наше къ нему участіе, мы принуждены сознаться, что этотъ завзятый аристократъ слишкомъ его заслужилъ. Мы усновою лишь тогда, когда уничтожимъ всѣхъ измѣнниковъ, всѣхъ клеветопреступниковъ, которыхъ мы слишкомъ долго щадили. («Французскій Меркурій, Mercure), № 4 февраля). Дѣло ля-Жайль одно изъ наиболее поучительныхъ и тщательно документированныхъ. (Національный архивъ, F; 3215, протоколъ окружныхъ администраторовъ и брестскихъ муниципальныхъ чиновниковъ, 27 ноября 1791 года. Письмо де-Мариньи, морскаго комисара въ Брестѣ, 28 ноября. Письма де-ля-Жайля и т. д.). Г. де-ля-Жайль, посланный въ Брестъ, чтобы принять команду надъ Дюгей-Трузнонь, призываетъ 27 ноября. Пока онъ объявляетъ, двадцать человекъ входятъ въ комнату и объявляютъ ему, отъ имени многихъ, что присутствіе его въ Брестѣ возбуждаетъ волненіе, что онъ долженъ удалиться, и что его не допустятъ до командованія судномъ. Онъ отвѣчаетъ, что оставить городъ немедленно послѣ обѣда. Тогда является новая и еще болѣе многочисленная депутація, требующая его немедленнаго удаленія и подъ конвоемъ. Онъ покоряется; его провожаютъ до городскихъ воротъ, послѣ чего конвоемъ удаляется. Толпа сейчасъ же набрасывается на него и покрываетъ контузиями все его тѣло. Его съ большимъ трудомъ спасаютъ шестеро добрыхъ людей, между которыми находится одинъ мясникъ. «Буйство это происходитъ вслѣдствіе рѣшенія чрезвычайнаго засѣданія клуба друзей конституціи, собравшагося наканунѣ въ театральную залу при многочисленномъ стеченіи публики.» Замѣтите, что де-ля-Жайль не принадлежитъ къ числу высококомѣрныхъ аристократовъ, но одинъ изъ тѣхъ мягкихъ, чувствительныхъ людей, каковы почти всѣ герои Флоріана и Беркена. Весь избитый и едва живой, онъ лишь пишетъ президенту Друзей конституціи въ Брестѣ, что онъ весь такъ и стремится въ лоно ихъ общества, дабы принести имъ свою дань сочувствія и благодарности. Онъ принялъ командованіе судномъ, единственно вслѣдствіе убедительныхъ просьбъ, собравшихся въ Парижѣ американцевъ и шести комисаровъ, недавно прибывшихъ изъ Севъ-Доминго. «Французскій Меркурій», № 14 апреля, статья Малль-Дюпана: «Я тщательно взывалъ къ законному возмездію противъ убійцъ г. де-ля-Жайля; всѣ рѣшительно въ Брестѣ знаютъ зачинщиковъ нападенія, совершеннаго днемъ, открыто, и которое могутъ подтвердить тысячи свидѣтелей. Самая процедура уже начата, приговоръ промолвленъ, но все еще не приводится въ исполненіе. Бунтовщики, покровители убійцъ, чувствуя себя сильнѣе закона, устрашаютъ министровъ и парализуютъ ихъ дѣйствія.»

на, то палачи ихъ люди честные, и собраніе, преслѣдующее однихъ всѣми своими карами, прибегаетъ для другихъ всю свою снисходительность. Оно оправдываетъ безчисленныхъ дезертировъ, покинувшихъ свои знамена до 1 января 1789 года. Оно выдаетъ имъ по 3 су за каждую милю на дорогу, возвращаетъ ихъ на ихъ прежнее мѣстожителство и въ ихъ прежній полкъ, для того, чтобы они сдѣлались, наравнѣ съ своими товарищами, уже послѣ ихъ дезертировавшими, вожакими, или пособниками возстаній. Оно освобождаетъ отъ каторги извѣстныхъ сорокъ швейцарцевъ Шатовъ, что было сдѣлано противъ воли ихъ собственныхъ кантоновъ; оно не мѣшаетъ тому, что этихъ «мучениковъ свободы» развозятъ по Парижу на триумфальной колесницѣ; оно допускаетъ ихъ въ собраніе и даже торжественнымъ выборомъ само приглашаетъ ихъ къ участию въ засѣданіи. Наконецъ, словно оно задало себѣ цѣлью напустить на общество самую дикую и самую разнузданную сволочь, оно милуетъ Журдана, Менвеля, Дюпра, Рафеля, извѣстныхъ преступниковъ, бѣглыхъ каторжниковъ, которые сами назвали себя «храбрыми авиньонскими разбойниками» и въ продолженіи семнадцати мѣсяцевъ опустошали это графство; оно останавливаетъ почти оконченный процессъ глясберскихъ убійцъ; оно допускаетъ дѣлаемую имъ торжественную встрѣчу, какъ побѣдителямъ; не мѣшаетъ имъ даже захватить въ свои руки власть разбѣжавшихся авиньонскихъ администраторовъ и обращаться съ завоеваннымъ городомъ, какъ съ своею неотъемлемою добычею. Это значило уже сознательно, намѣренно покрывать общественное тѣло отвратительными червями и насѣкомыми, тѣло и безъ того все потрясенное внутреннею, снѣдающею его горячкою. Изъ лона собранія исходятъ непрерывно, подобно пагубнымъ миазмамъ, самыя анархическія, самыя смертоносныя правила и постановленія. Полнѣйшая общественная нивелировка возводится тамъ на степень принципа. «Равноправность, говоритъ Ламаркъ, — можетъ поддерживаться лишь непрерывнымъ стремленіемъ къ равному раздѣлу всѣхъ состояній»; и теорія эта примѣнялась на практикѣ, такъ какъ повсемѣстно пролетаріи грабили собственниковъ. «Раздѣлите общинныя владѣнія», говоритъ Франсуа де-Нантъ — между гражданами сосѣднихъ деревень, соображаясь съ ихъ настоящимъ состояніемъ, такимъ образомъ, чтобы тотъ, кто владѣетъ меньшею долею наследственной собственности, получилъ бы большую долю при раздѣлѣ». Представьте себѣ впечатлѣніе, произведенное подобнымъ предложеніемъ, прочитаннымъ на посидѣлкахъ крестьянамъ, только что требовавшихъ

отъ своего помѣщика уступки въ ихъ пользу его лѣса. М. Корнель воспрещаетъ взимать въ государственную казну какой бы то ни было налогъ на плату за физическій трудъ, такъ какъ сама природа, а не общество, даетъ намъ право на существованіе; взамѣнъ того, онъ предоставляетъ фиску право взимать весь доходъ, такъ какъ онъ установленъ обществомъ, а не природою; изъ чего слѣдуетъ, по его мнѣнію, что нужно освободить отъ всякаго налога бѣдное большинство и обложить всевозможными налогами богатое меньшинство. Система весьма подходящая, аргументъ весьма убѣдительный для того, чтобы доказать недостаточнымъ и неимущимъ изъ числа обложенныхъ податью, т. е. сопротивляющемуся большинству, всю справедливость взимаемаго съ него налога и обязанность платить его. «Въ царствованіе свободы, говоритъ президентъ Даверу, — народъ не только имѣетъ право на пропитаніе, но и на избытокъ и на счастье». Если онъ въ нищетѣ, значить его обманули, предали. «Съ той вышины, на которую поднялся французскій народъ, говоритъ другой президентъ, — онъ видитъ бури лишь у своихъ ногъ». А между тѣмъ буря надвигалась и разражалась надъ его головой; война поднималась на горизонтѣ, какъ черная туча, охватывающая весь небосклонъ, разрѣшалась громомъ и молніей, и своимъ огненнымъ кругомъ охватывала всю Францію, переполненную взрывчатыми веществами, и само собраніе навлекло эту бурю на націю, какъ слѣдствіе громаднѣйшей изъ всѣхъ своихъ ошибокъ.

III.

А будь у него нѣсколько благоразумія, оно смогло бы отстранить эту бурю. Заявлялись двѣ главнѣйшія претензіи — одна Францію, другая — Германскою Имперію. Франція протестовала, по справедливости, противъ сборищъ эмигрантовъ, которыхъ императоръ и курфирсты терпѣли въ своихъ владѣніяхъ. Но, съ одной стороны, могли ли быть опасны или страшны нѣсколько тысячъ дворянъ, не имѣвшихъ ни настоящихъ солдатъ, ни амуниціи, ни продовольствія, ни даже денегъ ¹⁾ и къ тому же, сборища ихъ,

¹⁾ «Мониторъ», X, 178, засѣданіе 20 октября 1791 г. Изъ сообщеній, данныхъ депутатами Верхняго и Нижняго Рейна. М. Кохъ: «Никогда и не существовало арміи эмигрантовъ, а развѣ жалкое скопище, расположенное около Эттенгейма въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Страсбурга. Толпа эта разиѣстлась въ палаткахъ лишь

гораздо ранѣе рѣшительнаго часа были разсѣяны сперва императоромъ въ его собственныхъ владѣнiяхъ, а по прошествiи двухъ недѣль курфиристомъ Трирскимъ въ его курфиршество¹⁾. Съ другой стороны, нѣмецкiе принцы, имѣвшiе владѣнiе въ Альзасѣ, требовали, въ силу трактатовъ, возвращенiя имъ феодальныхъ правъ, уничтоженныхъ въ ихъ французскихъ земляхъ, и сеймъ воспрещалъ имъ принятiе предложеннаго вознагражденiя за убытки. Но ничего не было легче и удобнѣе, какъ по возможности тянуть нескончаемые переговоры съ сеймомъ, тѣмъ болѣе, что промедленiе это не представляло ни малѣйшаго неудобства, въ виду того, что, въ ожиданiи, запротестовавшiе такъ и оставались съ пустыми руками. Даже, если за выставляемыми предлогами, станешь доискиваться дѣйствительныхъ намѣренiй, то нѣтъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что до конца января 1792 г. Австрія держалась исключительно миролюбивой политики. То, чего добился отъ нея графъ д'Артуа въ силу пильницкой деклараціи, было лишь пустыми словами, однимъ наружнымъ видомъ безсодержательнаго обѣщанiя, помощью, подчиненною взаимному рѣшенiю и соглашенiю всей Европы, другими словами, обѣщанiемъ напередъ уничтоженнымъ, вслѣдствiе

за неимѣнiемъ зданiй и казармъ». М... депутатъ Нижняго Рейна: «Эта эттенгеймская армія состоитъ приблизительно изъ 500 или 600 человекъ плохо одѣтыхъ, плохо содержимыхъ, которымъ платятъ весьма несправно; это по большей части дезертиры всевозможныхъ національностей, помѣщенные въ палаткахъ, за неимѣнiемъ зданiй, вооруженные палками, за неимѣнiемъ ружей, и безпрестанно дезертирующіе, вслѣдствiе совершеннаго прекращенiя какой либо платы. Вторая армія, находящаяся въ Вормсѣ, подъ начальствомъ Кюнде, состоитъ изъ 300 дворянъ съ такимъ же количествомъ слугъ и конюховъ. Нахожу нужнымъ прибавить, что письма, доставленныя мнѣ изъ Страсбурга, заключающія въ себѣ извлеченiя изъ расположенiя и намѣренiй Франкфурта, Мюнхена, Ратисбона и Вѣны, указываютъ на самую миролюбивую политику со стороны различныхъ дворовъ, со времени заявленiя о принятiи королемъ конституціи». Число вооруженныхъ эмигрантовъ постепенно увеличивается, однако оно еще крайне незначительно. Ib., X, 678. Письмо М. Делятуша, очевидца, 10 декабря: «Предполагаю, что число эмигрантовъ, разсѣянныхъ во владѣнiяхъ принца Баденскаго, епископа Шпейерскаго, у курфирстовъ и т. д., доходитъ едва лишь до 4,000 человекъ».

¹⁾ Ib., X, 418, заведенiе 15 ноября 1791 г. Докладъ министра Делессара. Императоръ въ августѣ мѣсяцъ издалъ приказъ, воспрещающій вербованiе и приказывающій удаленiе подозрительныхъ французовъ; въ октябрѣ же другой, имѣющій въ виду удаленiе изъ Ата и изъ Турне слаткомъ многочисленныхъ французовъ. Корреспонденція Мирабо и де-ля-Марка, III, 287. Письмо де-Мерси-Аржанто, 9 января 1792 г. «Императоръ обѣщалъ свою помощь курфирсту, только съ условiемъ, что онъ уступитъ требованiямъ Франціи, а иначе, въ случаѣ нападенiя, ему не будетъ оказано ни малѣйшей помощи».

неопредѣленной отсрочки, и потому, такъ называемый союзъ князей «былъ отнесенъ представителями политики къ разряду августѣйшихъ комедій» ¹⁾).

Ни мало не стремясь вооружиться противъ новой Франціи, во имя старой, императоръ Леопольдъ и его министръ Кауницъ были несказанно обрадованы тѣмъ, что конституція была окончена и принята королемъ; «это ихъ выводило изъ затруднительнаго положенія» ²⁾, равно какъ и Прусію. Въ дѣлѣ правленія государствами величайшимъ двигателемъ не премѣнно является политическій интересъ, а обѣ державы нуждались во всѣхъ своихъ силахъ, чтобы обратить ихъ въ другую сторону, а именно къ Польшѣ, одна съ цѣлью замедлить, другая же—ускорить ея раздѣлъ, а въ случаѣ раздѣла, стремясь захватить побольше, предоставивъ Россіи по возможности меньшую часть. Такимъ образомъ монархи Прусіи и Австріи пока совсѣмъ еще не помышляли ни объ освобожденіи Людовика XVI, ни о возвращеніи эмигрантовъ, ни о завоеваніи французскихъ провинцій, и если можно было ожидать выраженія ихъ личнаго неудовольствія, то никакимъ образомъ не приходилось опасаться ихъ вооруженнаго вмѣшательства. Со стороны Франціи, конечно, не самъ король стремился къ разрыву; онъ слишкомъ хорошо зналъ, что всѣ неудачи и случайности войны падутъ смертельною опасностью на его собственную голову и на все его семейство. И тайно, и явно, всякій разъ какъ онъ пишетъ эмигрантамъ, онъ дѣлаетъ это съ цѣлью вернуть ихъ или удержать ихъ порывы. Въ своей частной корреспонденціи, обращенной къ державамъ, онъ проситъ не матеріальной помощи, но нравственной поддержки, опоры извнѣ, предоставляемой конгрессомъ, который бы далъ возможность умѣреннымъ людямъ, приверженцамъ порядка, землевладѣльцамъ, ободриться и вооружиться противъ анархіи, царящей вокругъ трона и законовъ. Корреспонденція его черезъ министровъ принимаетъ всѣ

¹⁾ «Мемуары» Малле-Дюпана, I, 254 (февраль 1792 г.). Корреспонденція Мирабо и де-ля-Марка, III, 232 (Замѣтка де-Бакура). Въ тотъ же день и въ ту же минуту какъ былъ подписанъ пильницкій договоръ, въ 11 часовъ вечера, императоръ Леопольдъ пишетъ своему первому министру Кауницу, «что договоръ, который онъ только что подписалъ, ни къ чему рѣшительно его не обязываетъ; что онъ содержитъ лишь пустыя деклараціи, вынужденныя настоятельными просьбами графа д'Артуа». Онъ заканчиваетъ письмо свое увѣреніемъ, что «ни онъ, ни его правительство ничуть и ни въ чемъ не связаны этимъ договоромъ».

²⁾ Слова Кауница, 4 сентября 1791 г. («Сборникъ Вивено», I, 242).

Мѣры, чтобы самому не поджечь, или не дать поджечь пороха. Въ самый критическій моментъ совѣщаній, черезъ посредство своего министра иностранныхъ дѣлъ Деллесара, онъ умоляетъ депутатовъ обдумать и разсѣрить свои слова, и ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ «срочному требованію». Онъ противится до конца, насколько это позволяетъ его безхарактерность. Когда онъ наконецъ принужденъ былъ объявить войну, онъ предварительно требуетъ мнѣнія всѣхъ своихъ министровъ за ихъ личною подписью, и произноситъ пагубныя слова лишь вынужденный послѣднею крайностью, «со слезами на глазахъ», по настоянію собранія, обвинившаго Деллесара въ государственной измѣнѣ, предавшаго его суду и считающаго всякій осмотрительный шагъ предательствомъ.

И такъ само собраніе бросало на произволь разъярившихся волнъ невѣдомаго моря разбитое, неоснащенное судно, не имѣвшее руля и давшее течь со всѣхъ сторонъ; оно само разрѣзало канатъ, связывавшій его съ гаванью, чего не осмѣливались и не желали сдѣлать всѣ иностранныя державы. На этотъ разъ опять явились вожаками жирондисты, и они же держали тоноръ; съ конца ноября они начали усиленно рубить имъ¹⁾. Исключеніемъ являются въ этомъ случаѣ крайніе якобинцы. Кутонъ, Колло-Дербуа, Дантонъ и Робеспьеръ не сходятся съ ними въ взглядахъ; Робеспьеръ, сперва предлагавшій запереть императора въ «Понцилевскій кругъ», боится предоставить королю слишкомъ много власти, самъ не довѣряетъ и проповѣдуетъ недовѣріе. Но вся огромная масса партіи, мнѣніе шумнаго большинства, идетъ вслѣдъ за отважными представителями и даже подталкиваетъ ихъ. Изъ всего, что необходимо знать при веденіи такого сложнаго дѣла, имъ ровно ничего неизвѣстно; они не имѣютъ понятія ни о государственныхъ совѣтахъ, ни о дворахъ, ни о народахъ, ни о трактатахъ, ни о прецедентахъ, ни о формахъ, необходимыхъ въ данномъ случаѣ, ни объ обязательномъ слогѣ. Въ качествѣ руководителя и совѣтника при сношеніяхъ съ иностранными державами является Бриссо, основывающій свое первенство на ихъ невѣжествѣ, и который былъ возведенъ на степень государственнаго человѣка, втеченіи нѣ-

¹⁾ «Мониторъ», X, 172, засѣданіе 20 октября 1791 года. Рѣчь Бриссо.—Ляфайетъ, I, 441: «Въ то время жирондисты желали войны во что бы то ни стало». Малувъ, II, 209: «Бриссо хвалился тѣмъ, что республиканская партія требовала войны и старалась возбудить ее всевозможными оскорбленіями, направленными противъ державъ».

сколькихъ мѣсяцевъ, на виду у всей Европы ¹⁾). Насколько возможно вмѣнять въ вину одному человѣку общеевропейское бѣдствіе, настолько онъ за него отвѣтственъ. Какая-то ничтожность, человѣкъ рожденный въ лавкѣ пирожника, воспитанный въ конторѣ стряпчаго, бывший полицейскій агентъ съ вознагражденіемъ 150 франковъ въ мѣсяцъ, бывший сообщникъ торговцевъ клеветы и подрядчиковъ шантажа ²⁾, авантюристъ пера, смутникъ и самоувѣренный полуневѣжда, который, съ своими полусвѣдѣніями кочевника, съ своими поверхностными идеями газетчика, съ своею ученостью, почерпнутою изъ жалкихъ библиотекъ для чтенія ³⁾, съ своею болтовнею зауряднаго писака, съ своими декламаціями клубиста, дерзаетъ рѣшать судьбы Франціи и накликаетъ на Европу войну, которая уничтожитъ шесть миліоновъ жизней. Сидя на своемъ несчастномъ чердакѣ, гдѣ жена его сама стираетъ его рубашки, онъ съ наслажденіемъ укоряетъ властителей, и для начала, 20 октября, ругается на трибунѣ надъ тридцатью чужеземными монархами ⁴⁾. Задушевное и тонкое наслажденіе, составляющее каждодневную пищу новаго фанатизма, которою не пренебрегаетъ упиваться и сама мадамъ Роланъ, что видно изъ тѣхъ двухъ знаменитыхъ писемъ ея, гдѣ, самымъ высокоумнымъ тономъ, она сперва поучаетъ короля, а затѣмъ папу ⁵⁾. Бриссо приравниваетъ себя къ Людовику XIV и усердно совѣтуетъ якобинцамъ подражать дерзостямъ великаго монарха ⁶⁾. Неумѣлость непосвященнаго, щепе-

¹⁾ Слова короля шведскаго Густава III, убитаго Ангерстремомъ: «Хотѣлось бы мнѣ знать, что на это скажетъ Бриссо».

²⁾ О прошломъ Бриссо, Эдмондъ Бире: «Легенда о жирондистахъ»: «лично Бриссо былъ честенъ и остался бѣденъ. Но ему пришлось пробираться черезъ массу лужъ и вынести на себѣ много брызгъ грязи. Онъ помогаль распространять одну очень грязную книгу, «Чортъ въ кропильницѣ», и въ 1783 году, получивъ 13,355 франковъ для основанія лица въ Лондонѣ, онъ лица не основываетъ и денегъ не отдаетъ».

³⁾ «Мониторъ», XI, 147. Рѣчь Бриссо 17 января. Примѣры, которымъ онъ руководится: Карлъ XII, Людовикъ XIV, адмиралъ Блекъ, Фридрихъ II и т. д.

⁴⁾ Ib., X, 174.

⁵⁾ Письмо Роланъ королю, 10 іюня 1792 г. и письмо исполнительнаго совѣта папѣ, 25 ноября 1792 г. Письмо мадамъ Роланъ къ Бриссо, 7 января 1791 года: «Прощайте, и только. Женѣ Катона не подобаетъ говорить пустыхъ любезностей Бруту».

⁶⁾ Бюше и Ру, XII, 410, засѣданіе якобинцевъ 16 декабря 1791 г. «Людовикъ XIV объявлялъ войну Испаніи вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго его посланнику посланникомъ испанскимъ. А мы, пользующіеся свободой, неужели мы станемъ колебаться хоть минутой!»

тильность выскочки, добавляется тугостью сектанта. Якобинцы отрицают историческое право во имя отвлеченнаго; они свесоа и насильно распространяют истину, которой они сами апостолы, и позволяют себѣ все то, что такъ строго воспрещаютъ другимъ. «Скажемъ Европѣ, восклицаетъ Изнаръ, что достаточно десяти миліоновъ французовъ, вооруженныхъ мечомъ, перомъ, разумомъ и краснорѣчіемъ, для того, чтобы перестроить весь міръ и заставить содрогаться всѣхъ тирановъ на ихъ глиняныхъ тронахъ, если насъ принудятъ къ тому вслѣдствіе раздраженія». «Вездѣ, гдѣ только тронъ, добавляетъ Геро-де-Сешель,—тамъ мы имѣемъ врага». «Не можетъ быть искреннаго соглашенія, говоритъ Бриссо,—между тираніей и свободой. Ваша конституція это вѣчное провлятіе всѣмъ неограниченнымъ монархамъ. Она подвергаетъ ихъ суду, она произноситъ ихъ приговоръ, она словно говоритъ каждому изъ нихъ: если ты еще останешься завтра царемъ, то лишь по волѣ самаго народа. Въ настоящее время война благодѣтельна для націи; и единственное бѣдствіе которое можетъ ее постигнуть, это отказъ войны»¹⁾». Скажите королю, восклицаетъ Женсоннѣ,—что война необходима, что ее требуетъ общественное мнѣніе, что спасеніе государства обращаетъ это требованіе въ законъ».

«Положеніе, въ которомъ мы находимся, заключаетъ Вернио,—есть начало полнѣйшаго разрушенія, могущаго привести насъ къ позору и къ смерти. И такъ, въ оружію, въ оружію! Граждане, сыны свободы, защищайте вашу свободу, упрочьте надежду на нее для всего человѣчества. Не пренебрегайте выгодю вашего положенія; нападайте, когда все рѣшительно предвѣщаетъ вамъ самый блистательный успѣхъ. Мнѣ кажется, что я вижу души прошлыхъ поколѣній, толпящіяся въ этой хранилѣ, чтобы умолить васъ, во имя всѣхъ бѣдствій, навлеченныхъ на нихъ рабствомъ, спасти отъ нихъ будущія поколѣнія, судьбы которыхъ въ вашихъ рукахъ. Внемлите же этой мольбѣ; будьте отнынѣ новымъ Провидѣніемъ; слейтесь съ предвѣчною справедливостію!»—Всѣ эти витійственныя марсельезы не даютъ мѣста серьезнымъ совѣщаніямъ. На заявленіе и требованіе императора

¹⁾ «Мониторъ», XI, 147, 149, засѣданіе 17 января; X, 759, засѣданіе 28 декабря.—Уже 16 декабря онъ говорилъ въ клубѣ якобинцевъ: «Народу, завоевавшему себѣ свободу послѣ десяти вѣковъ рабства, необходима война, и война нужна для упроченія этой свободы». (Бюше и Ру, XII, 410).—17 января съ трибуны собранія онъ опять повторяетъ: «Я опасаясь лишь одного,—что у насъ не будетъ войны».

въ пользу князей-владѣльцевъ въ Альзасѣ, Бриссо отвѣчаетъ, что «владычество народовъ не можетъ быть связано договорами тирановъ». Что-же касается сборищъ эмигрантовъ, то разъ императоръ уступилъ въ данномъ случаѣ, отчего-же ему не уступить и въ остальныхъ. Пусть онъ формально отречется отъ всякаго союза противъ Франціи. «Я хочу, говоритъ Бриссо,— чтобы война была объявлена 10 февраля, если до тѣхъ поръ не получится это отреченіе». Онъ не допускаетъ никакихъ объясненій, онъ требуетъ прямого удовлетворенія: «требуя удовлетворенія, мы ставимъ императора въ зависимое отъ насъ положеніе» ¹⁾).

Собраніе такъ стремится въ разрыву, что оно самовольно захватываетъ инициативу, принадлежащую по праву королю, и составляетъ, въ формѣ декрета, требованіе, ограниченное извѣстнымъ срокомъ ²⁾. «Они хотятъ войны, сказалъ императоръ,— такъ пусть же ею наслаждаются», и немедленно Австрія вступаетъ въ союзъ съ Пруссіею, которой не менѣе угрожала революціонная пропаганда ³⁾. Якобинцамъ, забравшимъ въ свои руки

¹⁾ «Мониторъ», XI, 178, засѣданіе 20 января. Фоше предлагаетъ слѣдующій декретъ: «Уничтожить всѣ отдѣльные донынѣ существующіе трактаты. Національное собраніе должно замѣнить ихъ союзомъ съ націями: англійской, англо-американской, гельветической, польской и голландской, пока онѣ сохраняютъ свою свободу... Когда другіе народы пожелаютъ нашего союза, для достиженія его имъ нужно будетъ сперва завоевать себя свободу. А пока поступимъ съ ними какъ съ настоящими дикарями... Займемъ сосѣдніе города, чтобы наши, враги не были въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ насъ. Майнцъ, Кобленцъ, Вормсъ—вѣтъ достаточно».—Ib., p. 215, засѣданіе 25 января. Одинъ изъ членовъ, повторяя слова сиракузскаго царя Гелона, предлагаетъ слѣдующую дополнительную статью: «Мы объявляемъ, что не положимъ оружія раньше, чѣмъ не освободимъ всѣ народы».

Всѣ это безуміе хорошо очерчиваетъ умственное состояніе якобинской партіи.

²⁾ Этотъ декретъ отъ 25 января; союзъ Пруссіи и Австріи состоялся 7 февраля. (Де-Бургоень. «Исторія европейской дипломатіи во время французской революціи», I, 457).

³⁾ Альбертъ Сорель, «Берлинская миссія графа Сегюра» (опубликованная въ «Темпсѣ», 15 октября 1878 г.). Депеша де-Сегюра Делессару, 24 февраля 1792 г.: «Графъ Шулембургъ увѣрялъ меня, что имъ не было никакого дѣла до нашей власти. Но, признавъ онъ, съ странною горячностью,—надо же предохранить себя отъ гангрены. Можетъ быть Пруссіи менѣе другихъ слѣдуетъ ей опасаться; однако, насколько ни отдаленъ отъ насъ зараженный членъ, лучше отрѣзать его, нежели рисковать жизнью... Какимъ образомъ поддержите вы спокойствіе, когда ежедневно, тысячи писателей... мѣры, люди должности, издѣваются надъ королю, заявляютъ, что христіанская религія всегда способствовала развитію деспотизма. Яко свобода явится лишь съ ея уничтоженіемъ, что слѣдуетъ извести всѣхъ господъ, такъ какъ они всѣ тираны?»

все собраніе, удалось, наконецъ, съ помощію несмолчаемаго набата, устроить заключеніе «этого чудовищнаго союза» и, со дня на день, звонъ ихъ набата раздается все громче и громче. Еще годъ—и, благодаря этой политикѣ, Франція возстановитъ противъ себя всю Европу, а единственнымъ союзникомъ ея останется Алжиръ, внутренній строй котораго былъ очень похожъ на ея собственный.

IV.

Однако, во всѣхъ ихъ разглагольствованіяхъ проглядываетъ расчетъ, въ которомъ они послѣ сами сознаются. «Намъ всегда противопоставляли конституцію, скажетъ Бриссо, — а уничтожить ее можно только посредствомъ войны»¹⁾. Такимъ образомъ, дипломатическія несогласія, которыя они выставляли напоказъ, были для нихъ лишь одинъ предлогъ; если они стремились къ войнѣ, то исключительно съ цѣлью опрокинуть законный строй, ихъ стѣснявшій; настоящее же ихъ намѣреніе, это захватъ власти, вторая внутренняя революція, примѣненіе ихъ системы, окончательная нивелировка. За ними прятался самый политичный и самый неограниченный изъ всѣхъ теоретиковъ, человѣкъ, великое искусство котораго заключалось въ томъ, чтобы самому идти въ цѣли, не имѣя и «вида, что онъ это дѣлаетъ; готовить другихъ къ будущимъ, отдаленнымъ воззрѣніямъ, которыхъ они и не подозреваютъ; публично говорить мало, за то тѣмъ усерднѣе дѣйствовать втайнѣ». Это онъ, Сіэсъ, «который всѣмъ руководитъ, имѣя видъ, что не касается ничего». Ослѣпленный не менѣе Руссо своими спекулятивными измышленіями и въ то же время одаренный прозорливостью Макіавели, а равно и его безцеремонностью въ выборѣ практическихъ примѣненій, онъ былъ и останется, въ рѣшительныя минуты, руководителемъ радикальной демократіи. «Гордость его не переноситъ ничего, выше его стоящаго; онъ уничтожилъ дворянство,

¹⁾ Бюше и Ру, XXV, 203, засѣданіе 3 апрѣля 1793 года. Рѣчь Бриссо.— Ibid., XX, 127. «Бриссо всѣмъ республиканцамъ Франціи», 4 октября 1792 г.: «Объявляя войну, я имѣлъ въ виду уничтоженіе королевскаго достоинства». Онъ приводитъ по этому поводу свою рѣчь, отъ 30 декабря 1791 г., гдѣ онъ говорилъ: «Я лишь одного опасаясь, чтобы насъ не предали. И безъ предательствъ не обойдется, такъ какъ въ издрахъ Франціи еще много яда и понадобится сильныя потрясенія, чтобы изгнать его».

такъ какъ самъ былъ плебеемъ; онъ уничтожить и все, такъ какъ все это не его собственность. Доктрина, лежащая въ основаніи его ученія, слѣдующая: чтобы упрочить революцію необходимо измѣнить религію и династію». А между тѣмъ, протекло только время и все это становилось невозможнымъ, къ тому же могло сильно поколебаться вліяніе партіи. Цѣлыя классы, послѣдовавшіе за нею, когда она возбуждала бунты противъ привилегированныхъ сословій, отпадали теперь отъ нея, такъ какъ бунты возбуждались противъ нихъ самихъ и большинство мыслящихъ или имущихъ людей, утомленныхъ анархіею, негодовало противъ ея защитниковъ. Огромное количество администраторовъ, высшихъ и избраннѣйшихъ должностныхъ лицъ громко жаловалось на то, что власть ихъ подчинена усмотрѣнію черни. Большое количество земледѣльцевъ, промышленниковъ и негоціантовъ втихомолку негодовало на то, что плоды ихъ трудовъ безконтрольно переходили въ руки неимущихъ и даже воровъ.

Тяжело было этампскимъ мучнымъ торговцамъ, вынужденнымъ лишь ночью отправлять свои партіи хлѣба и ночью же принимать покупателей; къ тому же имъ приходилось опасаться за свои дома, да и самая жизнь ихъ, ежеминутно, подвергалась опасности. Тяжело было крупнымъ колониальнымъ торговцамъ Парижа видѣть, какъ вторгались въ ихъ магазины, какъ били ихъ оконныя рамы, какъ оцѣнивали почти ни во что ихъ тюки съ кофе и головы сахара, которые дѣлили между собою и уносили растрепанныя мегеры, или просто даромъ крали мошенники, перепродававшіе ихъ на другомъ концѣ улицы ¹⁾). Тяжело было повсемѣстно семействамъ старинной буржуазіи, бывшимъ значительнымъ людямъ каждаго города и селенія, главнымъ представителямъ каждаго искусства, ремесла или профессіи, людямъ достаточнымъ и уважаемымъ, короче, большинству населенія, имѣвшему хорошую крышу надъ головою и порядочное платье на плечахъ, переносить незаконное владычество черни, предводительствуемой какими нибудь сотнями или де-

¹⁾ Бюше и Ру, XIII, 92—99 (январь 1792 г.); 225 (февраль).—Корай, Незданныя письма (Lettres Inédites), 33. Въ тотъ день, изъ любопытства, онъ дошелъ до улицы Ломбардовъ: «Будучи свидѣтелемъ такой вопиющей несправедливости и негодуя на то, что я не могъ схватить за шиворотъ ни одного изъ этихъ мошенниковъ, бѣжавшихъ по улицѣ, навьюченныхъ сахаромъ и кофе, съ цѣлію перепродать все это, я вдругъ почувствовалъ по всему тѣлу лихорадочную дрожь» (Письмо, непомѣненное числомъ; издатель предполагаетъ, что оно относится къ 1791 году; я же думаю, что оно слѣдующаго, 1792 года).

сятками декламаторовъ и затѣйщиковъ. Уже въ началѣ 1792 г. недовольство было такъ очевидно, что его обличали съ трибуны и въ печати. Изнаръ громилъ «всю эту массу крупныхъ собственниковъ, богатыхъ негоціантовъ, людей чванныхъ и окруженныхъ роскошью, которые, захвативъ себѣ удобное мѣсто въ амфитеатрѣ общественныхъ званій и положеній, не хотятъ никакого перемѣненія». «Буржуазія, писалъ Петіонъ (этотъ многочисленный и зажиточный классъ),—совсѣмъ враждебна народу; она ставитъ себя выше его и чувствуетъ къ нему недовѣріе. Она безпрестанно занята одною мыслию: ей кажется, что революція—война имущихъ противъ неимущихъ».

И дѣйствительно, она воздерживалась отъ избираній, она отказывалась посѣщать патріотическія общества, она требовала восстановления порядка и владычества закона; она собирала вокругъ себя всю массу людей умѣренныхъ и боязливыхъ, для которыхъ спокойствіе является первою потребностью, а въ особенности, и что было важнѣе всего, она приписывала безпорядки и волненія именно самимъ ихъ возбудителямъ.

Съ сдержаннымъ негодованіемъ и съ неопровержимою силою непреложнѣйшихъ доказательствъ, выходитъ изъ безмолвствующей толпы человекъ съ сердцемъ, Андре Шенье, и публично срываетъ съ якобинцевъ ихъ маску ¹⁾. Онъ ясно изобли-

¹⁾ Ів., XIII, 252. Письмо Андре Шенье въ «Парижскомъ Журналѣ», 26 февраля.—(Шмидтъ, «Картины французской революціи», Tableaux de la Révolution Française). 1, 76. Отвѣтъ директорія сонскаго департамента на циркуляръ Ролана, отъ 12 іюня 1792 года. Контрастъ обоихъ классовъ тамъ весьма ярко очерченъ: «Мы не искали мнѣнія народнаго среди этихъ сборищъ, состоящихъ болѣею частію изъ иностранцевъ, враговъ въ одно и то же время и труда и спокойствія, стоящихъ вѣдъ всякаго общественнаго интереса, склонныхъ къ пороку, вслѣдствіе праздности, и повидимому предпочитающихъ случайности безпорядка честнымъ средствамъ честной бѣдности. Этотъ классъ людей, всегда многочисленный въ большихъ городахъ, является тѣмъ, который наводняетъ своими ораторами улицы, площади, общественные сады столицы, который составляетъ все мятежныя скопища, который постоянно стремится къ анархіи и къ презрѣнію закона, который, наконецъ, своими криками и буйствами не только не выражаетъ общественнаго мнѣнія, но наоборотъ лишь указываетъ на тѣ немощныя усилія, къ какимъ прибѣгаютъ, чтобы заглушить это общественное мнѣніе. Мы искали мнѣнія жителей Парижа въ средѣ полезныхъ и трудящихся людей, прикованныхъ къ государству всеми проявленіями своего существованія и всеми предметами своей привязанности, въ средѣ помѣщиковъ, землевладѣльцевъ, торговцевъ, ремесленниковъ... Непоколебимая преданность конституціи и въ особенности же національному владычеству, политической равноправности и конституціонной монархіи, которыя и составляютъ ихъ главныя черты—вотъ ихъ почти единодушное и искреннѣйшее чувство».

чалъ тотъ ежедневный софизмъ, въ силу котораго какое нибудь собраніе «нѣсколько сотенъ праздношатающихся, собравшихся въ саду или на какомъ либо зрѣлищѣ, нагло величались народомъ». Онъ рисовалъ эти двѣ или три тысячи узурпаторовъ національнаго владычества, опьяненныхъ ежедневно своими ораторами и своими писателями болѣе грубымъ фиміамомъ, нежели поклоненіе, воздаваемое худшимъ и жесточайшимъ деспотамъ; «эти собранія, гдѣ безконечно малое число французовъ кажется большимъ, такъ какъ они собрались въ одномъ мѣстѣ и всѣ кричать»; этотъ парижскій клубъ, откуда одинъ за другимъ удалились всѣ честные, образованные люди, всѣ люди труда и дѣла, для того, чтобы уступить мѣсто промотавшимся интриганамъ, людямъ обезславленнымъ, лицемѣрамъ патріотизма, любителямъ шума, неудавшимся талантамъ, искаженнымъ мозгамъ, неудачникамъ всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ, которые, не сумѣвши справиться съ своими частными дѣлами, вознаграждаютъ себя тѣмъ, что впутываются въ дѣла общественныя. Онъ указывалъ на существованіе, вокругъ центральной мануфактуры бунтовъ и мятежей, тысячи двѣсти вспомогательныхъ, тысячи двѣсти подчиненныхъ обществъ, которыя, «взявшись за руку, образуютъ вокругъ всей Франціи рядъ электрической цѣпи» и потрясаютъ ее при всякомъ ударѣ, исходящемъ изъ центра; онъ указывалъ на ихъ утвержденную и первенствующую конфедерацію, существующую не только какъ одно государство въ другомъ, но какъ всемогущее въ васальномъ; онъ говорилъ объ администраціяхъ, призываемыхъ ими къ отвѣту, о судорѣшеніяхъ, кассированныхъ ихъ вмѣшательствомъ, о честныхъ лицахъ, подвергшихся обыску, выкупу, приговоренныхъ, благодаря ихъ произволу; онъ упоминалъ о непрерывномъ и систематическомъ восхваленіи ими непокорности и мятежа; о томъ, какъ «торговля и промышленность зачисляются ими въ преступленіе, именуясь захватомъ и монополіей»; о томъ, что всякая собственность поколеблена, всякій богатый становится подозрителенъ, «таланты и честность принуждены замолкнуть»; короче, открытый заговоръ противъ общества во имя самаго же общества, и «святое изображеніе свободы, употребляемое для скрѣпленія» безнаказанности нѣсколькихъ тирановъ.

Подобный протестъ говорилъ лишь громко то, что большинство французовъ шептало втихомолку, и съ каждымъ мѣсяцемъ новыя и ужаснѣйшія насилія возбуждали все сильнѣйшія порицанія. «Анархія доведена тамъ почти до безпримѣрнаго состоянія, писалъ посланникъ Соединенныхъ Штатовъ.—Таковы

отвращеніе и опасеніе, повсемѣстно внушаемыя этими безчинными обществами, что есть нѣкоторое основаніе предполагать, что огромное большинство французскаго населенія привѣтствовало бы даже деспотизмъ, какъ великое благо, будь онъ только соединенъ съ тою безопасностью жизни и собственности, которая существуетъ вездѣ въ Европѣ даже при самыхъ дурныхъ правительственныхъ условіяхъ». «Мнѣ наглядно доказали, говорить другой, не менѣе компетентый наблюдатель,—что Людовикъ XVI, въ минуту своего окончательнаго пораженія, имѣлъ гораздо болѣе приверженцевъ во Франціи, нежели годъ передъ тѣмъ, во время своего бѣгства, въ Варренъ». И дѣйствительно, онъ самъ нѣсколько разъ въ концѣ 1791 и 1792 годовъ проверялъ этотъ фактъ помощью справокъ ¹⁾. 18,000 офицеровъ всѣхъ чиновъ, назначенныхъ конституціоннымъ правленіемъ, 71 изъ числа 82 департаментскихъ администрацій, большинство судовъ, всѣ негоціанты, фабриканты, почти всѣ начальники парижской національной гвардіи, короче, всѣ избранники націи, а изъ числа гражданъ огромное большинство тѣхъ, которые не живутъ изо дня въ день,—было за него и за правую сторону собранія и противъ лѣвой. Если-бы внутреннія смуты не были осложнены внѣшними опасностями, общественное мнѣніе навѣрное бы измѣнилось, чего собственно и ожидалъ король. Принявъ конституцію, онъ надѣялся, что практика откроетъ ея недостатки и возбудитъ желаніе новой реформы. Между тѣмъ, самъ онъ точно исполнялъ ее, и настолько же по совѣсти, сколько изъ личныхъ выгодъ, онъ буквально держался данной клятвы. «Самое точное соблюденіе конституціи, говорилъ онъ одному изъ своихъ министровъ,—есть вѣрнѣйшій способъ обратить вниманіе націи на тѣ перемѣны, которымъ слѣдуетъ ее подвергнуть» ²⁾. Другими словами, онъ разсчитывалъ на опытъ, и,

¹⁾ Малуз, II, 203: «Всѣ донесенія, исходившія изъ провинціи, сообщали (королю и королевѣ) о замѣтномъ улучшеніи общественнаго мнѣнія, прежде все болѣе и болѣе развращавшагося. Но мнѣніе, доходившее до нихъ, не имѣло никакого вѣса, между тѣмъ, какъ мнѣніе клубовъ, кабаковъ и загоулковъ приобретало огромную власть, и приближалось время, когда должна была ступаться всякая другая власть».

²⁾ Бертравъ де-Мольвиль, «Мемуары», VI, 22.—Получивъ относительно этого инструкціи отъ короля, Бертравъ отправляется къ королевѣ, которая повторяетъ ему тоже самое: «Не кажется ли вамъ, что нѣтъ лучшаго плана дѣйствій, какъ оставаться вѣрнымъ своей клятвѣ? Конечно, такъ, ваше величество.—Если такъ, то будьте увѣрены, что мы выдержимъ. Будемъ мужаться, и я надѣюсь, что не все еще пропало и что твердость, терпѣніе и послѣдовательность возьмутъ свое»—

по всей вѣроятности, не случись помѣхи, расчетъ его оказался бы вѣрнымъ. Нація сзумѣла бы, наконецъ, выбрать между подстрекателями къ беспорядку и защитниками порядка; она взяла бы сторону властей противъ влюбовъ, сторону жандармовъ противъ бунтовъ, сторону короля противъ черни. По простествіи одного или двухъ лѣтъ она поняла бы, что для обезпеченія исполненія законовъ было необходимо возстановить исполнительную власть; что если жандарму, поставленному на своемъ посту, связать руки, онъ не будетъ имѣть возможности исполнять своего назначенія; что хотя благоразуміе, конечно, требовало и его снабдить предписаніемъ, но что если требовалось его помощь противъ безумныхъ и негодаевъ, то слѣдовало предварительно развязать ему руки.

V.

При войнѣ же вышло совсѣмъ наоборотъ, немедленно положеніе вещей видоизмѣнилось и явилась иная альтернатива. Теперь дѣло было не въ выборѣ между порядкомъ и беспорядкомъ, но между новымъ и старымъ режимомъ, такъ какъ вслѣдъ за чужестранцами на границѣ появились и эмигранты. Ужасно было потрясеніе, почувствованное въ особенности въ томъ глубокомъ слоѣ, прежде носившемъ на себѣ почти всю тяжесть стараго зданія, въ средѣ миліоновъ людей, жившихъ исключительно тяжелымъ трудомъ своихъ рукъ, ремесленниковъ, мелкихъ землепашцевъ, мызниковъ, работниковъ, солдатъ, а также контрабандистовъ, тайныхъ продавцовъ соли, тайныхъ охотниковъ, бродягъ, нищихъ и полунищихъ, обремененныхъ налогами, поборами, привыкшихъ къ суровой расправѣ и втеченіи многихъ столѣтій переносившихъ наслѣдственную нищету, притѣсненіе и презрѣніе. Имъ хорошо была извѣстна, по собственному опыту, разница между ихъ бывшимъ и настоящимъ положеніемъ. Имъ достаточно было лишь вспомнить прошлое, чтобы нарисовать въ своемъ воображеніи всю громадность королевскихъ, церковныхъ и помѣщичьихъ налоговъ, 81% на 100 прямого налога; затѣмъ эзекуціонныхъ сыщиковъ, конфискаціи за недоимки, барщину, судъ и расправу таможенныхъ сборщиковъ, смотрителей надъ погребями и надъ охотою, опустошеніе дичи и голубятни, произволъ сборщика податей и чиновника, медленность и пристрастіе судопроизводства, неразборчивость и грубость полиціи, удары метлами объѣздной команды, несчастныхъ, подбираемыхъ подобно бучамъ грязи и нечистотъ, тѣсноту, духоту, гнилость и

голодь тюремъ и исправительныхъ домовъ¹⁾). Имъ стоитъ лишь открыть глаза, чтобы узрѣть всю громадность своего освобожденія; всѣ прямые и косвенные налоги уничтожены, по праву или на дѣлѣ, уже втеченіи трехъ лѣтъ, пиво по два су за штоффъ, вино по шести су за кружку, большіе запасы голубей, дичь на вертелѣ, дрова національныхъ лѣсовъ въ ихъ сараяхъ, запуганные жандармы, отсутствующая полиція; во многихъ мѣстахъ весь сборъ хлѣба принадлежащій имъ, такъ какъ помѣщикъ не смѣетъ требовать своей части; судья, не рѣшающійся произносить имъ приговора; эзекуторъ, отказывающійся ихъ преслѣдовать; всѣ привилегіи, возстановленныя исключительно въ ихъ пользу; общественная власть, смиряющаяся передъ ихъ сборищами, покорная ихъ требованіямъ, бездѣйствующая или безоружная противъ ихъ проступковъ; всѣ ихъ поушенія, извиняемыя или терпимыя; ихъ великій разумъ и ихъ великое сердце, вос-

¹⁾ М. де-Лавалетъ, «Мемуары», I, 100. Лавалетъ въ началѣ сентября 1792 г. поступаетъ волонтеромъ и отправляется въ сопровожденіи двухъ друзей, съ мѣшкомъ на спинѣ, въ камзолѣ (carmagnole) и полицейской «уражкѣ. Слѣдующій фактъ хорошо очерчиваетъ настроеніе и чувства крестьянъ: Въ одномъ селеніи около Вермантона (въ окрестностяхъ Отена), жители котораго занимались выдѣлываніемъ деревянныхъ башмачковъ, «за два дня до нашего прихода, экипажъ одного епископа, спасавшагося съ своими двумя викарными, былъ ими задержанъ; они стали ихъ обыскивать, нашли у нихъ нѣсколько сотъ ливровъ и, во избѣжаніе отдачи этихъ денегъ, сочли наудобнѣйшимъ и наипростѣйшимъ убить этихъ несчастныхъ. Новое ремесло показалось имъ выгоднѣе прежняго и эти честные люди стали поджигать и высматривать злополучныхъ путешественниковъ». Всѣ три волонтера были задержаны повѣтчикомъ, маленькимъ горбункомъ, и приведены въ залу муниципалитета, представляющую родъ крытаго рынка; читаютъ ихъ паспорта, собираются обыскивать ихъ мѣшки. «Мы считали себя погибшими, когда Обонъ, бывшій огромнаго роста, вскакиваетъ на столъ. Онъ началъ цѣлою тучею самыхъ ярвкихъ ругательствъ и площадной брани, нѣсколько озадачившей присутствующихъ; однако скоро онъ возвысилъ свой слогъ и сталъ расточать слова, подобныя отечеству, свободѣ, владычеству народа, и все это съ такимъ пыломъ и столь оглушающимъ голосомъ, что эекетъ вышелъ вдругъ громадный, поразительный, и его прервали самыми единодушными рукоплесканіями. Однако вѣтренникъ этимъ не ограничился; онъ съ важностью приказалъ Деклеръ де-ля-Ронду такъ же влѣзть на столъ и, обращаясь къ собранію, сказалъ: «Судите сами, дѣйствительно ли мы парижскіе республиканцы. Ты, отвѣчай по республиканскому катехизису. Что такое Богъ? что такое народъ? что такое король?» А тотъ отвѣчалъ плачевнымъ и сильно гнусливымъ голосомъ, кривляясь какъ арлекинъ: «Богъ есть матеря; народъ—это бѣдные; король—это левъ, это тигръ, это слонъ, терзающій, пожирающій, даващій бѣднѣй народъ». Всѣ были въ себя отъ восторга; удивленіе, крики, восхищеніе были безграничны; обнимаютъ актеровъ, виновниковъ торжества, толпятся вокругъ нихъ, уводятъ ихъ; каждому хочется имѣть насъ у себя, угостить, и намъ пришлось-таки порядочно пить».

пѣваемые въ тысячѣ рѣчей; камзолъ и блуза, провозглашаемая отличительными знаками патріотизма; первенство въ государствѣ, отдаваемое санеюлотамъ во имя ихъ заслуги и ихъ добродѣтели. И вдругъ имъ объявляютъ, что все это уничтожается; говорятъ о лигѣ иностранныхъ королей, объ эмигрантахъ, взявшихся за оружіе, о неминуемомъ вторженіи, о нашествіи хищныхъ кроатовъ и пандуровъ, о полчищахъ наемниковъ и варваровъ, направленныхъ противъ нихъ, чтобы заковать ихъ въ прежнія цѣпи. Страшный гнѣвъ разливался по хижинамъ и мастерскимъ и грозно звучалъ онъ въ національныхъ пѣсняхъ, обличавшихъ заговоры тирановъ и призывавшихъ народъ къ оружію¹⁾. Это второй валъ революціи, поднимающійся и свирѣпо рокочущій; онъ не такъ широкъ, какъ первый, такъ какъ онъ влечетъ съ собою почти исключительно одну чернь; за то онъ выше и разрушительнѣе.

И дѣйствительно, не только поднятая масса страшно груба сама по себѣ, но она еще возбуждена новымъ чувствомъ, сила котораго неизмѣрима, гордостью плебея, раба, бѣдняка, вдругъ воспрянувшаго послѣ вѣковаго униженія и вкусившаго, свыше всѣхъ мѣръ и всѣхъ ожиданій, наслажденіе равенствомъ, независимостью и владычествомъ. «Пятнадцать миліоновъ бѣлыхъ негровъ, говоритъ Маллэ-Дюпанъ,—которыя ѣли хуже, были несчастнѣе санъ-домингскихъ; подобно имъ возставшіе и освободившіеся, помощью возстанія, отъ всякаго подчиненія; подобно имъ привыкшіе, послѣ тридцати мѣсяцевъ разнузданной свободы, властвовать надъ тѣми изъ своихъ бывшихъ властителей, которые еще уцѣлѣли отъ погрома; подобно имъ гордящіеся своею восстановленною, поднятою кастою и своими мозолистыми руками. Представьте себѣ ихъ бѣшеную злобу при звукѣ трубы, пробуждавшей ихъ, чтобы указать имъ на горизонтѣ плантаторовъ, возвращавшихся съ новыми бичами и съ болѣе тяжелыми ярмами. Ничего не можетъ быть склоннѣе къ подозрительности, нежели подобныя души; ничто легче не тревожится, ничто такъ не склонно къ быстрой расправѣ и къ насилію, ничто не бываетъ такъ слѣпо довѣрчиво, такъ легко и всецѣло увлекаемо, и не только противъ дѣйствительныхъ враговъ внѣшнихъ, но еще и противъ своихъ воображаемыхъ внутреннихъ вра-

¹⁾ Пѣсня «Veillons au salut de l'empire» относится къ концу 1791 года. Марсельеза же написана въ августѣ 1792 года.

говъ¹⁾, каковы, по ихъ мнѣнію, король, министры, дворяне, священники, члены парламента, вѣрные католики, администраторы и судьи, имѣющіе неосторожность ссылаться на законъ; промышленники, негоціанты и помѣщики, порицающіе безпорядокъ; богатые буржуа, настолько эгоистичны, что они сидятъ у себя дома; люди достаточные, вѣжливые и хорошо одѣтые,—всѣ они являются крайне подозрительными, такъ какъ всѣ они потеряли съ новымъ режимомъ, или потому, что они не умѣютъ подъ него поддѣлаться. Таково колоссальное животное, которое жирондисты выпускаютъ на политическую арену²⁾; они втеченіи шести мѣсяцевъ дразнятъ его красными флагами, колятъ, раздражаютъ его и толкаютъ ударами своихъ декретовъ и прокламацій и противъ своихъ враговъ, и противъ его сторожей, дворянства и духовенства, противъ аристократовъ, находящихся въ самой странѣ—сообщниковъ кобленцкихъ; противъ австрійскаго комитета—сообщника Австріи; противъ короля, осторожность котораго они обзываютъ измѣною; противъ всего правительства, которое они уворяютъ въ анархіи, ими же вызванной, и въ войнѣ, ими же возбужденной.

Такимъ образомъ, чернь, настолько возбужденная и подготовленная, ждала лишь знака, чтобы соединиться, и ждала оружія; немедленно ихъ снабжаютъ и оружіемъ, и знакомъ. По стеченію обстоятельствъ, крайне поразительному и ясно указывающему на заранѣе подготовленный планъ³⁾, они однимъ уда-

¹⁾ Филиппъ де-Сегюръ, «Мемуары», I (въ Фрэнѣ, селеніи, находящемся въ 7 миляхъ отъ Парижа, за нѣсколько дней до 2 сентября 1792 года): «Шайка этихъ демагоговъ преслѣдовала одного изъ крупныхъ мѣстныхъ фермеровъ, подозреваемого въ роялизмъ и обвиненнаго въ барышничество, вслѣдствіе его богатства. Эти изступленные захватили его и безъ суда и расправы собирались его казнить, когда подошелъ мой отецъ. Ему такъ посчастливилось съ его рѣчью, что убійцы, какъ-бы перерожденные, вдругъ отъ страшной ярости переходятъ къ не менѣе преувеличенному челоуѣколюбивому восторгу. Охваченные своимъ новымъ порывомъ, они принуждаютъ пить и плсать съ ними вокругъ дерева свободы несчастнаго фермера, блѣднаго и дрожащаго, и котораго за минуту передъ тѣмъ они собирались безжалостно повѣсить на вѣтвяхъ того же дерева».

²⁾ Лякретель, «Десять лѣтъ испытаній» («Dix ans d'Épreuves»), 78: «Жирондисты хотѣли создать римлянъ изъ осадковъ Ромула, а что хуже того, изъ разбойниковъ 5 октября».

³⁾ Ляфайетъ, I, 442: «Жирондисты въ войнѣ искали случая успѣшно напасть на приверженцевъ конституціи 1791 года и на ихъ постановленія».—Бриссо. Адресъ на имя членовъ учредительнаго собранія: «Мы искали въ войнѣ случая, на чемъ либо поймать короля, чтобы этимъ доказать его недобросовѣстность и сношеніе съ эмигрировавшими принцами».—«Монитеръ», засѣданіе 3 апрѣля

ромъ привели въ движеніе три политическія машины. Съ той самой минуты, какъ, вслѣдствіе своего намѣреннаго самохвальства, они сдѣлали войну неизбежною, они облеклись въ ризу служенія народу и вооружили всѣхъ немощныхъ. Почти на той же недѣлѣ, въ концѣ января 1792 года, они объявили Австріи свой срочный ультиматумъ, одѣлись въ красный колпакъ и занялись изготовленіемъ пикъ.—Понятно, что на открытомъ полѣ и противъ регулярнаго войска, вооруженнаго пушками, пики эти были совсѣмъ бесполезны, слѣдовательно, назначеніе ихъ быть употребленными у себя же, въ городахъ и селеніяхъ. Пусть достаточный національный гвардеецъ, имѣющій средство купить себѣ мундиръ, пусть дѣйствующій гражданинъ, привилегированный вслѣдствіе своихъ трехъ франковъ прямой контрибуціи—имѣютъ свое ружье; гаваньскій же работникъ, рыночный носильщикъ, подмастерье, живущій кое какъ, пассивный гражданинъ, котораго бѣдность лишаетъ права вотировать, пусть каждый изъ нихъ имѣетъ свою пикю; а въ эти смутныя времена пика, направленная голыми руками, куда вѣрнѣе всякаго права на вотированіе. Пусть себѣ начальство, опоясанное шарфомъ, заявляетъ свои требованія: его заставляютъ теперь подавиться ими и, во избѣжаніе недоразумѣнія, предупреждаютъ его объ этомъ заранѣе. «Пики начали революцію, пики ее закончатъ»¹⁾. Да, говорили завсегдатаи Тюльерійскаго сада,—если-бы добрые патріоты Марсова поля были вооружены хорошими пиками, то голубымъ мундирамъ (гвардейцамъ Ляфайета) плохо бы пришлось!—«Ихъ понесутъ всюду, гдѣ только встрѣтятся враги народа, въ замокъ, если это понадобится». Онѣ уничтожатъ veto и заставятъ принять благіе декреты національнаго собранія. По этому поводу Сэнтъ-Антуанское предмѣстье предлагаетъ свои пики, и, ради точнаго опредѣленія ихъ употребленія,

1793 года. Рвчъ Бриссо: «Я сообщилъ свое мнѣніе якобинцамъ, доказавъ имъ что война была единственнымъ средствомъ изобличить коварство Людовика XVI. Само событіе оправдало мое воззрѣніе».—Бюше и Ру, VIII, 216, 217, 60. Декретъ законодательнаго собранія—отъ 25 января; первыя суммы, вотированныя какимъ-то клубомъ для изготовленія пикъ—отъ 31 января; первая статья Бриссо о красномъ колпакѣ—отъ 6 февраля.

¹⁾ Бюше и Ру, XIII, 217. Предложеніе одной гражданки въ клубъ Эвеше, 31 января 1792 г. Ib. XV, засѣданіе 10 іюня. Петиція 8,000 парижскихъ національныхъ гвардейцевъ: «Эта партія, возбуждающая инстинкты мести въ народѣ, желающая противопоставить военнымъ каскамъ рабочій колпакъ, ружьямъ—пики, мундиру—крестьянскую одежду.

оно жалуется на то, что стараются замѣнить аристократіею богатства право рожденія; оно требуетъ строгихъ мѣръ противъ изверговъ-лицемѣровъ, съ конституціей въ рукѣ убивающихъ народъ; оно объявляетъ, что все временно и преходяще, и короли, и министры, и гражданскій списокъ, но что право челоѣчества, владычество народа и пики вѣчны и непоколебимы; и, черезъ посредство газеты своего президента, національное собраніе благодаритъ просителей «за совѣты, внушаемые имъ усердіемъ». И такъ вожаки собранія и чернь, вооруженные пиками, крѣпко сплываются противъ богатыхъ, противъ приверженцевъ конституціи, противъ правительства, и теперь, на ряду съ жирондистами, выступаютъ крайніе якобинцы, обѣ партіи, примиренныя для общаго нападенія и готовыя разойтись ужъ послѣ побѣды. «Проектъ жирондистовъ не есть республика лишь по имени, но республика на дѣлѣ, помощью сокращенія гражданскаго списка до 5 миліоновъ, помощью уничтоженія большинства атрибутовъ, оставленныхъ королю, помощью переменны династіи, новый глава которой будетъ лишь почетный президентъ республики, надъ которымъ они учредятъ исполнительный совѣтъ, выбранный собраніемъ, т. е. ими самими». Что же касается крайнихъ Якобинцевъ, то у нихъ трудно отыскать какой либо принципъ, кромѣ неумѣреннаго и даже ожесточеннаго примѣненія правъ челоѣка. Съ помощью этой партіи, они стремятся измѣнять законы и смѣнять каждые шесть мѣсяцевъ государственныхъ чиновниковъ; стремятся распространить свою нивелировку на всякую регулярную власть, на всякое законное преимущество, на всякую собственность. Единственный родъ правленія, котораго они домогаются, это демократія разсуждающей сволочи. Самые гнусные агенты, возмутители по професіи, разбойники, фанатики, всевозможные мерзавцы, злодѣи, смѣлые и вооруженные нищіе, шествующіе «въ знаменной линіи» на приступы имуществъ и на «всеобщее разграбленіе», короче всѣ варвары городовъ и селеній, «вотъ ихъ общее войско, и они дня не оставляютъ его въ бездѣйствіи». Подъ напоромъ ихъ всеобщаго захвата и насилія, обдуманнаго, подготовленнаго и все растущаго, вся суть власти ускользаетъ изъ рукъ законныхъ властей; мало-по-малу они превращаются въ жалкихъ призраковъ, и съ одного конца Франціи до другаго, еще задолго до всеобщаго крушенія, въ провинціи, какъ и въ Парижѣ, партія эта какъ-бы во имя общественныхъ опасностей, замѣняетъ правленіе законное правленіемъ грубаго насилія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Кому захотѣлось бы полюбоваться первою и густѣйшею зеленью на революціонномъ древѣ, тому слѣдовало бы взглянуть на то, что творилось въ департаментѣ Устьевь-Роны; нигдѣ зелень эта не явилась такъ заблаговременно; нигдѣ мѣстныя условія и темпераментъ жителей не способствовали до такой степени ускоренію ея роста. Знойное небо, жгучій климатъ, сухія неплодныя скалы, кипучія рѣки, потоки, то яростно разливающіеся, то совсѣмъ засыхающіе, ослѣпляющая пыль, возбужденные нервы, вслѣдствіе продолжительныхъ дуновеній мистрала и перемежающихся порывовъ сирокко; расчувственная, холерическая и грубая, плохо одаренная и умственно, и нравственно, въ которой смѣсь галла съ латинцемъ уничтожила все своеобразное добродушіе кельта и глубокую серьезность римлянина; «люди выносливые, сильные, суровые, безпкойные», и между тѣмъ безпечные, импровизаторы, говорливые, обманывающіе себя собственною напыщенностью, моментально увлекаемые въ пустыя пространства яростною декламациею и поверхностнымъ энтузіазмомъ; имѣющіе главнымъ городомъ—городъ цвѣтущій и приморскій, съ 120,000 населеніемъ, гдѣ возможная и быстрая удача въ торговлѣ и мореплаваніи развивается и поддерживаетъ духъ нововведенія и предпріимчивости; гдѣ выдержанность характера каждодневно потрясается примѣромъ внезапно пріобрѣтаемыхъ состояній, расточаемыхъ въ грубыхъ удовольствіяхъ, гдѣ политика, подобно спекуляціи, является лотереей, обѣщающей смѣлымъ и отважнымъ выигрывающіе билеты; къ тому же порто-франко и мѣсто свиданія всѣхъ вочующихъ забѣжчиковъ, всѣхъ бродягъ, всѣхъ стоящихъ внѣ закона и не имѣющихъ постоянного ремесла ¹⁾, всѣхъ негодяевъ и проходимцевъ,

¹⁾ «Національный Архивъ», F.-г., № 7915. Докладъ Міюлиса, комисара отъ директоріи департамента, о положеніи Марселя, 15 нивоза года V: «Туда было привлечено множество французовъ изъ другихъ городовъ и итальянцевъ, вслѣдствіе стремленія къ наживѣ, склонности къ удовольствію, нужды въ работѣ, желанія спастись отъ пагубныхъ послѣдствій дурнаго поведенія. Тамъ были личности всѣхъ лѣтъ и половъ, не имѣвшія ни семьи, ни отчизны, ни проессии, ни убѣжденій, исключительно руководимыя насущными потребностями, умноженными распутными привычками, стремившіяся удовлетворить ихъ безъ особаго

подобно морскимъ водорослямъ, вырваннымъ съ корнемъ и сгнившимъ, которыя плывутъ по волѣ волнъ, бросаемаы съ берега на берегъ по всей окружности Средиземнаго моря; настоящій трюмъ, куда сбрасывается осадокъ двадцати испорченныхъ и полу-варварскихъ цивилизацій, гдѣ скопляется и бродитъ «пѣна преступленій извергнутыхъ изъ тюремъ Генуи, Пьемонта, Сициліи, всей Италіи, Испаніи, Архипелага и Берберіи». Нѣтъ ничего удивительнаго, если въ подобномъ городѣ, ранѣе нежели въ другомъ, упрочилось владычество черни. Послѣ неоднократныхъ взрывовъ оно окончательно учредилось 13 августа 1790 года, вслѣдствіе удаленія Лъето, этого буржуазнаго и умѣреннаго Ляфайета, командовавшаго національною гвардіею. Вокругъ него стекалось большинство населенія, «всѣ честные люди, или всѣ боявшіеся чего-либо лишиться». Но послѣ его изгнанія и заточенія они уступаютъ, и Марсель становится добычею черни, сорока тысячъ нищихъ и авантюристовъ, руководимыхъ клубомъ.

Для того, чтобы лучше упрочить за ними власть, мѣсяцъ спустя послѣ изгнанія Лъето, муниципалитетъ далъ право голоса всякому гражданину, имѣющему какую-либо професію или ремесло. Слѣдовательно, вопреки конституціонному закону, разные оборванцы являются на собраніе. Наоборотъ, помѣщики, собственники и негоціанты совсѣмъ удаляются и поступаютъ умно, такъ какъ обычный механизмъ демагогіи не замедлилъ своими дѣйствіями. «Собраніе каждаго отдѣла состоитъ изъ десятиа—другаго бунтовщиковъ, членовъ клуба, из-

труда, находившіе прежде средства въ многочисленныхъ коммерческихъ операціяхъ, сбившіеся съ пути во время революціи и послѣдовательно наводившіе страхъ на каждую господствующую партію, къ несчастію привыкшія получать плату за каждое участие въ политической борьбѣ, вынужденныя теперь для поддержанія существованія прибѣгать къ помощи почти даровой раздачи хлѣба, къ торговлѣ по мелочамъ, къ унижительной и съ трудомъ добываемой работѣ, наконецъ, къ мошенничеству,—вотъ каковою представляется наблюдателю болѣе выдающаяся часть марсельскаго населенія; съ жадностью сторожа событія, изъ которыхъ она надѣется извлечь пользу, легко соблазняющаяся, дѣятельная въ силу своихъ же потребностей, она вездѣ поспѣваетъ и кажется очень многочисленною. Патриотъ Эскалонъ получалъ, напримеръ, до двадцати хлѣбныхъ раціоновъ въ день, журналистъ Фери шесть и т. д. Гражданскіе чиновники и квартальные комиссары принадлежатъ по большей части къ числу тѣхъ людей, которыхъ революція приучила жить безъ работы и разсыпать благодаренія націи на раздѣляющихъ ихъ воззрѣнія; привыкшихъ, наконецъ, собирать контрибуціи съ непотребныхъ и игорныхъ домовъ. Эти комиссары сами предупреждаютъ уличенныхъ и мошенниковъ, когда отдаются приказы ихъ арестовать».

гоняющих честных людей палками и штыками. Совѣщанія происходятъ въ клубѣ съ согласія муниципалитета, и горе тому, кто воспротивится въ собраніяхъ ихъ рѣшеніямъ! Дошли до того, что грозили нѣсколькимъ гражданамъ, желавшимъ представить возраженія, что ихъ немедленно погребутъ въ церковныхъ склепахъ». Такой аргументъ оказался крайне убѣдительнымъ: «въ настоящее время самый честный и самый многочисленный классъ до такой степени запуганъ», что ни единый изъ притѣсненныхъ не осмѣлится показаться на собраніяхъ, если онѣ не охраняемы общественною силою. «Болѣе восьмидесяти тысячъ жителей не знаютъ спокойнаго сна» и всѣ политическія права принадлежатъ исключительно какимъ нибудь «пяти или шестистамъ индивидамъ», которымъ законъ въ нихъ совсѣмъ отказалъ. За ними идетъ «вооруженный сбродъ», орда бездомныхъ разбойниковъ¹⁾, всегда готовыхъ грабить, рѣзать и вѣшать, а впереди ихъ идутъ мѣстные власти, избранныя съ помощью ихъ вліянія и управляющія подъ ихъ руководствомъ.

Патроны и кліенты, члены и сподвижники клуба, они образуютъ союзъ, дѣйствующій совсѣмъ полновластно и едва лишь на словахъ признающій авторитетъ центральнаго правленія²⁾. Онъ обзываетъ «народодубійствомъ» декретъ, по которому національное собраніе уполномочило комисаровъ возстановить порядокъ, и «диктаторами» этихъ совѣстливыхъ и крайне умѣренныхъ руководителей; онъ ихъ открыто обвиняетъ въ своихъ циркулярахъ, рассылаемыхъ всѣмъ муниципалитетамъ каждаго департамента и всѣмъ яacobинскимъ обществамъ во всемъ королевствѣ³⁾. Въ Эсскомъ клубѣ поднимаютъ вопросъ о томъ, не

¹⁾ Бланъ-Жили, «Набатъ, сзывающій къ тревогѣ» («Le Tocsin d'Alarme»): «Всакій разъ какъ марсельская національная гвардія выступала за предѣлы города, орда бездомныхъ бродягъ бросалась вслѣдъ за нею, опустошая все на своемъ пути».

²⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3197. Корреспонденція трехъ комисаровъ. Письмо отъ 10 мая 1791 года: «Марсельскій муниципалитетъ повинуется лишь тѣмъ декретамъ, которые ему нравятся, и уже втеченіи восемнадцати мѣсяцевъ ни платитъ ни гроша въ общественную казну». — Прокламація 13 апрѣля. Письма отъ 13 и 18 апрѣля.

³⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3197. Письмо муниципальных чиновниковъ Марселя министру, 11 іюня 1791 года. Они требуютъ отозванія трехъ комисаровъ и вотъ одинъ изъ ихъ аргументовъ: «Въ Китаѣ отстраняютъ отъ должности всякаго мандарина, возбуждающаго противъ себя общественное мнѣніе: на него смотрятъ какъ на несвѣдущаго воспитателя, неумѣющаго заставить дѣтей любить своего отца».

слѣдуетъ ли отрубить имъ головы, сложить ихъ въ ящикъ и отослать въ Парижъ президенту національнаго собранія, съ угрозою той же кары ему и всѣмъ депутатамъ, если они не отмянутъ свой недавній декретъ. Нѣсколько дней спустя, четыре отдѣленія составляютъ декретный актъ, засвидѣтельствованный нотариусомъ, относительно рѣшенія ихъ послать въ Эксъ войско, состоящее изъ шести тысячъ марсельцевъ, чтобы избавиться отъ своихъ трехъ противниковъ. Комисарамъ нѣтъ никакой возможности вступить въ Марсель: «тамъ имъ приготовлены висѣлицы, и головы ихъ уже оцѣнены». Имъ едва лишь удается вырвать изъ рукъ мятежниковъ Льето и его друзей, обвиненныхъ въ оскорбленіи величества народа, заточенныхъ безъ малѣйшей тѣни доказательства въ ихъ виновности¹⁾, съ которыми поступаютъ какъ съ бѣшенными собаками, заковываютъ ихъ въ цѣпи, бросаютъ въ гнилыя ямы, морятъ ихъ жаждой, доводятъ до отчаянія и почти до самоубійства, и двадцать разъ едва не убиваютъ на судѣ и въ ихъ тюрьмѣ²⁾ Муниципалитетъ, въ виду декрета національнаго собранія, приказывающаго ихъ освободить, протестуетъ, отсрочиваетъ рѣшеніе, противится и, наконецъ, прибѣгаетъ къ помощи своихъ обычныхъ сообщниковъ. Въ ту минуту, какъ плѣнники должны выходить, множество

¹⁾ Ibid. Письмо комисаровъ отъ 25 мая 1791 года: «Очевидно изъ чтенія процессовъ вьскаго и марсельскаго, что обвинители и судьи единственные виновные». Пропшеніе арестованныхъ, 1 февраля: «Муниципалитетъ, отчаяваясь доказать нашу виновность и не зная, какъ оправдать свое поведеніе, за деньги ищетъ свидѣтельскихъ показаній. Онъ объявляетъ публично, что лучше пожертвовать однимъ невиннымъ, нежели наложить хулу на цѣлое общество. Таковыя рѣчи вѣсело Ребекки, одного изъ городскихъ представителей и г-жи Эллиу, жены муниципальнаго чиновника, произнесенныя у господина Руссе».

²⁾ Ibid. Письма Льето комисарамъ, отъ 11 и 18 мая 1791 года: «Если я не погибъ отъ руки убійцъ, то я единственно обязанъ сохраненіемъ моей жизни тѣмъ умнымъ и строгимъ приказаніямъ, которыми вы предписали національной гвардіи и линейнымъ войскамъ. Въ засѣданіи, состоявшемся сегодня, представитель общины позволилъ себѣ угрожать суду мѣнѣемъ и мстительною яростью народа. «Народъ, котораго подняли и привели, говорилъ: нужно забрать Льетосилоу; если онъ станетъ сопротивляться, мы ему отрубимъ голову». Залъ засѣданія, бывшая галерея и вся лѣстница были наполнены всевозможными бродягами и оборванцами. — Письмо Каброля, командира національной гвардіи и муниципальных чиновниковъ къ комисарамъ 21 мая: «Пакетъ изъ пятидесяти человекъ, расположенный на площади, не есть ли это скорѣе причина къ мятежу, нежели средство предотвратить его. Приказъ отправить четырехъ національныхъ гвардейцевъ въ самую тюрьму, чтобы тамъ сторожить и дено и ношно, не есть ли это оскорбленіе гражданъ-солдатъ, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за исполненіемъ закона, а не въ службѣ тюремщиковъ».

вооруженныхъ людей, «безъ мундира и безъ начальника», собираются на возвышенностяхъ, лежащихъ вокругъ зданія суда, и заряжаютъ ружья, чтобы стрѣлять въ Лъето. Муниципалитетъ, отъ котораго требуютъ примѣненія военного закона—наотрѣзь отказывается прибѣгнуть къ нему; онъ объявляетъ, что «ненависть народная слишкомъ возбуждена противъ обвиняемыхъ»; онъ требуетъ, чтобы швейцарскій полкъ вернулся въ свои казармы и чтобы арестованные остались въ тюрьмѣ; все чего отъ него добиваются, это лишь тайнаго позволенія бѣжать, какъ бѣжать виновные—тихонько и переодѣтыми. Однако швейцарскій полкъ, принудившій власти не преступать закона, понесетъ кару за свою дерзость, и въ виду того, что не удалось его развратить, его рѣшаются изгнать изъ города. Втеченіи четырехъ мѣсяцевъ муниципалитетъ прибѣгаетъ относительно его ко всевозможнымъ притѣсненіямъ, и 16 октября 1791 года якобинцы затѣваютъ въ театрѣ ссору съ его офицерами. Въ ту же ночь, внѣ театра, на четверыхъ изъ нихъ нападаютъ вооруженныя шайки; караульню, въ которой они спасаются, едва не берутъ приступомъ; ихъ ведутъ въ тюрьму, чтобы спасти ихъ жизнь; по прошествіи пяти дней ихъ все-таки не выпускаютъ, хотя невинность ихъ вполне подтверждается. Между тѣмъ, въ видахъ обезпеченія «общественной безопасности», муниципалитетъ требуетъ отъ командира надъ портомъ немедленной замѣны на всѣхъ постахъ швейцарцевъ національными гвардейцами; тотъ уступаетъ силѣ, и полкъ, теперь бесполезный, поруганный, преслѣдуемый угрозами, принужденъ удалиться¹⁾. Затѣмъ новый муниципалитетъ, еще болѣе предъидущаго отверженный якобинцамъ, отдѣляетъ Марсель отъ Франціи, обращаетъ его въ военную и грабительскую республику, снаряжаетъ экспедиціи, собираетъ налоги, заключаетъ союзы и предпринимаетъ завоеваніе всего департамента помощью оружія.

II.

Для начала онъ рѣшается завладѣть главнымъ городомъ Эксомъ, куда отправился какъ гарнизонъ швейцарскій полкъ, и гдѣ мѣстопробываніе высшихъ властей; операція эта тѣмъ бо-

¹⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3197. Письмо Лярока Дурдана, командира марсельскаго флота, 18 октября 1791 года, по поводу удаленія полка швейцарцевъ: «Всѣ граждане-собственники ужасаются этой перемѣнѣ».

лѣе необходима, что департаментское правленіе громогласно восхваляетъ вѣрность швейцарцевъ и позволяетъ себѣ напомнить марсельскому муниципалитету объ уваженіи къ закону. Подобное напоминаніе—оскорбленіе, и муниципалитетъ самымъ высокоумѣреннымъ тономъ требуетъ отъ правленія, чтобы оно подтвердило свое письмо, или отвазалось-бы отъ него. «Если вы его не написали, то это клевета, преслѣдовать которую наша обязанность; въ противномъ-же случаѣ это—объявленіе войны, которое вы дѣлаете Марселю»¹⁾. Директорія доказываетъ тогда свое право и справедливость своихъ словъ, все это въ вѣжливыхъ выраженіяхъ и крайне осторожно; она замѣчаетъ, что въ Марселѣ не собраны еще подати за 1791 годъ, что тамошній муниципалитетъ больше занятъ спасеніемъ государства, нежели уплатою своихъ повинностей; короче, она настаиваетъ на своемъ неодобреніи. Въ виду того, что она не хочетъ уступить, ея принудятъ къ тому силою, и 4 февраля 1792 года, муниципалитетъ посылаетъ Барбару, своего секретаря, въ Парижъ, чтобы прикрыть его объясненіями замышляемыя имъ попытки. Въ ночь съ 25 на 26 бьютъ тревогу, и отъ трехъ до четырехъ тысячъ марсельцевъ, вооруженныхъ шестью орудіями, отправляются походомъ на Эксъ. Изъ предосторожности они дѣлаютъ видъ, что совсѣмъ не имѣютъ начальниковъ, ни бомандира, ни капитановъ, ни поручиковъ, ни даже ваправовъ; они утверждаютъ, что всѣ равны, всѣ волонтеры, добровольно явившіеся; такимъ образомъ, отвѣтственность, падая на всѣхъ коллективно, не падаетъ ни на одного исключительно²⁾. Они подходятъ въ Эксу въ одиннадцать часовъ утра, находятъ одни изъ городскихъ воротъ открытыми, благодаря стараніямъ ихъ приверженцевъ изъ черни среди жителей предмѣстій, и требуютъ отъ муниципалитета передачи въ ихъ распоряженіе всѣхъ гауптвахтъ. Въ то-же время ихъ эмиссары возвѣщали по всѣмъ сосѣднимъ общинамъ, что городу угрожаетъ швейцарскій полкъ; вслѣдствіе этого четыреста человѣкъ спѣшатъ въ городъ изъ

¹⁾ «Национальный Архивъ», F⁷. «Письмо (напечатанное) директоріи къ военному министру 4 января 1792 года. Письмо марсельскаго муниципалитета директоріи департамента отъ 4 января, и отвѣтъ его.—Барбару, «Межуары», 19.—Здѣсь хорошо обрисовывается роль Барбару въ Марсели; Гаде игралъ подобную-же въ Бордо.

²⁾ Ibid., F-г, 3195. Протоколъ эксаго муниципалитета (по поводу событій 26 февраля) отъ 1 марта.—Письмо де-Вильярди, президента директоріи департамента, помѣченное изъ Авиньона, съ 10 марта (Его сдѣла не убили въ Эксѣ)

Обая; съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе прибываютъ національные гвардейцы изъ всѣхъ сосѣднихъ деревень; улицы наполняются вооруженными, поднимаются шумъ и крики, все болѣе и болѣе увеличивающіеся, и посреди всеобщей паники, муниципалитетъ окончательно теряетъ голову. Онъ опасается ночнаго сраженія «между линейными войсками, гражданами, національными гвардейцами и вооруженными жителями сосѣднихъ городовъ и сель, гдѣ все смѣшается и невозможно будетъ отличить врага отъ друга». Онъ отсылаетъ отрядъ въ триста пятьдесятъ швейцарцевъ, которыхъ директорія выслала имъ на помощь, и приказываетъ всему полку оставаться на своихъ квартирахъ. Тогда директорія департамента спасается бѣгствомъ, всѣ военныя гауптвахты обезоружены, и марсельцы, пользуясь выгодой своего положенія, приходятъ въ два часа утра объявить муниципалитету, «что, съ согласіемъ-ли его или нѣтъ», но они сейчасъ-же нападутъ на казармы. Дѣйствительно, они направляютъ на нихъ свои орудія, нѣсколько разъ стрѣляютъ, убиваютъ одного часоваго, и преслѣдуемый полкъ принужденъ очистить городъ, причемъ солдаты безъ ружей, а офицеры безъ шпаягъ. Оружіе ихъ немедленно разграбляется, народъ набрасывается на подозрительныхъ, спускаетъ фонари и начинаетъ ихъ вѣшать; вѣшаютъ цвѣточницу Кайоль. Муниципалитетъ съ великимъ трудомъ спасаетъ одного человѣка, уже приподнятаго веревкой на два фута отъ земли, и добывается еще для троихъ «временнаго убѣжища» въ тюрьмѣ.

Съ этой минуты въ главномъ городѣ департамента уничтожается всякая власть или, скорѣе, власть эта переходитъ въ другія руки. На мѣсто бѣжавшей директоріи департамента назначаютъ другую, болѣе сговорчивую. Изъ числа тридцати шести администраторовъ, составлявшихъ совѣтъ, лишь двѣнадцать являются на выборы. Изъ девяти избранныхъ, лишь шесть соглашаются занять мѣста; часто на засѣданія является не болѣе трехъ, и эти трое принуждены платить, чтобы добыть себѣ товарищей ¹⁾. И хотя они занимаютъ первое мѣсто во всемъ.

¹⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3196. Письма новой директоріи департамента къ министру отъ 24 марта и отъ 4 апрѣля 1792 года. «Со времени удаленія директоріи наше административное собраніе состоитъ лишь изъ шести членовъ, не смотря на послѣдовательныя приглашенія, обращенныя ко всѣмъ членамъ овета. Изъ нихъ только три соглашаются присоединиться къ намъ, причина тому недостатокъ въ денежныхъ средствахъ». Вслѣдствіе этого, новая директорія постановила выдавать вознагражденіе членамъ совѣта. Это постановленіе, въ

департаментѣ, ихъ больше притѣсняютъ и обижаютъ, нежели послѣднихъ сторожей залы. Делегаты клуба и муниципальные чиновники Марселя заставляютъ ихъ молчать, сами говорятъ и диктуютъ имъ ихъ рѣшенія ¹⁾. «У насъ руки связаны, пишеть одинъ изъ нихъ, — мы совершенно подчинены произволу этихъ силою втершихся людей». «Дважды врывались въ залу болѣе трехсотъ человекъ, вооруженныхъ ружьями со штыками, и угрожали намъ смертью, если мы откажемъ въ ихъ требованіи. Яростные бунтовщики, все болѣею частію авиньонцы, влѣзали на столы директоріи департамента и оттуда держали рѣчи своимъ товарищамъ, возбуждая ихъ къ возстанію и къ преступленію». «Рѣшайте скорѣй между жизнью и смертью, кричали они намъ, — мы вамъ даемъ лишь четверть часа на размышленія». «Черезъ окна залы, открытыя вслѣдствіе сильной жары, національные гвардейцы предлагали свои сабли окружающимъ насъ, дѣлая имъ знакъ, чтобы они снесли намъ головы». Директорія департамента, составленная, урѣзанная и управляемая такимъ образомъ, представляла лишь орудіе въ рукахъ марсельскихъ демагоговъ. Злѣйшіе агитаторы и узурпаторы, подобные Камозну, Бертену и Ребекки, царятъ тамъ полновластно и безконтрольно. Ребекки и Бертенъ, посланные делегатами въ Арль, получили полномочіе требовать войска для своей защиты; но вскорѣ они употребляютъ его для нападенія, и на всѣ увѣщанія директоріи объявляютъ, что теперь «она не имѣетъ ни малѣйшаго права ихъ контролировать или что-либо имъ приказывать, что они вполне независимы и не обязаны давать никакого отчета въ своемъ поведеніи». Тѣмъ хуже для нея, если ей вздумается отрѣшати ихъ отъ власти. Бертенъ объявляетъ вице-президенту, что если онъ на это посягнетъ, то ему отрубятъ голову. На замѣчаніе министра они отвѣчаютъ съ отчаян-

сущности, противорѣчить одной изъ прокламацій короля отъ 15 января, но «прокламація эта была слѣдствіемъ религиозныхъ воззрѣній короля; вы согласитесь, что у свободной націи, вліяніе гражданина на правленіе не должно соразмѣряться съ его состояніемъ, подобный принципъ былъ-бы совершенно ложенъ и уничтожалъ-бы равноправность; мы надѣемся, что король отмѣнитъ это повѣщеніе».

²⁾ Ibid. Письма Борелли, вице-президента директоріи департамента къ министру отъ 10, 17 и 30 апрѣля 1792 года.—Письмо еще одного изъ администраторовъ, отъ 10 марта. «Хотятъ непременно идти на Арль и принудить насъ приказывать это выступленіе».

ною наглостью ¹⁾; они хвалятся своимъ дѣломъ, затѣваютъ новое, и ихъ походъ на Эжсъ былъ лишь первымъ этапомъ зрѣло обдуманной компаніи, имѣвшей цѣлью завладѣть Арлемъ.

III.

Дѣйствительно, нѣтъ города, который бы они болѣе ненавидѣли. Онъ втеченіи двухъ лѣтъ, подъ предводительствомъ и руководствомъ своего мэра д'Антонеля, дѣйствовалъ, добровольно или-же по принужденію, наравнѣ съ ними. Д'Антонель, иррый революціонеръ, нѣсколько разъ лично, своимъ присутствіемъ, поддерживалъ авиньонскихъ бандитовъ; онъ снялъ всѣ орудія и увезъ всѣ снаряды изъ башни св. Людовика, чтобы снабдить ими этихъ разбойниковъ, предоставляя такимъ образомъ свободный входъ въ устья Роны берберейскимъ корсарамъ ²⁾. Онъ властвовалъ въ Арлѣ «помощью террора», благодаря содѣйствію своихъ союзниковъ въ графствѣ, вмѣстѣ съ членами марсельскаго клуба, подкрѣпленный вспомогательною силою сосѣднихъ пригородовъ, и триста человекъ изъ квартала Монё, все ремесленники и матросы, люди съ сильными мускулами и здоровенными руками, являются его сподвижниками. Они 6 іюня 1791 года самовластно изгоняютъ всѣхъ неприсягнувшихъ священниковъ, искавшихъ пріюта въ городѣ ³⁾. Но вслѣдъ

¹⁾ Национальный архивъ, F¹, 3195. Письмо администраторовъ департаментскаго совѣта министру, 16 марта: «Административный совѣтъ удивленъ, что до васъ дошли совершенно превратныя мнѣнія относительно Марселя, между тѣмъ какъ городъ этотъ представляетъ какъ-бы оплотъ патриотизма во всемъ департаментѣ. Если даже въ Парижѣ народъ не дождался распоряженій свмше, когда дѣло шло о взятіи Бастиліи, и о началѣ революціи, чего-же удивительнаго, что въ этомъ знойномъ климатѣ, нетерпѣніе добрыхъ гражданъ заставляетъ ихъ иногда опережать распоряженіе властей и не подчиняться крайне медленному формамъ правосудія, когда дѣло касается ихъ личной безопасности и спасенія ихъ отечества».

²⁾ «Национальный Архивъ», F¹, 3197. Письма трехъ комисаровъ отъ 11 мая, 10 и 19 іюня 1791 года (относительно арльскихъ дѣлъ): «Классъ собственниковъ тамъ давно уже былъ притѣняемъ... Нѣсколько матежниковъ властвовали помощью террора надъ честными людьми, сильно страдавшими».

³⁾ Ibid. Письмо комисаровъ отъ 19 іюня: «Одинъ изъ членовъ шайки предвѣстья Монё публично раздавалъ объявленія (обращенныя къ неприсягнувшимъ священникамъ), съ слѣдующими словами: Если вы не уберетесь къ чорту, то не миновать вамъ нашихъ рукъ».

затѣмъ «собственники и честные люди», гораздо болѣе многочисленные и давно уже негодовавшіе, наконецъ, собрались съ духомъ: 1200 человекъ изъ числа ихъ собрались въ церкви Свѣтъ-Оворе, «поклонились поддерживать конституцію и общественную безопасность» ¹⁾, а затѣмъ отправились въ клубъ. Согласно постановленіямъ самаго клуба, они, въ качествѣ національныхъ гвардейцевъ и дѣйствующихъ гражданъ, толпами зачислились въ его члены; въ то же время, дѣйствуя заодно съ муниципалитетомъ, они перемѣнили весь составъ національной гвардіи и вновь составили всѣ роты, вслѣдствіе чего отрядъ изъ квартала Моне былъ разсассированъ и бунтовщики лишены всей своей прежней силы. Съ той минуты, не прибѣгая ни къ насилию, ни къ какому противозаконному поступку, большинство и въ клубѣ, и въ національной гвардіи, составилось изъ монархистовъ, приверженцевъ конституціи, и выборы, происшедшіе въ ноябрѣ 1791 года, предоставили въ вѣдѣніе приверженцевъ порядка почти всѣ административныя должности общины и округа. Доктора Лойса, человека энергическаго, выбрали мэромъ вмѣсто д'Антонеля, зная, что онъ способенъ противостать бунту, «съ военнымъ закономъ въ одной рукѣ и съ саблею въ другой». — Но это было уже слишкомъ, и Марсель долженъ былъ теперь побороть Арль, «чтобы искупить пѣворъ, падающій на него вслѣдствіе того, что онъ же основалъ Арль». Въ этой странѣ древнихъ городовъ, политическая неприязнь ожесточается взаимною ненавистью муниципалитетовъ; подобно тому какъ Фивы враждовали съ Платеей, Римъ съ Вейей, Флоренція съ Пизой, и марсельскіе гвельфы только и помышляли о томъ, какъ-бы уничтожить гибелиновъ Арля. Уже на избирательномъ собраніи въ ноябрѣ 1791 года, президентъ д'Антонель предложилъ всѣмъ общинамъ своего департамента вооружиться противъ анти-якобинскаго города; 600 марсельскихъ волонтеровъ немедленно выступили, расположились въ Салонѣ, захватили старшаго прокурора неприятельскаго округа, отказывались освободить его и составили авангардъ 4,000 человекъ, обѣщанныхъ сорока или

¹⁾ Ibid. F-7, 3198. Реляція (напечатанная) о томъ, что произошло въ Арль 9 и 10 іюня 1791 года. Письмо Рипера, королевскаго комисара, отъ 5 августа 1791 года. F-г, 3,197. Письма трехъ комисаровъ отъ 19 іюня: «Съ тѣхъ перемножество земледѣльцевъ принесли ту же клятву; этотъ классъ гражданъ болѣе всего стремится къ восстановленію порядка». Другія письма тѣхъ же отъ 24 и 29 октября и 14 декабря 1791 года.

пятидесятью клубами партіи ¹⁾). Чтобы удержать ихъ, потребовались приказанія трехъ комисаровъ, распоряженія еще не смѣненной директоріи департамента, повелѣніе короля, декретъ учредительнаго собранія, строгая дисциплина еще покорныхъ войскъ, стойкость и распорядительность самихъ арлезіанцевъ, усмирившихъ возстаніе монедьеровъ, исправившихъ свои укрѣпленія, снесшихъ и разрушившихъ свои мосты, и почти поголовно не выпускающихъ изъ рукъ заряженнаго ружья ²⁾). Но все это только задерживало дѣло.

Теперь, когда не было больше комисаровъ, когда королевская власть была пустымъ призракомъ, когда былъ обезоруженъ послѣдній вѣрный полкъ, когда запуганная и перестроенная директорія департамента выказывала рабскую покорность, когда законодательное собраніе допускало, чтобы вездѣ приверженцы конституціи притѣснялись якобинцами, противъ нихъ можно было безнаказанно возобновить якобинскую экспедицію, и, 23 марта 1792 года, армія марсельцевъ въ 4,500 человекъ выступаетъ въ походъ, вооруженная девятнадцатью орудіями.

Тщетно представляютъ имъ комисары сосѣднихъ департаментовъ, посланные министромъ, что въ настоящее время Арль смирился, что онъ положилъ оружіе и занятъ линейнымъ гарнизономъ; марсельцы требуютъ удаленія этого гарнизона. Но и это удаленіе оказывается бесполезнымъ. Реббеки и его сподвижники отвѣчаютъ, что ничто не отвратитъ ихъ отъ ихъ предпріятія, что дѣло ихъ самихъ рѣшать, къ какимъ именно предосторожностямъ слѣдуетъ прибѣгнуть, чтобы охранить безопасность южныхъ департаментовъ.

Тщетно министръ возобновляетъ и подтверждаетъ свои по-

¹⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3196. Письмо командира марсельскаго отряда къ директоріи департамента, отъ 22 сентября 1791 года: «Я чувствую, что наше предпріятіе не совсемъ законно, но я изъ предосторожности принужденъ былъ уступить общему желанію всего батальона».

²⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3198. Протоколъ чиновниковъ арльскаго муниципалитета о возстаніи монедьеровъ, 2 сентября 1791 года. Письма Рипера королевскаго комисара отъ 2 и 8 октября. Письмо д'Антонеля друзьямъ конституціи отъ 22 сентября.

«Я не допускаю отъѣзны повелѣнія, которою намъ грозятъ. Подобное рѣшеніе, въ виду существующаго кризиса, было бы слишкомъ безчеловѣчно и слишкомъ опасно; оно отняло бы и кровь и хлѣбъ у тѣхъ изъ нашихъ работниковъ, которые имѣли достаточно мужества жертвовать собою новому закону... Что же касается повелѣнія короля, то оно, повидимому, сдѣлано на скорую руку и носить на себѣ отпечатокъ торопливости и неожиданности».

вья распоряженія; директорія департамента, не стѣсняясь очевидно ложью, отвѣчаетъ, что ей ничего неизвѣстно, и отказываетъ правительству въ своей помощи. Тщетно де-Витгенштейнъ, главнокомандующій южной арміи, предлагаетъ директоріи отразить вторженіе; директорія требуетъ, «чтобы онъ не вступалъ съ своими войсками на территорію департамента». Однако 29 марта марсельцамъ удалось пробить пушечными выстрѣлами брешь въ беззащитномъ Арлѣ; укрѣпленія его разрушены; на его собственниковъ наложена контрибуція въ 1.400,000 ливровъ. Не взирая на декретъ національнаго собранія, монедьеры, портовые работники, вся низшая чернь снова взялась за оружіе и тиранизировала обезоруженное население. Хотя «королевскій комисарь и большинство судей убѣждали», но «судять отсутствующихъ съ присяжными», и присяжныхъ этихъ изображаютъ монедьеры. Побѣдители заточаютъ, бьютъ и убиваютъ¹⁾ власть. Множество мирныхъ гражданъ избито, посажено въ тюрьму, ранено смертельно; одного восьмидесятичетырехлѣтняго старика, военнаго, за три мѣсяца передъ тѣмъ поселившася въ деревнѣ, заточаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ умираетъ черезъ двадцать дней отъ удара прикладомъ въ животъ; избито нѣсколько женщинъ; всѣ граждане, «заинтересованные въ исполненіи законовъ», около пяти тысячъ семействъ, эмигрировали; всѣ ихъ городскіе и загородные дома разграблены, и въ сосѣднихъ селеніяхъ, по всей дорогѣ, ведущей отъ Арля до Марсели, толпы негодяевъ и мошенниковъ, составляющихъ самое ядро марсельской арміи, бѣснуются, упиваются и обогащаются въ покоренной странѣ²⁾.

Ѣдятъ, пьютъ, разламываютъ швафы, уносятъ бѣлье и провизію, уводятъ лошадей, грабятъ цѣнныя вещи, бьютъ мебель, рвутъ книги, сжигаютъ бумаги, — это заслуженное возмездіе аристократамъ, да и слѣдуетъ же патриотамъ отдохнуть отъ всѣхъ трудностей и по возможности вознаградить себя; и что значить нѣсколько лишнихъ ударовъ, когда дѣло идетъ о преобладаніи

¹⁾ «Мониторъ», XII, 4081, засѣданіе 16 мая. Письмо де-Ломбара, временнаго королевскаго комисара, Арль, 6 и 10 іюля. «Нѣтъ ни единой личности или собственности, которыхъ бы пощадили эти люди, прикрывающіеся маскою патриотизма».

²⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3196. Письмо де-Борели, вице-президента директоріи департамента, къ министру, Эжсъ, 30 апрѣля 1792 года: «Поведеніе господъ Бертена и Ребеки было причиною всѣхъ безпорядковъ, произведенныхъ въ этихъ злосчастныхъ мѣстностяхъ... Ихъ единственная цѣль — собирать контрибуціи, какъ они поступили относительно Арля, обогащаться и опустошать страну».

партии добрыхъ, хорошихъ патриотовъ! Напримѣръ, вслѣдствіе ложнаго слуха о томъ, что общественный порядокъ нарушенъ въ Шато-Ренарѣ, Бертенъ и Ребекки послали туда отрядъ; муниципалитетъ, въ полной формѣ, сопровождаемый національною гвардіею, съ знаменами и музыкою, отправляется къ нему на встрѣчу, чтобы этимъ почтить его. Марсельцы набрасываются на шествіе, вырываютъ знамена, обезоруживаютъ національную гвардію, срываютъ съ офицеровъ эполеты, волочатъ мэра по землѣ за его шарфъ, преслѣдуютъ съ обнаженными саблями совѣтниковъ, арестовываютъ мэра и старшаго прокурора, и втеченіи ночи грабятъ четыре дома, совершая все это подъ предводительствомъ трехъ мѣстныхъ якобинцевъ, обвиненныхъ въ недавнихъ преступленіяхъ. Впредь въ Шато-Ренарѣ не станутъ такъ неосмотрительно обвинять патриотовъ. Въ Вело «опустошаютъ и грабятъ загородный домъ бывшаго владѣтеля, уносятъ все, не исключая даже оконныхъ рамъ и черепицъ»; шайка въ 200 человекъ «обходитъ все селеніе, налагаетъ контрибуціи и заставляетъ болѣе зажиточныхъ гражданъ подписывать обязательства на уплату значительныхъ суммъ». Предводитель марсельцевъ, Камоэнъ, одинъ изъ новѣхъ администраторовъ департамента, загребаетъ все попадающееся ему подъ руку и, нѣсколько дней спустя, въ его чемоданѣ находятъ 30,000 франковъ. Естественнымъ образомъ, подобный примѣръ находитъ много подражателей и грабежъ распространяется и растетъ съ каждымъ днемъ; въ каждомъ мѣстечкѣ или небольшомъ городѣ клубъ пользуется неурядицею, чтобы утолить свое честолюбіе, свою алчность и свою неприязнь. Аптскій клубъ прибѣгъ къ помощи своихъ сосѣдей и въ одно прекрасное утро въ городъ вступаютъ 1,500 національныхъ гвардейцевъ изъ Горда, Сэнъ-Сатурнина, Гуля и Лякоста, въ сопровожденіи тысячи женщинъ и дѣтей, вооруженныхъ палками и вилами. Ихъ спрашиваютъ, вслѣдствіе какого приказа являются они подобнымъ образомъ; они отвѣчаютъ, что «приказъ данъ имъ ихъ собственнымъ патриотизмомъ». «Причиною ихъ прихода были фанатики» или сторонники неприсягнувшихъ священниковъ, вслѣдствіе чего они требуютъ, чтобы ихъ размѣстили на счетъ «этихъ самыхъ фанатиковъ». Три дня подобнаго поста обойдутся послѣднимъ и городу въ 20,000 ливровъ. Для начала они все перебиваютъ во францисканской церкви и затѣмъ замуравливаютъ ея двери; послѣ того они изгоняютъ изъ города всѣхъ неприсягнувшихъ священниковъ и обезоруживаютъ ихъ сторонниковъ. Втеченіи трехъ дней аптскій клубъ, представляющій единственный авто-

ритеть, не прерываетъ своихъ засѣданій. «Всѣ сосѣдніе муниципалитеты являются туда съ повинною, съ увѣреніемъ въ своемъ патріотизмѣ и съ мольбами не посылать къ нимъ отрядовъ. Вызываютъ къ допросу знатныхъ лицъ»; многихъ изъ нихъ вносятъ въ списокъ обвиненныхъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ администраторовъ, членовъ суда и главнаго прокурора; большое число гражданъ спасается бѣгствомъ; весь городъ очищенъ. И во многихъ мѣстахъ, въ самомъ округѣ, и внѣ его, совершаются подобныя же очищенія¹⁾. И дѣйствительно, такое занятіе очень заманчиво. Оно опоражняетъ вешельки неблагонамѣренныхъ и наполняетъ желудки патріотовъ; пріятно быть хорошо помѣщеннымъ, особенно же на счетъ своихъ противниковъ, а якобинецъ охотно спасаетъ отечество, если средство къ этому заключается въ самоуслажденіи. Къ тому же ему предоставляется пріятнѣйшее право распоряжаться по своему усмотрѣнію, подобно царю, у своихъ сосѣдей, и за эту услугу его не только кормятъ, но ему еще платятъ. Все это пируетъ и радуется, и экспедиціи, начавшаяся содомомъ, кончается карнаваломъ. Изъ двухъ марсельскихъ отрядовъ, одинъ, вернувшійся въ Эксъ, устраиваетъ большой «патріотическій» пиръ, затѣмъ пляшетъ фарандолу, главная изъ воихъ управляется самимъ мѣромъ икомендантомъ; другой же совершаетъ, почти въ тотъ же день, съ еще большимъ торжествомъ и ликованіемъ, свое вступленіе въ Авиньонъ.

IV.

Во всей Франціи не было другаго подобнаго разбойничьяго гнѣзда; и не то, чтобы болѣе лютая нужда причинила тамъ болѣе дикую жакерію, напротивъ того, до революціи все графство было привилегированною, изобильною землею; папа не собиралъ тамъ податей; налоги, крайне умѣренные, тратились тамъ же, на мѣстѣ; «за какіе нибудь одинъ или два су тамъ можно было купить и хлѣба, и вина, и мяса». Но подъ снисхо-

¹⁾ «Національный Архивъ», F⁷, 3193. Письмо директоріи Аптскаго округа отъ 28 марта: «26 марта 600 вооруженныхъ людей изъ общинъ Аптской, Виенской, Рустельской и т. д. отправились въ Свѣтъ-Мартенъ-де-Кастильонъ и, подъ предлогомъ возстановленія тамъ порядка, наложили контрибуцію на жителей, на счетъ которыхъ они помѣстились и продовольствовались». Подобныя набѣги распространяются даже на сосѣдніе департаменты: 23 марта совершается одинъ на Сольтъ, лежащій невдалекѣ отъ Форкалье, въ верхнихъ альпахъ.

дительнымъ и недобросовѣстнымъ управленіемъ итальянскихъ легатовъ провинція эта сдѣлалась «вѣрнымъ пріютомъ для всѣхъ проходимцевъ Франціи, Италіи и Генуи; за небольшое вознагражденіе, выдаваемое ими папскимъ агентамъ, они заручились ихъ покровительствомъ и полнѣйшею безнаказанностью». Туда стекалась масса контрабандистовъ и укрывателей контрабанды, успѣшно пробивавшихъ цѣпь французскихъ таможенъ. «Тамъ образовались цѣлыя шайки воровъ и убійцъ, которыхъ парламенты эксій и гренобльскій не были въ состояніи искоренить, не смотря на всю свою строгость. Праздношатающіеся, люди распутные, шулера, интриганы, паразиты, люди продажные, авантюристы сталкивались тамъ съ людьми заклеяменными, съ ветеранами порока и преступленія, съ бѣглецами тулонскими и марсельскими каторжниками». Кровожадность прикрывалась тамъ развратомъ, какъ змѣя, заползающая въ тину, и при всякомъ удобномъ случаѣ непотребный домъ становился притономъ убійства.

Якобинскимъ вожакамъ, Турналю, Роверу, обоимъ Дюпра, обоимъ Мэнвельямъ, Лэкюэ, было нетрудно вербовать себѣ сторонниковъ въ этомъ клоакѣ. Сперва изъ среды городской сволочи и негодяевъ пригорода, изъ крестьянъ, злобствовавшихъ на поборы у городскихъ заставъ, изъ бродягъ, ненавистниковъ всякаго порядка, изъ носильщиковъ и матросовъ, вооруженныхъ косами, вертелами и дубинами, они смастерили семь или восемь бунтовъ, выгнали легата, заставили консуловъ отказаться отъ своихъ должностей, повѣсили командировъ національной гвардіи и вождей консервативной партіи, заняли всѣ муниципальныя мѣста ¹⁾. Затѣмъ, изъ своей шайки они образовали

¹⁾ Можно найти подробности относительно этихъ фактовъ у Андре и у Сулье, въ «Исторіи авиньонской революціи». Убійство семерыхъ главныхъ противниковъ, дворянъ, священниковъ, ремесленниковъ, отъ 11 іюня 1790 года.— «Национальный Архивъ», DXXIV, 3. Исходною точкою возстаній служить вражда яansenista Камюса, депутата учредительнаго собранія. Къ этому дѣлу принадлежатъ письма, обращенныя къ нему, съ апрѣля 1790 г., главными авиньонскими якобинцами, Мэнвельемъ, Рафелемъ, Ришаромъ и др., между прочими слѣдующее (іюль 1790 года): «Умоляемъ насъ продолжать вашу работу. Вы, сударь, первый внушили намъ желаніе освободиться и потребовать обратно наше право саятса съ великодушною націею, отъ которой насъ оторвало предательство и обманъ. Что же касается политическихъ средствъ и приманокъ, то онѣ являются все тѣми же; примитромъ можетъ служить слѣдующее письмо одного авиньонца, которому покровительствуетъ Камюсъ, къ нему же, отъ 13 іюля 1791 года: «Я получилъ отъ думы разрѣшеніе занять квартиру, находящуюся въ зданіи палаты, чтобы тамъ устроить трактиръ... Ваша доброта служить залогомъ моему успѣху... Какъ я ничтоженъ въ сравненіи съ вами!»

войско наглое и своевольное, платящее само себя грабежомъ, подобное войску Тилли и Валленштейна, «настоящій странствующій Содомъ, котораго постыдился бы и древній библейскій». На 3,000 человекъ въ немъ насчитывается лишь 200 авиньонцевъ; остальная же часть состоитъ изъ французскихъ дезертировъ, изъ контрабандистовъ, изъ бѣглыхъ преступниковъ, изъ бездомныхъ бродягъ, изъ мародеровъ и хищниковъ, почуявшихъ добычу и стекшихся отовсюду, даже изъ Парижа ¹⁾; съ ними шествуютъ и ихъ самки, еще болѣе отвратительныя и кровавадыя. Чтобы яснѣе опредѣлить, что убійство и грабежъ ихъ узаконенная расправа, они умертвили, какъ измѣнника, своего старшаго генерала Патрикаса, виновнаго въ томъ, что онъ освободилъ одного заключеннаго, и выбрали вмѣсто него бывшаго разбойника, грабившаго по большимъ дорогамъ, приговореннаго къ смерти валенскимъ судомъ и убѣжавшаго наканунѣ казни, Журдана, прозваннаго Головорѣзомъ, по случаю того, что, 6 октября, онъ, какъ говорятъ, срѣзалъ въ Версали головы двумъ королевскимъ лейбъ-гвардейцамъ ²⁾. Подъ такимъ начальствомъ, отрядъ увеличивается, и составляетъ, наконецъ, корпусъ въ 5 или 6 тысячъ человекъ, останавливающій прохожихъ и вербующій ихъ насильно; ихъ называютъ мандринами; однако,

¹⁾ «Национальный Архивъ», DXXIV, 3. «Отчетъ о событіяхъ, 10 октября 1791 г.». Письмо трехъ комисаровъ авиньонскому муниципалитету, отъ 21 апрѣля, и министру, отъ 11 мая 1791 года: «Намъ сообщили изъ достоверныхъ источниковъ, что въ авиньонской арміи, по крайней мѣрѣ, 500 французскихъ дезертировъ». Тѣ же, къ министру, 21 мая и 8 іюня: «Невозможно терпѣть, чтобы разбойники, прозывающіеся войскомъ, учредили посреди маленькой страны, окруженной Франціею со всехъ сторонъ, опаснѣйшую школу грабежа, когда либо унавившую или мучившую человечество». — Письмо де-Вальярди, президента директоріи департамента Устьевъ-Роны, отъ 21 мая: «Болѣе двухъ миліоновъ общественныхъ имуществъ предоставлены расхищенію и полнѣйшему уничтоженію этихъ новыхъ мандриновъ, опустошающихъ несчастную страну». — Письмо Мэгла, сержанта-вербовщика ла-маркессаго полка, арестованнаго, съ двумя его товарищами, 21 мая: «Корпусъ мандриновъ, арестованшій насъ, возвратилъ намъ опять свободу... Насъ арестовали вслѣдствіе того, что мы отказались причислиться къ нимъ, и за нашъ отказъ ежедневно угрожали намъ висѣлицею».

²⁾ Мортимеръ-Тэрно, I, 379 («Замѣтка о Журданѣ», написанная депутатомъ Форокъ).—Барбару, «Мемуары» (изданіе Добана), 392: «Послѣ смерти Патрикаса возникъ вопросъ о томъ, кого назначить генераломъ; никто не хотѣлъ этого мѣста въ арміи, показавшей примѣръ самой ужасной непокорности. Журданъ встаетъ и объявляетъ, что онъ согласенъ принять это назначеніе. Ему ничего не отвѣчаютъ; тогда онъ самъ себя назначаетъ и спрашиваетъ солдатъ, хотѣтъ ли они его въ начальники. Пьяница долженъ былъ понравиться пьяницамъ; ему аплодируютъ и его избираютъ».

название это несправедливо относительно самого Мандрина, такъ какъ они не только воюють, подобно ему, противъ общественныхъ представителей и общественныхъ имуществъ, но и противъ собственности, чести и жизни частныхъ лицъ. Одинъ отрядъ требуетъ, на примѣръ, въ Каваллонѣ заразъ 25,000 ливровъ, въ Бомѣ 12,000, въ Обиньонѣ 15,000, въ Пиюлинѣ 4,800 и собираетъ съ Комона, по 2,000 еженедѣльно. Въ Саррианѣ, мэръ котораго самъ вручилъ имъ ключи отъ города, они совершенно разграбили дома, увезли тридцать три повозки, наполненные добычею, и поджигали, насиловали и убивали со всею утонченностью кровожадныхъ гуруновъ; одну восьмидесятилѣтнюю старушку, разбитую параличемъ, застрѣливаютъ и оставляютъ въ врови, умирающую, посреди пламени; пятилѣтняго ребенка разсѣкаютъ пополамъ, обезглавливаютъ его мать и изувѣчиваютъ его сестру; у священника отрѣзають уши и прикалываютъ ихъ ему ко лбу вмѣсто кокарды, потомъ его убиваютъ, вмѣстѣ съ свиньею, вырываютъ оба сердца и пляшутъ на нихъ¹⁾. Затѣмъ, втеченіи пятидесяти дней, вокругъ тщетно осаждаемаго Карпентраса, вволю разгулялись всѣ инстинкты ничѣмъ невынужденной и бесполезной жестокости, вполнѣ развитыи у кочегаровъ (chauffeurs); стремленіе къ людоедству, вновь появляющееся иногда въ средѣ каторжниковъ; развращенная и противоестественная чувственность, встрѣчающаяся у изступленныхъ и маниаковъ.

Авиньонъ, при видѣ чудовища, которое онъ вскормилъ, пугается и испускаетъ вопли ужаса²⁾; но звѣрь, почувавшій въ

¹⁾ «Национальный Архивъ», F⁷, 319. Письмо мадамъ Габриелли, отъ 14 марта 1791 года (Разграбленіе ея дома въ Каваллонѣ, 10 января; она спаслась съ своею горничною по яршамъ домовъ). — Письмо муниципальных чиновниковъ Тараскона, отъ 22 мая: «Отрядъ, вступившій въ округъ, грабить все, что ему встрѣчается по дорогѣ». — Письмо оранжскаго прокурора, отъ 22 мая: «Въ среду, на этой недѣлѣ, одинъ изъ нихъ изнасиловалъ десятилѣтнюю дѣвочку, шедшую изъ Шатонефа въ Куртесонъ; бѣдный ребенокъ совсѣмъ умираетъ». — Письмо трехъ комисаровъ къ министру, отъ 21 мая: «Всѣ, заслуживающіе довѣрія люди подтверждаютъ единогласно, что такъ называемые патриоты, будто бы, такъ прославившіеся въ Саррианѣ, ничто иное, какъ людоеды, равно проклипаемые въ Авиньонѣ и въ Карпентрасѣ».

²⁾ «Национальный Архивъ», F⁷, 3197. Письмо изъ Устьева-Роны, отъ 21 мая 1791 года. Совѣщаніе авиньонскаго муниципалитета при помощи выборныхъ и военнаго комитета, 15 мая: «Огромныя издержки по продовольствію и уплатѣ жалованья отрядамъ... насильственные контрибуціи. Что возмутительнѣе всего, это полнѣйшій произволъ собирающихъ контрибуцію относительно жителей; первые

себѣ силу, огрызается на своихъ бывшихъ защитниковъ и требуетъ своего обычнаго корма. Пусть Авиньонъ раззоряется, но онъ все-таки обязанъ внести и свою лепту. Въ избирательномъ собраніи Мэнвиль младшій, назначенный избирателемъ, хотя ему не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, прогуливается съ угрожающимъ видомъ, выставя напоказъ пару пистолетовъ, заткнутыхъ у него за поясомъ. «Президентъ Дюпра, чтобы совсѣмъ уничтожить вліяніе своихъ товарищей, предлагаетъ имъ оставить Авиньонъ и переселиться въ Соргъ; они отказываются, вслѣдствіе чего онъ приказываетъ окружить ихъ пушками, предлагаетъ заплатить всѣмъ тѣмъ, кто послѣдуетъ за нимъ, увлекаетъ нерѣшительныхъ и обвиняетъ остальныхъ передъ верховнымъ національнымъ судомъ, членовъ котораго онъ назначилъ самъ. Такимъ образомъ обвиняются и приговариваются къ смерти двадцать избирателей; Дюпра угрожаетъ войти силою, казнить ихъ на мѣстѣ, и войско мандриновъ идетъ подъ его предводительствомъ на Авиньонъ. Остановленное и сдерживаемое втеченіе двухъ мѣсяцевъ французскими комиссарами—посредниками, разкассированное и почти окончательно распущенное ими, ему удастся ловкимъ маневромъ опять захватить свою добычу. 21 августа 1791 года Журданъ, предводительствуя своею шайкой негодяевъ, завладѣваетъ палатой; муниципалитетъ изгнанъ, мэру удается спастись, переодѣвшись въ чужое платье; секретаря Тиссо рубятъ саблями, четырехъ муниципальных чиновниковъ и еще сорокъ человекъ бросаютъ въ тюрьму; множество домовъ бѣглецовъ и священниковъ разграбляютъ, что снабжаетъ разбойниковъ ихъ первымъ зачетомъ. Затѣмъ начинается большая фискальная операція, долженствующая набить ихъ карманы. Пятеро подставныхъ лицъ, избранныхъ Дюпра и компаніей, составляютъ съ Лэкуэ, исправляющимъ должность секретаря, временной муниципалитетъ, облагающій городъ налогомъ въ 300,000 ливровъ, закрывающій монастыри и пускающій въ продажу церковныя имущества. Колокола спущены, и весь день гремятъ удары молотовъ работниковъ, разбивающихъ ихъ. Ящики, полные серебра, брилліантовъ и золотыхъ крестовъ, отбираются у директора ломбарда, получившаго ихъ на сохраненіе, и переносятся въ мѣцанскую управу; тогда распространяется слухъ о томъ, что драгоценности, заложенные

руководится лишь тѣмъ, хорошіе ли они патріоты или нѣтъ... Муниципалитетъ, военный комитетъ и общество друзей конституціи осмѣлись заявить свое неудовольствіе; смертный приговоръ, произнесенный противъ всѣхъ поголовно былъ единственною наградою ихъ вѣрности французской конституціи».

бѣдными, украдены муниципалитетомъ, и что разбойники вывезли уже изъ города восемнадцать чемодановъ наполненныхъ ими». Вслѣдствіе этого, женщины, озлобленныя и возмущенныя опустошеніемъ церквей, рабочіе, не имѣющіе ни куска хлѣба, ни работы, наконецъ весь простой народъ приходитъ въ ярость, собирается въ церкви францисканцевъ, требуетъ Лэвюэ, стаскиваетъ его съ каедры и убиваетъ.

На этотъ разъ партія разбойниковъ вѣжета погубшей, такъ какъ весь городъ, и чернь, и буржуазія противъ нея, а по деревнямъ крестьяне, которыхъ они обираютъ налогами, встрѣчаясь съ ними, стрѣляютъ по нимъ.—Но при помощи террора можно устоять и съ малымъ количествомъ, и крайніе якобинцы рѣшаютъ осилить городъ въ 30,000 жителей при содѣйствіи своихъ 350 наемныхъ убійцъ и разбойниковъ. Старшій Мэнвиель является съ двумя орудіями и съ патрулемъ, на удачу стрѣляетъ въ наполовину очищенную церковь и убиваетъ двоихъ. Дюпра засаживаетъ въ тюрьму чловѣкъ съ тридцать буржуа, захваченныхъ на удачу 31 августа, и кромѣ того чловѣкъ сорокъ ремесленниковъ принадлежащихъ къ католическимъ братствамъ, носильщиковъ, булочниковъ, бочаровъ, поденщиковъ, двухъ крестьянъ, одного нищаго, нѣсколько женщинъ, взятыхъ въ силу самыхъ неопредѣленныхъ подозрѣній, изъ которыхъ, на примѣръ, одну обвиняютъ въ томъ, «что она дурно говорила о мадамъ Мэнвиель». Журданъ поставляетъ имъ налачей; аптекаръ Мандэ, зять Дюпра, опаиваетъ послѣднихъ крѣпкими напитками; одинъ изъ конторщиковъ газетчика Турнеля совѣтуетъ имъ «убить всѣхъ, чтобы не осталось свидѣтелей». Тогда въ силу упорнаго приказанія Мэнвиеля, Турнеля, Дюпра и Журдана, съ 16 октября начинается избіеніе, продолжающееся шестьдесятъ шесть часовъ и сопровождающееся самымъ безчеловѣчнымъ звѣрствомъ и возмутительнѣйшимъ насилуваніемъ: убиваютъ двухъ священниковъ, троихъ дѣтей, восьмидесятилѣтняго старика, тринадцать женщинъ, изъ коихъ двоихъ беременныхъ, всего шестьдесятъ одного чловѣка; несчастныхъ, изрѣзанныхъ, избитыхъ, бросаютъ одинъ на другаго въ яму глысера, мать на тѣло ребенка, отца на тѣло сына, всѣхъ добиваютъ окончательно каменьями и заваливаютъ негашенною известью во избѣжаніе зловонія ¹⁾ Затѣмъ еще цѣлая сотня уби-

¹⁾ «Національный Архивъ» DXXIV, 3. Донесеніе о событіяхъ 16 октября: «Убито двое присягнувшихъ священника, обстоятельство, доказывающее, что здѣсь дѣло не въ контръ-революціи... Убито шесть муниципальных чиновниковъ. Они были

тая на улицахъ, выбрасывается въ Соргскій каналъ; пятьсотъ семействъ спасается бѣгствомъ. Освобожденные бандиты возвращаются цѣлыми толпами, и главные убійцы, водворившіеся и прославившіеся силою убійства, учреждаютъ въ пользу своей восстановленной шайки узаконенный грабежъ, отъ котораго никто не избавленъ.

Вотъ каковы арльскіе и марсельскіе друзья якобинцевъ; вотъ тѣ честные и достойные люди, которымъ д'Антонель пришелъ держать рѣчь въ авиньонскомъ соборѣ; вотъ истые патриоты, захваченные на мѣстѣ грабежа и убійства французскою арміею, обличенные подробнѣйшимъ процесомъ, приговоренные единогласнымъ требованіемъ освобожденныхъ избирателей и обдуманымъ судомъ новыхъ комисаровъ-посредниковъ¹⁾, и они-то включаются въ амнистію, объявленную за мѣсяць до ихъ послѣдняго ужасающаго преступленія. Однако, самодержавные властелины Устьева Роны не считаютъ освобожденіе своихъ братьевъ и союзниковъ за милость: «убійцамъ глясьера» мало одного прощенія и забвенія. 29 апрѣля 1792 года въ Авиньонъ вступаютъ, въ сопровожденіи трехъ марсельскихъ батальоновъ Ребеки и Бертона, побѣдители Арля; во главѣ шествія находятся отъ тридцати до сорока главныхъ убійцъ, которыхъ само законодательное собраніе приказало вознаграждать за ихъ тюремное заключеніе, какъ-то: Дюпра, Мэнвиель, Турнель, Мэндъ, затѣмъ Журданъ, увѣнчанный лаврами, въ мундирѣ главнокомандующаго, верхомъ на бѣломъ конѣ, затѣмъ ихъ жены, г-жи Дюпра, Мэнвиель и Турнель, одѣтыя амазонками, на триумфальной колесницѣ; во время шествія раздаются крики, что «на этотъ разъ глясьеръ наполнять до краевъ». При ихъ приближеніи всѣ представители общественной власти разбѣгаются; 1,200 человекъ покинули городъ. Немедленно каждый террористъ, бережно охраняемый марсельскими штыками, возвращается на свое мѣсто, словно хозяинъ, возвращающійся къ себѣ въ домъ; бывший судья Рафель и его секретарь, оба приговоренные къ тюремному заключенію, публично исправляютъ свои

избраны законнымъ образомъ, волею народною, во время самой революціи: значить они не могли не быть патриотами». Бюше и Ру, XII, 420. Протоколъ авиньонской общины касательно событій 16 октября.

¹⁾ На процесъ были выслушаны показанія ста придати пяти свидѣтелей.— Де-Доммартэнъ, I, 266. Вступленіе французской арміи въ Авиньонъ 16 ноября 1791 года: «Всѣ богатые люди, за исключеніемъ самого ничтожнаго меньшинства, или бѣжали, или погибли. Всѣ лучшіе дома были пусты и закрыты».

обязанности, а родственникамъ несчастныхъ, погибшихъ 16 октября и свидѣтелямъ, показывавшимъ на судѣ, угрожаютъ на улицахъ. Одного изъ нихъ убиваютъ, и Журданъ, полномочный владыка департамента на цѣлый годъ, ставъ во главѣ и національной гвардіи, и жандармеріи, начинаетъ съизнова и уже въ большомъ размѣрѣ то ремесло, къ которому онъ прибѣгалъ первоначально, когда, еще при старомъ государственномъ строѣ, онъ, при помощи двѣнадцати «хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ конями разбойниковъ», работалъ по большой дорогѣ, грабилъ ночью одиноко стоящіе дома, укралъ 24,000 ливровъ въ одномъ только замкѣ.

V.

Такимъ способомъ достигается якобинцами побѣда; уже въ апрѣлѣ 1792 года, она распространяется, при помощи насилій, почти равныхъ только что описаннымъ, на болѣе нежели двадцать департаментовъ, и при помощи нѣсколько менѣе жестокихъ насилій на шестьдесятъ другихъ¹⁾. Составъ партій повсе-

¹⁾ «Революція», I, 444—456, о шестой жакерее, руководимой всѣми якобинцами. Два или три примѣра достаточно очерчиваютъ ихъ духъ и образъ дѣйствія. «Национальный Архивъ», F⁷, 3202. Письмо директора Орильянскаго округа, отъ 27 марта 1792 года, съ протоколами: «Двадцатаго марта, человекъ сорокъ разбойниковъ, именовавшихъ себя патриотами и друзьями конституціи, принудили жителей девяти или десяти домовъ въ Капель-Виканъ, честныхъ и хорошихъ гражданъ, но бѣдныхъ, выплатить имъ по 5, по 10, по 20 и даже по 40 франковъ съ человека». Другіе разрушаютъ или грабятъ замки Руэскій, Родскій, Марколесскій, Витрокскій и влечатъ за собою муниципальныхъ чиновниковъ. «Мы, мэръ и чиновники муниципалитета Витрокской общины, мы собрались вчера, 22 марта, дабы послѣдовать примѣру соседнихъ съ нами общинъ по случаю разрушенія замковъ. Мы отправились во главѣ нашей и салъветатской національной гвардіи къ вышеозначенному замку (Витрокскому). Мы начали съ того, что водрузили національное знамя и принялись разрушать. Буассетская національная гвардія сперва набросилась на напитки и на съѣстные припасы и вела себя крайне необузданно и дико, не щадя ни часовъ, ни зеркалъ, ни дверей, ни шкафовъ, ни оконныхъ рамъ, ни бумагъ, однимъ словомъ, уничтожая все, попадавшееся имъ на глаза. Изъ нихъ отдѣлилось человекъ сорокъ, чтобы идти въ соседнюю деревню, жители которой были хорошіе патриоты; они заставляли тамъ всѣхъ выплачивать имъ известную сумму, и оказывавшимъ сопротивление угрожали смертью; сверхъ того, Буассетская національная гвардія уноситъ съ собою изъ замка всю мебель.—Затрудненіи муниципалитетовъ при столкновеніяхъ съ якобинскими экспедиціями часто крайне комичны. (Письмо муниципальных чиновниковъ Коттина къ сень-флурской директоріи отъ 26 марта): «Очень рады, что

мѣстно тотъ же. Съ одной стороны, отверженцы всѣхъ сословій и положеній, «расточители, промотавшіе свое наслѣдіе и ненавидящіе всѣхъ, у кого оно уцѣлѣло; люди безъ всякаго значенія и положенія, которымъ общественный безпорядокъ даетъ возможность обогатиться и занять общественныя должности; завистники, неблагодарные, которымъ достаточно одного дня революціи, чтобы отплатить своимъ благодѣтелямъ; горячія головы, восторженные новаторы, проповѣдующіе разумъ съ виньяломъ въ рукѣ; неимущіе, грубая и голодная чернь, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся, руководимая анархизмомъ, примѣромъ безнаказанности, безсиліемъ и безмолвіемъ кары и закона». Съ другой стороны, люди мирные, осѣдлые, занятые своими частными дѣлами; буржуа или почти что буржуа, по уму и сердцу, «ослабленные привычною безопасностью или наслажденіями, изумленные неожиданнымъ переворотомъ и затрудняющіеся дать себѣ въ немъ отчетъ; раздѣленные разнообразіемъ своихъ интересовъ; противопоставляющіе лишь извѣстный тактъ и осторожность продолжительной дерзости и презрѣнію законныхъ средствъ; неумѣющіе ни рѣшиться на что-либо, ни оставаться совершенно безучастными; печально пересчитывающіе приносимыя ими жертвы въ ту минуту, когда врагъ лишаетъ ихъ послѣдней возможности приносить таковыя; однимъ словомъ, борющіеся изнѣженно и эгоистично противъ расхорившихся и ничѣмъ неудержимыхъ страстей, противъ хищной нищеты и смѣлой безнравственности»¹⁾. Вездѣ результатъ столкновенія одинаковъ. Въ каждомъ городѣ и въ каждомъ кантонѣ неболь-

имѣемъ сообщить вамъ слѣдующее: въ нашесѣ приходѣ образовалась сходка, въ составъ которой входитъ немало жителей сосѣднихъ общинъ; все сборище направилось къ дому нѣкоего Тасси и требуетъ неизвѣстную намъ пока сумму, жители настаиваютъ на выдачѣ этой суммы, чтобы имѣть возможность содержать это сборище; и такъ люди эти видимо собрались съ цѣлью поддержанія конституціи и упроченія законовъ».

¹⁾ «Национальный Архивъ», F⁷, 3185 и 3186. Письмо президента Лаонскаго (Энь) округа къ министру, отъ 8 февраля 1792 года: «Что же касается дворянъ и священниковъ, то развѣ изъ личнаго опасенія можно указывать на нихъ, какъ на людей, посѣвающихъ среди насъ безпорядки. Всѣ они исключительно требуютъ общественнаго спокойствія и акуратной уплаты ихъ пенсій». Де-Демартенъ, II, 63 (объ очищеніи Арля, апрѣль 1792 года). Въ виду наступленія противозаконной марсельской арміи, де-Демартенъ, ихъ главный военный начальникъ, приказываетъ арлезіанцамъ вооружиться всѣмъ поголовно. Никто не является, женщины приносятъ ночью обратно розданныя имъ мужьямъ ружья, всего набирается 100 волонтеровъ, присоединяющихся къ линейнымъ войскамъ.

шая, но рѣшительная толпа безцеремонныхъ фанатиковъ, дерзкихъ авантюристовъ, алчныхъ бродягъ, заставляетъ покориться пугливое большинство, привыкшее къ регулярности старинной цивилизаціи и несмѣющее потревожить обычнаго порядка въ видахъ превращенія безпорядка, ни возстать противъ возстанія. Принципъ якобинцевъ вездѣ тотъ же. «Система ваша, говоритъ имъ одна изъ департаментскихъ директорій, — заключается въ томъ, чтобы дѣйствовать невозмутимо во всѣхъ случаяхъ, даже и послѣ принятой конституціи, послѣ того, какъ определены границы всякой власти, какъ будто все государство находится въ полнѣйшемъ разстройствѣ и возмущеніи, и словно вы облечены диктатурою, необходимою для спасенія города, словно вы, во имя общественной безопасности, облечены верховною неограниченною властью». И тактика якобинцевъ вездѣ одна и та же. Съ самаго начала они присвоили себѣ монополію патриотизма, и посредствомъ грубаго и насильственнаго уничтоженія другихъ обществъ, они стали единственнымъ видимымъ органомъ общественнаго мнѣнія. Ихъ голосъ сейчасъ же показался гласомъ народнымъ; ихъ вліяніе сейчасъ же установилось надъ законными властями; они все шли впередъ помощью ничѣмъ неудержимаго и безостановочнаго захвата, и безнаказанность узаконила ихъ узурпацію.

Изъ всѣхъ хорошихъ-ли или дурныхъ агентовъ, открыто призываемыхъ или неузаконенныхъ, лишь тотъ властвуетъ въ дѣйствительности, который неприкосновененъ. Клубъ-же давно и слишкомъ привыкъ къ первенству, къ безконтрольному владычеству, къ притѣсненію всего остальнаго, къ удовлетворенію личной мести, чтобы мѣстная администрація осмѣлилась не признавать его неприкосновеннымъ. Такимъ образомъ онъ управляетъ, и его посредственное вліяніе быстро переходитъ въ непосредственную власть. Якобинцы, первенствуя и большею частію составляя весь персоналъ предварительныхъ собраній, разогнанныхъ и покинутыхъ, безъ труда выбираютъ весь муниципалитетъ и офицеровъ національной гвардіи. Съ той поры, черезъ посредство мэра, ихъ орудія или ихъ сообщника, они обладаютъ законнымъ правомъ поднять всю вооруженную силу, что они и дѣлаютъ. На дорогѣ ихъ еще два препятствія. Во-первыхъ, какъ-бы ни была стоворчива или запугана директорія округа или департамента, такъ какъ она была назначена избирателями второй степени, въ составъ ея обыкновенно входило немалое количество людей образованныхъ, зажиточныхъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи порядка, и она во всякомъ

случаѣ менѣе муниципалитета склонна была поощрять или даже терпѣть крупныя уклоненія отъ закона или его поруганія. Вслѣдствіе этого они доносятъ на нее въ національное собраніе, выставяя ее, какъ центръ противогражданственности и контрреволюціи «буржуазной аристократіи». Или, какъ, напримѣръ, въ Брестѣ, они нагло противятся ей самымъ законнымъ, самымъ разумнымъ, самымъ строгимъ и самымъ формальнымъ привазианіямъ; послѣ чего они, доводя наглость до послѣднихъ предѣловъ, спрашиваютъ министра, «могли-ли они колебаться, поставленные между двумя горькими альтернативами: оскорбить іерархію властей, или-же бросить на произволь опасности общественное дѣло». Или-же, какъ въ Аррасѣ, они навязываютъ свое противозаконное присутствіе засѣдающей директоріи и бросаютъ ей въ лицо столь оскорбительныя обвиненія, что та, руководимая чувствомъ поруганной чести, считаетъ себя принужденной требовать своего собственнаго отрѣшенія ¹⁾. То, какъ въ Фижакѣ, они требуютъ одного изъ администраторовъ на свой судъ, заставляють его стоять передъ ними втеченіи трехъ четвертей часа, захватываютъ его бумаги, и принуждаютъ его, подъ угрозою худшаго, оставить городъ. Или, какъ въ Опхѣ, они врываются въ залъ директоріи, хватають администраторовъ за горло, бьютъ ихъ кулаками и пальцами, тащатъ председателя за волосы, и едва не лишаютъ его жизни ²⁾. Второе препятствіе—жандармскій корпусъ и линейныя войска, мѣшающія возстаніямъ и бунтамъ, всегда неудобныя для производителей этихъ возстаній и бунтовъ. Вслѣдствіе этого они изгоняють, развращають и въ особенности-же очищаютъ по своему жандармскій корпусъ и войска. Въ Кагорѣ они изгоняють жандармскаго ефрейтора подъ тѣмъ предлогомъ, «что онъ знается

¹⁾ Мортимеръ-Тэрно, II, 376 (засѣданіе директоріи Па-де-Кале, 4 іюля 1792 года). Прошеніе, подписанное 127 жителями Арраса, представлено совѣту Робеспьеромъ младшимъ и Гюдоэро. Въ немъ всѣхъ администраторовъ обызываютъ мошенниками, заговорщиками и т. д., и председатель, выслушивая всѣ эти прелести, говоритъ своимъ товарищамъ: «Сядемте, мы можемъ и сюда выслушать всю эту брань».

²⁾ Національный архивъ F⁷, 3220. Извлеченіе изъ совѣщаній департаментскаго административнаго совѣта и письмо къ королю, отъ 28 января 1792 года.— Письмо Ляенто президента совѣта, отъ 30 января. (Сборище состояло изъ пяти или шести сотъ человекъ. Председатель былъ раненъ ударомъ сабли въ лобъ и принужденъ покинуть городъ). Слѣдующаго 20 февраля одинъ изъ депутатовъ департамента обвиняетъ весь совѣтъ въ «противогражданственности».

лишь съ аристократами»¹⁾. Въ Тулузѣ, не говоря уже о подполковникѣ, которому они грозятъ смертью въ анонимныхъ письмахъ и принуждаютъ оставить городъ, они выселяютъ весь жандармскій корпусъ въ другой округъ, подъ предлогомъ, «что принципы его противны конституціи». Въ Ошѣ и въ Реннѣ они принуждаютъ офицеровъ подать въ отставку, возмущая противъ нихъ войско. Въ Перпиньянѣ, при помощи подготовленнаго и вызваннаго ими возстанія, они хватаютъ, бьютъ и тащатъ въ тюрьму командира и весь штабъ, которыхъ они обвиняютъ «въ намѣреніи бомбардировать городъ съ пятью фунтами пороха». Въ то-же время, при содѣйствіи жаверіи, распространенной ими отъ Дордоны до Авейрона, отъ Кантала до Пиренеевъ и до Вара, подъ предлогомъ наказать родственниковъ эмигрантовъ и защитниковъ неприсягнувшихъ священниковъ, они набираютъ себѣ подходящее войско изъ воровъ и нищихъ, которое, предупреждая подвиги будущей революціонной арміи, убиваетъ, жжетъ, вымогаетъ деньги и свободно обрабатываетъ беззащитное стадо собственниковъ всѣхъ сословій и состояній. При этой операціи у каждаго клуба являются друзьями его сосѣди, и они взаимно предлагаютъ другъ другу помощь людьми и деньгами.

Каэнскій предлагаетъ Байескому помочь ему изгнать неприсягнувшихъ священниковъ, а мѣстнымъ патриотамъ «избавиться отъ тираниі ихъ администраторовъ». Безансонскій объявляетъ всѣхъ администраторовъ²⁾ Страсбурга «недостойными довѣрія, которымъ ихъ почтили», и открыто соединяется со всѣми клубами Верхняго и Нижняго Рейна, чтобы вытребовать освобожденія одного якобинца, арестованнаго какъ возмутителя и бунтовщика³⁾. Пюи-де-домскіе и клубы сосѣднихъ съ ними департа-

¹⁾ «Национальный Архивъ», F⁷, 3223. Письмо де-Рюля, жандармскаго полковника, отъ 19 января 1792 года: «Сто членовъ клуба «друзей свободы» требуютъ отъ него высылки ерейтора. На другой день, послѣ засѣданія, въ томъ-же клубѣ, четыреста человекъ отправляются въ казармы съ цѣлью или выслать, или умертвить ерейтора».

²⁾ «Национальный Архивъ», F⁷, 3260. Письмо байескаго административнаго совѣта, отъ 21 мая: «Клубы должны служить школою патриотизму, а они стали его ужасомъ. Если не скоро прекратится эта постыдная борьба противъ признанной власти и закона, для французовъ исчезнетъ и свобода, и конституція, и всякая безопасность».

³⁾ Тоже. Письмо инженерейской директоріи департамента, отъ 26 апрѣля 1792 года, и Дитриха, страсбургскаго мэра, отъ 8 мая. Страсбургскій клубъ публично предлагалъ гражданамъ вооружиться противъ «священниковъ и администраторовъ». Письмо безансонскаго клуба Дитриху, отъ 3 мая: «Зависъ консти-

ментовъ отправляютъ въ Клермонъ и учреждаютъ тамъ центральное общество, долженствующее руководить ихъ цѣлями и пропагандировать ихъ. Клубы Устьевъ Роны условливаются съ комисарами Дромъ, Гара и Геро относительно надзора за испанскою границею и посылаютъ своихъ делегатовъ, чтобы убѣдиться, достаточно-ли укрѣпленъ Фигьеръ. До судовъ никому нѣтъ дѣла; въ сорока департаментахъ они еще и не учреждены; въ остальныхъ сорока трехъ они запуганы, молчатъ, или не имѣютъ достаточно людей и денежныхъ средствъ, чтобы заставить исполнять свои постановленія. Такимъ образомъ учреждается якобинская монархія, покоящаяся на конфедерации, состоящей изъ тысячи двухсотъ олигархій, управляющихъ своими толпами пролетаріевъ, согласно предписаніямъ, получаемымъ изъ Парижа; это настоящее, вполне организованное, дѣйствующее государство, имѣющее свое центральное правленіе, свою официальную газету, свою правильную корреспонденцію, свою опредѣленную, объявленную политику, свою установленную власть, своихъ представителей и мѣстныхъ агентовъ; они управляютъ въ дѣйствительности, вмѣсто уничтоженныхъ ими, или же черезъ посредство подчинившихся имъ администрацій. Тщетно послѣдніе министры, добросовѣстные чиновники и честные люди стараются исполнять свою обязанность: всѣ ихъ распоряженія и увѣщанія лишь бесполезно измаранная бумага. Они удаляются въ отчаяніи, объявляя, что «въ этомъ всеобщемъ и полнѣйшемъ беспорядкѣ... въ этомъ общественномъ безсиліи и униженіи признанныхъ властей... они не въ силахъ поддержать жизнь и движеніе обширнаго тѣла, всѣ члены котораго разбиты параличемъ».

Когда дерево вывернуто съ корнями, его нетрудно повалить, а якобинцы даже обрубили всѣ его корни, и для окончательнаго паденія его будетъ достаточно одного удара въ самый стволъ.

(Продолженіе будетъ).

туція отъ патриотизма или отъ измѣны нѣсколькихъ департаментскихъ администраторовъ, какъ, напримѣръ, ниже-рейнскихъ, мы бы обратили на васъ нѣкоторое вниманіе и всѣ свободные люди государства съ презрѣніемъ раздавили бы васъ».

Затѣмъ якобинскія общества Верхняго и Нижняго Рейна посылаютъ трехъ уполномоченныхъ въ парижскій клубъ.

ОБЪТОВАННЫЯ ЗЕМЛИ.

(БЪ ВОПРОСУ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ).

(Окончаніе).

Выселеніе крестьянъ ускоренными и искусственными способами, разомъ въ огромныхъ размѣрахъ, какъ это предлагается нѣкоторыми нетерпѣливыми друзьями народа, невозможно было бы допустить не только съ точки зрѣнія средствъ правительства и его подготовки, но еще больше—въ интересахъ самаго крестьянства.

Чтобы правильно судить объ этомъ дѣлѣ, необходимо разсмотрѣть значеніе переселеній въ жизни нашего крестьянства, внутреннія побудительныя причины его.

Потребность переселенія не есть что-либо болѣзненное, исключительное, поэтому и само переселеніе не должно получать характера болѣзненной остроты и напряженности.

Эта народная нужда, какъ и всякая другая естественная нужда живаго организма, можетъ и должна имѣть свой правильный, нормальный исходъ, чуждый горячечнаго жара и лихорадочныхъ пароксизмовъ.

Переселеніе ни въ какомъ случаѣ не должно обратиться въ аграрную революцію своего рода, которая, во имя одной торжествующей идеи, разрушала бы, не задумываясь, установившееся

хозяйственное положеніе народа и, въ смѣлой надеждѣ на будущее, подвергала бы его всевозможнымъ испытаніямъ, риску и опасностямъ.

Переселеніе, строго говоря, даже не есть специальная нужда одного какого-либо сословія, одного какого-либо времени.

Переселенія были во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ классахъ общества. Ихъ знали за тысячелѣтія до насъ арійцы и финикіяне, и тѣ народы, которые перенесли въ Мексику и Перу цивилизацію ацтековъ и инковъ. Но финикіяне, какъ потомъ евреи, англичане, голландцы и испанцы, были прежде всего торговцы, а не земледѣльцы.

Въ русской исторіи, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой, переселенія съ древнѣйшихъ временъ составляли обычное явленіе народной жизни и служили постоянною причиною расширенія предѣловъ нашего государства, подчиненія въ пользу русской народности различныхъ окрестныхъ племенъ.

Даже въ нашей современной средѣ, помимо земледѣльческаго сословія, происходитъ постоянное переселеніе торговыхъ и ремесленныхъ людей, чиновниковъ и помѣщиковъ, изъ одного края Россіи въ другой.

Для того, чтобы понять вопросъ переселенія въ его истинномъ свѣтѣ, нельзя закрывать глаза на его широкій, общечеловѣческій и историческій характеръ и ограничивать свои сужденія узкою сферою даннаго экономического положенія одного только сословія, одного государства, въ тотъ или другой вѣкъ.

Въ цѣлой же исторіи человѣчества переселенія имѣютъ вполне определенное значеніе. Если это не были переселенія, вынужденныя какимъ нибудь внѣшнимъ насиліемъ, какъ въ эпоху, такъ называемаго, переселенія народовъ, въ эпохи всевозможныхъ нашествій и завоеваній, въ родѣ расселенія евреевъ послѣ плѣненія вавилонскаго, или разрушенія Иерусалима римлянами, изгнанія мавровъ и евреевъ изъ Испаніи, преслѣдованія гугенотовъ во Франціи, пуританъ въ Англіи и т. п., или если переселенія не вызывались внезапными стихійными причинами, какъ голодъ, болѣзни, наводненія и проч.; вообще, если причины переселеній были внутреннія и мирныя, то въ основѣ ихъ постоянно лежало естественное человѣческое чувство—поискать чего нибудь лучшаго, хотя-бы даже и отъ хорошаго.

«Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше», эта старая народная пословица служила всегда главнымъ побужденіемъ къ добровольному переселенію не только русскаго крестьянина, но и переселенцевъ всѣхъ вообще вѣковъ и народовъ.

Это до такой степени просто, очевидно и естественно, что при самомъ бѣгломъ анализѣ любой формы переселенія у каковаго бы то ни было народа, мы тотчасъ же убѣдимся, что переселенцами являются по необходимости наиболѣе предприимчивые люди, рассчитывающіе на свои силы, способные перенести труды, лишения и опасности, наконецъ, настолько обладающіе матеріальными средствами, что бываютъ въ состояніи окупить неизбежные расходы далекаго пути и устройства на новыхъ мѣстахъ.

Читатель, знакомый съ исторіею возникновенія сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, хорошо помнитъ зажиточный экономическій типъ тѣхъ *pilgrim fathers*, которые положили первыя основы цивилизаціи въ лѣсныхъ дебряхъ американскаго побережья.

Точно также не люди крайней нужды, на нашей памяти, бросались въ Калифорнію и Австралію захватывать баснословныя золотыя россыпи. По точнымъ свѣдѣніямъ, собираемымъ на западѣ о переселенцахъ изъ Европы въ Америку, какъ сообщаетъ князь Васильчиковъ въ своей книгѣ «О земледѣліи», для семейнаго хозяина, полагая среднимъ счетомъ 4 души на семью, необходима значительная сумма, безъ которой переѣздъ въ Америку будетъ невозможенъ, именно: изъ Англіи до 600 р., изъ Пруссіи до 800 р., изъ южной Германіи до 1,000 р.

Американцы въ своихъ отчетахъ показываютъ, что переселенцы изъ Европы, за всѣми расходами долгаго пути, привозятъ въ Америку среднимъ числомъ 280 р. на каждаго (кромя ирландцевъ). По официальнымъ вѣдомостямъ Пруссіи оказывается, что въ срокъ отъ 1858—1861 годъ 24,359 эмигрантовъ, вывели съ собою 13.311,815 талеровъ, т. е. по 546 талеровъ на каждаго. Наконецъ, изъ самыхъ послѣднихъ газетныхъ свѣдѣній видно, что одни только эмигранты, прибывшіе въ Америку отъ 1 іюня 1880 года по 1 іюня 1881 года, черезъ нью-іорскій портъ, за всѣми расходами морскаго пути, имѣли съ собою 12.000,000 долларовъ («Новое Время» 1882 года).

А кто не знаетъ, до какой степени официальныя свѣдѣнія этого рода бываютъ ниже дѣйствительности.

Состоятельность переселенцевъ подтверждается въ Европѣ также и другимъ путемъ, именно, размѣрами высылаемыхъ ими на родину денежныхъ суммъ. Такъ, на примѣръ, бѣднѣйшіе изъ всѣхъ европейскихъ переселенцевъ, ирландцы, втеченіи 14 лѣтъ (отъ 1847 до 1860 г.) выслали на родину около 90.000,000 р. сер. только такихъ суммъ, о которыхъ были свѣдѣнія на почтѣ

или у главныхъ банкировъ, не считая денегъ, пересланныхъ черезъ родныхъ, знакомыхъ и другимъ образомъ.

Но намъ даже не нужно прибѣгать къ европейской эмиграціи для того, чтобы убѣдиться, что и у насъ на Руси господствующимъ типомъ переселенцевъ по роковой необходимости всегда являлся и до сихъ поръ является вовсе не нищій бродяга, а человѣкъ нѣкотораго достатка и обезпеченія.

Въ нашихъ рукахъ находятся довольно интересные матеріалы по крестьянскому переселенію послѣднихъ лѣтъ изъ Щигровскаго уѣзда, который стоитъ первымъ по количеству переселенцевъ во всей Курской губерніи, а Курская губернія, въ свою очередь, стоитъ одною изъ первыхъ въ очереди губерній, высылающихъ переселенцевъ.

Посмотрите же, какого рода хозяева устремляются въ переселеніе изъ крайне малоземельнаго и весьма хлѣбороднаго Щигровскаго уѣзда.

Сидоръ Архиповъ Бобровскій, села Литовскаго, продавъ 6 дес. земли и все имущество, имѣлъ средства при отправленіи до 2,000 р., и отправился съ семьей въ Томскую губернію на шести своихъ повозкахъ и лошадяхъ. Изъ переселенцевъ Николаевской волости, у одного (Никиты Алехина, деревни Щуровой) 16½ дес. земли, у одного 15, у четырехъ по 13½ и болѣе, у двухъ по 12, у пяти по 11 и болѣе десятинъ. Большинство ихъ имѣли участки подворнаго владѣнія и выпродали ихъ не дешевле 100 р. за десятину, т. е. получили кто 1,600, кто 1,500, кто 1,300, 1,200, 1,100 р. и т. д., не считая скота и другаго имущества. Оттого-то очень многіе изъ переселенцевъ Николаевской волости могли купить себѣ земли въ Самарской губерніи. Такъ, одному Никитѣ Алехину досталось покупной земли 50 дес., въ числѣ 4,154 дес. купленной въ Богдановской волости, Самарской губерніи, цѣлою партией щигровскихъ крестьянъ, Иваномъ Паньковымъ съ товарищами.

Изъ Никитской волости выселился, напримѣръ, крестьянинъ Евстафій Авдѣевъ, имѣвшій 35 дес. земли и жившій очень богато, въ Томскую губернію, гдѣ, по отзыву его родныхъ, «получилъ вольной земли безъ мѣры, а сколько захватить можетъ». Понятно, что онъ тоже поѣхалъ съ тысячами.

Нѣсколько крестьянъ села Мелехина (Андрей Каменевъ съ товарищами) и деревень Лазовки и Соколей Платы, продавъ въ 1881 году свои участки и выручивъ кто тысячу, кто нѣсколько сотъ рублей, купили въ землѣ войска Донскаго участки помѣщичьей земли Графиновской станицы, въ поселѣ Алексѣев-

скомъ, заложенный въ харьковскомъ поземельномъ банкѣ, и раздѣлили эту землю между собою, смотря по долѣ каждаго, отъ 25 до 50 дес. на семью. Ѳедоръ Васильевъ Сергѣевъ, тоже крестьянинъ села Мелехина, продалъ въ 1881 году 16 дес. своей земли за 1,200 р. и также купилъ участки земли въ Самарской губерніи, гдѣ еще ранѣе отецъ и братья его приобрѣли покупкою большой участокъ.

На покупныя же земли сѣло множество щигровскихъ крестьянъ и изъ другихъ волостей, напримѣръ, Средне-Расковецкой, гдѣ только одно семейство Николая Чернышева двинулось съ 1,500 р. на рукахъ, а другіе имѣли по 700, 500, 300 и т. д. рублей.

Крестьяне Шестопаховской волости купили въ 1876 году нѣсколько тысячъ десятинъ земли съ сельцомъ Михайловкой въ Белибеевскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, и поселились тамъ въ количествѣ 57 семействъ; кромѣ того, другая партія крестьянъ той же волости, въ числѣ 26 семействъ, купила себѣ въ 1880 году, въ томъ же уѣздѣ, землю при деревнѣ Никулиной, Ильинской волости, гдѣ и поселилась; третья партія, 15 семействъ, купила себѣ землю въ томъ же уѣздѣ, при деревнѣ Княжая Сухорѣчка; и, наконецъ, четвертая партія крестьянъ той же волости купила землю въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, при деревнѣ Николаевкѣ, Рязановской волости. Какія деньги были затрачены на покупку земли этими крестьянами, можно видѣть изъ того, что всѣ они продали на родинѣ, кромѣ скота, хлѣба, строеній и проч., свои участки земли, цѣна которыхъ въ послѣдніе годы достигла до 100 р., а между тѣмъ у нѣкоторыхъ были участки далеко не мелкіе, напримѣръ, у Ивана Пикалова около 27 дес., Ивана Согольникова около 17 дес., Ивана Чурилова около 14 дес., Якова Пашина 13½ дес. и т. д., слѣдовательно, каждый хозяинъ имѣлъ нѣсколько сотъ рублей, а нѣкоторые тысячу и больше.

Крестьяне Вышне-Ольховатской волости точно также купили значительное количество земли въ томъ же Белебеевскомъ уѣздѣ. Покупку совершалъ «передовикъ» партіи, крестьянинъ с. Касоржи Сараевъ, который, какъ передавали мнѣ его односельцы, изъ числа 2,900 дес. купленной земли, 680 дес. обманнымъ образомъ купилъ на свое имя по 5 р. 50 к. за 1 дес., а остальныхъ крестьянъ заставилъ заплатить по 14 р. 60 к. за десятину, проставивъ эту цѣну въ запродажной записи и уплативъ за этотъ обманъ по 1 р. сер. отъ десятины продавцу.

Изъ переселенцевъ одинъ имѣлъ на родинѣ около 18 дес.

(Василій Сараевъ), другой (Карпъ Рощупнинъ) $12\frac{1}{2}$ дес. и т. д. Сараевъ показывается въ спискахъ двинувшимся «на сходцы» съ 1,000 р., Авдѣй Медвѣдинъ съ 500 р., другіе по 400, 300 р. и т. д. Крестьяне Уколовской волости принимали особенно дѣятельное участіе въ покупкѣ земель и относительно ихъ имѣются точныя данныя, сколько досталось каждому изъ нихъ изъ числа земли, купленной сообща партіями. Именно 89 семействъ изъ деревень Никулиной, Козылиной, Воробьевки, Донской, Малогоряиновки, Уколовки и другихъ селеній, продавъ 545 дес. принадлежавшей имъ земли и отказавшись, въ пользу родныхъ, отъ $18\frac{1}{2}$ дес., итого, покинувъ дома $563\frac{3}{4}$ дес., приобрѣли покупкою въ Оренбургской, Самарской и Уфимской губерніяхъ 3,607 дес. земли. Эта земля была надѣлена соотвѣтственно съ средствами каждаго, такъ что у кого былъ больше участокъ земли на родинѣ, тотъ получилъ болѣе и на «сходцахъ». Такъ, напримѣръ, Тарасъ Посошковъ, имѣвшій 15 дес. на родинѣ, получилъ 75 дес., Григорій Чаплыгинъ — на 11 дес. получилъ 65 дес., Петръ Посошковъ на 9—55 дес., и т. д.

Вообще многіе получили по 60, 50 и 40 дес., а нѣкоторые даже по 80 (Иванъ Горяиновъ), 90 (Иванъ Паньковъ), 100 (Антонъ Еськовъ, Тимофей Горяиновъ), 120 (Дмитрій Шатохинъ), 130 и 150 дес. (Петръ Даниловъ и Петръ Ивановъ Воробьевы); круглымъ же счетомъ каждый хозяинъ получилъ болѣе, чѣмъ по $40\frac{1}{2}$ дес.

Изъ числа этихъ покупателей нѣкоторые и прежде имѣли на родинѣ 20, 18, 15, 14, 12 дес. земли и т. д., такъ что вышли «на сходцы» съ значительными деньгами.

Мы привели только нѣкоторые примѣры покупокъ земли переселенцами въ доказательство того, что очень часто переселяются крестьяне зажиточные, имѣющіе средства не только для путевыхъ расходовъ, но и для покупки земель и тѣсно связанныхъ съ нимъ расходовъ первоначальнаго обзаведенія хозяйствомъ на новыхъ мѣстахъ.

Про многихъ же переселенцевъ на мѣстѣ трудно собрать вѣрныя данныя, хотя и они точно также могли купить собственныя земли.

Вообще изъ имѣющихся у меня свѣдѣній можно заключить, что большинство переселенцевъ Щигровскаго уѣзда изъ государственныхъ крестьянъ выходятъ «на сходцы» съ хорошими средствами, всѣ съ своими лошадьми, повозками и домашнимъ скарбомъ.

Такъ, переселенцы Стакановской волости, въ числѣ 79 се-

мействъ, имѣли среднимъ счетомъ по 226 р. 50 к. на хозяина, изъ нихъ 11 семействъ переселенцевъ с. Нижняго-Ольховатаго имѣли кругомъ по 291 р. на хозяина, 46 переселенцевъ 1-го Ставановскаго общества по 241 $\frac{1}{3}$ р. на хозяина, и т. д. Отдѣльные же хозяева имѣли: одинъ 900 р. (Алексѣй Котовъ), одинъ 1,000 (Федоръ Перьковъ), двое по 600 р., трое по 500 р., и т. д.

Переселенцы Хохловской и Вышне-Ольховатской волости имѣли среднимъ числомъ за покупку на дорогу по 200 р. на хозяина.

Переселенцы изъ государственныхъ крестьянъ Покровской волости, въ количествѣ 69 семействъ, продали, въ 1881 г., одной только земли на родинѣ на 40,633 р. 50 к., цѣною отъ 60 р. до 115 р. за десятину, большею же частію по 100 р. за десятину. Это составитъ на cadaго хозяина около 590 р. Высшія суммы на отдѣльнаго хозяина приходились по: 1,493 р. (Ефимъ Горловъ), 1,219 р. (Стефанъ Горловъ), 1,350 р. (Романъ Руденской), 1,200 р. (Лаврентій Петрищевъ), и т. д.

Изъ Озеренской волости, въ 1881 году переселилось 5 семействъ земельныхъ крестьянъ, имѣвшіе денежныхъ средствъ при выселеніи, кромѣ лошадей, повозокъ и проч., 700, 600, 500, 300, 200 р., т. е. среднимъ счетомъ по 460 р. на хозяина.

Шесть семействъ Мелехинской волости, переселившіяся, въ настоящемъ году, имѣли среднимъ счетомъ по 650 р. на хозяина (бблшая сумма 1,200, меньшая 300 р.); 18 семействъ Средне-Расховецкой волости кругомъ по 318 р. на хозяина; 26 семей Никольской волости кругомъ по 350 р.

Наименьшія денежные средства показываются въ отчетахъ у переселенцевъ изъ волостей: Лоповчанской, гдѣ 5 семействъ вышли съ 180 р. на хозяина, по среднему счету, и Краснополянской, откуда вышло 72 семейства, съ 162 р. каждое, хотя отдѣльные хозяева имѣли по 700, 500, 400 р.

Впрочемъ, эти послѣднія свѣдѣнія, очевидно, уменьшены противъ дѣйствительности, какъ можно убѣдиться изъ сравненія проданнаго количества земли съ денежными средствами, показанными у переселенца; такъ, у многихъ переселенцевъ 1881 г., когда земля продавалась въ Щигровскомъ уѣздѣ не ниже 100 р. и даже выше, показано всего денежной суммы 100 р., при продажѣ 5 $\frac{1}{2}$, 4 $\frac{1}{2}$, 3 $\frac{1}{2}$ дес. земли; у одного переселенца, 1877 г., показано 70 р. при продажѣ 15 дес. земли, что рѣшительно невозможно.

Вообще свѣдѣнія по этой волости, вслѣдствіе несообразности своей съ количествомъ проданной земли, не заслуживаютъ довѣрія; а если основать расчеты на дѣйствительной цѣнности земель въ годы переселенія, то краснополянскіе переселенцы должны были имѣть при себѣ кругомъ не менѣе 300 р. на хозяина.

И такъ, имѣющіяся у меня свѣдѣнія убѣждаютъ, что щигровскіе переселенцы круглымъ счетомъ выходятъ съ суммою не менѣе 250 — 300 р. на хозяина, и этотъ расчетъ скорѣе уменьшенъ, чѣмъ преувеличенъ. Къ этому надо присоединить цѣну лошадей, сбруи, повозокъ и домашняго скарба; богатые хозяева выселяются обыкновенно въ трехъ будкахъ (повозкахъ), средніе— въ двухъ, бѣдные— въ одной. Лошадей и повозки почти всѣ заготовляютъ исправныхъ и цѣнныхъ, годныхъ въ долгій путь, такъ, что вмѣстѣ съ ними не будетъ преувеличеннымъ положить, что каждый хозяинъ, переселяющійся изъ Щигровскаго уѣзда, увозитъ съ собою круглымъ счетомъ отъ 400 до 500 р., хотя крайности и колеблются между 100 р. и 1,500 р.

Мы думаемъ, что Щигровскій уѣздъ можно считать типическою мѣстностью черноземной густонаселенной полосы, т. е. той полосы, откуда особенно сильно переселеніе, поэтому и выводы, дѣлаемые нами на основаніи матеріаловъ Щигровскаго уѣзда, какъ близко намъ знакомыхъ, поддающихся точной провѣркѣ, мнѣ кажется, могутъ имѣть силу для большинства мѣстностей такъ называемаго «переселенческаго района», по крайней мѣрѣ, относительно государственныхъ крестьянъ.

Извѣстный статистикъ нашъ, г. Семеновъ, собралъ интересные данныя о денежныхъ средствахъ переселенцевъ, вышедшихъ изъ Данковскаго уѣзда Рязанской губерніи, а также вышедшихъ изъ губерній: Полтавской, Кіевской, Черниговской, Харьковской, Курской и т. д. и поселившихся въ Новогригорьевскомъ уѣздѣ Ставропольской губерніи.

Хотя изъ этихъ данныхъ видно, будто нѣкоторые переселенцы выходили съ родины, имѣя даже не свыше 10 и 25 р., чему трудно повѣрить, и что можетъ быть объяснено обычаемъ крестьянъ уменьшать изъ осторожности свои средства при официальныхъ запросахъ, однако, даже принимая за вполне вѣрныя собранныя цифры, можно убѣдиться, что большинство переселенцевъ все-таки были люди съ порядочными для крестьянъ средствами. Такъ, изъ 158 переселенцевъ Данковскаго уѣзда изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ только 53 человека имѣли не свыше 50 р., 45—не свыше 100 р., 50—не свыше 300 р.

и 10 — свыше 300 р., конечно, кромѣ цѣны лошадей, повозокъ и проч.

Бывшіе крѣпостные крестьяне не имѣютъ права продавать свои земельные надѣлы, поэтому и средства ихъ бывають вдвое меньше государственныхъ крестьянъ.

Дѣйствительно, въ числѣ 297 переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ того же Данковского уѣзда, по изслѣдованію г. Семенова, только 38 хозяевъ имѣли не свыше 50 р., 76 не свыше 100 р., 108 не свыше 300 р., 51 не свыше 500 р., 21 не свыше 1,000 р. и 3 болѣе 1,000 р.

Слѣдовательно, средняя цифра изъ этихъ данныхъ почти подтверждаетъ расчеты мои, сдѣланные по матеріаламъ Щигровскаго уѣзда. Такимъ образомъ, мы считаемъ доказаннымъ, что средній типъ русскаго переселенца, какъ и средній типъ европейскаго эмигранта, есть типъ достаточнаго хозяина, а не бѣдняка, — достаточнаго, разумѣется не съ абсолютной точки зрѣнія, а сравнительно съ остальною крестьянскою средою.

Только уяснивъ этотъ основной фактъ переселенческаго вопроса, мы можемъ посмотрѣть вѣрно и на самый вопросъ.

Если переселяются главнымъ образомъ не бѣдняки, задавленные нуждою, лишенные земли или крайне стѣсненные землею, а люди нерѣдко покупающіе на свои средства по 50 дес. и болѣе, то какая же побудительная причина двигаетъ крестьянъ на переселеніе?

Мнѣ кажется, отвѣтъ на этотъ вопросъ давно дала жизнь, даже безъ особыхъ специальныхъ изслѣдованій; а специальныя изслѣдованія, если онѣ безпристрастны, только подтверждаютъ житейскій отвѣтъ статистическими цифрами.

Обратимся къ самимъ себѣ и посмотримъ, кто изъ насъ, не крестьянъ, а хотя бы дворянъ — помѣщиковъ, переселяется на чужбину? Кто изъ насъ идетъ служить на Кавказъ, въ Одессу, въ Петербургъ, строя желѣзныя дороги, заводя фабрики, открывая учебныя заведенія, основывая газеты и журналы, ведя торговлю? Конечно, люди наиболѣе предприимчиваго духа, желающіе рѣшительнаго улучшенія своего положенія, надѣющіеся на свои силы, подготовившія ихъ къ тому образованіемъ и трудомъ, а ужъ разумѣется, не гоголевскіе Афанасіи Ивановичи и Иваны Никифоровичи, не Ильи Ильичи Обломы и не Митрофанушки.

Въ нашихъ помѣщичьихъ усадьбахъ и хуторахъ остаются безвыѣздно, съ ранней молодости, не рискуя на какойнибудь новый невѣдомый путь, много людей менѣе подвижнаго духа, менѣе смѣлыхъ и подготовленныхъ, хотя нужды ихъ въ улуч-

шеніи своего положенія, быть можетъ, ни сколько не меньше, чѣмъ прїѣздъ смѣльчаковъ, которые двинулись на какое нибудь столичное переселеніе, въ погоню за счастьемъ, часто достигая его, часто и обрываясь.

Можно найти и буквальныхъ переселенцевъ—помѣщиковъ на Кавказѣ, на Волгѣ, въ Новороссіи, изъ которыхъ одни разорились черезъ это переселеніе, а другіе составили черезъ него большія состоянія.

Понятно, люди какого типа и какихъ средствъ рѣшаются на подобныя перемѣны своего быта.

Вспомнимъ всѣмъ хорошо извѣстный и уже дѣйствительно безпристрастный рассказъ С. Т. Аксакова въ его «Семейной Хроникѣ» о томъ, какъ переселился «дѣдушка Степанъ Михайловичъ Багровъ».

Рассказъ этотъ, не смотря на свою художественность, очевидно есть страница изъ дѣйствительной жизни нашего стараго помѣщичества и можетъ служить типическимъ образцомъ для изученія.

«Дѣдушка» переселяется не отъ бѣдности, не отъ какихъ нибудь роковыхъ причинъ, а единственно изъ расчетовъ благоразумія, изъ естественнаго стремленія къ лучшему.

«Тѣсно стало ему не потому чтобы въ самомъ дѣлѣ было тѣсно, чтобы недоставало лѣсу, пашни, луговъ и другихъ угодьевъ,—всего находилось въ излишествѣ, а потому что отчина, вполнѣ еще прадѣду его принадлежавшая, сдѣлалась разнопомѣстною».

«Уже четверо чужихъ хозяевъ имѣли право на общевладѣніе неразмежеванною землею», «до того надоѣли ему безпрестанныя ссоры съ мелкопомѣстными своими родственниками за общее владѣніе землею, что бросить свое родимое пепелище, гнѣздо своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сдѣлалось любимую его мыслію».

«Съ нѣкотораго времени сталъ онъ часто слышать объ уфимскомъ помѣстничествѣ, о неизмѣримомъ пространствѣ земель, угодьяхъ, привольяхъ, неописанномъ изобиліи дичи и рыбъ, всѣхъ плодовъ земныхъ, о легкомъ способѣ пріобрѣтать цѣлыя области за самыя ничтожныя деньги».

Вотъ ясныя причины, побудившія переселиться въ басурманскую сторону Степана Михайловича Багрова, стойкаго, энергическаго и разумнаго хозяина.

Но то самое, что когда-то побуждало къ переселенію хозяина-помѣщика, въ маленькихъ размѣрахъ сидитъ и въ душѣ

каждаго хозяина-крестьянина, особенно однодворца, всегда бывшаго, хотя мелкимъ, но свободнымъ собственникомъ. И крестьянскія земли точно также дробятся. сравнительно съ дѣдовщиною, и крестьяне точно также страдаютъ отъ чрезполосицы и постоянныхъ сваръ съ сосѣдями, точно также мечтаютъ о «неописанномъ изобиліи» и «легкомъ способѣ приобрѣсть» большіе участки земли за ничтожную цѣну.

И среди крестьянъ точно также осуществить эту мечту способенъ только человекъ стойкаго труда и нѣкотораго достатка, рѣшиться на этотъ шагъ способенъ только смѣлый и находчивый человекъ.

Хотя официальные отвѣты крестьянъ и крестьянскаго начальства обыкновенно указываютъ, какъ причину переселеній, одно только «малоземелье» и «несостоятельность», но эти краткіе термины, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются вовсе не тѣмъ, чѣмъ кажутся съ перваго взгляда.

Въ самомъ дѣлѣ, какая же возможность вѣрить этимъ терминамъ, когда они выставляются напр. передъ хозяиномъ, имѣющимъ 14, 15 и болѣе десятинъ въ Щигровскомъ уѣздѣ?

Одно волостное правленіе Щигровскаго уѣзда чрезвычайно мѣтко и вѣрно охарактеризовало причину крестьянскаго переселенія и дало ключъ къ разъясненію обычнаго термина «малоземелье».

«Малоземелье въ будущемъ» — вотъ дѣйствительно вѣрное объясненіе переселенческаго движенія. Если у богатаго хозяина, имѣющаго 30 дес. земли, есть 3 сына, а у этихъ родилось также по сыну, то благоразумный дѣдъ соображаетъ, что сравнительно плохое имъ житье наступитъ въ будущемъ, когда земля подѣлится на 10 и болѣе частей; чувствуя свою хозяйственную силу, онъ задумываетъ воспользоваться ею, пока есть возможность, пока дворъ его не ослабѣлъ и не раскололся.

Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что переселяется такъ много богатыхъ крестьянъ, и тотъ, что переселяются болѣею частію хозяева многосемейные.

Семьи Щигровскихъ переселенцевъ имѣютъ круглымъ счетомъ болѣе 6 душъ каждая. Ясно, что большая семья, съ одной стороны, есть условіе, угрожающее, въ будущемъ особенно, тѣсною на родинѣ, съ другой стороны, есть главное условіе удачнаго устройства на чужбинѣ, гдѣ много земли и мало руеъ, гдѣ почти все можно сработать и добыть самому.

Этимъ же объясняется и то, повидимому, странное явленіе,

удивляющее многихъ, что главную массу переселенцевъ во всѣхъ губерніяхъ составляютъ государственные крестьяне и особенно однодворцы, т. е. разрядъ земледѣльцевъ, наиболѣе обезпеченныхъ землею и пользующихся сравнительнымъ благосостояніемъ, а вовсе не бывшіе крѣпостные или дворовые.

По свѣдѣніямъ, которыя можно было извлечь изъ книгъ курской казенной палаты, относительно переселенцевъ Курской губерніи, формально перечисленныхъ на новыя мѣста, государственные крестьяне составляли 64% всѣхъ переселившихся за 1878, 1879 и 1880 годы, а временно-обязанные и дворовые, исключая крестьянъ собственниковъ, только 23%. Въ уѣздахъ же, гдѣ особенно развито подворное владѣнье четвертныхъ правъ, этотъ процентъ несравненно выше; такъ, изъ имѣющейся у меня вѣдомости о переселеніяхъ Фатежскаго уѣзда видно, что съ 1876 по 1881 года, изъ 1,265 ревизскихъ мужскаго пола душъ бывшихъ на переселеніа, было: государственныхъ крестьянъ 1,153 души, собственниковъ—108 душъ а временно-обязанныхъ только 3 души. Изъ числа 834 семействъ переселенцевъ, о коихъ имѣются свѣдѣнія по Шигровскому уѣзду и которыя могутъ заключать въ себѣ не менѣе 4,587 душъ обоюго пола, считая по 5,5 на семью, 752 семьи или 4,136 душъ принадлежали къ государственнымъ крестьянамъ и только 82 семьи (451 душа) въ бывшимъ помѣщичьимъ. А государственные крестьяне не только богаче другихъ въ настоящее время, но, что важнѣе, привыкли имѣть въ старину гораздо больше земли, и потому болѣе стѣсняются развивающимся малоземеліемъ, хотя бы сравнительно имѣли еще достаточно земли, позволяютъ себѣ требовать отъ будущаго болѣе, и смѣлѣе, чѣмъ наши бывшіе крѣпостные, никогда нежившіе на просторѣ и на своей волѣ, непривыкшіе искать выхода къ лучшему изъ существующаго положенія.

Волостное правленіе, о которомъ я упомянулъ выше, сообщивъ, что крестьяне отправляются въ многоземельныя губерніи, чтобы пріобрѣсть побольше земли для будущаго своего поколѣнія, прибавляетъ: «причемъ они объясняютъ, что предки ихъ тоже были переселенцы изъ дальнихъ губерній».

Указаніе это очень существенно. Дѣйствительно, въ средѣ государственныхъ крестьянъ переселеніе является давно испытаннымъ средствомъ для рѣшительнаго улучшенія своего быта, какъ у другихъ сословій служба, торговля, или промышленное предпріятіе.

Когда-то крестьяне эти пришли въ «дикое поле» Посемья, Поратья и Потускорья изъ тѣсныхъ полей Московской или Туль-

ской губерніи, захватили себѣ здѣсь привольныя курскія земли и прожили сколько лѣтъ, разводя лошадей, пчель и скотину, ставя многочисленныя скирды хлѣба. Теперь исчезъ здѣсь прежній просторъ и прежнія удобства, а земля, которой когда-то никто даромъ не бралъ, стала дорогою, дошла до 100, 150, 200 и даже 300 р. за десятину. Продать здѣсь за дорогую цѣну свои участки и купить вмѣсто 10 дес. 100 или 50, перейти на новыя мѣста, въ какуюнибудь Самарскую или Оренбургскую губернію, гдѣ можно водить скотины сколько душѣ захочется—дѣло слишкомъ выгодное, чтобы не соблазниться имъ. Поселяются курскіе переселенцы въ Самарѣ,—черезъ 20, 30 лѣтъ и тамъ условія мѣняются, точно въ такомъ же смыслѣ: семьи распложаются, участки дробятся, население густѣетъ, приволье уменьшается, земля дорожаетъ. Вотъ и изъ Самары хочется, по старой привычкѣ, куданибудь на просторъ, гдѣ еще все по старинному обильно и дешево. Вотъ и самарскій хозяинъ продаетъ по 15, 20 р. дес. земли, недавно купленную за 1 р., новому курскому выходцу, а самъ тянется куданибудь въ Томскую губернію, въ Барнаулъ, гдѣ землю даромъ даютъ, «сколько соха захватить», гдѣ за 3 р. можно цѣлый годъ рубить себѣ хаты въ казенномъ лѣсу. А у насъ изъ этого вполнѣ естественнаго факта крестьянской хозяйственной жизни литературные изслѣдователи народа, увлекаясь своими односторонними взглядами на бѣдность и горькую долю мужика, — сейчасъ же выводятъ заключеніе, что ужъ и въ Самарѣ жить нельзя, что ужъ и вятскій обширный надѣлъ не въ силахъ провормить население, что все народное хозяйство Россіи пришло въ безнадежное состояніе. Они забываютъ, что Самара, Оренбургъ, Уфа и всѣ подобныя губерніи заселились недавними переселенцами, и что какъ бы ни было хорошо жить этимъ переселенцамъ сравнительно съ крестьянами другихъ губерній, все-таки у многихъ изъ нихъ сохранилась въ памяти вся выгода ихъ переселенія изъ Курска въ Самару, сохранилось поэтому и желаніе попытаться еще разъ такого же счастья новымъ переселеніемъ въ свободныя мѣста, разъ измѣнились обстоятельства ихъ здѣшней жизни.

На эту, такъ сказать, съ кровью врожденную привычку къ переселеніямъ, именно и указываетъ «объясненіе» волостнаго правленія.

Только стоя на этой простой житейской точкѣ зрѣнія, только признавая въ русскомъ крестьянствѣ тѣ же самые человѣ-

ческіе побужденія и интересы, которые общи всѣмъ остальнымъ людямъ, не выдѣляя ихъ хозяйственной жизни въ какую-то особую мистическую и сантиментальную область,—можно избѣгнуть грубыхъ ошибокъ и вреднаго односторонняго преувеличенія въ оцѣнкѣ такого важнаго вопроса нашей экономической жизни, какъ переселенія крестьянъ. Эта точка зрѣнія не отрицаетъ ни малоземелья крестьянъ, ни ихъ бѣдности, ни другихъ причинъ, вредно дѣйствующихъ на ихъ благосостояніе. Она только устанавливаетъ правдивый разносторонній взглядъ на явленіе переселеній и даетъ, стало быть, твердую почву къ полезному воздѣйствію на него.

Дѣйствительно, было бы слѣпотою отрицать, что потребность переселенія чувствуется въ очень сильной степени и совершенно бѣдными крестьянами. Извѣстный процентъ этихъ бѣдняковъ всегда участвуетъ въ переселеніяхъ. Такъ и въ Щигровскомъ уѣздѣ, въ той же самой Покровской волости, государственные крестьяне которой вышли въ 1881 году на переселеніе почти съ 600 р. на хозяина, въ то же самое время переселились въ ту же Ставропольскую губернію 8 семействъ крестьянъ-собственниковъ, отдавшихъ свои надѣлы въ аренду, и 5 семействъ временно-обязанныхъ крестьянъ съ очень малымъ надѣломъ, до того обремененнымъ недоимками помѣщичьяго оброка, что они совершенно отказались отъ надѣла въ пользу помѣщика. Это былъ единственный случай отказа крестьянъ отъ надѣла въ Щигровскомъ уѣздѣ; изъ этихъ бѣднѣйшихъ крестьянъ 3 семейства вышли, имѣя рублей по 150 на хозяина, а два—вынуждены были получить земское пособіе, по 25 р. каждое. Кромѣ того, тогда же выселилось 8 человекъ бывшихъ дворовыхъ, т. е. людей совершенно безземельныхъ.

Вообще изъ числа 96 семействъ, переселившихся въ 1881 году изъ Покровской волости, на 78% государственныхъ крестьянъ приходилось около 22% временно-обязанныхъ, дворовыхъ и собственниковъ. Дворовые вообще переселяются довольно легко, если они люди мастеровые, тѣмъ болѣе, что они издавна привыкли къ заработкамъ въ дальнихъ губерніяхъ и охотно принимаются «во дворъ» хозяевами многоземельныхъ губерній, нуждающимися вообще въ рукахъ, особенно же ремесленныхъ.

Поэтому-то и партіи переселенцевъ принимаютъ ихъ къ себѣ въ будки за чрезвычайно дешевую плату; такъ, напр., въ Покровской волости они платили по 3 р. за будку до самаго мѣста.

Но, вообще говоря, переселенцы, переселяющіеся съ малыми

средствами, чаще другихъ претерпѣваютъ разныя неудачи и возвращаются на родину, окончательно обнищавъ.

Таѣъ изъ числа 39 семействъ щигровскихъ переселенцевъ, возвратившихся на родину, по спискамъ, имѣющимся у меня въ рукахъ, 3 семейства вышли совсѣмъ безземельныя, 7 семействъ имѣли не свыше 3 дес., 7 не свыше 5, и именно эти-то возвратившіеся очутились въ особенно затруднительномъ положеніи, живутъ въ наемныхъ квартирахъ и не имѣютъ теперь никакихъ собственныхъ средствъ существованія, продавъ прежнюю землю или сдавъ ее другимъ членамъ общества.

Тѣ, кто были побогаче, возвратясь на родину, купили опять хотя немного земли, напр. вмѣсто прежнихъ 11—пятнадцать десятинъ, вмѣсто 4—одинъ осьминникъ усадьбы и т. д. Но и изъ этихъ многіе раззорились окончательно; такъ, Алексѣй Котовъ, имѣвшій 15 д., теперь живетъ самъ въ рабочихъ; Семень Носовъ, имѣвшій 20 дес. не возвратилъ ни одной десятины и бѣдствуетъ, и т. д. Неудача ихъ, разумѣется, прежде всего объясняется недостаткомъ средствъ для покупки или арендованія земли, обзаведенія хозяйствомъ и проч. Но сами крестьяне имѣютъ еще и другой взглядъ на это, «какіе на работу легкіе, до дѣла не упадливы, тѣ и поворочились домой», часто объясняли мнѣ крестьяне, «потому жить тамъ жутко, взять неоткуда, все самъ достань; городъ за 250, за 300 верстъ, и обдумывай себя какъ знаешь». Личныя качества хозяевъ вообще имѣютъ большое значеніе въ дѣлѣ переселенія и объясняютъ очень многое въ судьбахъ его; но къ сожалѣнію эти простыя общечеловѣческія условія не обращаютъ на себя никакого вниманія нашихъ изслѣдователей, которые обыкновенно ищутъ причинъ всякаго неправильнаго явленія народной жизни, точно также какъ и лекарствъ противъ него, исключительно въ однихъ внѣшнихъ условіяхъ крестьянскаго быта, какъ величина надѣла, размѣръ податей и проч. Между тѣмъ на дѣлѣ крестьянинъ нисколько не застрахованъ ни отъ какихъ человѣческихъ слабостей и недостатковъ, ни своимъ званіемъ крестьянина, ни пристрастіемъ къ нему изслѣдователей извѣстнаго направленія. Самъ народъ знаетъ это хорошо и не обманывается на этотъ счетъ. Въ его глазахъ бѣдность крестьянскаго двора далеко не всегда означаетъ роковую горькую долю, послѣдствіе притѣсненій начальства несправедливости закона, вреднаго вліянія мироѣдовъ, помѣщиковъ, капиталистовъ и проч.

Не отрицая во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ и этихъ фак-

товъ, народъ нашъ хорошо знаетъ, что очень часто обѣднѣвшій дворъ есть въ то же время «забалованный» дворъ; что въ немъ или самъ хозяинъ, или сынъ его «баловаться стали, балы водить, бражничать съ непулящими людьми, отъ работы отбились, цыгарками да картишками занялись, сударушекъ завели; есть деньги — сладко кушаютъ, хорошенько пьютъ, въ тонкое одѣваются; проведутъ денежки—куска хлѣба въ домѣ нѣтъ, скотина на дворѣ съ голоду дохнетъ, поневолѣ все на базарь потащутъ, и лошадь, и корову послѣднюю».

Въ своей ближайшей окрестности я, можно сказать, въ лицо знаю многіе десятки дворовъ зажиточныхъ, съ хорошимъ земельнымъ надѣломъ, съ лѣсочками, крупорушвами, вѣтрянками, остатки старинныхъ и строгихъ однодворческихъ хозяйствъ, которыя вдругъ, въ 2, 3 года, раззорялись до тла, доходили до нищенства, до голода, единственно потому, что по смерти стараго хозяина, сыновья начинали «баловаться», кутили, спивались, пускались на разные продѣлки.

Я знаю государственныхъ крестьянъ, имѣющихъ еще до сихъ поръ по 15 и 20 десятинъ, бездѣтныхъ, платящихъ только за какія нибудь 2 души, и въ то же время не имѣющихъ ни лошади, ни овцы, ни сохи, ни телѣги, раздающихъ свою землю въ наймы другимъ крестьянамъ на 3 и на 4 года впередъ за невозможно дешевую цѣну, часто въ двое, въ трое рубль одну и ту же десятину, вынужденныхъ жить работниками по чужимъ людямъ и терпѣть всякую нужду. Я знаю цѣлую сосѣднюю деревню бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, вышедшихъ на выкупъ, въ которой добрая половина хозяевъ вовсе не обрабатываетъ своихъ надѣловъ; они оставляютъ себѣ одни огороды, а роздаютъ всю землю въ наймы на много лѣтъ впередъ, также дешево и верѣдко съ такими же плутнями.

Конечно, наши журнальные друзья народа не преминутъ объяснить, что все это показываетъ «невыносимыя условія экономическаго быта нашихъ крестьянъ», непосильную тягость налоговъ, вопіющую несправедливость нашего аграрнаго строя и т. п. Жалкія слова! Эти жалкія слова, можетъ быть, и убѣдятъ петербургскую или одесскую читательницу, которая знаетъ мужика и его быть только по журнальнымъ статьямъ. Но люди, дѣйствительно знающіе дѣло, поймутъ его такъ, какъ оно вслѣдствіе есть. Въ той же самой деревнѣ, рядомъ съ тѣми же дворами, на глазахъ всѣхъ, живутъ по своему хорошо, исправно, отбывая повинности, имѣя все, что обыкновенно требуется, въ крестьянской семьѣ,—другіе хозяева, часто съ меньшимъ

надѣломъ, съ гораздо большимъ числомъ нерабочихъ ртовъ; живутъ и обростають помаленьку, въ силу терпѣливаго труда, трезвости вкусовъ и своей дѣловитой жилки. Имъ живетса вовсе нелегко, далеко не безъ нужды, они борются неустанно всю жизнь, но тѣмъ не менѣе борьба эта обезпечиваетъ имъ обычный крестьянскій бытъ, ставитъ ихъ въ своей средѣ наравнѣ съ другими, «не хуже людей»; они одѣты, обуты, сыты, имѣють теплый уголь, скотину на дворѣ, хлѣбъ на гумнѣ.

Въ то время, какъ «баловники» и «лодари», какъ называетъ ихъ народъ, сдаютъ въ наймы или продають по послѣднюю свою землю и прокучивають по кабакамъ и городскимъ трактирамъ тѣ средства, которыми семья должна жить круглый годъ, они, напротивъ того, сами стараются принажить чужой земли, заработать гдѣ нибудь лишнее.

Спрашивается, будетъ ли годна къ переселенію та часть совсѣмъ обѣднѣвшаго крестьянства центральной Россіи, которая дошла до этого состоянія по собственной винѣ, вслѣдствіе пьянства, легкомыслія, глупыхъ увлеченій и проч. Я не могу, конечно, опредѣлить статистически точный процентъ этого населенія, но я знаю, что въ извѣстныхъ мнѣ мѣстностяхъ процентъ этотъ довольно значителенъ.

Представьте себѣ, что этому люду дадутъ казенныя средства для заведенія новаго хозяйства въ новыхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ не привыкъ ни къ условіямъ быта, ни къ климату, ни къ землѣ, ни къ приему хозяйства, ни даже къ людямъ, кругомъ его живущимъ.

Чтобы основаться удачно и прочно въ такихъ обстоятельствахъ—нужно гораздо болѣе трудолюбія, характера, знаній, чѣмъ для веденія хозяйства на родинѣ. Нельзя, конечно, спорить, чтобы нѣкоторыя разбалованныя натуры не были способны одуматься и переломить себя въ новыхъ условіяхъ жизни; но большинство, можно сказать навѣрное, будетъ не въ состояніи устроиться на чужбинѣ даже и при казенномъ пособіи; каковы бы ни были размѣры этого пособія, все таки онѣ не могутъ устранить отъ самаго хозяина необходимость энергическаго напряженія его воли, постоянства въ трудѣ, не усыпной заботливости о своихъ дѣлахъ, т. е. всего того, чего нѣтъ въ подобныхъ разбалованныхъ крестьянахъ.

Конечно, они теперь имѣють очень малые надѣлы; у однихъ осталось 2, 3 дес. на семью изъ 12 и 15 дес., у другихъ ровню ничего не осталось, даже изъ большаго количества.

Но если можно съ вѣроятностью ожидать, что ихъ отно-

шеніе къ собственности и хозяйству въ многоземельныхъ губерніяхъ останется то же, что и въ малоземельныхъ, что они съумѣютъ также быстро спустить свои надѣлы и разорить свои дворы и тамъ, какъ здѣсь, то будетъ ли смыслъ надѣлять ихъ новымъ имуществомъ на счетъ государства; будетъ ли это прежде всего справедливо относительно тѣхъ добросовѣстныхъ хозяевъ, которые, можетъ быть, никогда не имѣли ни 12, ни 15 дес., а умѣли за то удержать свои 5, 6 дес., неустанно работая своимъ горбомъ, и не поддаваясь соблазнамъ, и потому не будутъ имѣть права ни на какую казенную помощь?

Мы всею силою убѣжденія стоимъ за облегченіе простому народу его тягостей, за участіе правительства въ нуждахъ простаго народа прежде, чѣмъ въ какихъ нибудь другихъ.

Но мы считали бы несправедливымъ и нежелательнымъ поддерживать средствами казны безпутство и безхозяйственность крестьянъ, выдавая какъ-бы казенную премію тѣмъ изъ нихъ, кто съумѣлъ раньше другихъ разорить себя и свою семью.

Эти люди сами показываютъ ясно, что ихъ мѣсто не въ средѣ самостоятельныхъ хозяевъ, способныхъ руководить другими и заботиться о другихъ, а что они сами нуждаются въ руководствѣ и потому должны по всей справедливости оставаться въ положеніи подчиненномъ и зависимомъ, работниками, а не хозяевами.

Этимъ мы хотимъ сказать, что одинъ только фактъ безземелія или малоземелія самъ по себѣ еще не можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ правъ человѣка на переселеніе и надѣленіе землею на счетъ казны.

Только хозяева, не только нуждающіеся въ землѣ, но и дѣйствительно живущіе землею и съ землею, дорожащіе ею, не обращающіе ее въ оброчную статью или въ рыночный товаръ, достойны того, чтобы ихъ естественное влеченіе къ землѣ, ихъ естественная зависимость отъ земли были удовлетворены заботами правительства.

Подгонять же подъ одно и то же неподвижное правило различно всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ въ настоящее время земельный надѣлъ ниже опредѣленной нормы, не обращая вниманія на самыя причины малоземелія, — было бы врядъ-ли благо разумно и цѣлесообразно.

Вообще по этому поводу нужно установить взглядъ, по возможности, твердый.

Что касается до насъ лично, то мы вовсе не раздѣляемъ столь распространеннаго въ нашей литературѣ мнѣнія, будто всякій безземельный крестьянинъ русскаго государства, вслѣдствіе одного факта своего безземелія, приобретаетъ нравственное право на надѣленіе его землею наравнѣ съ прочими.

Такой взглядъ мы считаемъ совершенно бездоказательнымъ, утопическимъ, противорѣчающимъ столько же разуму, сколько и опыту всего міра.

Мы отказываемся представить себѣ дѣйствительно существующее общество, въ которомъ не было бы: во 1-хъ, раздѣленія труда и профессій, во 2-хъ, хозяевъ-распорядителей и рабочихъ-исполнителей.

Въ этомъ отношеніи мы считаемъ крайне преувеличенными и крайне непрактичными даже мнѣнія такихъ сочувственныхъ намъ писателей, какъ напр. князя А. И. Васильчикова.

Такъ, въ своемъ прекрасномъ трудѣ «О землевладѣніи и земледѣліи», онъ проводитъ мысль, что «рабочій вопросъ— есть аграрный вопросъ», что каждый фабричный пролетарій сознательно или бессознательно ищетъ земельной собственности, что всѣ соціальныя бури Европы имѣютъ корнемъ это исканіе земли бѣднякомъ, и что поэтому надѣленіе землею всякаго рабочаго человѣка должно быть цѣлью разумныхъ правилъ.

Несправедливость этого взгляда ясна сама собою. Земледѣліе есть такое же специальное занятіе, какъ и всякое другое, поэтому невозможно ни требовать, ни мечтать, чтобы всѣ жители земнаго шара обратились въ земледѣльцевъ. Это невозможно уже потому, что есть много мѣстностей, гдѣ само земледѣліе невыгодно, раззорительно и даже невозможно, гдѣ сама природа обращаетъ людей въ лѣсныхъ охотниковъ, рыбаковъ, промышленниковъ. Если же признать, что всякій работникъ, даже фабричный, долженъ имѣть землю, то необходимо было бы признать такое же право за чиновникомъ, учителемъ, купцомъ, литераторомъ и всѣмъ вообще населеніемъ городовъ. Но вѣдь люди собрались въ города, построили въ нихъ большіе дома, вмѣщающіе въ себѣ тысячи постояльцевъ, и занялись тамъ ремеслами и всякими промыслами еще тогда, когда вовсе не было трудно приобрести клочекъ собственнаго поля, когда землю можно было имѣть даже даромъ и въ очень большихъ размѣрахъ. Слѣдовательно, ихъ собственные вкусы и потребности указали имъ другіе пути заработка, помимо земледѣлія, и другія формы благосостоянія, помимо землевладѣнія. Не тащить же

теперь теоретикамъ на арванѣ всѣ городскія професіи къ землѣ и не заставлятъ же ихъ насильно воспитывать въ себѣ вкусъ Цинцината.

Идея о томъ, чтобы всякій фабричный работникъ имѣлъ свой собственный домъ и садъ, гдѣ могла бы жить его семья,—прекрасная и честная идея сама по себѣ, и мы были бы, готовы содѣйствовать вмѣстѣ съ другими ея осуществленію.

Но все-таки эта идея вовсе не есть роковая необходимость, не есть единственная правильная форма, которую долженъ принять бытъ фабричныхъ рабочихъ.

Все-таки разсматривать, какъ уродства и ненормальность общественной жизни—жизнь людей въ наемныхъ помѣщеніяхъ, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній, такъ какъ городъ и фабрика также мало выдуманы, какъ деревня и поле, и также какъ онѣ, существуютъ тысячелѣтія.

Точно также несправедливъ и противоестественъ взглядъ князя Васильчикова и многихъ другихъ нашихъ писателей на наемный трудъ, какъ на какое-то само по себѣ уже бѣдственное и неправильное состояніе человѣка.

Давно-ли, кажется, вся наша печать и передовая часть общества привѣтствовали, какъ зарю цивилизаціи, пресловутый «свободный трудъ», т. е. трудъ свободаго человѣка по добровольному найму, который долженъ былъ замѣнить собою прежній «кабальный» трудъ крѣпостныхъ «рабовъ»? А теперь уже «кабальнымъ» трудомъ князь Васильчиковъ называетъ именно тотъ самый «свободный трудъ» по найму, который мы такъ горячо призывали.

Я думаю, что «кабальность» дѣйствительно можетъ быть въ трудѣ, но не въ одномъ только «крѣпостномъ», и не въ одномъ «наемномъ». Для безпристрастнаго взгляда, даже въ крѣпостную эпоху нерѣдки были примѣры труда крѣпостныхъ людей, не только не «кабальнаго», но даже возбуждавшаго зависть тогдашнихъ свободныхъ людей. Странно было бы также назвать «кабальнымъ» трудъ человѣка, котораго чуть не на волѣнахъ просятъ наняться на покосъ или пахату, которому даютъ то, что онъ запроситъ, и который бросаетъ этотъ трудъ, когда ему вздумается. А кто не знаетъ, что у насъ теперь далеко не рѣдкость подобный трудъ?

Съ другой стороны, кто былъ самъ въ шкурѣ хозяина, или видѣлъ вблизи хотя бы нашихъ крестьянъ-хозяевъ, тотъ со всею искренностью долженъ признать, что хозяйскій трудъ бываетъ иногда не только «кабальнымъ», но чуть не «каторж-

нымъ трудомъ». Его справедливо назвать въ этихъ случаяхъ кабалнымъ именно потому, что отъ него некуда уклониться и некогда вздохнуть, онъ лежитъ на плечахъ хозяина ярмомъ, котораго снять нельзя, потому что свить его, значитъ подрѣзывать послѣдній корень, которымъ живетъ и питается цѣлая семья.

Можно ли сравнить, напр., съ такимъ мнимо свободнымъ хозяйскимъ трудомъ, трудъ любого наемника съ хорошимъ заработкомъ, напр. ремесленника, получающаго большое жалованье и имѣющаго обширный выборъ мѣстъ, почти всегда нуждающихся у насъ въ людяхъ.

Что касается до меня, то такой трудъ наемника я считаю въ сущности гораздо болѣе свободнымъ, болѣе самостоятельнымъ и болѣе обезпечивающимъ матеріальный бытъ человѣка, чѣмъ обязательный хомутъ огромнаго большинства хозяевъ, лишенныхъ, такъ сказать, свободы выбора, свободы движенія. Иначе, чтобы быть послѣдовательными, мы должны были бы признать, что наши адвокаты, чиновники, служащіе въ банкахъ и желѣзныхъ дорогахъ, — гораздо несчастнѣе, гораздо менѣе обезпечены своимъ «кабалнымъ» наемнымъ трудомъ, чѣмъ всякій лапотный собственникъ 4, 5 десятинъ.

Нѣтъ, выгода и свобода труда далеко не измѣряются одною простою категоріею «своего» и «чужаго», а зависятъ отъ очень многихъ сложныхъ причинъ.

Мы останавливаемся на этихъ взглядахъ, неотносящихся прямо къ вопросу переселеній, собственно потому, что желаемъ совершенно отодвинуть отъ этого вопроса всякія утопическія точки зрѣнія и цѣли, а поставить его исключительно на практическую почву. Практическая же почва прямо требуетъ ограниченія задачъ нашего русскаго землевладѣнія и переселенія — только дѣйствительнымъ земледѣльческимъ классомъ, а не безпредѣльнаго стремленія къ надѣленію свободными землями всѣхъ и каждаго, кто не имѣетъ теперь земли и кто не прочь бы былъ пользоваться ею, какъ даровымъ или слишкомъ дешевымъ имуществомъ, годнымъ и въ аренду, и въ закладъ, и въ продажу.

Въ «совѣщаніи свѣдущихъ людей» по вопросу переселенія и въ разныхъ литературныхъ излѣдованіяхъ его, выражались недоумѣнія, почему переселеніе происходитъ такъ слабо изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, населенныхъ весьма густо, и, наоборотъ, замѣтны сильныя теченія переселенцевъ изъ губерній многоземельныхъ, съ дешевой землей, съ слабою конкурен-

цію рабочихъ силъ, какъ напр. Новороссійскія губерніи, Самарская, Вятская, Уфимская и проч. Такъ напр., губернія Московская, съ густотою населенія (57,3 души на 1 квадратную версту), Ярославская (31,9 на 1 квадратную. версту) и другія густо населенныя губерніи промышленной полосы, какъ и губерніи Петербургская, Новгородская, Псковская и проч., отличающіяся своею дурною почвою, а также прославленная своею бѣдностью Смоленская и ея бѣлорусскіе сосѣди — Могилевская, Минская, Витебская и проч. почти совсѣмъ не участвуютъ въ переселеніи, какъ видно изъ матеріаловъ, собранныхъ высочайше учрежденною въ 1881 году комисією подъ предсѣдательствомъ г. Семенова. Губернія же Самарская, населенная чрезвычайно рѣдко и привлекающая къ себѣ массу переселенцевъ изъ другихъ губерній, оказывается вдругъ принадлежащею къ числу губерній, изъ которыхъ выселяется болѣе, чѣмъ поселяется въ ней, именно, по даннымъ комисіи, извлеченнымъ изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ, выселилось изъ Самарской губерніи за 10 лѣтъ 14,150, а поселилось 9,900, т. е. въ итогѣ выселилось 4,250 человекъ.

А пресловутая своими неисчислимыми башкирскими землями Уфимская губернія, имѣющая не болѣе 10 жителей на 1 квадратную версту, является, къ удивленію, первою губернією цѣлой Россіи по числу выселеній (33,780 душъ), превосходя въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ вдвое даже Воронежскую (15,260) и чуть не въ 5 разъ Курскую (7,260), хотя въ итогѣ число переселенцевъ въ нее значительно превышаетъ число выселеній.

Точно также во главѣ выселенческихъ губерній стоитъ многоземельная Екатеринославская (13,700 душъ), предметъ сладкихъ мечтаній курскаго и воронежскаго мужика, или губернія Вятская (15,720 душъ) съ своими необозримыми лѣсами и обширными надѣлами.

Но эти, повидимому, странные факты, трудно объясняемые съ господствующей у насъ односторонней точки зрѣнія, которая видитъ въ переселеніяхъ только признаковъ малоземелія и хозяйственной скудости, покажутся вполне естественными, если глядѣть на переселеніе тѣмъ безпристрастнымъ и разностороннимъ взглядомъ, о которомъ мы говорили.

Съ одной стороны, къ переселенію стремятся далеко не одни бѣдняки, не одни люди, стѣсненные своимъ настоящимъ надѣломъ; съ другой стороны, далеко не всѣ люди, стремящіеся къ улучшенію своего положенія, желаютъ и привыкли достигать

этого улучшения непремѣннымъ расширеніемъ своей земельной собственности.

Даже въ сословіи русскаго крестьянства, при всей склонности его къ земледѣлію, при всемъ господствѣ въ немъ земледѣльческаго промысла, — далеко, однако, не всѣ крестьяне любятъ земледѣліе, вѣрятъ въ него и на него надѣются. Если курскій и воронежскій мужикъ, имѣвшій случай втеченіи длиннаго ряда лѣтъ убѣдиться въ выгоду полеводства на своемъ плодородномъ черноземѣ, нашель для себя удобнымъ примѣнить исключительно къ нему всѣ свои силы, способности и знанія, не отвлекаясь несподручными ему другими занятіями, — то, понятно, что, въ случаѣ серьезныхъ затрудненій, продолжать этотъ земледѣльскій промыселъ на родинѣ, мечта непремѣнно зоветъ его туда, гдѣ онъ можетъ отыскать тотъ же свой родной черноземъ, ту же знакомую жизнь за сохой въ полѣ, — только среди желаннаго простора и свободы.

Но развѣ москвичъ, ярославецъ, костромичъ, новгородецъ, или смолянинъ находятся въ тѣхъ же условіяхъ? Развѣ они тавіе же исключительные спеціалисты земледѣлія, какъ жители чернозема, хотя они тоже крестьяне? Ихъ неблагоприятная родная почва воспитала въ нихъ другое отношеніе къ земледѣлію, другія силы, другіе вкусы и цѣли. Они, конечно, отчасти смотрятъ на поле, какъ на извѣстное подспорье хозяйственной жизни своей, но болѣе чѣмъ на него, все-таки полагаются на другіе промыслы свои. Поэтому и многоземельныя пустыни заволжья или предкавказья, эти земли, обѣтованныя для черноземнаго пахаря и пастуха, далеко не такъ соблазняютъ ярославскихъ шубниковъ и шерстобоевъ, владимірскихъ миткальщиковъ, новгородскихъ плотниковъ, псковскихъ каменьщиковъ, смоленскихъ копачей, которыхъ вся нажива въ густонаселенныхъ центрахъ жизни, гдѣ идетъ дѣятельная торговля и кипитъ разная промышленность. Нельзя не обращать вниманія на эти коренныя различія самой промышленной природы въ русскомъ крестьянствѣ при обсужденіи вопроса о переселеніяхъ; нельзя произвольно ставить одни и тѣ же экономическіе идеалы, изобрѣтать однѣ и тѣ же средства улучшения быта для десятковъ миліоновъ населенія, живущаго часто въ самыхъ противоположныхъ условіяхъ, въ разныхъ климатахъ, на разныхъ почвахъ, съ разными способностями и вкусами. Промышленныя губерніи, напимѣръ, имѣютъ своего рода постоянныя и обширныя переселенія, — но не въ Самару, для поѣздки бѣлотурки, отъ роду ими невиданной, а изъ своихъ деревень въ торговые и

промышленные города, гдѣ они являются извощиками, дворниками, половыми, хлѣбниками, разнощиками, столярами, кузнецами и проч.; гдѣ одни изъ нихъ также богатѣютъ, обращаются въ купцовъ и подрядчиковъ, другіе также балуются и раззоряются, какъ и наши цигровскіе переселенцы, отправляющіеся въ погоню за помѣстьями изъ Курска въ Самару, изъ Самары въ Томскъ.

Можно-ли уничтожить въ цѣлыхъ населеніяхъ это исторически выработанное влеченіе къ заработку извѣстными сподручными имъ промыслами, вошедшее въ плоть и кровь ихъ, приспособившее къ себѣ весь складъ ихъ ума и жизни, и замѣнить его искусственно несуществующею способностью земледѣлія?

Жизнь показываетъ очевиднымъ образомъ, что нельзя, потому что самыя бѣдныя и густо населенныя губерніи Россіи, какъ мы сейчасъ видѣли, все-таки не просятъ свободныхъ земель и не идутъ на нихъ.

Если ужъ ихъ непремѣнно нужно благодѣтельствовать завожскими или сибирскими землями, то придется благодѣтельствовать развѣ только насильно. Это до такой степени вѣрно, что даже у насъ, въ черноземной полосѣ, старинные выходцы изъ центральныхъ великорусскихъ губерній, поселенные когда-то монастырями на своихъ обширныхъ земляхъ и сохранившіе до сего времени характерныя особенности обычаевъ, наряда, говора, такъ называемыя «саяны» въ селеніяхъ Охачевкѣ, Есенвахъ, Слободкѣ и проч., отличаются свойственною первоначальной родиной своей несклонностью къ исключительной земледѣльческой жизни. Они мало занимаются полевымъ хозяйствомъ, даже въ земледѣліи главнымъ образомъ предпочитаютъ разводить коноплинники и огороды, а обыкновенно промышленяютъ цѣлый годъ въ городахъ извошничимъ и трактирнымъ промысламъ и разными мастерствами, являясь въ деревни только на время уборки, и то неохотно, и не всегда. Замѣчательно, что среди «саяновъ» Цигровскаго уѣзда вовсе нѣтъ переселенцевъ, хотя земельные надѣлы ихъ гораздо меньше, чѣмъ другихъ государственныхъ крестьянъ, и даже чѣмъ у нѣкоторыхъ временно-обязанныхъ.

Вообще намъ кажется совершенно ненужнымъ и непрактичнымъ, изъ-за теоретическаго увлеченія, расширять искусственно рамки вопроса, который и безъ того слишкомъ обширенъ и слишкомъ труденъ самъ по себѣ.

Пока жизнь показываетъ намъ стремленіе къ переселенію

на новыя земли только чисто земледѣльческаго населенія, будемъ имѣть дѣло съ нимъ однимъ, постараемся удовлетворить его въ предѣлахъ возможности и благоразумія, устранивъ отъ себя утопическія мечтанія о томъ, что государство обязано всякаго работника обратить въ хозяина, или сдѣлать земледѣліе обязательнымъ промысломъ всего русскаго народа.

Среди дѣйствительныхъ земледѣльцевъ Россіи есть слишкомъ много людей дѣйствительно нуждающихся въ землѣ, дѣйствительно отыскивающихъ ее всѣми путями, и дай Богъ, чтобы нашимъ усиліямъ удалось сладить сколько-нибудь успѣшно хотя-бы съ этою законною потребностью.

Чѣмъ меньше будемъ мы разбрасываться относительно этого вопроса, тѣмъ прочнѣе и плодотворнѣе будутъ выработанные нами планы и принятыя нами мѣры; а погонимся разомъ за тремя зайцами, потянемся за журавлемъ въ небѣ, — не поймемъ ни одного, не сзумѣемъ удержать даже той синицы, что попала въ наши руки.

Задаваясь серьезно и рѣшительно задачею помочь земледѣльческому населенію, дѣйствительно стѣсненному землею и стѣсняющему другихъ, — мы должны самымъ трезвымъ взглядомъ обсудить и тѣ неминуемыя экономическія послѣдствія, которыя сопряжены съ задачами всякаго значительнаго выселенія изъ одной мѣстности въ другую.

Вопросъ переселенія можетъ быть правильно рѣшенъ только въ тѣсной связи со всею вообще хозяйственною жизнью данной страны и никогда не можетъ быть выдѣляемъ изъ нея безъ вреда для общества и государства, не будучи самъ по себѣ какимъ-нибудь самостоятельнымъ юридическимъ или философскимъ вопросомъ.

Съ этой точки зрѣнія, переселенія гуртовья, безразсчетныя, усиливаемыя искусственными приманками, немислимы и не могутъ быть допускаемы здравую хозяйственную политикою.

Литература и общество наши, кажется, представляютъ себѣ размѣры существующихъ у насъ крестьянскихъ переселеній гораздо значительнѣе, чѣмъ онѣ происходятъ въ дѣйствительности.

Положимъ, что наша статистика переселеній почти не существуетъ, и то, что попадаетъ въ губернаторскіе отчеты и въ вѣдомости казенныхъ палатъ, далеко не представляетъ собою дѣйствительной цифры переселеній. Положимъ, что въ нашихъ

законоположеніяхъ и административной практикѣ недавнихъ лѣтъ заключались существенныя препятствія къ переселеніямъ крестьянъ, и что дѣло переселенія почти вовсе не было организовано. Все это такъ, и нельзя сомнѣваться, что: во-первыхъ, переселенія нашихъ крестьянъ на дѣлѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ по отчетамъ, и во-вторыхъ, онѣ были-бы еще значительнѣе при правильномъ устройствѣ переселенческаго дѣла.

Но все-таки нельзя слишкомъ преувеливать ни упущеній статистики, ни вліянія препятствующихъ причинъ на переселеніе.

Они могутъ сократить цифру переселеній на нѣсколько десятковъ процентовъ, скажемъ даже, на всѣ 100%; но трудно повѣрить, чтобы устраненіе однихъ этихъ причинъ создало-бы вдругъ совершенно особые размѣры переселенческаго движенія, не имѣющіе ничего общаго съ прошлымъ.

Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ комисіи, на которую уже мы ссылались,—свѣдѣніямъ, повидимому, наиболѣе свѣжимъ, полнымъ и авторитетнымъ изъ всѣхъ, которыя возможно имѣть при общей неточности и неполнотѣ нашей статистики народонаселенія,—все переселенческое движеніе Россіи, какъ въ европейскую, такъ и азіатскую ея части, за послѣднее десятилѣтіе (отъ 1879 г. до 1880 г.) выражалось слѣдующими цифрами: степная часть черноземной полосы (т. е. губерніи Новороссійскія, Самарская, Астраханская, Оренбургская и Уфимская) дала выселенцевъ 87,000, приняла поселенцевъ 182,000. Не степная часть черноземной полосы (Малороссія, юго-западныя губерніи, центральныя черноземныя, Симбирская, Саратовская) вмѣстѣ съ губерніями Пермскою, Вятскою, Казанскою, Владимірскою и Нижегородскою, которыя по сосѣдству съ этою полосой приняли нѣкоторое участіе въ переселеніяхъ,—дала выселенцевъ болѣе 100,000, изъ числа которыхъ 50,000 дала одна центральная земледѣльческая область (см. приложенія къ докладу комисіи).

Остальныя губерніи Россіи или вовсе не принимали участія въ переселеніяхъ, или, какъ Балтійская и Виленская губерніи, имѣли мѣстныя передвиженія населенія въ сосѣднія губерніи, неимѣющія ничего общаго съ тѣми переселеніями, которыя мы теперь разсматриваемъ. 187,000 за 10 лѣтъ — это цифра слишкомъ скромная, если даже и увеличить ее вдвое, хотя сама комисія уже вынуждена была внести въ нее много гадательности и приблизительности.

Во всякомъ случаѣ, чтобы ни показало намъ ближайшее

будущее, при существующихъ размѣрахъ переселенія мы еще не имѣемъ фактическаго основанія, а слѣдовательно и научнаго права, разсматривать тѣсноту нашего наличнаго крестьянскаго землевладѣнія и затрудненія хозяйственнаго быта нашихъ крестьянъ, какъ нѣкое бѣдствіе, изгоняющее людей изъ ихъ родины и заставляющее искать пріюта въ степяхъ и пустыняхъ.

Можно-ли напр., сравнить эту ничтожную цифру ежегоднаго передвиженія 18,500 душъ изъ числа 80.000,000 народа, въ предѣлахъ своего-же государства, съ 7.000,000 душъ, выселившимися съ 1815—1870 гг. въ другія части свѣта изъ одной только крошечной Великобританіи, гдѣ цифра эмигрантовъ иногда достигаетъ въ годъ чуть не до полумиліона душъ (напр. въ 1854 году 427,833 человекъ), гдѣ изъ одной Ирландіи выселяются 37 человекъ изъ 100 жителей! (см. «Землевладѣніе», князя Васильчикова).

Если еще вспомнить, что значительный процентъ нашихъ переселенцевъ во всякомъ случаѣ относится къ хозяевамъ достаточнымъ, подвижимымъ духомъ предприимчивости и наживы, а не бѣдностью, — то слишкомъ мрачныя краски, налагаемыя многими изслѣдователями на картинѣ нашихъ народныхъ бѣдствій, должны значительно посвѣтлѣть, хотя бы по сравненію съ бѣдствіями Европы.

Мы думаемъ, что было бы также неблагоприятно стараться объ усиленіи скромныхъ размѣровъ нашего переселенія, раздуть его разными соблазнами, какъ было бы неблагоприятно и несправедливо подвергать его всѣмъ непрактическимъ и вреднымъ стѣсненіямъ, какія лежатъ на немъ до сихъ поръ, въ видѣ разныхъ циркуляровъ и распоряженій, конфиденціальныхъ и явныхъ.

Вызывать искусственно рѣзкій отливъ населенія изъ одной мѣстности въ другую, значить, прежде всего поразить на смерть установившуюся хозяйственную жизнь той мѣстности, откуда отливаетъ населеніе; каковы бы ни были взгляды на нашъ экономическій строй, все-таки никто не можетъ отрицать, что, напимѣръ, центральная земледѣльческая полоса Россіи въ настоящее время вправѣ называться центральной не по одному внѣшнему положенію, но и по внутреннему значенію своему въ экономической жизни государства. Какъ примосковскія области составляютъ пока промышленное сердце Россіи, такъ цен-

тральная черноземная область составляет пока своего рода земледѣльческое сердце ея.

Выпустить изъ этого сердца разомъ огромное количество крови и перелить ее въ оконечности невозможно, не убивъ самого сердца.

Оконечности, конечно, достойны заботъ, но и сердце достойно ихъ не менѣе. Оно можетъ и должно подѣлиться своимъ избыткомъ, оно должно избавиться отъ вреднаго переполненія, но государственная мудрость должна блюсти за этимъ необходимыми органическимъ равновѣсіемъ и не допускать грубыхъ кровопусканій коноваловъ. Расшатать старыя, уже укореившіяся источники наружнаго благосостоянія и государственнаго богатства не трудно. Но создать новые источники въ новыхъ мѣстностяхъ, при новыхъ условіяхъ, но пустить прочныя корни въ неизвѣданную почву гораздо труднѣе. Необдуманная мѣры, подобныя совѣтамъ г. Романова и другихъ изслѣдователей его направленія, несомнѣнно очень скоро создали бы пустыни тамъ, гдѣ теперь живетъ, правда, несладко, но все-таки живетъ, и откуда намъ предлагаютъ вызвать цѣлое переселеніе народовъ. Но создадутъ ли они также скоро цвѣтущія хозяйства въ тѣхъ безлюдныхъ степяхъ, куда они хотятъ направлять массы вочующихъ русскихъ хозяевъ—это еще вопросъ. Пережить такой кризисъ, когда старыя источники народнаго богатства потрясены въ корни, а новыя еще не успѣли народиться и требуютъ отъ государства исключительнаго напряженія силъ для своего роста,—серьезная опасность для государства. Между тѣмъ эта опасность можетъ дѣйствительно грозить намъ завтра же, если мы неосторожно раздуримъ переселенческое движеніе.

Мы все воображаемъ въ своихъ кабинетахъ, что наше крестьянство, наши мужики, руководствуются въ своей жизни законами идеальнаго благоразумія и идеальной справедливости, присущихъ имъ, какъ «народу», утѣсняемому всякими неправдами высшихъ классовъ; что влиени нынче кличъ на новыя земли, и завтра же сельскій міръ каждой деревни вышлетъ ровно такое число бѣднѣйшихъ хозяевъ, которое необходимо для увеличения земельного надѣла остальныхъ крестьянъ на заданную цифру. На дѣлѣ же будетъ вовсе не то, а то именно, что всегда бываетъ не только при дѣйствительномъ «кличѣ», но даже при отдаленныхъ слухахъ о немъ. Сейчасъ явятся легенды о какомъ нибудь сѣденькомъ старикѣ, «царскомъ посланничѣ», что самъ выправляетъ паспорта, не вѣря начальникамъ даетъ по 300 р.

въ руки, зоветь на молочныя рѣки и кисельные берега, гдѣ податей платить не будутъ, а всѣ запишутся въ казаки и получатъ землю отъ казны по 50 дес. на душу. Легенду эту мы сами слышали изъ устъ крестьянъ всего 6 лѣтъ тому назадъ, въ годину неурожая. Разувайтесь вы ихъ потомъ, когда цѣлыя села распродадутъ дома и земли и поднимутся по зову «царскаго посланника» въ поиски за 50 дес.

Мы не застрачиваемъ ожиданіями, а только воспоминаемъ былое. Въ 1868 году вся Тульская губернія записалась на вольныя земли, истолковавъ себѣ по своему циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 13 апрѣля 1868 года касательно переселеній. Въ 1876 году, въ Тамбовской губерніи 3,000 человекъ поднялись разомъ на переселеніе, увлеченные разосланными по волостнымъ правленіямъ частными объявленіями о неслыханно дешевыхъ продажахъ и арендахъ земли въ Уфимской и Оренбургской губерніи, даже не предпринявъ никакихъ предварительныхъ мѣръ (см. приложенія къ докладу комисіи).

Въ 1879 году, массы крестьянъ Рыльского и Путивльскаго уѣздовъ Курской губерніи, до 500 семействъ, поднялись на переселеніе, прельщенные слухами, что переселенцы получаютъ по 18 дес. на душу, 80 деревъ строеваго лѣсу на постройку и 3-хъ лѣтнюю льготу отъ податей, чего конечно никто имъ не думалъ давать, такъ что около 200 семействъ, т. е. не менѣе 1,200 человекъ изъ одного Рыльского уѣзда, вынуждены были возвратиться назадъ въ томъ же году, придя, разумѣется, въ крайнее разстройство и претерпѣвъ большія лишенія (Матеріалы о переселеніи Рыльского уѣзда, доставленные въ совѣщаніе свѣдущихъ людей непремѣннымъ членомъ рыльскаго крестьянскаго присутствія); всего же возвратилось 440 семействъ изъ 500, причемъ множество дѣтей и стариковъ умерло во время переселенія. (Матеріалы по Путивльскому уѣзду и отчетъ курскаго губернатора въ приложеніи къ докладу комисіи).

Г. Ядринцевъ, извѣстный знатокъ Сибири и сибирскихъ переселеній, сообщаетъ много печальныхъ фактовъ безпорядочнаго скитанія нашихъ переселенцевъ по Сибири и нищенскаго положенія, къ которому приводитъ ихъ это долгое скитаніе. «Движеніе переселенцевъ, говоритъ онъ словами одного очевидца, — скорѣе напоминаетъ отступленіе населенія во время нашествія непріятели, чѣмъ передвиженіе изъ экономическихъ цѣлей, съ расчетомъ на лучшее».

«Масса переселенцевъ блуждаетъ по разнымъ направленіямъ.

Мы имѣли случай видѣть переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній, побывавшихъ въ Минусинскомъ округѣ, затѣмъ перебравшихся въ Семирѣченскую область и остановившихся въ Западной Сибири, т. е. исходившихъ тысячъ 10 верстъ».

«Въ Алтайскомъ округѣ мы видѣли переселенцевъ, возвратившихся съ Амура. Переселенцы бороздятъ Сибирь въ разныхъ направленихъ. Такимъ образомъ проходятъ года скитаній, въ водоворотѣ этого движенія исчезаетъ масса силъ и жизней. Движенія и скитанія представляютъ до того темную и неопредѣленную дорогу, до того смутное направленіе, что разорванныя на пути семьи не находятъ часто своихъ родственниковъ».

«Нищета и лишенія переселенцевъ проглядываютъ вездѣ. Нѣкоторые, истощивъ запасъ денегъ, не имѣя возможности покупать кормъ для скота, продаютъ скотъ и телѣги и плетутся уже безъ всякаго имущества, питаюсь около артели».

«На трактахъ по Западной Сибири намъ сообщали крестьяне-старожилы, что они помнятъ только рѣдкія партіи переселенцевъ, которыя не побирались».

«Переселенцы при такомъ способѣ передвиженія идутъ мѣсяцы и даже годы. До Семирѣченской области 2¹/₂ года, до Амура тоже года два, если не три.»

«Это то же переселеніе народовъ, вполнѣ зависимое отъ естественныхъ случайностей, представляющее много хаотическаго».

Г. Ядринцевъ приводитъ свидѣтельства и другихъ мѣстныхъ наблюдателей, характеризующія печальную участь многихъ переселенцевъ.

«О поголовномъ разореніи цѣлыхъ массъ переселенцевъ при переходѣ въ Сибирь и ихъ бѣдствіяхъ въ мѣстностяхъ богато надѣленныхъ землею», свидѣтельствуемъ напр. томскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», который, между прочимъ, говоритъ, что переселеніе вятскихъ крестьянъ въ Томскую губернію, «вмѣсто пользы губерніи и самимъ переселенцамъ обращается положительно во вредъ. Дѣло въ томъ, что люди покидаютъ свою родину и стремятся сюда на основаніи Бога вѣсть вѣмъ распускаемыхъ слуховъ о какихъ-то льготахъ отъ воинской повинности, о даровой раздачѣ готовыхъ уже земель, даже и пособій и проч.»

Разумѣется, приходя сюда, переселяющіеся не находятъ ничего имъ обѣщаннаго и попадаютъ въ безвыходное положеніе. Другіе разочаровываются въ самыхъ качествахъ «обѣто-

ванныхъ земель», о которыхъ составились у нихъ сказочныя мечтанія.

Такъ, корреспондентъ «Недѣли» рассказываетъ про одну семью Воронежской губерніи, которая ходила искать «жизни» «въ Семирѣченскую область; шли туда 2¹/₂ года, потеряли лошадей, претерпѣли болѣзни и нужду всякаго рода, наконецъ, пришли и видятъ, что жить нельзя, земли оказалось точно много, да толку мало: годомъ хлѣба много, некуда его продать, а годомъ мало, до 2 р. за пудъ доходить, лѣса хотя въ волю, да трудно его привезти, скота можно много имѣть, но только деньги на это требуются. Пришельцы испугались, потерялись, вся сила пропала. Бились 3 года и пошли обратно домой. Идутъ теперь 2 года и 5 мѣсяцевъ. Въ семьѣ за время ихъ выхода прибавилось 3 дѣтей и т. д.».

Корреспондентъ «Молвы» пишетъ изъ Оренбурга, что тамъ какъ разъ послѣ пожара скопилось до 880 семей переселенцевъ. Они пришли въ надеждѣ получить земли около Орска, гдѣ много нови; но расчеты не оправдались, такъ какъ земли заняты киргизами и казаками. Переселенцы отправились по письмамъ земляковъ, приползли на авось и такимъ образомъ очутились въ критическомъ положеніи. Немногимъ удалось пристроиться, другіе разбрелись въ работники или должны были воротиться назадъ. Г. Ядринцевъ встрѣчалъ на Алтайѣ, среди благодатныхъ мѣстностей, переселенцевъ, которые начинали свое обзаведеніе съ нищенства и батрачества, встрѣчалъ цѣлыя семьи, которыя побирались по деревнямъ, достигнувъ «обѣтованной земли».

Эти скитанія и неудачи часто производятъ гибельное вліяніе на самыя привычки переселенца. Отвыкнувъ отъ работы, являясь поневолѣ съ каторжными переселенцами, которыми кишитъ Сибирь, «вольный переселенецъ, не имѣя возможности прямо сѣсть на землю и приняться за знакомый и свойственный ему трудъ, обращается въ ницаго и развращеннаго, ничѣмъ не отличающагося отъ каторжнаго переселенца, умножая собою мѣстный пролетаріатъ безъ пользы для края, въ собственной погибели» (Ядринцевъ, «Положеніе переселенцевъ въ Сибири», «Вѣстникъ Европы», 1881 г.).

Эти факты точно также, какъ извѣстное каждому жителю черноземныхъ губерній бѣдственное положеніе переселенцевъ, возвратившихся назадъ Богъ знаетъ изъ какой дали, должны заставить насъ смотрѣть на спасительность переселеній, далеко не съ тѣмъ увлеченіемъ и преувеличеніемъ, съ какимъ часто

смотреть на него многіе наши изслѣдователи и сочувствователи народу.

Переселеніе само по себѣ вовсе не есть какая-то чудодѣйственная панацея противъ бѣдности и стѣсненій народнаго хозяйства; само по себѣ оно не даетъ силы тому, кто не имѣетъ ея, а часто даже убиваетъ и тѣ скудныя силы, которыя онъ имѣлъ прежде и которыхъ было достаточно при обычныхъ условіяхъ жизни. Поэтому, съ такимъ обоюдоострымъ средствомъ необходимо обращаться осторожно и разумно.

Переселеніе есть во всякомъ случаѣ и при всѣхъ условіяхъ большой рискъ для крестьянина, потому что въ немъ испытывается не только его матеріальная достаточность, но и сила его духа, его находчивость, настойчивость, терпѣніе, даже самое здоровье его, его семьи, его рабочаго скота.

Поэтому разумный и трезвый крестьянинъ, собирающійся на переселеніе, особенно же бѣдный, дѣлаетъ это, скрѣпя сердце, сознавая, что онъ снимается съ стараго корня по горькой необходимости, со страхомъ думая, что-то еще ждетъ его впереди.

Но, при нѣкоторыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ мѣстной жизни, бываютъ минуты, когда, утомленные непосильною борьбою, крестьяне-хозяева увлекаются чисто-дѣтскими надеждами на вольныя земли, на повую свободную и обильную жизнь, и двигаются на встрѣчу этой новой жизни съ легкомысліемъ, за которое дорого расплачиваются потомъ; такія паническія настроенія точно также увлекаютъ, временами, и людей другихъ сословій и другихъ профессій, которые пускаютъ, напримѣръ, послѣдній грошъ въ отчаянную биржевую игру, въ лотереи, выигрывающія сотни тысячъ рублей, гораздо чаще разоряясь, чѣмъ наживаясь.

Странно было бы правительству поощрять подобныя лихорадочныя настроенія и подобныя ребяческія мечты, на какой бы почвѣ ни строились онѣ.

Мы знаемъ, конечно, что бѣдствія нашихъ переселенцевъ происходятъ не только изъ-за ихъ собственнаго легкомыслія, но еще и потому, что правительство и земство не принимаютъ живаго участія въ переселеніяхъ; что у насъ это дѣло еще совершенно не организовано, а напротивъ того обставлено самими неправильными и затруднительными условіями.

До послѣднихъ дней не существовало нигдѣ переселенческихъ конторъ, не оказывалось никакого содѣйствія переселенцамъ ни въ пути ихъ движенія, ни при водвореніи на мѣстахъ; сами свободныя земли не изслѣдованы казною и не сняты на планы; отводъ участковъ происходитъ беспорядочно и невни-

мательно; податная система связываетъ переселенцевъ по рукамъ и ногамъ и заводитъ въ безысходныя дебри недоимокъ, отписокъ, взысканій, пересылокъ по этапу и проч.

Все это совершенная правда и призваніе вѣдомства, которому будетъ поручено дѣло крестьянскаго переселенія, прежде всего должно состоять въ твердой и практической организаціи способовъ этого переселенія.

Но не отрицая важнаго вліянія существующихъ административныхъ и законодательныхъ недостатковъ нашихъ на беспорядочность переселенческаго движенія, мы, тѣмъ не менѣе, убѣждены, что главный источникъ беспорядочности заключается въ причинахъ, болѣе глубокихъ и неполнѣ зависящихъ отъ внѣшнихъ мѣропріятій.

Никакія внушенія начальства, никакіе отчеты, вѣдомости и планы не повліяютъ такъ на убѣжденія переселенцевъ, какъ письмо какого нибудь родича съ далекой стороны или рассказы односельцевъ, возвратившихся оттуда, о сказочныхъ богатствахъ и удобствахъ края, гдѣ рыбу руками ловятъ, свиней не кормятъ, а прямо дикихъ въ лѣсу рѣжутъ, пшеничный хлѣбъ скотиною травятъ, и т. п.

Какая же сила удержитъ на мѣстѣ переселенцевъ, если они, придя куда нибудь въ Самарскую губернію, гдѣ имъ были бы отведены казенные участки, и наткнувшись на внезапный голодъ и дороговизну, вдругъ разомъ повернуть оглобли куда нибудь въ Семирѣченскую или Акмолинскую область, о млекѣ и медѣ которыхъ къ нимъ дойдетъ вѣсточка въ эту минуту?

Скитанія переселенцевъ по Сибири, какъ видно изъ наблюдений г. Ядринцева и другихъ очевидцевъ, имѣютъ въ корнѣ именно эти побужденія, отыскать что нибудь лучшее, что нибудь близко подходящее къ сказочному изобилію «земель обътованныхъ»; а такъ какъ фантазія и желанія людей всегда идутъ далеко впереди дѣйствительности, то, при легковѣрїи нашего простаго народа, при егѣ непривычѣ обращаться къ письменнымъ источникамъ свѣдѣній, укоренившейся въ немъ нелюбви къ вмѣшательству начальства въ хозяйственныя дѣла его, никакія конторы и планы не будутъ въ силахъ прекратить скоро теперешняго кочеванья переселенческихъ таборовъ.

Не предрѣшая, однако, заранѣе этого вопроса, мы должны все-таки видѣть, что если и возможно какое нибудь полезное вмѣшательство правительственныхъ и земскихъ агентовъ въ движенія переселенцевъ, то единственно при условїи, чтобы движенія эти не приобрѣли того повального, хаотическаго ха-

рактера, тѣхъ размѣровъ «переселенія народовъ», о которыхъ мы уже подробно говорили въ концѣ первой статьи нашей и которыхъ, конечно, неминуютъ при осуществленіи разныхъ лихорадочныхъ проектовъ «переселенія крестьянъ массами».

«Если родственники не могутъ найти своихъ во время движенія переселенцевъ, то мы можемъ себѣ представить, насколько возможно слѣдить за этимъ движеніемъ администраціи», говоритъ г. Ядринцевъ про настоящее, сравнительно ничтожное по размѣрамъ, переселеніе.

Пусть читатель сообразитъ, что бы началось при сплошномъ передвиженіи нашего крестьянства, предлагаемомъ слишкомъ торопливыми друзьями народа, и какая бы чиновничья рать оказалась въ состояніи направлять это передвиженіе по предназначенному ему руслу?

Съ одной стороны, переселеніе, какъ сказали мы, далеко не для всякаго и не при всѣхъ условіяхъ является дѣломъ дѣйствительно спасительнымъ. Съ наибольшею выгодною и съ наименьшимъ рискомъ имъ могутъ воспользоваться крестьяне зажиточные.

Съ другой стороны, было бы странно близорукостью не признавать никакихъ другихъ способовъ къ поднятію хозяйственнаго благосостоянія народа, кромѣ одного героическаго способа переселенія его въ другія страны.

Мы были бы весьма нежелательнаго мнѣнія о врачѣ, который не хотѣлъ бы приписывать для человѣческаго организма никакихъ другихъ средствъ леченія, кромѣ ампутаціи и кровопусканія. А между тѣмъ, въ дѣлѣ врачеванія общественныхъ организмовъ, мы серьезно выслушиваемъ варварскіе рецепты самозванныхъ врачей, отрицающихъ все, кромѣ ланцета, и часто не прочь послѣдовать имъ со всею наивностью собственнаго невѣжества.

Вся бѣдная часть земледѣльческаго населенія Россіи не можетъ быть перенесена разомъ на казенныя земли въ многоземельныя губерніи, каковы бы ни были жертвы правительства на дѣло переселенія. Населеніе, наиболѣе стѣсненное землею, неимѣющее рѣшительно возможности приложить на родинѣ свои руки къ земледѣльческому труду, конечно, должно быть, по тщательному разбору его хозяйственнаго положенія и его правъ на правительственную помощь, переселено на свободныя земли, съ дѣятельнымъ пособіемъ государства. Но затѣмъ все-таки на мѣстахъ останется еще много крестьянъ-земледѣльцевъ, которые не будутъ удовлетворять постановленной правительствомъ

нормѣ, которыхъ выселеніе будетъ превышать средства казны и нарушать хозяйственное благосостояніе мѣстности.

Ихъ положеніе могло бы быть улучшено на мѣстѣ, не прибѣгая къ переселенію, цѣлымъ рядомъ мѣръ. Прежде всего могло бы быть расширено ихъ землевладѣніе отводомъ имъ казенной земли въ ближайшихъ къ нимъ мѣстностяхъ той же губерніи, или содѣйствіемъ имъ въ покупкѣ частныхъ земель, особенно заложенныхъ въ банкахъ, по которымъ часто вовсе не приходится уплачивать капиталную сумму, а только одни проценты съ погашеніемъ.

Если такія земли гораздо дороже дешевыхъ степныхъ земель, за то и доходность ихъ гораздо выше; кромѣ того, сберегаются расходы переселенія и обзаведенія хозяйствомъ, избѣгается страшный рискъ, которому подвергается вся судоба переселенца.

Земли общиннаго права, остающіяся послѣ переселенцевъ, не должны бы были предоставляться частнымъ соглашеніямъ переселенца съ отдѣльнымъ хозяиномъ, обыкновенно по-богаче другихъ, который согласится принять его надѣлъ въ пользованіе за условленную сумму; общество должно было бы обязательно предоставлять эти упразднившіеся надѣлы наиболѣе нуждающимся въ землѣ, а не дозволить самымъ богатымъ членамъ своимъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ надѣлы переселенцевъ, какъ это обыкновенно водится.

При этомъ условіи, выходъ на переселеніе болѣе зажиточныхъ крестьянъ и обращеніе ихъ надѣловъ бѣднѣйшимъ хозяевамъ согласовались бы гораздо болѣе съ дѣйствительною возможностью, чѣмъ обратный порядокъ вещей. Но кромѣ расширения крестьянскаго землевладѣнія на мѣстѣ, которое всегда желательно, значительная часть крестьянства могла бы найти для себя возможность безбѣднаго существованія и даже наживы въ снятіи въ наймы многочисленныхъ частныхъ земель. Высокая плата аренды, хотя и бываетъ часто очень стѣснительна для крестьянина, но тѣмъ не менѣе прямо указываетъ на выгоду съемки земли. При лучшихъ судебныхъ и административныхъ порядкахъ плата эта могла бы понизиться, потому что въ настоящее время въ ней заключается изрядный страховой процентъ на случай неуплаты и проч. Если-бы крестьяне привыкли снимать земли цѣлыми обществами или по крайней мѣрѣ товариществами, при томъ не на одинъ годъ, а на довольно длинный срокъ, то арендная цѣна земли тотчасъ же понизилась бы для нихъ на много процентовъ.

Благоразуміе земледѣльческаго класса должно было бы установить сколько нибудь опредѣленную и справедливую систему сдачи земли въ наймы цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ и товариществамъ. Въ настоящее время недостатокъ у землевладѣльцевъ оборотнаго капитала и агрономическихъ познаній, отсутствіе хорошо подготовленныхъ, благонадежныхъ прикащиковъ, рабочихъ и разныхъ необходимыхъ въ хозяйствѣ людей все настойчивѣе побуждаетъ большинство землевладѣльцевъ прекращать собственное хозяйство и отдавать свои земли въ наймы или исполу.

Настоящаго сословія арендаторовъ, т. е. лицъ, обладающихъ капиталомъ и специальными хозяйственными знаніями, пока еще нѣтъ у насъ. Поэтому интересъ земледѣльцевъ сходится въ этомъ случаѣ съ интересомъ крестьянъ и заставляетъ тѣхъ и другихъ стремиться къ развитію у насъ постоянной и долгосрочной сдачи земель въ наймы крестьянамъ за деньги или исполу, лучше всего, цѣлымъ сельскимъ обществамъ. Всѣ отзывы лицъ и учреждений, близко стоящихъ въ крестьянской средѣ, единогласно подтверждаютъ, что слишкомъ высокія цѣны земельныхъ арендъ или совершенный недостатокъ земли, сдаваемой въ наймы, столько же служатъ причиною переселеній, какъ и малоземеліе самихъ крестьянъ¹⁾. Безъ благоразумія самаго общества никакой законъ не можетъ оказаться плодотворнымъ.

Поэтому частнымъ землевладѣльцамъ слѣдовало бы изъ собственного интереса принять всѣ мѣры къ тому, чтобы установить въ данной мѣстности умѣренныя и справедливыя цѣны на сдачу земли, дающія крестьянамъ возможность съ выгодой промыслять ея наймомъ, и, слѣдовательно, способствующія удержанію на мѣстахъ значительной части трудового населенія края. Опытъ показываетъ, что вездѣ, гдѣ паемъ земли доступенъ крестьянамъ и даетъ имъ очевидный заработокъ, стремленія къ переселенію очень мало. Опасности же фермерства, существующія въ Европѣ, могутъ вовсе не быть у насъ, такъ какъ наши крестьяне живутъ на своихъ собственныхныхъ усадьбахъ, въ собственныхныхъ своихъ домахъ, и имѣютъ кромѣ наемной земли свой собственный полевой надѣлъ, такъ что никакого насильственного водворенія изъ хозяйства имъ предстоять не можетъ, и прекращеніе аренды для нихъ никогда не будетъ имѣть зна-

¹⁾ Имѣющіеся у меня матеріалы по переселенію крестьянъ различныхъ уѣздовъ Курской губерніи, представляемые въ «совѣщаніе свѣдущихъ людей», подтверждаютъ это обстоятельство почти по каждой волости.

ченія потрясающаго, часто безвыходнаго кризиса, какимъ оно часто является, напимѣрь, въ Англіи.

Но, во всякомъ случаѣ, было бы чрезвычайно желательно, чтобы правительство пришло на помощь крестьянамъ въ наймахъ ими частныхъ земель такъ же, какъ въ покупкѣ ихъ.

Выработанный въ министерствѣ финансовъ планъ кредитнаго учрежденія, способствующаго крестьянскимъ обществамъ брать частныя земли въ долгосрочныя аренды, съ правомъ выкупа ихъ у владѣльцевъ на заранѣе опредѣленныхъ условіяхъ, — представляетъ въ общихъ чертахъ именно тотъ путь, на который всего удобнѣе можно было бы поставить это дѣло.

Если правительство нашло бы возможнымъ распространять операцію такого кредитнаго учрежденія не только на многоземельныя окраины, но и на внутреннія, густо населенныя губерніи, то, разумѣется, этимъ достигнуто было бы очень много въ смыслѣ обезпеченія землемѣльцевъ черноземной полосы, которымъ, по разнымъ причинамъ, неудобно рисковать переселеніемъ на вольныя земли. Но рассчитывать на такую широту оборотовъ предполагаемаго крестьянскаго земельного банка нѣтъ пока возможности, такъ какъ одна покупка земель въ дешевыхъ малонаселенныхъ губерніяхъ уже потребуетъ отъ казны большаго напряженія силъ. Къ тому же и желающихъ уступать крестьянамъ свои земли на условіяхъ выкупа, съ пособіемъ казны, явится гораздо больше въ малопродуктивныхъ окраинахъ, стѣсненныхъ недостаткомъ рабочихъ рукъ, чѣмъ въ густо населенной центральной земледѣльческой области, гдѣ частныя землевладѣльцы еще долго будутъ пытаться извлекать доходы изъ земли собственными усиліями.

За то мѣстныя земства могли бы мало-по-малу организовать кредитныя учрежденія, на подобіе правительственнаго, съ цѣлью удовлетворить мѣстнымъ потребностямъ крестьянства въ землѣ, что прямо входитъ въ обязанности земства, какъ хозяйственнаго органа мѣстности, и явилось бы вѣрнѣйшимъ средствомъ предупредить разумнымъ и справедливымъ образомъ, безъ всякихъ мѣръ стѣсненія или насилія, слишкомъ значительный отливъ изъ края рабочаго населенія, соблюдая прежде всего выгоды этого населенія.

Было бы также желательно, чтобы, въ случаѣ недостатка казеннаго и земскаго кредита, частныя земельныя банки получили бы право входить въ такое же посредство между крестьянскими обществами и владѣльцами земель о долгосрочныхъ наймахъ и правѣ обязательнаго выкупа этихъ земель на уста-

новленныхъ закономъ условіяхъ. Сколько извѣстно, со стороны министерства финансовъ даже сдѣланы были предложенія подобнаго рода обществу взаимнаго поземельнаго кредита.

Огромная масса частныхъ земельныхъ владѣній, заложенная въ настоящее время въ различныхъ земельныхъ банкахъ, даетъ для подобныхъ операцій чрезвычайно удобную, можно сказать, почти готовую почву.

Трудно сомнѣваться, чтобы правильно организованная система переселеній ея повліяла бы значительно на пониженіе, какъ наемныхъ, такъ и продажныхъ цѣнъ частныхъ земель въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ,—этомъ очагѣ выселенія,—и въ то же время на повышеніе тѣхъ же цѣнъ въ нашихъ многоземельныхъ окраинахъ, куда устремятся переселенцы; а эти обстоятельства очень облегчатъ возможность сдѣлать съ частными землевладѣльцами нашего центра, относительно долгосрочнаго найма и продажи земель крестьянамъ.

Если-бы операціи эти привились на практикѣ, то въ губерніяхъ, особенно стѣсненныхъ землею, населеніе, чувствуящее особенную необходимость въ землѣ, могло бы въ сильной степени избавиться отъ опасности и расходовъ выселенія въ незнакомыя и непривычныя ему условія жизни, и хозяйственное благосостояніе мѣстности могло бы только подняться, а не упасть, какъ неминуемо должно оно упасть въ случаѣ повальнаго, такъ сказать, паническаго стремленія землевладѣльцевъ на дешевыя дальнія земли.

Создавать искусственными мѣрами «переселенческой соблазнъ» своего рода было бы глубокою ошибкою, непоправимымъ вредомъ для самаго земледѣльческаго населенія и для интересовъ всего государства еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Ненужно забывать, при выработкѣ законодательныхъ мѣръ, психической стороны человѣка, тѣхъ естественныхъ свойствъ его духа, которыя отражаютъ, по своимъ собственнымъ внутреннимъ законамъ, разныя внѣшнія воздѣйствія на него.

Населеніе, охваченное горячкою переселенія, погруженное въ міръ иллюзій и несбыточныхъ фантазій, уже не можетъ трудиться трезво, настойчиво, терпѣливо, какъ оно привыкло трудиться въ обычномъ настроеніи своего духа, и какъ оно обязано трудиться вслѣдствіе суровыхъ требованій и необходимости.

Человѣкъ, у котораго въ головѣ безвыходно сидитъ мечта подняться, бросить все и искать «земли обѣтованной», не за-

хочетъ бороться даже съ самыми обычными препятствіями, встрѣчающимися ему на пути, не захочетъ переносить даже неособенно важныхъ неудобствъ и лишеній, которыя прежде онъ одолевалъ и переносилъ съ мужественною твердостью. Его все будетъ манить перспектива счастливыхъ легендарныхъ странъ, гдѣ все дается даромъ, гдѣ все попадаетъ въ руки, гдѣ каждый бѣднякъ дѣлается богачемъ на казенный счетъ.

Только рѣшись, отряхни прахъ ногъ твоихъ отъ старой родины, и попадешь въ царство простора и обилія!

Ничто не заставитъ такого человѣка искать въ самомъ себѣ своего благополучія и благосостоянія, требовать отъ самого себя, на себя самого опираться. Разъ онъ проникся ложнымъ убѣжденіемъ, что кто-то обязанъ заботиться о немъ и снабжать его всѣмъ, что ему нужно, разъ вѣрить онъ, что существуютъ на свѣтѣ такія страны, гдѣ жаренныя перепелки сами въ ротъ падаютъ, гдѣ не берутъ никакихъ податей и не запрещаютъ пахать гдѣ угодно, рубить что угодно,—онъ уже невольно подрѣзываетъ подъ собою тѣ внутренніе устои своего духа, которые до сихъ поръ дѣлали изъ него человѣка труда и борьбы.

Онъ смотритъ на всякое напряженіе своихъ силъ, какъ на что-то несправедливое и непріятное; избѣгаетъ представляющагося ему на мѣстѣ скромнаго, но постояннаго заработка; не изыскиваетъ средствъ удовлетворить свои потребности чѣмъ нибудь въ дѣйствительности ему доступнымъ, въ дѣйствительности его обезпечивающимъ; а все упованіе свое возлагаетъ на туманную даль, растилающуюся передъ его фантазією, на разныя Моздовки «Юхминскія» земли, Барнаулы и Семирѣченскіи.

Немудрено, что онъ такъ часто разочаровывается въ своихъ фантазіяхъ, привоснувшись и на Моздовѣхъ, и въ Томской губерніи, къ суровой дѣйствительности, хотя и иной, чѣмъ дома, но требующей отъ самаго человѣка еще больше, чѣмъ дома, настойчивой борьбы, терпѣнія и труда.

Переселенческій соблазнъ, есть психическая болѣзнь нашего крестьянства, подтачивающая силы его, балующая его духъ, часто дѣлающая его негоднымъ ни здѣсь, ни тамъ, обращающая спокойнаго, трудолюбиваго земледѣльца, въ тревожнаго и празднаго скитальца, нигдѣ ненаходящаго мѣста и дѣла по своему вкусу.

Болѣзнь эта сама собою слишкомъ часто охватываетъ эпидемически цѣлыя населенія, и нѣтъ никакого разумнаго основанія поощрять ее мѣрами правительства.

Въ итогъ, она можетъ убить всю будущность нашего сель-

саго хозяйства, а это значить убить экономическую будущность Россіи, страны почти исключительно земледѣльческой.

Никакое улучшеніе хозяйственныхъ пріемовъ, никакія практическія приспособленія и выгодныя изобрѣтенія не могутъ имѣть мѣста въ области сельскаго хозяйства при постоянномъ кочевомъ настроеніи, при бродячихъ привычкахъ земледѣльческаго населенія. Никто не станетъ развивать въ себѣ опыта и знаній, обдумывать, всматриваться, изучать, испытывать, когда всѣ помыслы будутъ направлены на то, чтобы съ возможно меньшимъ трудомъ и затратою захватить возможно больше земли и извлекать изъ нея доходы почти даромъ.

Если въ Курской губерніи требуется на уваженіе поля глубокая пахота плугомъ, посѣвъ кормовыхъ травъ, стало быть, лучшая порода скота, лучший уходъ за скотомъ, лучшія хозяйственныя постройки и орудія, то почему же, во избѣжаніе всего этого труда, заботъ и затратъ, не бѣжать въ Самару, гдѣ можно кое-какъ поцарапать землю сохою, сорвать баснословный урожай, перемолотить его тутъ же на полѣ, бросивъ солому гнить здѣсь же, не нуждаясь ни въ ригахъ, ни въ дворахъ, ни въ амбарахъ.

А на другой годъ также всцарапать другое свѣжее мѣсто, не возившись съ старою, истощенною пахотою.

Если въ Самарѣ вся земля расцарапана, попорчена, «забалована», какъ говорятъ мужики, нужно подняться, потянуться дальше, въ «Юхму», въ Сибирь, на Амуръ.

Вѣдь земли достались или даромъ, или почти даромъ, а теперь можно взять за нихъ хорошую цѣну, и тамъ, въ Томской, опять получить даромъ.

Что дѣйствительно въ такомъ смыслѣ, безъ всякаго преувеличенія, происходитъ наше крестьянское расселеніе и развитіе нашей земледѣльческой промышленности на заволжскихъ, сибирскихъ и другихъ окраинахъ, доказываютъ всѣ изслѣдованія нашихъ экономистовъ, даже наиболѣе пристрастныхъ къ пользѣ переселеній.

Этимъ объясняется и то, повидимому, странное обстоятельство, что крестьяне многоземельныхъ губерній, какъ Самарская, Вятская, Оренбургская, Уфимская и проч., бѣгутъ въ другія, еще болѣе многоземельныя; этимъ же объясняются и хроническіе неурожаи, постигающіе такъ часто самыя хлѣбородныя области Россіи, какъ напр. Самарскую и Оренбургскую губерніи, вызывающіе почти періодическую помощь имъ цѣлой Россіи, хотя казалось бы самой Самарской губерніи было бы болѣе

естественно подавать милостыню другимъ русскимъ губерніямъ, чѣмъ получать ее отъ нихъ.

Никогда еще, такъ называемая «хищническая система хозяйства» (Raubwirthschaft нѣмецкихъ экономистовъ) не достигала такого широкаго и смѣлаго развитія, какъ въ практикѣ нашихъ многоземельныхъ окраинъ.

Г. Ромацовъ передаетъ, наприм., что, вслѣдствіе значительнаго выселенія крестьянъ изъ Вятской губерніи, у остающихся крестьянъ, и безъ того имѣвшихъ большіе надѣлы, часто находится много излишней земли, такъ что, наприм., одинъ душевой надѣлъ въ состояніи высѣять до 50 пудовъ ржи; эту ненужную имъ землю вятскіе крестьяне охотно отдаютъ за самую маленькую плату, но за неимѣніемъ охотниковъ, значительная часть ихъ надѣловъ оставляется совсѣмъ безъ обработки и обращается мало-по-малу въ непроезжие пустыри. Земля эта, конечно, могла бы давать доходъ, но только подъ условіемъ уваженія, а такъ какъ уваживать рѣдко кто желаетъ, то всякій предпочитаетъ захватить подъ посѣвъ какойнибудь свѣжій участокъ земли, иногда даже много хуже его собственнаго, но за то еще нетронутый.

Землю въ Вятской губерніи, по увѣренію г. Романова, крестьяне снимаютъ только въ такомъ случаѣ, если она отдается за безцѣнокъ, и обрабатываютъ только до тѣхъ поръ, пока она совершенно не истощится.

Даже трава очень плохо родится потомъ на этихъ выпашанныхъ, заброшенныхъ пустыряхъ. Разумѣется, крестьянамъ и въ голову не приходитъ сѣять по этимъ пустырямъ траву и вообще возстановлять разумными хозяйственными мѣрами ихъ истощенную силу плодородія.

За то они съ особенною страстью бросаются на лѣсныя пространства своей и сосѣднихъ губерній.

Тучная лѣсная почва, послѣ истребленія лѣса, истребляется точно также цѣлымъ рядомъ непрерывныхъ посѣвовъ, и поселенецъ, за свой трудъ истребленія, такъ сказать, вы продаетъ въ нѣсколько лѣтъ естественное плодородіе никогда нетронутой плугомъ почвы. Этотъ-то хищническій барышъ и соблазняетъ больше всего вятскаго крестьянина къ переселеніямъ въ предѣлахъ своей губерніи, къ выселеніямъ въ мѣстные уѣзды Уфимской и Томской губерній, въ Бирскій, Уфимскій, Барнаульскій и проч.

Уфимская новь даетъ сперва переселенцу урожаи, о которыхъ онъ не смѣлъ мечтать, по 100 п. ржи, по 200 п. гре-

чихи съ десятины; но потомъ, конечно, и эта пресловутая уфимская новь, разграбленная варварскимъ хозяйствомъ, подчиняется естественной судьбѣ тѣхъ выпаканныхъ до-тла вятскихъ земель, откуда бѣжали когда-то уфимскіе переселенцы, и они, въ свою очередь, бѣгутъ съ нею далѣе на востокъ, захватывая новыя, не тронутыя земли, безразсчетно расхищая силу плодородія и распространяя такимъ образомъ все далѣе и далѣе истощеніе нашихъ благодатныхъ почвъ, безумную растрату нашего черноземнаго сокровища.

Понятно поэтому, что тѣ же самыя губерніи, которыя служатъ приманкою и соблазномъ для нашихъ курскихъ и воронежскихъ переселенцевъ, въ то же время стоятъ впереди другихъ губерній по числу выселяющихся изъ нихъ крестьянъ.

Такъ, даже по официальнымъ отчетамъ, сильно, конечно отстающимъ отъ дѣйствительныхъ цифръ выселенія, изъ Самарской губерніи выселилось въ 9 лѣтъ (1871—1879) 12,740 человекъ (а поселилось всего 8,908); изъ Вятской за 8 лѣтъ 12,576 человекъ, а по свѣдѣніямъ г. Романова, 140,000 человекъ въ 20 лѣтъ; изъ Уфимской, по официальнымъ свѣдѣніямъ, выселилось за 9 лѣтъ, 30,405 человекъ; изъ Еваторинославской за 7 лѣтъ 15,823 человекъ и т. д.

У меня въ рукахъ случайно находился любопытный отчетъ одного авторитетнаго лица, командированнаго для изученія причинъ самарскаго голода 1880 года и для раздачи пособія нуждающимся.

Вотъ какъ объясняетъ этотъ отчетъ причины самарскихъ неурожаевъ. «Самарскія голодовки являются слѣдствіемъ не только неурожаевъ, которые могутъ порождаться повсемѣстно общими космическими причинами, но и слѣдствіемъ хищническаго и весьма небрежнаго способа обработки земли. Вообще говоря, крестьянскія земли въ южной части Самарской губерніи представляютъ печальную картину. Правильныхъ сѣвооборотовъ нѣтъ; каждый сѣетъ, что ему вздумается: яровое на яровое, рожь на рожь; попадаютъ десятины, гдѣ рожь засѣяна прямо наволокомъ, по смятому полю разбросаны сѣмена и по нимъ пройдено бороною. Нетрудно представить, какое вліяніе на производительность почвы оказываютъ такіе приемы. Крестьяне, а тѣмъ болѣе оптовые сѣмщики, которые потомъ раздаютъ землю по участкамъ — не хозяйничаютъ, а спекулируютъ. Благодаря преданіямъ относительно неистощимости земли, крестьянинъ стремится засѣять какъ можно больше, съ тѣмъ, что если, по

счастью, урожай хорошій, то онъ сразу получить большой барышъ. Конечно, при этихъ условіяхъ онъ даже не заботится объ удовлетворительной обработкѣ земли.

«Понятно, что по мѣрѣ того, какъ почва выпаживалась и теряла свою производительную силу, земля отказывалась производить, и знаменитый когда-то черноземъ становится не лучше самой плохой земли.»

Отчетъ говорить прямо объ «одряхлѣніи почвы, о голодовкахъ, ставшихъ явленіемъ хроническимъ». Онъ приводит поразительные примѣры того бѣдственнаго хозяйственнаго положенія, въ которое пришли эти мнимые счастливыя, когда-то поселившіеся на просторѣ вольныхъ земель Самарской губерніи, на ея неистощимомъ черноземѣ, и которое незнакомо въ такой степени даже тѣсно скученнымъ на своихъ крошечныхъ надѣлахъ нашимъ шигровскимъ и обоянскимъ мужикамъ. Такъ напр., въ одной Старополтавской волости, Новоузенскаго уѣзда, гдѣ на 1,019 дворовъ находится земли 38,439 дес., т. е. почти по 38 дес. на дворъ (изъ числа этого одной пахотной почти 25,000 дес.), отчетъ указываетъ 67 хозяевъ, не имѣющихъ домовъ, 329 не имѣющихъ скота и 178 совершенно бросившихъ хозяйство, и кромѣ того 22,000 р. одного частнаго долга на цѣлыхъ обществахъ, не считая долговъ отдѣльныхъ крестьянъ.

Въ Новорѣпинской волости того же уѣзда, гдѣ на 606 дворовъ приходится около 28,000 дес. земли, т. е. болѣе чѣмъ по 46 дес. на дворъ, хозяевъ не имѣющихъ домовъ 39, не имѣющихъ скота 322, частныхъ долговъ общества 45,314 р. и кромѣ того сдано въ аренду на 1881 и 1882 годъ, съ полученіемъ впередъ денегъ, уже совершенно израсходованныхъ, 835 дес.

Въ Нижне-Ерусланской волости того же уѣзда, гдѣ на 1,185 дворовъ земли 56,322 дес., т. е. также около 50 дес. на дворъ, хозяевъ не имѣющихъ скота 324, частныхъ долговъ на обществахъ 296,374 р., на отдѣльныхъ домохозяевахъ 247,657 р., всего же долговъ 544,031 р., т. е. среднимъ счетомъ около 460 р. на дворъ! Общества эти взяли изъ запасныхъ магазиновъ 52,820 п. пшеницы и 52,582 п. ржи. Объединеніе волости настолько значительно, что втеченіи 2-хъ лѣтъ выселилось изъ этой волости въ другія губерніи около 700 семействъ! Въ такомъ же родѣ положеніе и многихъ другихъ волостей, напр. Осиново-Гайской, гдѣ на 1,180 дворовъ причитается до 79,000 дес. земли, т. е. по 67

дес. на дворъ. Немудрено, что, при такомъ хозяйственномъ положеніи, цѣлая треть населенія Самарской губерніи, по опредѣленію чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія въ октябрѣ 1880 г., должна была получить отъ правительства ссуду на прокормленіе, и что правительство вынуждено было отпустить на Самарскую губернію изъ общихъ средствъ имперіи до 5 миліоновъ рублей.

Хотя обыкновенно принято считать, что выселеніе крестьянъ Самарской губерніи происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе значительнаго числа крестьянъ, получившихъ даровой «нищенскій» надѣлъ, именно $30\frac{1}{2}\%$ изъ числа всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, но вышеприведенныя цифры показываютъ ясно, что обиліе земли само по себѣ не обезпечиваетъ крестьянъ отъ полнаго раззоренія и отъ стремленій къ выселенію.

«Населеніе, привыкшее къ степному простору и цѣлинѣ, говорится въ отчетѣ,—жалуется, что нѣтъ теперь прежняго приволья, нѣтъ баснословныхъ урожаевъ и общаго изобилія.

«Слушая рассказы о раздолѣѣ прежняго степнаго хлѣбопашества, увлекаясь слухами, распускаемыми «прохожими людьми», большая часть крестьянъ утѣшаетъ себя сказками объ ожидаемыхъ надѣлахъ огромнаго размѣра, которые скоро дастъ царь. Фабула эта раздражаетъ воображеніе и становится тѣмъ вреднѣе, чѣмъ непрогляднѣе настоящее положеніе самарскаго крестьянина».

Мы должны разсуждать о вопросѣ крестьянскихъ переселеній, какъ и о каждомъ важномъ вопросѣ народнаго благосостоянія, не съ цѣлью добиться, во что бы то ни стало, тѣхъ или другихъ мѣръ, заранѣе нами излюбленныхъ, заранѣе возбуждающихъ наше довѣріе, а исключительно только съ цѣлью помочь народной нуждѣ на самомъ дѣлѣ, облегчить нашему крестьянству основательное и правильное развитіе земледѣльческаго промысла, кормящаго и само крестьянство, и все государство русское.

Поэтому тѣ или другія мѣры законодательства должны быть одобряемы или осуждаемы не сами по себѣ, не по своему теоретическому достоинству, а только съ практической точки зрѣнія, насколько, при данныхъ обстоятельствахъ, достигаютъ онѣ вышеуказанной цѣли.

Дѣлать изъ естественнаго стремленія крестьянъ къ земле-

владѣнію какою-то азартную игру, приучать къ рискованнымъ земельнымъ спекуляціямъ цѣлыя мирныя трудолюбивыя населенія, обращать наши Томскія и Уфимскія губерніи въ то, чѣмъ когда-то была Калифорнія для жадныхъ искателей золота,—по меньшей мѣрѣ безразсудно. Если даже калифорнское золото не принесло ничего, кромѣ разоренія и внутренняго развращенія толпамъ нетерпѣливыхъ, мечтательныхъ людей, покинувшихъ свои болѣе скромныя, но вмѣстѣ болѣе вѣрныя занятія, ради погони за фантастическимъ богатствомъ; если въ старое время золотой соблазнъ Перу и Мексики эпидимически охватившій цѣлый талантливый и богатый народъ, убивъ въ Испаніи спокойное промышленное трудолюбіе, и содѣйствовалъ могучимъ образомъ экономическому и нравственному паденію когда-то передоваго государства Европы,—то точно также вправѣ мы ожидать, что экономическая будущность Россіи можетъ быть убита искусственнымъ поощреніемъ той вредной системы хищничества, которая уже и теперь нерѣдко даетъ себя чувствовать очень больно въ нашей земледѣльческой промышленности.

Торопливое соревнованіе въ уничтоженіи производительной силы земли по-очередно отъ одной губерніи къ другой, можетъ надолго укоренить въ нашемъ крестьянствѣ невѣжественныя и гибельныя приемы земледѣлія, обратить нашихъ крестьянъ изъ настойчивыхъ и терпѣливыхъ хозяевъ въ безразсудныхъ барышниковъ басни, убивающихъ изъ близорукой корысти ту самую курицу, которая несетъ имъ золотыя яйца.

Такия переселенія были бы уже бѣгствомъ крестьянъ не отъ малоземелія, а бѣгствомъ ихъ отъ хозяйства, отъ собственнаго труда, отъ собственныхъ обязанностей, отъ необходимости добиваться своимъ разумомъ и своими силами какаго нибудь улучшенія земледѣльческаго промысла.

Возможность подобнаго развращающаго вліянія переселеній на самое многочисленное и самое трудолюбивое населеніе государства должна быть во всякомъ случаѣ принята во вниманіе законодательствомъ.

Когда уже теперь необходимо бѣжать изъ самарскаго приволжья, гдѣ урожаи еще баснословны, гдѣ на каждый дворъ приходится по 40, 50 и 60 дес. земли, то что же будетъ съ нашею злополучною Россіею въ какія нибудь 50 лѣтъ, если хищничество почвы будетъ не только продолжаться по прежнему, но еще и поощряться на средства государства. Развѣ долго переселенческімъ ордамъ распарпать и «забаловать» барнаульскій черноземъ, повырнуть алтайскіе и семирѣченскіе

лѣса, какъ они забаловали новоузенскую почву, какъ они поврубили вятскіе и уфимскіе лѣса, для того, чтобы при первомъ неблагопріятномъ климатическомъ обстоятельстве бѣжать куда нибудь еще дальше, въ Усурійскій край, въ Приморскую область, и тамъ вырубать все, что еще не вырублено, истощить все, что еще не истощено.

Намъ кажется, что факты огромныхъ выселеній изъ многоземельныхъ и плодородныхъ губерній Россіи, факты кочеванія переселенцевъ по Сибири и Туркестану,—все говоритъ намъ, что одна земля сама по себѣ никогда не въ силахъ разрѣшить земледѣльческаго вопроса; что человѣкъ нигдѣ и никуда не уйдетъ отъ самого себя, отъ необходимости борьбы, знаній и усовершенствованія своего промысла. Никакой черноземъ и никакіе размѣры надѣловъ не обезпечать хозяина, который отказывается изучать свое дѣло и настойчиво биться надъ нимъ. Правильная система хозяйства есть факторъ такой же неизбѣжно нужный, какъ и сама почва, къ которой эта система должна примѣняться. Мы, русскіе, даже образованные люди, только заднимъ умомъ крѣпки. Увлеченные своею вѣрою въ спасительность переселенія, мы теперь горячимся, кричимъ, что правительство должно, не раздумывая и не колеблясь, выселять разомъ цѣлыя провинціи, бросать разомъ миліоны рублей, отводить разомъ миліоны десятинъ земли.

Стоитъ правительству послушаться насъ, взбудоражить, очертя голову, все земледѣльческое населеніе имперіи, двинувъ его на свободныя земли, и не пройдетъ немногихъ лѣтъ, какъ мы же первые завопимъ объ ужасныхъ послѣдствіяхъ этихъ безразсудныхъ мѣръ, мы же первые будемъ читать правительству наставленія и нравоученія, какую непоправимую ошибку совершило оно, и доказывать ему несомнѣнными статистическими цифрами, какъ и чѣмъ погубило оно экономическую будущность народа.

Замѣчательно, что даже такой рѣшительный сторонникъ широкихъ крестьянскихъ переселеній, какъ князь А. И. Васильчиковъ, въ концѣ 2 тома своей книги «О землевладѣніи», гдѣ дѣлаетъ общіе выводы изъ всѣхъ своихъ положеній, не только высказываетъ тѣ же опасенія, какія сейчасъ высказали мы, относительно развращающаго вліянія на крестьянъ земельной спекуляціи, прикрытой маскою переселенія, но даже самое стремленіе къ переселенію объясняетъ гораздо болѣе вредною распущенностью нашей «залежной» системы хозяйства, чѣмъ малоземеліемъ крестьянъ. Когда «приращеніе населенія заставило

крестьянъ придти къ трехпольному сѣвообороту, тогда сказались всѣ пагубныя послѣдствія прежняго порядка полеводства: степи, нагорные луга были всѣ распаханы, большая часть наемныхъ сѣнокосовъ тоже срубаны подъ бахчи и огороды, отъ вырубки лѣсовъ и распахки земель рѣвки мелѣли, ручьи изсыкали, залежное полеводство по необходимости замѣнялось трехпольнымъ, но приэтомъ самыя приемы земледѣлія не измѣнялись по преданію дѣдовъ и отцовъ; признавалось, что черноземъ не требуетъ и даже не терпитъ удобренія; по обычаю старины, гурты и табуны коней паслись «вольно и нехранимо» на пашняхъ, точно также какъ въ прежнія времена на степяхъ».

«Мыдумаемъ, говорить далѣе князь Васильчиковъ, — что коренная причина, стѣсняющая хозяйство въ этой полосѣ, т. е. Курской, Харьковской, Полтавской, Рязанской, Воронежской и проч., и заставляющая жителей искать промысловъ и работъ на чужихъ земляхъ, лежитъ не столько въ малоземеліи, сколько въ распущенности и закоснѣлости земледѣлія».

«Стѣсненіе крестьянъ не таково, чтобы препятствовало правильному хозяйству». 3—4 дес. на душу, при производительности богатой черноземной почвы, авторъ считаетъ вполне достаточнымъ надѣломъ въ благопріятныхъ условіяхъ хозяйства.

Такіе-же обширные надѣлы, какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской и Оренбургской губерній, гдѣ приходится въ средней сложности на 1 крестьянскій дворъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ 46, въ Николаевскомъ 30, въ Оренбургскомъ 47, въ Верхнеуральскомъ 47 на душу, 168 дес. на дворъ, и т. д., князь Васильчиковъ считаетъ «далеко превышающими рабочія силы крестьянской семьи».

Вотъ окончательный выводъ, въ которому приходитъ по этому вопросу обширный и талантливый трудъ нашего земскаго экономиста.

«Переходя изъ одной крайности въ другую, многіе приписываютъ стѣсненіе быта русскихъ крестьянъ малоземелію (что отчасти и справедливо въ центральныхъ губерніяхъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ, потворствуя и лѣстя инстинктивному стремленію ихъ въ расширенію владѣній, полагаютъ, что чѣмъ больше отведено будетъ земли подъ крестьянскія поселенія, тѣмъ выше будетъ благосостояніе крестьянъ.»

«Это намъ кажется грубою ошибкою, которая можетъ

увлечь народныя массы, внушить имъ необузданное стремленіе къ захвату земель, но приведетъ ихъ вовсе не къ той цѣли, которую предполагають, къ равномерному владѣнію, а напротивъ къ двумъ крайностямъ—обогащенію однихъ и безземеленію другихъ».

«По нашему разумѣнію, всѣ эти экстенсивныя культуры, которыми такъ соблазняются русскіе хлѣбопашцы, составляютъ для нихъ чистый убытокъ и разстраиваютъ ихъ собственныя хозяйства, мірскіе пашни и луга. Они бросаютъ свои подворныя пашни, чтобы снимать господскія угодья, подрѣзы и лядины, запускаютъ ближайшія полосы, чтобы «пахать въ татарахъ». На башкирскихъ земляхъ уходятъ изъ селеній въ степь и лѣса, тратя лучшее время года на переѣзды и скитанья; все это дѣлается не столько по нуждѣ и недостатку земель, сколько по склонности русскаго мужика къ простору и разгулу».

Лучшимъ подтвержденіемъ этихъ мнѣній чловѣка, котораго сочувствіе расширенію крестьянскаго землевладѣнія, кажется, не можетъ подвергаться сомнѣніямъ, служить то обстоятельство, что самые пристрастные проповѣдники повальныхъ переселеній и огромныхъ надѣловъ для крестьянъ сознаются, что степныя губерніи, съ своими обширными земельными участками, даютъ въ итогѣ столько-же хлѣба на ревизскую душу, какъ и тѣсно населенная, мало-земельная черноземная полоса.

(Никольскаго, «Аграрный вопросъ», также князя Васильчикова, 2-й томъ «Землевладѣнія»).

Намъ скажутъ, что-же однако дѣлать для усовершенствованія нашего крестьянскаго землевладѣнія, если оно не совершенствуется по собственному побужденію?

Мы, конечно, менѣ всего склонны полагаться въ этихъ дѣлахъ на какія-нибудь обязательныя мѣропріятія правительства или земства.

Мы твердо увѣрены, что народное хозяйство должно поднаться и можетъ подняться только собственными усиліями, подъ давленіемъ необходимости и по сознанію собственной пользы, а ужъ никакъ не по приказу начальства или по совѣту доброжелательныхъ людей.

Мы думаемъ даже, что хотя медленно, наше сельское хо-

зйство во многих мѣстностяхъ двигается впередъ, а не назадъ, и двигается именно подъ спасительнымъ давленіемъ необходимости. Унавоженіе полей, о которомъ недавно еще не слыхала, напр. Курская губернія, теперь считается тамъ неизбѣжнымъ всеобщимъ условіемъ полеводства. Немного лѣтъ тому назадъ можно было за безцѣнокъ покупать навозъ у цѣлыхъ большихъ селеній, а теперь даже самый беззаботный изъ крестьянъ не согласится продать кому-нибудь на сторону навозъ своихъ хлѣбовъ. Множество курскихъ крестьянъ теперь сѣютъ въ изрядныхъ размѣрахъ пшеницу, которой прежде они не сѣяли никогда, которая даже въ большихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ введена, сравнительно, очень недавно. Если плуговая пахота, далеко еще не необходимая въ легкой черноземной почвѣ, гдѣ хорошій пахарь можетъ поднять землю сохою на $2\frac{1}{2}$ и на 3 вершка, во многихъ уѣздахъ Курской губерніи еще не привилась къ крестьянскимъ хозяйствамъ, а только укореняется въ помѣщичьихъ, то другія земледѣльческія машины и орудія, удобство которыхъ несомнѣнно въ глазахъ крестьянъ, какъ, напримѣръ, катки, вѣялки, молотильныя машины, распространяются среди крестьянъ довольно быстро.

Улучшенные породы скота и особенно лошадей высоко цѣнятся теперь курскими крестьянами, и заботливый хозяинъ отдаетъ 10, 15 даже 25 р. за ставку своей матки съ дорогимъ кровнымъ заводчикомъ рысистой породы. Цѣлыя селенія Щигровскаго и другихъ уѣздовъ ведутъ прибыльный торгъ вырощенными ими цѣнными лошадьми, продавая ихъ нерѣдко по нѣсколько сотъ рублей за голову. Необыкновенное развитіе въ послѣднее время мелкихъ маслобоенъ среди крестьянъ Курской губерніи также вызвано цѣлами удобрения и улучшеннаго скотоводства.

Въ другихъ губерніяхъ, сельское хозяйство и связанные съ нимъ промыслы дѣлаютъ еще большіе успѣхи. Крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ сѣверныхъ губерній нашихъ, какъ-то Новгородской, Тверской, Вологодской и проч., стали въ послѣднее время въ значительныхъ размѣрахъ заниматься изготовленіемъ выгодныхъ молочныхъ продуктовъ, масла и сыра; по новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ г. Арсеньева, въ трехъ только уѣздахъ Вологодской губерніи переработано на масло и сыръ въ 1879 г. 384,000 п. молока, въ 1880 г. 457,000 п., изъ коихъ 40% на сыръ.

Вообще въ Вологодской губерніи ежегодно обращается въ масло и сыръ болѣе 600,000 ведеръ молока, и особенно быстро

и успѣшно развивается мелкое молочное хозяйство крестьянъ, проникшее въ эту губернію изъ Пошехонья и Череповецкаго уѣзда. Молочный промыслъ тѣсно связанъ съ улучшеніемъ скотоводства, удобрения, а слѣдовательно и полеводства. Но это, конечно, только одинъ случайный примѣръ, попавшійся подъ руку. Другимъ еще болѣе убѣдительнымъ примѣромъ того, какъ можетъ развиваться и достигать значительной доходности крестьянское хозяйство даже самыхъ маленькихъ размѣровъ, подъ вліяніемъ благоприятныхъ условий, можетъ служить хозяйство ростовскихъ огородниковъ, владимірскихъ хмѣлевщиковъ и садовниковъ, ярославскихъ разводителей ваплуновъ, полтавскихъ табаководовъ, также какъ мелкихъ подгороднихъ хозяевъ Петербурга и Москвы, гдѣ огородничество высшаго сорта, производящее ягоды и дорогіе ранніе овощи, можетъ поспорить съ любымъ европейскимъ. Подобныя-же промыслы, хотя и не съ такою выгодною, существуютъ во многихъ подгороднихъ слободахъ нашихъ губернскихъ городовъ; такъ, на примѣръ: Ямская, Стрѣleckая и другія крестьянскія слободы г. Курска, кромѣ очень значительнаго молочнаго хозяйства, питающаго городъ, занимаются выращиваніемъ разныхъ овощей, успѣшно сбываемыхъ городскимъ жителямъ.

Извѣстный экономистъ г. В. Безобразовъ въ газетѣ «Русь» за 1881 годъ помѣстилъ весьма интересное описаніе изслѣдованной имъ Угодичской волости Ростовскаго уѣзда, гдѣ крестьяне-огородники съ своего ничтожнаго надѣла около десятины плохой земли, вслѣдствіе усовершенствованной культуры, получаютъ доходъ отъ продажи цѣнныхъ овощей значительно больше, чѣмъ получаетъ съ своего тучнаго чернозема крестьянинъ курскій или воронежскій, воздѣлывающій свое поле еще по преданію дѣдовъ.

Скажутъ, что всѣ такія хозяйства находятся въ исключительно удобныхъ условіяхъ. Но мы именно хотимъ доказать, что крестьянскому хозяйству нашему, кромѣ пассивной и отрицательной задачи бѣжать прочь отъ самого себя, рекомендуемой ему многими неосторожными совѣтниками, предстоитъ еще задача совершенно активная и положительная, — создать кругомъ себя, на своемъ вѣковѣчномъ мѣстѣ, болѣе удобныя условія для своего развитія, т. е. не бѣжать куда глаза глядятъ, въ надеждѣ на легендарный климатъ и легендарное изобиліе «земель обѣтованныхъ», а извлечь изнутри самого себя необходимыя ему силы, вырасти и окрѣпнуть самому на своихъ старыхъ корняхъ.

Отъ этой задачи не отвертится никакой народъ, никакая промышленность.

Если во мнѣ самомъ нѣтъ силы, не дадутъ ихъ мнѣ никакія внѣшнія перемѣны моего быта. Онѣ только протянутъ мою агонію, но не предотвратятъ ее.

Силамъ, дѣйствительно стѣсненнымъ, дѣйствительно удушающимъ самихъ себя, за недостаткомъ поля дѣйствія, силамъ, дѣйствительно выбивающимся изъ своей наличной обстановки и требующимъ гораздо большаго простора для своей операціи,— само собою разумѣется, необходимо дать свободный выходъ, возможность отыскать подходящее имъ поле борьбы и труда.

Въ этомъ смыслѣ, вопросъ крестьянскихъ переселеній долженъ стать насущнымъ вопросомъ нашей народной жизни, и въ этомъ смыслѣ, мы энергически поддерживаемъ и всегда поддерживали его.

Но все таки—переселенія должны быть не болѣе, какъ клапаномъ, выпускающимъ излишне накопившіеся пары, которымъ не можетъ быть внутри никакой полезной работы, а ни какъ не повальнымъ бѣгствомъ крестьянскаго населенія отъ условій быта, вызывающихъ здоровое напряженіе его силъ, создающихъ благостояніе народа путемъ терпѣливой борьбы и труда, къ другимъ, балующимъ и расслабляющимъ условіямъ хозяйственной жизни, въ итогѣ которыхъ получается только неизбежный упадокъ всего народнаго хозяйства.

Подъемъ хозяйственнаго образованія нашего народа и развитіе среди него всевозможныхъ промысловъ, какъ прочно связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, такъ и независимыхъ отъ него,—вотъ что необходимо должно послужить исходомъ изъ настоящаго жалкаго положенія нашего крестьянскаго хозяйства, изъ бѣдности нашего простаго народа и всего государства русскаго.

На этой задачѣ должны сосредоточиться всѣ усилія государства, общественныхъ учреждений и великодушныхъ друзей народа; система крестьянскихъ переселеній, свободныя казенныя земли, должны служить только могучимъ вспомогательнымъ рычагомъ въ этой работѣ улучшенія и укрѣпленія самаго трудолюбія народнаго. Переселеніе и расширеніе земельныхъ надѣловъ могутъ оказать плодотворное вліяніе не столько сами по себѣ, сколько при условіи внутренняго развитія сельскохозяйственнаго дѣла, при широкомъ подъемѣ всей вообще промышленной жизни нашего народа.

Идея исключительно земледѣльческаго государства есть не

лѣнность и утопія, подобная той, которая требуетъ землевладѣнія для каждаго жителя земнаго шара, которая отрицаетъ, какъ нѣчто безнравственное, наемный трудъ.

Народъ, исключительно земледѣльческій, всегда будетъ народомъ бѣднымъ и зависимымъ отъ другихъ народовъ. Только близкое сосѣдство самыхъ разнообразныхъ промысловъ можетъ дать возможность сельскому хозяйству подняться на высокую степень совершенства. Сельское хозяйство во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ промышленной жизни края. Чтобы усовершенствовать свои орудія и приемы, оно должно имѣть подъ рукою цѣлый рядъ промысловъ, съ бжающихъ его, на удобныхъ условіяхъ, всѣмъ, что ему требуется; а чтобы окупить эти усовершенствованныя орудія и приемы, эти значительныя затраты на добычаніе хозяйственныхъ продуктовъ, необходимо, чтобы эти продукты находили себѣ подъ рукою обезпеченный сбытъ въ возможно большомъ размѣрѣ и по возможности выгодно. Только дѣятельная промышленная жизнь страны, только накопленіе достатка путемъ энергическаго разнороднаго труда мѣстныхъ населеній можетъ создать такой удобный рынокъ для сельскаго хозяйства.

Пока же этихъ условій не существуетъ, пока фабрики, ремесла и другія предпріятія отсутствуютъ въ данной мѣстности,—никакое изобиліе земли само по себѣ не сдѣлаетъ страну богатою, не будетъ вполнѣ оправдывать затрачиваемыхъ на хозяйство силъ.

Если, при большомъ просторѣ свѣжихъ земель и патриархальныхъ привычкахъ жизни, неудобство это долго не замѣчается, то совсѣмъ другое дѣло, когда является, съ одной стороны, тѣснота владѣнія и истощеніе почвы невѣжественной обработкою а съ другой—новыя потребности, какъ личной, такъ государственной и общественной жизни.

Въ этотъ моментъ развитіе фабричныхъ и ремесленныхъ промысловъ дѣлается насущною нуждою даже въ самыхъ плодородныхъ земледѣльческихъ областяхъ.

Но тутъ открывается волшебный кругъ: какъ промышленная жизнь страны, такъ и усовершенствованное сельское хозяйство возможны только, при извѣстной густотѣ населенія, при существованіи именно того роковаго двленія необходимости, которое служитъ главною причиною всѣхъ великихъ завоеваній и изобрѣтеній человѣчества, но которое наши непрактичныя и нерассудительныя литературныя друзья народа, въ своей преуве-

личеной жалости къ нему, стремятся вовсе изгнать изъ жизни этого народа, какъ будто бы условіе его гибели.

Выполняя програму нашихъ книжныхъ изслѣдователей народа, пришлось бы обезлюдить тѣ именно мѣстности Россіи, которыхъ экономическое положеніе теперь громко вопіетъ о необходимости развитія въ нихъ фабричной и ремесленной промышленности, немислимой безъ извѣстной густоты населенія.

Судьба Томскихъ и Самарскихъ губерній, гдѣ, при самыхъ баснословныхъ удобствахъ почвы, при необыкновенномъ просторѣ и дешевизнѣ земель, населеніе въ итогѣ подвержено гораздо большимъ бѣдствіямъ, чѣмъ даже въ нашихъ густонаселенныхъ центральныхъ губерніяхъ черноземной полосы, не убѣдила до сихъ поръ этихъ изслѣдователей, что внѣ общихъ условій промышленной жизни, при большой рѣдкости населенія, при отсутствіи путей сообщеній и промысловъ, никакое естественное изобиліе не сдѣлаетъ страны богатою.

Самыя богатѣйшія мѣстности Европы, вишачія зажиточными мелкими хозяйствами, обиліемъ, удобствами и процвѣтаніемъ всякаго рода, Ломбардіи, Бельгіи, Голандіи, равно какъ многія мѣстности Швейцаріи, Германіи и Франціи, какъ напр. Рейнская долина или берега Женевского озера, — это прежде всего мѣстности, населенныя необыкновенно густо.

Богатство страны и густота населенія въ Европѣ, можно сказать, синонимы. Да и въ Россіи тоже.

Г. Головинъ, въ своихъ весьма дѣльныхъ статьяхъ о крестьянскомъ малоземеліи, справедливо указываетъ напр., на Капшинскій уѣздъ Тверской губерніи съ очень плохою почвою, очень густо-населенный (65 душъ на 1 квадратной верстѣ), но тѣмъ не менѣе незнающій недоимокъ и отличающійся своимъ достаткомъ; крестьяне его уже скупили около $\frac{1}{3}$ всѣхъ помѣщичьихъ земель уѣзда.

Точно также, по свидѣтельству г. Головина, въ Ярославской, Костромской, Владимірской и Калужской губерніяхъ самыми достаточными уѣздами являются тѣ, которые населены гуще другихъ. (см. «Русскій Вѣстникъ», 1881 г. ноябрь).

Но наши книжники, во всемъ остальномъ безъ раздумья проповѣдующіе намъ Европу, въ этомъ вопросѣ почему-то закрываютъ глаза на Европу и наивно взываютъ къ опустошенію страны, ради поднятія ея богатства.

Нѣкоторые писатели наши, въ числѣ ихъ даже, къ сожалѣнію, такіе, которыхъ мы привыкли всегда выслушивать съ серьезнымъ вниманіемъ, — высказываютъ непостижимые для насъ

взгляды, будто Россія наша должна стремиться къ тому, чтобы остаться исключительно земледѣльческою страной, не развивая въ себѣ никакой обрабатывающей промышленности, какъ въ ей, будто бы, неподручной и невыгодной.

Таковъ напр. общій смыслъ статей г. А. Головачева, помѣщаемыхъ имъ въ «Русской Мысли» 1881 г., подъ заглавіемъ «Нашъ экономическій недугъ».

Но это значитъ осуждать Россію на вѣчное данничество Европѣ, на вѣчное состояніе экономическаго недоросля, значитъ ставить ее ниже всякой Хивы или Бухары. Къ счастью, это уже невозможно въ той странѣ, которая, по новѣйшимъ статистическимъ работамъ г. Орлова, произведеннымъ по порученію нашего министерства финансовъ, имѣетъ едва не цѣлый миліонъ фабричныхъ работниковъ и дѣлаетъ промышленныхъ оборотовъ уже на $\frac{1}{2}$ миллиарда рублей.

Мы глубоко вѣримъ, что только сильная и многообразная промышленная жизнь дастъ возможность русскому крестьянству извлекать изъ земледѣлія тѣ средства, которыя необходимы ему для поднятія его благосостоянія; что исключительная земледѣльческая страна никогда не разовьется въ себѣ ни высшихъ потребностей быта, ни способовъ удовлетворить этимъ потребностямъ.

Создать дѣятельную промышленную жизнь тамъ, гдѣ ея нѣтъ, — конечно задача трудно осуществимая. Но если мы взглянемъ, безъ преувеличенія и безъ пристрастія, на исторію нашей экономической жизни, мы должны убѣдиться, что, во 1-хъ: Россія двинулась по этому пути гораздо далѣе, чѣмъ это принято думать; 2-хъ, что втеченіи послѣднихъ десятилѣтій, т. е. въ то именно время, когда освобожденіе крестьянъ дало могучій толчокъ къ возрожденію народнаго духа, промышленная дѣятельность Россіи находилась и до сихъ поръ находится подъ руководствомъ такихъ ошибочныхъ экономическихъ воззрѣній, заимствованныхъ счужи, поддержанныхъ всякими энергическими чужестранными вліяніями, при которыхъ дѣйствительные интересы русскаго народа были принесены въ жертву внижной теоріи и лицемѣрному одобренію Европы, и которыя оказались выгодными внутри самаго государства только немногимъ отдѣльнымъ лицамъ и группамъ лицъ, создавшимъ на этой ложной экономической почвѣ свои колоссальныя богатства.

Новорожденная русская промышленность, такъ сильно движущаяся, даже при самыхъ неблагоприятныхъ внутреннихъ условіяхъ, въ періодъ покровительственной системы Канкринна, была

въ послѣдніа десятилѣтія предоставлена едва не свободной конкуренціи съ всезіальною промышленностью Европы.

Наша хилая былина не могла, конечно, расти споро и сильно, когда ее со всѣхъ сторонъ затѣнилъ, задвинулъ, вѣсками укоренившійся, разросшійся сплошными стѣнами—цѣлый могучій лѣсъ европейской промышленности.

Хорошо бороться съ противникомъ на правахъ равенства, когда сталъ съ нимъ дѣйствительно равенъ; но выпускать семилѣтняго отрока съ голыми слабыми рученьями противъ закованнаго въ латы, съ головы до ногъ вооруженнаго богатыря,— это значить, вести его на несомнѣнную гибель.

Недавно еще, въ одной изъ книжекъ «Русской Рѣчи» за 1881 годъ, было сдѣлано однимъ знатокомъ дѣла крайне интересное сопоставленіе тѣхъ средствъ защиты, которыми охраняютъ свою молодую промышленность, съ одной стороны, сѣверная американская республика, съ другой стороны, наша бѣдная Русь.

Поразительные факты, указанные въ этой статьѣ, конечно, давно знакомы всѣмъ; но тѣмъ изумительнѣе, какъ эти факты такъ мало останавливаютъ на себѣ вниманіе нашихъ правителей, нашихъ экономическихъ изслѣдователей, какъ до сихъ поръ неясенъ для всѣхъ этихъ авторитетныхъ людей ихъ простой и вмѣстѣ невѣроятный смыслъ. Оказывается, что американскіе штаты, фабрикаты которыхъ переполняютъ рынки Европы и всего міра, вытѣсняя изъ нихъ своею дешевизною европейскіе товары, промышленность которыхъ уже успѣла развиться до баснословныхъ размѣровъ, все-таки не считаютъ возможнымъ оставить эту могучую, вполне зрѣлую промышленность свою безъ охраны самыми высокими пошлинами на иностранные товары.

Оказывается, напр., что на всѣ товары, провозимые къ намъ изъ чужихъ странъ, мы навладываемъ пошлину въ среднемъ итогѣ не свыше $9\frac{1}{2}\%$. Цѣны ихъ въ то время, какъ Америка облагаетъ тѣ же самые товары таможеннымъ сборомъ въ 30 и болѣе процентовъ, т. е. въ $3\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ мы.

А между тѣмъ, въ числѣ этихъ товаровъ находятся даже такіе, какъ гутаперчевыя издѣлія, керосинъ и проч., которыми Америка безъ труда снабжаетъ цѣлый міръ.

Мы же, наивные русскіе люди, мы не смѣемъ оградить высокою пошлиною даже жалкій трудъ деревенскихъ бабъ и мужиковъ своихъ, ткущихъ домашній холстъ, прядущихъ пряжу, вьющихъ пеньвовыя веревки, вьющихъ въ своихъ убогихъ земляночкахъ серпы, топоры и гвозди, чтобы хотя чѣмъ нибудь

вознаградить расходы вынужденнаго бездѣля шестимѣсячной зимы, требующей топлива, шубъ, ѣды, хлѣбнаго корма скоту, и недающей никакого заработка.

Такъ, напримѣръ, холщевые мѣшки, которые Америка облагаетъ 40% съ цѣны ихъ, у насъ ввозятся съ пошудною пошлиною, падающею на нихъ всего 4% съ небольшимъ.

Прежде, т. е. до тарифа 1868 года, когда наша пошлина была вмѣсто 30 к. съ пуда—3 р. 30 к. съ сотни мѣшковъ, наши русскія бабы получали всю ту выгоду, которую теперь получаютъ иностранные фабриканты. Такъ, съ 1860 года, мѣшковъ было привезено къ намъ всего на 11,000 р., въ 1867 г.—на 63,000 р., но за то въ 1870 г. ихъ ввезено уже на 377,000 р., въ 1876 г.—на 1.595,000 р., въ 1877 г.—на 3.531,000 р., въ 1878 г.—на 5.744,000 р., а въ 1880 г., какъ предполагають, на 8.000,000 р.! Какой другой товаръ, а ужъ холщевые мѣшки могла бы, во всякомъ случаѣ, поставить намъ и наша русская баба, и 8.000,000 р. пригодились бы ей «дѣтишкамъ на молочише».

Наши ученые экономисты, такъ горько оплакивающіе бѣдность русскаго простолюдина, не дають нашей бабѣ и пряжу прясть, какъ не дають ткать холста.

Пряденой шерсти ввозится къ намъ изъ-заграницы на 16.000,000 р., да непряденой миліоновъ на девять, всего на 25.000,000 р., не считая 10.500,000 р. въ шерстяныхъ товарахъ.

Образованная, богатая Америка защищала свою домашнюю пряжу пошлиною въ 31 $\frac{1}{2}$ % съ цѣны и въ то же время 9 р. 60 к. съ пуда того же самаго ввозимаго товара, а наша нищенская Русь великодушно ограничивается только 4 $\frac{1}{2}$ к. съ фунта, т. е. всего 9,8% съ цѣны. Немудрено послѣ этого, что, отпустивъ изъ Россіи, въ 1878 г., 1.159,000 п. непряденой шерсти и взявъ за то съ иностранцевъ 12.000,000 р., мы должны были заплатить тѣмъ же иностранцамъ 16.000,000 р. только за то, чтобы они возвратили намъ изъ взятыхъ 1.159,000 п. всего 348,000 п. пряденой шерсти.

При такихъ оригинальныхъ экономическихъ приемахъ, конечно, нелегко завести свою собственную промышленность, нелегко разбогатѣть русскому деревенскому люду.

Тѣ самые журналы наши, которые жарче другихъ плачутся на печальное положеніе нашихъ сапожниковъ-кимряковъ, слесарей, гвоздарей и разныхъ другихъ ремесленниковъ сѣверныхъ губерній, гдѣ особенно гнѣздится такъ называемое «кустарное» производство, журналы, которые съ особеннымъ сочувствіемъ, если

не съ суетвѣрнымъ благоговѣніемъ, относятся къ нашимъ промышленнымъ артелямъ, по странному недоразумѣнію, употребляютъ всѣ усилія, чтобы окончательно убить нашу кустарную промышленность, наши рабочія артели, проповѣдая спасительность свободной торговли, признавая ее синонимомъ цивилизаціи и богатства народовъ.

И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ «совершенныхъ» и «просвѣщенныхъ» взглядовъ, устанавливается у насъ такой тарифъ, при которомъ Европа наводняетъ насъ даже серпами, косами, топорами, насылая ихъ къ намъ въ годъ на 11.000,000 р., не считая желѣза на 12.000,000 р. не считая 11.000,000 п. чугуна и множества предметовъ желѣзнаго и чугунаго издѣлія.

Недавно, въ русскомъ техническомъ обществѣ, г. Кази, настаивая на необходимости покровительства нашему желѣзному и каменноугольному дѣлу и опираясь на труды съѣзда русскихъ машиностроителей 1875 г., указавъ, что, въ 1880 г., одного только желѣза не въ дѣлѣ къ намъ привезено изъ-за границы 150.250,000 п., между тѣмъ, какъ дѣйствительно необходимыхъ желѣзныхъ товаровъ намъ требуется не больше 15.000,000 п.

Какую судьбу подобные тарифы готовятъ нашей собственной, особенно же мелкой, кустарной промышленности — ясно всякому.

Этотъ тарифъ убиваетъ и на южныхъ окраинахъ Россіи наше винодѣліе, шелководство, разведеніе дорогихъ красильныхъ растений, облагая, напримѣръ, шелкъ пошлиною въ 40 разъ меньше, чѣмъ онъ облагается въ Америкѣ (у насъ 0,9% съ цѣны, въ Америкѣ 40%), а между тѣмъ, шелку ввозится къ намъ немалое количество, на 11.000,000 р. въ годъ; свой кавказскій шелкъ, котораго добывается въ годъ не менѣе 60,000 п., мы сбываемъ дешевымъ сырцомъ въ Европу, а сами платимъ миліоны за то, что Европа крутитъ намъ нашъ же собственный шелкъ, лишая этого нехитраго заработка насъ самихъ.

Но всего не перечтешь; довольно будетъ и этихъ, слишкомъ грустныхъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, какъ мало мы заботимся о подъемѣ нашихъ внутреннихъ промышленныхъ силъ.

А между тѣмъ, статистика нашихъ переселеній доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что, даже при неблагопріятнѣйшихъ условіяхъ земледѣльческаго хозяйства, населеніе, имѣющее возможность заняться на мѣстѣ какимъ нибудь промысломъ, вовсе

не думаетъ о переселеніяхъ и большею частію живетъ гораздо зажиточнѣе, чѣмъ крестьяне самыхъ плодородныхъ мѣстностей.

Цѣлыя обширныя области нашего сѣвера, запада и мануфактурнаго центра, не принимаютъ участія въ переселеніяхъ именно по этой причинѣ. Какойнибудь олонецкій крестьянинъ, которому, съ односторонней точки зрѣнія земледѣльческихъ удобствъ, господствующихъ въ извѣстной части нашей литературы, давно бы слѣдовало отрясти прахъ родины отъ ногъ своихъ и бѣжать куда глаза глядятъ, живетъ чрезвычайно богато въ своихъ двухъ-этажныхъ домахъ на берегахъ своего кормильца-озера, гдѣ онъ промышляетъ рыбою, лѣсомъ, деревянными издѣліями, и откуда его за деньги не сманишь ни въ какую Томскую губернію.

Вятскія переселенія, по изслѣдованію г. Романова, начались только съ той поры, какъ истребленіе лѣсовъ лишило нѣкоторые уѣзды этой губерніи обычнаго промысла лѣсомъ и деревянными издѣліями, такъ что, до сихъ поръ, уѣзды Вятской губерніи наиболѣе богатые лѣсомъ и имѣющіе наименѣе распаханной земли, менѣе всего участвуютъ въ переселеніи.

Даже въ спеціальной области переселеній, въ губерніяхъ центральной черноземной полосы, замѣтно сильное вліяніе промысловъ на стремленіе крестьянъ къ выселенію въ другія мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ Курской губерніи, Шигровский уѣздъ, отличающійся совершеннымъ отсутствіемъ заводской и фабричной дѣятельности, не имѣющей ни пристаней, ни торговыхъ центровъ, стоитъ далеко впереди всѣхъ 15 уѣздовъ губерніи по размѣру переселеній; напротивъ того, уѣздъ Курскій, прорѣзанный тремя желѣзными дорогами и рѣкою Сеймомъ, имѣющій въ своихъ предѣлахъ, кромѣ нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ станцій, съ значительною торговлею хлѣбомъ, еще Коренную, съ ея ярмаркою, и губернский городъ Курскъ, центръ всей мѣстной торговли и промышленности, съ его кожевенными, салотопенными, канатными, винокуренными, пивными и разными другими заводами, почти вовсе не принимаетъ участія въ переселеніяхъ.

Такъ, изъ имѣющихся у меня свѣдѣній, за 1872—1881 годы, всѣхъ переселившихся въ многоземельныя губерніи изъ Курскаго уѣзда было только 23 семейства за всѣ 10 лѣтъ, т. е. среднимъ числомъ по 2—3 семейства въ годъ.

Такой ничтожный процентъ переселяющихся возможно счи-

тать за совершенное отсутствіе переселеній, какъ экономическаго явленія въ Курскомъ уѣздѣ.

А между тѣмъ, при одинаковости условій этого уѣзда съ сосѣднимъ, Щигровскимъ, въ отношеніи земледѣлія и землевладѣнія, при томъ же размѣрѣ надѣловъ, при той же густотѣ населенія, при томъ же качествѣ почвы, нельзя сомнѣваться, что только возможность мѣстныхъ заработковъ и промысловъ удерживаетъ курскихъ крестьянъ отъ стремленія искать другихъ, болѣе удобныхъ мѣстъ.

Развитіе мѣстныхъ промысловъ и улучшение приемовъ хозяйства должно, повторяемъ, сосредоточить на себѣ всѣ усилія правительства, земствъ и частныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи мы сочувственно смотримъ и на основаніе «Общества улучшения народнаго труда въ память Царя-Освободителя», котораго дѣятельность еще вся въ будущемъ, и попытки нашихъ земствъ къ учрежденію сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ школъ, промышленныхъ артелей, и т. под.

Повидимому, настоящее министерство государственныхъ имуществъ, съ своей стороны, всячески готово поддерживать подобныя начинанія и содѣйствовать имъ средствами казны.

Всѣ эти мѣры тѣмъ болѣе достойны одобренія, что ихъ ни въ какомъ случаѣ не минуешь. Какъ бы широко ни былъ поставленъ вопросъ переселеній, все-таки, не нынѣ—завтра, прекратится для нашего крестьянства существующая теперь возможность бѣжать отъ напряженія своихъ собственныхъ силъ, отъ обязанности улучшеннаго труда, отъ экономическаго усовершенствованія своей родной страны.

Все-таки, не нынче—завтра, отъ русскаго крестьянина, какъ и отъ cadaго изъ насъ, русскихъ, потребуется, какъ давно уже потребовалось это отъ европейца, чтобы онъ сталъ болѣе разумнымъ, болѣе свѣдущимъ, болѣе искуснымъ хозяиномъ. Увернуться отъ этого на всегда невозможно ни при какихъ Амурахъ и Томскахъ.

Чѣмъ скорѣе убѣдится русскій крестьянинъ, что спасеніе его не въ бѣгствѣ, а въ борьбѣ, не въ безразсудномъ хищеніи природы, а въ знаніяхъ и настойчивомъ трудѣ, тѣмъ вѣрнѣе обезпечить онъ свою экономическую будущность, тѣмъ больше драгоценныхъ запасовъ оставить онъ въ наслѣдіе безчисленнымъ поколѣніямъ, которыя еще должны слѣдовать за нашимъ.

Нѣтъ пользы вводить его въ обманъ и льстить его несбыточными надеждами, что существуютъ страны, гдѣ можно стать богатымъ и счастливымъ, оставаясь ничего не умѣющимъ и ни-

чего не знающимъ, преступно уничтожая, ради минутной корысти, вѣками накопленное плодородіе почвы, мечтая создать свое хозяйственное благосостояніе среди пустынь, недоступныхъ ни торговлѣ, ни промыслу, ни другимъ полезнымъ влияніямъ цивилизаціи.

Нѣтъ также пользы развращать его ложною мыслью, будто только одинъ трудъ на собственномъ клочкѣ земли есть трудъ, достойный человѣка и по праву принадлежащій каждому человѣку; будто всякій другой трудъ, хотя бы самый плодотворный, хотя бы оплачиваемый самымъ выгоднымъ образомъ, есть трудъ кабалный, унижительный и раззорительный для человѣка.

Подобною проповѣдью можно легко разбаловать людей, отвлечь ихъ отъ сколько нибудь удобной для нихъ дѣйствительности въ область недостижимыхъ и часто губительныхъ мечтаній, но помочь имъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи уже ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Литературное направленіе, которое проводитъ у насъ подобныя утопическія ученія, обыкновенно поднимаетъ надъ собою знамя европеизма и обвиняетъ противниковъ своихъ въ самонадѣянномъ презрѣніи Европы, въ невѣжественномъ пренебреженіи ея примѣромъ.

Но странно, почему же люди этого направленія сами не оглянутся въ этомъ случаѣ на Европу и не подумаютъ, какъ нелѣпы оказались бы ихъ разсужденія въ примѣненіи къ ихъ излюбленному образцу? Если-бы дѣйствительно благосостояніе народовъ зависѣло только отъ размѣра земельныхъ надѣловъ, если-бы дѣйствительно бѣдственное положеніе народнаго хозяйства вызывалось только тѣсною населенія, то чѣмъ было бы возможно объяснить себѣ то удивительное явленіе, что европеецъ, сидящій въ 5 и 10 разъ гуще нашего, имѣющій только ничтожную долю того земельного надѣла, которымъ владѣетъ нашъ крестьянинъ, поглощенный почти исключительно «кабалнымъ» наемнымъ трудомъ, въ итогѣ пользуется гораздо большими жизненными удобствами, чѣмъ нашъ крестьянинъ-собственникъ, и могъ скопить, сравнительно съ нимъ, огромное богатство? Въ самомъ дѣлѣ, европеецъ, не смотря на всѣ стѣсненія своего хозяйственного быта, на весь громадный расходъ своихъ силъ, вызываемый безпощадною конкуренціею, живетъ значительно долѣе русскаго человѣка, вслѣдствіе чего количество людей рабочаго возраста въ Европѣ превышаетъ число людей этихъ возрастовъ въ Россіи на 10% и на 15%, точно также какъ и количество стариковъ, живущихъ за 70 и болѣе лѣтъ

(«Сравнительная статистика» Янсона). А такой результатъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ болѣе высокаго общаго благосостоянія народа; благосостояніе это, не смотря на естественное уменьшеніе съ теченіемъ времени земельного владѣнія и на естественное возрастаніе конкуренціи, въ европейскихъ странахъ очевидно не падаетъ, а поднимается, ибо, напр., во Франціи, еще въ началѣ XIX столѣтія умирало 417 дѣтей изъ 1,000, а теперь умираетъ всего только 247.

Слѣдовательно, возможность народнаго благосостоянія при тѣсномъ населеніи и при маломъ землевладѣніи, во всякомъ случаѣ, вполне мыслима; ставить же упадокъ нашего русскаго народнаго хозяйства исключительно въ зависимость отъ небольшихъ надѣловъ, полученныхъ крестьянами, и отъ тѣсноты ихъ жизни, закрывая глаза на всѣ остальные существенныя причины этого упадка, было бы скорѣе экономическимъ суевѣріемъ, чѣмъ точнымъ выводомъ науки.

Но заклятые противники всякой самобытности русскаго духа въ этомъ вопросѣ почему-то стоятъ вдругъ за самобытность для Россіи даже основныхъ законовъ общей экономической жизни человѣчества.

Мы высказали свой взглядъ на общее экономическое значеніе крестьянскихъ переселеній и на основные принципы его.

Намъ остается теперь сдѣлать краткій очеркъ той системы, по которой переселенія должны происходить на практикѣ. Изъ предыдущаго видно, что мы строго разграничиваемъ въ вопросѣ переселеній двѣ различныя потребности нашего народа. Во 1-хъ, стремленіе въ переселенію крестьянъ сравнительно достаточныхъ, которые иногда въ видахъ благоразумія и предусмотрительности, иногда изъ жажды легкой наживы и увлеченія заманчивыми слухами, предпринимаютъ переселеніе въ многоземельныя губерніи не подъ давленіемъ крайней нужды и не потому, чтобы они не могли приискать средствъ существованія на своихъ старыхъ мѣстахъ.

Такіе переселенцы имѣютъ право разсчитывать на пособіе со стороны государства нисколько не больше, какъ и люди остальныхъ сословій и профессій, предпринимающіе что нибудь въ цѣляхъ своей выгоды.

Этотъ разрядъ переселенцевъ долженъ быть только освобожденъ отъ нѣкоторыхъ существующихъ теперь, очень мало полезныхъ и очень часто вредныхъ стѣсненій при выходѣ съ ро-

дины. Стѣсненія эти отчасти вызываются дѣйствующими законами, по еще болѣе распоряженіями администраціи.

Къ числу такихъ стѣсненій принадлежитъ воспрещеніе переселенцамъ продавать свое имущество впредь до формальнаго перечисленія на новыя мѣста. На дѣлѣ это распоряженіе не выполняется никѣмъ и не останавливаетъ никого. Никакое начальство, во первыхъ, не въ силахъ предугадать, задумалъ ли крестьянинъ переселиться или просто желаетъ продать свое имущество, на что даетъ ему право общій законъ государства. А во вторыхъ, если намѣреніе переселиться даже формально заявлено, то какъ услѣдить за продажей крестьянской движимости, какъ предупредить совершеніе ими разныхъ нотаріальныхъ актовъ на недвижимыя имущества, если вообще законъ допускаетъ отчужденіе крестьянской земли и проч.?

Практика сводитъ это «запрещеніе продажи» къ тому, что волостные старшины, писаря и сельскіе старосты обираютъ переселенцевъ какъ только могутъ, потому что они совершенно безотвѣтственны въ этихъ случаяхъ и за свою бездѣтельность, и за свое излишнее служебное рвеніе.

Пронюхаетъ, напримѣръ, ловкій старшина, что богатый мужичекъ торгуетъ у сосѣда землю или домъ; онъ сейчасъ же накладываетъ свою лапу и воспрещаетъ продажу, пока неостанется ему изъ нея необходимая доля. Подается жалоба начальству: старшина доноситъ, что продавецъ, какъ ему хорошо извѣстно, задумалъ переселиться, и поэтому онъ исполняетъ существующій законъ, воспрещающій переселенцамъ продажу своего имущества до выполненія требуемыхъ формальностей. Если же волостной старшина, получивъ то, что ему нужно, дозволить крестьянину распродать свое имущество и двинуться въ Томскъ или Самару прежде, чѣмъ даже полученъ приѣмный приговоръ, то онъ опять-таки не подлежитъ отвѣту: онъ не можетъ знать Святымъ Духомъ, что лежитъ въ мысляхъ у каждаго изъ 5,000 крестьянъ его волости, живущихъ отъ него иногда за 15 и 20 верстъ; никто ему, дескать, не заявлялъ ни о намѣреніи переселиться, ни о продажѣ имущества; все сдѣлано тайно, самовольно.

За что и какъ его привлечь къ отвѣтственности при этихъ обстоятельствахъ?

Податныя препятствія также должны быть по возможности устранены посредствомъ оставленія по крайней мѣрѣ недоимокъ поземельныхъ сборовъ на земельномъ участкѣ переселенца, если-бы было признано неудобнымъ переводъ на переселенца въ новое мѣстожительство недоимокъ подушнаго

сбора, съ немедленнымъ снятіемъ этой недоимки съ прежняго общества. Само собою разумѣется, что должно быть совершенно отмѣнено требованіе 173 и 174 статей положенія о выкупѣ, по которымъ крестьянинъ, выходяшій изъ общества, обязанъ внести половину выкупнаго долга въ казну за надѣлъ, отъ котораго онъ отказывается въ пользу общества и за который онъ уже и безъ того уплачивалъ нѣсколько лѣтъ выкупные платежи безъ всякой для себя пользы.

Это требованіе, совершенно непостижимое въ губерніяхъ, гдѣ земля имѣетъ значительную цѣнность и доходность, не можетъ имѣть оправданія даже и въ губерніяхъ нечерноземной полосы, съ сравнительно плохую почву; если какая либо часть земельного надѣла до того неудобна, что не окупаетъ даже лежащихъ на ней выкупныхъ платежей, то сельское общество имѣло право отказаться отъ этой невыгодной ему части земли еще при утвержденіи выкупной сдѣлки, на основаніи 97 статьи положенія о выкупѣ.

Если же общество этого не сдѣлало, то, очевидно, что всякая часть его земельного надѣла въ состояніи окупить лежащія на ней выкупные платежи, и поэтому отказъ отъ этой части того или другаго хозяина не можетъ быть убыточенъ для общества.

Во всякомъ случаѣ, чтобы не навязывать обществу обязательныхъ повинностей за удаляющихся членовъ, слѣдовало-бы предоставить ему право отказываться отъ участковъ крестьянъ, выходящихъ изъ его среды, въ пользу казны, съ соотвѣтствующею скидкою выкупныхъ платежей, а казна могла-бы воспользоваться подобными свободными участками для разселенія на нихъ желающихъ безземельныхъ или малоземельныхъ крестьянъ изъ сосѣднихъ мѣстностей.

Но намъ кажется, что каждому сельскому обществу, пока у насъ существуетъ жизнь общины, круговая порука и мірскія повинности разнаго рода, — слѣдовало-бы предоставить право, приговоромъ своимъ, по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ, и съ утвержденія уѣзднаго земскаго собранія, приостанавливать на опредѣленное число лѣтъ, не свыше, на примѣръ, 3 лѣтъ каждый разъ, по своимъ хозяйственнымъ и инымъ соображеніямъ, право выхода крестьянъ изъ общества и выселенія въ другія мѣстности.

Точно также и земскимъ собраніямъ уѣзда должно-бы было предоставить право своими постановленіями по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ, утвержденныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ

и министромъ внутреннихъ дѣлъ, воспрещать выселенія крестьянъ изъ уѣзда, на такіе-же опредѣленные сроки, если-бы размѣры выселеній приняли характеръ, слишкомъ опасный для хозяйственнаго благосостоянія края и для судьбы самихъ выселяющихся крестьянъ. Затѣмъ всѣмъ свободнымъ переселенцамъ должно быть одинаково оказано содѣйствіе правительства общими мѣрами организаціи переселенческаго движенія, именно, улучшеніемъ путей и переправъ, по коимъ двигаются значительныя массы переселенцевъ, устройствомъ, какъ на этихъ путяхъ, такъ и въ районахъ выселенія и поселенія, особыхъ конторъ или агентовъ для содѣйствія переселенцамъ во всѣхъ встрѣчаемыхъ ими затрудненіяхъ и сообщенія имъ необходимыхъ свѣдѣній, какъ о казенныхъ арендныхъ статьяхъ, такъ и о всѣхъ частныхъ и общественныхъ земляхъ, которыя будутъ предлагаться владѣльцами ихъ для поселенія крестьянъ на условіяхъ покупки, аренды и проч. Устройство казеннаго кредита для покупокъ крестьянами частныхъ земель, уже разработанное въ настоящее время министерствомъ финансовъ и, кажется, внесенное теперь въ государственный совѣтъ, а равно система арендованія казенныхъ оброчныхъ статей крестьянами, проектъ которой уже выработанъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, могутъ считаться весьма важнымъ пособіемъ правительства, какъ переселенцамъ-крестьянамъ въ ихъ устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, такъ и крестьянамъ, остающимся на родинѣ, если только въ ихъ сосѣдствѣ встрѣчаются условія, удобныя для примѣненія этихъ системъ кредита и арендованія.

Кромѣ того, было-бы въ высшей степени полезно и для всѣхъ вообще крестьянъ-переселенцевъ, и для экономическаго благосостоянія той страны, куда переселяются они, если-бы земства многоземельныхъ губерній, привлекающихъ къ себѣ поселенцевъ, озаботились устройствомъ складовъ хозяйственныхъ сѣмянъ и питомниковъ скота, изъ которыхъ переселенцы могли-бы безъ затрудненія получать, тотчасъ по прибытіи своемъ, на опредѣленныхъ условіяхъ кредита, рассчитаннаго на нѣсколько лѣтъ, самыя необходимыя и наиболѣе теперь затрудняющіе ихъ предметы хозяйства; въ случаѣ-же неудобства подобныхъ хозяйственныхъ предпріятій для земства, земство могло-бы замѣнить ихъ устройствомъ недолгосрочнаго денежнаго кредита на тотъ-же предметъ. Этими общими мѣрами содѣйствія правительство и земство совершенно исполнили-бы свою обязанность

передъ крестьянами-переселенцами, предпринявшими переселенія на собственный свой счетъ и страхъ.

Но кромѣ этихъ, такъ сказать, вольныхъ переселенцевъ, которые зачастую отъ добра—добра ищутъ, есть еще другой рядъ переселенцевъ, на которомъ собственно и должны сосредоточиться заботы правительства и земствъ. Это крестьяне съ такимъ малымъ надѣломъ земли, который не даетъ имъ возможности, даже при большомъ напряженіи силъ, прокормить свою семью и выполнить разнородныя повинности.

Норма этого «малаго надѣла» должна быть установлена закономъ, и всѣ крестьяне, подходящіе подъ нее, если только они не принадлежатъ къ числу хозяевъ, расточившихъ свою землю по доброй волѣ своей,—должны получить отъ казны безъ всякой платы, взаменъ своихъ старыхъ надѣловъ, новыя, болѣе обширныя надѣлы, въ многоземельныхъ губерніяхъ, посредствомъ «льготнаго переселенія» туда.

Переселенія эти должны допускаться изъ губерній, дѣйствительно играющихъ значительную роль въ переселеніяхъ и притомъ не имѣющихъ въ своихъ предѣлахъ достаточно казенныхъ земель для размѣщенія на нихъ малоземельныхъ крестьянъ, т. е. для центральныхъ черноземныхъ и немногихъ сосѣднихъ съ ними.

Всѣ же губерніи, подобныя Самарской, Уфимской, Оренбургской, Вятской, Екатеринославской и т. под., гдѣ еще находится значительное количество свободныхъ казенныхъ земель, должны быть исключены изъ числа «переселенческихъ», съ точки зрѣнія правительственной помощи, и, не смотря на высокія цифры переселяющихся изъ нихъ, казна должна ограничиться въ нихъ разселеніемъ дѣйствительно стѣсненныхъ землею крестьянъ на даровыя казенныя земли той же губерніи.

Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть надобность передвигать населеніе Богъ знаетъ куда, Богъ знаетъ съ какими расходами и рискомъ, когда у себя дома имѣются такіе запасы свободной казенной земли, какъ напр., въ Самарской губерніи 1,365,660 дес., (въ томъ числѣ удобной 1.106.000 дес.), Астраханской 550,508 дес., Пермской 345,338 десят., Херсонской 343.371, дес., въ Саратовской 227,000 дес., Таврической 215,484 дес., Оренбургской 199,174 дес., Екатеринославской 102,889 дес.; въ Уфимской, правда, всей казенной земли осталось только 41,317 дес., но за то въ ней есть болѣе 7 миліоновъ десятинъ башкирскихъ земель, воспользоваться которыми, въ цѣляхъ заселенія, правительство могло бы безъ всякаго затрудненія. Даже Харьковская губернія имѣетъ еще 95,552 дес.,

свободныхъ казенныхъ земель для удовлетворенія своей внутренней потребности крестьянскаго малоземелья. Тамбовская 78,794 десят., Воронежская 19,410 дес. (см. записку департамента земледѣлія и сельской промышленности, 1881 г., представленную въ совѣщаніе свѣдущихъ людей). Только по совершенномъ заселеніи малоземельными крестьянами этихъ губерній ихъ собственныхъ свободныхъ пространствъ, для нихъ можетъ наступить вопросъ о переселеніяхъ на даровыя казенныя земли дальнихъ губерній.

Губерніи же промышленнаго района, сѣверныя, западныя и др., почти вовсе непринимающія участія въ переселеніяхъ, должны быть вовсе изъяты въ этомъ случаѣ изъ соображеній.

Мы думаемъ поэтому, что на практикѣ дѣло сведется почти исключительно къ пріисканію свободныхъ казенныхъ земель въ многоземельныхъ губерніяхъ для малоземельныхъ переселенцевъ центральной черноземной области.

Правительственная комисія 1881 г., подъ предсѣдательствомъ г. Семенова, предполагала предоставить даровыя казенныя земли въ многоземельныхъ губерніяхъ тѣмъ крестьянамъ, которыхъ надѣлъ не превышаетъ $\frac{1}{3}$ высшаго земельного надѣла данной мѣстности, по Положенію 19 февраля, и только въ случаяхъ особеннаго хозяйственнаго разстройства тѣмъ крестьянамъ, у которыхъ надѣлъ не выше $\frac{1}{2}$ высшаго размѣра.

Намъ кажется, что $\frac{1}{2}$ высшаго душеваго надѣла во всякомъ случаѣ представляетъ собою такой участокъ земли, который, очевидно, не въ силахъ удовлетворить самыхъ скромныхъ потребностей крестьянской жизни.

Во многихъ уѣздахъ Курской губерніи, какъ напр., Щигровскомъ и другихъ, половина высшаго надѣла равняется всего $\frac{3}{8}$ десятины на ревизскую душу, а на наличную душу вдвое менѣе. Крестьянинъ съ такимъ слабымъ надѣломъ заслуживаетъ помощи правительства, даже съ самой осторожной точки зрѣнія.

Изъ «Статистики поземельной собственности», изданной въ 1880 г. центральнымъ статистическимъ комитетомъ, видно, что въ 8 губерніяхъ центральной черноземной полосы, которыя по преимуществу могутъ считаться «переселенческою областью», крестьянъ разнаго наименованія, владѣющихъ надѣлами до 1 десятины всего 204,125 душъ, владѣющихъ отъ 1-й до 2 десятинъ 348,935 душъ, всего 553,060 душъ.

Затѣмъ слѣдуетъ самая значительная изъ всѣхъ группъ крестьянскаго землевладѣнія, — отъ 2 до 3 дес. земли, т. е. та норма высшаго душеваго надѣла, подъ которую подходят по-

чти всѣ уѣзды этихъ 8 губерній (86 уѣздовъ изъ 96). Група эта для однихъ только бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ 1.227,636 ревизскихъ мужескаго пола душъ, т. е. 50⁰ всѣхъ крестьянъ этого разряда.

Намъ вѣжется, что практически возможно и юридически справедливо привести все землевладѣніе крестьянъ по крайней мѣрѣ къ этой умѣренной, уже установленной жизнью и закономъ нормѣ крестьянскаго землевладѣнія, т. е. на дѣлѣ обезпечить каждому крестьянину-земледѣльцу тотъ высшій душевой надѣлъ, на который онъ имѣетъ право по общему смыслу Положенія 19 февраля 1861 года.

Стремленіе къ дальнѣйшему расширенію земельного надѣла крестьянъ противъ предѣловъ, установленныхъ 19 февраля 1861 года, можно считать выходящимъ изъ круга непремѣнныхъ обязанностей правительства, невызываемыхъ прямо тѣми основаніями, на которыхъ построенъ великій законодательный актъ 19 февраля 1861 г., и вообще вступающимъ въ область довольно неопредѣленную и безбрежную, какъ всякія желанія лучшаго. Какъ бы ни преувеличивали у насъ упадокъ нашего народнаго хозяйства и обѣдненіе крестьянъ, никто не можетъ отрицать, что въ главной области крестьянскихъ выселеній, т. е. въ черноземныхъ губерніяхъ нашего центра, крестьянскій надѣлъ изображаетъ собою въ настоящее время цѣнность и доходность, значительно превышающія первоначальный. Та самая земля, которая въ 1861 году стоила по 30 и 40 р. за десятину, теперь стоитъ 150 и 200 р., т. е. поднялась впятеро, и та четверть ржи, которая тогда продавалась по 2 р., теперь уже достигаетъ 6, 7, 8, а иногда 9 и даже 10 р.

Отъ собственныхъ усилій и собственнаго благоразумія крестьянъ зависить сдѣлать свои надѣлы еще доходнѣе.

Но если мы стоимъ противъ излишняго увлеченія въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія на счетъ казны, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы твердо убѣждены, что казна обязана обезпечить крестьянамъ-земледѣльцамъ тотъ минимумъ надѣла, о которомъ мы говорили сейчасъ, не только *de jure*, но и *de facto*. 4, 3, 2³/₄ дес. на ревизскую душу, составляющія «полный надѣлъ» крестьянъ въ губерніяхъ разсматриваемой области, были даны въ 1861 г. дѣйствительно на каждую душу, такъ какъ 10-я ревизія окончилась въ 1858 году, и въ 1861 году наличное крестьянское населеніе еще вполнѣ соотвѣтствовало даннымъ ревизіи.

Въ настоящее время, наличное населеніе центральной чер-

ноземной области возросло болѣе чѣмъ на 20%, а въ отдѣльных мѣстностяхъ даже до 30% и выше.

При этихъ обстоятельствахъ надѣлъ на ревизскую душу, пока не будетъ произведено новой ревизіи и ревизская душа не станетъ выраженіемъ наличной души, — является совершенно обманчивою цифрою.

Со стороны правительства было бы вполне послѣдовательно, практично и справедливо, пользуясь имѣющимися у него свободными землями, пополнить надѣлы переселенческой земледѣльческой области настолько, чтобы они на дѣлѣ соответствовали Положеніямъ 19 февраля 1861 г., т. е. чтобы на каждую наличную душу мужескаго пола, которую можно немедленно же обратить въ ревизскую, въ виду истечения 24 лѣтъ со дня послѣдней ревизіи, — приходился такъ называемый высшій или полный душевой надѣлъ, т. е. 4, 3, $2\frac{3}{4}$ дес., смотря по мѣстности.

Въ центральной черноземной области всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ надѣлы до $2\frac{1}{2}$ дес., считая въ томъ числѣ и государственныхъ крестьянъ, какъ общиннаго, такъ и подворнаго владѣнія, около миліона (975,264) ревизскихъ мужескаго пола душъ.

Къ нимъ нужно присоединить еще нѣкоторое количество крестьянъ, имѣющихъ хотя болѣе $2\frac{1}{2}$ дес. на душу, но все-таки менѣе, чѣмъ высшій надѣлъ ($2\frac{3}{4}$, 3 и 4 дес.); къ сожалѣнію въ прекрасномъ трудѣ центрального статистическаго комитета упущено изъ виду опредѣленіе числа крестьянъ, имѣющихъ полный надѣлъ, а установлено лишь дѣленіе землевладѣльцевъ по цифрамъ земли, до $2\frac{1}{2}$, до 3, до 4 дес. и т. д., такъ что извлечь изъ этого труда вполне точныя данныя о числѣ крестьянъ, не получившихъ полнаго надѣла, невозможно. Можно только думать, что въ графѣ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 дес. заключается самое незначительное число крестьянъ не полнаго надѣла, а огромное большинство этой группы составляетъ крестьянами 86 уѣздовъ изъ 96, получившими $2\frac{3}{4}$ и 3 дес. полнаго надѣла.

Такъ что вся цифра крестьянъ неполнаго надѣла въ названныхъ 8 губерніяхъ будетъ весьма немного превышать одинъ миліонъ ревизскихъ мужескаго пола душъ.

Землевладѣніе крестьянъ этихъ губерній, имѣющихъ надѣлы до $2\frac{1}{2}$ дес. на душу, равняется 1.471,491 десятинамъ, такъ что приблизительно можно считать, что миліонъ ревизскихъ душъ крестьянъ этой области, не получившихъ полнаго надѣла,

владѣть $1\frac{1}{2}$ миліонами десятинъ, т. е. крестьяне этого разряда имѣютъ среднимъ счетомъ по $1\frac{1}{2}$ дес. на ревизскую душу м. п. Принимая для краткости счета, что полный душевой надѣлъ всѣхъ 8 губерній 3 десятины, мы видимъ, что у крестьянъ этихъ 8 губерній недостаетъ приблизительно $1\frac{1}{2}$ миліоновъ десятинъ для того, что бы, не посягая на болѣе широкіе надѣлы другихъ крестьянъ той же области, всѣ крестьяне, нынѣ имѣющіе неполный надѣлъ, получили бы его сполна на каждую ревизскую душу. Такъ какъ, по исчисленіямъ централн. статист. комитета, приростъ населенія за 20 лѣтъ послѣ 10-ой ревизіи равняется приблизительно 20 %, (для крестьянъ съ наименьшими надѣлами даже не болѣе 16,6, 17, и 19 %), то на 180—200,000 приростаго населенія слѣдуетъ положить еще 500—600,000 десятинъ, т. е. всего около 2 миліоновъ десятинъ; эта цифра окажется даже нѣсколько выше дѣйствительной, если принять во вниманіе, что населеніе Калужской губерніи, включенной статистическимъ комитетомъ въ центральную черноземную область по даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ (см. матеріалы совѣщанія), не играетъ никакой роли въ переселеніяхъ и должно быть исключено изъ вышеприведенныхъ цифръ. Мы полагаемъ, что въ настоящее время правительству было бы пока достаточно ограничить свою сложную и трудную задачу обезпеченія землею крестьянъ, изысканіемъ способовъ восполнить, такъ или иначе, эти недостающіе 2 миліона десятинъ крестьянамъ центральной черноземной области, безспорно наиболѣе нуждающимся въ землѣ.

Восполненіе это могло бы произойти прежде всего разселеніемъ крестьянъ на казенныхъ земляхъ, имѣющихся въ предѣлахъ тѣхъ же губерній,

По даннымъ централн. статистическаго комитета, государственныхъ земель въ 8 губерніяхъ центральной черноземной области имѣется еще 1.359,000 десятинъ, притомъ огромное большинство этихъ земель находится въ плодородныхъ губерніяхъ, подобныхъ Тамбовской, Пензенской, Рязанской, а въ Тульской и Калужской находится лишь небольшое количество.

Мы не имѣемъ свѣдѣній, насколько практически возможно обратить эти государственныя земли подъ поселеніе крестьянъ. Въ матеріалахъ, сообщенныхъ департаментомъ земледѣлія въ совѣщаніе свѣдущихъ людей, въ вѣдомости казенныхъ оброчныхъ статей, годныхъ для поселенія, почти вовсе не значится этихъ статей по губерніямъ центральной черноземной области, кромѣ Тамбовской, гдѣ показано земельныхъ статей

78,794 дес. вмѣсто 498,000 дес., и Воронежской, гдѣ показано 19,410 дес. вмѣсто 103,000, насчитанныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Затѣмъ остальное необходимое количество земли должно быть возмѣщено крестьянамъ, путемъ переселенія ихъ въ многоземельныя наши окраины на даровыя казенныя земли, съ нѣкоторымъ содѣйствіемъ правительства и земства, причеиъ отводъ этихъ земель долженъ бы происходить въ размѣрѣ высшаго душеваго надѣла уже тѣхъ мѣстностей, куда произойдетъ переселеніе, т. е. значительно превышать недостающую въ центральной области цифру земли. Содѣйствіе правительства, кромѣ общихъ мѣръ, уже указанныхъ выше, могло бы состоять въ сильно пониженныхъ тарифахъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ сообщенія, подобно, напр., тарифу при передвиженіи войскъ, даровомъ отпускѣ лѣса на постройки при первоначальномъ водвореніи, значительныхъ податныхъ льготахъ на первые годы, сложении накопившихся недоимокъ, «на старинѣ» и проч.

Существеннѣйшимъ же пособіемъ недостаточнымъ переселенцамъ послужило бы установленіе закономъ въ томъ или другомъ видѣ «выводной платы», уплачиваемой выселенцамъ остающимся членами общества за покидаемый ими надѣлъ, какъ это весьма разумно проектировала правительственная комісія 1881 года, подъ предсѣдательствомъ г. Семенова.

Мы не скрываемъ отъ себя, что установленіе такой платы, вызываетъ очень много затрудненій и требуетъ большой осторожности. Прежде всего оно нуждается въ точномъ, рѣшительномъ условіи самаго размѣра правъ собственности отдѣльныхъ крестьянъ на предоставленныя имъ надѣлы общиннаго и подворнаго владѣнія, и въ этомъ смыслѣ дѣло связано съ поднятымъ нами въ первой половинѣ этой статьи вопросомъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель. Право казны на прежніе земельные надѣлы крестьянъ, въ случаяхъ выселенія ихъ на даровыя, казенныя земли, очевидно дѣлается еще несомнѣннѣе, а право свободной продажи такихъ земель ихъ бывшими владѣльцами дѣлается еще менѣе доказательнымъ. Эта точка зрѣнія могла бы, казалось, дать достаточную юридическую почву для того, чтобы правительство, взаиѣнъ уступаемаго обществу для его другихъ членовъ освободившихся участковъ надѣльной земли, могло, не нарушая справедливости, требовать отъ общества соотвѣтствующаго денежнаго пособія выселенцамъ, покидающимъ эти участки. Устройство съ этою цѣлью правительственнаго или земельного кредита исполнѣ отвѣчало бы интере-

самъ переселенческаго дѣла; но, во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ такъ сложенъ и требуетъ такой разносторонней спеціальной разработки, что мы можемъ коснуться его въ журнальной статьѣ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Указывая на 2.000,000 дес., приблизительно недостающихъ крестьянству центральной черноземной полосы, мы не думаемъ приглашать правительство отвести эти 2 миліона десятинъ непременно разомъ, и разомъ выселить на нихъ изъ центральной области тѣ 667,000 ревизскихъ душъ, которыя по расчету приходятся на нихъ.

Мы только этою цифрою указываемъ общіе размѣры предстоящей правительству, первой по очереди, задачи его въ дѣлѣ переселенія.

Въ какой же мѣрѣ задача эта можетъ осуществиться въ тотъ или другой годъ, это будетъ зависѣть отъ хода работъ по приведенію въ извѣстность мѣстностей поселенія, отъ срока освобожденія казенныхъ земельныхъ участковъ отъ прежнихъ условій пользованія ими, отъ степени желанія самихъ выселенцевъ и отъ многихъ другихъ практическихъ условій, перечислять которыя нѣтъ нужды.

Нѣтъ сомнѣній, что, втеченіи того срока, въ который можетъ быть выполнена эта часть правительственной задачи, продолжающееся выселеніе болѣе достаточныхъ крестьянъ на свой счетъ и страхъ, при правильномъ употребленіи на пользу мѣстнаго крестьянскаго населенія остающихся послѣ ихъ земельныхъ участковъ, т. е. при устраненіи всякаго участія въ этомъ дѣлѣ барышничества, надѣлы остающихся на мѣстѣ малоземельныхъ крестьянъ могутъ значительно увеличиваться; съ другой стороны, отливъ выселенцевъ изъ центральныхъ губерній тотчасъ же вызоветъ неизбежное паденіе продажныхъ и наемныхъ цѣнъ земли въ мѣстностяхъ выселенія, какъ это, на примѣръ, уже произошло въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Рязанской губерніи, гдѣ, по отчету губернской земской управы послѣднему земскому собранію, наемная цѣна земли съ 20 р. за 1 дес. опустилась до 16 р.

Это условіе, конечно, послужитъ въ пользу крестьянъ, какъ для расширенія ихъ мѣстнаго землевладѣнія покупкою частныхъ земель, такъ и для поднятія мѣстнаго заработка, съемкою этихъ частныхъ земель.

Въ то же время, заработная плата этой мѣстности непременно увеличится, такъ что вообще создастся рядъ новыхъ условій, способныхъ значительно уменьшить стремленіе крестьянъ къ выселенію.

Это укажетъ правительству дальнѣйшія практическія размѣры переселенія, которому оно должно будетъ содѣйствовать своими средствами.

Изъ предъидущаго ясно, что правительству, для достиженія цифры выстаго душеваго надѣла въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, нѣтъ надобности выселять непременно самыхъ недостаточныхъ крестьянъ, которые обыкновенно, во всѣхъ отношеніяхъ, бывають менѣе способны къ перенесенію сопряженныхъ съ переселеніемъ затрудненій, чѣмъ крестьяне болѣе достаточные.

Совершенно того же результата можно достигнуть содѣйствіемъ казны къ переселенію даже достаточныхъ крестьянъ, если только ихъ надѣлы, тѣмъ или другимъ удобнымъ путемъ, послужатъ къ расширенію до желаемой цифры надѣловъ мало-земельныхъ, т. е. недостаточныхъ хозяевъ даннаго селенія.

Такъ, напримѣръ, если по расчетамъ правительства, въ какомъ нибудь селеніи находится 15 крестьянъ съ неполнымъ надѣломъ, изъ которыхъ 10 слѣдуетъ выселить для того, чтобы остальные 5 получили полный надѣлъ, то, разумѣется, цѣль эта гораздо проще была бы достигнута, если-бы изъ того же селенія выселилось вмѣсто 10 недостаточныхъ только 3 достаточныхъ крестьянина, надѣлы которыхъ дополнили бы до требуемой нормы всѣ 15 неполныхъ надѣловъ.

Указывая, по нашему мнѣнію, задачу первой очереди въ дѣлѣ крестьянскаго переселенія, мы, очевидно, не хотимъ этимъ сказать, чтобы все дѣло переселенія ограничивалось удовлетвореніемъ потребности однихъ густонаселенныхъ черноземныхъ губерній.

Но мы думаемъ, что не было бы никакой ошибки на первое время сосредоточить усилія правительства и его матеріальное содѣйствіе, именно на этой специально-переселенческой области.

Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ губерніи малороссійскія, новороссійскія, заволжскія, повторяемъ, еще находится достаточно земли, чтобы удовлетворить дѣйствительно крайнюю нужду въ землѣ путемъ внутренняго расселенія на казенныя земли той же губерніи.

Затѣмъ, переселеніе крестьянъ изъ этихъ губерній на свой страхъ и счетъ, вспомошествоваемое организаціею кредита и казенныхъ арендъ, о которыхъ мы говорили выше, также будетъ постепенно облегчать условія мѣстнаго крестьянскаго землевладѣнія.

По удовлетвореніи наиболѣе вопіющихъ потребностей черноземной центральной полосы, наступитъ очередь и для второй, и для третьей задачи переселенія, и т. д., смотря по дальнѣйшимъ указаніямъ жизни.

Но ограниченіе своей непосредственной задачи чѣмъ нибудь строго опредѣленнымъ, во всякомъ случаѣ, практичнѣе и скорѣе приведетъ къ цѣли, чѣмъ разбрасываніе разомъ во всѣ стороны.

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе своихъ общихъ взглядовъ на переселенческое дѣло; разработка его во всѣхъ практическихъ подробностяхъ предстоитъ теперь созданному правительствомъ совѣщанію свѣдущихъ людей и не можетъ быть принята въ статьѣ популярнаго журнала.

Мы знаемъ, что многіе сторонники нетерпѣливыхъ и рѣзкимъ мѣръ осудятъ насъ за излишнюю трезвость нашихъ взглядовъ въ этомъ дѣлѣ; что они провозгласятъ ихъ робкими полумѣрами и, можетъ быть, обвинятъ насъ въ тайномъ желаніи затормозить движеніе переселенцевъ, такъ какъ въ извѣстной части нашей литературы безцеремонный обычай заподозрѣвать автора во всевозможныхъ злостныхъ намѣреніяхъ и заднихъ мысляхъ вкоренился слишкомъ прочно.

Тѣмъ не менѣе, мы съ спокойною совѣстью рѣшаемся вылить этотъ, своего рода, ушатъ холодной воды на горячешныя головы непрактическихъ людей, проповѣдующихъ такія необдуманная и торопливыя мѣры, результатъ которыхъ могъ бы оказаться непоправимымъ.

Намъ нечего спѣшить съ растратою казенныхъ земель. Если мы обезпечимъ положительнымъ законодательнымъ актомъ ихъ будущую судьбу отъ всякихъ посягательствъ личной корысти, если «государственныя земли», на самомъ дѣлѣ, станутъ достояніемъ «государства», обратятся исключительно на удовлетвореніе такой великой «государственной потребности», какъ надѣленіе землею нуждающихся земледѣльцевъ, — то никакой бѣды не будетъ въ томъ, что нашъ запасъ государственныхъ земель окажется въ состояніи постоянно насыщать нужду въ землѣ нарождающагося и размножающагося крестьянства, а не будетъ израсходованъ съ близорукою щедростью на потребности только одного поколѣнія. Казенныя земли не сказочный кошелекъ Фортуны, въ которомъ, вмѣсто всякаго вынутаго червонца, является новый червонецъ. Если мы, съ юношескою необдуманностью, раз-

дадимъ, какъ приглашаютъ насъ иные радѣтели народа, по 12 и 15 дес. на душу настоящему поколѣнію крестьянства, то какія средства помощи останутся у насъ для будущихъ поколѣній его? Современное намъ крестьянское населеніе мы поставимъ въ исключительно удобное положеніе; дадимъ многимъ изъ крестьянъ легкіе способы обратиться въ помѣщиковъ своего рода; избавимъ ихъ отъ всякой необходимости усиленнаго и улучшеннаго труда, накормивъ ихъ до-сыта казенною ложкою; а затѣмъ останемся, какъ неразумные и расточительные хозяева, безъ малѣйшей возможности придти на помощь самой вопіющей земельной нуждѣ.

Пусть тѣ, кто видитъ спасеніе народа въ такой политикѣ, проповѣдуютъ и проводятъ ее на свою голову и на голову самого народа. Мы убѣждены совершенно въ другомъ и будемъ стоять за свои убѣжденія. Мы только вновь напомнимъ, въ заключеніе этой статьи, что вопросъ переселенія не можетъ быть правильно и прочно рѣшенъ безъ твердой постановки самыхъ правъ крестьянскаго землевладѣнія, безъ связи своей съ вопросомъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель. Намъ кажется невозможнымъ вводить въ одну и ту же систему два элемента столь противоположнаго характера, какъ отеческая опека правительства надъ экономическимъ благосостояніемъ крестьянина — съ одной стороны, а съ другой стороны, обращеніе съ землею, даваемою правительствомъ въ обезпеченіе быта цѣлыхъ крестьянскихъ поколѣній, какъ со всякимъ товаромъ рынка, какъ съ биржевою бумагою. Иначе, повторяемъ, легко можетъ случиться, что теперешнія «обѣтованныя земли» крестьянъ обратятся очень скоро въ «обѣтованную землю» хищничества и барышничества всякаго рода.

Евгеній Марковъ.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ ПРОЦЕССОВЪ РАЗМНОЖЕНІЯ.

IV.

Трата на индивидуальность и сила размноженія у растений.

Въ предъидущемъ обзорѣ явленій размноженія мы пришли, между прочимъ, къ тому заключенію, что роль данной функціи не только поддерживать видовую жизнь, но и содѣйствовать распространенію біорганическаго вліянія на окружающее.

Мы видѣли далѣе, что роль эта всецѣло обязана организующей дѣятельности, не только покрывающей расходъ, но и накопляющей, расширяющей внутре-молекулярную подвижность протоплазмы насчетъ воспринимаемыхъ извнѣ низшихъ формъ движенія, дѣятельности, которая умножаетъ біорганическое вещество насчетъ неорганическаго.

Такое умноженіе частицъ протоплазмы, ея внутре-молекулярнаго движенія продолжается непрерывно, разъ внѣшнія условія не препятствуютъ. И пока эта внутренняя работа, это постоянное накопленіе отвѣчаетъ требованіямъ индивидуальнаго существованія даннаго организма, оно выражается его ростомъ или иными измѣненіями его организаціи, его индивидуальной жизни. Но когда это умноженіе высшей формы внутре-молекулярнаго движенія превышаетъ требованія индивидуальнаго существованія, тогда избытокъ біорганическаго вещества, из-

бытокъ жизненнаго движенія, освобождается въ видѣ новой жизни.

Такова единственная причина размноженія. Эта причина, какъ мы видимъ, внутренняя; она всецѣло обязана той самодѣятельности протоплазмы, которая выражается ея организующимъ процессомъ, ея самообразовательною способностью ¹⁾. Размноженіе является необходимымъ результатомъ такого накопленія, самообразовательнымъ процессомъ біорганическаго вещества, жизненнаго движенія, которое превышаетъ требованія индивидуальнаго существованія даннаго организма.

Повторяемъ, о другой причинѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія основнаго механическаго принципа. Но если такъ, то, само собою разумѣется, и всѣ многообразныя явленія, которыми выражаются процессы размноженія, должны быть согласованы съ установленнымъ здѣсь основнымъ положеніемъ, должны быть выведены изъ этого положенія.

Обращаясь къ фактической сторонѣ предмета, мы прежде всего рассмотримъ, въ какой мѣрѣ предъидущее подтверждается и, въ свою очередь, истолковываетъ общія отношенія функціи генезиса къ остальнымъ элементарнымъ жизненнымъ явленіямъ—съ одной стороны, и къ наиболѣе существеннымъ внѣшнимъ вліяніямъ—съ другой.

Обзоръ относящихся сюда фактовъ, выясняя важное значеніе данныхъ соотношеній, вмѣстѣ съ тѣмъ подготовить намъ путь для надлежащаго пониманія той біологической связи, которая существуетъ между различными способами бесполого размноженія, тѣхъ переходовъ, которые наблюдаются между бесполомъ размноженіемъ и половымъ и, наконецъ, тѣхъ условій, которымъ явленія эти обязаны своимъ существованіемъ.

Мы сказали выше, что размноженіе наступаетъ каждый разъ, когда накопленіе біорганическаго вещества, жизненнаго движенія, превышаетъ нужды или требованія индивидуальнаго существованія даннаго организма. Избытокъ служитъ мѣриломъ этого размноженія. Положеніе это важно прежде всего

¹⁾ О необходимости признанія такой самообразовательной способности и ея важномъ біологическомъ значенія см. между прочимъ Wilhelm Roux: «Der Kampf der Theile im Organismus». Leipzig. 1881. стр. 210—235, а также нашъ трудъ: «Основанія молекулярной біологіи» («Русская Рѣчь» 1881 года).

именно потому, что оно прямо устанавливаетъ определенное отношеніе между генезисомъ и индивидуальностью.

Въ самомъ дѣлѣ, если мѣриломъ силы размноженія служить только что указанный избытокъ, то чѣмъ незначительнѣе трата на индивидуальность, чѣмъ меньше расхода предполагаетъ существованіе послѣдней, тѣмъ большій, при равенствѣ остальныхъ условій, будетъ избытокъ біогеннаго вещества, жизненнаго движенія, тѣмъ большею интенсивностью будетъ отличаться функція размноженія, и наоборотъ. Однимъ словомъ, согласно предъидущему, сила генезиса обратно пропорціональна тратѣ на индивидуальность. Но само собою разумѣется, что наименьшую трату на индивидуальность мы должны искать среди простѣйшихъ, микроскопическихъ организмовъ, и потому, если указанное отношеніе вѣрно, то именно среди простѣйшихъ организмовъ сила размноженія должна обнаруживаться съ наибольшею интенсивностью. И дѣйствительность вполне подтверждаетъ настоящее предположеніе.

Многочисленныя наблюденія свидѣтельствуютъ единогласно, что микроскопическіе организмы, какъ растительные, такъ и животные, «крайне плодовиты». Можно смѣло сказать, что въ отношеніи своей плодовитости они настолько же превышаютъ болѣе организованныя существа, насколько послѣднія превосходятъ ихъ своимъ ростомъ и развитіемъ своей индивидуальности.

Одноклѣточное растеніице, извѣстное подъ именемъ снѣжнаго первоцузырника (*Protococcus nivalis*), отличается такою плодовитостью, что «втеченіи одной ночи успѣваетъ покрыть красною пеленою обширныя поляны снѣга», и это не смотря на то, что болѣе сотни такихъ первоцузырниковъ могутъ свободно помѣщаться въ одной каплѣ воды¹⁾. Нѣкоторыя морскія водоросли, именно простѣйшія, размножаются съ такою быстротою, что въ сравнительно короткое время окрашиваютъ большія массы воды. «Фрейсинъ и Торрель, при путешествіи корвета «La Créole», видѣли близъ Тайо водяную поверхность, приблизительно въ 60.000,000 квадратныхъ метровъ, окруженную ярко-пурпурнымъ цвѣтомъ. При изслѣдованіи, причиною окраски оказалось маленькое растеніице, которое лишь въ количествѣ 40,000 особей

¹⁾ О другихъ подобныхъ же одноклѣточныхъ водоросляхъ Ценковскій говоритъ, что въ водѣ, на предметномъ стеклышкѣ, они производятъ, спустя 5—7 часовъ, «миліоны удлиненныхъ подвижныхъ клѣточекъ» («О низшихъ водоросляхъ и инфузоріяхъ», стр. 8).

покрываетъ квадратный миллиметръ, и поэтому лишь въ числѣ 40,000 милліоновъ можетъ покрыть поверхность въ квадратный метръ. Но такъ какъ окраска простиралась на довольно значительную глубину, то языкъ человѣскій уже не въ силахъ выразить, хотя бы приблизительно, множество этихъ живыхъ существъ¹⁾.

Многочисленные грибки отличаются, въ свою очередь, поразительною плодовитостію; нѣкоторые изъ нихъ выплываются съ такою быстротою, которую положительно было бы трудно допустить, если-бы она не подтверждалась прямымъ наблюденіемъ. Такъ, по произведенному нами вычисленію, нѣкоторые микроскопическіе грибки, нападающіе на плоды и причиняющіе въ фруктовыхъ садахъ значительныя опустошенія, размножаются съ изумительною быстротою, именно: при благопріятныхъ условіяхъ изъ одного грибка втеченіи сутокъ можетъ народиться поколѣніе болѣе нежели въ 10.000,000 особей. Такимъ же образомъ дождевой грибокъ «въ нѣсколько часовъ размножается по цѣлой большой массѣ сусла».

Несложное, хотя и многокѣточное растение *Gonium restinale* «можетъ развиваться дѣленіемъ въ двадцать четыре часа» такъ, что «при благопріятныхъ условіяхъ одна колонія даетъ начало на слѣдующій день 16, на третій—256, на четвертый—4,096, по истеченіи же недѣли 268.435,456 подобнымъ ей организмамъ».

Если мы затѣмъ перейдемъ къ болѣе крупнымъ и болѣе сложнымъ представителямъ растительнаго царства и сопоставимъ силу ихъ бесполого размноженія съ соотвѣтствующею функціею предшествующихъ формъ, то увидимъ, что «тогда какъ у наиболѣе мелкихъ растений бесполое размноженіе всеобщее и даетъ начало въ короткіе промежутки времени громадному числу особей, оно шагъ за шагомъ становится все рѣже и подначальнѣе, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся въ большимъ и составнымъ растеніямъ²⁾».

Словомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство въ пользу того, что у растений воспроизводительная способность агамогенезиса (бесполого размноженія) понижается по мѣрѣ возрастанія траты на индивидуальность—усиливается ли данная трата интенсивностію роста, или болѣе сложнымъ строеніемъ организаціи.

¹⁾ «Растеніе и его жизнь», Шлейдена. Переводъ Рачинскаго, 1862 г., стр. 162.

²⁾ Г. Спенсеръ, «Основанія биологіи», т. II, стр. 328.

Правда, ростъ далеко не всегда совпадаетъ съ развитіемъ и потому ни одно изъ этихъ явленій само по себѣ не можетъ служить мѣриломъ той траты на индивидуальность, которая понижаетъ силу воспроизводительной способности. Но тамъ, гдѣ подобное совпаденіе имѣетъ мѣсто, или гдѣ при незначительномъ различіи въ развитіи наблюдается весьма значительная разница въ ростѣ и наоборотъ,—тамъ указанное соотношеніе между генезисомъ и ростомъ или развитіемъ растений выступаетъ весьма рельефно.

Прекраснымъ примѣромъ могутъ служить одноклѣточные растенія. Если среди послѣднихъ встрѣчаются такіа ничтожныя по размѣрамъ и строенію клѣтки, какъ микроскопическіе грибки—бактеріи, то, съ другой стороны, среди одноклѣточныхъ же растеній, именно между морскими водорослями, существуютъ организмы, обнаруживающіе сравнительно сложное развитіе клѣтки, достигающей вмѣстѣ съ тѣмъ колоссальныхъ размѣровъ.

Относящіяся сюда водоросли хотя и состоятъ изъ одной клѣтки, какъ это принимается большинствомъ ботаниковъ, внѣшнюю свою форму и своими размѣрами напоминаютъ многокѣточные растенія¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти одноклѣточные водоросли являются въ видѣ простыхъ, часто очень длинныхъ нитевидныхъ развѣтвленій (*Vaucheria*), то въ видѣ грибовъ съ небольшою шляпкою, сидящею на тонкой, длинной въ нѣсколько дюймовъ ножкѣ (*Acetabularia mediterranea*). Встрѣчаются, наконецъ, одноклѣточные водоросли съ еще болѣе сложною дифференцировкой. Такая водоросль своею внѣшнею формою напоминаетъ высокоорганизованное древовидное растеніе; подобно послѣднему, она снабжена корнями и стеблемъ, на которомъ сидятъ многочисленныя перистыя листочки. О гигантскихъ размѣрахъ этой одноклѣточной водоросли (*Caulerpa taxifolia*) можно судить уже по тому, что ея перистыя листочки достигаютъ въ длину отъ 2 до 3 дюймовъ. И такъ, вотъ передъ нами два противоположныхъ полюса: съ одной стороны, ничтожныя по размѣрамъ и развитію одноклѣточные грибки; съ другой—колоссальныя, съ сложною дифференцировкой, одноклѣточные водоросли. И ростъ, и развитіе на сторонѣ послѣднихъ, гдѣ инди-

¹⁾ Достоинно вниманія, что нѣкоторые ученые увлекаются до того, что готовы поставить этихъ одноклѣточныхъ гигантовъ ниже настоящей клѣтки, на томъ основаніи, что у нихъ, яко-бы, нѣтъ ядра—этого характернаго признака настоящей клѣтки. Такъ, между прочимъ, слѣдя примѣру Геккеля, поступаетъ Е. Штерне въ своемъ сочиненіи «Werden und Vergehen», второе изданіе, стр. 186.

видуальное существованіе предполагаетъ такую затрату біорганического вещества и жизненнаго движенія, тысячная доля которой невозможна для микроскопическихъ грибовъ. Но одновременно съ этимъ, какъ свидѣлствуютъ факты, воспроизводительная способность послѣднихъ во столько же превосходить силу агамогенезиса гигантскихъ одноклѣточныхъ водорослей, во сколько уступаетъ способность роста и развитія.

Ни одна изъ этихъ водорослей не отличается тою парадоксальною быстротою размноженія, которую обнаруживаютъ, на примѣръ, контагіозные грибы, что такъ наглядно свидѣлствуется скоростью распространенія ихъ заразительнаго дѣйствія.

Правда, процессы размноженія нѣкоторыхъ изъ только что названныхъ одноклѣточныхъ водорослей (именно *Saulegra*) недостаточно еще выяснены, чтобы можно было судить объ ихъ плодовитости. Но самъ по себѣ уже этотъ фактъ рѣдкаго проявленія данной функціи, рядомъ съ незначительнымъ распространеніемъ названныхъ водорослей и нѣкоторыми другими указаніями на то, что такое распространеніе достигается путемъ образованія новыхъ развѣтвленій, пускающихъ отъ себя корешки и отдѣляющихся затѣмъ отъ общей вѣтви¹⁾, свидѣлствуетъ съ достаточною убѣдительною о ничтожной плодовитости этихъ водорослей, въ сравненіи съ воспроизводительною дѣятельностью одноклѣточныхъ грибовъ или хотя также одноклѣточныхъ водорослей, но микроскопически малыхъ размѣровъ, какъ, на примѣръ, первопузырникъ (*Protococcus*).

Иначе и быть не можетъ, разъ сила размноженія является мѣриломъ избытка біорганического вещества и жизненнаго движенія,— избытка, превышающаго нужды индивидуальнаго существованія. Эти нужды сравнительно ничтожны у микроскопически малыхъ одноклѣточныхъ растеньицъ, и потому наибольшая доля самообразовательной дѣятельности протоплазмы выдѣляется въ формѣ новыхъ жизней. Но разъ ростъ и развитіе клѣтки обнаруживаются съ значительною энергіею—данное отношеніе тотчасъ же измѣняется.

Представьте же себѣ, что самообразовательная дѣятельность протоплазмы цѣликомъ поглощается ростомъ клѣтки; такая клѣточка будетъ постоянно увеличиваться въ размѣрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не будетъ обнаруживать воспроизводительной

¹⁾ P. Falkenberg: «Die Algen im weitesten Sinne» (Encyklopaedie der Naturwissenschaften, Handbuch der Botanik). Achte Liferung, S. 273.

способности. Скажутъ, что это одно голое предположеніе. Вовсе нѣтъ! Напротивъ, существуютъ факты, несомнѣнно подтверждающіе справедливость только что сказаннаго. Сюда именно относятся явленія роста и размноженія, обнаруживаемыя растительными клѣтками, какъ анатомическими элементами.

«Когда питательныя вещества накаплиются въ клѣточкѣ сверхъ извѣстной мѣры, изъ нихъ образуются въ ней новыя клѣточки—дочернія клѣточки; клѣточка размножается и при этомъ материнская клѣточка обыкновенно расплывается и исчезаетъ, а на мѣсто ея появляется ея потомство—2, 4, 8 или еще болѣе молодыхъ клѣточекъ. Весь процессъ, который мы называемъ ростомъ, въ сущности, состоитъ въ такомъ непрерывномъ размноженіи, которымъ число клѣточекъ увеличивается до цифръ неизмѣримыхъ и невѣроятныхъ. Такъ, на примѣръ, по приблизительному расчету, въ очень быстро растущемъ грибѣ, въ дождевикѣ (*Bovista gigantea* Nees), ежеминутно (?) нарождается 20,000 новыхъ клѣточекъ»¹⁾.

И такъ, тамъ, гдѣ «питательныя вещества накаплиются въ клѣточкѣ сверхъ извѣстной мѣры» или, согласно вышеизложенному основному положенію, гдѣ накопленіе біорганическаго вещества, внутре-молекулярнаго движенія, превосходитъ требованія индивидуальнаго существованія анатомическихъ элементовъ, тамъ непрерывная самообразовательная дѣятельность протоплазмы выражается «безпрестаннымъ размноженіемъ» клѣточекъ.

Но вотъ другой рядъ фактовъ, свидѣтельствующій, что это «безпрестанное размноженіе» можетъ совершенно отсутствовать, разъ самообразовательная дѣятельность протоплазмы поглощается усиленнымъ ростомъ клѣтки. На такіе именно факты указываетъ развитіе млечныхъ сосудовъ нѣкоторыхъ растений.

Происхожденіе этихъ сосудовъ обыкновенно объяснялось полнымъ сліяніемъ многихъ отдѣльныхъ клѣточекъ. Но Шмальгаузенъ²⁾ однако показалъ, рядомъ тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій, что у такихъ растений, какъ молочайныя, кутровыя и крапивныя, млечные сосуды происходятъ не путемъ сліянія многихъ отдѣльныхъ клѣточекъ, а путемъ разрастанія однѣхъ и тѣхъ же начальныхъ клѣточекъ, появляющихся въ

¹⁾ Шлейденъ, «Растеніе и его жизнь», стр. 56.

²⁾ Шмальгаузенъ: «Изслѣдованія надъ развитіемъ млечныхъ вѣсталищъ растений» («Труды с.-петербургскаго общества естествоиспытателей», Т. VIII 1877 г.).

зародышѣ еще до созрѣванія сѣмени. Такъ, напримѣръ, у молочайныхъ, когда сѣмянодоли только-что начинаютъ выростать на переднемъ концѣ, нѣкоторыя клѣточки, внутри зародыша, имѣющія совершенно опредѣленное положеніе, перестаютъ дѣлиться, но взамѣнъ того усиленно развѣтвляются, пуская трубчатые отростки внизъ — въ корень, и вверхъ — въ стебель и листья растенія. По мѣрѣ того, какъ растетъ послѣднее, растутъ на своихъ концахъ и эти трубчатые отростки клѣтки. Такимъ образомъ изъ нѣсколькихъ клѣточекъ образуется вся система млечныхъ сосудовъ, причѣмъ каждый сосудъ состоитъ изъ одной клѣточки, разросшейся въ видѣ вѣтвистой трубочки во всю длину растенія отъ корня къ листьямъ. Если принять во вниманіе размѣры относящихся сюда растеній, то придется допустить, что клѣточки, образующія млечныя вмѣстилища, достигаютъ иногда въ длину нѣсколькихъ саженъ. «Любопытный примѣръ, какъ справедливо замѣчаетъ по этому случаю профессоръ Бородинъ, — по-истинѣ гигантскихъ клѣтокъ, скрытыхъ въ ткани высшихъ растеній»¹⁾. Но этотъ примѣръ становится еще болѣе любопытнымъ, еще болѣе поучительнымъ съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія, какъ представляющій наглядное свидѣтельство почти неограниченнаго роста клѣтки рядомъ съ пониженіемъ ея воспроизводительной способности до нуля. Если, въ случаѣ крохотныхъ клѣточекъ дождевика, безпрестанная самообразовательная дѣятельность протоплазмы выражается «безпрестаннымъ размноженіемъ» данныхъ элементовъ, то, въ случаѣ гигантскихъ клѣточекъ, образующихъ млечныя сосуды молочайниковыхъ растеній, та же дѣятельность выражается столь же «безпрестаннымъ» ростомъ ихъ, тогда какъ размноженіе этихъ клѣточекъ совершенно отсутствуетъ. Едва-ли можно указать на другой болѣе убѣдительный примѣръ антагонизма между ростомъ и бесплоднымъ размноженіемъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что среди клѣточекъ, какъ анатомическихъ элементовъ, данныя функции обнаруживаютъ то же соотношеніе, что и среди клѣтокъ, ведущихъ самостоятельный образъ жизни. Какъ ни различны условія существованія тѣхъ и другихъ клѣточекъ, но эти внутреннія соотношенія продолжаютъ сохранять свое постоянство.

До этихъ поръ мы говорили о воспроизводительной дѣятельности бесполого размноженія растеній. Но если мы обра-

¹⁾ И. Бородинъ, «Новѣйшіе успѣхи ботаники». С.-Петербургъ, 1880 г., стр. 37

тимся отъ этого простѣйшаго способа къ болѣе сложному, половому размноженію растеній, къ гамогенезису, то и здѣсь найдемъ не менѣе убѣдительныя доказательства въ пользу того же положенія, что незначительная трата на индивидуальность усиливаетъ, а значительная — ослабляетъ воспроизводительную дѣятельность генезиса.

Оставляя въ сторонѣ одноклѣточные растенія и ограничиваясь одними многоклѣточными, мы прежде всего встрѣчаемся съ слѣдующимъ весьма знаменательнымъ фактомъ: у формъ близкихъ по развитію, но сильно различающихся по размѣрамъ, мелкіе представители превосходятъ крупныхъ «величиною производящихъ частей», что уже само по себѣ служитъ косвеннымъ указаніемъ на болшую плодовитость. Такъ, среди высшихъ водорослей, «у мелкихъ представителей этого класса въ воспроизводительные элементы преобразуются сравнительно большія части листовыхъ, у крупныхъ же части, подвергающіяся этому, сравнительно малы», говоритъ Спенсеръ ¹⁾ и въ доказательство указываетъ на гигантскую морскую водоросль (*Mastocystis rugifera*), достигающую порою длины 1,500 футовъ и о которой Карпентнеръ ²⁾ замѣчаетъ: «Это развитіе питающей поверхности совершается на счетъ аппарата оплодотворенія, который здѣсь играетъ почти подчиненную роль».

Такимъ же образомъ, если мы обратимся къ грибамъ, «у которыхъ воспроизводительный аппаратъ сравнительно такъ огроменъ, что образуетъ собою всю видимую часть растенія», то, соотвѣтственно подобному «подчиненію особи расѣ», встрѣтимъ столь же громадную плодовитость. Такъ, по Фризу, цитируемому Карпентнеромъ, у одной лишь особи *Reticularia maxima* насчитывается 10.000,000 споръ, т. е. продуктовъ оплодотворенія яйцеклѣтки. «Достаточно вспомнить, замѣчаетъ по этому случаю Спенсеръ, — какія облава частичекъ, столь мелкихъ, что онѣ похожи на дымъ, выпускаетъ зрѣлый дождевикъ, когда онъ лопается, и затѣмъ сообразить, что каждая изъ этихъ частичекъ есть грибъ въ возможности, и тогда мы получимъ понятіе о непостижимой плодовитости этихъ растеній», — плодовитости, далеко превосходящей воспроизводительную дѣятельность высшихъ сѣмянныхъ. Дѣйствительно, сравненіе этихъ послѣднихъ съ низ-

¹⁾ Г. Спенсеръ, «Основанія биологій», т. II, стр. 335.

²⁾ «Principles of Physiology, General and Comparative», 1851. Приведено у Спенсера.

шими типами подтверждаетъ въ свою очередь существованіе антагонизма между силою роста и силою полового размноженія. Болѣе высоко организованныя растенія, говоря вообще, значительно превосходятъ размѣрами низшія формы «и соотвѣтственно этому, сила полового размноженія у нихъ гораздо менѣе значительна».

Такимъ же образомъ, если мы станемъ сравнивать менѣе крупныя типы сѣмянныхъ съ болѣе крупными, то «послѣдніе всегда окажутся менѣе плодовитыми». «Правда, говоритъ Спенсеръ въ поясненіе даннаго положенія,—если мы станемъ просто вычислять количество сѣмянъ, сбрасываемыхъ данною особью въ одинъ годъ, то приведенный сейчасъ законъ еще не обнаружится передъ нами явственно; но онъ станетъ для насъ совершенно очевиднымъ, если мы примемъ въ соображеніе тотъ факторъ, который усложняетъ здѣсь результатъ, а именно, возрастъ, въ который начинается половой генезисъ. Болѣе мелкія явноцвѣтныя болѣею частію либо годичныя, либо многолѣтнія растенія, надземныя части которыхъ умираютъ ежегодно; а такъ какъ при этомъ онѣ ежегодно производятъ сѣмяна, или передъ собственною своею смертію, или передъ смѣртію обоихъ воспроизводительныхъ органовъ, то результатомъ этого является то, что втеченіи одного года каждое изъ нихъ даетъ начало множеству возможныхъ растеній, изъ которыхъ каждое, въ свою очередь, если оно сохранится, можетъ дать начало такому же множеству новыхъ растеній. Положимъ, что въ первый годъ произойдетъ ихъ только сотня, и тогда во второй годъ можетъ произойти десять тысячъ, въ третій — миллионъ, а въ четвертый — сто миллионовъ. А между тѣмъ каково было бы возможное размноженіе крупнаго явноцвѣтнаго? Тогда какъ мелкій сородичъ его производить сѣмена и умираетъ, крупное явноцвѣтное еще только растетъ и можетъ прорости такимъ образомъ цѣлый десятокъ лѣтъ, не давъ начало ни одному плоду. Пока у вавосовой пальмы еще не успѣетъ созрѣть даже первый пукъ орѣховъ, потомки пшеницы, въ предположеніи, что всѣ они выжили и размножились, будутъ уже такъ многочисленны, что покроютъ собою всю поверхность земли. Такъ что, хотя, начавши однажды приносить плоды, дерево можетъ ежегодно приносить столько же сѣмянъ, сколько какая нибудь трава, но, однако, вслѣдствіе того, что оно позже начало приносить ихъ, оно будетъ несравненно менѣе плодовито, и эта его сравнительно меньшая плодовитость будетъ еще ограниченнѣе тамъ, гдѣ, какъ, напри-

мѣръ у *Lodoicea Secchellarum*¹⁾, сѣмена проростаютъ только черезъ два года послѣ оплодотворенія²⁾.

Велинтонаія или мамонтово дерево и баобабы принадлежатъ къ величайшимъ колоссамъ растительнаго царства³⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ относятся къ числу наименѣе плодовитыхъ. Мало того, даже у одного и того же растенія наблюдается подобное отношеніе между ростомъ и воспроизводительною дѣятельностью. Такъ, напримѣръ, садоводамъ извѣстно, что когда фруктовое дерево усиленно растетъ и даетъ много новыхъ побѣговъ—оно плохо «родитъ». Тѣмъ же соотношеніемъ между ростомъ и генезисомъ объясняется общеизвѣстный фактъ, что если, при надлежащемъ притокаѣ пищевыхъ веществъ, задерживать ростъ растенія и вообще понижать трату на его индивидуальность, напримѣръ, обривая «лишніе» листья, не позволять развиваться большому числу ихъ, то можно ускорить время цвѣтенія, а, стало быть, и время образованія воспроизводительныхъ органовъ.

Наконецъ, весьма поучительныя данныя въ пользу разсматриваемаго соотношенія представляетъ также сравненіе листоносныхъ осей (безполыхъ особей) многооснаго растенія съ цвѣтоносною осью. Тогда какъ первыя отличаются неограниченнымъ ростомъ, возрастаніе послѣдней, напротивъ, ограничено моментомъ образованія цвѣтка; вмѣстѣ съ тѣмъ эта ось отличается меньшимъ размѣромъ въ сравненіи съ предъидущими: она или короче ихъ, или значительно тоньше; ростъ подавленъ силою полового генезиса, отсутствующаго у листоносныхъ осей.

Само собою разумѣется, что и къ занимающему насъ вопросу примѣнима старая истина: нѣтъ правила безъ исключенія. Какъ бы, напримѣръ, ни были многочисленны факты, свидѣтельствующіе о существованіи антагонизма между ростомъ и генезисомъ, но отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы ббльшая или меньшая интенсивность роста для каждаго частнаго

¹⁾ *Lodoicea Secchellarum* — Маддивскій или Соломоновъ орѣхъ. Растеніе замѣчательное плодомъ, который принадлежитъ къ огромнѣйшимъ въ свѣтѣ: отъ 40 до 50 фунтовъ вѣсомъ. («Ботаническій словарь» Н. Анненкова, стр. 197).

²⁾ Г. Спенсеръ, «Основанія біологіи», т. II, стр. 335.

³⁾ О гигантскихъ размѣрахъ вѣтхъ растеній можно судить по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ. Стволъ баобаба имѣетъ въ обхватѣ 70—90 футовъ; длина сучьевъ отъ 50 до 60 фут. Велинтонаія достигаетъ въ вышину 400—445 футовъ, т. е. почти на 125 футовъ превосходитъ высоту колокольни Ивана Великаго и болѣе нежели на 145 футовъ высоту Исакиевскаго собора. У основанія окружность этого колосса лѣсовъ равняется 100—115 футамъ.

случая могла служить, въ обратномъ отношеніи, показателемъ плодovitости. Кактусы, напримѣръ, далеко не обнаруживаютъ такой силы полового генезиса, какъ многія другія растенія, значительно превосходящія ихъ ростомъ.

Но подобнаго рода исключенія доказываютъ только, что трата на индивидуальность вовсе не опредѣляется одною функціею роста, но что здѣсь необходимо имѣть въ виду и иныя проявленія индивидуальности, и если послѣднія сопряжены съ значительнымъ расходомъ продуктовъ, вырабатываемыхъ самообразовательною дѣятельностью протоплазмы, то относительно меньшая плодovitость при относительно меньшемъ ростѣ становится совершенно понятнымъ явленіемъ съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія.

Спенсеръ¹⁾ совершенно справедливо говоритъ, что взятые въ отдѣльности примѣры, подтверждающіе существованіе антагонизма между ростомъ и половымъ размноженіемъ, «могутъ вызвать возраженія и должны быть приняты съ ограниченіями; но если мы взглянемъ на нихъ въ совокупности, то увидимъ, что не можетъ быть сомнѣнія на счетъ ихъ смысла. Сравненіе крупнѣйшихъ типовъ съ мельчайшими... приводитъ къ результатамъ, въ значеніи которыхъ нельзя усомниться. Вспомнивъ, съ одной стороны, что дубъ втеченіи своей многолѣтней жизни производитъ меньше желудей, чѣмъ сколько какой нибудь грибокъ производитъ споръ въ одну только ночь, мы увидимъ, что у гриба плодovitость превосходитъ плодovitость дуба въ размѣрахъ, которые нельзя ни вычислить, ни сообразить. Съ другой стороны, взявъ какое нибудь микроскопическое, простѣйшее растеніе, производящее миліоны потомствъ въ нѣсколько дней, и подумавъ, сколько нужно взять такихъ растеньицъ, чтобы составить изъ нихъ лѣсное дерево, растущее годы, прежде чѣмъ произвести зрѣлыя сѣмена, мы придемъ къ такой же невозможности, если не опредѣлить, то постигнуть число, которое должно тутъ получиться», — мы увидимъ, что связь между малою величиною и сильною плодovitостью, между большими размѣрами и малою плодovitостью, слишкомъ явственна для того, чтобы ее могли масхировать тѣ или другія исключенія.

И такъ, насколько рѣчь идетъ о различныхъ степеняхъ плодovitости, факты полового размноженія растеній, подобно безполому, приводятъ къ заключенію, что между генезисомъ и

¹⁾ «Основанія биологіи», т. II, стр. 341.

индивидуальностью существуетъ обратное отношеніе, что меньшая трата на индивидуальность усиливаетъ, а большая ослабляетъ воспроизводительную дѣятельность. Другими словами, устанавливается такое именно соотношеніе, которое, какъ мы видѣли, и должно быть, разъ размноженіе опредѣляется самообразовательною дѣятельностью протоплазмы и составляетъ результатъ продуктивнаго избытка этой дѣятельности, превышающаго требованія индивидуальнаго существованія и потому освобождающагося въ видѣ новой жизни.

V.

Трата на индивидуальность и сила безполаго размноженія у животныхъ.

Обращаясь къ животнымъ, мы и здѣсь найдемъ то же отношеніе воспроизводительной дѣятельности къ требованіямъ индивидуальнаго существованія. Само собою разумѣется, что и здѣсь наименьшую трату на индивидуальность мы должны искать среди простѣйшихъ формъ, т. е., стало быть, среди одноклѣточныхъ животныхъ, ваковы, между прочимъ, инфузоріи.

Такимъ образомъ, если и въ животномъ мірѣ, какъ и въ растительномъ, минимальная трата на индивидуальность усиливаетъ, а максимальная—уменьшаетъ плодовитость, то наибольшую интенсивностью генезиса должны отличаться только что названныя простѣйшія животныя, размножающіяся, главнымъ образомъ, безполымъ способомъ (агамогенезисомъ). И дѣйствительно, съ какою удивительною силою обнаруживается у инфузоріи безполое размноженіе—можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ извѣстнаго зоолога Бронна ¹⁾:

«Разнообразіе способовъ размноженія наливочныхъ, въ соединеніи съ краткостью времени, по простествіи котораго молодая особь вновь становится способною къ размноженію, обуславливали бы необъятную численность наливочныхъ, если-бы истощеніе, вслѣдствіе самаго размноженія, не ограничивало ее до извѣстной степени. Поэтому нужно отличать настоящее раз-

¹⁾ X. Г. Броннъ, «Руководство къ зоологіи», т. I. Животныя безеорменныя. Переводъ А. Богданова. Москва, 1860 г., стр. 166.

множеніе въ дѣйствительности отъ того, которое получается вычисленіемъ, основывающимся на нѣкоторыхъ частныхъ наблюденіяхъ. Такъ, для дѣленія *Vorticella* достаточно $\frac{3}{4}$ —1 часа; а такъ какъ каждая часть, происшедшая отъ дѣленія, по прошествіи часа можетъ снова начать дѣлиться, то въ 10 часовъ можетъ получиться тысяча особей, а въ 20—цѣлый миліонъ; въ дѣйствительности же, дѣленіе совершается съ гораздо большими промежутками и по прошествіи нѣсколькихъ изъ нихъ происходитъ полная остановка, такъ что въ три часа образуется, въ дѣйствительности, только 8 особей, въ 6 часовъ—64, а въ сутки всего 200 особей. Въ другихъ случаяхъ дѣленіе совершается медленнѣе, но продолжается болѣе долгое время; такъ *Paramecium aureliis* требуетъ для одного своего продольнаго дѣленія около двухъ, а иногда и болѣе часовъ, но за то въ одну недѣлю получается около двухъ миліоновъ особей. *Stylonychia* въ продолженіи 24 часовъ черезъ поперечное дѣленіе образуетъ три особи, отъ которыхъ по прошествіи однѣхъ сутокъ, необходимыхъ для ихъ возрастанія, въ слѣдующія сутки образуется двѣнадцать особей, такъ что и здѣсь въ продолженіи 20 дней число особей доходитъ до миліона. При этомъ нужно замѣтить, что мы не принимали въ соображеніе того, что многія наливочныя (*Vorticelae*) могутъ образовывать, кромѣ дѣленія, еще внѣшнія почки».

И такъ, даже при томъ ограниченіи, которое дѣлаетъ Броннъ, получаютъ цифры, свидѣтельствующія о колоссальной силѣ безполага размноженія простѣйшихъ животныхъ. А между тѣмъ даже только что указанныя цифровыя данныя не выражаютъ еще максимальную величину плодовитости, наблюдаемой среди микроскопическихъ животныхъ; такъ, есть микроскопическое животное, о которомъ «вычислено, что оно даетъ въ четыре дня начало 170 биліонамъ. И всегда эта громадная размножаемость сопровождается столь крайнею мелкостью, что пороку въ одной каплѣ воды содержится столько особей инаго вида, сколько людей на всей земной поверхности»¹⁾.

Такимъ образомъ, даже принимая во вниманіе возможныя преувеличенія во всѣхъ вышеуказанныхъ вычисленіяхъ, остается тѣмъ не менѣе несомнѣннымъ, что «могущество безполага размноженія всего значительнѣе у этихъ мельчайшихъ животныхъ». Значеніе даннаго вывода выступаетъ еще рѣзче при переходѣ

¹⁾ Г. Спенсеръ, «Основанія біологіи», т. II, стр. 329.

отъ простѣйшихъ и микроскопическихъ формъ къ болѣ крупнымъ и высокоорганизованнымъ.

Не говоря уже о томъ, что среди послѣднихъ нельзя указать ни на одну группу животныхъ, которая сколько нибудь отличалась бы такою силою бесполого размноженія, какъ микроскопическія животныя, здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается постепенное сокращеніе агамогенезиса, въ концѣ концовъ, совершенно исчезающаго. И такое сокращеніе бесполого размноженія идетъ рука объ руку не только съ развитіемъ строенія, но и съ развитіемъ роста. Послѣднее въ особенности обнаруживается тамъ, гдѣ значеніе данной функціи не маскируется остальными вліяніями.

Такъ, обращаясь къ отдѣлу животныхъ, слѣдующихъ за простѣйшими и извѣстныхъ подъ именемъ кишечнополостныхъ (губки, гидромедузы, гребневики, полипы), мы увидимъ именно тамъ, гдѣ сравненіе не усложняется рѣзкимъ различіемъ въ строеніи и образѣ жизни, что «у болѣ крупныхъ представителей бесполой генезисъ становится все менѣе и менѣе активнымъ». Напримѣръ, одинокія активныя отличаются болѣшими размѣрами въ сравненіи съ одинокими гидровыми и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ меньшую силу бесполого размноженія.

То же соотношеніе наблюдается и у болѣ высокой группы беспозвоночныхъ—у мягкотѣлыхъ. Относящіяся сюда животныя формы значительно превосходятъ предъидущихъ строеніемъ организаціи. Рядомъ съ этимъ, какъ свидѣлствуютъ факты, бесполое размноженіе мягкотѣлыхъ всегда неполное, и притомъ даже въ такомъ несовершенномъ видѣ наблюдается только у мелкихъ представителей этого отдѣла беспозвоночныхъ; у крупныхъ же агамогенезисъ совершенно отсутствуетъ. «Почкованіе мелкихъ мшанокъ (Polyzoa), хотя и не завершается отдѣленіемъ молодыхъ особей, простирается однако до того, что даетъ начало семействамъ отчасти независимыхъ особей; но ближайшіе ихъ сородичи—плеченогія (Brachiopoda), чрезвычайно превосходящіи ихъ по величинѣ, одиноки и не размножаются путемъ почкованія». Наконецъ, у настоящихъ слизняковъ (Mollusca), къ которымъ относятся всѣ крупнѣйшія формы мягкотѣлыхъ, «нѣтъ уже ничего подобнаго дѣленію и почкованію».

Бесполое размноженіе червей (Vermes), въ свою очередь, представляетъ немало поучительныхъ данныхъ относительно занимающаго насъ вопроса. Здѣсь въ особенности обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что наибольшую силу агамогенезиса отличаются тѣ именно черви, которые, подобно ленточнымъ и

другимъ глистамъ, ведутъ паразитическій образъ жизни и у которыхъ, стало быть, трата на индивидуальность доведена до минимальныхъ размѣровъ.

Напротивъ, у наиболѣе высокоорганизованной группы червей, именно у кольчатыхъ (*Annelides*), которыя вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ наибольшую энергію и наибольшее разнообразіе жизненныхъ проявленій, бесполое размноженіе сравнительно выражается менѣе активно, причѣмъ среди высшихъ представителей этой группы, приближающихся къ многоножкамъ, оно равно нулю.

Говоря о силѣ бесполого размноженія червей, нельзя обойти молчаніемъ одного въ высокой степени знаменательнаго явленія. Мы имѣемъ въ виду одну очень интересную группу животныхъ до того микроскопическихъ размѣровъ, что прежніе зоологи относили ихъ къ простѣйшимъ, именно къ инфузоріямъ, хотя, какъ это нынѣ доподлинно извѣстно, онѣ отличаются болѣе сложной, многокѣлочной организаціей и по строенію своему наиболѣе приближаются къ червямъ, куда въ настоящее время обыкновенно и относятъ этихъ животныхъ, составляя изъ нихъ низшій классъ *Vermes*. Таковы именно колдовратки (*Rotiferi*), самыя крупныя представители которыхъ не превосходятъ размѣрами $\frac{1}{3}$ линіи и потому требующіе для ихъ надлежащаго изслѣдованія линейнаго увеличенія въ 200—300 разъ.

Но если колдовратки отличаются такими микроскопическими размѣрами, то, въ виду антагонизма между ростомъ и генезисомъ, слѣдуетъ ожидать, что силою своего бесполого размноженія онѣ въ такой же мѣрѣ превосходятъ всѣхъ остальныхъ червей, въ какой уступаютъ имъ въ ростѣ. И такое предположеніе вполнѣ подтверждается фактами, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее сообщеніе знаменитаго Эренберга о плодовитости колдовратки (именно *Hudatina senta*).

«Спустя два или три часа по вылупленіи изъ яйца (замѣтимъ что здѣсь идетъ рѣчь о яйцѣ, какъ внутреннемъ образованіи зародыша бесполомъ способомъ), молодое животное несетъ первыя яйца, и впродолженіи 24 часовъ я видѣлъ, что изъ двухъ недѣлимыхъ, посредствомъ образованія яицъ, произошли 8 недѣлимыхъ, 4—изъ одного большаго и 2—изъ одного маленькаго яйца. При такомъ ежедневномъ образованіи четырехъ яицъ и ихъ вылупленіи, отъ одной матки впродолженіи 10 послѣдовательныхъ дней возможно образованіе поколѣній въ 1 миліонъ 48,576 недѣлимыхъ, а въ послѣдующій за симъ 11-й день—четыре мліоновъ».

И хотя подобныя вычисленія для большихъ промежутковъ времени не могутъ быть точными, такъ какъ «подобная воспроизводительность недолго удерживается у одного и того же организма», тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ далѣе Эренбергъ, «если рѣчь идетъ относительно объясненія почти мгновеннаго появленія громаднаго количества этихъ организмовъ—вышеприведенныя изслѣдованія представляютъ для здравомыслящаго критика средство къ тому, чтобы всякое воображаемое волшебство и мистику направить на путь обыкновенныхъ, несравненно болѣе понятныхъ, истинныхъ законовъ природы»¹⁾.

Едва ли слѣдуетъ прибавлять, въ какой мѣрѣ указанная здѣсь плодовитость превосходить все, что извѣстно о бесполомъ размноженіи другихъ червей. Правда, нѣкоторые зоологи видятъ въ коловраткахъ «поучительный примѣръ замкнутаго въ самомъ себѣ класса животныхъ»²⁾ и не находятъ поэтому возможнымъ относить его къ отдѣлу червей. Но еслибы и такъ, то подобная замкнутость коловратокъ нисколько не умаляетъ, конечно, значенія вышеуказанной плодовитости ихъ. Фактъ тотъ, что изъ всѣхъ многокѣлочныхъ животныхъ, превосходящихъ развитіемъ простѣйшихъ (Protozoa) и размножающихся агамогенезисомъ, — коловратка болѣе всего приближается размѣрами и развитіемъ къ этимъ простѣйшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ такую силу бесполого генезиса, какая наблюдается только среди микроскопическихъ существъ и не имѣетъ мѣста у болѣе крупныхъ многокѣлочныхъ животныхъ. Антагонизмъ между ростомъ и агамогенезисомъ выступаетъ такъ наглядно, какъ только это можно требовать.

Но какъ было уже замѣчено, то же отношеніе къ бесполому генезису представляетъ и развитіе организациі. Такъ, если отъ червей мы перейдемъ къ болѣе высоко организованнымъ беспозвоночнымъ животнымъ, именно, къ членистоногимъ, каковы: многоногія, ракообразныя, паукообразныя и насѣкомыя, то, за ничтожнымъ исключеніемъ, не найдемъ ни одного примѣра агамогенезиса: всѣ эти животныя размножаются половымъ способомъ.

Что же касается только что упомянутыхъ исключеній, то не говоря уже о крайней ихъ ничтожности, они вмѣстѣ съ

¹⁾ Приведено у О. Шмидта: «Жизнь раковъ, червей и т. д.» («Жизнь животныхъ», Брема, VI, ч. 2, стр. 49—50).

²⁾ Тамъ же, стр. 51.

Бн. III.—Мартъ, 1882.

тѣмъ относятся исключительно къ нѣкоторымъ мелкимъ представителямъ названнаго отдѣла. Напримѣръ, у ракообразныхъ агамогенезисъ встрѣчается только среди такихъ «едва замѣтныхъ раковъ», какъ водяныя блохи или, иначе, дафніи. Безполое размноженіе этихъ крохотныхъ ракообразныхъ состоитъ въ кладкѣ, такъ называемыхъ, лѣтнихъ яицъ, которыя образуются и развиваются въ молодое поколѣніе безъ помощи оплодотворенія, подобно тому, какъ это мы видѣли у коловратокъ и какъ соответствующее же явленіе наблюдается среди нѣкоторыхъ мелкихъ же представителей насѣкомыхъ, каковы, между прочимъ, тля и другія.

Но, повторяемъ, если примѣры безполого размноженія и наблюдаются у членистоногихъ, то только между представителями этого обширнаго отдѣла, и притомъ какъ ничтожное исключеніе, какъ намекъ на отдаленное прошлое въ исторіи членистоногихъ, прародители которыхъ размножались путемъ агамогенезиса, но у которыхъ, затѣмъ, эта форма генезиса, постепенно сворачиваясь, уже совершенно исчезла, оставивъ кое гдѣ одни лишь слабыя слѣды своего первоначальнаго господства.

Наконецъ, если отъ безпозвоночныхъ мы обратимся къ позвоночнымъ животнымъ, которыя, «какъ въ совокупности, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ видовъ неизмѣримо превосходятъ по величинѣ всѣхъ остальныхъ особей», и не только по величинѣ, а также по развитію организаціи, по энергіи и разнообразію жизненныхъ проявленій—то вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что агамогенезисъ неизвѣстенъ здѣсь ни подъ какою формою.

Таковы тѣ различные факты, которые съ несомнѣнною ясностью доказываютъ, что въ животномъ мірѣ, какъ и въ растительномъ, безполое размноженіе обнаруживается съ силою обратно-пропорціональною тратѣ на индивидуальность, и что тамъ, гдѣ послѣдняя достигаетъ наибольшаго развитія, тамъ агамогенезисъ сокращается до нуля. «Если мельчайшіе организмы размножаются безполымъ способомъ миліонами существъ; если непосредственно слѣдующіе затѣмъ небольшіе составные типы размножаются тысячами; если еще болѣе крупныя и еще болѣе составныя размножаются сотнями и десятками, то ясно, что наиболѣе крупныя типы (и наиболѣе составныя, прибавимъ отъ себя) не должны такъ размножаться. Обратное, тѣ, которые все не размножаются по безполому способу, въ миліонъ или биліонъ разъ больше тѣхъ, которые размножаются съ величайшею быстрою, и въ тысячу, сотню, десять разъ больше тѣхъ, которые размножаются все менѣе быстро. Хотя и нельзя

сказать, что это обратное отношеніе постоянно... однако можно смѣло признать его несомнѣнно существующимъ вообще¹⁾, существующимъ на столько, на сколько ростъ и развитіе идутъ рука объ руку и рука объ руку усиливаютъ трату на индивидуальность.

Итакъ, обзоръ фактовъ по вопросу о силѣ безполага размноженія животныхъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ двумъ, главнымъ заключеніямъ: 1) агамогенезисъ животныхъ обнаруживается съ силою тѣмъ меньшею, чѣмъ больше трата на индивидуальность, и наоборотъ; 2) Высшее развитіе организаціи, сопряженное съ наиболѣе энергичнымъ и всестороннимъ проявленіемъ индивидуальнаго существованія, предполагаетъ такую значительную трату на индивидуальность, при которой воспроизводительная дѣятельность безполага генезиса становится невозможною.

Первое изъ этихъ заключеній вполнѣ совпадаетъ съ вышеустановленнымъ значеніемъ самообразовательной дѣятельности протоплазмы относительно генезиса вообще. Оно объясняется именно тѣмъ, что размноженіе выражаетъ собою величину, которою самообразовательная дѣятельность протоплазмы превосходитъ требованія индивидуальнаго существованія.

Что же касается втораго заключенія, то хотя Спенсеръ и полагаетъ, судя по только что приведеннымъ его словамъ, будто оно составляетъ простое слѣдствіе пониженія агамогенезиса съ одновременнымъ возростаніемъ и развитіемъ организаціи, но съ этимъ согласиться едва-ли возможно.

Изъ того факта, что мельчайшіе организмы размножаются агамогенезисомъ миліонами, а болѣе крупныя и болѣе сложныя — тысячами, сотнями и десятками, вовсе еще не ясно, что наиболѣе крупныя типы не должны такъ размножаться». Въ самомъ дѣлѣ, мы сейчасъ увидимъ, что и въ случаѣ полового генезиса наблюдается соотвѣтствующій порядокъ въ пониженіи плодovitости; стало быть, если-бы этотъ силогизмъ Спенсера былъ правильнымъ, то пришлось бы и относительно полового размноженія признать, что «наиболѣе крупныя типы не должны такъ размножаться». Другими словами, пришлось бы допустить нелѣпность, что крупныя представители животнаго царства не должны никакъ размножаться.

¹⁾ Спенсеръ, «основанія біологія, II, стр. 332.

Нѣтъ, очевидно, хотя отсутствіе агамогенезиса среди высшихъ, болѣе крупныхъ типовъ животнаго царства и находится въ связи съ постепеннымъ пониженіемъ этого простѣйшаго способа размноженія, но тѣмъ не менѣе, первое вовсе не составляетъ необходимаго слѣдствія послѣдняго. Для надлежащаго истолкованія даннаго явленія и точной оцѣнки того важнаго значенія, которое оно представляетъ, необходимо ближе ознакомиться съ воспроизводительною дѣятельностію полового размноженія (гамогенезиса), съ цѣлію опредѣлить обнаруживаетъ ли оно тѣ же отношенія къ индивидуальному существованію, что и безполое размноженіе? существуетъ ли и здѣсь тотъ же антагонизмъ между плодовитостію и тратою на индивидуальность?

Обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса прежде всего важно потому, что, иначе, вышеустановленное значеніе самообразовательной дѣятельности относительно явленій генезиса не можетъ претендовать на полноту, не можетъ считаться универсальнымъ.

И такъ, посмотримъ, что говорятъ факты, какой отвѣтъ они даютъ на только что поставленные вопросы.

VI.

Трата на индивидуальность и половое размноженіе животныхъ.

Оставляя въ сторонѣ отдѣлъ простѣйшихъ и кишечнополостныхъ, гдѣ половое размноженіе играетъ не столь активную роль и служитъ только «дополненіемъ агамогенезису», а потому значеніе его значительно суживается, обратимся прямо къ болѣе высоко-организованнѣмъ безпозвоночнымъ и прежде всего къ мягкотѣлымъ.

У мягкотѣлыхъ, въ противоположность предъидущимъ, низшимъ типамъ, половое размноженіе всецѣло преобладаетъ надъ безполымъ, которое, какъ мы видѣли, обнаруживается только у мелкихъ представителей этого отдѣла, да и то въ крайне несовершенной формѣ. Тѣмъ рѣзче выступаетъ здѣсь отношеніе гамогенезиса къ требованіямъ индивидуальнаго существованія.

Прекраснымъ примѣромъ могутъ служить брюхоногія. Правда, всѣ они отличаются сравнительно значительною плодовитостію, но, сравнивая между собою различныя степени этой плодови-

тости, мы увидимъ, что наибольшую силую гамогенезиса отличаются тѣ именно виды, у которыхъ трата на индивидуальность наименьшая. Такъ, обращаясь къ улиткамъ, мы найдемъ, что мелкія водныя улитки, каковы, напримѣръ, нѣкоторыя спинножаберныя, отличаются крайнею плодовитостью: шаровка, одна изъ принадлежащихъ къ этой группѣ улитокъ, весьма маленькое животное, достигающее при вытягиваніи своего тѣла 20-ти линій. Размножаются они такимъ образомъ, что выпускають «шнурки», длиною около 3 дюймовъ, причеъ въ каждомъ шнуркѣ содержится 1,050 яицъ. Если мы примемъ теперь во вниманіе, что каждая шаровка кладетъ нѣсколько такихъ «шнурковъ», что, напримѣръ, въ Кильской бухтѣ Мейеръ и Мёбіусъ находили иеру этихъ улитокъ «въ такихъ количествахъ на морской травѣ, что изъ данной сѣти ихъ шнурки можно было черпать цѣлыми горстями»¹⁾,—если мы примемъ все это во вниманіе, то поймемъ, какою колоссальною силою размноженія отличаются мелкія спинножаберныя улитки. Впрочемъ, сравненіе мелкихъ представителей этой группы съ наиболѣе крупными, повидимому, вовсе не говорить въ пользу установленныхъ выше соотношеній, вовсе не доказываетъ, чтобы ббльшая плодовитость предполагала меньшую трату на индивидуальность.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ свидѣтельствуютъ относящіяся сюда изслѣдованія, сравнительно очень крупныя спинножаберныя улитки, не въ 10 или 20 линій, а въ 2—2¹/₂ дюйма, обнаруживаютъ такую же плодовитость, какъ упомянутая выше крохотная шаровка и ей подобныя. Примѣромъ можетъ служить одинъ изъ такихъ крупныхъ видовъ (*Aeolis papillosa*), достигающій 2 дюймовъ длины (у британскихъ береговъ попадаются исполинскіе экземпляры въ 4¹/₂ дюйма); животное это кладетъ шнуръ, въ которомъ число яицъ достигаетъ до 60,000.

Такой, повидимому, противорѣчивый фактъ въ дѣйствительности только подтверждаетъ высказанное уже выше замѣчаніе, что ростъ не всегда служитъ мѣриломъ траты на индивидуальность; что необходимо принимать во вниманіе и другіе факторы, усиливающіе эту трату въ иномъ направленіи.

Дѣйствительно, если мы станемъ разсматривать предметъ съ этой точки зрѣнія, то противорѣчивость только что указанного случая разъяснится болѣе или менѣе полно.

¹⁾ О. Шмидтъ, «Жизнь раковъ, червей и т. д.». «Жизнь животныхъ», Врема, т. VI, ч. 2, стр. 216.

Дѣло въ томъ, что мелкіе экземпляры спинножаберныхъ, къ которымъ относится и вышеупомянутая шаровка, превосходятъ по развитію своей организаціи тѣхъ крупныхъ представителей этой группы, къ которымъ относится названный выше видъ *Aeolis*; кромѣ того, у первыхъ жабры покрыты «епанчою» и животное снабжено наружною раковиною; напротивъ, послѣднія хотя и имѣютъ въ зародышевомъ или личиночномъ состояніи нѣжную раковину, но теряютъ ее въ ранней молодости и въ развитомъ состояніи совершенно голы, безъ всякаго внутренняго зачатка раковины; ихъ жабры, «въ видѣ вѣтвистыхъ, древообразныхъ, листовидныхъ придатковъ кожи», совершенно голы, вслѣдствіе чего этихъ улитокъ называютъ голожаберными, въ противоположность предъидущихъ, у которыхъ жабры покрыты епанчою, какъ крышкою, и потому извѣстныхъ подъ именемъ крышкожаберныхъ.

Теперь, если мы примемъ во вниманіе, что у крышкожаберныхъ, образованіе епанчи и раковины сопряжено съ такою побочною тратою продуктовъ, вырабатываемыхъ протоплазмой, которая совершенно отсутствуетъ у голожаберныхъ улитокъ; что строеніе первыхъ, ихъ болѣе сложная организація, въ свою очередь, предполагаетъ расходваніе жизненной энергіи, которое у послѣднихъ также цѣликомъ можетъ идти на ростъ, — если мы примемъ все это во вниманіе, то намъ легче уже понять, почему крупныя голожаберныя улитки отличаются такою же плодовитостью, какъ и мелкія крышкожаберныя. Хотя у первыхъ трата на ростъ значительнѣе, нежели у послѣднихъ, но она гораздо слабѣе на остальныя нужды индивидуальнаго существованія, такъ что, и тамъ, и тутъ, въ общемъ расходъ на индивидуальность не замѣчается рѣзкой разницы; не замѣчается она и въ силѣ полового размноженія.

Совершенно однако иные результаты получаются, если взять для сравненія улитокъ, у которыхъ трата на индивидуальность несомнѣнно обнаруживаетъ рѣзкую разницу; если, на примѣръ, сопоставить упомянутыхъ выше, спинножаберныхъ улитокъ съ легочными.

Всѣ относящіяся сюда животныя, говоря вообще, принадлежатъ къ наиболѣе крупнымъ формамъ; здѣсь совершенно уже отсутствуетъ такая мелочь, какая встрѣчается среди спинножаберныхъ. Съ другой стороны, и по развитію организаціи легочныя улитки занимаютъ высшее мѣсто; наконецъ, уже тотъ фактъ, что онѣ дышатъ легкими, а не жабрами, самъ по себѣ предполагаетъ сравнительно болѣшую трату на индиви-

дуальность. Это тѣмъ болѣе несомнѣнно относительно сухопутныхъ видовъ, такъ какъ перемѣщеніе и вообще всякая двигательная функція на сушѣ сопряжена съ большимъ мышечнымъ напряженіемъ, нежели въ водѣ ¹⁾ и, стало быть, обуславливаетъ большую затрату жизненной энергіи, большее расходование протоплазматической дѣятельности. И вотъ рядомъ съ такимъ несомнѣннымъ преобладаніемъ траты на индивидуальность, плодовитость у легочныхъ улитокъ, въ особенности сухопутныхъ, значительно уступаетъ силѣ размноженія, хотя-бы, на примѣръ, извѣстныхъ уже намъ спинножаберныхъ.

Такъ, полевой слизень, достигающій длиною 5 дюймовъ и принадлежащій къ числу наиболѣе плодовитыхъ наземныхъ улитокъ, владетъ «нѣскольکو сотенъ яицъ»; другая крупная сухопутная улитка, виноградная, «кладетъ втеченіи 1—2 дней отъ 60 до 80 яицъ». Если мы теперь припомнимъ, что спинножаберныя варазы кладутъ по «шнурѣ», содержащему отъ 1,050 до 60,000 яицъ, то увидимъ, въ какой степени послѣднія превосходятъ сухопутныхъ улитокъ силою размноженія.

Въ данномъ случаѣ обратное отношеніе между плодовитостью и тратою на индивидуальность обнаруживается съ достаточною ясностью, для того, чтобы его можно было игнорировать. Мало того, это отношеніе можетъ быть усмотрѣно даже между различными видами легочныхъ улитокъ.

Напримѣръ, какъ видно изъ только что приведенныхъ цифръ, полевой слизень, говоря вообще, плодовитѣе виноградной улитки, и это тѣмъ болѣе поучительно, что послѣдняя снабжена хорошо развитой, крупной раковиною, образованіе которой предполагаетъ значительную трату матеріала, вырабатываемаго протоплазмой. Напротивъ, полевой слизень принадлежитъ къ числу голыхъ сухопутныхъ улитокъ, стало быть, у него такая побочная трата, возвышающая и общую трату на индивидуальность, совершенно отсутствуетъ, за то существуетъ, сравнительно, и болѣшая плодовитость.

Еще рѣзче выступаетъ эта соотносительная зависимость при сравненіи легочныхъ сухопутныхъ улитокъ съ легочными водяными, на примѣръ, съ большимъ или обыкновеннымъ прудовикомъ. Послѣднія живутъ въ такой средѣ, въ которой значительно сокращается трата на индивидуальность, не только по причинѣ болѣшей легкости проявленія двигательной функціи, въ упомя-

¹⁾ Ср. W. Roux, «Der Kampf der Theile im Organismus», стр. 41—42.

нумомъ выше смыслѣ, но также и по причинѣ отсутствія рѣзкихъ измѣненій въ температурѣ и влажности, каковымъ подвержены сухопутныя улитки.

Въ виду такого значительнаго различія въ данномъ отношеніи и принимая во вниманіе болѣе или менѣе полное равенство въ остальныхъ условіяхъ, — легко уже а priori придти къ заключенію, что силою размноженія водныя легочныя улитки превосходятъ сухопутныхъ. По крайней мѣрѣ этого требуетъ теорія, и факты дѣйствительно говорятъ въ ея пользу. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ плодовитость сухопутныхъ улитокъ выражается сотнями и даже десятками, плодовитость водныхъ легочныхъ приходится считать тысячами; тогда какъ первыя кладутъ отъ 80 до нѣсколькихъ сотенъ яицъ, прудовыя кладутъ 2,000—2,600 яицъ.

Словомъ, сравненіе различныхъ улитокъ относительно силы ихъ плодовитости вполне подтверждаетъ существованіе противоположности между дѣятельнымъ проявленіемъ генезиса и тратою на индивидуальность. Чѣмъ больше самообразовательная энергія протоплазмы расходуется на индивидуальность, тѣмъ меньше остается для генезиса, тѣмъ слабѣе она выражается въ явленіяхъ размноженія, и наоборотъ.

Даже общій взглядъ, брошенный на только что разсмотрѣнную группу животныхъ, подтверждаетъ данное соотношеніе; въ общемъ, улитки отличаются очень большою плодовитостью, и этотъ фактъ какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ той «медленности и неповоротливости», олицетвореніемъ которой служатъ названныя мягкотѣлыя и которая, конечно, весьма мало свидѣтельствуетъ объ энергіи жизненныхъ проявленій улитокъ и весьма много о сравнительно слабой тратѣ на индивидуальность.

Сравненіе улитокъ съ другою группою мягкотѣлыхъ, напри- мѣръ, съ двустворчатыми, куда, между прочимъ, принадлежатъ всѣмъ извѣстныя съѣдобныя устрицы, даетъ, въ свою очередь, немало поучительныхъ примѣровъ въ пользу разсматриваемыхъ нами соотношеній. Въ сравненіи съ улитками, двустворчатыя мягкотѣлыя занимаютъ во всѣхъ отношеніяхъ низшее мѣсто; онѣ уступаютъ улиткамъ какъ въ строеніи организаціи, такъ и въ энергіи и разнообразіи жизненныхъ проявленій. Словомъ, какъ, сравнительно, ни слаба трата на индивидуальность улитокъ, но индивидуальное существованіе двустворчатыхъ, говоря вообще, предполагаетъ еще меньшую трату самообразовательной дѣятельности протоплазмы. Въ виду этого, согласно теоріи, послѣд-

нія должны отличатьса бѣльшею плодovitостью. Оно такъ и на самомъ дѣлѣ.

Хотя нѣкоторыя, въ особенности спинножаберныя улитки до того, какъ мы видѣли, плодovиты, что одновременно кладутъ отъ 1,050 до 60,000 яицъ, но и онѣ въ силѣ размноженія уступаютъ многимъ двустворчатымъ, изъ числа которыхъ, на примѣръ, настоящая жемчужница шестигодовалая «часто содержитъ 12.000;000 (?) яицъ». Такимъ же образомъ, «число яицъ, ежегодно производимыхъ съѣдобными устрицами, огромно, если даже удовольствоваться однимъ изъ самыхъ низкихъ вычисленій. По Левенгуку, взрослая устрица заключаетъ 10.000,000 молодыхъ; другой же его сотоварищъ, знаменитый неаполитанецъ Поли, доводитъ это число только до 1.200,000, — число все еще достаточное, чтобы наполнить, въ видѣ взрослыхъ улитокъ, 12,000 бочекъ»¹⁾).

Допуская, что указанная здѣсь цифра преувеличена, мы тѣмъ не менѣе не можемъ, конечно, не признать, что онѣ свидѣтельствуютъ о такой колоссальной силѣ размноженія, передъ которою совершенно блѣднѣетъ плодovitость улитокъ, хотя бы даже спинножаберныхъ.

Если-бы мы обратились къ другимъ группамъ мягкотѣлыхъ, на примѣръ, къ головоногимъ, куда принадлежатъ извѣстныя каракатицы и осьминоги, то и здѣсь встрѣтились бы съ тѣмъ же явленіемъ бѣльшей плодovitости рядомъ съ меньшею тратою на индивидуальность. Примѣромъ можетъ служить сравненіе аргонавта, какъ одного изъ представителей осьминогихъ, съ кальмарами — представителями десятиногихъ головоногихъ. Первые, говоря вообще, превосходятъ по развитію вторыхъ; онѣ отличаются большими размѣрами, а самка аргонавта или ботика, кромѣ того, снабжена очень изящною раковиною.

Принимая все это въ соображеніе, мы скорѣе должны допустить бѣльшую трату на индивидуальность среди осьминогихъ, въ томъ числѣ и ботика, снабженнаго раковиною, нежели среди десятиногихъ, не исключая кальмаровъ, съ ихъ мясистымъ, голымъ, цилиндрическимъ тѣломъ. Что же касается степени плодovitости этихъ двухъ представителей головоногихъ, то хотя аргонавтъ и представляетъ собою ту именно, по выраженію Шлейдена, «хорошую мать» («gute Mutter»), которая рождаетъ на свѣтъ Божій до 20,000 дѣтенышей; но кальмары въ этомъ

¹⁾ О. Шмидтъ. «Жизнь животныхъ», Брема, т. VI, ч. 2, стр. 295.

отношеніи оказываются еще болѣе «хорошею матерью», такъ какъ, напримѣръ, обыкновенный кальмаръ (*Loligo vulgaris*) кладетъ 40,000 яицъ, а кальмаръ стрѣльчатый (*Loligo sagittata*) кладетъ 80,000 яицъ ¹⁾.

То же обратное отношеніе силы плодовитости къ тратѣ на индивидуальность замѣчается и среди другихъ безпозвоночныхъ, помимо мягкотѣлыхъ.

Такъ, обращаясь къ червямъ, прежде всего приходится упомянуть объ извѣстныхъ уже намъ микроскопическихъ коловраткахъ, какъ занимающихъ, не только по размѣрамъ, но и по строенію своей организаціи, низшее мѣсто среди червей. Въмѣстѣ съ тѣмъ, превосходя всѣхъ остальныхъ червей силою своего бесполого генезиса, коловратки въ значительной мѣрѣ превосходятъ ихъ и силою полового размноженія; одна коловратка, менѣе нежели втеченіи двухъ недѣль, можетъ дать, путемъ гамогенезиса, начало шестнадцати миліонамъ себѣ подобныхъ существъ.

Правда, нѣкоторые болѣе крупныя черви отличаются, въ свою очередь, громадною половою воспроизводительностью, по видимому не уступающею плодовитости коловратокъ. Но если принять во вниманіе, что сила размноженія зависитъ не только «отъ численности особей въ каждомъ отдѣльномъ приплодѣ», но и «отъ быстроты, съ которою организмъ достигаетъ періода зрѣлости и начинаетъ производить новое потомство, то станетъ очевиднымъ, что хотя кольчатая и производятъ множество яицъ, однако обладаютъ несравненно меньшею размножаемостью, чѣмъ коловратки, потому что производить эти яйца черезъ долгіе промежутки времени ²⁾.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ необходимо принять во вниманіе еще другое обстоятельство; необходимо принять во вниманіе, что наибольшую плодовитостью, помимо коловратокъ, отличаются именно тѣ внутренностныя черви, которые, подобно аскаридѣ, ведутъ паразитическій образъ жизни, — обстоятельство весьма важное.

Дѣло въ томъ, что, при неограниченномъ изобиліи пищевого матеріала, самообразовательная дѣятельность протоплазмы будетъ обнаруживаться съ наибольшою силою, на какую только она

¹⁾ Schleiden, «Das Meer». Zweite umgearbeit. u. bed. vermeh. Auflage. Berlin, 1874 г., стр. 546—570.

²⁾ Спенсеръ, «Основанія биологіи», т. II, стр. 363.

способна, и если вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожная лишь доля выработываемыхъ такимъ образомъ продуктовъ будетъ расходоваться на индивидуальность, то въ результатѣ необходимо должна получиться колоссальная плодовитость.

Это именно и имѣетъ мѣсто среди червей-паразитовъ. При ничтожнѣйшей тратѣ, съ которою сопряжено индивидуальное существованіе этихъ животныхъ, обиліе пищевого матеріала допускаетъ наиболѣе усиленное проявленіе самообразовательной дѣятельности протоплазмы, которая цѣликомъ и расходуется на размножаемость.

Только съ этой точки зрѣнія становится объяснимо та колоссальная плодовитость, которая наблюдается у червей-паразитовъ. Напримѣръ, о зрѣлой самкѣ мединскаго струнца (одной изъ круглыхъ глисть человѣка, рождающихъ, подобно трихинѣ, живыхъ дѣтенышей) К. Фогтъ¹⁾ говоритъ, что она «представляетъ, такъ сказать, мѣшокъ, наполненный миліонами зародышей». Такою же плодовитостью отличается и трихина. Другой примѣръ представляетъ небольшой червь—волосатицъ; еще въ молодомъ состояніи онъ проникаетъ въ тѣло насѣкомаго, «быстро вырастаетъ тамъ и затѣмъ, вышедши оттуда для производства потомства, кладетъ втеченіи менѣе чѣмъ одного дня 8.000,000 яицъ».

Но не одни мелкіе, а также и крупныя паразиты отличаются почти невѣроятною плодовитостью. «Докторъ Эштрихтъ, цитируемый профессоромъ Оуэномъ, вычислилъ, что въ зрѣлой самкѣ аскариды человѣческой заключается до 64.000,000 яичекъ²⁾. Еще болѣе значительна плодовитость внутренносныхъ лентецовъ. Погруженный весь въ питательную жидкость, которую онъ поглощаетъ своею оболочкою, лентецъ не нуждается въ пищеварительномъ аппаратѣ. Поэтому пространство, которое занялъ бы этотъ аппаратъ, и матеріалы, которые пошли бы на него, смѣло могутъ здѣсь идти на органы плодоразвитія, которые, дѣйствительно, почти и выполняютъ собою каждый сегментъ; будучи самъ по себѣ совершенно полонъ въ половомъ отношеніи, каж-

¹⁾ Карлъ Фогтъ, «Происхожденіе человѣческихъ глисть». Переводъ съ нѣмецкаго Э. К. Брандта. С.-Петербургъ, 1879 г., стр. 38.

²⁾ По Лейкарту 60,000,000. Необходимо замѣтить, что число это, какъ-бы ни казалось громаднымъ, вовсе не преувеличено и не произвольно. Карлъ Фогтъ говоритъ: «по весьма точному исчисленію, число жизнеспособныхъ яицъ, откладываемыхъ втеченіи одного года одною самкою аскариды, опредѣлили въ 60,000,000». (Тамъ же, стр. 37).

дый сегментъ есть почти ничто иное, какъ огромная воспроизводительная система, въ которой другихъ строеній имѣется лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы сплотить его. Если мы вспомнимъ, что лентецъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ, постоянно выпочковываетъ такіе сегменты, тѣмъ временемъ какъ вполне развитшіеся лопаются, и такъ дѣлаетъ всю жизнь, то увидимъ, что здѣсь, гдѣ нѣтъ расхода, гдѣ трата на индивидуальность ограничена до высочайшей степени, между тѣмъ какъ питаніе велико, насколько лишь это возможно, степень плодовитости достигаетъ крайняго предѣла»¹⁾.

Но эти поучительные факты знаменательны не только въ томъ отношеніи, что они свидѣтельствуютъ объ интенсивномъ размноженіи, какъ необходимомъ результатѣ усиленнаго проявленія самообразовательной дѣятельности протоплазмы при минимальной тратѣ на индивидуальность,—эти факты обращаютъ на себя вниманіе и съ другой стороны.

Въ самомъ дѣлѣ, чрезмѣрное, преобладающее развитіе органовъ плодообразованія, въ ущербъ остальныхъ аппаратовъ, служитъ прямымъ указаніемъ, что тамъ, гдѣ самообразовательная дѣятельность протоплазмы усиленно поглощается генезисомъ и весьма слабо расходуется на индивидуальность, тамъ послѣдняя суживается, испытываетъ рядъ регрессивныхъ измѣненій. Да иначе не можетъ и быть, разъ энергія размноженія, при равенствѣ остальныхъ условій, идетъ рука объ руку съ низшею степенью развитія. Далекое не то же самое наблюдается среди другихъ червей, хотя бы, на примѣръ, кольчатыхъ, ведущихъ самостоятельный, непаразитическій образъ жизни. Здѣсь уже отсутствуетъ только что указанное отношеніе—неограниченное обиліе пищевого матеріала рядомъ съ ничтожною тратою на индивидуальность; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь отсутствуетъ и та плодовитость, которою отличаются черви-паразиты.

Но хотя крупные черви-паразиты и уступаютъ въ силѣ размноженія наиболѣе мелкимъ червямъ (коловраткамъ) или червямъ-паразитамъ, тѣмъ не менѣе, сами по себѣ, они достаточно плодовиты, чтобы поставить ихъ въ этомъ отношеніи выше многихъ членистоногихъ. Правда, послѣднія, говоря вообще, также отличаются значительною размножаемостью, хотя, само собою разумѣется, и выражающеюся въ различныхъ степеняхъ для различныхъ представителей этого богатаго отдѣла беспозвоночныхъ.

¹⁾ Спенсеръ, «Основанія биологіи», т. II, стр. 363.

Сравненіе этихъ различныхъ степеней плодовитости приводитъ къ заключенію, что и здѣсь во всей своей полнотѣ обнаруживается тотъ же законъ обратнаго отношенія силы генезиса къ тратѣ на индивидуальность. Прекраснымъ примѣромъ могутъ служить паукообразныя, въ особенности при сравненіи плодовитости кольчатобрюхихъ (*Arthrogastra*), куда, между прочимъ, относятся скорпионовыя, съ настоящими пауками или паутиנייםвыми (*Agapeina*), а этихъ послѣднихъ—съ слитнотѣлыми (*Asagina*). Плодовитость настоящихъ пауковъ, если выразить ее въ числѣ приплода, говоря вообще, колеблется между одною и нѣсколькими сотнями, а въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ не достигаетъ даже сотни.

Такъ, по наблюденію Менге, самка горнаго ткача или балдахиннаго паука (*Linurphia montana*), распускающаго свои тенета въ садахъ, на досчатыхъ заборахъ или старыхъ домахъ, «кладетъ въ іюнѣ около сотни яицъ въ плосковыпуклое гнѣздышко, подъ древесною корою, или въ какой нибудь другой безопасный уголокъ, запрядаетъ ихъ рыхлою тканью и сторожитъ ихъ съ свойственною паукамъ материнскою любовью».

Самка другаго ткача, тринадцатиточечника, замѣчательнаго какъ истребителя саранчи, приготовляетъ, по наблюденію Тотти, три кокона: первый съ 400, а послѣдній съ сотнею яицъ, такъ что все число ихъ достигаетъ болѣе 700, «что составляло бы, по замѣчанію Ташенберга, доказательство плодовитости этого паука, чему, впрочемъ нельзя удивляться, если принять въ соображеніе, какой обильный запасъ пищи находитъ этотъ паукъ въ саранчѣ»¹⁾. Не меньшей, впрочемъ, плодовитостью отличается и самка тарантуловъ, которая, по Росси, кладетъ «отъ 600 до 700 бѣлыхъ яицъ, величиною съ просыное зерно».

Необходимо, однако, замѣтить, что далеко немногіе пауки—рѣчь идетъ о настоящихъ паукахъ—обнаруживаютъ такую плодовитость. Для примѣра можно указать на обыкновеннаго лабиринтоваго паука, очень похожаго на оконнаго или домоваго паука, хотя послѣдній и уступаетъ ему какъ плотностью, такъ и вообще размѣрами. Самка этого паука владетъ всего только «отъ 60 до 70 крупныхъ яицъ». Самка другаго паука—атласнаго, обыкновеннаго въ садахъ и нервѣдкаго въ домѣ, кладетъ къ концу іюня отъ 50 до 60 яицъ; самки многихъ другихъ,

¹⁾ Ташенбергъ, «Жизнь назѣмыхъ» и т. д. («Жизнь животныхъ», Брема, т. VI, ч. I, стр. 579).

близкихъ къ только что названнымъ видамъ пауковъ, кладутъ также не болѣе 60—70, 70—80 яичекъ.

Чѣмъ же объяснить такое знаменательное различіе? Какъ согласовать съ установленными выше соотношеніями тотъ фактъ, что нѣкоторые болѣе крупныя науки, какъ тарантулъ, значительно превосходятъ плодовитостью другіе, болѣе мелкіе виды?

Если тринадцатиточечникъ и отличается силою размноженія, то это объясняется тѣмъ, что не превосходя своими размѣрами сейчасъ названныя виды, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ «находитъ обильную пищу въ саранчѣ». Но тарантулъ?

Дѣло въ томъ, что это повидимому противорѣчивое явленіе можетъ быть въ достаточной степени выяснено, если обратить вниманіе на слѣдующее: во первыхъ, на относительныя размѣры яичекъ; хотя самка тарантула и кладетъ нѣсколько сотенъ яичекъ, но эти яички сравнительно очень мелки; тогда какъ, напримѣръ, лабиринтовый паукъ кладетъ небольшое число крупныхъ яицъ. Другими словами, это значить, что въ одномъ случаѣ самообразовательная дѣятельность протоплазмы болѣе расходуется на число приплода, число яичекъ, и менѣе на размѣры ихъ; во второмъ, напротивъ, она болѣе расходуется на размѣры каждаго зародыша въ отдѣльности и менѣе на число ихъ.

Такимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ общая трата на генезисъ можетъ быть одинаковою, она можетъ быть даже болѣе значительною при меньшемъ числѣ приплода, если второе изъ только что указанныхъ отношеній окажется преобладающимъ, и тогда менѣе крупный видъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе плодовитымъ. Онъ будетъ менѣе плодовитымъ просто потому, что хотя и расходуетъ сравнительно болѣе силы на генезисъ, но эта сила, эта большая энергія образовательной дѣятельности протоплазмы выражается здѣсь не числомъ приплода, а величиною рождающихся зародышей.

Кромѣ того, необходимо принять также во вниманіе и другое немаловажное обстоятельство, въ свою очередь маскирующее вліяніе роста. Какъ обыкновенный лабиринтовый паукъ, такъ точно и атласный и другіе, отличающіеся сравнительно слабою размножаемостью, говоря вообще, принадлежатъ къ числу тѣхъ именно видовъ, которые вырабатываютъ очень много паутины. Достаточно, напримѣръ, обратить вниманіе на тотъ паутиный мѣшокъ, который приготовляетъ и въ которомъ живетъ атласный паукъ, сравнить размѣры этого мѣшка съ объемомъ самаго тѣла животнаго, и мы тогда легко поймемъ, какое значительное количество матеріала (не говоря уже о затратѣ энер-

ги на работу) расходуетъ этотъ паукъ на постройку своего жилья.

Такой побочный расходъ (опять-таки, конечно, насчетъ самообразовательной дѣятельности протоплазмы), болѣе нежели достаточенъ, чтобы значительно сократить силу размноженія. И несомнѣнно здѣсь именно слѣдуетъ искать одну изъ причинъ сравнительно незначительной плодовитости многихъ паутиниковыхъ.

Если же мы обратимся теперь къ тарантулу, то увидимъ, что только что указанная здѣсь побочная трата у него совершенно отсутствуетъ; вотъ это именно и обезпечиваетъ за нимъ болѣе интенсивную воспроизводительную дѣятельность, не смотря на его болѣе ростъ. Этотъ болѣе ростъ, во всякомъ случаѣ, далеко не сопряженъ съ такою затратою, какую расходуетъ, хотя-бы напримѣръ, атласный паукъ на постройку своего жилья.

Такимъ образомъ, указанное выше недоразумѣніе разъясняется въ сущности весьма просто; по крайней мѣрѣ, достаточно просто для того, чтобы не видѣть въ немъ противорѣчія закону обратнаго отношенія силы размноженія къ тратѣ на индивидуальность. Сравненіе кольчатобрюхихъ съ настоящими пауками еще болѣе убѣдитъ насъ въ примѣнимости даннаго закона относительно паукообразныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя настоящіе пауки не обнаруживаютъ особенной плодовитости въ сравненіи со многими другими членистоногими, тѣмъ не менѣе, силою размноженія, они много превосходятъ въ особенности наиболѣе крупныхъ представителей кольчатобрюхихъ. Къ числу послѣднихъ относится бихорхъ, одинъ изъ самыхъ звѣрскихъ и сильныхъ паукообразныхъ, достигающій двухъ дюймовъ длины, и знаменитый скорпионъ, наиболѣе крупные виды котораго бываютъ отъ 5 до 6 дюймовъ величиною. Самка бихорха владетъ около 50 яицъ. Скорпионъ, производящій на свѣтъ живыхъ дѣтенышей, отличается еще меньшею плодовитостью: число приплода обыкновенно колеблется между 20—40, рѣдко бываетъ болѣе; причемъ извѣстны примѣры даже меньшей плодовитости, именно отъ 4 до 20 дѣтенышей.

Если мы теперь припомнимъ, что у настоящихъ пауковъ число приплода достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ, то должны будемъ признать, что насколько первые превосходятъ послѣднихъ размѣрами, настолько уступаютъ имъ силою размноженія. Антагонизмъ между ростомъ и генезисомъ, какъ одно изъ частныхъ выраже-

ній закона обратнаго отношенія между силою размноженія и тратою на индивидуальность,—обрисовывается въ данномъ случаѣ весьма отчетливо.

Весьма поучительно также съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія сравнить плодовитость только что разсмотрѣнныхъ отрядовъ паукообразныхъ съ низшимъ отрядомъ—съ слитнотѣльными, куда относятся клещи и акары, — поучительно именно потому, что только очень немногіе изъ слитнотѣльных «достигаютъ такой величины, что неопытный глазъ можетъ отличить ихъ, какъ отдѣльныхъ животныхъ», большинство же этихъ паукообразныхъ животныхъ—микроскопическихъ размѣровъ.

Если мы вмѣстѣ съ тѣмъ примемъ во вниманіе, что многіе изъ слитнотѣльных ведутъ паразитическій образъ жизни, то должны будемъ признать, что здѣсь трата на индивидуальность отличается такими минимальными размѣрами, которые предполагаютъ, согласно теоріи, громадную силу размноженія, тысячи разъ превосходящую плодовитость паукообразныхъ двухъ предшествующихъ отрядовъ.

И это дѣйствительно такъ.

Примѣромъ можетъ служить микроскопическій подкожный паукъ, извѣстный подъ именемъ человѣческаго чесоточнаго зудня, о силѣ размноженія котораго можно судить по слѣдующимъ словамъ Ташенберга: «...если зудни находятся въ особенно благоприятныхъ условіяхъ, если кожа (въ которой они помѣщаются) по самому свойству своему мало раздражительна, если организмъ вообще мало воспримчивъ къ дѣятельности кожи, такъ что работа этихъ животныхъ въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ ничѣмъ не нарушается,— то онѣ размножаются до невѣроятія. Многочисленныя, быстро слѣдующія одно за другимъ поколѣнія, не находятъ болѣе мѣста для закладки своихъ гнѣздовыхъ ходовъ тамъ, гдѣ, въ другомъ случаѣ, они охотно поселяются, и бываютъ принуждены перейти на другія части тѣла, которыя до того времени еще шадилась»¹⁾.

Такою же невѣроятною размножаемостью отличается сырный акаръ (*Asarus domesticus* s. *siro*)—микроскопическое паукообразное, представляющеея невооруженному глазу въ видѣ свѣтлой, очень трудно различимой точки, а вооруженному, при линейномъ увеличеніи въ 30 разъ—«въ формѣ животнаго съ длинными щетинками, съ продолговатымъ, жирнымъ и блестящимъ двураздѣльнымъ тѣломъ, съ клешнеобразными челюст-

¹⁾ Тамъ же, стр. 610.

ными сязками и четырехчленистыми ногами, которыя оканчиваются длинностебельчатою, присосною бородавкою». Миліоны этихъ асаровъ, покрывающихъ въ сравнительно короткій періодъ отвердѣвшій сыръ и втеченіи времени превращающихъ послѣдній въ пыль, могутъ дать надлежащее понятіе о силѣ размноженія этихъ животныхъ, въ сравненіи съ которою плодовитость настоящихъ пауковъ и большатобрюхихъ овазывается уже совершенно ничтожною.

Въ такой же мѣрѣ, какъ среди паукообразныхъ, законъ обратнаго отношенія силы генезиса къ тратѣ на индивидуальность обнаруживается и у насѣкомыхъ. Здѣсь также наибольшая плодовитость наблюдается тамъ, гдѣ индивидуальное существованіе сопряжено съ наименьшею тратою продуктовъ и энергіи самообразовательной дѣятельности протоплазмы.

Для примѣра достаточно указать на извѣстную опустошительницу виноградныхъ плантацій филоксеру (*Phylloxera vastatrix*). Это самое крохотное изъ всѣхъ насѣкомыхъ; о его микроскопическихъ размѣрахъ можно судить потому, что наиболѣе крупныя экземпляры, самки, не превышаютъ размѣрами 0,001 милиметра. Такимъ ничтожнымъ размѣрамъ и обилію пищи, которую находитъ филоксеры въ корняхъ и листьяхъ винограда, вполне соответствуетъ колоссальная размножаемость этого насѣкомаго. Согласно изслѣдованіямъ Корню,¹⁾ каждая самка филоксеры, отъ среднихъ чиселъ апрѣля до среднихъ чиселъ октября, можетъ дать пять поколѣній, числомъ въ общей совокупности около десяти миллиардовъ новыхъ индивидуумовъ.

Допуская даже, что изъ этого числа только сотая доля выражаетъ собою силу полового размноженія (такъ какъ филоксеры размножаются также и агамогенизисомъ), мы получимъ цифру, далеко превосходящую собою плодовитость другихъ, болѣе крупныхъ представителей царства насѣкомыхъ.

Вообще говоря, можно было бы привести массу примѣровъ въ пользу того, что наибольшая сила размноженія наблюдается среди насѣкомыхъ, сравнительно незначительные размѣры которыхъ совпадаютъ съ обиліемъ пищи. Достаточно для примѣра сослаться на хлѣбнаго жука—кузьку, или на картофельнаго жука—колорадо: и тотъ, и другой очень небольшихъ размѣровъ; и тотъ, и другой находятъ обильную пищу—одинъ въ хлѣбныхъ зернахъ, другой—въ картофельной ботвѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ, и другой отличаются значительною силою размножаемости; на-

¹⁾ Maxim Cornu, «Le Phylloxera» («Revue Scientifique», 1878 г., P. 804).

примѣръ, самка-колорадо втеченіи года производитъ, по словамъ Геде, около двухъ миліоновъ потомковъ. Ни одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей жесткокрылыхъ не обнаруживаетъ такой плодовитости.

Съ другой стороны, подобно тому, какъ обиліе корма рядомъ съ незначительными размѣрами усиливаетъ энергію размноженія, такимъ же образомъ, обиліе корма, при сравнительномъ бездѣйствіи, должно, въ свою очередь, благопріятствовать плодовитости, потому что и въ данномъ случаѣ имѣютъ мѣсто тѣ же условія—усиленное проявленіе самообразовательной дѣятельности протоплазмы, рядомъ съ незначительною тратою этой дѣятельности на индивидуальность.

Дѣйствительно, среди тѣхъ же насѣкомыхъ можно отыскать массу весьма поучительныхъ примѣровъ упомянутого отношенія между плодовитостью и «бездѣйствіемъ при очень обильномъ кормѣ».

Достаточно обратить вниманіе на тѣ условія среди пчелъ, при которыхъ совершенная самка или пчела-матка непрерывно владеть яйца; условія эти состоятъ въ томъ, «что пища достается ей въ обиліи, что содержится она въ теплѣ и двигается мало. Бесплодіе же работницъ сопровождается непрерывнымъ трудомъ по принесенію матеріаловъ для сотовъ и по построенію этихъ послѣднихъ, а также работою по прокормленію царицы, личинокъ и самихъ себя».

«У муравьевъ, и особенно нѣкоторыхъ тропическихъ муравьевъ, тѣже отношенія проявляются въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Несходство размѣровъ плодovitыхъ и неплодovitыхъ самокъ здѣсь несравненно значительнѣе. У матки-муравья воспроизводительная система достигаетъ такого громаднаго развитія, что остальная часть тѣла является, сравнительно, совершенно незначущею. Безусловно неспособная къ движенію (къ перемѣщенію), она не можетъ класть яицъ туда, гдѣ онѣ должны будутъ вывестись, такъ что онѣ переносятся уже работницами по мѣрѣ того, какъ выходятъ. Такимъ образомъ, жизнь матки сводится здѣсь въ сущности, на такую же, какую ведетъ чужеядное животное—на поглощеніе обильнаго, дароваго корма, на полнѣйшее отсутствіе траты и на вытекающую отсюда чрезвычайную силу генезиса. Муравей-матка африканскихъ термитовъ (Termites) владеть въ двадцать четыре часа 80,000 яицъ»¹⁾.

¹⁾ Спенсеръ, «Основанія биологіи.» II, стр. 365.

И такъ, мы видимъ, что факты относящіеся къ силѣ полового размноженія безпозвоночныхъ, вполне подтверждаютъ существованіе обратнаго отношенія между интенсивностью генезиса и тратою на индивидуальность, — подтверждаютъ существованіе того самаго отношенія, которое необходимо должно быть, разъ размноженіе дѣйствительно опредѣляется избыткомъ самообразовательной дѣятельности протоплазмы, разъ оно дѣйствительно выражаетъ собою величину, которою эта дѣятельность превышаетъ требованія индивидуальности.

Уже à priori можно было бы заключить, что если среди безпозвоночныхъ мы находимъ фактическое подтвержденіе только что указаннаго закона обратнаго отношенія, то найдемъ такое подтвержденіе и у позвоночныхъ животныхъ.

Самъ по собѣ заслуживаетъ уже вниманія тотъ фактъ, что нигдѣ трата на индивидуальность, опредѣляется ли она большимъ ростомъ, высшимъ развитіемъ, болѣе энергичною и разнообразною жизнедѣятельностью, не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ среди позвоночныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ нельзя встрѣтить примѣра такой ничтожной плодовитости, какъ опять-таки среди тѣхъ же позвоночныхъ. Такимъ же образомъ, если бы мы попытались опредѣлить, какія именно позвоночныя могутъ служить примѣромъ столь ничтожной плодовитости, то намъ пришлось бы искать ихъ среди высшихъ позвоночныхъ млекопитающихъ, гдѣ трата на индивидуальность наибольшая. И наоборотъ, наивысшую степень плодовитости обнаруживаютъ низшія позвоночныя — рыбы.

Эта плодовитость рыбъ до того значительна, что можетъ даже казаться превышающей силу размноженія многихъ безпозвоночныхъ, если, на примѣръ, принять во вниманіе, что обыкновенная треска по Левенгуку мечетъ около 10 миліоновъ яицъ ¹⁾, тогда какъ многія безпозвоночныя, при завѣдомо меньшей тратѣ на индивидуальность, кладутъ, не смѣря на то, меньшее число яицъ.

Но это кажущееся противорѣчіе объясняется въ сущности очень просто: достаточно обратить вниманіе на отношеніе объемовъ между материнскимъ организмомъ и всею совокупностію производимыхъ ею яицъ. Такимъ образомъ, хотя сама термитовъ и

¹⁾ Shleiden Das Meer, изд. II, стр. 245.

кладеть меньшее число яицъ, нежели треска, но въ первомъ случаѣ объемъ яицъ, въ общей совокупности, гораздо больше превосходить объемъ производящаго организма, нежели во второмъ, и стало быть предполагаетъ во столько же разъ ббльшую со стороны этого организма, затрату на генезисъ. Ббльшая же трата на генезисъ идетъ, какъ мы знаемъ, рука объ руку съ меньшей тратой на индивидуальность, что въ данномъ случаѣ и имѣеть мѣсто.

Мы не говоримъ уже о томъ вышеупомянутомъ обстоятельстве, что сила размноженія зависитъ не только отъ числа особей въ приплодѣ, но и отъ быстроты, съ которою организмъ достигаетъ того періода, когда начинаетъ производить новое потомство, и въ этомъ отношеніи все превосходство на сторонѣ самки термитовъ, а не трески.

Наконецъ, сравненіе плодовитости не только между такими отдаленными группами, какъ рыбы и млекопитающія, но и между различными представителями послѣднихъ, приводитъ къ тому же заключенію. «Между тѣмъ какъ большія млекопитающія приносятъ заразъ только по одному дѣтенышу (напримѣръ, самка слона), начинаютъ рождать только достигнувъ довольно зрѣлаго возраста и затѣмъ повторяють этотъ процессъ только черезъ значительные промежутки времени, — мелкіе представители этого класса начинаютъ рождать очень рано, приносятъ заразъ большее количество дѣтей, — мелкіе грызуны, напримѣръ, до 10 и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рождаютъ чаще, поэтому въ результатѣ получается сравнительно громадная плодовитость. Если же мы пожелаемъ провести частное сравненіе между такими млекопитающими, которыя были бы сходны по строенію, употребляли бы сходную пищу, жили бы въ одинаковыхъ условіяхъ и вообще были бы во всемъ сходны, кромѣ размѣровъ, то стоитъ только обратиться къ семейству оленей. И дѣйствительно, тогда какъ большой настоящей олень приноситъ только по одному дѣтенышу, маленькая лань приноситъ ихъ по два заразъ»¹⁾.

Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ, при большемъ ростѣ, образъ жизни сопряженъ съ меньшей тратой на индивидуальность, тамъ указанное только что соотношеніе будетъ отсутствовать. Такъ мы имѣли уже случай указать выше на тѣ

¹⁾ Спенсеръ, «Основанія биологіи», т. II, стр. 339.

основанія, въ виду которыхъ необходимо допустить, что водный образъ жизни (принимая во вниманіе мышечную дѣятельность, колебанія температуры, влажность и т. д.) сопряженъ съ меньшей тратой на индивидуальность, нежели наземный. И въ этомъ именно слѣдуетъ искать одну изъ главныхъ причинъ того, что многія водныя животныя, при сравнительно значительномъ ростѣ, обнаруживаютъ такую плодовитость, какая не замѣчается между мелкими сухопутными животными.

Этимъ, напримѣръ, объясняется по всей вѣроятности тотъ фактъ, что ракообразныя, достигающія въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей до шести футовъ,—несутъ отъ 12 до 100 тысячъ яицъ ¹⁾, тогда какъ у высшихъ паукообразныхъ ничего подобнаго не замѣчается, не смотря на ничтожные ихъ размѣры сравнительно съ первыми. По той же несомнѣнно причинѣ многія крупныя рыбы, не только абсолютно, но и относительно превосходятъ силою размноженія многихъ мелкихъ сухопутныхъ позвоночныхъ.

Таковы многоразличные факты, единогласно свидѣтельствующіе, что половое размноженіе, какъ и бесполое, слѣдуетъ тому же закону обратнаго отношенія силы генезиса къ тратѣ на индивидуальность. Эти факты, взятые въ совокупности, не только подтверждаютъ указанное нами значеніе самообразовательной дѣятельности протоплазмы въ явленіяхъ размноженія, но приводятъ насъ къ заключенію, что съ постепеннымъ развитіемъ органическихъ формъ эта самообразовательная дѣятельность все болѣе расходуется на индивидуальность и все менѣе на размножаемость, все болѣе расширяетъ первую и все болѣе суживаетъ послѣднюю. вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же факты показываютъ намъ, что тамъ, гдѣ трата на индивидуальность достигаетъ наибольшаго развитія, тамъ бесполой генезисъ совершенно отсутствуетъ, тамъ имѣетъ мѣсто только половое размноженіе; а отсюда прямой выводъ, что половое размноженіе предполагаетъ меньшую трату самообразовательной дѣятельности протоплазмы, что проявленіе его возможно при томъ сокращеніи генезиса, которое предполагается существованіемъ высшей индивидуальности. Этимъ именно и объясняется

¹⁾ Schleiden, «Das Meer.», 2 изд., стр. 45

отсутствіе бесполого размноженія среди высшихъ формъ животнаго царства.

Послѣдующій обзоръ явленій размноженія убѣдитъ насъ вполне, къ какимъ важнымъ результатамъ приводять разсмотрѣнныя здѣсь соотношенія, и дастъ возможность по достоинству оцѣнить значеніе самообразовательной дѣятельности протоплазмы относительно генезиса.

Л. К. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И Д Е А Л И С Т Ы .

П О В Ъ С Т Ъ

Я Н А Л Я М А .

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я

Г Л А В А Т Р Е Т Ъ Я .

Панъ Тадеушъ Замецкій уже пять минутъ сидѣлъ въ ресторанѣ своей гостиницы и успѣлъ услышать отъ полового только о четырехъ, помѣщенныхъ на картѣ кушаньяхъ, что «все вышло, но что сейчасъ могутъ быть полендвица¹⁾, бифштекъ, ростбифъ, клопсъ, котлеты». Коротенькую фразу эту съ незапамятныхъ временъ повторяютъ каждому посѣтителю всякаго ресторана въ нѣкоемъ средне-европейскомъ городѣ; постоянные жители знаютъ ее наизусть, но прїѣзжіе, особенно изъ деревни, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ заставляютъ повторять ее при каждомъ помѣщенномъ на списокѣ кушаньѣ, не зная, конечно, что самый списокъ составленъ съ цѣлью убѣдить свѣжихъ людей, что у повара была тетка, мужъ которой зналъ

¹⁾ Полендвица—жареная вырѣзка.

лакея какого-то важнаго дома, гдѣ когда-то ѣли нѣчто подобное. Получивъ заказъ, кельнеръ убѣгаетъ, завѣряя гостя, что «сію севунду» подасть желаемое; гость ждетъ, начинаетъ сердиться, выслушиваетъ, что «все вышло, но есть полендвица, бифштекъ, ростбифъ, клопсъ, котлеты», заказываетъ новое кушанье, опять ждетъ и т. д. безъ конца.

Кромѣ заурядной «полендвицы, бифштека, ростбифа и прочая», я разъ только видѣлъ, какъ двоимъ гостямъ подали четыре ножки того же самаго, только что изжареннаго кашлуна, между тѣмъ, какъ грудинки и крыльевъ и слѣдъ простылъ.

Но панъ Замецкій не успѣлъ еще ни разсердиться, ни сдѣлать обычныхъ въ подобномъ случаѣ замѣчаній, когда вдругъ отворились двери и вошелъ панъ Скрыптовичъ. Онъ вошелъ въ единственномъ числѣ, безъ обычныхъ своихъ атрибутовъ, т. е. безъ постели, ермолки и халата, какъ будто земля дѣйствительно была предназначена не для спанья, а для бодрствованія. И, о диво! Скрыптовичъ усѣлся и принялся за ѣду, не выбросивъ за окно ни одной тарелки и только разъ, да и то чуть слышно, высказавъ желаніе растервать половаго за то, что онъ повторилъ вѣчную исторію съ «полендвицей, ростбифомъ» и т. д., и т. д. Все вмѣстѣ показывало, что Скрыптовичъ въ прекрасномъ расположеніи духа и что съ нимъ можно поговорить о дѣлахъ.

Панъ Скрыптовичъ былъ когда-то адвокатомъ, и за всю свою жизнь велъ только одинъ, почти уже проигранный процессъ.

Въ самомъ началѣ выговорилъ онъ себѣ, на случай успѣха, порядочный кушъ, терпѣливо и упорно велъ дѣло, выигралъ его, приобрѣлъ себѣ, такимъ образомъ, кой-какія средства, послѣ чего сталъ лежебокомъ, замкнулся и разъ навсегда отказался отъ всякихъ дѣлъ. Большую часть времени онъ проводилъ въ постели; вставалъ только изрѣдка, и хотя его домашніе утверждали, что онъ много работаетъ, но никому еще, а слѣдовательно и мнѣ, не удалось добиться, надъ чѣмъ именно работаетъ панъ Скрыптовичъ. Кромѣ репутаціи лежебока, онъ славился также, какъ безусловный почитатель эпикурейскихъ истинъ, какъ матеріалистъ, циникъ, кощунъ и вообще олицетворенный идолъ всѣхъ бѣсовскихъ добродѣтелей; онъ былъ даже хуже пана Замецкаго, если не принимать въ расчетъ презрѣннаго металла.

— Ну, что ты скажешь? спросить, минутку помолчавъ, панъ Тадеушъ.

— Я? Признаюсь, что предпочелъ бы не сказать ни слова.

Совѣтникъ отвѣчаетъ за послѣдствія совѣта, а чаще всего рисуетъ, что совѣта не примутъ.

— Ну, ты, дельфійскій оракулъ, не строй теорій и не ворчи, а отвѣчай на мои вопросы. Вѣдь Елена приходится тебѣ двоюродною сестрою?

— Да.

Что же ты скажешь о моемъ проектѣ?

— Мм... я скажу, что тебѣ сорокъ, ей двадцать восемь; ты богатъ—у нея ни гроша. Я высчиталъ, что Стодольскій et consortes ежедневно сбѣдаютъ по нѣсколько кирпичей дома моей тетки; кирпичей немного, такъ что имъ не хватаетъ и до конца года! Вижу, что ты охотникъ до хорошенькихъ, а Елена...

— Что Елена? Только прошу безъ насмѣшекъ.

— Слушай, Тадеушъ, сказалъ Карлъ, сразу перемѣнивъ тонъ и залпомъ выпивъ цѣлую кружку пива:—совѣтъ мой тутъ не причемъ; мнѣ кажется, ты и такъ рѣшилъ. Что же касается Елены, скажу тебѣ, что я зналъ ее еще ребенкомъ, но и до сихъ поръ какъ слѣдуетъ не знаю. Знаю, что она безсердечна; не знаю, страстна ли она, или только безпутна; не знаю, горячій ли у нея темпераментъ, или просто безпокойное нравственное сластолюбіе; сластолюбіе чисто женское, плодъ сильнаго воображенія, но воображенія не поэтическаго, не творческаго, а разрушительнаго, послѣдствіями котораго бывають сумбуръ въ головѣ, въ сердцѣ, въ семейномъ кружку, дома, въ кухнѣ, въ кладовой и, наконецъ, въ репутаціи. Я, съ моей стороны, нахожу, что въ порядкѣ у нея только туалетъ, балный и визитный, конечно; о домашнемъ я не скажу ни слова.

— Ай да братецъ! Постоить же, я опишу тебѣ Елену съ своей точки зрѣнія. Она раскрыла мнѣ всю жизнь свою, все, исключая одного обстоятельства; откровенность была бы для нея слишкомъ мучительна, а для меня слишкомъ неприятна. Я вовсе и не требую такого признанія, особенно, если принять во вниманіе, что все прочее было правда; правдою было бы оно и для тебя, если-бы только ты хотѣлъ судить ее безпристрастно. Елена несчастна тѣмъ, что воспитана несогласно съ собственнымъ своимъ здравымъ разсудкомъ; отсюда противорѣчіе между тѣмъ, что она чувствуетъ и знаетъ, и окружающимъ ее вздоромъ и ложью. Заурядныя барышни-недоумки не хотятъ и не умѣютъ жить своимъ умомъ и учатся вѣрить каждой нелѣпицѣ, которую выставляютъ какъ нѣчто великое, недосягаемое, святое, достойное всяческаго поклоненія и славы; онѣ вѣрятъ, что всякій, восторженно бряцающій на клавишахъ, исполненъ вдохновенія; вѣрятъ,

что всякій рифмованный виршъ—поэзія; вѣрять даже въ самую музыку и въ поэзію; вѣрять, повторяю я, потому что не сознають ни той, ни другой, по самой неспособности сознавать и чувствовать. Но возьми личность съ такимъ положительнымъ, не женскимъ умомъ, съ такимъ, какъ у Елены, пожалуй и разрушительнымъ, какъ ты говоришь, но все же богатымъ воображеніемъ: развѣ она не придетъ, со временемъ, къ заключенію, что понятіе о правдѣ, порядкѣ и красотѣ чисто условныя? И развѣ выводъ этотъ не будетъ естественъ? Еще хуже пойметъ она добро и зло; эти два понятія у женщинъ, по преимуществу, основаны на религіи, на вѣрѣ. Ты вѣдь знаешь молодого пана, завсегдагя Подвальскихъ? Гдѣ онъ и ему подобныя бывають представителями религіи и вѣры, тамъ основанія нравственности потрясены сильнѣе, чѣмъ если-бы всѣ французскіе энциклопедисты и англійскіе матеріалисты съ утра до вечера проповѣдывали всѣмъ и каждому, что нѣтъ ни Бога, ни добродѣтели, ни преступленія, ни обязанности, ни вообще чего бы то ни было подобнаго. Мужчины создаютъ себѣ въ подобныхъ случаяхъ свою самостоятельную религію; женщина же напротивъ: въ ней таятся тогда недоучка, приличій ради говорящая что она вѣритъ, а въ глубинѣ души, глубоко убѣжденная въ ничтожествѣ всего, во что ей велятъ вѣрять, и потерявшая всякую путеводную нить.

— Все это прекрасно! Но вѣдь есть такіе инстинкты, которыхъ образованіе не въ состояніи заглушить; пусть даже вмѣсто здоровой пищи оно даетъ только фразы и ложь. Инстинктъ матери, напримѣръ?

— Понимаю, что ты хочешь сказать; но я понимаю и гнетъ обстоятельствъ. Знаешь ли ты силу свѣтскихъ приличій, особенно для тѣхъ, у которыхъ свѣтъ—единственный Богъ? Въ виду такой силы умоляютъ инстинкты, какъ умолкаютъ они въ анахоретѣ, ищущемъ спасенія въ умерщвленіи плоти.

— И такъ, антихристъ нашъ, во имя всепрощающей любви, отпускаетъ грѣхи моей кузины и въ наказаніе беретъ ее въ жены, приноситъ ей въ приданое слишкомъ тридцать тысячъ гульденовъ годоваго дохода и возсоздаетъ въ ней затѣмъ вѣру, загубленную слишкомъ снисходительнымъ духовникомъ и слишкомъ топорно смастеренными чудесами. Потомъ научаетъ ее любить истину и въ жизни, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и обѣщаетъ не противиться желаніямъ наряжаться и блистать въ большомъ свѣтѣ.

— Да, обѣщаю! Ты вѣдь знаешь, что единственною причиною маленькихъ размолвокъ нашихъ съ женою въ первомъ

моемъ бракѣ было неумѣніе или нежеланіе съ ея стороны того, въ чемъ Елена такая мастерица. Мы слишкомъ недолго были любовниками; отношенія наши, изъ любовныхъ, слишкомъ скоро перешли въ безусловное довѣріе и дружбу, которой статуя всегда украшаетъ могилу любви. Жена должна нравиться мужу не только добродѣтелями души и сердца...

— Ну и съ Богомъ, Тадя, женись! Я вѣдь предсказываль, что совѣтъ мой гроша не стоитъ. Скажи только, какъ ты добрался до того, чего не говорила тебѣ даже Елена?

— Кто-то счелъ нужнымъ извѣстить меня анонимнымъ письмомъ; вѣроятно которая нибудь изъ кумушекъ пани Подвальскій. Ты представить себѣ не можешь, какъ я ненавижу всѣхъ этихъ бабъ. Если только Елена будетъ моею женою, я вопреки убѣжденіямъ устрою такую блестящую свадьбу, что всѣ эти старыя богомолки лопнуть со злости.

— Пригласи ужъ и меня; я также долженъ быть свидѣтелемъ такого знаменательнаго происшествія.

— Да, если ты предварительно выспишься. А пока скажи мнѣ, прочиталъ ли ты внимательно мое письмо?

— Прочиталъ.

— И узналъ, гдѣ дѣвочка?

— Въ трехъ миляхъ отсюда. Ей семь лѣтъ; она пасетъ крестьянскихъ гусей; я пока не зналъ о ея существованіи.

— Но читая мое письмо, ты даже не удивился!

— Охъ, милый мой! Я никогда ничему не удивляюсь. Правило мое—ничѣмъ не волноваться; а то я теряю сонъ и аппетитъ.

— Не удивляйся, слѣдовательно, и тому, что я попрошу тебя съѣздить завтра со мной за дѣвочкою и взять ее потомъ на свое попеченіе. Мы поѣдемъ до свѣта. Я знаю, что жена твоя ничего не будетъ имѣть противъ моихъ плановъ.

— У меня никто не смѣетъ быть противъ чего-бы то ни было! Что касается поѣздки, я рѣшился еще до твоего приглашенія. Придется только захватить съ собой нѣкую Дроздовскую, ту, которая помѣстила ребенка; сами мы не найдемъ его. Что за прелестная спутница! Дрожь пробираетъ, какъ вспомню.

— Но скажи мнѣ, милѣйшій мой эпикуреецъ, какъ разбудить тебя до свѣта?

— Я самъ разбужу тебя. Я не лягу раньше завтрашняго вечера; вообще вѣдь я ложусь и встаю только два раза въ недѣлю; меньше труда и волненія и вообще вполне согласно съ моими убѣжденіями.

И дѣйствительно, панъ Карлъ остался имъ вѣренъ. На го-

родскихъ колокольняхъ было пять часовъ, когда онъ важно вошелъ въ спальню пана Тадеуша, весьма довольный тѣмъ, что можетъ разбудить деревенскаго жителя. Панъ Карлъ всю ночь думалъ о намѣреніяхъ своего друга и нашелъ въ нихъ немало смѣшныхъ сторонъ; особенно же изощрялъ онъ свой юморъ надъ сегодняшней поѣздкой. Онъ нарочно становился для того на точку зрѣнія «свѣта», и въ ярыхъ краскахъ представлялъ Тадеушу, что сказалъ бы «свѣтъ», если-бы зналъ всѣ подробности его любовныхъ приключеній. Но Замецкій былъ непоколебимъ и хладнокровно отвѣчалъ на всѣ его насмѣшки.

— Шуты себѣ на здоровье, говорилъ онъ одѣваясь, между тѣмъ, какъ лавей варилъ въ сосѣдней комнатѣ кофе,—я знаю, ты не вѣришь самъ тому, что говоришь. Не понимаю, какое можетъ быть удовольствіе вазаться хуже, чѣмъ ты есть на самомъ дѣлѣ?

— Я не хочу испортить своей репутаціи на случай, если мнѣ вздумается опять заняться судебною практикою. Ты не повѣришь, какъ это полезно; объ удовольствіи я не говорю. Въ томъ процессѣ, который я когда-то выигралъ, адвокатомъ противной стороны былъ страшный мерзавецъ, который, однако, до сихъ поръ окружаетъ себя ореоломъ неподкупной чѣстности. Благодаря моей дурной репутаціи, онъ считалъ меня такимъ же какъ и самъ мошенникомъ и попался въ мою ловушку. Онъ вполне повѣрилъ, что за хорошія деньги я готовъ продать моего клиента и самъ выдалъ мнѣ одну забавычку, безъ которой дѣло наше, даже въ случаѣ успѣха, было-бы все равно, что проиграно. О-хо-хо! Если-бы ты видѣлъ его рожу, когда я съ глазу на глазъ высказалъ ему мое дѣйствительное мнѣніе и какъ жестоко онъ во мнѣ обманулся!

— Но вѣдь я не тягаюсь съ тобою; да и ты, надѣюсь, не считаешь меня лицемѣромъ? Зачѣмъ же обманывать меня напускнымъ злоязычіемъ?

— Я вовсе не обманываю тебя; я хочу только, чтобы ты предвкусилъ, что скажетъ свѣтъ, когда узнаетъ о твоёмъ донкихотствѣ.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до свѣта; я позитивистъ и эгоистъ, а потому поступаю, какъ мнѣ пріятно и угодно.

— А мнѣ было бы очень пріятно, если-бы тебѣ было угодно велѣть запрягать. Дроздовская и жена ждутъ насъ; я велѣлъ ей приготовить кой-какія необходимыя принадлежности дѣтскаго туалета, безъ которыхъ конечная цѣль нашего путешествія несомнѣнно пока обходится. «Сила свѣтскихъ приличій», о кото-

рой ты такъ краснорѣчиво распространялся, была въ настоящемъ случаѣ тѣмъ «богомъ», благодаря которому моя маленькая племянница лишена самыхъ необходимыхъ, для появленія въ какомъ бы то ни было «свѣтѣ», вещей.

Замецкій вздохнулъ; во взглядѣ его было что-то такое, что панъ Скрыптовичъ вдругъ замолчалъ и крѣпко стиснулъ руку друга. Затѣмъ оба пріятеля на четвергѣхъ бойкихъ коней подѣхали въ экипажѣ Замецкаго къ квартирѣ Скрыптовича; тамъ ждала ихъ пани Дроздовская, все время старавшаяся убѣдить хозяйку дома, что оставить городъ, гдѣ у нея столько обязанностей, и ѣхать такъ рано и такую даль было съ ея стороны великою жертвою; это была представительница одной изъ немногихъ ученыхъ профессій, оставшихся въ женскихъ рукахъ. Ея полнота, возрастъ, салопъ и шляпа были весьма подозрительной давности, а разговоръ не принадлежалъ къ числу занимательныхъ. При видѣ четверки, кареты и толстыхъ ливрейныхъ лакеевъ, она такъ растаяла, такъ стала присѣдать и кланяться, что ее съ трудомъ усадили въ карету; но и въ каретѣ она жеманилась и, изъ уваженія къ Замецкому, непременно хотѣла сидѣть на переднемъ сидѣньѣ. Но Замецкій не допустилъ подобнаго оскорбленія прекраснаго пола и самъ усѣлся спереди, возлѣ узелка, который второпяхъ вынесла пани Скрыптовичова, выбѣжавъ попрощаться съ мужемъ и пожать руку Замецкому. Рукопожатіе ея было такъ искренно, такъ молчаливо, а глаза такъ полны слезъ, что пану Тадеушу не пришлось и спрашивать своего пріятеля, «знаетъ ли жена?»

Едва успѣли они тронуться въ путь, какъ пани Дроздовская стала глядѣть по сторонамъ, не увидятъ ли ее знакомые; потомъ вздыхать, что не успѣла побывать у обѣдни въ монастырѣ отцовъ-іезуитовъ, къ которой ходитъ рѣшительно всегда. Наконецъ, она начала словообильно восхищаться прелестями и милостивостью дѣтей вообще и героиней сегодняшней поѣздки, въ частности. Оказалось, что пани Дроздовская любитъ ее съ истинно материнскою нѣжностью, и такъ часто и обильно ласкала предметъ своихъ материнскихъ чувствъ, что истратила баснословныя, въ сравненія съ своими средствами, суммы. Но за городомъ, подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, пани Дроздовская вдругъ прекратила свои словоизліянія, совершенно неожиданно и неуспокоительно раза два влонула носомъ, потомъ склонилась на плечо пана Карла, далеко не польщеннаго такимъ близкимъ сосѣдствомъ, и наконецъ, опрокинулась на каретныя подушки и во снѣ уже

продолжала наблюденія свои надъ каретою, помышленія о іезуитахъ и о любезной сердцу ея дѣвочкѣ.

Панъ Карль воспользовался ея дремотою и объяснилъ Зацецкому, что его прелестная визави получила нѣсколько лѣтъ тому назадъ порядочную сумму денегъ, за которую подрядилась заступить ребенка его законную и природную мать, и что теперь, за нѣсколько меньшую сумму, согласилась передать свои права и обязанность преемственно и потомственно ему и его женѣ. Происхожденіе ребенка должно было остаться тайною и въ этомъ отношеніи можно было на нее положиться.

Послѣ двухчасоваго путешествія и такъ уже однообразная мѣстность стала принимать все болѣе и болѣе скучный характеръ. Не смотря на май, время цвѣтовъ и зелени, все носило отпечатокъ полнѣйшаго безлюдія и пустоты, той пустоты, которую заграничная критика ставитъ въ упрекъ нашимъ пейзажистамъ, удивляясь вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ умѣнью сдѣлать чтонибудь изъ полнѣйшаго ничего.

Съ одной стороны дороги тянулась отлогая покатость, поросшая какимъ-то сѣрозеленымъ мхомъ, безъ признака всякой другой растительности; съ другой стороны были луга, также не особенно щедро одѣленные природою, за ними рѣчка, а за рѣчкою опять покатость, испещренная то зелеными, то черными полосами, смотря по времени восхода посѣянныхъ хлѣбовъ. Ни деревца, ни кустика, ничего, на чемъ могъ бы остановиться утомленный однообразіемъ глазъ. Единственными представителями живыхъ созданій были изморенныя безкормицею коровы, тамъ и сямъ щипавшія траву; пасли ихъ дѣти, въ ободранныхъ холщевыхъ балахонахъ. Всѣ они были на одну статью — бѣлобрысыя, съ голубыми или сѣрыми глазами, безмысленнымъ взглядомъ, изморенными или болѣзненно вздутыми членами. Сердце ныло при мысли, что люди могутъ родиться, вырастать, жить и умирать, не вида ничего, кромѣ окружающей ихъ пустыни, обработка которой лучше всего доказывала, какъ много требуетъ и какъ мало даетъ ей человѣкъ. Путешественники наши дѣлали свои грустные заключенія о вліяніи, которое подобная мѣстность должна имѣть на характеръ жителей, и въ безмысленномъ взорѣ дѣтей поневолѣ видѣли отраженіе безмысленной равнины.

Дорога подходила къ деревнѣ; появилась и первая хата, надъ самою рѣчкою, на лугу; обнесенная шаткимъ заборомъ, съ полуразвалившимися надворными постройками, она вся точно прикурнула подъ старою обвѣтренною вербою, высоко протя-

нувшю свои полуголыя вѣтви, точно моли отмстить за всѣхъ своихъ сосѣдокъ, одна за другою павшихъ, вѣроятно, подъ ударами топора. На лугу бѣлѣлось нѣсколько штукъ гусей, а возлѣ нихъ, на травѣ, сидѣла маленькая, одѣтая въ изодранную рубашку дѣвочка. Черноокая, черноволосая, съ маленькими ручками и ножками, она такъ отличалась отъ мѣстнаго типа, какъ веселый пейзажъ изъ далекихъ странъ отъ лежавшей вокругъ пустыни. При видѣ лошадей и кареты, она изумилась совсѣмъ не такъ, какъ другія дѣти, которыя только пучили, при встрѣчѣ, глаза. Панъ Карлъ тронулъ рукою спутника и, не говоря ни слова, показалъ ему дѣвочку.

— Стой! крикнулъ ямщику панъ Тадеушъ.— Это она, непремѣнно она!

Экипажъ остановился, и пани Дроздовская, въ силу извѣстнаго закона инерціи, кинулась носомъ въ лежавшій возлѣ пана Тадеуша узелъ. Проснувшись, она съ изумленіемъ оглянулась вокругъ и, немножко ориентировавшись, стала доказывать, что совсѣмъ не спала, а читала молитвы, которыя всегда читаетъ по утрамъ у отцовъ-іезуитовъ.

На вопросы пана Тадеуша, она отвѣчала молчаніемъ; оказалось, что съ того времени, какъ она отдала ребенка въ деревню, она никогда не бывала тамъ и едва помнила даже имена крестьянъ, воспитателей дѣвочки. Панъ Карлъ, раздосадованный, выскочилъ изъ кареты, подозвалъ дѣвочку и спросилъ ея имя.

— Олена, отвѣчалъ ребенокъ.

— Гдѣ отецъ?

— Татуни нема.

— Ну мать. Гдѣ мать?

— И мамы нема, равнодушно отвѣчала дѣвочка.

— Какъ такъ? Ни отца, ни матери? Кто-жъ была твоя мать?

— Дытько ¹⁾.

— Этому тебя кто выучилъ?

— Нянька говорила.

— Гдѣ же нянька?

Вмѣсто отвѣта, ребенокъ указалъ на хату. Панъ Тадеушъ помогъ Дроздовской выйти изъ кареты и, узнавъ, наконецъ, какъ звали крестьянъ, взялъ дѣвочку за руку и пошелъ съ нею къ хатѣ. За ними слѣдовали панъ Карлъ, съ своею набожною сосѣдкой. На порогѣ хаты сидѣло нѣсколько бѣлокурыхъ дѣтей

¹⁾ Дытько—по-русски чортъ.

и ѣли изъ большой миски какое-то варево. Дѣвочка, подойдя къ дѣтямъ, глядѣла, то на нихъ, то на миску, но подойти, очевидно, не смѣла и робко стояла у стѣны. Путешественники наши невольно остановились посмотрѣть, что будетъ.

— На, ичь¹⁾—сказалъ одинъ изъ дѣтей, подавая черно-глазой товаркѣ большую деревянную ложку.

Дѣвочка не заставила просить себя два раза и начала ѣсть съ такимъ аппетитомъ, что видно было, какъ давно она ничего не ѣла. Но не успѣла она проглотить и ложки, какъ изъ хаты выскочило страшилище, очень похожее на одну изъ Макбетовскихъ вѣдьмъ, только еще страшнѣе и грязнѣе. Баба-яга кинулась на ребенка, вырвала изъ рукъ его ложку и, не щадя ни ложки, ни бранныхъ словъ, стала причитывать что-то не совсѣмъ удобопечатное, внутренній смыслъ котораго былъ таковъ, что дочь «дытька» не имѣетъ права ѣсть съ ея дѣтьми, потому что потеряла вчера одного гуся. На крикъ и шумъ вышелъ хозяинъ и, не замѣчая городскихъ гостей, началъ пробирать жену за безчеловѣчное обращеніе съ «сироткою». Тогда вѣдьма весь гнѣвъ свой обратила на мужа, и вѣроятно произошла бы преинтересная супружеская сценка, если бы хозяинъ не замѣтилъ гостей и не оттолкнулъ своей дражайшей половины съ такою силою, что та, замотавшись, натѣнулась на Дроздовскую.

Высочотимая дама также узнала кормилицу маленькой Лены, и долгомъ своимъ сочла выручить ее съ тѣмъ большимъ усердіемъ, что сама чувствовала себя далеко не правую.

Дроздовская была такъ возмущена, такъ скандализована, что оба, и панъ Тадеушъ, и панъ Карль, должны были пріостановить ее порывы и замѣтить, что во всемъ виновата она сама, и что поправить дѣло можетъ только тѣмъ, что поторопится дать ему желанный и впередъ условленный оборотъ. Прежде всего пришлось заплатить крестьянамъ относительно небольшую сумму за всѣ семь лѣтъ ухаживанія и заботъ о ребенкѣ, такъ какъ сама Дроздовская невольно должна была признаться, что, не смотря на свою неподкупную честность, упустила изъ виду это маленькое обстоятельство.

Если часочекъ нѣжной заботливости и суетливаго хлопотанья можетъ искупить семилѣтнюю недобросовѣстную небрежность, то пани Дроздовская безусловно заслужила полвѣйшаго

¹⁾ Ышь.

оставленія грѣховъ. Трудно описать какъ старательно мыла и чесала она черноглазую диварку, какъ поила и кормила ее принесеннымъ изъ деревни молокомъ и взятыми собой изъ города бульбами, какъ старалась пригнать ей по росту данныя Скрыптовичовой туалетныя принадлежности. Ребенокъ сначала боялся и неохотно поддавался всѣмъ этимъ операціямъ, но молчалъ и не сопротивлялся; потомъ освоился съ ними и въ глазахъ его засвѣтилось полунедовѣрчивое, полурадостное изумленіе. Минута эта должна была на вѣки запечатлѣться въ памяти маленькой Лены и дѣйствительно запечатлѣлась.

До этого времени она не видѣла ничего, кромѣ знакомой намъ мѣстности и людей. Но по временамъ, подъ вечеръ, когда «нянька» бывала въ духѣ, она садилась среди своихъ ребятъ и рассказывала имъ чудеса о красавцахъ панахъ и паннахъ, о красныхъ платьяхъ, лентахъ и башмакахъ, о дворцахъ и каретахъ, о вкусныхъ, незнакомыхъ имъ лакомствахъ и другихъ загадочныхъ яствахъ. Олена не смѣла подходить; она садилась въ уголь и жадно прислушивалась ко всѣмъ этимъ связкамъ—убокому плоду убогаго воображенія, вскормленнаго посреди убогой природы и жизни. Въ нашихъ равнинахъ, истерзанныхъ плугомъ, оголенныхъ топоромъ, рѣдко вспоенныхъ большою рѣкою, трудно найти слѣды народной поэзіи. Музыка и та тянетъ одну печальную ноту, точно подражая завыванью вѣтра, напрасно ищущаго опоры посреди безотрадной глади. Единственнымъ плодомъ творческаго воображенія является полная суевѣрныхъ ужасовъ скука, да темное сказаніе о далекихъ, никѣмъ невиданныхъ и никому незнакомыхъ богатствахъ и прелестяхъ. У Олены былъ живой, пронизательный умъ, не пришибленный даже дурнымъ обхожденіемъ няньки; не разъ снились ей нянькины сказки и когда, бывало, ребяташки выбѣгутъ къ ней на лугъ, она рассказывала имъ и свое, и чужое, только въ другихъ, своеобразныхъ картинахъ; ни одинъ изъ ея маленькихъ слушателей не сумѣлъ, бы повторить что она говорила, и она сама не отдавала себѣ отчета, кто такіе герои ея рассказовъ.

И вдругъ—«карета» и большіе кони! Все вмѣстѣ больше цѣлой хаты «Пыльпа»¹⁾, нянькина мужа! И два пана, съ блестящими какъ солнце пуговицами и галунами на шапкахъ, и другихъ два пана, которымъ Пыльпъ кланяется въ поясъ!

¹⁾ Филища.

И эти пани такъ ласково говорятъ съ ней, гладятъ по головкѣ и цѣлуютъ въ лобикъ, а сами, украдкой одинъ отъ другаго, платками смахиваютъ слезы! А вотъ и «пани», толстая такая! Она голубить и ласкаетъ ее какъ нянька свое младшее «дите»!... Какая бѣлая тонкая рубашка! И башмачки блестятъ, какъ вода; а платье пестрое, какъ цвѣты тамъ, въ полѣ! И соломенная шляпка съ шелковой лентой!

Оленкѣ казалось, что все это сказка и все ей снится; и дѣйствительно, много-ли разницы въ восемь лѣтъ между сномъ и явью? Она не понимала, зачѣмъ это нянькины дѣти столпились всѣ въ уголку и смотрятъ съ такимъ удивленіемъ, и не смѣютъ двинуться съ мѣста; не поняла она также, отчего это нянька, когда одинъ изъ пановъ взялъ ее за руку и повелъ изъ хаты, такъ страшно заголосила, стала обнимать и цѣловать ее, жалуясь, что никогда уже не увидитъ своей «голубоньки». А другой панъ такъ прикрикнулъ на няньку и сказалъ, что нечего притворяться, если она только била, да морила Оленку голодомъ; а потомъ панъ этотъ взялъ изъ кармана горсть мелкой монеты и далъ дѣтямъ няньки на баранки. И вотъ оба пана усадили Оленку въ карету и сѣли сами съ той толстой паней; кони тронулись и такъ шибко, шибко, что казалось земля бѣжала справа и слѣва, такъ что Оленка едва успѣла замѣтить какъ Пылыпъ низко кланялся вслѣдъ, а его дѣти, тараща большія, неразумныя очи, въ изумленіи стояли у хаты.

Немного дальше Оленка уснула, и опять снились ей то сказки, только яснѣе и лучше, то старая нянька; она бьетъ и ругаетъ ее, посылаетъ къ дытьку, чтобы тотъ взялъ свою дочку. И долго, долго, еще много лѣтъ спустя, снился ей этотъ страшный сонъ, и она просыпалась и вскакивала... но теперь всегда бывалъ уже кто нибудь съ ней, который ласкалъ, старался успокоить ее и называлъ «своею». Много, много узнала она людей, и всѣ говорили ей: «дитя мое»... а «дытька» между ними не было.

По крайней мѣрѣ Леночка, какъ перекрестили Оленку, не знала о его существованіи; но ни ксендзъ Стодольскій, ни пани Подвальская, ни пани Тщетецакевичова, ни великій историкъ Кристинъ, ни маленькій литераторъ «Ежедневнаго Обзорѣнія» нисколько не сомнѣвались, что сатана постоянно пребываетъ среди людей, въ кружокъ которыхъ вошла Оленка. Панъ Згожельскій также при каждомъ удобномъ случаѣ присоединялся ко мнѣнію большинства; а въ костелѣ іезуитовъ даже съ амвона гремѣла въ праздничные дни далеко не двусмыслен-

ная проповѣдь, что въ боголюбивомъ градѣ семь на такой-то улицѣ и въ такомъ-то домѣ самъ Вельзевулъ расположился главною квартирою и во всѣ стороны плететь свои тенета. Маленькій литераторъ въ статьяхъ своихъ то и дѣло жаловался что матеріализмъ все глубже и глубже пускаетъ свои корни, лишаетъ свѣтъ всѣхъ его идеальныхъ прелестей, и въ тиши работалъ надъ повѣстью, въ которой позитивисты сдираютъ одежды съ ближнихъ своихъ, лишаютъ ихъ добраго имени и славы, а два, нивѣмъ непонятныхъ существа скитаются въ мірѣ, какъ загнанныя осеннимъ вѣтромъ фіалки, и тоже, сначала, совсѣмъ друга не понимаютъ, потомъ говорятъ другъ другу длинныя, еще меньше понятныя рѣчи, мысли ихъ начинаютъ встрѣчаться, и они умираютъ въ послѣдней главѣ... вѣроятно отъ скуки. Самъ-же великій историкъ, въ великой статьѣ черное на бѣломъ доказалъ, что позитивизмъ порываетъ нить народныхъ традицій, особенно-же религіозныхъ и нравственныхъ его вѣрованій; а потому, «если такъ будетъ продолжаться», то у новорожденныхъ не будетъ ни отцовъ, ни матерей, и воспитываться они будутъ въ специально для этой цѣли устроенныхъ «воспитальныхъ»; что такой порядокъ вещей, наконецъ, надоѣстъ имъ, дѣти вовсе перестанутъ рождаться, земля кормить рожденныхъ, солнце согрѣвать землю, и тогда наступитъ конецъ всему и свѣтопреставленіе.

Но мы не будемъ забѣгать такъ далеко. Около половины перваго по полудни карета пана Замецкаго, стуча и подпрыгивая на хорошихъ ресорахъ, ѣхала уже по мощенымъ улицамъ города, быстро минуя широкіе бульвары. Дроздовскую высадили по дорогѣ у воротъ ея дома, а панъ Тадеушъ, обнявъ одною рукою своего приемыша, нѣжно смотрѣлъ ей въ лицо. Панъ Скрыптовичъ, ворча себѣ что-то подъ-носъ, высказывалъ одно за другимъ различныя позитивныя умозрѣнія, касавшіяся, преимущественно, тощаго состоянія своего желудка или болѣе или менѣе возможныхъ предположеній, что придется прождать съ полчаса прежде, чѣмъ подадутъ супъ.

Вдругъ онъ взялся за шляпу и раскланялся.

— Кому это? спросилъ панъ Тадеушъ.

— Посмотри самъ, тебѣ будетъ гораздо пріятнѣе.

Панъ Тадеушъ привсталъ и увидѣлъ на бульварѣ Елену Подвальскую въ сопровожденіи пани Тщетецакевичъ и ея воспитанницъ. Не онъ одинъ оглянулся на нее; напротивъ того, всѣ оглядывались какъ по приказу. Да и было на что смотрѣть.

Трудно было найти рѣсницы темнѣе и длиннѣе, черты лица

правильнѣе, формы изящнѣе и красивѣе; цвѣтъ лица былъ безусловно свѣжъ. Даже Венера Милосская, будь она брюнетка, черноглазая и чернобровая, не могла бы соперничать съ Еленой. Она шла какъ царица, затемняя всѣхъ своимъ изящнымъ туалетомъ. Позади ея шель лакей съ молитвенникомъ. Пройти мимо и не оглянуться было невозможно.

На поклонъ пана Скрыптовича она обернулась, узнала пана Тадеуша и привѣтствовала его наклоненіемъ головы; улыбка ея была притомъ такъ чарующа, что панъ Тадеушъ, какъ самъ признавался впоследствии, засмотрѣлся и забылъ снять шляпу. Минута—и онъ усѣлся опять въ мечтательномъ настроеніи духа.

— Странно... сказалъ онъ нѣсколько мгновений спустя, — какъ похожъ этотъ ребенокъ.

— Мм... промычалъ Скрыптовичъ, — конечно, теперь онъ похожъ больше, чѣмъ два часа тому назадъ. Вода, мыло и гребень сдѣлали свое. Когда она будетъ чаще и лучше обѣдать, будетъ еще похоже...

— Карлъ! почти со стономъ воскликнулъ панъ Замецкій. Безжалостная параллель, проведенная мѣткимъ замѣчаніемъ Скрыптовича, рѣзнула его по сердцу.

Ни бульвары, ни однообразные каменные дома не говорили много ни уму, ни сердцу; но для тѣхъ, которые побывали въ пустынь, единственнымъ украшеніемъ которой была крестьянская хата да ива, видъ бульваровъ могъ показаться разнообразнымъ, вызывающимъ къ жизни. Нечего и говорить послѣ того о разительномъ контрастѣ между той изящной, обращавшей на себя всеобщее вниманіе дамой, и бѣдной, ободранной, избитой дѣвчонкой, впервые въ жизни узнавшей башмаки, до тѣхъ поръ знакомые ей только по имени, въ сказкахъ.

Такия мысли невольно зародились въ душѣ Тадеуша.

Скрыптовичъ облекъ ихъ только въ словесную форму: онъ былъ голодень, разстроень, а потому, стиснувъ зубы и сжавъ кулаки, разразился цѣлымъ потокомъ злобныхъ коментарій, особенно удававшихся ему въ голодное время. Тутъ были и старья и молодья вѣдьмы, и висѣлицы для ханжей и богомолкъ, и розги, и цѣлый рядъ другихъ, не менѣе пріятныхъ и снисходительныхъ посуловъ.

— Карлъ! повторилъ Замецкій, — пощади меня! Ребенка ми окружимъ любовію и заботой; я люблю его ради нея, и увѣренъ, что и она со временемъ полюбитъ его. Когда она станетъ презирать то, что теперь для нея хлѣбъ насущный; когда убѣдится въ лживости свѣткихъ боговъ и идеоловъ; когда они

до пресыщенія надождать ей, — тогда, подь старость, можетъ быть придуть и угрызения совѣсти, и я отдамъ ей ребенка, котораго она полюбитъ, а ради него и меня. Я вовсе не обманываю себя относительно ея склонностей и чувствъ, но со всѣмъ тѣмъ люблю ее; она будетъ моя такая, какъ есть, а современемъ будетъ и иная. Пока не наступитъ желанный переломъ, пусть она будетъ въ невѣдѣніи того, что мы сдѣлали; ты поможешь мнѣ, неправда-ли?

— Ахъ ты старый циникъ, матеріалистъ ты эдакій! Ты хочешь сорвать цвѣтокъ, но таеъ, чтобы отъ него вѣяло идеально-поэтическимъ духомъ, чтобы ты самъ могъ глубоко вѣрить въ его непорочность, и разсчитываешь приэтомъ главнымъ образомъ на свой золотой мѣшокъ! Мало того: съ истинно сатанинскаго испорченностью подготавливаешь ты почву къ тому, чтобы цвѣтокъ самъ, рано или поздно, приникъ къ тебѣ головкой! Да ну, таеъ и быть! Готовъ участвовать въ твоёмъ вѣроломствѣ! Я и такъ чую, что на томъ свѣтѣ меня также будетъ мучить жажда кипящей смолы, какъ сегодня мучитъ жажда пива. Впрочемъ, ты правъ; цвѣтокъ когда нибудь да прикинется къ тебѣ: подь старость, когда завянетъ; тогда ты и отдай ему бутончикъ; къ тому времени всѣ дѣлаются чувствительны.

При этихъ словахъ панъ Скрыптовичъ нагнулся и, придавъ мрачной фізіономіи своей возможно ласковый видъ, всѣми силами выжималъ изъ себя цвѣты русскаго краснорѣчія, старался успокоить Леночку, которая, проснувшись, со страхомъ глядѣла на незнакомые ей предметы и лица.

— Прочь, Мефистофель! сказалъ панъ Тадеушъ. У тебя дома свои чертенята и своя чертовка, которой ты, къ слову будь сказано, на землѣ даешь предвкушеніе ада; къ тому-же ты говоришь порусски какъ львовскій каноникъ ¹⁾, или какъ редакторъ «Слова» ²⁾ и ребенокъ тебя не понимаетъ. Пусти меня!

И панъ Замецкій, знавшій народный языкъ гораздо лучше пана Скрыптовича, сталъ посвоему успокаивать дѣвочку, что

¹⁾ Поговорка, сложившаяся въ народѣ, по поводу ломанной русскои рѣчи, которою говорятъ воспитывавшіеся во Львовѣ униатскіе попы.

²⁾ «Слово» — выходящій во Львовѣ на галицко-русскомъ нарѣчій журналъ. Галицко-русская интеллигенція русская только по имени; между ею и народомъ очень мало общаго.

и удалось ему гораздо лучше. Ребенокъ сталъ улыбаться и началъ распросы. Панъ Тадеушъ воспользовался преимуществами своего положенія и внушилъ Леночкѣ, что она должна называть его «татой».

Такимъ образомъ путешественники наши прибыли, въ относительно хорошемъ расположеніи духа, въ квартиру пана Скрыптовича, который не замедлилъ представить Леночку женѣ и дѣтямъ, отдавъ на будущее время такого рода дневной приказъ:

— Дайте ей букву и азбуку съ картинками. Выучите ее говорить и читать, научите ее называть вотъ его папой, а насъ дядей и тетей. Внушите ей, что дѣтка не ея мать, а духовникъ бабьи Подвальской. Но прежде всего накормите ее. А теперь, налѣво кругомъ... маршъ!.. Что тамъ за шумъ въ кухнѣ?

— Нѣтъ... это ничего успокоивала его дрожайшая половина. — Какой прелестный ребенокъ! какое сходство! говорила она, присматриваясь и цѣлуя Лену.

— Ну, ну! Богъ съ нимъ, со сходствомъ! Не поминай! А, чтобъ васъ!.. Кто тамъ безчинствуетъ? Отчего не даютъ обѣдать?

— Ничего, ничего... сейчасъ подадутъ. — Пани Скрыптовичова вновь обратилась къ пану Замецкому, благодаря его за доброе дѣло; ей всегда было жаль ребенка, прибавила она.

— Зачѣмъ ты молчала, если знала о его существованіи? задорно спросилъ муженекъ.

— Да... нѣтъ... съ тобой такъ трудно поговорить.

— Трудно, трудно! Конечно трудно, если чуть не умираешь съ голоду и до вечера не дождешься обѣда! Да что-же, наконецъ, скажешь ты мнѣ, что тамъ, въ кухнѣ?

Пани Скрыптовичова еще разъ завѣрила мужа, что «это ничего», а панъ Замецкій прервалъ одну изъ частыхъ супружескихъ сценъ, начавъ разговоръ о нѣкоторыхъ, касающихся маленькой Лены подробностяхъ. Панъ Скрыптовичъ раньше еще сообщилъ ему, что Дроздовская, заполучивъ полторы тысячи гульденовъ, своевременно извѣстила предержавшія власти, что загадочнымъ образомъ очутился въ ея квартирѣ ребенокъ женскаго пола, за которымъ никто по сію пору не являлся, и который, слѣдовательно, кѣмъ-то подкинутъ. Власти произвели дознаніе, ничего рѣшительно не узнали, и тогда пани Дроздовская великодушно взялась за воспитаніе ребенка, на чтѣ комитетъ общественнаго призрѣнія весьма охотно изъявилъ свое согласіе. Всѣ заботы о воспитаніи ~~ограничиваясь~~, ~~впрочемъ,~~

тѣмъ, что ребенка окрестили, назвали Еленой, сдѣлали въ метрической книгѣ помѣтку, что родители его неизвѣстны, а затѣмъ передали на попеченіе Пыльныхи. Карлъ взялся принять необходимыя мѣры, чтобы опека надъ ребенкомъ была формальнымъ образомъ передана въ его руки и чтобы къ имени Елены прицѣпить еще какую-нибудь фамилію, выборъ которой вызвалъ самые оживленные споры. Приходилось остановиться на любой фамиліи, потому что Замецкій сейчасъ хотѣлъ отписать дѣвочкѣ часть своего состоянія. Тѣмъ временемъ, обѣда все не было и хотя пани Скрыптовичъ нѣсколько разъ ходила въ кухню съ цѣлю примирить чье-то враждебное настроеніе, шумъ и гамъ все не унимался. Карлъ, съ своей стороны, сталъ метать перуны, такъ что жена его должна была, наконецъ, сознаться, что кухарка, пани Малгожата ¹⁾, «не въ своей тарелкѣ». Мужъ тѣмъ настойчивѣе продолжалъ допросъ; оказалось, что пани Малгожата черезъ день ходитъ на исповѣдь къ отцу-іезуиту Пекелко; что святой отецъ, распросивъ о домашнихъ привычкахъ ея господъ, съ ужасомъ узналъ, что панъ Скрыптовичъ даже по пятницамъ и суботамъ ѣстъ мясо, а что пани позволяетъ служанкѣ забѣжать въ домъ Божій только разъ въ день, да и то на часокъ, не болѣе. Отецъ Пекелко строго выговорилъ пани Малгожатѣ за участіе, которое она принимала въ подобномъ богооскорбленіи, а потому добродѣтельная жена сія стала, ради спасенія души пана Скрыптовича, покупать полуфунтомъ мяса менѣе, нисколько притомъ не уменьшая подававшихся пани Скрыптовичовой счетовъ; она хорошо помнила, что для спасенія души надо умерщвлять свою плоть. Пани Скрыптовичова долго молча терпѣла ущербъ своему карману; наконецъ, нерѣшительно и робко осмѣлилась выставить ей на видъ несправедливый, по своему мнѣнію, процентъ. Въ отвѣтъ на это вторженіе въ права кухарки послѣдовала трехдневная буря, начала которой панъ Скрыптовичъ не слышалъ, такъ какъ, мучимый угрызениями своей богоотступной совѣсти, непробудно проспалъ это время въ постели. Но сегодня разъяренные стихіи расходились съ особенной силой; пани Малгожата, объявивъ, что не стерпитъ, чтобы на ея глазахъ открыто нарушали церковныя постановленія, выбросила въ окно всѣ горшки и кастрюли, въ которыхъ были мясныя кушанья, и даже не смотря на усиленные просьбы и мольбы пани Скрып-

¹⁾ Маргарита.

товичовой, отказалась исправить послѣдствія своего увлеченія поупкою новаго мяса. Она пригрозила даже, что если купать помимо ея, то она опять повыкидает все какъ раньше. Пани Скрыптовичова сама сбѣгала въ ряды, купила мясо, поставила его на огонь и поручила горничной стеречь кухню; но та, не смотря на свою беззавѣтную храбрость, не могла дать надлежащій отпоръ, а потому пришлось подкупить сатанинскою мѣдью дворника и его жену. Противъ такого наступательно-оборонительнаго союза ревнительница вѣры оказалась безсильною, а потому продолжала бороться оружіемъ своего краснорѣчія. Оставалась еще надежда, что когда зазвонятъ къ вечернѣ, пани Малгожата сама оставитъ поле битвы и пойдетъ въ костелъ молиться за спасеніе душъ грѣшниковъ.

Слушая печальную повѣсть пани Скрыптовичовой, панъ Замецкій такъ и поватывался отъ смѣха и сквозь слезы смотрѣлъ на изумленное, недоумѣвающее лицо пана Карла. Вельзула атаковали въ собственной его твердынѣ и онъ готовъ былъ сдаться. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился, написалъ записку и послалъ съ ней сторожа въ полицію, а самъ, вооружившись длиннѣйшимъ чубукомъ, изъ котораго дымилъ обыкновенно чортовымъ куревомъ, осторожно отворилъ кухонныя двери. Ласковымъ голосомъ сообщилъ онъ пани Малгожатѣ, что пришелъ отецъ Певелко и хочетъ сказать ей слова два. Но Господь Богъ предостерегаетъ вѣрныхъ овецекъ стада своего и даетъ имъ пронизательный взоръ, да не впадутъ онѣ въ сѣти сатанинскія. И дано было Малгожатѣ узрѣть въ дверяхъ конецъ чубука, который панъ Карлъ спряталъ за своею спиною, а потому, одаренная ясновидѣніемъ, она, вмѣсто того, чтобы войти въ комнату пана Карла, послѣшно выбѣжала другими дверями на дворъ, откуда и забралъ ее потомъ кварталный, чтобы дать ей вкусить въ кутузкѣ всѣ сладости мученичества за вѣру. Давно уже замѣченъ грустный, но, къ несчастію, несомнѣнный фактъ, что свѣтская власть, вмѣстѣ того, чтобы быть правою рукою власти духовной, вмѣсто того, чтобы принуждать подданныхъ своихъ, такъ или иначе, исполнять религіозныя обязанности, напротивъ того, запрещаетъ набожнымъ служителямъ алтара, наравнѣ съ заправителями и директорами акціонерныхъ товариществъ, собирать самопроизвольныя дани и десятины. Кое-гдѣ только можно видѣть какъ *brachium saeculae* поддерживаетъ или предписываетъ уставы, въ силу которыхъ людямъ вольно спастись только такъ, а не иначе.

Благодаря такому злоупотребленію религіознаго космополи-

тизма, панъ Скрыптовичъ дождался наконецъ обѣда и, написавъ касавшіяся Леночки прошенія и бумаги, предался вполнѣ заслуженному дѣлу отдохновенія, какъ самъ еще предсказалъ накануне. Панъ Замецкій поговорилъ еще немного съ хозяйкою дома и удостовѣрился, что у Леночки есть все что нужно; послѣ чего пани Скрыптовичова завѣрила его, что она не поддерживаетъ съ Подвальскими никакихъ сношеній, не смотря на то, что онѣ близкая родня ея мужа. Покончивъ такимъ образомъ первую часть предначертанныхъ себѣ въ городѣ дѣлъ, панъ Замецкій приступилъ ко второй.

Онъ совершенно вѣрно выразился когда-то, что «любить», но не «влюбленъ» въ Елену. Между понятіями любить и быть влюбленнымъ большая разница; разница эта скорѣе въ побужденіяхъ, чѣмъ въ конечныхъ результатахъ любви. Влюбленный—слѣпъ. Кто любитъ, также слѣпъ; но онъ закрываетъ глаза умышленно, не желая видѣть чего-либо, что могло-бы оскорбить его чувства. Первый родъ любви рѣдко встрѣчается въ зрѣлыхъ лѣтахъ; второй-же тѣмъ легче овладѣваетъ человѣкомъ, чѣмъ болѣе лѣта, опытность и разумный взглядъ на вещи исключаютъ возможность той любви, которая такъ преслѣдуетъ насъ въ молодые годы,—любви полной сладкихъ самообмановъ и горькаго разочарованія. Но результаты всегда одни и тѣ-же: предметъ, пороки котораго хорошо намъ извѣстны, въ цѣнѣ котораго мы вовсе не ошибаемся, такъ-же дорогъ, такъ-же неопределимо влечетъ насъ къ себѣ, какъ будто-бы мы окружили его цвѣтами поэтическаго воображенія и перенесли въ надзвѣздный міръ, далеко за предѣлы земныхъ несовершенствъ и пороковъ. Я чувствую, что коснулся очень избитой темы и что большинство читателей вовсе не пойметъ меня; не всякій знаетъ толкъ въ древностяхъ; а потому, распрощавшись съ страстною любовью, не всякій вдумывается въ то, какъ и когда онъ любилъ. А потому-то, чтобы лучше объяснить чувства Замецкаго, я возьму въ примѣръ любую прихоть или слабость человѣка.

Возьмите юношу; на зло своимъ порывамъ, онъ прикованъ къ школьной скамьѣ и мечтаетъ о вѣрномъ конѣ, какъ о какомъ-то отвлеченномъ благѣ. Его конь — неутомимый скакунъ, полный огня и быстرونогій какъ вихрь, послушный уздѣ и шпорамъ. А вотъ пожилой любитель; онъ прекрасно знаетъ, что лучший жеребецъ его конюшни—жеребецъ «вышей школы» и тотъ имѣетъ свой «норовъ» и свои изъяны; и этотъ искусившійся въ своемъ капризѣ спортсменъ, не смотря на то, что давно есть болѣе удобные и быстрые способы передвиженія, чѣмъ вер-

ховая ѣзда, порою предпочтетъ отдать свою жену, чѣмъ любимую верховую лошадь.

Мы видѣли, что у панны Елены были свои недостатки и что Замецкій прекрасно зналъ ихъ; но самый большой недостатокъ больше всего-то и подстрекалъ его. Елена никого не любила и была неспособна любить, и вотъ пану Тадеушу казалось, что ненадо лучшаго ручательства въ томъ, что она будетъ вѣрной женой и не опорочитъ его имени, хотя бы ради избѣжанія скандала. Большаго онъ и не желалъ и даже прямо сказалъ ей это. Елена обидѣлась и отвѣчала, что, напротивъ, любить его, но вовсе не старалась вызвать въ себѣ прилива чувствъ, а просто пояснила, что всякая женщина льнетъ къ нравственно и умственно высшему мужчинѣ, а такого она нашла именно въ немъ. Панъ Тадеушъ и вѣрилъ, и не вѣрилъ; вѣрилъ потому, что вѣрить было пріятно; не вѣрилъ потому, что ему казалось, что кромѣ сознанія нравственнаго превосходства, для любви нужно еще кое-что другое, безъ чего любовь положительно невозможна. Послѣ всѣхъ этихъ прелюдій, онъ, въ горячихъ, полныхъ искренняго чувства словахъ, попросилъ у нея руки; а Елена, въ отвѣтъ на предложеніе, безъ всякаго жеманства склонилась головой на его плечо и сказала, что рада и гордится, что выборъ палъ нее. Когда Замецкій завелъ рѣчь о своихъ лѣтахъ, Елена возразила ему, что сама только двѣнадцатью годами моложе его; она вела себя, однимъ словомъ, такъ прямодушно, такъ открыто, съ такимъ отсутствіемъ обычныхъ дамскихъ штучекъ, что панъ Замецкій глубоко радовался въ душѣ. О позволеніи матери не было и рѣчи; часа два до прихода Замецкаго, Елена напрямикъ отвѣтила пани Подвальской, что она совершеннолѣтняя, и безусловно отказалась принять участіе въ дѣлѣ извлеченія тѣхъ двадцати тысячъ, которые ксендзь Стодольскій предназначилъ на постройку часовни для будущаго пріюта имени св. Якова де-Компостелли. Относительно свадьбы они условились, по мѣрѣ возможности, поторопиться; но еще до свадьбы панъ Тадеушъ долгомъ своимъ счелъ сказать своей невѣстѣ, что у него есть воспитанница, которой онъ обезпечилъ большое приданое и которую очень любить. Панна Елена вовсе не скрывала впечатлѣнія, произведеннаго на нее сознаніемъ пана Тадеуша; она предполагала, что мгновенную тѣнь неудовольствія, пробѣжавшую по лицу ея, можно приписать догадкамъ о причинахъ, заставлявшихъ пана Тадеуша такъ любить свою воспитанницу. Согласно этому, она быстро отвѣтила ему, что прошедшее не должно бросать тѣни на ихъ настоящее счастье,

а тѣмъ менѣе быть причиною размолвки; что въ ея прошломъ также есть темныя пятна и она также должна кое въ чемъ покаяться.

Сердце Замецкаго ёкнуло. Онъ надѣялся, что еще мгновение — и тайна, разъясненіе которой онъ откладывалъ на многіе годы, перестанетъ существовать, и между нимъ и Еленой не будетъ и тѣни разладу. Пока она сама хотѣла таиться съ своимъ прошлымъ, пока онъ чувствовалъ, какъ больно ей будетъ узнать, что для него нѣтъ тайны, онъ твердо стоялъ при своемъ: щадить ея самолюбіе и уважать причины, ради которыхъ она молчала. Но если-бы она сама повѣдала ему свою тайну, онъ сѣумѣлъ бы обвинить ея откровенность: мѣра счастья его была бы полна.

Но увь! Елена призналась, что у нея есть долги; долги тяжелые, процентные, вексельные. Преодоливъ въ себѣ горькое чувство минутнаго разочарованія, панъ Тадеушъ, улыбнувшись, спросилъ, какъ велико ея печальное приданое.

— Двадцать тысячъ.

— Бѣда не велика, замѣтилъ панъ Тадеушъ, — съ жидами легко стороваться.

Панна Падвальская, даже не заиснувшись, отвѣчала ему, что векселя не въ жидовскихъ рукахъ; что панъ Альфредъ поручился и за нее, и за мать, и заплатилъ уже бѣльшую часть денегъ; что онъ подъ этимъ неблаговиднымъ предлогомъ заявляетъ на нее права, въ которыхъ ея сердце ему отказываетъ, хотя, правда, когда то — но давно, давно — она была къ нему несовсѣмъ равнодушна. Какъ пріятно было бы ей собственно ручно вручить ему деньги и вмѣстѣ съ уплатой навѣки распрощаться и съ нимъ, и съ его претензіями.

Панъ Тадеушъ со всѣмъ этимъ вполнѣ согласился, удивляясь только, откуда у пана Альфреда взялось столько денегъ? Дѣла его были ему досконально извѣстны; Крухувва межа въ межу граничила съ его землею.

Панна Елена и тутъ не потерялась.

Векселя ея были въ рукахъ какого-то подольскаго шулера, промышлавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и ростовщичествомъ; въ одинъ прекрасный день они и перешли вполнѣ благороднымъ манеромъ въ руки пана Альфреда.

Такимъ образомъ, инвизиторскія наклонности пана Тадеуша были удовлетворены во всѣхъ отношеніяхъ и панна Елена въ тотъ же день получила свои двадцать тысячъ. Кромѣ того Замецкій тутъ же отписалъ ей еще сто; дарственная записка была

сдѣлана въ томъ смыслѣ, что деньги переходили къ Еленѣ, будетъ ли она его женой или нѣтъ.

Елена не лгала, сказавъ пану Тадеушу, что хочетъ распространиться съ паномъ Альфредомъ. Дѣйствительно, вручая ему деньги, она распростилась съ нимъ въ такихъ выраженіяхъ, какихъ никогда, еще, вѣроятно, не доводилось слышать такому молодому, красивому, благовоспитанному юношѣ. Она зло отомстила ему за минутный успѣхъ его угрозы.

На пана Альфреда, впрочемъ, такъ подѣйствовалъ видъ наличныхъ денегъ, что сердце его утратило всякую способность сердиться, а потому онъ съ такою готовностью исполнилъ приказаніе Елены, убраться по-добру по-здорову, что совсѣмъ забылъ выкупить данный пану Бергеру вексель.

А пани Подвальская горько плакала, узнавъ о безповоротномъ рѣшеніи дочери; она обратилась даже за совѣтомъ къ ксендзу Стодольскому, какъ помирить разладъ своихъ материнскихъ и религіозныхъ чувствъ. Ксендзъ Зигмундъ утѣшилъ ее и взялся силою своихъ словъ и заклинаній отогнать отъ Елены бѣса, опутавшаго ея сердце скупостью къ апостольской церкви.

Сначала онъ пригрозилъ Еленѣ не дать отпущенія. Заблудшая овечка отвѣчала, что не дастъ онъ, такъ дастъ другой. Тогда ксендзъ сказалъ, что не станетъ вѣнчать; а бѣсъ, устами Елены, отвѣтилъ ему, что въ городѣ есть лютеранская церковь и въ ней также можно вѣнчаться.

Пришлось прибѣгнуть къ тяжелой артилеріи и зарядить пушки смолой и сѣрнымъ духомъ; но родной своей стихіи бѣсъ испугался меньше чего-либо другаго. Въ концѣ концовъ забористый духовникъ тонео намекнулъ, что хотя Замецкій еретикъ и атеистъ, а все же не мѣшало бы посвятить его въ кое-какія семейныя тайны панны Подвальской.

Тогда бѣсъ смягчился, но не совсѣмъ; онъ обѣщалъ только, что, пожалуй, пани Замецкая вспомнитъ о пріютѣ и о часовнѣ. Этимъ ксендзу и пришлось удовольствоваться.

Онъ вышелъ отъ Елены разгнѣванный, и, пожимая плечами, взялъ отъ пани Подвальской маленькую сумму, необходимую для умилостивленія небесныхъ силъ; для спасенія грѣшницы надо было десять четверговъ сразу отслужить по обѣднѣ.

Прежде чѣмъ Замецкій успѣлъ вернуться отъ невѣсты въ городъ, вѣсть о его предложеніи успѣла уже проникнуть во всѣ закоулки. Черезъ нѣсколько часовъ онъ получилъ еще два анонимныхъ письма, извѣщавшихъ его о томъ, въ существованіи чего онъ самъ убѣдился утромъ. Письма были отъ хоро-

шихъ друзей», но и почеркъ, и стиль, и правописаніе обличали «хорошихъ подругъ». На другой день и панна Елена получила письмо; въ письмѣ говорилось, что въ день свадьбы появится въ костелѣ крестьянка съ ребенкомъ.

Угрозы этой нельзя было, впрочемъ, исполнить по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что не нашли ребенка, а во-вторыхъ, свадьба была въ домовой епископской церкви, въ которую пускаютъ только по билетамъ.

Панъ Скрыптовичъ въ день свадьбы былъ на ногахъ съ семи часовъ утра; его не столько интересовала самая свадьба, сколько сіявшія счастьемъ лица пани Тщетенцакевичовой и еще двухъ дамъ, изъ которыхъ каждая явилась во главѣ полудюжины взрослыхъ дочекъ.

Дочки плавали отъ умиленія, когда епископъ благословилъ молодыхъ; а пока Замецкіе садились въ новенькую, прелестную каретку, запряженную парой четырехъ-вершковыхъ коней, съ двумя лакеями на запяткахъ, пани Тщетенцакевичова отъ радости разорвала лѣвую манжетку, а Жуля ея завылъ раздрающимъ душу голосомъ ¹⁾, потому что пани Вжещинская, одна изъ счастливыхъ матерей, ни на одну изъ шести дочекъ которой не палъ выборъ Замецкаго, въ сердцахъ наступила ему на лапку, какъ будто-бы онъ былъ виноватъ.

Сейчасъ послѣ свадьбы, позавтракавъ, Замецкіе, на англійскій манеръ, поѣхали за границу, хотя панъ Тадеушъ и не былъ большой охотникъ до путешествій. Но пани Елена такъ желала этого, что молодой супругъ ея уступилъ, положивъ предварительно въ банкъ порядочную сумму на имя воспитанницы пана Скрыптовича, сиротки Елены Гродецкой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Велико было удивленіе и возмущеніе всендза Зигмунта Стодольскаго, когда Елена такъ неблагопріятно отнеслась къ дѣлу постройки часовни. Если-бы планъ моего романа не требовалъ, чтобы въ концѣ третьей главы была одна, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ У католиковъ собака считается животнымъ чистымъ, а потому въ костелѣ допускается.

свадьба, я привелъ бы извѣстный уже разговоръ во всѣхъ подробностяхъ, тѣмъ болѣе интересныхъ, что ксендзъ Зигмунтъ, вѣроятно въ первый разъ въ жизни, встрѣтилъ такой рѣшительный и непреодолимый отпоръ въ душѣ одной изъ собственноручно вскормленныхъ и вскормленныхъ имъ овецекъ. Досточтимый пастырь церкви Христовой ничуть не ошибся, приписавъ боготступныя мысли овечки вліянію пана Замецкаго; но надо сознаться, что панъ Замецкій нашель въ Еленѣ достаточно уже подготовленную къ ереси почву. Все, что онъ говорилъ Скрыптовичу о ея религіозныхъ, эстетическихъ и патриотическихъ взглядахъ, было правдой. Елена выросла въ средѣ, гдѣ все основывалось на однихъ только условныхъ приличіяхъ, а потому, быстро постигнувъ все ничтожество и безобразіе этихъ приличій, она, при полной невозможности почерпнуть откуда нибудь зерна чистой истины, придумала собственную, самодѣльную теорію, въ силу которой понятіе о добрѣ и правдѣ были, наравнѣ съ салонными добродѣтелями, пустыми, безцѣльными фразами. Панъ Замецкій невольно поддерживалъ эти взгляды. Онъ то и дѣло нападалъ на ложь и на блестики, но забывалъ, а можетъ быть и не умѣлъ показать Еленѣ, что за этимъ отрицаніемъ скрывается у него и душа, и вѣра, и чувства, и влеченія, номенлатура которыхъ была для нея совершенно тождественна съ номенлатурой тѣхъ ложныхъ боговъ, истребленіемъ которыхъ онъ занимался. Онъ сумѣлъ научить ее одному: еще глубже чувствовать весь гнетъ лжи и обмана.

Но она и сама знала это чувство; долго томилась она подъ его гномъ и съ наслажденіемъ думала, что скоро всему конецъ. Потому Елена такъ и спѣшила отдѣлаться отъ Альфреда; потому она такъ смѣло сказала Стодольскому, что всѣ его вдохновенныя проповѣди полны лицемѣрія, а увѣщанія — только средство злоупотреблять легковѣріемъ глупыхъ. Но не даромъ досталось ей торжество освобожденія; чтобы отдѣлаться отъ Альфреда ей пришлось обмануть Замецкаго. Отъ ксендза ей не удалось отдѣлаться вовсе; угроза его подѣйствовала. Она чувствовала, что только полная откровенность съ мужемъ можетъ избавить ее отъ печальной необходимости постоянныхъ уступокъ и сдѣлокъ; она знала, что выиграетъ тогда въ собственныхъ глазахъ. Но, къ несчастію, Замецкій, какъ человѣкъ долга и чести, угнеталъ ее своимъ нравственнымъ превосходствомъ, и въ разговорѣ съ Альфредомъ она выразилась весьма удачно, говоря, что не хочетъ увеличивать гнета новымъ страшнымъ самоуничженіемъ. Она не знала чувства долга, равно какъ не по-

нимала нравственной стороны своего проступка; виновность и обязанность были для нея тарабарскою грамотою, не находившей отълика въ ея сердцѣ.

Замецкій хорошо понималъ душевное состояніе Елены и думалъ обратить ее современемъ на путь истинный. О томъ же думала и мать ея. Она постилась и молилась, налагала на себя эпитиміи и девятидневныя стоянія, проводила въ слезахъ бессонныя ночи, а есендзъ Зигмунтъ усердно подливалъ масла въ огонь, навязывалъ ей на совѣсть всѣ грѣхи дочери, и прямымъ послѣдствіемъ брака съ отъявленнымъ грѣховодникомъ и атеистомъ предрекала скрежетъ зубовой и геенну огненную.

Пани Подвальской, дѣйствительно, было о чемъ скорбѣть: отъявленный грѣховодникъ и атеистъ очистилъ отъ долговъ имѣніе Подвальскихъ и отдалъ его въ пожизненное владѣніе своей тещѣ.

Съ другой стороны, тотъ же отъявленный грѣховодникъ и атеистъ писалъ изъ-за границы Скрыптовичу письма, которыя развѣ только стилемъ отличались отъ отчетовъ миссіонеровъ центральной Африки.

— «Я никогда не думалъ, чтобы ремесло катехизатора было такъ трудно. Недавно осматривали мы древній, полный гробницъ и воспоминаній соборъ. Старый нищій провелъ насъ къ большой мраморной плитѣ предъ главнымъ алтаремъ и рассказывалъ, что въ былыя времена вѣнчаные короли становились на этомъ возвышеніи и древнимъ, хранившимся въ ризницѣ мечемъ дѣлали знакъ креста на всѣ четыре стороны свѣта. Кромѣ насъ, никого въ соборѣ не было; темныя тѣни уже ложились на вѣковыя стѣны костела, глядѣвшія на насъ въ нѣмомъ молчаніи. Я невольно сталъ на колѣни и задумался, склонивъ голову на царское подножье. Елена замѣтила мнѣ тогда, что пора домой; на лицѣ ея выражалось только недоумѣніе. Мнѣ сдѣлалось грустно; дѣйствительно, въ сорокъ лѣтъ я на многое смотрю уже со злой проіей и не разъ въ жизни глумился, а все же, взглянувъ на плиту, необъяснимое волненіе охватило меня. Казалось бы, что душа, молодая, полная жизни и силъ, должна проникнуться тѣмъ же чувствомъ. Что же дѣлать! Никто не научилъ ее чувствовать по собственной инициативѣ; а великаго Криспина съ нами не было: легкимъ склоненіемъ головы онъ подалъ бы знакъ, что дѣйствительно надо восторгаться.

Вернувшись, мы разговорились, и тутъ-то я узналъ причину недоумѣнія Елены. Въ позитивистахъ она видитъ людей

не совѣмъ уже бездушныхъ и безчестныхъ, какими представляютъ ихъ Стодольскіе и К^о, но, во всякомъ случаѣ, людей безъ вѣры, не признающихъ никакихъ авторитетовъ. Я старался убѣдить ее въ противномъ и случайно поймалъ ее на томъ, что сама она не вѣритъ въ Бога; послѣдствіемъ былъ длиннѣйшій богословскій споръ, который и теперь еще отъ времени до времени возобновляется. Зданіе, составлявшее опору ея религіи, было такъ сложно и шатко, что вслѣдъ за однимъ, случайно выпавшимъ кирпичемъ, рухнуло все. Не знаю, убѣдилъ ли я ее; по крайней мѣрѣ, она обѣщала внимательно почитать Шатобриана. Ему удастся, можетъ быть то, что мнѣ не удалось. Больше всего задумалась она надъ тѣмъ, что всѣ геніи науки и мысли вѣрили въ существованіе Божества; атеистовъ въ полномъ смысла слова между ними не было».

Писаль онъ также изъ Парижа:

— «Здѣшняя оперная труппа такъ хороша, что хотя я не любитель и не знатокъ музыки, а все же охотно по нѣскольку вечеровъ сряду просиживаю въ ложѣ. Странно: Елена такъ превосходно и бѣгло играетъ на фортепiano, пользуется въ нашихъ краяхъ репутаціей хорошей дилетантки, а тутъ только смотреть, но вовсе не слушаетъ. Въ обществѣ повторяетъ только, что слышала или читала, а собственныхъ сужденій не имѣетъ. Я увѣренъ, что если-бы онѣ были, такъ за словами дѣло бы не стало, такъ какъ говорить она умѣетъ и любить. Охъ, ужъ эта наша салонная музыкальность! Барышни сами играютъ и восторгаются хорошою игрой, а между тѣмъ впечатлѣнія ихъ ограничиваются неопредѣленнымъ нерennemъ раздраженіемъ, главную роль въ которомъ играетъ личность самого исполнителя. Потому-то гдѣ успѣхъ зависитъ отъ женской публики, исполнительницы всегда теряютъ въ сравненіи съ исполнителями, даже и тогда, когда послѣдніе вовсе не Адонисы. Женщины терпятъ у мужчинъ порядочную долю безобразія; находятъ это даже «интереснымъ». Мужчины въ этомъ отношеніи требовательнѣе; потому-то апогей славы артистки никогда не переживаетъ первыхъ морщинокъ на ея лицѣ. Я подѣлился моими мыслями съ Еленой; она слабо противорѣчила и, наконецъ, сдалась. Спасибо и за то; съ каждымъ днемъ она дѣлается все откровеннѣе, и надѣюсь, что наступитъ время, когда въ отношеніяхъ нашихъ не останется и тѣни притворства и обмана. Тогда я буду вполне счастливъ».

Попутешествовавъ вдоволь, Замецкіе вернулись прямо въ Рымишовъ, родовое имѣніе пана Тадеуша. Никто не устрои-

валъ официальной встрѣчи, а крестьяне сами вышли на встрѣчу, со своимъ войтомъ во главѣ, до самаго пограничнаго камня; они пришли съ хлѣбомъ-солью, привѣтствовать новую барыню. Колокола маленькой церкви звонили, а когда карета въѣзжала на дворъ Рымишовскаго замка, прислуга съ непритворною радостью сбѣжалась, чтобы поцѣловать руки господъ. Замокъ былъ древній, только перестроенный и реставрированный согласно времени. Съ одной стороны видѣлись еще остатки крѣпостной стѣны, ровъ, башня надъ воротами и подъемный мостъ; все это занимало не мало мѣста, но тщательно поддерживалось какъ память о давнопрошедшемъ. Съ другой стороны замка тянулся садъ во вкусѣ Людовика XIV, а за нимъ англійскій паркъ. Комнаты были большія, высокія, сводчатыя какъ часовни; мебель въ нихъ старинная, со множествомъ мелкихъ, но цѣнныхъ украшеній; тамъ и самъ висѣли картины. Елена гордилась всѣмъ этимъ, гордилась и мужемъ, гордилась и гербами, нарисованными на стеклахъ окна надъ воротами. Ей казалось, что она даже любитъ мужа; еще недавно, въ подражаніе обществу мнѣнію, повторяла она, что Замецкій матеріалистъ, что онъ расчетливъ до того, что готовъ запахать гробъ отца, лишь-бы собрать побольше пшеницы. Напротивъ того, Замецкій доказалъ, что вовсе не любитъ тягаться. Хотя крѣпостной зависимости давно уже не было, Елена видѣла, съ какой любовью шли въ нему крестьяне; значить, въ спорахъ онъ не разъ поступался въ ихъ пользу. Правда, поступиться легче тому у кого много, но все-же любовь простаго народа и цвѣтущее вмѣстѣ съ тѣмъ состояніе имѣнія доказывали, что онъ настолько же добрый, насколько и умный чловѣкъ.

Когда крестьяне и экононы, лѣсничіе, повара, лакеи, дворцы, сторожа, ключницы, конюхи, огородники, съ одинаковою готовностью и спѣхомъ выбѣжали на встрѣчу своему пану, тогда только Елена въ первый разъ въ жизни поняла, что значить добрый чловѣкъ; ей даже казалось, — какъ я сказалъ, — что она любитъ мужа. Но именно только казалось и не больше. Нельзя любить, не понимая; она не понимала, какъ это возможно чтить и уважать святое и возвышенное и въ то же время не ненавидѣть обманъ и притворство; не понимала, что, любя музыку, книги, картины, можно безъ посторонней помощи отличить хорошую музыку, книги и картины отъ дурныхъ; не понимала, какъ это, творя добро, можно не окружить себя ореоломъ гражданскихъ добродѣтелей, а, напротивъ того, пользоваться двусмысленной репутаціей матеріалиста и позитивиста.

Какъ-бы то ни было, но въ тиши стараго замка, вдали отъ прежнихъ горькихъ мыслей и воспоминаній, посреди новыхъ людей, окруженная другою жизнью, Еленѣ казалось, что она не только любитъ мужа, но даже будетъ ему хорошею, достойною счастья и уваженія женою. Упоенная этимъ самообманомъ, она такъ ласково, предупредительно и мило встрѣтила и равныхъ, и меньшую братію, что на всѣхъ произвела очень и очень хорошее впечатлѣніе.

Пришелъ всендзь, маленький, сухощавый старичекъ, но балагуръ и весельчакъ, какихъ мало. Послали въ мѣстечко за докторомъ, не лечить, а сыграть партію въ вистъ; докторъ былъ постояннымъ партнеромъ Замецкаго. Пациенты, не заставъ его дома, сейчасъ посылали въ Рымишовъ, а докторъ Химерскій сердился; «кому суждено умереть или выздороветь, — говаривалъ онъ, — тотъ умретъ и выздоровѣетъ безъ моей помощи; не играть же въ вистъ съ двумя болванами.»

Пани Елена обѣщала непременно устранить это неудобство и выучиться всѣмъ хитростямъ игры съ большимъ и малымъ шлемомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, занять мѣсто доктора. Кромѣ того, она сказала ему, что не вѣрить ни въ гомеопатію, ни въ гидропатію, и что магнетизеры, по ея мнѣнію, шарлатаны и обманщики; и въ конецъ очаровала доктора, велѣвъ послѣ обѣда подать трубки и признавшись, что сама курить иной разъ украдкой. Поэтому между ней и почтеннымъ эскулапомъ сейчасъ-же завязался оборонительно наступательный союзъ, потому что докторъ также не могъ терпѣть шарлатановъ, ни полчаса обойтись безъ курева. Такая же тѣсная дружба возникла у нихъ и съ всендзомъ, великимъ врагомъ всякихъ религіозныхъ новаторовъ. Дѣйствительно, не смотря на всю свою незлобивость и добродушіе, всендзь Хижицкій ненавидѣлъ іезуитовъ и *tutti quanti* не меньше, чѣмъ докторъ Химерскій шарлатановъ. Пани Елена злостно подсказала всендзу, что отцы іезуиты пользуются большимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ старыхъ и молодыхъ грѣшницъ, начиная отъ монахинь и кончая судомойками. Всендзь многозначительно кивалъ головой и чуть было не попотчивалъ Елену табаккомъ, но во время ономился. Однимъ словомъ, четверть часа спустя, оба, и панъ Химерскій, и всендзь Хижицкій, единогласно утверждали, что на двадцать миль кругомъ нѣтъ дамы милѣй и умнѣй пани Замецкой.

Со стороны сада къ замку была пристроена веранда; единство стила, правда, отъ того теряло, но за то, во время лѣт-

нихъ жаровъ тѣнь и холодокъ были очень встати. Тутъ происходили засѣданія «Рымишовскаго клуба», состоявшаго изъ пана Тадеуша и двухъ знакомыхъ намъ членовъ. Порядокъ засѣданія былъ слѣдующій: прежде всего на столѣ «ложи» появлялись клубныя эмблемы—три огромныхъ нѣмецкихъ съ крышками кружки, какія еще порой встрѣчаются въ старомодныхъ пивныхъ. Въ дополненіе къ нимъ являлся каменный жбанъ, полный свѣже-нацѣженнаго пива. Члены клуба садились или, скорѣе, почти ложились въ удобныя, необытныя кресла, стоявшія всегда въ одномъ порядкѣ и на тѣхъ же мѣстахъ. Начинался разговоръ; обсуждались разныя, преимущественно газетныя, или мѣстныя, привезенныя Химерскимъ новости, или же всендзъ Хижицкій забавлялъ всѣхъ шутками и анекдотами. Иногда разбирались вопросы чисто научныя, литературныя, или социальныя, когда-же очередные вопросы были исчерпаны, то клубныя правила предписывали сыграть еще четыре робера, выпить по три кружки пива и по чашкѣ чернаго кофе, и ни одинъ изъ членовъ не смѣлъ отказываться отъ этихъ обязанностей. Таковой порядокъ былъ заведенъ шесть лѣтъ тому назадъ и засѣданія клуба считались своего рода наградою за дневныя труды и хлопоты.

Посторонніе посѣтители были отъ времени до времени весьма желательны; но все же прибытіе ихъ нарушало заведенный порядокъ, давало спорамъ непарламентарный характеръ, при-нуждало не разъ говорить о вещахъ давно извѣстныхъ и отложенныхъ въ сторону, а также выслушивать мнѣнія и противорѣчія, далеко несогласныя съ убѣжденіями клуба, отчасти извѣстными намъ изъ того, что Замецкій говорилъ у Подвальскихъ. Послѣ каждой подобной бури клубъ чувствовалъ большое облегченіе, когда посторонніе ему элементы удалялись. Тѣмъ не менѣе, всѣ клубисты давно понимали, что увеличеніе личнаго состава клуба вещь необходимая, хотя-бы ради того, чтобы бы было кому слушать давно устарѣвшія и избитыя присказки и анекдоты. Докторъ Химерскій очень ясно представилъ пани Еленѣ недавнее грустное положеніе клуба; предвидѣлъ, что наступитъ время, когда придется повторяться и слушать самаго себя, а потому, поднявши кружку, предложилъ выразить предсѣдателю безусловную признательность и довѣріе, за то, что онъ такъ удачно разрѣшилъ вопросъ о личномъ приращеніи клуба.

— Сомнительно только, — отвѣчала пани Елена, — могу-ли я играть въ такомъ серьезномъ обществѣ какую-нибудь роль,

развѣ-что публики, да и то на хорахъ. Во первыхъ, я не пью пива....

— Пиво не обязательно, а только полезно. Пиво очень здоровый напитокъ; оно предохраняетъ отъ желудочнаго катара.

— И вмѣстѣ съ тѣмъ невиннѣйшимъ образомъ поддерживаетъ настроеніе духа— съострилъ ксендзъ Хижицкій.

Утверждаетъ народы и государства, — докончилъ панъ Тадеушъ. — Въ этомъ отношеніи весьма важныя наблюденія произвелъ другъ и пріятель мой Скрыптовичъ; онъ теперь далеко, но духомъ присутствуетъ на нашихъ засѣданіяхъ всегда, когда бодрствуетъ; бодрствуетъ же онъ въ году сто четыре раза, по два раза въ недѣлю. И такъ сонный мыслитель сей, на яву или во снѣ, не знаю, создалъ новый взглядъ на исторію вообще, а на нашу въ частности. Онъ утверждаетъ, что предки наши упивались въ древности преимущественно пивомъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ медомъ. Еще при Сигизмундѣ III потребление пива если не превосходило, то по крайней мѣрѣ, равнялось потребленію вина, завезеннаго въ Польшу Запольскими и Баторіемъ. Въ доказательство приводитъ онъ свидѣтельство Старовольскаго; по его словамъ, ченстоховское пиво въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка славилось во всей Европѣ и вывозилось даже за границу, какъ теперь баварское или пильзенское. Пока мы пили пиво, духъ гражданственности былъ у насъ сильнѣе духа крамолы; государство росло и укрѣплялось. Пивопійцы стояли стѣною за Локотка и Казимира Великаго, они же при королевѣ Ядвига соединили съ Польшей Литву. Положимъ, къ тѣмъ же благополучнымъ временамъ относится и куриная война; но смуту эту Скрыптовичъ приписываетъ тому обстоятельству, что на Руси всегда пили больше вина, чѣмъ пива. Вино создало *liberum veto*, нарушеніе сеймовъ, конфедерации и бунты; пиво—вислицкій статутъ, битву подъ Грюнвальденомъ и Люблинскую унію.

— Благодаря меду и равномерному распредѣленію напитковъ и не было, вѣроятно, разногласія въ битвѣ подъ Грюнвальденомъ. Что-же касается законодательства, я увѣренъ, что пиво значительно способствуетъ ему, прибавилъ ксендзъ.

— О, панъ Скрыптовичъ прекрасный историкъ! воскликнулъ докторъ Химерскій. — Не даромъ англичане и нѣмцы пьютъ пива больше другихъ народовъ; за то духъ гражданственности и сознаніе долга развиты у нихъ больше, чѣмъ гдѣ-либо. Пред-

лагаю назначить Скрыптовича членомъ корреспондентомъ нашего клуба.

Въ эту минуту двери изъ комнатъ на веранду открылись и въ нихъ появился панъ Скрыптовичъ собственной своей персоной. Трудно описать удивленіе, а потомъ радость, отразившуюся на лицахъ членовъ. Удивленіе, впрочемъ, преобладало; дѣйствительно, легче увидѣть въ Сахарѣ кита или караванъ верблюдовъ въ столицѣ Франца-Иосифа, чѣмъ Скрыптовича такъ далеко отъ города, да еще днемъ. А потому, послѣ жаркихъ привѣтствій, довольно долго обсуждали непредвидѣнность совершившагося факта, который Скрыптовичъ объяснялъ непреодолимымъ желаніемъ освѣжиться и пробѣжаться; затѣмъ подали четвертую кружку и засѣданіе клубистовъ потекло обычнымъ порядкомъ. Разговоръ возобновился на томъ же мѣстѣ, гдѣ его прервали; панъ Скрыптовичъ продолжалъ развивать дальше свою теорію и подтверждалъ ее цѣлымъ рядомъ новыхъ фактовъ и доказательствъ; онъ указалъ, между прочимъ, что «пиво» слово чисто-польское, что о пьяницѣ говорятъ, что онъ «подъ хмѣлькомъ», а потому и филологія относитъ пиво къ числу народныхъ напитковъ.

Докторъ Химерскій, въ качествѣ доктора, сообщилъ свои наблюденія о вліяніи ѣды и питья на характеръ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, а ксендзъ Хижицкій разнообразилъ бесѣду веселыми шутками и прибаутками. Незамѣтно подошло время шести роберовъ виста. Но отъ виста Скрыптовичъ отказался.

— Не затѣмъ трасса я двѣнадцать миль въ почтовамъ фургоны, чтобы весь вечеръ киснуть подъ стеклянною крышею. Я предпочитаю осмотрѣть садъ, если только Елена согласится проводить меня.

— О да, съ удовольствіемъ; я сама была въ немъ только разъ, да и то мимоходомъ.

И такъ, пока клубъ продолжалъ свое засѣданіе, панъ Скрыптовичъ и Елена пошли вглубь чистенькой, стриженной ален изъ буковъ. Долго шли они молча; Скрыптовичъ не жаловалъ своей кухни, и она платила ему тѣмъ же. Отойдя порядкомъ, Карлъ вдругъ остановился и, обернувшись, сухо сказалъ Еленѣ:

— Я пріѣхалъ по твоему дѣлу.

— По моему? спросила она блѣднѣя. Такъ часто мучившая ее мысль, которая давно уже отошла на задній планъ и уступила мѣсто другимъ, спокойнымъ, пріятнымъ впечатлѣніямъ, вдругъ вернулась съ прежнею силою и охватила ее неопредѣ-

леннымъ, замирающимъ страхомъ. Сухой тонъ Карла отнял у нея всякую бодрость, а пронизательный, холодный взглядъ какъ-то особенно строго смотрѣлъ на нее. Но вѣдь онъ искалъ случая поговорить съ ней наединѣ. Нѣтъ, намѣренія у него не враждебныя! Потому-то можетъ быть и ослабла въ ней на мгновеніе струнка тупаго упрямства, игравшая такую важную роль въ ея характерѣ, а мѣсто упрямства заступило безысходное замѣшательство. Карлъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, и спросилъ такимъ же холоднымъ, инвизиторскимъ тономъ:

— Въ первыхъ числахъ мая, ты дала Альфреду Згожельскому вексель на пять тысячъ гульденовъ?

— Дала, но...

— Въ такого рода дѣлахъ не можетъ быть «но».

— Нѣтъ, можетъ, можетъ, можетъ! Вѣдь я дала ему послѣ и деньги. Въ чемъ же дѣло? Что случилось?

— Случилось то, что Згожельскій, не получивъ ни копѣйки за твою подпись, поддѣлалъ подпись Замецкаго, а съ деньгами, если ты дала ему денегъ, удралъ за границу и по векселю платить и не думалъ.

— Негодяй! Подлый мерзавецъ! Я не вообразила, что онъ способенъ на такую низость! Это ужасно!

— Не въ томъ дѣло. Кто платитъ, долженъ потребовать вексель обратно.

— Гдѣ-же этотъ вексель? Ради Бога! Не мучь меня, говори, есть ли у тебя осталась хоть капля состраданія...

— Да постой же! Не перебивай меня замѣчаніями о нравственности Згожельскаго; если ты сдѣлала въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе интересныя наблюденія, обсуди ихъ послѣ, мнѣ ихъ не надо. Жидъ, узнавъ, что всѣ подписавшіеся подъ векселемъ уѣхали за границу, явился въ срокъ платежа ко мнѣ и пригрозилъ обжалованіемъ въ судъ. Я хотѣлъ избавить Тадеуша отъ горя; ты понимаешь, что жениху должно быть очень неприятно, если невѣста, недѣли за двѣ до свадьбы, занимается финансовыми сдѣлками; будь это даже въ обществѣ такого блестящаго кавалера, какъ Альфредъ Згожельскій; въ особенности же подъ покровомъ подписи будущаго мужа. Тадеушъ не заслуживаетъ такого обхожденія. Надѣясь, что вексель этотъ единственный и послѣдній слѣдъ твоихъ отношеній къ Згожельскому, я выкупилъ его и обладаю имъ въ настоящее время. Тадеушъ хотѣлъ вернуть мнѣ какъ-то небольшую сумму, утверждая, что долженъ; я не хотѣлъ брать; тогда онъ, полусерьезно, купилъ для насъ пополамъ билетъ въ ло-

терею. Билетъ выигралъ, и вотъ половину полученныхъ, такимъ образомъ, десяти тысячъ я пожертвовалъ, чтобы обезпечить Тадеушу его спокойствіе и сладкій самообманъ.

— Не говори, не говори такъ, Карлъ! Вѣрь мнѣ, у меня сильное, непреборимое желаніе, чтобы спокойствіе и счастье не были для Тадеуша самообманомъ. Подпись, о которой ты говоришь, вынуждена измѣнительнымъ, низкимъ подходомъ. О, если-бы я знала, что Згожельскій сдѣлаетъ съ векселемъ, я бы... О, Карлъ! будь мнѣ братомъ, и вѣрь, что я очень, очень несчастна; я не въ состояніи даже выразить своего горя словами. Не правда ли, Тадеушъ ничего не узнаетъ?

— Послѣ того, что я выкупилъ вексель, вопросъ твой не имѣетъ никакого значенія. Я вѣрю, что ты чувствуешь себя несчастной; раздражать чьи бы то ни было раны я не люблю, а потому не воображай, что я облюбовалъ въ тебѣ жертву для своихъ нападокъ. Скажу даже, что сѣвшиль сюда только желая воспользоваться случаемъ и дать тебѣ хорошей совѣтъ. Дѣло вотъ въ чемъ: если у тебя есть какая нибудь тайна, открытіе которой можетъ огорчить Тадеуша, откройся ему сейчасъ же. Одно сознаніе можетъ навѣки дать спокойствіе и тебѣ и ему; оно одно можетъ бросить завѣсу на прошлое и на всѣ воспоминанія, съ которыми ты хочешь порвать всякую связь.

— Я уже порвала эту связь, я все сказала Тадеушу, рассказала и о денежномъ замѣшательствѣ съ Згожельскимъ. Онъ самъ далъ мнѣ деньги на уплату долга.

— Все? спросилъ Карлъ; голосъ его, который передъ тѣмъ немного согрѣлся, вновь принялъ жесткій, холодный оттѣнокъ.

— Все! я не могла бы вынести существованія, обставленнаго только ложью и притворствомъ, обманомъ мыслей и чувствъ.

— Такъ что между вами уже нѣтъ никакой тайны?

Елена хотѣла сказать что-то, но, встрѣтившись съ взглядомъ Карла, замолкла. Она пожала плечами и равнодушно отвернулась.

— Ну, если такъ, воскликнулъ Карлъ, — миссія моя окончена! Вернемся въ клубъ. Когда ты соберешь пять тысячъ, я отдамъ тебѣ вексель, а ты мнѣ — деньги. Такихъ подарковъ я не могу дѣлать; у меня есть дѣти. Знаешь ли, что значать дѣти? Понимаешь ли, что можно любить кого нибудь больше себя, больше своей красоты и почестей свѣта, больше добраго имени и славы?

— Нѣтъ, не понимаю, такъ же сухо, какъ Карлъ, отвѣчала

Елена.—Что же касается денегъ, я верну ихъ очень скоро; Тадеушъ сыплетъ ими при каждомъ удобномъ случаѣ.

— И такъ, Балладина, вернемся въ замокъ графа Кирнора ¹⁾! сказалъ шутливымъ тономъ Карлъ.

Мѣсяцъ взмошелъ и блѣдный лучъ его придавалъ всему такой театралный, декоративный видъ, такъ своеобразно и странно освѣщавъ бѣлое съ черными глазами лицо Елены, что не успѣлъ еще Карлъ произнести вышесказанный стихъ, какъ легкая дрожь пробѣжала по его спинѣ и ему показалось, что слова его не пустой звукъ, не безцѣльная книжная фраза. Но Елена лучше знала Балзака и Жоржъ Занда, чѣмъ Словацкаго, и не поняла трагическаго намека на Балладину. Медленно приближались они къ верандѣ; Карлъ думалъ о загадочномъ психологическомъ явленіи, которое происходитъ въ душѣ Елены, а она доискивалась причины, почему Карлъ такъ допытывался, нѣтъ ли еще какойнибудь, еще неповѣренной Замецкому тайны? Но ни тотъ, ни другая не могли додумать своей думы; издали уже долетали до нихъ отдѣльныя фразы оживленнаго спора между докторомъ Химерскимъ и ксендзомъ Хижицкимъ, а потомъ весь споръ разрѣшился громкимъ смѣхомъ. Панъ Тадеушъ игралъ съ болваномъ и закатилъ своимъ противникамъ такой шлемъ, что докторъ, совсѣмъ расхлотившись, громко требовалъ у ксендза отчета, почему тотъ не ходилъ въ нему съ пикъ?

— На то была важная причина, покраснѣвъ отъ досады, кричалъ ксендзъ,—очень важная!

— Какая, желать бы знать?! Развѣ можно не ходить съ пикъ? упрекалъ докторъ тономъ судьи, читающаго наставленіе преступнику, заслужившему висѣлицу.

— Нельзя было ходить съ пикъ! кричалъ опять ксендзъ.

— Слѣдовало! Должно было! гремѣлъ докторъ и, разставивъ

¹⁾ «Балладина»—эпистасическая драма Словацкаго. Балладина убиваетъ сначала сестру, чтобы сдѣлаться женою графа; потомъ, въ отсутствіи мужа, вступаетъ въ связь съ начальникомъ его дружины, Кестриномъ, который подслушалъ тайну графини. Съ Кестриномъ же, завладѣвъ родовою короною Попелей, она идетъ противъ мужа, защищавшаго права королей; графъ Кирноръ погибаетъ въ сраженіи. Тогда Балладина, желая отдѣлаться отъ своего соумышленника, подаетъ Кестрину хлѣбъ, разрезанный отравленнымъ ножомъ. Кестринъ падаетъ мертвымъ въ самыхъ вратахъ павшей столицы, Гизано. Балладина, провозглашенная королевою, садится на тронъ чинить судъ и расправу, произноситъ сама надъ собою приговоръ и умираетъ, пораженная небеснымъ громомъ. Въ драмѣ играютъ большую роль духи, привидѣнія, превращенія, царица озера Голло—Гонлана и проч., и проч.

пальцы правой руки, готовился уже отсчитывать ихъ указательнымъ лѣвой, что всегда было у него началомъ длиннѣйшей, убѣдительнонѣйшей нотации.

— Да нѣтъ же, въ отчаяніи защищался Ксендзь, — у меня совсѣмъ не было пикъ!

Это-то неопровержимое доказательство и вызвало всеобщій смѣхъ, заразившій сейчасъ и Елену, тѣмъ легче, что она хотѣла убѣдить Карла, что совсѣмъ покойна и счастлива. Ксендзь былъ въ своей тарелкѣ; онъ тутъ же вспомнилъ цѣлый рядъ анекдотовъ, главная соль которыхъ заключалась въ подобныхъ же карточныхъ недоразумѣніяхъ. Время до ужина прошло скоро и весело, а послѣ ужина Тадеушъ проводилъ Карла въ приготовленную для него комнату и предложилъ отдохнуть послѣ многотруднаго пути въ каретѣ.

— Ты проснешься вѣроятно въ четвергъ или въ пятницу.

— О, нѣтъ, я встану рано! Не даромъ же я пріѣхалъ васъ провѣдать; надо посмотрѣть, какъ идутъ ваши дѣла.

— Съ каждымъ днемъ лучше! отвѣчалъ Тадеушъ. — Ну, а что моя питомица?

— Развивается необыкновенно быстро; ты ее не узнаешь. Учится очень охотно; всѣ мы такъ полюбили ее, какъ будто бы она наша младшая дочь. Она часто вспоминаетъ о тебѣ и радуется, когда я общаю, что ты пріѣдешь.

По выраженію лица Тадеуша видно было, какъ пріятна была для него новость. Карлъ не присочинилъ ее такъ, здорово живешь; Лена привязалась къ Замецкому со всею силою инстинкта, дающаго дѣтямъ чувствовать, кто имъ другъ, а кто врагъ. Пани Скрыптовичъ и дѣти дѣйствительно души въ ней не чаяли, и въ короткое время, благодаря ихъ стараніямъ, исчезли послѣдніе слѣды заброшеннаго, деревенскаго воспитанія. Вышло какъ нельзя лучше; только въ числу попрековъ, которыми городская молва отягчала совѣсть Скрыптовича, прибавился еще одинъ: привезъ-де, невѣсть откуда, Богъ знаетъ какого ребенка и навязалъ на шею своей бѣдной женѣ.

О ребенкѣ этомъ было официально заявлено, что Леночка — сиротка, дочь дальняго родственника пана Скрыптовича.

Панъ Тадеушъ старался всѣми силами, чтобы «секретъ» его не узнали раньше времени, и панъ Скрыптовичъ добросовѣстно помогалъ его стараніямъ. Оба они заботились дать воспитанницѣ своей возможно лучшее, старательное образованіе. Много спорили и совѣтовались они на этотъ счетъ другъ съ другомъ, но, къ счастью, порѣшили, въ концѣ концовъ, передать дѣло

воспитанія въ руки пани Скриптовичевой, подъ непосредственнымъ надзоромъ которой Леночка росла вмѣстѣ съ собственными ея дѣтьми. Но это до поры до времени; въ будущемъ же панъ Скриптовичъ предначерталъ дѣтямъ самыя широкія образовательныя планы, въ основаніи которыхъ лежало не очень лестное мнѣніе его о педагогическихъ способностяхъ женщинъ.

— Одному только закону Божію не позволю учить никому, кромѣ матери. Свободная отъ вліянія Стодольскихъ и глубоко религіозная женщина—лучшій духовный пастырь дѣтей. Догматическая сторона религіи въ устахъ богослововъ часто бываетъ суха и бездушна, даже подрываетъ то, что должно служить основою вѣры. Въ устахъ же матери все принимаетъ видъ чудной, загадочной связки, непонятность которой ничуть не вредитъ сути дѣла; съ сказкою этою неразрывными нитями связываются мало-по-малу въ одно цѣлое всё, привитыя съ дѣтства, нравственные принципы. Попы, старающіеся все облечь въ форму вопросовъ и отвѣтовъ, обыкновенно расшатываютъ зданіе, которое сами хотѣли подпереть. Возьмите, напримѣръ, Елену; у нея на седьмомъ году былъ уже законоучитель, мастеръ своего дѣла, набивавшій голову ребенка самыми витіеватыми опредѣленіями. Жена моя, напротивъ того, самый удобопонятный и убѣдительный профессоръ богословія; у нея свои способы, своя метода, которые она навѣрное не сумѣла бы опредѣлить точно. Женщины мерѣдко мастерицы своего дѣла, не смотря на то, что не отдають себѣ отчета въ своемъ умѣніи.

— О, да! вздохнулъ панъ Замецкій.

— Понимаю, почему ты вздыхаешь; тебѣ тяжело вспомнить, какъ хорошо онѣ умѣють скрывать, притворяться, разыгрывать впередъ заученную роль. Готовъ ручаться, что Елена не измѣнила себѣ ни однимъ словомъ или движеніемъ; что все было бы шито-крыто, если-бы ее не выдалъ кто другой.

— Дѣйствительно, она мастерица въ умѣніи забывать, въ умѣніи уворачивать себя, что тайна скрыта. Ты говорилъ съ нею? Ну, какъ по твоему?

— Мм... кажется, она и въ самомъ дѣлѣ не прочь порвать связь съ своимъ прошлымъ, какъ ты пищаешь. Но возможно ли это въ такомъ захолустѣ? Замокъ, паркъ, клубъ пивопитія—все это прекрасно, но не надолго; потомъ, отъ скуки, можетъ явиться реакція. Надо найти какое нибудь развлеченіе, занятіе, разнообразящее жизнь.

— Въ этомъ отношеніи у меня все уже подготовлено. Во первыхъ, я думаю изумить мой клубъ, возобновивъ давно уже

брошенные знакомства съ сосѣдами. Помѣщики здѣсь несносные, и съ моей стороны это большое самоотверженіе. Одинъ—англоманъ, глупъ какъ пѣшка, надутъ какъ пузырь; другой—псевдо-патріотъ, крикливый, мелочный, безтолковый и безцѣльный агитаторъ; третій, четвертый, пятый—вѣчно жалуются на трудныя времена, а подъ шумокъ только и думаютъ о приращеніи доходовъ. Человѣка образованнаго, свѣтскаго, не найти на нѣсколько миль вокругъ. А все же придется знакомиться. Елена скоро наскучитъ царить въ кругу женъ моихъ арендаторовъ и бѣдной шляхты, не смотря на то, что я очень друженъ съ мужьями. Я вовсе не тѣшу себя мыслью, что Елена займется чѣмъ нибудь дома; она не въ состояніи углубиться во что нибудь. Поэтому, по мѣрѣ силъ и возможности, надо стараться разнообразить жизнь путешествіями за границу и поѣздками въ городъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы она какъ можно скорѣе насладила вънѣшнимъ блескомъ и мишурною славой и пожелала отдыха, спокойствія, жизненной цѣли. У меня уже есть цѣль—она сама и ея дочь.

Проекты Замецкаго показались Карлу весьма разумными; опасенія его, что Елена скоро надоѣстъ жизнь съ немолодымъ, такъ разнящимся съ нею во вкусахъ и склонностяхъ мужемъ, нѣсколько поразѣялись; онъ долго говорилъ съ нею на слѣдующій день и точно мимоходомъ старался укрѣпить ее въ добрыхъ начинаніяхъ, притворяясь, что глубоко вѣрить во все, что она говорила наканунѣ, и особенно напирая на то, что Тадеушъ безгранично привязанъ къ ней и очень высокого о ней мнѣнія. Елена жадно вслушивалась въ завѣренія завязатаго свецтика; они только больше укрѣпляли ее въ убѣжденіи, что она дѣйствительно заслуживала любви и уваженія, и что дѣйствительно горизонтъ ея жизни безоблаченъ. Она сама, точно желая выставить напоказъ эту безоблачность, вернулась къ случаю, вызвавшему поѣздку Карла въ Рымшиовъ, и краснорѣчиво выражала ему презрѣніе свое въ Альфреду Згожельскому.

— Расскажу тебѣ новость, вставилъ Карлъ, — панъ Альфредъ, говорятъ, влюбленъ.

— Въ гоуге или въ поиг? Или въ какую-нибудь статью уголовного свода?

— О, нѣтъ! въ племянницу пани Тшетещакевичовой. Изъ-заграницы онъ прамехонько вернулся на минеральныя воды, куда ѣздила съ своими барышнями пани Тшетещакевичова, чтобы лечить Жултю; вѣроятно, у него подагра. Вандя вернулась очарованная, влюбленная. Мать твоя покровительствуетъ

ихъ шашнямъ; говорить, что должна сосватать Альфреду, вза-мѣнъ тебя, хорошую жену. Говорить также, что онъ откуда-то раздобылъ денегъ, скоро вернется, устроитъ дѣла и женится на Вандѣ.

— Этому не бывать! Вандя добрая дѣвушка; ея жалко для Альфреда. Я не вѣрю въ его честныя намѣренія и постараюсь помѣшать ему водить ее за носъ. Какъ только мы переѣдемъ въ городъ, я возьму Вандю къ себѣ и постараюсь побороть ея глупую страстишку.

— Ну, не совѣтую. Виѣстѣ съ Вандей ты навязешь себѣ и Альфреда, и не только въ городѣ, но и въ деревнѣ; его Брухува въ двухъ миляхъ. Посѣщеніе...

— Обойдется и безъ посѣщеній; ноги его здѣсь не будутъ! Тадеушь...

— Тадеушь потому-то именно и будетъ принимать его, что болтали о какой-то связи... Онъ не захочетъ играть роль смѣш-наго ревнивца.

— Я сама попрошу его показать Альфреду двери, и объ-ясню, почему.

— Если у тебя хватить рѣшимости—дѣло другое; дѣйстви-тельно, жаль дѣвушку.

На этомъ и окончился разговоръ о проектахъ пани Елены. Карлъ еще разъ присутствовалъ на засѣданіи рымишовскаго клуба и полюбовался изумленными лицами членовъ, когда панъ Тадеушь объявилъ имъ, что отъ времени до времени намѣренъ пускаться съ женой въ большой свѣтъ. Докторъ Химерскій сооб-щилъ тогда пани Еленѣ нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій, по которымъ она могла заключить, что графъ Разумовскій, одинъ изъ близкихъ сосѣдей, отличается отъ своего табуна только внѣшностью; а ксендзь Хижицкій, передавая простыя народныя рѣчи, прекрасно очертилъ другихъ помѣщиковъ. Не смотря на то Елена, послѣ отъѣзда Карла, очень охотно согласилась сдѣ-лать первые визиты, и съ большимъ удовольствіемъ нашла, что, благодаря богатству мужа и своей красотѣ, она легко можетъ соперничать не только съ «младшею», но и со «старшею» братіей. На зиму Замецкіе дѣйствительно переѣхали въ городъ и вели очень открытую жизнь. Елена безъ малѣйшаго затруд-ненія со стороны Тадеуша привела въ исполненіе свои намѣре-нія относительно Ванды, такъ какъ Замецкій не распространялъ своей ненависти на племянницъ пани Тщетенцакевичовой. Она сдѣлала во всякомъ случаѣ доброе дѣло, потому что панъ Альфредъ опять исчезъ гдѣ-то безслѣдно, оставивъ любитель-

ницѣ лирической поэзіи нѣсколько писемъ; кромя этихъ писемъ и визга Жули у нея не было другаго утѣшенія. Панъ Тадеушъ хорошо понималъ грустныя обстоятельства дѣвушки и вполне согласился съ Еленой, когда та изъявила желаніе взять къ себѣ Ванду и устроить ея судьбу. Съ того времени панна Ванда Цихоцкая большую часть своего времени проводила у Замецкихъ, или въ горѣдѣ, или въ Рымишовѣ, или за-границей. Панъ Альфредъ не показывался, и годъ за годомъ проходилъ такъ однообразно, что романисту не стоитъ подробно останавливать на нихъ вниманіе читателей.

Прошло восемь лѣтъ; время это мало измѣнило какъ героевъ нашей повѣсти, такъ и взаимныя ихъ отношенія. Тадеушу было сорокъ восемь, женѣ его тридцать шесть лѣтъ; она все еще была замѣчательно хороша собой, и мужъ по прежнему не чаялъ въ ней души. Пани Подвальская и пани Тщетенцакевичова по прежнему жили въ неразлучной дружбѣ и, подъ руководствомъ ксендза Стодольскаго, старались открыть себѣ врата царствія небеснаго. Тотъ же, при помощи богатыхъ приношеній богобоязненныхъ людей, построилъ не одну часовню и неутомимо работалъ надъ устройствомъ приюта для бездомныхъ мальчиковъ, отданныхъ на помеченіе монаховъ ордена св. Якова де-Компостелли. Выросло огромное зданіе; за городомъ купили хуторъ. Въ зданіи помѣщались тридцать семь орденскихъ братьевъ, служившихъ по очереди въ богато-убранной часовнѣ, а за городомъ, на хуторѣ, человѣкъ пять бездомныхъ дѣтей укрѣплялись въ католической вѣрѣ, кормя и поя монастырской смотъ, прислуживая въ церкви и гоня въ поле коровъ. Графиня Одкорская устраивала въ пользу приюта лотереи-алегри, а пани Замецкая играла роль хозяйки на многихъ балахъ, весь доходъ которыхъ былъ предназначенъ для той же благотворительной дѣли. Панъ Скриптовичъ старѣлъ съ году на годъ, продолжая спать въ отчужденіи отъ церкви и людскаго общества, и только разъ въ году заглядывалъ дня на три въ Рымишовъ, гдѣ по прежнему засѣдалъ неизбѣжный клубъ. Панна Ванда неразлучно жила при Замецкой, но замужъ не выходила, не смотря на то, что была еще довольно интересной и свѣжей блондинкой; а панъ Згожельскій, въ одинъ прекрасный день прискакалъ верхомъ въ Рымишовъ, послѣ чего пани Замецкая, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей дѣли, стала сватать ему панну Ванду.

За то молодое поколѣніе сильно измѣнилось. Дѣти Скрипто-

веча выросли и среди нихъ выросла и его воспитанница Елена Гродецкая. Въ шестнадцать лѣтъ она была прелестнымъ подросткомъ; брюнетка, прекрасно сложена, и съ образованіемъ, какое тогдашнія барышни получали очень рѣдко. Панъ Скрыптовичъ довольно удачно привелъ въ исполненіе всѣ свои воспитательные планы; вмѣсто гувернантокъ и гувернеровъ, онъ поручилъ дѣтей настоящимъ педагогамъ-специалистамъ и достигъ относительно блестящихъ результатовъ; много сдѣлала и материнская заботливость пани Скрыптовичовой. Елена Гродецкая не сознавала своей красоты, не знала, откуда и какъ появилась она на свѣтъ Божій. Въ туманномъ прошломъ шевелилось у ней воспоминаніе о полусгнившей хатѣ, одинокой вербѣ, злой нянькѣ и кучкѣ грязныхъ ребятъ; а потомъ чередой вспоминались только ласки, ласки и всевозможныя доказательства безкорыстной любви. Все, что ей нравилось, старались сдѣлать ей доступнымъ. Она любила театръ, и панъ Замецкій пользовался каждымъ прїѣздомъ въ городъ, чтобы сводить туда и ее, и пани Скрыптовичъ, и ея дѣтей. До танцевъ она также была большая охотница, и повровительница ея устраивала танцы у себя или водила дѣтей на вечеринки къ знакомымъ; ровесницы ухаживали за ней и любовались ея красотой. Замецкій представлялся ей ангеломъ-хранителемъ и Елена всей душой привязалась къ названному отцу своему; дядю Карла она любила меньше; онъ всегда такъ капризничалъ и злился. Леночка не разъ слышала, что у Замецкаго есть жена, и ей всегда хотѣлось познакомиться съ ней или, по крайней мѣрѣ, видѣть ее. Но случая никакого не представлялось, такъ какъ Тадеушъ никогда не бывалъ съ женой у Скрыптовичей и вращался въ кругу, въ которомъ Елена Гродецкая никогда не бывала. Но отъ времени до времени, цѣлуя Леночку въ лобъ, Тадеушъ говорилъ ей, что сvezetъ ее со временемъ къ женѣ своей и тогда у нея будетъ настоящая «мама», любящая, добрая, какъ тетя Скрыптовичъ. Леночка задумывалась и надъ этимъ обѣщаніемъ, и надъ всѣмъ своимъ загадочнымъ прошлымъ; она старалась разузнать кой-что отъ тети Скрыптовичъ, но бесполезно. А тутъ подоспѣлъ шестнадцатый годъ и новыя мысли стали бродить въ незрѣлой головѣ, оттѣсня все прочее на задній планъ.

«Часто теперь сдается мнѣ, писалъ какъ-то весною Тадеушъ, что близокъ часъ нашего *soir de théâtre*.»

«Еленѣ какъ-то не по себѣ еще больше, чѣмъ въ прошломъ году, когда я впервые обратилъ на это вниманіе. Тогда же старался я выпытать ее, напрямикъ сказавъ, какую въ ней ви-

жу перемѣну; я умолялъ ее довѣриться мнѣ, рассказать свои тайныя мученія. Въ первую минуту на лицѣ ея мелькнуло что-то въ родѣ внутренней борьбы; она видимо не рѣшалась открыться. Тогда, послѣ минутнаго молчанія, собравшись съ духомъ я сказалъ ей, что и у меня есть завѣтная мысль; что она помнитъ, вѣроятно, о воспитанницѣ, о которой зашла рѣчь еще передъ свадьбой. Теперь, прибавилъ я, мнѣ хотѣлось бы взять ее въ домъ, тѣмъ болѣе, что Ванда, вѣроятно, выйдетъ скоро за Згожельскаго. Згожельскій такъ усердно ухаживаетъ за ней и, кажется, совсѣмъ остепенился; когда не будетъ Ванды надо позаботиться о другой компаньонкѣ. Замолчавъ, я внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица Елены; она чуть-чуть усмѣхнулась; въ улыбкѣ ея мелькнула затаенная горечь; а потомъ она равнодушно согласилась со мною. Что ты на это скажешь? Вспомни, что она не хотѣла даже ѣхать за границу; она постоянно повторяетъ, что предпочитала бы провести лѣто въ городѣ, и пріѣхала въ Рымишовъ только для Ванды, потому что Згожельскій ревностно хозяйничаетъ въ своей Крухувкѣ и можетъ видѣться съ невѣстой только у насъ. Значитъ, что-то тянетъ ее въ городъ, а что—я, кажется, догадываюсь».

«Какъ ты думаешь, не пріѣхать ли Леночкѣ въ Рымишовъ хотя-бы на короткое время? Подумай и отвѣть поскорѣй.»

— Альфредъ хозяйничаетъ въ Крухувкѣ... женится на Вандѣ... пробормоталъ, прочитавъ письмо Карлъ. — Для меня это что-то невразумительно, не мѣшаетъ навести кой-какія справки.

И точно, желая немедленно начать слѣдствіе, панъ Карлъ насунулъ на глаза ермолку и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

(Продолженіе будетъ).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„КАРТИНЫ МИНУВШАГО“

СТИХОТВОРЕНІЯ И ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

А. А. НАВРОЦКАГО (Н. А. ВРОЦКАГО).

СОДЕРЖАНІЕ.

Вмѣсто предисловія.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изъ волжскихъ преданій: 1) Коромыслова бабня.—2) Князья могила.—3) Утесъ Стеньки Разина.—Новгородъ.—Псковъ.—Архимандритъ Порфирій.—Иванъ Грозный подъ Псковомъ.—Иванъ разбойникъ.—Печальникъ Русской земли.—Бояринъ.—Патріархъ Никонъ.—Бояринъ Кикинъ.—Патріархъ Гермогенъ.—Смерть Петра Великаго.—Двѣ жертвы.—Картина грядущаго.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Стенька Разинъ.—Царевна Софья.—Послѣдняя Русь.—Боярское правленіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Памяти Царя-Освободителя.—Примѣчаніе.

Цѣна два руб., съ пересылкою два р. 50 к.

Складъ изданія въ главной конторѣ журнала «Русская Рѣчь»
С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, 1.

З Е М С К О Е Д Ъ Л О .

Земскіе врачи, санитары и проч.

Удовлетворительная организація такого медицинскаго персонала, который приносилъ бы народному здравію видимую пользу, принадлежитъ до сихъ поръ къ неосуществимымъ мечтамъ лучшихъ дѣятелей органовъ нашего самоуправленія. Есть много причинъ, объясняющихъ такое печальное явленіе, и между ними существеннѣйшая, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что сама наука не рѣшила еще, каково удобнѣе держаться направленія—санитарнаго или предупредительнаго, и клиническаго или лечебнаго ¹⁾. Кромѣ этого главнаго пункта, объясняющаго неудовлетворительность медицинской организаціи и котораго мы, какъ не спеціалисты, касаться не будемъ, есть и другія, весьма важныя обстоятельства, тормозящія это серьезное и такъ уже дорого стоящее русскому народу дѣло. Изъ имѣющихся у насъ матеріаловъ, относящихся до земской дѣятельности вообще, видно, что во многихъ губерніяхъ господа врачи до настоящаго времени не встали еще на практическую почву и относятся къ своимъ болѣею частію бѣднымъ пациентамъ, какъ къ лицамъ, лечить которыхъ нельзя, потому что они мало развиты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе врачи смотрятъ тѣми же глазами и на представителей земства, отъ чего происходятъ крупныя недоразумѣнія, частыя перемѣны врачей и все-

¹⁾ Кромѣ того гомеопатія съ каждымъ новымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличиваетъ кругъ своихъ приверженцевъ.

возможныя неустройства медицинской части и больницъ. Надо надѣяться, что въ будущемъ все это уладится и разумъ возьметъ верхъ надъ излишнею требовательностью нѣкоторыхъ специалистовъ-врачей, къ которымъ усилятся уваженіе земства и народа, какъ только они отдѣлаются отъ педантизма и явятся истинными друзьями человѣчества, что и въ настоящее время замѣчается уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, между прочимъ, въ Новгородской, Херсонской и Московской губерніяхъ. До тѣхъ же поръ, пока такое явленіе не сдѣлалось еще общимъ, намъ приходится охарактеризовывать положеніе земской медицинской части на основаніи имѣющихся у насъ фактовъ, изъ числа которыхъ многіе должны навести читателя на печальныя размышленія о несовершенствѣ человѣческой природы вообще и о той медленности, съ которою даже ученые специалисты принаравливаются къ житейскимъ обстоятельствамъ. А извѣстно, что, не взявъ въ расчетъ послѣднихъ, самый гениальный докторъ не принесетъ человѣчеству пользы. Для земскаго врача прежде всего необходимо заслужить довѣріе и уваженіе своихъ пациентовъ, а для этого ему нужно изучить народный бытъ и принаравиться къ воззрѣніямъ крестьянства. Люди, гордые тщеславнымъ сознаніемъ своего научнаго превосходства предъ крестьяниномъ и земцемъ, никогда не снизойдутъ до изученія быта и привычекъ представляющихся предъ ними пациентовъ, отчего между послѣдними и ихъ врачами будутъ постоянно существовать холодныя и натянутыя отношенія, одинаково тягостныя и невыгодныя для обѣихъ сторонъ. Къ сожалѣнію, между земскими врачами нерѣдко попадаются именно такіе специалисты, которые вмѣсто того, чтобы приносить населенію посильную пользу, объявляютъ ему о своемъ къ нему пренебреженіи и даже открыываютъ противъ него враждебныя дѣйствія. За то провинціальный людъ относится съ особеннымъ уваженіемъ къ тѣмъ представителямъ медицины, которые, по народному выраженію, не забываютъ Бога и съ любовью и неподдѣльнымъ участіемъ относятся къ страждущему человѣчеству. Земскіе люди хорошо знаютъ, что иногда ничего непонимающіе въ медицинѣ фельдшера заслуживаютъ со стороны народа гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ врачи, и это происходитъ только потому, что фельдшеръ часто имѣетъ любвеобильное сердце, а врачъ, нерѣдко добрый можетъ быть къ своему брату-господину, смотреть на надоедающихъ и неумѣющихъ говорить по образованному крестьянъ, какъ на людей, которыхъ и лечить-то бесполезно, потому-де ничего они не смыслятъ. Мы рѣшительно не понимаемъ докторовъ и врачей, которые, получивъ дипломы на ученое званіе, считаютъ себя вправѣ позабывать основныя нравственныя начала, предписывающія гуманность и самоотверженіе. Надо думать, что такіе специалисты, помимо своего дѣла, остаются неразвитыми во

всѣхъ другихъ отношеніяхъ и пребываютъ невѣжами-ремесленниками, невносящими въ жизнь ничего полезнаго для своихъ ближнихъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и среди общественныхъ дѣятелей попадаются иногда неудачные люди, но и въ такомъ случаѣ ихъ пререканія съ врачами составляютъ вину обѣихъ сторонъ, которыя иногда не могутъ между собою поладить потому, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ достаточныхъ нравственныхъ и умственныхъ ресурсовъ для того, чтобы убѣдить въ своей правотѣ другую сторону. Земскіе отчеты переполнены такими пререканіями, изъ которыхъ большею частію видно только, что есть доктора бранящіеся, вмѣсто того, чтобы съ достоинствомъ, которое имъ столь необходимо, доказывать и убѣждать, не возвышая своего твердаго и правдиваго голоса. Раздражительность и нетерпимость нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ это уже доказалъ опытъ, служатъ главною причиною тому, что народъ, выдающій въ докторяхъ начальство, избѣгаетъ часто ихъ консультацій и охотно идетъ къ ворожеямъ и знахарямъ, отъ которыхъ можно, по крайней мѣрѣ, услышать ласковое слово. Недоступность докторовъ плодитъ шарлатановъ и самоучекъ-лекарей. Намъ передавали, что въ какомъ-то уѣздномъ земствѣ нашлись доктора, пожелавшіе, чтобы для нихъ была исходатайствована особая полувоенная форма, внушающая будто-бы уваженіе со стороны пациентовъ. Но тогда докторъ явился бы настоящимъ начальствомъ, въ родѣ полицейскаго урядника, чего, мы ради уваженія къ честнымъ и толковымъ врачамъ, вовсе для нихъ не желали бы. Бѣлая часть неумѣстныхъ и вредныхъ для дѣла пререканій между земствомъ и врачами происходятъ изъ того, что первое, какъ представитель мѣстнаго населенія, требуетъ, чтобы вторые исполняли свои обязанности подъ непосредственнымъ контролемъ предсѣдателей и членовъ управъ, которымъ предоставлено право увольнять отъ службы тѣхъ специалистовъ, которые видимымъ образомъ приносятъ вредъ вмѣсто пользы. Въ рязанскомъ земствѣ произошелъ въ 1878 году весьма характеристическій эпизодъ, подтверждающій справедливость нашихъ словъ.

На пятомъ сѣздѣ земскихъ врачей Рязанской губерніи было постановлено, чтобы бюро сѣзда выработало особый проектъ отношеній врачей къ земству и обратно. Такой проектъ былъ дѣйствительно составленъ и разосланъ во всѣ земскія управы губерніи. Изъ нихъ губернская обратилась по этому поводу къ уѣзднымъ съ циркуляромъ слѣдующаго содержанія¹⁾: «Рязанская уѣздная земская управа, въ отношеніи своемъ, отъ 2 сентября, съ приложеніемъ копии съ проекта

¹⁾ «Протоколы шестаго сѣзда земскихъ врачей Рязанской губерніи», Рязань, 1879 годъ; стр. 11—17.

нормальныхъ отношеній врачей къ земству и обратно, сообщаетъ уѣзднымъ земскимъ управамъ, что на III съѣздѣ земскихъ врачей нашей губерніи, по поводу частнаго случая заявленія врача Фагонскаго относительно неправильнаго увольненія его отъ службы касимовскою управою, возникъ вопросъ объ установленіи извѣстныхъ правилъ, регулирующихъ отношенія врачей и земства и обезпечивающихъ врачей противъ произвольныхъ увольненій ихъ отъ службы земскими управами. Затѣмъ, послѣ пятаго съѣзда земскихъ врачей, бюро обратилось въ губернскую управу съ отношеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: V съѣздъ земскихъ врачей Рязанской губерніи для разработки вопроса объ установленіи нормальныхъ отношеній между врачами и земствомъ, выбралъ особую комисію, которая составила проектъ этихъ отношеній, утвержденный съѣздомъ и при семъ прилагаемый».

Рязанская губернская управа, разсмотрѣвъ проектъ, нашла, что составители его исходятъ изъ мысли, что земскіе врачи, пользуя отдѣльными личностями въ своемъ участкѣ, невольно должны стоять въ полной зависимости отъ этихъ единицъ (въ участкѣ такихъ единицъ отъ 20 до 50 тысячъ—это уже не единицы, но общество или міръ). Вслѣдствіе того, отъ мѣстныхъ гласныхъ, представляющихъ собою юридическое лицо, уполномоченное этими единицами, а также отъ земскихъ управъ, выбираемыхъ изъ числа гласныхъ, зависитъ репутація и служба врачей. Далѣе комисія находила, что врачи стоятъ въ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ къ участковымъ гласнымъ, которыхъ они лечатъ самихъ непосредственно, съ которыми они непрерывно встрѣчаются, живя съ ними въ одной мѣстности, что гласные, имѣя постоянно въ виду дѣятельность своего врача, безспорно могутъ быть самими вѣрными ея цѣнителями, во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ земскія управы, такъ какъ послѣднія имѣютъ къ врачамъ лишь официальное отношеніе. Имѣя такія основанія, комисія не могла, разсматривая данныя, сообщенныя уѣздными управами, не остановиться на идеѣ о попечительствахъ, уже принятой и осуществленной въ Сапожковскомъ уѣздѣ. Сапожковское земство, привлекая къ контролю надъ врачебною дѣятельностью участковыхъ гласныхъ, лицъ прямо заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, рѣшило задачу прежде съѣзда врачей, а потому комисія и представила V съѣзду, въ видѣ проекта отношеній врачей къ земству, програму дѣятельности попечительства сапожковскаго земства, съ незначительными измѣненіями. Далѣе въ проектѣ говорится, что попечительства, устроенныя въ Сапожковскомъ уѣздѣ, должны быть лишь временными, и они уничтожатся, какъ только организуются уѣздныя съѣзды врачей, которымъ, вѣроятно, земства Рязанской губерніи, убѣдившись въ ихъ пользѣ и значеніи на дѣлѣ, не откажутся даровать извѣстныя права и полномочія.

Изъ этого проекта видно, что гг. рязанскіе врачи, служившіе земству въ 1878 году, въ концѣ концовъ желали бы, чтобы ихъ какъ можно менѣе контролировало общество и ихъ представители, но чтобы, пользуясь особыми правами на своихъ сѣздахъ, они сами бы себя контрировали и вообще обоюдными силами ограждали бы другъ друга отъ неблагоприятныхъ надъ ихъ собратіями приговоровъ общественнаго мнѣнія. Врачи, предполагая заменить себя въ собственный міръ, тѣмъ самымъ удалились-бы отъ общества и сдѣлавшись особою кастою порвали бы живую съ нимъ связь, отъ чего пострадали бы лучшіе изъ нихъ, а выиграли бы можетъ быть худшіе. Такое стремленіе во врачахъ Рязанской губерніи обособиться не имѣетъ для общества никакой привлекательности. Врачъ, такъ же, какъ учитель, директоръ школы и всѣ иные специалисты, изучаетъ свое ремесло съ единственною цѣлью принести обществу пользу. Всѣ другія личныя цѣли врача будутъ приняты въ расчетъ обществомъ въ томъ случаѣ, если оказанная имъ польза не будетъ подлежать сомнѣнію. Кто же можетъ опредѣлить, дѣйствительно ли полезенъ докторъ, или онъ не приноситъ обществу никакой выгоды, или же наконецъ, злоупотребляя правами, присвоенными его званію, приноситъ прямой вредъ? Это можетъ опредѣлить само общество и его избранные представители, которые въ данномъ случаѣ являются въ лицѣ предсѣдателя и членовъ земскихъ управъ; на ихъ несправедливыя дѣйствія каждый человекъ, а въ томъ числѣ и врачъ можетъ жаловаться уѣздному собранію, которое, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, становится всегда на сторону тѣхъ, которые правы и вовсе не поддерживаетъ тѣхъ членовъ управы и ихъ предсѣдателей, которые злоупотребляютъ оказываемымъ имъ обществомъ довѣріемъ.

Всѣ должностныя лица, а въ томъ числѣ и предсѣдатели и члены управы обязаны служить обществу и подчиняться его широкому контролю.

Рязанская губернская управа находитъ, что проектъ V сѣзда врачей вообще несостоятеленъ. Въ немъ, напримѣръ, есть такія статьи, на основаніи которыхъ фельдшеръ можетъ завѣдывать суммами, слѣдующими на содержаніе лечебницы, но не врачъ, хотя фельдшеръ находится въ прямой отъ него зависимости. Рязанская управа возстааетъ противъ самой цѣли проекта, установить какія-то нормальныя отношенія врачей къ земству. Цѣль эта, по проекту, достигнется, если управа будетъ устранена отъ завѣдыванія санитарными учрежденіями въ уѣздѣ и когда между врачебнымъ персоналомъ и управою, по закону отвѣтственную за свои дѣйствія и распоряженія, будетъ поставлено попечительство, состоящее изъ гласныхъ, отвѣтственность которыхъ предъ земскимъ собраніемъ проблематическая, за-

кономъ въ точности неопредѣленная. Надо полагать, что при этомъ на обязанности управы останется забота собирать деньги, а расходованіемъ ихъ займется попечительство, которое составитъ особую земскую единицу, независимую отъ управы (а потому тѣмъ же вѣроятно занялся бы съѣздъ врачей, которому были бы предоставлены особыя права). Слѣдовательно, главная основная мысль успѣшности веденія всякаго хозяйства, въ томъ числѣ и земскаго, что въ дѣлѣ долженъ быть одинъ хозяинъ, приносится здѣсь въ жертву желанію врачей обезпечить себя отъ произвола управъ, или отъ контроля общественнаго мнѣнія. Рязанская губернская управа находитъ, что подобнаго рода отношенія уѣздныхъ управъ къ дѣламъ, за ходъ которыхъ онѣ должны быть отвѣтственны предъ закономъ и народомъ, ненормальны и исключительны, а потому и способны быть источникомъ нескончаемыхъ пререканій и столкновеній, какія уже и были въ Сапожковскомъ уѣздѣ, когда дѣятельность одного изъ земскихъ врачей оказалась несогласною съ интересами мѣстнаго земства. Такъ что составители проекта, указывая на Сапожковскій уѣздъ какъ на удачно введшій у себя попечительства, сдѣлали промахъ и доказали совсѣмъ не то, что хотѣли. Губернская управа думаетъ, что врачи, подчиненные попечительствамъ, еще скорѣе могутъ подпасть подъ вліяніе одной личности, заправляющей округомъ. Передавать вопросъ объ увольненіи врачей на рѣшеніе земскаго собранія — невозможно, потому что таковыя бывають разъ, а много два въ годъ, а между тѣмъ дѣятельность врача можетъ быть на столько неудовлетворительна, что терпѣть его на службѣ не представится возможнымъ и одной недѣли ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія, по мнѣнію губернской управы, проектъ съѣзда врачей не гарантируетъ неподвижности врачебной земской службы, а между тѣмъ усложняетъ, тормазитъ дѣло, вноситъ въ него разныя такія начала, которыя противны духу земства, какъ органа самоуправленія. Да и нужна ли вообще какая либо регламентация въ той или другой формѣ отношеній земства къ врачамъ и обратно? Въ настоящее время земство, приглашая врачей на службу, устанавливаетъ свои съ ними отношенія посредствомъ взаимныхъ добровольныхъ соглашеній, выражающихся въ формѣ контрактовъ, письменныхъ или словесныхъ условій. Обѣ стороны, заключившія условія, заинтересованы въ томъ, чтобы сохранить между собою хорошія отношенія. Земству нужны честные и опытные врачи; врачу, составившему себѣ хорошую репутацію въ извѣст-

¹⁾ Такой случай былъ, между прочимъ, съ докторомъ Жила въ Екатеринославской губерніи. См. «Земское дѣло» въ «Русской Рѣчи» Іюль, 1881 года.

ной мѣстности, важно оставаться и жить въ средѣ, въ которой онъ пользуется довѣріемъ. Такой же характеръ отношеній установился между земствомъ и другими лицами, служащими въ немъ какъ специалистами, такъ и людьми общаго образованія, и по удостовѣренію рязанской губернской управы никакихъ вопросовъ объ измѣненіи этихъ отношеній, о негодности ихъ, о необезпеченности положенія этихъ лицъ, не возбуждается. Почему-же врачи хотятъ пользоваться особенными преимуществами предъ агрономами, инженерами, педагогами и прочими людьми, служащими обществу и ожидающими, чтобы оно само оцѣнило ихъ заслуги? Въ общегосударственномъ смыслѣ дѣло обезпеченія народнаго здравія не можетъ быть поставлено выше дѣла исправныхъ путей сообщеній, народнаго образованія и проч. Между тѣмъ никто, кромѣ врачей, не заявляетъ желанія ограничивать право земства—хозяина выбирать себѣ тѣхъ или другихъ специалистовъ. Это, по мнѣнію губернской управы, указываетъ, что полемика, возбужденная относительно необезпеченнаго положенія врачей, искусственнаго характера, что она не вызвана необходимостью и что положеніе хорошихъ врачей въ земствѣ вовсе не такъ дурно, какъ это нѣкоторые утверждаютъ. Никакая управа не можетъ уволить отъ службы хорошаго врача, не рискуя возбудить противъ себя ропота и неудовольствія со стороны мѣстныхъ жителей, которые могутъ впредъ не выбрать предсѣдателя и членовъ, не умѣющихъ цѣнить полезныхъ для народа специалистовъ. Добросовѣстный, опытный и знающій свое дѣло врачъ составляетъ для провинціи и земства такое дорогое приобрѣтеніе, что при нашихъ разстояніяхъ и бѣдности въ людяхъ, ни одна управа не пожелаетъ уволить такового специалиста, да это ей по всей вѣроятности помѣшаютъ сдѣлать и гласные. Рязанская управа справедливо думаетъ, что такая гарантія положенія хорошаго врача прочтѣе всякихъ формальностей, измышленныхъ VI съѣздомъ губернскихъ врачей. Мы тоже думаемъ, что врачъ, имѣющій дипломъ, не составляетъ еще важнаго для общества приобрѣтенія, — онъ становится дорогъ публикѣ лишь послѣ того, какъ докажетъ свое умѣніе примѣниться къ дѣлу и принести пользу; а это могутъ опредѣлить лишь его пациенты и близкіе къ нимъ люди. Далѣе рязанская управа приходитъ къ выводу, что охранительныя, формальныя мѣры нужны лишь относительно такихъ врачей, которыхъ потеря для земства даже желательна, которые, не приростая къ мѣстности, не заботятся о довѣрїи къ нимъ жителей, а перебиваясь съ мѣста на мѣсто, подъ давленіемъ лишней сотни рублей содержанія, чужды всякимъ мѣстнымъ интересамъ и смотрятъ на свою специальность, какъ на ремесло. Вслѣдствіе означенныхъ соображеній, рязанская губернская управа пришла къ заключенію, что установленіе новыхъ правилъ,

измѣняющихъ существующій порядокъ приглашенія на земскую службу врачей и ихъ увольненіе, положительно противорѣчить видамъ земства (и можетъ вредно отозваться на народномъ здоровіи).

По разсмотрѣніи проекта губернскихъ врачей и по прочтеніи приведеннаго нами вкратцѣ циркуляра рязанской управы, всѣ уѣздныя земскія собранія постановили: «съ мнѣніемъ губернской управы согласиться, и означенный проектъ врачей отклонить».

Нигдѣ въ другихъ губерніяхъ, насколько намъ извѣстно, земскіе врачи не составляли, подобно рязанскому, такого коллективнаго заявленія о своихъ личныхъ выгодахъ и намѣреніи получать отъ общаго земства жалованье, даже противъ желанія самаго земства и тѣхъ, съ кого получаютъ сборы. Изъ приведеннаго нами постановленія VI рязанскаго съѣзда врачей слѣдуетъ заключить, что весьма многіе изъ русскихъ медиковъ не научились еще служить обществу и не дошли до умѣнія подчинять себя общественному мнѣнію. Въ сущности это явленіе весьма понятно. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи учреждены медицинскіе факультеты при университетахъ и медико-хирургическая академія, всѣ студенты, кончавшіе въ нихъ курсъ, дѣлались чиновниками, обезпеченными хотя и небольшимъ, но вѣрнымъ содержаніемъ отъ казны, которая лишала ихъ такового въ томъ лишь случаѣ, если врачъ попадалъ подъ уголовную отвѣтственность. Неслужившіе доктора составляли у насъ еще недавно величайшую рѣдкость, потому что жить одною частною практикою, подчиняясь требованіямъ публики, считалось дѣломъ рискованнымъ и для русскихъ медиковъ непривычнымъ. Когда у насъ ввелись земскія учрежденія и потребовали на свою службу врачей, то, вмѣстѣ съ хорошими специалистами, управамъ приходилось принимать и всѣхъ другихъ, изъявившихъ на то согласіе. Эти другіе представляли изъ себя контингентъ отставныхъ чиновниковъ, привыкшихъ подчиняться лишь своему непосредственному начальству и непризнававшимъ за начальство полугосподское, полумужицкое земство. Поэтому, среди нѣкоторыхъ земскихъ врачей господствовалъ иногда весьма явно чиновничій взглядъ, состоящій въ томъ, чтобы докторъ пользовался особенно привилегированнымъ служебнымъ положеніемъ и чтобы успѣхъ его службы не зависѣлъ отъ общественнаго мнѣнія, но отъ начальства, которое нѣкоторые медики желали создать себѣ изъ съѣзда уѣздныхъ и губернскихъ врачей. Понятно, что земство, весь внутренній смыслъ котораго заключается въ общественномъ или, вѣрнѣе, въ народномъ мнѣніи, не могло допустить, чтобы господа врачи, пренебрегая таковымъ, ввели бы въ наше самоуправленіе свое обособленное чиновничье учрежденіе; многіе врачи до настоящаго времени не желаютъ признавать за земствомъ того значенія, которое оно должно имѣть, да и на самомъ дѣлѣ имѣеть,

какъ органъ мѣстнаго самоуправленія, а за управами права выражать мнѣніе мѣстнаго общества. Многіе врачи не стѣсняются выражать своихъ воззрѣній на этотъ счетъ и прямо говорятъ, что земскія собранія, состоя изъ людей мало понимающихъ и неспособныхъ оцѣнить учености врачей, мѣшаютъ послѣднимъ принести народу пользу. Но вѣдь земство и есть народъ. Что если-бы подобное же мнѣніе высказали бы всѣ специалисты, начиная съ врачей и учителей и кончая столярами, землепашцами и кузнецами. Тогда, конечно, земство, какъ органъ самоуправления, стало бы немислимо и всѣхъ специалистовъ пришлось бы подчинить начальству, т. е. становаму или уряднику. Къ счастью для Россіи, лишь часть земскихъ врачей протестуетъ противъ права народа лечиться у тѣхъ изъ нихъ, которые ему наиболѣе полезны и которыхъ онъ самъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ избересть. Чтобы доказать до какихъ печальныхъ послѣдствій доходятъ иногда въ настоящее время пререканія между земскими управами и врачами, мы считаемъ нужнымъ остановить вниманіе читателя на недоразумѣніяхъ, происходившихъ между полтавскою губернскою земскою управою и врачами богоугоднаго заведенія въ 1880 году.

Губернская управа написала по этому поводу пространный докладъ полтавскому губернскому земскому собранію¹⁾. Докладъ начинается съ того, что въ полтавскомъ богоугодномъ заведеніи былъ замѣченъ безпорядокъ, который подтверждается губернскимъ врачевнымъ инспекторомъ, приглашеннымъ управою для осмотра названнаго заведенія. Безпорядокъ, по мнѣнію инспектора, обнаружился упущеніями въ медицинскомъ и санитарномъ отношеніяхъ, вредныхъ для больныхъ и позорящихъ богоугодное заведеніе. Вопросъ объ упущеніяхъ въ больницѣ губернская управа представила на подробное обсужденіе больничныхъ же врачей, съ участіемъ губернскаго врачевнаго инспектора и двухъ постороннихъ врачей. Какъ результатъ вышеозначенныхъ разсужденій, состоялся въ губернской управѣ 6 мая 1880 года журналъ, по которому, между прочими своими распоряженіями, имѣвшими цѣлью устранить на будущее время возможность повторенія подобныхъ упущеній, управа вмѣнила въ обязанность врачамъ заведенія слѣдующее: старшему врачу: а) составить письменное наставленіе для смотрителя заведенія, относительно очистки дезинфекціею бѣлья, постельныхъ принадлежностей, одежды и относительно палатъ, освобождающихся отъ заразныхъ больныхъ; б) наблюдать и своевременно дѣлать соотвѣтству-

¹⁾ «Сводъ журналовъ полтавскаго губернскаго земскаго собранія XVI очереднаго созыва 1880 года», стр. 245—278.

ющія распоряженія о томъ, чтобы имѣющіеся въ больницѣ механическо-физическіе приборы для леченія больныхъ были всегда въ исправности и в) составить, на основаніи устава лечебныхъ заведеній и послѣдовавшихъ въ журналѣ губернской управы указаній, правила для дежурныхъ врачей, а также правила для посѣтителей больныхъ. Дежурнымъ врачамъ—ординаторамъ вмѣнено въ обязанность: а) производить подъ ихъ личнымъ наблюденіемъ обеззараживаніе труповъ больныхъ, умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней, и б) присутствовать въ домѣ умалишенныхъ во время обѣда и ужина призрѣваемыхъ, для наблюденія за правильною раздачею имъ пищи, такъ какъ были замѣчены случаи, требовавшіе усиленія надзора въ этомъ отношеніи. Сверхъ того губернская управа предложила конторѣ заведенія изготovitъ книгу для записыванія жалобъ больными, какъ состоящими въ заведеніи, такъ и приходящими посѣтителями, и помѣстить эту книгу въ приемной комнатѣ. Это послѣднее распоряженіе было также вызвано случаемъ записи жалобы въ книгу для дежурствъ, вовсе для того не предназначенную.

По нашему мнѣнію, одинъ перечень этихъ наставленій уже достаточно указываетъ на совершеннѣйшій беспорядокъ, господствовавшій въ богоугодномъ заведеніи, въ 1879—80 годахъ. Мы не понимаемъ даже любезной деликатности полтавской губернской управы, которая относительно врачей, допустившихъ вредный для больныхъ хаосъ въ заведеніи, ограничилась изданіемъ наставленій, тѣмъ болѣе, что таковыя, какъ впослѣдствіи оказалось, большею частію не исполнялись. Специалисты, наносящіе вредъ больнымъ, должны быть удалены изъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ они таковой производятъ. Если земская больница обращена въ гнѣздо заразительныхъ болѣзней, если кромѣ того врачи въ ней даже не дежурятъ, а трупы умершихъ хоронятся безъ необходимыхъ предосторожностей, то безпристрастные въ дѣлѣ люди могутъ легко придти къ заключенію, что чѣмъ содержать подобную больницу, лучше вовсе никакой не имѣть, а асигнованныя на нее деньги употребить на что-либо другое, приносящее осязательную пользу.

Намъ уже извѣстны примѣры, по которымъ можно судить о томъ, что далеко не всѣ земства отличаются излишнимъ терпѣніемъ, котораго отъ нихъ иногда требуютъ неисполняющіе своего прямого назначенія врачи. Такъ, между прочимъ, земство Гдовскаго уѣзда, придя къ печальному заключенію, что всѣ поступающіе къ нему на службу врачи составляютъ лишь временныхъ гостей, польза отъ которыхъ незначительна, постановило, въ собраніи гласныхъ 7 октября 1875 года, ограничиться двумя врачами—однимъ для города, а другимъ для уѣзда; всю же медицинскую часть возложить на 18 фельдшеровъ, которые обязывались жить въ опредѣленныхъ пунктахъ и

контролироваться постоянно разбѣзжающимъ врачемъ, назначеннымъ на уѣздѣ. Гласные Гдовскаго уѣзда сознавали, что отъ мало развитыхъ и еще менѣе ученыхъ фельдшеровъ нельзя ожидать большаго добра, но вѣдь и отъ попадавшихся въ уѣздѣ докторовъ то же населеніе не видѣло значительной пользы. Между тѣмъ ни одно земство не можетъ взять на себя смѣлость обойтись безъ медицинской помощи. Не смотря на неокончившійся научный споръ о преимуществахъ санитарныхъ или врачебныхъ мѣръ, люди, поставленные во главѣ самоуправленія, не имѣютъ права лишать населеніе известной мѣстности той медицинской помощи, которую въ состояніи оказать врачи хотя еще и неокрѣпшей науки, которою онѣ руководствуются. Даже люди, вовсе отвергающіе медицину, соглашаются, что врачи могутъ принести существенную пользу больнымъ, вывихнувшимъ себѣ члены, или переломавшимъ себѣ ноги, или страдающими иными, видимыми, весьма мучительными поврежденіями, при которыхъ страдальцы, лишеныя своевременной помощи, могутъ остаться на всю жизнь калѣками, или преждевременно умереть. Весьма существенную пользу способны оказать деревенскому населенію акушеры и даже опытные повивальныя бабки, прибѣгая къ болѣе или менѣе сложнымъ хирургическимъ операціямъ, безъ которыхъ среди женщинъ нашего земледѣльческаго населенія бывають такъ часты случаи мучительной смерти отъ родовъ. Но разумѣется для того, чтобы отъ специалистовъ хирурговъ, акушеровъ и акушерокъ населеніе получило пользу, нужно, чтобы они знали и любили свое дѣло и не относились бы къ людскимъ страданіямъ съ безчувственнымъ равнодушіемъ.

Теперь обратимся снова къ вышеуказанному докладу полтавской губернской управы, изъ котораго мы дѣлаемъ довольно подробное извлечение, въ виду важности затронутаго въ немъ вопроса, рѣшеніе котораго составляетъ для весьма многихъ губерній настоятельную необходимость. Въ докладѣ, о которомъ идетъ рѣчь, полтавская губернская управа сообщаетъ, что вмѣсто того, чтобы данныя ею наставленія были исполнены, она была удивлена тѣмъ, что въ отвѣтъ на ея распоряженія, повидимому столь необходимыя, она получила отъ старшаго врача богоугоднаго заведенія протоколъ, составленный имъ и тремя, служащими въ земствѣ ординаторами. Въ этомъ протоколѣ врачи, ссылаясь на нѣкоторые параграфы устава лечебныхъ заведеній, изданнаго въ видѣ опыта въ 1851 году, не признали обязательными для себя распоряженія губернской управы. При слѣпности законодательныхъ работъ послѣднихъ двадцати лѣтъ у насъ случается иногда, что выходящія вновь установленія дѣйствуютъ одновременно съ тѣми, которыя устарѣли и которыя имъ противорѣчатъ.

Въ настоящемъ случаѣ, уставомъ о земскихъ учрежденіяхъ бого-

угодныя заведенія переданы въ непосредственное вѣдѣніе земства, причѣмъ всѣ служащіе въ нихъ лица должны быть увольняемы и опредѣляемы земствомъ же. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не отмѣненъ уставъ лечебныхъ заведеній 1851 года. Разумѣется, въ дѣйствительности онъ отмѣненъ слѣдующими законоположеніями, но не вышло еще постановленія о томъ, чтобы имъ болѣе не руководствовались, и значить юридически такой, непримѣняемый уже уставъ все таки существуетъ.

Врачи, желающіе почему либо заняться, вмѣсто прямого исполненія своихъ челоуѣколюбивыхъ обязанностей, полемикою съ представителями нашего самоуправления, могутъ придираться къ уставу лечебныхъ заведеній, что конечно не даетъ имъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, но указываетъ лишь на несовершенства отечественнаго законодательства. Отрицательная польза, принесенная можетъ быть полтавскими врачами при богоугодномъ заведеніи, состоитъ въ томъ, что они своею неумѣстною выходкою указали на необходимость пересмотра забытаго устава 1851 года.

Получивъ протоколъ врачей богоугоднаго заведенія, полтавская губернская управа отъ 24 іюля сдѣлала имъ вторичное предложеніе исполнить ея предписанія; на это старшій врачъ больницы не отвѣчалъ управѣ, но имѣлъ смѣлость представить ея распоряженія въ врачебное отдѣленіе губернскаго правленія вмѣстѣ съ рапортомъ, въ которомъ просилъ это правленіе разъяснить губернской земской управѣ ея права по управленію больницею. Не говоря уже о томъ, что богоугодное заведеніе находится въ полномъ распоряженіи земства и что послѣднее не только можетъ, но и должно увольнять отъ службъ неприносящихъ пользы врачамъ, жалоба ихъ на управу чиновникамъ губернскаго правленія вовсе не можетъ имѣть мѣста и показываетъ только, какое неправильное понятіе имѣютъ нѣкоторые врачи о нравственныхъ правахъ общества вообще и земства въ частности. Нѣтъ, не такими вляузными выходками могутъ они вселить въ себѣ уваженіе со стороны до сихъ поръ недоувѣряющаго имъ народа. Полтавская губернская управа и послѣ этой выходки врачей богоугоднаго заведенія не приняла рѣшительныхъ мѣръ и не уволила старшаго врача, какъ она впоследствии объяснила, во вниманіе къ многолѣтней его службѣ земству. Хорошая эта управа можетъ быть недостаточно прониклась интересами больныхъ, находящихся на ея непосредственномъ попеченіи, такъ какъ во все время продолжительной бумажной переписки управы съ врачами больные находились при той ужасающей обстановкѣ, при которой ихъ заражали новыми болѣзнями, дурно кормили и неудовлетворительно лечили. Мы не можемъ въ этомъ случаѣ симпатизировать полтавской управѣ, вообще отличающейся полезною дѣятельностью, такъ же какъ

ея полемической перепискѣ съ врачами богоугоднаго заведенія не симпатизировали и гг. гласные созыва 1880 года. Въ своемъ докладѣ собранію управа говоритъ только, что положеніе, въ которое относительно ея поставилъ себя старшій врачъ больницы, представляется невозможнымъ и что всѣ мѣры, клонящіяся къ какому либо частному улучшенію, губернской управѣ приходилось и приходится вводить, что называется, съ бою, встрѣчая постоянно со стороны старшаго врача противодѣйствіе. Но почему же управа своимъ нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій поставила себя въ такое зависимое отъ служащаго лица положеніе? Настоящій примѣръ настолько поучителенъ для другихъ земствъ, въ которыхъ тоже иногда встрѣчаются случаи излишней доброты, вредящей обществу, что мы, по нравственному долгу, обязаны удержатъ на немъ вниманіе, какъ выборныхъ дѣятелей, такъ и публики, близко заинтересованной въ вопросѣ о сохраненіи народнаго здравія.

Полтавская губернская управа въ своемъ докладѣ передаетъ между прочимъ, что главное управленіе «Краснаго Креста», осмотрѣвъ губернскую больницу, пришло къ заключенію о необходимости снабдить ее бараками и палатками для доставленія возможности вывести изъ нея на цѣлое лѣто больныхъ, и сдѣлало земству цѣнный подарокъ достаточнаго числа бараконъ и палатокъ. Удобнѣйшимъ мѣстомъ для установленія таковыхъ представляется обширный садъ богоугоднаго заведенія, прилегающій къ флигелямъ, въ которыхъ квартируютъ служащіе при больницѣ лица, а въ томъ числѣ старшій врачъ. Когда въ половинѣ мая уже было преступлено къ сборкѣ бараконъ на мѣстѣ, указанномъ губернской управою, старшій врачъ заявилъ ей письменно о безъусловной негодности этого мѣста для помѣщенія больныхъ, рекомендуя другое мѣсто, лишенное всякой тѣни и смежнае съ чернымъ дворомъ заведенія, сараями, хлѣвами и отхожими мѣстами. По нашему мнѣнію, ученый докторъ полтавской больницы, дѣлая подобное заявленіе, обнаружилъ наклонность къ юмористическимъ выходкамъ, неумѣстность которыхъ въ данномъ случаѣ для всѣхъ очевидна. Позволяя шутить надъ собою такимъ образомъ, Полтавская губернская управа можетъ быть упрекаема еще и въ томъ, что она въ недостаточной степени оберегаетъ достоинство органа мѣстнаго самоуправленія, составленнаго изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ мѣстнаго населенія. Занимаясь бумажною полемикою со служащими обществу лицами, губернская управа можетъ быть увлечена на опасный, чисто бюрократическій путь и представлять изъ себя отчасти какую либо изъ губернскихъ казенныхъ канцелярій, негодность которыхъ стала очевидною для самихъ чиновниковъ. Если уже установленъ органъ мѣстнаго самоуправленія, то онъ и долженъ держатъ

себя съ подобающимъ ему достоинствомъ и оказывать въ своихъ дѣйствіяхъ ту твердость, которая дается ему тѣмъ, что за нимъ стоитъ мѣстное населеніе, уполномочившее управу вести, въ указанныхъ для нея предѣлахъ, дѣло русскаго народа. Можетъ быть, при настоящемъ выборѣ гласныхъ и при отдѣленіи собственно крестьянскаго самоуправления отъ земскаго, наши общественные дѣатели не считаютъ себя вправѣ признавать за собою достоинства народныхъ избранниковъ, но во всякомъ случаѣ они избраны хотя частью общества и имъ предоставлены закономъ извѣстныя права, которыми они должны пользоваться для блага населенія.

Полтавская губернская управа, получивъ отъ старшаго врача юмористическій рапортъ, въ которомъ указывалось видимо непригодное для постановки бараконъ мѣсто, обратилась съ просьбою къ тому же губернскому врачебному инспектору осмотрѣть это мѣсто, что имъ и было сдѣлано, а вслѣдствіе того и прислано въ управу отношеніе о томъ, что избранное ею мѣсто въ саду, какъ защищаемое высокими тѣнистыми деревьями отъ солнца и отъ вѣтровъ, а также по сухости грунта и значительному разстоянію отъ жилыхъ помѣщеній, вполне соответствуетъ гигиеническимъ условіямъ, требующимся для лѣтняго мѣстопребыванія больныхъ. Мужчины поэтому и были размѣщены въ баракахъ, устроенныхъ въ саду. Что касается больныхъ женщинъ, то старшій врачъ рѣшительно воспротивился помѣстить ихъ въ саду, въ видахъ охраненія ихъ нравственности, и палатки для нихъ были разбиты на черномъ дворѣ заведенія (близъ хлѣвовъ и отхожихъ мѣстъ), совершенно открытомъ и лишенномъ тѣни. «Температура въ этихъ палаткахъ доходила до 42° по Реомюру; больныя женщины плакали и страдали; палатки, безъ всякаго для нихъ облегченія, поливались иногда водою; навозный грунтъ не удерживалъ кольевъ и вѣтеръ непрерывно срывалъ палатки, безпокою больныхъ, особенно оперированныхъ, и произведя однажды ночью пожаръ». Мы привели подлинныя выраженія управы для того, чтобы показать, до чего иногда можетъ доходить долготерпѣніе выборныхъ русскихъ дѣателей, сознающихъ вполне не гуманное обращеніе, которымъ невинно подвергаются находящіеся у нихъ на попеченіе несчастные, и ничего не предпринимающихъ изъ числа тѣхъ мѣръ, которыми законъ предоставилъ имъ пользоваться. Если въ своемъ мягкосердечіи, выразившемся впрочемъ относительно одного лишь старшаго врача, полтавская управа не желала уволить его отъ должности, то почему бы она не могла временно отстранить его отъ завѣдыванія больницею, къ чему онъ въ 1869—80 годахъ обнаружилъ свою полную неспособность, а затѣмъ окончательное разсмотрѣніе дѣла могло бы все-таки быть предоставлено губернскому собранію. Можно было бы впредь до созыва собранія платить бездѣй-

ствующему старшему врачу не только половину, но и все слѣдующее ему содержаніе, и все-таки отъ такого распоряженія выиграло-бы земство, да и самъ отстраненный врачъ, который имѣлъ бы время опомниться на досугѣ. Вопросъ, почему старшій врачъ г. Цитовичъ, много лѣтъ хорошо служившій земству, вдругъ допустилъ замѣченные врачомъ инспекторомъ и гласными безпорядки и противодѣйствіе распоряженіямъ управы, объясняется, помимо особаго взгляда названнаго доктора на самоуправленіе русскаго народа, еще и ссорю его съ переведеннымъ въ больницу хирургомъ г. Коробкинымъ. Дѣло въ томъ, что г. Коробкинъ, считая себя болѣе искуснымъ операторомъ, чѣмъ г. Цитовичъ, не пожелалъ подчиняться послѣднему, а потребовалъ, чтобы ему была предоставлена полная самостоятельность въ его хирургической практикѣ. Если-бы оба названные доктора медицины сжумѣли между собою поладить и каждый изъ нихъ, будучи преданъ своей специальности и дѣлу, оцѣнили бы своего собрата по достоинству, то собственно никакихъ между ними недоразумѣній и быть не могло. На самомъ же дѣлѣ между врачами возникли личныя отношенія, и поводомъ къ первой жалобѣ старшаго изъ нихъ на ординатора-хирурга Коробкина послужила операція извлеченія камня изъ мочевого пузыря пятилѣтняго мальчика, результатъ которой, какъ въ отношеніи распознаванія болѣзни, такъ и полнаго выздоровленія больного, указывалъ на искусство вновь поступившаго въ больницу доктора, только что нами названнаго. Ординаторъ-хирургъ обвинялся г. Цитовичемъ въ томъ, что, при производствѣ операціи, первый изъ нихъ оскорбилъ словами, какъ втораго, такъ и находившагося при этомъ и другаго ординатора г. Петровскаго. Присутствовавшій при операціи членъ губернской управы г. Петровъ засидѣтельствовать, напротивъ того, что какъ передъ этою операціею, такъ и во все время ея производства, ординаторъ-хирургъ былъ раздражаемъ старшимъ врачомъ. Такъ что со стороны могло пожалуй показаться, что г. Цитовичъ сердился, завидуя искусству г. Коробкина. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, воспослѣдовало новое столкновеніе между названными врачами, и г. Цитовичъ обратился въ губернскую управу съ просьбою принять мѣры къ соблюденію законовъ, существующихъ для докторовъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Вслѣдствіе того управа сообщила г. Коробкину, что хотя она и высоко цѣнитъ его искусство и заслуги по больницѣ, но тѣмъ не менѣе не можетъ потерпѣть, даже въ интересахъ богоугоднаго заведенія, отношеній, подобныхъ тѣмъ, которыя изложены въ особенномъ актѣ и существуютъ между ординаторомъ и старшимъ врачомъ.

Такая резолюція управы исполнена 12 іюля и о содержаніи ея передано тогда же старшему врачу, который, не дождавшись ея, еще

8 іюля подалъ губернатору одну докладную записку, а 12 іюля другую. Въ обѣихъ запискахъ г. Цитовичъ, жалуясь въ оскорбительныхъ для ординатора Коробкина выраженіяхъ, и на него, и на губернскую управу, просить губернатора возстановить законный ходъ служебнаго дѣла въ богоугодномъ заведеніи.

Губернаторъ принялъ отъ г. Цитовича его докладныя записки и передалъ ихъ врачебному отдѣленію, поручивъ оному изслѣдовать дѣло. Въ сущности полтавская губернская управа могла отказать губернскому правленію въ требованіи ея дать по настоящему дѣлу какія либо объясненія ¹⁾, но, какъ она сама выразилась, желая скорѣйшихъ уясненій данныхъ по этому дѣлу, исполнила требованіе правленія и, по нашему мнѣнію, поступила не такъ, какъ слѣдуетъ поступать всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, желающимъ сохранить самостоятельность, пользуясь правами, дарованными имъ законами. Губернская управа, давъ требовавшееся отъ нея объясненіе, сообщила г. губернатору, что дѣло, возникшее по жалобѣ старшаго врача земской больницы, подлежитъ, по законамъ, ея исключительному разсмотрѣнію и потому просила передать оное въ ея распоряженіе. Но губернаторъ передалъ все дѣло на благоусмотрѣніе медицинскаго департамента, и полтавскому земству предстоитъ теперь удовольствіе жаловаться въ сенатъ: А всему виною мягкосердечіе губернской управы, не желавшей пользоваться ея законными правами.

Губернская полтавская управа продолжала переписываться съ разными лицами и учрежденіями, а безпорядки въ ея больницѣ все усиливались, и въ осени 1880 года, больные часто уже не получали своевременной помощи; это продолжалось до состоявшагося по сему предмету постановленія губернскаго собранія въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года. Въ своемъ докладѣ управа предложила собранію обсудить ея заключеніе, состоящее въ слѣдующемъ: а) оставить существующее положеніе дѣлъ въ полтавской губернской земской боль-

¹⁾ По этому поводу сама полтавская губернская управа приводитъ ссылки на слѣдующія законоположенія: 1) на основаніи ст. 690 I части II тома свод. зак. изд. 1876 года, «власть губернскаго правленія не распространяется на дѣла, состоящія въ вѣдомствѣ мѣстъ ему неподчиненныхъ»; 2) по силѣ ст. 1932 того же тома, «отвѣтственность подчиненныхъ земскимъ управамъ служащихъ лицъ по личнымъ служебнымъ ихъ дѣйствіямъ опредѣляется самими управами»; 3) на основаніи примѣч. 3 къ ст. XIII т. свод. зак., губернскимъ управамъ предоставлено право обсуждать вообще и въ частностяхъ, въ случаяхъ пререканій между врачами губернскихъ богоугодныхъ заведеній, и спеціальныя медицинскія вопросы, съ тѣмъ, чтобы управы приглашали въ засѣданія свои лицъ врачебнаго сословія и проч.

ницѣ, отражающееся вреднымъ образомъ на положеніи и леченіи больныхъ—невозможно, и принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію существующихъ между ея врачами пререканій—настоятельно необходимо; б) вышеозначенныя пререканія старшаго врача полтавской земской больницы Цитовича и ординатора-хирурга той же больницы Коробина достигли крайней степени и дѣлаютъ невозможнымъ ихъ совмѣстное служеніе; в) положеніе, при которомъ старшій врачъ, не подчиняясь распоряженіямъ губернской управы, оказываетъ противо-дѣйствіе этой управѣ къ частному улучшенію больницы и быта больныхъ, признается невозможнымъ; г) отрицаніе со стороны старшаго врача полтавской губернской земской больницы правъ и самостоятельности земскихъ учрежденій въ кругу ввѣренныхъ имъ по закону дѣлъ—равносильно отрицанію отвѣтственности губернской управы за благосостояніе подвѣдомственнаго ей заведенія. Изъ жалобъ, поданныхъ г. Цитовичемъ на губернскую управу, видно, что онъ желаетъ и считаетъ себя вправѣ управлять больницей совершенно независимо, безъ всякаго вмѣшательства и надзора со стороны управы. Но такое самостоятельное распоряженіе больницей не предоставлено старшему врачу никакимъ закономъ и не можетъ быть допущено, а потому при такихъ стремленіяхъ г. Цитовича, оставленіе его на земской службѣ невозможно и проч.

Далѣе въ докладѣ говорится, что въ виду краткаго срока своихъ полномочій управа положила представить собранію объ изложенныхъ выше своихъ заключеніяхъ. Болѣе года продолжавшійся въ больницѣ беспорядокъ, вредно влиявшій на больныхъ, не можетъ, говоря по совѣсти, считаться «краткимъ срокомъ». Если принять во вниманіе, что самый долгій срокъ уполномочій управъ продолжается лишь три года, то годъ долженъ быть признанъ такимъ періодомъ времени, въ который исполнительные органы нашего самоуправленія имѣютъ уже возможность заявить свою полезную дѣятельность.

Полтавская губернская управа заканчиваетъ свой длинный докладъ о беспорядкахъ въ богоугодномъ заведеніи испрашиваніемъ у собранія:

1) Постановленія относительно порученія губернской управѣ выработать, съ пособіемъ приглашенныхъ ею лицъ врачебнаго сословія, правила относительно управленія губернскими земскими больницами, домоу уменьшенныхъ и богадѣльнею и представленіемъ этихъ правилъ будущему губернскому земскому собранію, и 2) на случай, если-бы по представленному врачебнымъ отдѣленіемъ полтавскаго губернскаго правленія въ медицинскій департаментъ дѣлу о г. Цитовичѣ, будутъ нарушены въ чемъ-либо права земскихъ учрежденій—дать губернской

управѣ уполномочія на принесеніе жалобы въ первый департаментъ правительствующаго сената.

Ревизіонная комісія, осмотрѣвъ богоугодное заведеніе въ 1880 году, составила о найденныхъ ею безпорядкахъ особый протоколъ ¹⁾. Въ немъ замѣченные безпорядки сводятся къ слѣдующему: размѣщеніе больныхъ въ палатахъ неправильно, палаты не подвергаются дезинфекціи, воздухъ въ палатахъ спертъ, вонючъ настолько, что вызвалъ тошноту у нѣкоторыхъ членовъ ревизіонной комісіи, отсутствіе вентиляціи, грязное бѣлье послѣ дифтеритнаго больнаго; устройство отхожихъ мѣстъ неудовлетворительно; не смотря на утренній часъ (11 часовъ) кромѣ ординатора Коробкина въ больницѣ изъ докторовъ никого не было; отсутствовалъ также и дежурный врачъ и проч. Между дальнѣйшими безпорядками ревизіонная комісія указываетъ еще, что больные находятся въ рукахъ фельдшеровъ, что они получаютъ неудовлетворительную пищу, что при ея раздачѣ не соблюдается чистота; умершіе отъ дифтерита хоронятся несвоевременно и безъ соблюденія должныхъ предосторожностей и т. под. Говоря о непріязненныхъ отношеніяхъ врачей между собою, ревизіонная комісія выражается такъ: «Пререканія эти начались съ сентября 1879 года (продолжались до октября 1880 г.). Участіе въ этой всеобщей распрѣ врачей принималъ весь медицинскій персоналъ заведенія. Всѣ медики раздѣлились на два воюющихъ лагеря: съ одной стороны, вновь приглашенный хирургъ полтавскаго богоугоднаго заведенія, съ другой—остальной медицинскій персоналъ». Доктора дрались между собою, а у больныхъ какъ водится чубы болѣли.

Съ своей стороны, г. Цитовичъ представилъ въ полтавское губернское земское собраніе длинную объяснительную записку, выдержки изъ которой мы приведемъ съ цѣлью всесторонняго разъясненія этого во всѣхъ отношеніяхъ грустнаго дѣла о неумѣстныхъ пререканіяхъ между людьми, призванными къ выполненію серьезныхъ нравственныхъ обязанностей. Свою докладную записку г. Цитовичъ начинаетъ съ того, что обвиняетъ губернскую управу за то, что она пригласила на службу хирурга Коробкина, который, по мнѣнію старшаго врача, почти ничего не понимаетъ въ своемъ дѣлѣ, но отличается хвастовствомъ, которому управа вѣритъ болѣе, чѣмъ фактамъ. Это обвиненіе не подтвердилось, потому что по справкѣ изъ конторы больницы оказалось, что до поступленія на службу ординатора Коробкина въ ней

¹⁾ «Докладъ ревизіонной комісіи полтавскому губернскому собранію 1880 года». Отдѣльная брошюра, стр. 106 и слѣдующія.

втеченіи года (съ 1 августа 1878 г. по 1 августа 1879 г.) были произведены 31 хирургическая операція; при Коробкинѣ-же тоже втеченіи года такихъ операцій было сдѣлано 293, изъ которыхъ со смертельнымъ исходомъ оказалось только 7; причемъ въ трехъ случаяхъ смерть воспослѣдовала отъ органическихъ разстройствъ, независящихъ отъ операцій.

За то, что полтавская управа не удаляетъ г. Коробкина изъ больницы, старшій врачъ упрекаетъ ее предъ губернскимъ собраніемъ въ томъ, что у нея существуетъ «смѣшеніе понятій о научной свободѣ съ насиліемъ кулака», служащее управѣ какъ руководство ея дѣйствіями. Г. Цитовичъ обвиняетъ г. Коробкина въ томъ, что его наладки на другихъ врачей отличаются грубостью, «необыкновенною даже на площадяхъ, не только въ медицинской практикѣ». Перечисляя въ своей запискѣ множество невѣроятныхъ случаевъ, обличающихъ будто-бы невѣжество г. Коробкина, старшій врачъ, между прочимъ, пишетъ, что ненавистный ему ординаторъ рѣшился однажды вырѣзать матку у одной больной, страдавшей ракомъ. «Когда я, повѣствуетъ г. Цитовичъ,—и другіе мои товарищи, рискуя быть обиженными грубостями г. Коробкина, высказали ему, что эта операція крайне опасна, можетъ кончиться смертью во время вырѣзанія и въ счастливомъ случаѣ сократить жизнь больной, то г. Коробкинъ обругалъ насъ и особенно меня, какъ ничего непонимающихъ. Тогда я окончательно заявилъ Коробкину, что считаю такую операцію нецелозволительною и къ счастью для больной она не была произведена». И далѣе: «при болѣзненной раздражительности Коробкина и чудовищномъ самолюбіи, ему кажутся вездѣ интриги противъ него со стороны моей и другихъ врачей; онъ сообщаетъ о своихъ иллюзіяхъ губернской управѣ, которая считаетъ такимъ образомъ другихъ врачей больницы мѣшающими плодотворной дѣятельности хирурга». Еще далѣе г. Цитовичъ обвиняетъ Коробкина въ томъ, что онъ совершилъ смертоубійство дитяти, а управу въ томъ, что, не понимая медицины, вмѣшивается въ дѣятельность его, старшаго врача полтавскаго богоугоднаго заведенія.

Изъ всего сказаннаго нами по поводу этого грустнаго дѣла и въ особенности изъ письма г. Цитовича, видно, съ какими врачами, по неимѣнію часто лучшихъ, земству приходится имѣть дѣло. Уже если они упрекаютъ другъ друга въ томъ, что зарѣзываютъ людей безъ всякой на то причины, то какъ-же къ ихъ дѣятельности должно относиться общество, члены котораго рискуютъ быть лишенными жизни по одной на то фантазіи врача. Г. Цитовичъ можетъ сколько ему угодно увѣрять публику, что его слѣдуетъ освободить отъ контроля управы; но невыносимыми безпорядками, произведенными имъ въ пол-

тавской земской больницѣ, и разоблаченіемъ своего собрата, совершающаго будто-бы смертоубійство, онъ окончательно убѣдилъ своихъ пациентовъ въ необходимости строгаго присмотра не за нимъ однимъ, но и за всѣми врачами вообще, довѣріе къ которымъ онъ и ему подобные господа, своими словами и еще болѣе поступками, сильно подрываютъ. Для окончательнаго разсмотрѣнія жднятаго г. Цитовичемъ дѣла, полтавское губернское собраніе избрало особую комисію изъ председателей уѣздныхъ управъ и нѣкоторыхъ гласныхъ. Комисія эта пришла къ такимъ выводамъ: 1) упомянутыя въ докладѣ губернской земской управы пререканія между гг. Цитовичемъ и Коробкинымъ, а также съ управою произошли вслѣдствіе нерѣшительныхъ дѣйствій губернской земской управы и несвоевременно принятыхъ ею мѣръ для прекращенія такихъ; 2) жалоба Цитовича не можетъ быть признана уважительною, потому что она написана тономъ беспокойнымъ, полна раздраженія и укоризненныхъ выраженій и потому противорѣчитъ достоинству отношеній, долженствующихъ быть, какъ между подвѣдомственными земскимъ учрежденіямъ лицами, такъ и отношеніями этихъ лицъ къ земскому собранію и его исполнительному органу—губернской земской управѣ. Затѣмъ комисія находитъ нужнымъ утвердить тѣ положенія губернской земской управы, въ которыхъ она проситъ предоставить ей составленіе правилъ по управленію больницами и принесенія жалобы въ правительствующій сенатъ.

9 октября 1880 года полтавское губернское земское собраніе, выслушавъ докладъ смѣшанной комисіи изъ председателей управъ и гласныхъ, постановило: утвердить заключеніе комисіи.

Изъ приведеннаго нами дѣла г. Цитовича, имѣвшаго случай тревожить губернскую земскую управу втеченіи цѣлаго года и, злоупотребляя непринадлежащими ему правами, обратить полтавское богоугодное заведеніе въ нѣчто похожее на каторжную тюрьму, видно, что отношенія между земствомъ и служащими у него лицами далеко еще не повсемѣстно установились. До тѣхъ поръ, пока эти дѣловыя отношенія не будутъ строго установлены, земство не получитъ возможности быть хозяиномъ своего дѣла. Гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ отношеній, тамъ существуетъ беспорядокъ, ведущій общество къ болѣе или менѣе значительнымъ матеріальнымъ убыткамъ, а также и къ деморализаціи. Тѣ земскія собранія и ихъ управы, которыя не сумѣютъ держать твердою рукою порученное имъ общественное дѣло, станутъ вѣчно находиться въ нерѣшительномъ, комичномъ и унижительномъ положеніи, свойственномъ всякому нравственному безсилію. Такія управы, если онѣ не возьмутся за умъ, будутъ стоять ниже своего назначенія, и безславна окажется ихъ исторія. Дряблость и не-

рѣшительность многихъ нашихъ казенныхъ канцелярій привели Россію къ признанію ихъ полной негодности, и если найдутся похозяія на нихъ земства, то порядокъ, столь необходимый для нашего отечества, будетъ еще не скоро возстановленъ. Объ этомъ слѣдуетъ серьезно подумать тѣмъ гласнымъ, которые рѣшились честно и безкорыстно служить своей родинѣ, на которую такъ много людей смотритъ, какъ на дойную корову. Но кто-нибудь долженъ-же взять на себя трудъ накормить эту корову, которая, какъ извѣстно, уже изрядно истощена. Для того-же, чтобы корова въ какомъ-либо хозяйствѣ была во время накормлена и напоена, нуженъ прочно установленный порядокъ. То, что вѣрно для каждаго отдѣльнаго хозяйства, то же справедливо и для земства. Это весьма понятно и всѣмъ извѣстно, но однако далеко не всегда выполняется на дѣлѣ. Повторяемъ: гласные должны всѣми зависящими отъ нихъ силами возстановить порядокъ въ земскихъ дѣлахъ, неудовлетворительность которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очевидна. Надо твердо помнить, что если не будетъ порядка въ земствѣ, то его трудно соблюсти и во всемъ государствѣ. Это особенно необходимо помнить теперь, когда послѣ 1879 года высшее правительство заявило земству и народу полное свое довѣріе и ожидаетъ отъ нихъ возстановленія въ отечествѣ порядка и утраченнаго благосостоянія ея жителей. Чтобы возстановить порядокъ, нужно стоять на твердой законной почвѣ и разъ навсегда отдѣлаться отъ всякихъ модныхъ вліаній, вносимыхъ въ Россію изъ западной Европы и дѣлающихъ нѣкоторыхъ изъ насъ вѣчно колеблющимися, нравственными калѣбками. Нужно встать на твердую законную почву и рѣшительно пользоваться своими правами, не уступая ихъ никому и ничему. Пользуясь своими правами, нужно также строго исполнять свои обязанности, не опасаясь возгласовъ какихъ-бы то ни было крикуновъ, говорящихъ и пишущихъ съ чужаго, не русскаго голоса. Примѣръ такого истинно гражданскаго поведенія, обязательнаго для русскихъ, мы вправѣ ждать отъ земствъ и городскихъ думъ. И мы этого твердо ожидаемъ, потому что неизмѣнно вѣримъ въ здравый смыслъ и правдивость нашего народа.

Это слѣдуетъ понимать также всѣмъ специалистамъ, которые дѣйствительно хотятъ быть полезны своей родинѣ и пользоваться уваженіемъ своихъ согражданъ. Командовать же людьми безъ ихъ на то согласія и распоряжаться противъ ихъ воли достояніемъ общества, требуя для себя безконтрольность, это такія попятныя извѣстной части нашей интеллигенціи, благодаря которымъ происходятъ всевозможные безпорядки и самое государство слабѣетъ. Въ большихъ и малыхъ дѣлахъ неуваженіе къ своимъ ближнимъ и пренебреженіе ихъ интересами имѣютъ одинаково гибельныя послѣдствія.

Въ настоящее время въ нашей общественной жизни совершается довольно рѣзкій переломъ, который тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на такъ называемыхъ образованныхъ людей, чѣмъ дальше стоятъ они отъ народной массы и чѣмъ менѣе имѣютъ возможности сближаться съ нею своими интересами. До 1861 года всѣ люди, воспитывавшіеся гдѣ либо и получавшіе дипломы, поступали на службу къ своему начальству; теперь многимъ необходимо или служить народу, или остаться безъ службы и даже безъ почвы подъ ногами. Этотъ переломъ уже отразился на нашей чиновничьей средѣ вообще, и высшіе администраторы въ настоящее время не предпринимаютъ уже серьезныхъ государственныхъ мѣръ, не выслушавъ предварительно общественное мнѣніе, помощію прямаго спроса у земствъ и городскихъ думъ о примѣнимости того или инаго правительственнаго предположенія. Часть русскихъ земскихъ врачей, о которыхъ нѣкоторыя управы отзываются съ лестною похвалою, уже поняли предъявленные къ нимъ требованія современнаго общества. Надо надѣяться, что вскорѣ къ нимъ присоединятся и такіе многочисленные еще врачи, каковъ г. Цитовичъ и ему подобные, и тѣмъ облегчатъ исполненіе многочисленныхъ и сложныхъ обязанностей, лежащихъ на земствѣ. Въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ отъ врачей, какъ отъ лицъ, получающихъ серьезную подготовку для уразумѣнія реальныхъ потребностей чловѣчества, слѣдуетъ ожидать еще положительно полезнаго нравственнаго и умственнаго вліянія на тѣхъ многихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, которые съ свойственною русской натурѣ любознательностью готовы воспользоваться каждымъ толковымъ совѣтомъ, если таковые даются чловѣкомъ науки въ приличной формѣ. Мы съ сожалѣніемъ должны однако сознаться, что это будущее представляется намъ вдалькѣ, и выводимъ такое заключеніе изъ того, что значительная часть современныхъ сѣздовъ земскихъ врачей вовсе не встаетъ относится къ общественнымъ дѣятелямъ какъ-то свысока, чего не замѣчается среди иныхъ болѣе или менѣе ученыхъ специалистовъ. Это ничѣмъ необъяснимое высокомѣріе господъ эскулаповъ проявляется иногда и среди такихъ земствъ, которыя своею полезною дѣятельностью успѣли занять видное мѣсто въ краткой исторіи нашего мѣстнаго самоуправления. Мы уже видѣли, что высказываемая нами мысль подтвердилась относительно рязанскаго и полтавскаго земствъ; она же справедлива отчасти и въ отношеніи черниговскаго. Въ засѣданіи сѣзда черниговскихъ земскихъ врачей въ 1880 году ¹⁾ разсматривался докладъ доктора Ильина по весьма важнымъ вопросамъ о задачахъ земской медицины и о направленіи лечеб-

¹⁾ «Земскій сборникъ Черниговской губерніи 1880 года», №№ 5, 6, 7 и 8.

ной медицины (системы станціонерно-больничная и разъѣздная). Докладъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ уже однажды принятъ съѣздомъ врачей, которымъ онъ такъ понравился, что они прочли его вторично въ послѣднемъ своемъ засѣданіи. Докторъ Ильинъ начинаетъ свой докладъ съ объясненія того, что въ послѣднее время въ устройствѣ земской медицины существуетъ два направленія—санитарное или предупредительное и клиническое или лечебное. По его мнѣнію, строго говоря, ни то, ни другое направленіе, въ отдѣльности взятое, не могутъ быть выполнены въ настоящее время. Докладчикъ приводитъ ссылку на извѣстнаго гигиениста доктора Эрисмана, который говоритъ, между прочимъ, слѣдующую избитую истину: «Вовсе не въ самой профессиональной дѣятельности сельскаго рабочаго заключается причина, обуславливающая какъ родъ, такъ и величину цифры заболѣваемости и смертности въ этомъ сословіи, но неблагоприятный моментъ лежитъ въ остальной жизненной обстановкѣ крестьянъ; сама же работа на свѣжемъ воздухѣ, хотя подчасъ и тяжелая, но въ общемъ укрѣпляющая организмъ, скорѣе заключаетъ въ себѣ компенсирующій факторъ, который способенъ уменьшить смертность въ крестьянскомъ сословіи». Такимъ полуиностраннымъ языкомъ цитируемый докторъ высказалъ, что главная причина болѣзненности и истощенія силъ крестьянскаго сословія заключается въ томъ, что многіе изъ его представителей не могутъ всегда найдаться до-сыта. Изъ приведенной ссылки докладчикъ заключаетъ, что до тѣхъ поръ, пока не улучшится экономическій бытъ населенія, нельзя и думать о мѣрахъ къ улучшенію гигиеническихъ условій, среди которыхъ онъ живетъ. Это дѣло будущаго; пока же весь сельскій санитаризмъ практически сводится на всестороннее изученіе мѣстности въ медико-топографическомъ и медико-статистическомъ отношеніяхъ. Въ исполненіи такой задачи врачамъ, по увѣренію докладчика, препятствуетъ земство, возложившее на нихъ массу обязанностей. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, г. Ильинъ приводитъ слова петербургскаго извѣстнаго гигиениста Доброславина, который, занимая катедру въ академіи, долженъ быть менѣе знакомъ съ практическими приемами, годными для сельской жизни, чѣмъ любой изъ знающихъ свое дѣло земскихъ докторовъ. Какъ бы то ни было, но черниговскій земскій докторъ приводитъ такое извлеченіе изъ журнала «Здоровье», издаваемаго г. Доброславинымъ. «Неужели же земство вѣрится серьезно въ возможность для земскихъ врачей-лечителей осуществить обѣ задачи: и лечить больныхъ, и изучать причины и отыскивать способы предупрежденія болѣзни? Такая вѣра возможна только у людей, никогда неслыхавшихъ о томъ, что такое регистрація, статистика и изученіе мѣстности съ гигиенической точки зрѣнія. Знаютъ ли они (земскіе дѣятели) хотя приблизительно,

чего можно требовать отъ санитарнаго врача? Нѣтъ, это лишнее! Въ санитарные врачи берется первое встрѣтившееся врачебное лицо и дѣло сдѣлано». Приведенная выдержка изъ статей г. Доброславина можетъ быть составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ мыслей, когда либо имъ высказанныхъ въ минуту раздраженія, и нельзя не подивиться тому, что г. Ильинъ построилъ свой докладъ на ссылкахъ изъ писаній петербургскихъ докторовъ, которымъ онъ не оказалъ большой услуги. Изъ приведенныхъ выше словъ почтеннаго г. Доброславина видно, что онъ совершенно незнакомъ съ статистическими работами нашего земства, если говорить, что его представителямъ вообще не извѣстно, что такое регистрація, статистика и изученіе мѣстности съ гигиенической точки зрѣнія. Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, земскія статистическія работы должны быть причислены къ лучшимъ трудамъ таковаго рода, появившимся когда либо въ Россіи. Многія земства весьма подробно разработали экономическіе вопросы нѣкоторыхъ русскихъ губерній, или частей оныхъ. Что касается собственно до санитарной статистики, то, исключая работъ московскаго земства ¹⁾, мы не знаемъ другихъ, вполне удовлетворительныхъ. Но въ дѣдъ гигиеническія и санитарныя условія различныхъ мѣстностей Россіи вообще составляютъ непочатый край, и все-таки земство дѣлаетъ начинъ и въ этомъ отношеніи. Далѣе г. Ильинъ въ своемъ докладѣ оправдываетъ врачей, незаслужившихъ еще народнаго довѣрія, и прямо винить земство въ томъ, что медицинская часть въ провинціи стоитъ на низкой степени. «Мыслима ли, говоритъ онъ,—въ самомъ дѣлѣ энергичная дѣятельность врачей, когда положеніе и направленіе ихъ дѣятельности часто зависитъ отъ совершенно личныхъ и часто мѣняющихся взглядовъ земскихъ собраній? Возможно ли удовлетворить совершенно невыполняемымъ требованіямъ—лечить одному человѣку всѣхъ и cadaго на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ?» Этотъ возгласъ не имѣетъ за собою никакого практическаго значенія, потому что докладчикъ не подтвердилъ его фактами, которые на самомъ дѣлѣ доказываютъ удивительно нѣжныя отношенія большинства земствъ къ врачамъ, даже вовсе неоправдывающимъ своего назначенія. Въ другомъ мѣстѣ своего доклада, г. Ильинъ наставительно говоритъ земству: «Дѣло земской медицины тогда только можетъ стать на надлежащую почву и получить наиболѣе цѣлесообразное устройство, соотвѣтственно выгодамъ сельскаго населенія, когда земство станетъ относиться съ бѣльшимъ довѣріемъ къ своимъ врачамъ и перестанетъ смотрѣть на нихъ, какъ на наймитовъ, старая-

¹⁾ «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи». Отдѣлъ санитарной статистики, томъ III, выпускъ 1 и 2, 1881 года.

щихся всячески утянуть лишній земскій (т. е. народный) грошъ и урвать для себя лишнюю земскую минуту». Совершенно вѣрно, что прежде всего необходимо, чтобы земство довѣряло врачамъ; но можно ли вполне довѣрять такимъ изъ нихъ, которые похожи на г. Цитовича, на часть рязанскихъ врачей и на самого г. Ильина, написавшаго многоглаголевый докладъ, въ которомъ голословно обвиняетъ земство и голословно же утверждаетъ, что земскіе врачи мученики. Нельзя же приказать земству, чтобы оно уважало всѣхъ врачей безъ исключенія. Уваженіе и довѣріе суть такія свойства людей, которыя заслуживаются ими путемъ многолѣтняго труда, знанія или даровитости. Даромъ такія вещи никому не даются. Безконечно длинный докладъ свой г. Ильинъ заключаетъ тѣмъ, что врачебную помощь и санитарную часть слѣдуетъ устраивать по возможности лучше, сообразно со средствами мѣстнаго населенія, и стараться, чтобы въ каждомъ уѣздѣ было не менѣе пяти врачей. Но вѣдъ само земство со дня его учрежденія старается о томъ, чтобы медицинская часть была устраиваема по возможности лучше и для того, чтобы высказать эту мысль, не было никакой надобности писать докладъ, вставляя въ него неудачныя ссылки изъ статей медицинскихъ извѣстностей. Непопятно, что именно въ приведенномъ докладѣ такъ нравится гг. черниговскимъ врачамъ. Если ихъ подкупаетъ въ немъ небрежное и несправедливое отношеніе къ земству, которому они служатъ, то это еще разъ доказываетъ ихъ отсталость отъ современныхъ требованій общества и народа, хотя они и имѣютъ счастье получать образованіе на счетъ тяжелаго производительнаго труда массы населенія. Мы могли бы привести еще множество другихъ примѣровъ, доказывающихъ, что среди земскихъ медиковъ много еще лицъ, нежелающихъ трезво взглянуть на свое положеніе и трудомъ заработать себѣ добрую славу и почетъ, но думаемъ, что и приведенныхъ уже нами фактовъ этого рода совершенно достаточно.

Приведемъ теперь примѣръ одной изъ тѣхъ губерній, въ которыхъ земскіе врачи, не задаваясь неидущими прямо къ ихъ специальности цѣлями, стараются по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовать, вмѣстѣ съ земскими представителями, выясненію вопросовъ, касающихся улучшенія народнаго здравія. Чтобы доказать, что какъ нужда населенія, такъ и нужды самихъ врачей могутъ быть скорѣе всего удовлетворены при дружныхъ усиліяхъ общества съ служащими ему докторами, остановимъ вниманіе читателя хотя на засѣданіи земскихъ врачей Новгородской губерніи 1880 г. На первую очередь съѣздомъ былъ поставленъ вопросъ объ организациіи врачебной статистики. Къ участію въ засѣданіе съѣзда былъ приглашенъ завѣдывающій земскою статистикою вообще и управляющій статистическимъ отдѣленіемъ при губернской

управѣ С. П. Матвѣевъ, труды котораго, по выясненію экономическаго положенія нѣкоторыхъ мѣстностей Новгородской губерніи, заняли видное мѣсто въ земской литературѣ. Фактъ совмѣстныхъ работъ губернской управы съ земскими врачами, по чисто специальному медицинскому вопросу, обращаетъ здѣсь на себя невольное вниманіе всѣхъ русскихъ людей, желающихъ, чтобы умственные силы родины работали дружно, съ цѣлью достиженія общаго блага, а не шли бы розно, тратя свое время на вредныя пререканія, происходящія оттого, что одни изъ насъ считаютъ себя ученѣе и умнѣе другихъ, а эти другіе, за людьми, считающими себя первыми, особыхъ качествъ не признаютъ. Новгородскіе земскіе врачи задались, повидимому, цѣлью, содѣйствовать обществу своими знаніями, пользуясь въ то же время помощію другихъ умственныхъ мѣстныхъ силъ, и въ этомъ они, разумѣется, обрѣтутъ себѣ уваженіе большинства населенія и добьются того, что будутъ имѣть на него благотворное вліяніе. Г. Матвѣевъ представилъ сѣзду новгородскихъ врачей проектъ, принятый въ 1879 г. губернской управою, относительно собиранія свѣдѣній о заболѣваемости населенія, результаты сношенія по этому проекту губернской управы съ уѣздными, отзывы на проектъ нѣкоторыхъ земскихъ врачей и сообщеніе о томъ, въ какомъ положеніи дѣло это находилось въ 1880 г.

Изъ представленныхъ такимъ образомъ данныхъ ¹⁾ видно, что въ началѣ 1879 г., при составленіи проекта занятій статистическаго отдѣленія губернской управы, былъ, между прочимъ, внесенъ въ этотъ проектъ и вопросъ объ организаціи медицинской и санитарной статистики, необходимой земству, съ одной стороны, для того, чтобы имѣть данныя для сужденія о районѣ дѣйствій лечебницъ и амбулаторныхъ пунктовъ, а съ другой, — насколько возможно, собрать также свѣдѣнія о заболѣваемости населенія и объ оспопрививаніи. Этотъ проектъ былъ разосланъ уѣзднымъ управамъ въ маѣ 1879 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же былъ намѣченъ въ общихъ чертахъ и способъ выполненія поставленныхъ задачъ, именно: предполагалось ввести въ больницахъ и лечебницахъ особыя карточки о каждомъ заболѣвшемъ субъектѣ, которыя содержали бы въ себѣ всѣ необходимыя для правильной постановки дѣла свѣдѣнія о больныхъ. Форма этихъ карточекъ тогда же была составлена статистическимъ отдѣленіемъ и затѣмъ предложена на обсужденіе врачей, находившихся въ то время въ Новгородѣ, а также эти карточки разсматривались представителями ближайшихъ уѣздныхъ земствъ. По разсмотрѣніи и одобреніи этими лицами формы

¹⁾ «Протоколы засѣданій IV сѣзда земскихъ врачей Новгородской губерніи», 1880 г. Отдѣльная брошюра, изданная губернской земскою управою.

карточекъ о больныхъ, губернская управа 27 марта 1879 г. обратилась въ уѣздныя управы съ просьбою, въ которой, указывая на необходимость лучшей организаціи статистики заболѣваемости, просила дать отзывъ о томъ, осуществимо ли собраніе посредствомъ карточекъ свѣдѣній о заболѣваемости, и, если будутъ при этомъ встрѣчены какія-либо затрудненія, то какія необходимо сдѣлать измѣненія для ихъ отстраненія. Изъ этого видно, что новгородское земство придаетъ медицинской статистикѣ такое же существенное значеніе, какъ и даннымъ объ экономическомъ положеніи населенія; это мнѣніе раздѣляютъ съ нею и земскіе врачи, о чемъ они уже неоднократно заявляли на состоявшихся ихъ сѣздахъ. Уѣздныя управы и многіе изъ земскихъ врачей не замедлили заявить губернской новгородской управѣ свои воззрѣнія на проектъ собранія медицинскихъ свѣдѣній, имъ доставленный.

Полученныя губернскою управою возраженія можно свести главнымъ образомъ къ слѣдующимъ ¹⁾: 1) предложенный способъ не можетъ доставить полныхъ свѣдѣній о всѣхъ больныхъ; съ одной стороны, онъ допускаетъ многочисленные пропуски, съ другой—двойными записи въ случаяхъ обращенія одного больного къ двумъ врачамъ; 2) обременительность и сложность работы, также недостатокъ у врачей времени на ея выполненіе, особенно при разъѣздахъ и 3) нѣкоторыми врачами указывалось на необходимость ранѣе, чѣмъ приступить къ самому собранію свѣдѣній, установить однообразную номенклатуру болѣзней, обязательную для всѣхъ врачей.

Тѣмъ не менѣе, карточки съ соотвѣтствующими на нихъ надписями получились почти отъ всѣхъ уѣздныхъ земскихъ врачей къ 1880 году.

Сѣздъ врачей, выслушавъ это сообщеніе, постановилъ единогласно: а) не только желательно, но признается настоятельно необходимымъ, въ цѣляхъ приобрѣтенія основаній для разрѣшенія вопросовъ по народному здравію, собраніе и разработка свѣдѣній по статистикѣ заболѣваемости; б) разработка матеріаловъ по статистикѣ заболѣваемости отдѣленіемъ губернской управы со стороны медицинской, необходимо производить при участіи врача и в) каждому изъ предпринятыхъ изслѣдованій, въ окончательномъ изложеніи, весьма по-

¹⁾ Мы останавливаемъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ подробностяхъ по собранію врачебной статистики, которая, по нашему мнѣнію, имѣетъ важное значеніе. Кроме того, эти подробности нужны для земскихъ людей и для всѣхъ, интересующихся народнымъ здравіемъ.

лезно предпосылать объясненіе того метода, который въ каждомъ данномъ случаѣ былъ приложенъ изслѣдователемъ.

Этимъ постановленіемъ кончилось первое засѣданіе четвертаго сѣзда новгородскихъ земскихъ врачей, а въ слѣдующемъ возникли пренія по вопросу о томъ, какъ примѣнить къ дѣлу наудобнѣйшій способъ собиранія врачебной статистики. Изъ преній выяснилось, что шесть уѣздовъ Новгородской губерніи доставляютъ уже свѣдѣнія о заболѣваемости по карточной системѣ, два же уѣзда рѣшили выслать въ статистическое отдѣленіе земской управы свои амбулаторныя книги, предварительно примѣнивъ ихъ къ предложенной губернской земскою управою программѣ.

Нѣкоторые члены сѣзда высказались о невозможности примѣненія карточной системы къ собиранію свѣдѣній о количествѣ амбулаторныхъ больныхъ, число которыхъ доходитъ въ нѣкоторыхъ амбулаторіяхъ до громадной цифры 19,000 ежегодныхъ и до 190 ежедневныхъ посѣщеній. Другіе члены добавили, что составленіе карточекъ затруднительно, тѣмъ болѣе, что и при нихъ веденіе амбулаторной книги необходимо. Защитники карточной системы собиранія свѣдѣній доказывали, съ своей стороны, что при этомъ трудъ врача можетъ быть доведенъ до весьма небольшого, такъ какъ свѣдѣнія, за исключеніемъ лишь діагноза, могутъ быть отобраны фельдшеромъ, либо сестрою милосердія, до врачебнаго изслѣдованія больныхъ, подвергаясь которому пациенты прямо передаютъ изслѣдующему ихъ врачу карточку съ помѣченными уже свѣдѣніями о возрастѣ, семейномъ состояніи и проч.

Такой порядокъ уже практикуется въ нѣкоторыхъ больницахъ и даетъ, по заявленію приложившихъ его лицъ, весьма удовлетворительные результаты. Что касается до излишка труда (при введеніи карточной системы), который потребовался бы главнымъ образомъ на чисто механическую переписку извѣстнаго рода свѣдѣній, то онъ могъ бы быть возложенъ на нанятаго простаго писца, врачу же пришлось бы только подписать еще разъ свою фамилію и выставить діагнозъ.

Результатомъ продолжительныхъ по этому предмету преній сѣзда новгородскихъ земскихъ врачей было такое единогласное постановленіе: Сѣздъ врачей одобряетъ карточную систему собиранія статистическихъ свѣдѣній о заболѣваемости, по образцамъ, выработаннымъ, въ прошломъ году, новгородскою губернскою земскою управою, оставляя за врачами полную свободу, относительно принятія или непринятія предложенной нѣкоторыми членами сѣзда системы двойныхъ карточекъ. При этомъ, сознавая громадную важность собиранія и разработки стати-

стическихъ свѣдѣній о заболѣваемости, съѣздъ считалъ бы полезнымъ просить уѣздныя земскія управы обязать земскихъ врачей собирать статистическія свѣдѣнія по одобренной съѣздомъ формѣ, облегчая вмѣстѣ съ тѣмъ эту обязанность всѣми зависящими отъ земствъ мѣрами и средствами. Относительно допущенія фельдшеровъ къ собиранію статистическихъ свѣдѣній съѣздъ постановилъ: Принимая во вниманіе настоятельную необходимость добыть возможно большее число фактовъ по статистикѣ заболѣваемости, а также имѣя въ виду невозможность регистрировать всѣ случаи заболѣваемости силами однихъ врачей, рѣшено допустить къ собиранію даннаго статистическаго матеріала медицинскихъ фельдшеровъ лишь подъ непремѣннымъ условіемъ контроля доставляемыхъ ими свѣдѣній мѣстными участковыми врачами. При этомъ съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы, какъ приглашеніе, такъ и увольненіе фельдшеровъ отъ должности земскими управами было бы поставлено въ прямую зависимость отъ врачей.

Послѣ того съѣздъ приступилъ къ разсмотрѣнію не менѣ важнаго для населенія вопроса, обязательныхъ, всегда болѣе или менѣ стѣснительныхъ правилъ по сохраненію народнаго здравія. Извѣстно, что правила эти болѣею частію не исполняются. По этому поводу былъ представленъ съѣзду новгородскихъ врачей обстоятельный докладъ, основная мысль котораго состояла въ томъ, что направленная до сихъ поръ дѣятельность земства преимущественно къ леченію больныхъ недостаточна, и въ интересахъ народнаго здравія необходимо также предупреждать появленія болѣзней. Право изданія обязательныхъ правилъ, предоставленное земству закономъ 9 мая 1879 года, говорится въ докладѣ, касается именно охраненія народнаго здравія. Но прежде всего необходимо выяснить: нужно ли воздѣйствовать на населеніе исключительно посредствомъ принужденія къ исполненію извѣстныхъ правилъ гигиены, предохраняющихъ его отъ условій, вредно вліяющихъ на народное здравіе? Докладъ указываетъ при этомъ на то, что подобныя принудительныя правила, вошедшія въ законы, помѣщенные въ XIII томѣ свода, остаются лишь мертвою буквою, и склоняется къ тому, что улучшеніе гигиенической обстановки народной жизни слѣдуетъ главнымъ образомъ, если не исключительно, ожидать отъ поднятія уровня благосостоянія и образованности массы населенія. О средствахъ къ поднятію экономическаго уровня населенія призвано заботиться земство, врачи же могутъ и должны взять на себя обязанность распростра-

нія въ народѣ элементарныхъ положеній о гигиенѣ, въ чемъ въ значительной степени имъ можетъ содѣйствовать и школа.

По отношенію къ фабричнымъ и заводскимъ помѣщеніямъ, владельцы которыхъ большею частію принадлежатъ къ состоятельному классу населенія, не предвидится, по мнѣнію доклада, тѣхъ затрудненій къ изданію и примѣненію обязательныхъ правилъ, которыя составляютъ главный камень преткновенія въ примѣненіи такихъ правилъ къ сельскому населенію. Что же касается до съѣзда гг. врачей, то отъ нихъ желательно получить указанія на тѣ условія фабричной и заводской жизни, которыя, по имѣющимся въ наукѣ даннымъ, гибельно вліяютъ на здоровье фабричныхъ рабочихъ и потому должны обратить на себя вниманіе земства. Но кромѣ научныхъ данныхъ касательно вредныхъ веществъ, входящихъ въ составъ перерабатываемыхъ на заводахъ продуктовъ, нужно имѣть еще подробныя описанія фабрикъ, существующихъ въ данной мѣстности, безъ чего о нуждахъ рабочихъ нельзя составить себѣ подробнаго понятія. Помимо приведеннаго нами извлеченія изъ доклада, по тому же предмету на обсужденіе съѣзда былъ представленъ и другой докладъ отъ земскихъ врачей Череповскаго уѣзда ¹⁾. Послѣдній начинается съ того, что, не смотря на видимую громадную болѣзненность среди населенія Череповскаго уѣзда, обращающагося за помощію въ больницы и къ врачамъ, заболѣваемость населенія по отчетамъ ниже дѣйствительной заболѣваемости въ уѣздѣ. Это доказывается тѣмъ, что 1) число обращающихся къ врачамъ больныхъ изъ волостей, ближайшимъ къ больницѣ, менѣе числа таковыхъ изъ болѣе отдаленныхъ отъ мѣста жительства врача деревень; 2) въ районахъ, въ которыхъ пользуются больныхъ фельдшера число больныхъ по вѣдомостямъ тоже менѣе противъ тѣхъ, въ которыхъ лечатъ врачи, и 3) многіе больные, особенно эпидимическіе, во все не попадаютъ въ медицинскіе отчеты. Изъ этого слѣдуетъ, что въ настоящее время мѣстное населеніе далеко не удовлетворено медицинскою помощію, что она распредѣлена неравномѣрно для всѣхъ частей уѣзда и что затрачиваемыхъ суммъ недостаточно для удовлетворенія существующей потребности, на что однако расходуется 30% земскаго уѣзднаго бюджета. Затраты уѣзднаго земства на медицинскую часть, при слабости платежныхъ силъ населенія, если еще не дошли, то весьма близко подходятъ къ предѣлу возможности ихъ увеличенія. Такимъ образомъ, одна лечебная помощь недостаточна для сохраненія народнаго здравія, и земству

¹⁾ Докладъ подписанъ докторомъ медицины П. Н. Грязновымъ и врачомъ І. В. Кротке.

пора начать преслѣдованіе задачъ, влонящихся къ предупрежденію заболѣванія. Для выполненія этого нужно привлечь на земскую службу новыхъ лицъ, которыя имѣли бы свою задачей изслѣдованіе гигиеническихъ условій жизни населенія и изысканіе мѣръ, предупреждающихъ заболѣваніе; вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны земства требуется самое серьезное участіе къ изысканію мѣръ для улучшенія экономическаго положенія населенія. Если же оказалось бы въ настоящее время для земства непосильнымъ дѣломъ приглашеніе санитарнаго врача, то возможно, болѣе или менѣе, успѣшно подойти къ той же цѣли, снабдивъ научными пособіями и назначивъ особаго поощренія тѣмъ лицамъ существующаго въ уѣздѣ врачебнаго персонала, которыя приступаютъ, въ свободное отъ занятій время, къ производству санитарныхъ изслѣдованій. Череповскіе врачи думаютъ, что для земства гораздо необходимѣе изслѣдовать причины болѣзненности населенія, чѣмъ издавать для него обязательныя правила, составляемыми безъ фактическаго матеріала о дѣйствительныхъ нуждахъ жителей извѣстной мѣстности. Для всѣхъ земствъ рѣшительно нужна правильно организованная статистика, основанная не на данныхъ, собранныхъ сельскими писарями, но на изслѣдованіяхъ, производимыхъ на мѣстѣ вполнѣ надежными людьми. Вообще было бы полезно, если бы губернское земство имѣло при уѣздныхъ управахъ одно лицо изъ своего статистическаго отдѣленія, которое могло бы на мѣстѣ собирать нужныя свѣдѣнія.

Ознакомясь съ вышеприведенными нами вкратцѣ двумя докладами, касавшимися терапевтическаго способа леченія и задачъ охранительной медицины, съѣздъ новгородскихъ врачей, между прочимъ, постановилъ:

1) Заботы земства о народномъ здоровіи не могутъ ограничиваться исключительно терапевтическими цѣлями, но должны преимущественно обращаться къ вопросу о предупрежденіи заболѣваемости, путемъ изученія и систематической борьбы съ условіями, способствующими появленію и развитію той или другой болѣзненной формы. 2) Эта борьба земства съ условіями, способствующими появленію и развитію той или другой болѣзненной формы, не можетъ ограничиться изданіемъ обязательныхъ правилъ по народному здоровію, но само же земство должно принять непосредственное, активное участіе въ устраненіи причинъ, обусловливающихъ заболѣваніе (А такія причины кроются главнымъ образомъ въ низкомъ экономическомъ уровнѣ большинства сельскихъ обывателей). Затѣмъ съѣздъ усердно рекомендуетъ земству пригласить врача-санитара и проч. Въ томъ же съѣздѣ гг. новгородскіе земскіе врачи, не сходя по возможности съ практической точки зрѣнія, т. е. вращаясь въ предѣлахъ вещей осуществимыхъ, говорили о мѣрахъ

противъ сифилиса и объ иныхъ специальныхъ вопросахъ, а также выработывали обязательныя правила для содержанія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. По просьбѣ съѣзда, профессоръ А. Доброславинъ и завѣдывающій отдѣленіемъ статистики при земской губернской управѣ С. Матвѣевъ выработали програму дѣятельности санитарнаго врача, если приглашеніе такового со временемъ состоится.

Эта програма имѣетъ безспорный интересъ, какъ для земскихъ людей всѣхъ губерній, такъ и для многочисленной публики, интересующейся въ наше время статистическими данными, касающимися жизни русскаго народа. Поэтому мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующія выдержки изъ этой програмы:

1) Санитарный врачъ несетъ обязанности докладчика губернскому и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ по всѣмъ санитарнымъ вопросамъ, касающимся мѣстнаго населенія.

2) Санитарный врачъ составляетъ свои доклады, основываясь на обработкѣ и сопоставленіи, какъ докладовъ уѣздныхъ земскихъ врачей, такъ и на данныхъ движенія народонаселенія, вытекающихъ изъ работъ статистическаго отдѣленія при губернской земской управѣ.

3) Санитарный врачъ беретъ на себя обязанность принимать участіе въ разработкѣ данныхъ по статистикѣ заболѣваемости, представляемыхъ уѣздными земскими врачами въ губернскую управу.

4) Въ тѣхъ случаяхъ, когда выяснится, что въ какой либо мѣстности губерніи статистическія данныя будутъ свидѣтельствовать о чрезмѣрно худыхъ гигиеническихъ условіяхъ, санитарный врачъ обязанъ подвергать эту мѣстность всестороннему научному изслѣдованію, съ гигиенической точки зрѣнія, и составлять о результатѣ этихъ изслѣдованій докладъ губернскому земскому собранію.

5) Кромѣ того, санитарный врачъ, въ остающееся отъ прочихъ его обязанностей свободное время, постоянно обязуется изучать губернію въ санитарномъ отношеніи и представлять губернскому собранію, по мѣрѣ окончанія своихъ работъ, санитарно-топографическія описанія изученныхъ уже мѣстностей.

7) Въ случаѣ появленія эпидемій, санитарный врачъ, изучивъ на мѣстѣ условія ихъ развитія, предлагаетъ мѣры къ ихъ устраненію или ограниченію.

9) Помогаетъ уѣзднымъ земскимъ врачамъ въ разрѣшеніи санитарныхъ вопросовъ: анализѣ пищи, воды, воздуха и т. под. указывая на тѣ вредныя причины, которыя могутъ быть устранены, и способы, какими достигнуть ихъ устраненія ¹⁾ и проч.

¹⁾ Разумѣется санитарные врачи будутъ заключать контракты съ губернскими управами и находиться подъ ихъ контролемъ.

Съѣздъ новгородскихъ врачей полагаетъ, что вызовъ санитарныхъ врачей удобно для земства устраивать помощію конкурса, а затѣмъ, для оцѣнки научныхъ трудовъ кандидатовъ на мѣсто санитарнаго врача, избрать комисію изъ врачей, въ составъ которыхъ должны быть приглашены специалисты по гигиенѣ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ остановились на трудахъ съѣзда новгородскихъ земскихъ врачей, потому что послѣдніе, не кичась своими знаніями и не требуя себѣ особыхъ цеховыхъ правъ подобно рязанскимъ и черниговскимъ своимъ собратьямъ, говорятъ лишь о дѣлѣ, непосредственно относящемся до ихъ специальности. Именно потому, что новгородскіе врачи думаютъ прежде всего о своемъ дѣлѣ, они и заслуживаютъ полной признательности общества. Поэтому также ихъ рѣчи совершенно удобопонятны всѣмъ грамотнымъ и даже малограмотнымъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда врачи, безъ всякаго полемическаго азарта, но твердо и тольво объясняютъ, что повальные болѣзни происходятъ отъ истощенія народныхъ силъ, вслѣдствіе недостаточнаго питанія многихъ людей, то ихъ отлично понимаетъ даже всякій неграмотный мужикъ. Послѣдній, не съ научной, но съ житейской точки зрѣнія подтверждаетъ тотъ же фактъ, говоря, что когда человѣку нечего ѣсть, то онъ и безъ всякой болѣзни боленъ; и что лечить его отъ того лекарствами бесполезно. Ту же мысль выразили новгородскіе врачи, сказавъ, что нельзя ограничиться однимъ леченіемъ больныхъ въ больницахъ, но необходимо принять мѣры для предупрежденія болѣзней, поднявъ народное благосостояніе и изучивъ гигиеническія условія, въ которыхъ живетъ народъ. Главная задача ученыхъ въ томъ и состоитъ, чтобы они указали на выходъ изъ тяжелаго положенія населенія ¹⁾. Для того, чтобы люди могли принести другъ другу пользу, они непременно должны понимать одинъ другаго, иначе между ними неминуемо возникнутъ недоразумѣнія научнаго или ненаучнаго свойства и, вмѣсто пользы для человѣчества, получится вредъ, хотя бы и отъ введенія неисполнимыхъ обязательныхъ правилъ. Честь новгородскихъ и другихъ имъ сочувствующихъ земскихъ врачей состоитъ именно въ томъ, что они признаютъ своими равноправными братьями всѣхъ людей безъ исключенія, чему, къ сожалѣнію, для многихъ являются препятствіемъ чины и дипломы. Новгородскіе земскіе дѣятели уже оцѣнили отчасти прямоту дѣйствій своихъ врачей и въ ихъ засѣданіи въ 1880 году, членъ губернской управы И. Н. Нечаевъ заявилъ, что губернская управа въ

¹⁾ Весьма важно также, чтобы гг. ученые признали самый фактъ существованія народныхъ невгодъ и не отрицали бы его потому, что сами они большихъ неудобствъ не терпятъ и хотятъ себѣ не того, что нужно народу.

замѣнъ пенсій и эмеритуры для служащихъ въ земствѣ лицъ желаетъ достигнуть матеріальнаго обезпеченія ихъ и ихъ семействъ, посредствомъ застрахованія жизни или доходовъ въ одномъ изъ существующихъ акціонерныхъ обществъ, съ пособіемъ со стороны земства.

Страхование ли жизни или опредѣленная пенсія, но обезпеченіе старости земскихъ врачей и ихъ семействъ, на случай смерти полезныхъ общественныхъ дѣятелей, составляетъ насущный вопросъ, и земству, по лежащему на немъ нравственному долгу, слѣдуетъ имъ заняться въ самомъ скоромъ времени.

Устраивать пенсіи для мировыхъ судей, членовъ управъ и иныхъ выборныхъ дѣятелей, значитъ признавать въ принципѣ нѣкоторую несмѣняемость лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, и дѣлать ихъ чиновниками. Но доктора, учителя, акушерки и другія служащія земству лица, не имѣющія никакого недвижимаго имущества, должны быть увѣрены, что они навсегда обезпечены кускомъ хлѣба и помѣщеніемъ въ теплой хатѣ.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ нашихъ обзорѣній мы постараемся познакомить читателя съ санитарными работами земскихъ врачей Московской губерніи. Эти работы, помимо ихъ положительныхъ качествъ, замѣчательны еще и потому, что онѣ составляютъ первый, въ своемъ родѣ, вполне удачный опытъ.

Какъ образецъ трезваго взгляда нѣкоторыхъ земскихъ врачей на ихъ обязанности, въ отношеніи народнаго здравія, приводимъ здѣсь слѣдующую выдержку изъ отчета о санитарномъ состояніи С.-Петербургской губерніи за 1879 годъ ¹⁾. «Къ числу мѣръ, говорится въ отчетѣ,—имѣющихъ цѣлю обезпеченіе надлежащаго для сохраненія народнаго здоровья продовольствія, должно отнести изыатіе изъ продажи за недоимки той части крестьянскаго запаса хлѣба и сѣна, которое необходимо для пропитанія семьи, для обсемененія полей и для прокормленія, втеченіи восьми мѣсяцевъ, имѣющагося скота ²⁾. Эта мѣра была вызвана слѣдующими обстоятельствами: въ отдаленныхъ отъ столицы волостяхъ: Лемболовской, Бѣлоостровской, Кюляят-

¹⁾ Отдѣльная брошюра: «О санитарномъ состояніи С.-Петербургской губерніи, по свѣдѣніямъ земскихъ врачей», составилъ докторъ медицины Ю. Гюбнеръ.

²⁾ Къ сожалѣнію, такое постановленіе въ практикѣ не всегда выполняется и теперь часто крестьянъ, для уплаты повинностей, вынуждаютъ съ осени продавать хлѣбъ и сѣно по низкимъ цѣнамъ что для кулаковъ—нажива.

свой и Коркомьянской покосовъ вообще мало и тѣ, большею частію, лѣсистыя и мшистыя; поля тощи и урожаи на нихъ плохи. Но какъ бы укосъ сѣна и урожай хлѣба ни были незначительны, доклады вала уѣздная земская управа,—все же народъ былъ бы сытѣе и сѣна хватало бы для прокормленія скота втеченіи 8 мѣсяцевъ, если-бы крестьяне названныхъ мѣстностей не лишались своего сѣна и хлѣба систематически, ежегодно, искусственнымъ образомъ, посредствомъ продажи на пополненіе крестьянскихъ недоимокъ. Каждую осень, по уборкѣ сѣна и хлѣба, становые пристава приступаютъ къ самому энергическому и строгому взысканію недоимокъ, на томъ основаніи, что крестьяне, яко-бы, имѣютъ возможность уплатить недоимки, продавъ сѣно и хлѣбъ. Назначается небольшой срокъ для уплаты недоимокъ, описывается прежде всего сѣно и хлѣбъ и, въ случаѣ неплатежа, продается, безъ всякихъ разсужденій, обыкновенно за весьма низкія цѣны. Такъ, напримѣръ, пудъ сѣна за 20 к., кулъ овса 2 р. 50 к.—3 р. Проданное по низкимъ цѣнамъ осенью, покупается весной тѣми же самыми крестьянами, по высокимъ цѣнамъ: пудъ сѣна отъ 75 к. до 1 р., а кулъ овса отъ 5 до 6 р. Подобный способъ взысканія недоимокъ положительно раззорителенъ для крестьянъ и служить вѣрнымъ средствомъ для уничтоженія крестьянскаго полеводства и скотоводства. Печальный результатъ, въ хозяйственномъ отношеніи, слишкомъ очевиденъ, но и въ санитарномъ—печальныя послѣдствія весьма понятны».

С.-петербургскіе земскіе врачи, вникающіе въ дѣйствительныя причины дурнаго состоянія народнаго здравія, оказываютъ названной губерніи истинную услугу. Эта услуга была бы, безъ сомнѣнія, еще болѣе дѣйствительною, если-бы с.-петербургское земство имѣло побольше точныхъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи мѣстнаго населенія. Когда эти свѣдѣнія соберутся, то и отчеты врачей будутъ полнѣе и болѣе пригодны для полученія, помощію ихъ, окончательныхъ выводовъ.

По поводу приведеннаго нами заключенія с.-петербургскихъ земскихъ врачей о дурномъ вліяніи на народное здравіе нынѣшняго способа взысканія повинностей, невольно припоминаются предложенія нѣкоторыхъ губернскихъ земствъ, бравшихъ на себя собираніе и уплату въ государственное казначейство всѣхъ лежащихъ на населеніи повинностей, съ отвѣтственностью за исправное поступленіе слѣдующихъ съ народа платежей. Мы убѣждены, что земство, особенно если въ будущемъ оно будетъ тѣсно связано съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, окажется въ состояніи собирать съ народа государственныя повинности гораздо удобнѣйшимъ и менѣе отяготительнымъ способомъ, чѣмъ тотъ, который практикуется теперь.

Въ заключеніе скажемъ, что было бы весьма желательно, чтобы земскіе врачи подробно, т. е. научно, разработали вопросъ, ими только затронутый, о зависимости народнаго здравія отъ степени обезпеченія его продовольственныхъ средствъ. Пока наука не выскажетъ объ этомъ своего слова, до тѣхъ поръ не переведутся у насъ люди, закрывающіе глаза, чтобы не видѣть истинныхъ народныхъ нуждъ.

По поводу слуховъ объ учрежденіи крестьянскаго земельного банка ¹⁾.

Наши читатели знаютъ, что мы придаемъ большое значеніе увеличенію крестьянскаго землевладѣнія, о чемъ много уже разъ и съ различныхъ сторонъ говорилось въ нашихъ обзорѣяхъ, и о чемъ, въ первый же годъ существованія нашего журнала, была помѣщена специальная статья ²⁾. Въ настоящее время, по слухамъ, которымъ наши газеты придаютъ полную достовѣрность, въ министерствѣ финансовъ разработанъ проектъ крестьянскаго банка. Такой банкъ предполагается учредить при главномъ выкупномъ учрежденіи и управленіе онаго поручить особому совѣту изъ лицъ, назначаемыхъ министромъ финансовъ, и предсѣдателя выкупнаго учрежденія. Въ настоящее время еще рано разсматривать всѣ подробности этого новаго и столь желаннаго учрежденія; но самая его суть, передаваемая газетами, должна опечалить всѣхъ искреннихъ приверженцевъ идеи увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, какъ средства къ возвышенію ихъ благосостоянія и поднятію народнаго духа, забиваемаго бѣдностью и разноплеменными кулаками. Предполагаемый банкъ будетъ, какъ сообщаетъ намъ пресса, выдавать ссуды въ такомъ размѣрѣ, чтобы вновь купленные крестьянами земли, вмѣстѣ съ находившимися прежде въ ихъ собственности, составляли не болѣе высшаго надѣла по положенію 19 февраля для каждой мѣстности, а для одиночекъ не свыше подворнаго участка. Если будетъ устроенъ банкъ, выдающій такія ссуды, то мы рѣшительно утверждаемъ, что онъ лишъ въ исключительныхъ случаяхъ принесетъ съ собою улучшеніе знѣшняго экономическаго положенія крестьянъ. Мы уже нѣсколько разъ доказывали, что при нынѣшней трехпольной системѣ хозяйства нашихъ

¹⁾ «Новое Время», 1881 годъ, № 2082, статья «Крестьянскій поземельный банкъ».

²⁾ См. «Русскую Рѣчь», мартъ и апрѣль 1879 года, статья Ивана Кашкарова «Нужды русскаго народа».

крестьянинъ не можетъ быть сытъ, обрабатывая назначенный ему по положенію полный надѣлъ. Трехпольная система хозяйства распространена между крупными и мелкими собственниками, и требовать, чтобы крестьяне-общественники ввели на своихъ поляхъ рациональное хозяйство, опередивъ образованныхъ и необразованныхъ частныхъ владѣльцевъ, значить или вовсе не понимать хозяйства и его нынѣшняго положенія, или дѣлать хорошее дѣло только для виду, но въ сущности оставляя все по старому, т. е. сохраняя кабальное положеніе крестьянъ предъ землевладѣльцами, состоящими, мѣстами, въ меньшей степени изъ дворянъ, но преимущественно изъ спекуляторовъ разныхъ вѣроисповѣданій. Проектируемый банкъ нисколько не улучшитъ пониженнаго положенія нашего крестьянства, и если его предложить на обсужденіе свѣдущихъ людей, то мы докажемъ справедливость нашего утвержденія фактами, добытыми изъ дѣйствительной жизни трудами статистическихъ земскихъ бюро и отдѣленій. Вообще, пока нашъ бюрократическій Петербургъ станетъ составлять кабинетные проекты и приводить ихъ въ исполненіе, можетъ случиться большое горе со многими сотнями тысячъ русскихъ людей. Извѣстно, что въ Ковенской и другихъ западныхъ нашихъ губерніяхъ землевладѣльцами становятся нѣмцы; въ С.-Петербургской, Псковской и Новгородской—чужны скупаютъ большую часть помѣщичьихъ земель; на Кавказѣ тоже самое дѣлаютъ англичане и французы, и т. д. ¹⁾ Всѣ эти пришлые элементы скупаютъ земли, ведутъ на нихъ ту же трехпольную систему и обращаютъ великорусское племя въ экономическихъ рабовъ, вопляя отъ нихъ зависящихъ и начинающихъ мало-по-малу признавать въ пришельцахъ-всѣхъ или патріотахъ иностранныхъ державъ культурную силу. Если Петербургъ станетъ вводить составленныя въ его кабинетахъ мѣры для возвышенія народнаго благосостоянія, не спрашивая о своихъ измышленіяхъ совѣта у самихъ крестьянъ и у тѣхъ, кого они выберутъ, то наша меньшая братія можетъ окончательно обнищать и, что хуже всего, упасть духомъ и онѣмечиться, обжидоваться и очухониться въ предѣлахъ російской имперіи.

Воля ваша, господа благодѣтели, но для cadaго русскаго, живущаго въ провинціи и желающаго пользы своему отечеству, невозможно будетъ примириться съ тѣмъ крестьянскимъ банкомъ, который вами проектированъ въ тиши вашихъ уютныхъ кабинетовъ. Мы повторяемъ, что для русскихъ крестьянъ можетъ быть полезенъ лишь такой позе-

¹⁾ Маклаки и мироды покупаютъ земли и вовсе не ведутъ на нихъ хозяйства, но получаютъ доходъ, прижимая крестьянъ выгономъ, сѣнокосомъ, дровами и иными средствами. Отъ такого прижиманія получается мѣстами отличный доходъ.

мельный банкъ, который теперь же давалъ бы имъ возможность жить доходомъ съ земли и изъ оныхъ же выплачивать долгъ по ссудѣ. Только такой банкъ можетъ извлечь народъ изъ нужды и изъ тяжелой зависимости отъ всякихъ евреевъ, нѣмцевъ, мироѣдовъ и прочихъ высасывателей народныхъ соковъ. Дать же крестьянамъ лишь полный надѣлъ по положенію—значитъ оставить ихъ въ той же зависимости отъ разношерстныхъ нынѣшнихъ землевладѣльцевъ, безъ которыхъ у мужика не будетъ ни дровъ, ни сѣна, ни выгона, ни цѣлинной, залежной пахоты, ни подсѣчной лѣсной пашни. Откажется Россія отъ нынѣшней трехпольной системы только тогда, когда она просвѣтится, причемъ просвѣщеніе почти одинаково нужно и землевладѣльцамъ, и крестьянамъ. Если же крестьянское землевладѣніе не будетъ увеличено достаточнымъ образомъ (т. е. такъ; чтобы всѣ продающіяся земли могли быть скупаемы преимущественно крестьянами) и если въ ихъ школахъ станутъ еще долго обучать лишь одной грамотѣ, то мы, образованные люди, поработимъ и развратимъ нашъ народъ, отдавъ его на създеніе жидамъ, нѣмцамъ, чухнамъ и другимъ иноплеменникамъ, дѣтей которыхъ мы такъ обязательно воспитываемъ на казенный счетъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Право иной разъ начинаешь серьезно вѣрить тому, что въ Петербургѣ русскіе люди составляютъ рѣдкое явленіе; но мы не допускаемъ того предположенія, что скоро вся Россія станетъ походить на Петербургъ, въ которомъ вѣроятно найдется нѣсколько человѣкъ, съумѣющихъ сказать правдивое и горячее слово за своего брата, русскаго мужика, съ паденіемъ котораго падетъ и все отечественное. вмѣстѣ съ тѣмъ пропадетъ и правда ¹⁾, которая, по понятіямъ народа, не составляетъ привилегію какаго-либо класса общества, но можетъ быть выработана только всеобщимъ мірскимъ сходомъ.

Мы не понимаемъ тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые опасаются, что съ увеличеніемъ крестьянскаго благосостоянія у нихъ окажется мало рабочихъ рукъ. Рабочія руки на землю, которая ежегодно поднимается въ цѣнѣ, найдутся всегда; но можетъ быть эти руки не будутъ въ формѣ батраковъ, а исполовщиковъ, которые и теперь уже почти всюду вытѣснили годовыхъ и полугодовыхъ рабочихъ. Тѣ же исполовщики, которые теперь существуютъ, станутъ и тогда обрабатывать землевладѣльческія угодья; но для крупныхъ собственни-

¹⁾ Мы думаемъ, что всѣ, знающіе народъ, подтвердятъ, что онъ не вѣритъ ни чиновникамъ, ни господамъ, ни пропагандистамъ, но вѣритъ лишь Богу, да міру, свободно ставящему свои рѣшенія, и вѣритъ еще, что царь стоитъ за него, за русскій народъ.

ковъ не представится никакого убытка отъ того, что эти неполнозрѣлыя, теперь полуголодные и съ измученными вѣдлами, явятся тогда сытыми и съ добрыми, сильными лошадьми, запряженными еще въ плуги вмѣсто сохъ. Обезпечивъ себя, всякій человѣкъ стремится къ достатку, и потому увеличенное личное землевладѣніе крестьянъ не заставитъ ихъ отказаться отъ исполной обработки чужихъ угодій. До сихъ поръ рѣдки случаи, чтобы удобная земля гдѣ либо не была бы обработана. Конечно, на такую обработку существуетъ рыночная цѣна, а не та, которую желали бы установить кулаки. Разумѣется также, что безъ личнаго надзора и указаній хозяинъ можетъ понести убытки и при исполной системѣ. Да, наконецъ, и батраки всегда найдутся среди несчастныхъ, случайно обѣднѣвшихъ людей—въ мѣрѣ всегда было и будетъ много горя. Этою замѣткою мы ограничиваемъ теперь свое сужденіе по дѣлу объ устройствѣ крестьянскаго банка, къ которому вернемся, какъ только вопросъ о немъ выяснится.

О томъ, что могли бы сдѣлать правительство и общество для отвращенія экономическаго порабощенія кореннаго великорусскаго населенія пришлымъ элементомъ, краснорѣчивымъ фактомъ отвѣчаетъ тверское земство. Въ то время, какъ въ С.-Петербургской, а отчасти въ Новгородской и Псковской губерніяхъ нѣмцы и чухны (латыши и эсты) скупаютъ продающіяся помѣщичьи земли и обращаютъ русскихъ въ батраковъ, въ Тверской губерніи большая часть продающихся помѣщичьихъ земель перешла въ руки мѣстныхъ крестьянъ, которые завели мѣстами рациональное многопольное полеводство. Такое отрадное для русскихъ людей явленіе произошло въ Тверской губерніи въ значительной степени отъ того, что мѣстное земство, вскорѣ послѣ своего открытія, начало выдавать ссуды сельскимъ обществамъ и отдѣльнымъ товариществамъ изъ крестьянъ, которые желали прикупить себѣ земли къ имѣющимся уже въ ихъ пользованіи казеннымъ надѣламъ. Мы убѣждены поэтому, что тверскіе земскіе дѣятели могли бы дать правительству цѣнныя указанія того способа, какимъ, для пользы крестьянства, нужно устраивать долгосрочный для него кредитъ. Мы увѣрены, что правительство не утвердитъ проекта министерства финансовъ, не спросивъ о немъ мнѣнія земскихъ людей; но въ такомъ случаѣ почему же и самое составленіе этого проекта не было поручено чиновникамъ министерства, совмѣстно съ людьми, знакомыми съ дѣйствительными нуждами населенія, или не отобраны предварительно составленія проекта заключенія отъ такихъ, знающихъ дѣло, земскихъ представителей? Неужели для того, чтобы удержать за собою славу со-

ставленія самостоятельнаго проекта, гг. чиновники написали уставъ крестьянскаго поземельнаго банка, не посоветовавшись не только съ крестьянами, но даже съ тѣми людьми, которые близко къ нимъ стоятъ? Но вѣдь въ такомъ случаѣ слѣдуетъ, по всей вѣроятности, ожидать на практикѣ болѣе или менѣе рѣшительнаго пораженія составленнаго въ канцеляріи проекта, отчего вмѣсто народной пользы можетъ произойти вредъ.

Намъ рѣшительно не вѣрится, чтобы на заданные выше вопросы можно было отвѣчать утвердительно. Нынѣшній министръ финансовъ, имя котораго произносится съ уваженіемъ болшею частью русскихъ людей, не поддержитъ, какъ мы полагаемъ, ни одного проекта, необсужденнаго со всѣхъ сторонъ компетентными людьми.

Будемъ надѣяться, что указанное нами недоразумѣніе скоро выяснится.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 марта.

«Холодно! холодно!..» Помните ли вы, читатель, эти потрясающія, роковыя слова? Сегодня, ровно годъ тому назадъ, какъ предсмертный стонъ вырвался изъ устъ пораженнаго предательскою рукою великаго царственнаго мученика и былъ повторенъ затѣмъ цѣлой Россіей, цѣлымъ міромъ, подъ давленіемъ охватившаго всякую живую душу леденящаго чувства ужаса, жалости и нравственнаго возмущенія. Да, конечно вы помните, вы не забыли, не могли забыть ихъ, эти потрясающія душу слова, которыми заключилась одна изъ славнѣйшихъ страницъ нашей отечественной исторіи, съ которыми отошелъ въ вѣчность одинъ изъ величайшихъ государей Россіи, всю жизнь положившій на то, чтобы согрѣть народъ свой теплотою своей благотворной дѣятельности; и вотъ эта-то дорогая для Россіи работа, эта плодотворная дѣятельность была пресѣчена потаенною рукою злодѣя, сегодня, ровно годъ тому назадъ. Да, «холодно! холодно!..» Никогда не забудемъ мы этихъ ужасныхъ словъ, ибо есть событія, впечатлѣнія которыхъ не стираются никакою давностью, надъ которыми бессильно время, потому-то и сегодня, въ день печальной годовщины страшнаго событія, при одномъ воспоминаніи о немъ; холодно, холодно становится у насъ на сердцѣ; «холодно! холодно!..» невольнo шепчуть уста наши; и пока разумъ человѣческій не утратитъ способности различать добро отъ зла, пока сердце человѣческое не потеряетъ способности взмущаться преступленіемъ и сжиматься отъ жалости при видѣ страданія, годовщина 1 марта всегда будетъ охватывать насъ тѣмъ же чувствомъ холода, и тотъ же невольный вопль содроганія будетъ вырваться изъ груди русскаго человѣка.

Время можетъ ослабить только ѣдеую остроту этого чувства, но за то оно будетъ дѣлаться постоянно глубже, сознательнѣе, по мѣрѣ того, какъ симпатичная личность почившаго Царя-мученика будетъ выясняться для насъ во всемъ, что было *Онъ*, что составляло *Его*, выдѣляясь отъ всего, что приходило въ его дѣятельность чужаго, посторонняго, наноснаго. Эту переѣмъну мы чувствуемъ уже до нѣкоторой степени и сегодня, въ день первой годовщины мучительской кончины его, и съ каждымъ годомъ будемъ чувствовать это все болѣе, все яснѣе. Томительно тяжель былъ для насъ этотъ первый годъ не официальнаго, а сердечнаго траура по усопшемъ царѣ. Потрясающее впечатлѣніе первой минуты какъ бы придавило духъ общества и народа; оно парализовало всѣ думы, всѣ помышленія, оставивъ въ нихъ только удручающее чувство стыда и скорби въ настоящемъ и страха, почти безнадежности на будущее. Ударъ былъ настолько сокрушительнъ, что его не выдержала, повидимому испытанная исторіей, закаленная стойкость и выносливость нашего народнаго характера и онъ какъ будто пригнулся подъ тяжестью постигнаго насъ удара.

Въ этомъ состояніи нравственнаго надлома, если такъ можно выразиться, пережили мы истекшій годъ, и въ настоящую минуту едва-ли еще можно сказать, чтобы мы освободились отъ него въ замѣтной степени—явленіе крайне печальное, какъ мы не разъ уже замѣчали это,—печальное потому, что оно не оправдывается ни нашею исторіей, ни фактами современной текущей жизни, ни даже уваженіемъ къ памяти незабвеннаго Царя-мученика. Какъ бы ни было велико сокрушеніе, причиненное намъ страдальческою кончиною его, мы не должны забывать, что ничѣмъ болѣе достойнымъ мы не можемъ почитать великую память его, какъ горячо и искренно отозвавшись на призывъ его августѣйшаго сына и пріемника, какъ добросовѣстно и энергично принявшись за работу на томъ широкомъ поприщѣ общественнаго дѣла, которое открыли передъ нами преобразования отца и на которое призываетъ насъ его державный сынъ. Почтенно это поприще, почтенна работа на немъ. И много работы этой; хватить ея на всѣхъ; но понятно, что нравственно надломленные люди не могутъ быть надежными работниками на этомъ поприщѣ, гдѣ прежде всего требуется и бодрость духа, и вѣра въ самихъ себя.

Если плодотворная дѣятельность покойнаго государя дѣлаетъ утрату его особенно чувствительною, то эта же самая дѣятельность заключаетъ въ себѣ столько ободряющаго, что самая утрата дѣятеля не представляетъ основанія для чрезмѣрнаго песимизма. Исторія свидѣтельствуетъ, а наша бытъ можетъ болѣе, чѣмъ исторія всякаго другаго народа, что благотворная дѣятельность великихъ государственныхъ людей, въ особенности великихъ царствованій, имѣетъ ту харак-

терную особенность, что она не прекращается, не останавливается со смертью первыхъ или съ окончаніемъ послѣднихъ. Эта дѣятельность не только не умираетъ, но даже, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, хотя бы даже и направленныхъ къ уничтоженію плодовъ ея, какъ бы по силѣ инерціи продолжаетъ проявлять себя, вопреки всеѣмъ противо-дѣйствующимъ усиліямъ. Конечно, эта, такъ сказать, посмертная дѣятельность великихъ людей не совершается такъ широко и такъ быстро, какъ бы это могло быть при отсутствіи неблагопріятныхъ условій; но тѣмъ не менѣе она существуетъ и продолжаетъ свое дѣло. Самымъ нагляднымъ доказательствомъ справедливости только что сказаннаго нами, можетъ служить дѣятельность Петра Великаго, которая, втеченіи почти полу-вѣка послѣ его смерти, вплоть до царствованія Екатерины II, не имѣла сознательнаго энергическаго продолжателя, и, тѣмъ не менѣе, брошенные имъ сѣмена, лишеныя всякаго ухода, не погибли, не заглохли, и сдѣланныя имъ насажденія, хотя туго и медленно, но продолжали крѣпнуть и развиваться, а государственная жизнь Россіи, по силѣ вещей, сама собою продолжала совершаться словно бы по начертанной имъ программѣ; и это шло до такой степени неуклонно и послѣдовательно, несмотря ни на какихъ Бироновъ, что въ Европѣ составилось и укрѣпилось понятіе о фактическомъ существованіи какого-то завѣщанія Петра Великаго, которое будто бы постепенно, то болѣе, то менѣе энергично, но всегда съ неукоснительною настойчивостью, исполняется нашимъ правительствомъ со смерти великаго преобразователя Россіи и до настоящаго времени, при всѣхъ его преемникахъ.

Тюю же чрезвычайною особенностью, о которой мы упомянули выше, въ высокой степени обладаетъ и царственная дѣятельность незабвеннаго царя-мученика, вѣчно блаженной памяти котораго сегодня, колѣнопреклоненно, поклоняется вся Россія. Подобно нѣкоторымъ, вполне отвѣчающимъ народному духу созданіямъ и идеямъ Петра Великаго, и его созданія можно тормозить въ ихъ развитіи, но нельзя уже уничтожить ни ихъ самихъ, ни даже ихъ вліянія, потому что исторія не отступаетъ. Подобно Петру Великому и онъ также оставилъ послѣ себя своимъ августѣйшимъ преемникамъ неписанную програму, которая ясно, точно и на долгое время опредѣляетъ и направленіе, и характеръ ихъ дѣятельности, какъ въ ближайшемъ, такъ и въ отдаленномъ будущемъ. Каждому изъ нихъ, для того, чтобы сдѣлать свое царствованіе великимъ и благотворнымъ для народа, чтобы заслужить любовь и благословеніе этого народа и занять почетное мѣсто въ его исторіи, нѣтъ надобности теперь искать какихъ нибудь новыхъ путей, а вполне достаточно усвоить себѣ лишь эту програму царя-мученика, идти по намѣченному имъ пути, явиться неуклонными продолжателями и довершителями положенныхъ имъ на-

чинаній, дать широкій ходъ его предназначеніямъ, дальнѣйшее развитіе, возстановить въ нихъ тотъ истинный смыслъ, характеръ и значеніе, которые они должны были имѣть по мысли и желанію усопшаго царя и которые, помимо его воли, были утрачены или искажены недомысленными или неблагонамѣренными исполнителями, отъ которыхъ и онъ, какъ человекъ, не могъ уберечься; только Богу открыты сердца людей. Дѣло рукъ человѣческихъ никогда не является сразу изъятымъ отъ всѣхъ недостатковъ и неполноты.

Но то, что справедливо по основной идеѣ своей, не можетъ быть негодно и при несовершенствахъ своихъ. Справедливое, но несовершенное, требуетъ совершенствованія, пополненія, возстановленія, но не можетъ подлежать осужденію и отреченію, ломкѣ и сокрушенію. Таковы были дѣянія Царя-мученика. Они, эти дѣянія, потому именно и велики, потому и вѣчно памятны, что въ основаніи каждаго изъ нихъ лежитъ идея вѣчной правды и человѣчности, обезпечивающая имъ право не только на жизнь, но на самое широкое и плодотворное развитіе. Государственно-бытовая програма, начертанная дѣятельностью минувшаго царствованія и завѣщанная имъ послѣдующимъ, захватываетъ всѣ вопросы нашей государственной, гражданской и общественной жизни, и если не все въ нихъ доводитъ до категорической законченности, то потому что не могло еще, не успѣло одолѣть всѣ противодѣйствующія вліянія, но по крайней мѣрѣ на все даетъ точныя и ясныя указанія. Общій характеръ этихъ указаній можно выразить немногими словами. Относительно внутренней жизни нашей это будетъ: юридическая и гражданская равноправность всѣхъ русскихъ гражданъ предъ лицомъ царя и закона; широкое самоуправленіе въ области экономическихъ и общественныхъ интересовъ; возможный просторъ въ области мысли и полный, безусловный просторъ въ дѣлѣ совѣсти, въ исповѣданіи религиозно-нравственныхъ убѣжденій, лишь бы онѣ не были противны общественной нравственности, личной и государственной безопасности; наконецъ, открытіе возможно широкихъ путей всеобщему просвѣщенію, защита, огражденіе, содѣйствіе и поощреніе національной промышленной и торговой дѣятельности. Вотъ что, болѣе или менѣе законченное, болѣе или менѣе ярко намѣченное, представляетъ завѣщанная царемъ-мученикомъ своимъ преемникамъ програма внутренней политики. Для внѣшняго обихода она намѣчаетъ чуждую политическаго бретерства, чистую отъ всякаго макиавелизма, полную великодушія, вездѣ честную, справедливую, безукоризненную и миролюбивую до послѣдней возможности, но искренно національную, русско-славянскую политику. Освобожденіе крестьянъ съ землею, учрежденіе гласнаго, скораго и милостиваго суда, городскаго и земскаго самоуправления, новый законъ о печати 1864 года, всеобщая воинская по-

винность, небывалое до него увеличеніе всякаго рода и степени числа образовательныхъ заведеній, постройки обширной, относительно, сѣти желѣзныхъ дорогъ, широкое развитіе кредита, возвращеніе къ покровительственной системѣ, обезпеченіе мирной гражданской жизни въ глубинѣ средней Азіи въ средѣ полудикихъ, грабительскихъ племенъ, и, наконецъ, великодушная война за освобожденіе, а затѣмъ и устроеніе поработеннаго славянства—вотъ яркія фактическія указанія, ясно намѣченные пути для дальнѣйшей государственной жизни Россіи, для дѣятельности нашего правительства, для стремленія нашего народа; вотъ блистательная широкая програма, къ которой нѣтъ надобности прибавлять по крайней мѣрѣ многое, нужно только энергично выполнять ее, продолжать, довершать, совершенствовать и развивать сдѣланное, начатое или намѣченное, ибо ни одно изъ выше перечисленныхъ нами дѣяній минувшаго царствованія далеко не достигло, не доведено еще до своего полнаго развитія, ни одно не совершилось вполне согласно мысли и желанію великаго дѣятеля, и ему не суждено было при жизни узрѣть и насладиться плодами посѣяннаго имъ добра. Не будемъ перечислять всѣхъ недочетовъ, уклоненій и извращеній, которымъ, помимо воли и желанія покойнаго Царя-освободителя, подверглись его дѣянія и стремленія. Укажемъ лишь главнѣйшія, и этого будетъ вполне достаточно для подтвержденія нашихъ словъ. Такъ, напримѣръ, изъ внутреннихъ преобразованій его, однѣ, какъ крестьянская реформа и земскія учрежденія, были искажены; повсемѣстное примѣненіе и развитіе другихъ, какъ, напримѣръ, тѣхъ же земскихъ учреждений и судебной реформы, затормажены и до сихъ поръ не введены еще во многихъ мѣстностяхъ государства; пути къ образованію далеко еще не соотвѣтствуютъ въ его же царствованіе возбужденной и постоянно возрастающей потребности; желѣзнодорожное дѣло, также неудовлетворяетъ уже потребности въ быстромъ сообщеніи, вслѣдствіе укоренившихся въ немъ хищничества и злоупотребленій, и теперь уже лежитъ тяжелымъ бременемъ на государствѣ; наконецъ, и недавняя война наша далеко не принесла ни Россіи, ни тѣмъ, для кого она предпринята была, пользы, соотвѣтствующей совершеннымъ подвигамъ и принесеннымъ жертвамъ. Все это, конечно, грустно и больно для русскаго сердца, но ни одно изъ перечисленныхъ нами дѣяній минувшаго царствованія нельзя назвать мертворожденнымъ; въ основаніи каждаго изъ нихъ, какъ мы уже сказали, лежитъ идея правды, и въ каждомъ изъ нихъ, не смотря на всѣ уклоненія, искаженія, неполноты и несовершенства, таится духъ жизни. Понять, возстановить эту идею правды, дать возможность проявиться этому духу жизни во всей полнотѣ возможной для него дѣятельности, вотъ что необходимо намъ прежде всего и болѣе всего, въ настоящее время.

Эту необходимость чувствовалъ и усопшій царственный мученикъ, годошину страдальческой кончины котораго мы переживаемъ въ сегодняшній день. Къ удовлетворенію этой настоятельной необходимости и направлены были, какъ извѣстно, его усилія въ послѣднее время его многоплодной для Россіи жизни, не даромъ названнымъ временемъ благотворнаго вліянія, потому что надъ Россіею снова повѣяло тѣмъ духомъ добра и правды, которымъ ознаменовались первые годы его царствованія, который исходилъ отъ него непосредственно, и который въ послѣднее время успѣли исказить, обманувшіе его довѣріе представители хищенія, мрака и лжи. Снова горячо подняты были вопросы о дѣйствительномъ улучшеніи народнаго быта, объ облегченіи тяготы, объ улучшеніи управленія вообще и въ частности самоуправленія; удалены были тормазы изъ сферы народнаго просвѣщенія и развитія судебныхъ учрежденій; особой комисіи поручена была трудная работа упорядоченіе желѣзнодорожнаго дѣла. Многообразныя работы всякаго рода чистки, исправленія и возстановленія закипѣли съ давно уже позабытою силою, когда враги Россіи, все равно это бы они ни были, откуда бы ни исходили, какъ бы испуганные этимъ пробужденіемъ добра и правды, предательскою рукою убійцы прервали нить дорогой для нея жизни Царя-освободителя и обновителя, думая, рассчитывая путемъ ужаса посѣять смуту и безнадежность въ средѣ общества и народа, остановить начавшуюся снова зиждательную дѣятельность правительства и вызвать съ его стороны реакцію. Адскій расчетъ этотъ не обманулъ враговъ Россіи, но, къ счастью, лишь до извѣстной степени, только въ отношеніи къ обществу. Общество наше, едва начавшее оправляться отъ пережитыхъ имъ, особенно послѣ войны разочарованій, дѣйствительно, какъ мы уже сказали выше, какъ бы надломилось подъ тяжестью новаго и небывалаго ужаснаго удара. Но враги Россіи ошиблись, жестоко ошиблись и на счетъ народа, и на счетъ правительства. Правительственная дѣятельность, въ смыслѣ, который она приняла въ послѣднее время минувшаго царствованія, не только не отступила отъ этого направленія, но усвоила его, какъ бы еще съ большею энергіею. Первое слово молодаго государя, обращенное къ своему народу въ столь тяжкую для него минуту, въ манифестъ по поводу вступленія его на престолъ, былъ обѣтъ слѣдовать въ своей царственной дѣятельности по пути своего державнаго родителя, явиться продолжателемъ его великихъ дѣлъ, и во что бы то ни стало возстановить подобающій характеръ добра и правды. И исполненіе этого обѣта не заставило ждать себя. Всѣ работы, предпринятыя въ этомъ направленіи въ послѣднее время минувшаго царствованія, поведены были еще съ большею энергіею, предприняты съ тою же цѣлью нѣкоторыя новыя; къ содѣйствію правительству въ этихъ работахъ призваны

въ извѣстной степени общественныя силы, въ лицѣ свѣдущихъ земскихъ людей, и въ настоящее время уже появились нѣкоторыя фактическія послѣдствія этихъ работъ, какъ, напримѣръ, пониженіе выкупныхъ платежей и окончательное прекращеніе зависимости отъ бывшихъ помѣщиковъ тѣхъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые оставались еще во временно-обязанныхъ къ нимъ отношеніяхъ, тѣмъ ознаменовалось начало настоящаго года и о чемъ мы уже говорили въ предыдущемъ обзорѣни. Дѣятельно подготавливаются въ рѣшенію вопросы о народномъ кредитѣ, о переселеніяхъ, объ ограниченіи пьянства, объ упорядоченіи желѣзнодорожнаго дѣла, и нельзя сказать, чтобы все это дѣлалось для народа, но помимо народа, ибо, какъ мы сказали уже выше, народъ участвуетъ во всѣхъ этихъ работахъ въ лицѣ свѣдущихъ людей. Конечно, участіе это пока крайне ограничено, но оно есть, оно фактически существуетъ уже, и нѣтъ сомнѣній, что оно будетъ расти и развиваться по мѣрѣ того, какъ опытъ будетъ убѣждать правительство въ приносимой имъ пользѣ. А для того, чтобы это было необходимо, надо, чтобы общество наше, такъ сказать, граждански оживило, чтобы освободилось, наконецъ, отъ своего нравственнаго надлома, подъ гнетомъ котораго никакое общественное дѣло не можетъ идти споро. Только этимъ апатичнымъ, пригнетеннымъ состояніемъ общественнаго духа мы и можемъ объяснить себѣ ту вялость, то чуть не безучастіе, съ которыми многія изъ нашихъ земствъ отнеслись къ затребованному отъ нихъ правительствомъ мнѣнію ихъ по вопросамъ о преобразованіяхъ мѣстнаго управленія, и нельзя не признать, что извѣстный нашъ публицистъ и земскій дѣятель г. Кошелевъ совершенно правъ, высказавъ, что земства наши, по вышеупомянутому предмету, не исполнили своей обязанности и оказали себя далеко не на высотѣ своего назначенія и возложеннаго на нихъ правительствомъ порученія. Возвращаясь къ дѣятельности правительства, помимо вышеуказанныхъ, такъ сказать, исправительныхъ и возстановительныхъ работъ, нельзя не указать и на нѣкоторыя другія явленія, способныя ободрительно дѣйствовать на подъемъ общественнаго настроенія къ лучшему, не говоря о томъ, что въ общемъ направленіи этой дѣятельности, если и не совершенно ясно еще просвѣчиваетъ, то тѣмъ не менѣе чувствуется та національная струя, исчезновеніе которой по временамъ не мало способствовало упадку общественнаго духа. Правительство наше проявило уже и продолжаетъ проявлять весьма энергичныя усилія къ бережливости и возможному сокращенію расходовъ, и притомъ настолько успѣшно, что государственная роспись наша на текущій годъ, какъ мы замѣтили уже въ предшествовавшемъ обзорѣни, оказалась въ неожиданно благоприятномъ видѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, злоупотребленіе властью и рас-

хищеніе государственнаго имущества не остается безнаказаннымъ и начинаетъ получать должное возмездіе даже въ тѣхъ сферахъ, которыя давно привыкли считать себя недосыгаемыми для карающей руки государственнаго правосудія. Желательно, конечно, въ видахъ полной назидательности для упомянутыхъ сферъ подобнаго, давно небывалаго явленія, чтобы оно не промелькнуло мимолетною молніей, но приобрѣло устойчивость постояннаго дамоклова меча для людей, мнящихъ себя выше закона и полагающихъ, что онъ писанъ не для нихъ, потому что закону не достать до нихъ на той высотѣ, на которую вознесла ихъ судьба и довѣріе государя. И дѣйствительно, закону трудно доставать до нихъ. Законъ карающій—самъ не отыскиваетъ и не указываетъ. Онъ казнитъ только нарушителей его, уже отысканныхъ и указанныхъ тѣми, на кого возложена эта обязанность другимъ закономъ, организующимъ контроль наблюденія, предупрежденія и пресѣченія преступленій, и обязывающаго извѣстными правительственными и частными учрежденія и лица доводить до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о всякомъ извѣстномъ имъ злоупотребленіи. Но легко ли, удобно ли, даже безопасно ли исполнять этотъ законъ, особенно въ провинціи, по отношенію къ сатрапствующимъ злоупотребителямъ, въ рукахъ которыхъ болѣе или менѣе находится судьба и официальныхъ наблюдателей, не исключая и прокурорскаго надзора, и всѣхъ гражданъ управляемой такими господами мѣстностей, и которыя могутъ всякаго, неудобнаго для нихъ болтливаго или нескромнаго индивидуума, если онъ коронный чиновникъ, то придушить по 3-му пункту, а если онъ земець, или корреспондентъ печати, то или спровадить по неблагонадежности въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, или, на худой конецъ, силавить отъ себя по безпокойности характера. Поневоля обывателямъ такихъ сатрапствъ приходится, помянувъ царя Давида и всю вротость его, держаться пословицы: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись». Существуетъ извѣстное преданіе объ одномъ изъ подобныхъ самодуровъ-сатраповъ, процвѣтавшихъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ одной изъ западныхъ губерній, эцелтрическія выходки котораго подвергали даже сомнѣнію нормальность состоянія его умственныхъ отправленій и который однако пользовался свыше полнѣйшимъ довѣріемъ, такъ что всѣ жалобы на него вели лишь къ тому, что всѣ жалобщики на него предавались ему же на свѣдѣніе. Господинъ этотъ былъ нѣмецъ и до бѣшенства вспыльчиваго характера; но нѣмецкій діалектъ имѣлъ способность укрощать его, и если тотъ, на кого обращался его гнѣвъ, хотя-бы въ минуту самаго яраго взрыва, начиналъ объясняться съ нимъ по-нѣмецки, разсвирѣпѣвшій сановникъ мгновенно смягчался и успокоивался. Когда, по поводу какаго-то явно-противозаконнаго распоряженія, правитель

дѣль его канцеляріи осмѣлился указать ему въ подлежащемъ томъ статью закона, прямо воспрещающую такого рода дѣйствія, то господинъ этотъ, вырвавъ у правителя дѣль томъ законовъ, подсунулъ его подъ себя и спросилъ: «гдѣ твой законъ»? А когда тотъ безмолствовалъ, подыскивая въ умѣ какъ-бы по-деликатнѣе обозначить мѣсто нахождения закона, то самодуръ-сановникъ, не дождавшись отвѣта, самъ пояснилъ: «Видишь, гдѣ у меня твой законъ? Не онъ надо мной, а я сижу на немъ. Ну такъ не разсуждай, а исполняй!» Не всё, конечно, сановники выражаютъ свое неуваженіе такъ категорически и непосредственно, какъ этотъ; но и теперь еще, не смотря на всю современную гуманизацию нашихъ нравовъ, нельзя сказать, чтобы не было вовсе такихъ, которые, на ссылку подчиненнаго на законъ, отвѣтять ему: «я вашъ законъ». Гдѣ-же пути, гдѣ средства выводить на чистую воду крупныхъ и властныхъ похитителей законовъ? Сенаторская ревизія—дѣло исключительное, необыкновенное. Печать—она (разумѣется только столичная, для мѣстной это дѣло немислимое) иногда и дѣлаетъ эту услугу государству. Она, напримѣръ, открыла голодовку въ Архангельской и въ Самарской губерніи, когда мѣстная администрація усиленно отрицала, увѣряя официально, что голода нѣтъ, а есть лишь «недостатокъ продовольствія». Она же, эта же печать подняла въ свое время и вопросъ о расхищеніи земель въ оренбургскомъ генералъ-губернаторствѣ. Но всегда-ли это возможно и удобно для печати, состоящей подъ надзоромъ независимыхъ отъ нея обстоятельствъ, не говоря о томъ, что свѣдѣнія такого рода столичная печать можетъ получать главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ обывателей; а мѣстному обывателю, особенно служащему, чтобы корреспондировать въ столичную газету о такого рода подвигахъ мѣстныхъ тузовъ, которые предсмотрѣны уложеніемъ о наказаніяхъ, нужно иногда почти геройское самоотверженіе. Остаться неизвѣстнымъ провинціальному корреспонденту, выносящему изъ избы соръ, почти невозможно. Никакой псевдонимъ не спасетъ его. На этотъ счетъ въ провинціи изумительное чутье, не говоря о почтмейстерской любознательности; а разъ обыватель изобличенъ или хотя-бы только болѣе или менѣе основательно заподозрѣнъ въ предательствѣ мѣстныхъ тайнъ, онъ уже становится отверженцемъ. Служащаго согнуть въ бараній рогъ, а неслужащаго выпроводятъ, или учинятъ ему скандалъ; а то и побьютъ пожалуй—бывало и это.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время правительство наше желаетъ, повидимому, разубѣдить до нѣкоторой степени кого слѣдуетъ въ томъ вѣрованіи, что, яко-бы, возвышенныя сферы недоступны воздаанію коему-ждо по дѣламъ его, чему, конечно, нельзя не радоваться.

Въ первыхъ числахъ истекшаго мѣсяца, по высочайшей волѣ состоялось увольненіе отъ службы и, насколько можно судить по смыслу

официальнаго объявленія о томъ, увольненіе безъ прошеній бывшаго генераль-губернатора Оренбургскаго края генераль-адъютанта Крыжановскаго, правителя дѣлъ его канцеляріи тайнаго совѣтника Холодковскаго и управлявшаго отдѣленіемъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ тайнаго же совѣтника Климова. Обнародованный въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» офиціозный документъ по этому предмету, не указываетъ на причину подобнаго необычнаго на верхнихъ ступеняхъ служебной іерархіи удаленія отъ службы такихъ относительно крупныхъ представителей этой іерархіи; но общественное мнѣніе, не безъ основанія, видитъ въ отставкѣ упомянутыхъ лицъ безъ прошенія прямую связь и послѣдствіе того безпашашнаго расхищенія казенныхъ и башкирскихъ земель въ оренбургскомъ генераль-губернаторствѣ, которое совершилось тамъ во время управленія краемъ генераль-адъютанта Крыжановскаго его канцеляріей съ Холодковскимъ, при содѣйствіи того департамента, министерства государственныхъ имуществъ, которымъ управлялъ тайный совѣтникъ Климовъ. Извѣстно, кромѣ того, что нѣчто въ томъ же родѣ постигло двухъ еще болѣе высокопоставленныхъ лицъ по прикосновенности ихъ къ тому же дѣлу; одно изъ этихъ лицъ также уволено отъ службы, хотя и по прошенію, другое же подверглось выраженію высочайшаго неудовольствія. Вмѣстѣ съ знаменитымъ товаревскимъ дѣломъ, въ относительно короткое время, это второй случай вторженія карающей руки въ ту сферу, которая, какъ мы сказали, привыкла у насъ считать себя недоступною въ этомъ отношеніи и дѣйствительно едва-ли не была таковою. Теперь оба вышеупомянутые факта могутъ удостовѣрить до нѣкоторой степени русское общество, русскій народъ, что законъ возмездія «комууждо по дѣломъ его» можетъ иногда возымѣть свое дѣйствіе и въ этой, малодоступной для него сферѣ. Можно ли однако сказать, что, хотя бы, напримѣръ, по дѣлу о расхищеніи земель въ Оренбургскомъ краѣ, что правосудіе получило полное и цѣлесообразное удовлетвореніе въ отставкѣ безъ прошенія главныхъ виновниковъ, или попустителей этого расхищенія? Позволяемъ себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Лица эти не только учинили или пустили расхищеніе государственнаго достоянія, вѣреннаго ихъ охраненію, но и сами получили болѣе или менѣе крупныя доли изъ добычи этого хищенія. Дѣятельность ихъ въ данномъ случаѣ очевидно имѣетъ двояко преступный характеръ. Съ одной стороны, уголовный, заключающійся въ злоупотребленіе власти съ корыстною цѣлью; съ другой—гражданскій, обусловливаемый нарушеніемъ имущественныхъ правъ государства. Въ обществѣ можно слышать вопросъ: если виновность вышеупомянутыхъ лицъ представляется настолько очевидною, что признано нужнымъ удалить ихъ отъ службы, почему они не преданы суду?

Мы думаемъ потому, что всѣ они очень умные и дѣловые люди и всѣ противозаконныя дѣянія свои, если таковыя были, вели на точномъ основаніи законовъ. Это кажущееся противорѣчіе весьма нерѣдко на практикѣ; стоитъ только, ловко и умѣючи, своевременно ограждать себя разрѣшеніями и соизволеніями свыше. Для суда по совѣсти, по убѣжденію, каковъ настоящій судъ, такая фиктивная легальность не составляетъ, положимъ, несокрушимой гарантіи безотвѣтственности; но это вопросъ теоретическій, въ разсмотрѣніе котораго мы входить не будемъ. Отъ державной воли, отъ державнаго милосердія безусловно зависѣло ограничить кару виновныхъ за злоупотребленіе властью, такъ сказать, дисциплинарнымъ взыскаціемъ—отставленіемъ отъ службы безъ прошенія, съ освобожденіемъ отъ суда; но затѣмъ еще остается несомнѣнно подлежащее удовлетворенію право на вознагражденіе за вредъ и убытки потерпѣвшаго отъ преступленія государства. Извѣстно, по крайней мѣрѣ по слухамъ весьма достовѣрнаго характера, что одно изъ наиболѣе крупныхъ лицъ, изъ числа привосновенныхъ въ дѣлу расхищенія казенныхъ земель въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ, имя котораго не упомянуто здѣсь, но которое также неизбѣгло кары, подобной той, какая постигла генерала Крыжановскаго и гг. Климова и Холодовскаго,—что одно изъ этихъ лицъ, говоримъ мы на основаніи вышеупомянутаго достовѣрнаго слуха, поспѣшило отказаться отъ пріобрѣтенной имъ весьма цѣнной доли добычи и добровольно возвратило ее казнѣ. Этотъ поступокъ свидѣтельствуетъ до нѣкоторой степени, что лицо, совершившее его, если приняло личное участіе въ этомъ дѣлѣ казеннаго имущества, то не столько вслѣдствіе сознательно-умышленнаго желанія воспользоваться государственнымъ добромъ, сколько потому, что не усматривало въ этомъ ничего ненормальнаго, противозаконнаго, неблаговиднаго, на столько это было дѣло обычное, заурядное, прикрытое и обставленное всѣми законными формальностями. Словомъ, оно не вѣдало, чтѣ творило; иначе лицо это, и безъ того весьма богатое и чрезвычайно гордое, вѣроятно никогда не снизошло бы сознательно, не только до личнаго хищничества государственной собственности, но и до попустительства подобнаго хищничества со стороны другихъ. Явленіе сугубо печальное, свидѣтельствующее, въ свою очередь, до какой степени смутны у насъ еще понятія о неприкосновенности государственнаго достоянія, даже въ самыхъ высшихъ сферахъ нашего общества. Какими бы, впрочемъ, побужденіями не руководствовалось это лицо, возвращая въ казну полученную имъ долю казенныхъ земель, этотъ, все-таки смягчающій вину примѣръ, насколько извѣстно, остался въ сожалѣнію безъ подражанія со стороны другихъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ участниковъ въ расхищеніи казенныхъ земель въ бывшемъ оренбургскомъ генералъ-губернаторствѣ. Положимъ, главные ви-

новныя подверглись карѣ; они отставлены безъ прошеній отъ службы, въ которой занимали такіе видныя посты; но они продолжаютъ спокойно владѣть неправильно прибрѣтеннымъ ими государственнымъ достояніемъ, которымъ Россія вовсе не обладаетъ въ такомъ избыткѣ, чтобы подобныя утраты могли признаваться для нея безразличными. По слухамъ, однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей по этому дѣлу и его дѣтьми прибрѣтенъ такимъ образомъ не одинъ десятокъ тысячъ десятинъ, не говоря уже о другихъ лицахъ, получившихъ болѣе или менѣе крупныя участки. Мы полагаемъ, что законность правъ всѣхъ этихъ лицъ на прибрѣтенныя ими участки должна быть строго провѣрена, причемъ фиктивное соблюденіе законныхъ формальностей не должно быть принимаемо въ уваженіе; изъятъ, нанесенный государству, долженъ быть вознагражденъ, насколько это возможно. Довольно оно понесло потерь подобнаго рода въ Привислянскомъ краѣ и въ особенности на Кавказѣ, гдѣ, не говоря о земляхъ Кубанской области и черноморскаго побережья, еще недавно съ такою щедростію раздавались десятины драгоцѣнной нефтяной почвы въ Бакинской губерніи; а вѣдь каждая десятина подобной земли стоитъ отъ 20 до 30 тысячъ рублей, а иногда и болѣе. Вотъ что, между прочимъ, сообщаютъ по этому предмету газетѣ «Голосъ, № 40 сего года» изъ Баку: «Чтобы судить, какую громадную цѣнность представляютъ нефтяныя земли, приведу слѣдующій фактъ. Недавно одинъ генералъ, изъ пожалованныхъ ему десяти десятинъ въ Балаханахъ, сдаль въ аренду каспійскому товариществу одну десятину своей земли на слѣдующихъ условіяхъ: общество беретъ эту десятину на пять лѣтъ, втеченіи которыхъ оно обязано устроить не менѣе трехъ буровыхъ скважинъ, дающихъ нефть, и добывать ее не менѣе семи мѣсяцевъ въ году, за что общество платитъ владѣльцу по 1 коп. съ каждаго пуда добытой нефти и гарантируетъ ему добычу не менѣе 90,000 пудовъ въ мѣсяць, такъ-что, если добыча будетъ менѣе, или общество будетъ добывать нефть менѣе семи мѣсяцевъ, то оно обязано, все-таки, уплачивать владѣльцу по 900 р. въ мѣсяць, или 6,300 р. въ годъ. Это—минимумъ прибыли съ одной десятины въ годъ; а если прибавить къ этому, что, по договору, всѣ постройки, которыя будутъ обществомъ возведены на этой землѣ, по истеченіи пятилѣтняго срока поступаютъ въ собственность владѣльца, и разложить ихъ на пять лѣтъ, то выйдетъ, что годовая арендная прибыль одной десятины составляетъ не менѣе 8,000—10,000 р.; съ десяти же десятинъ 80,000—100,000 р. А такъ какъ всей казенной земли въ Балаханахъ роздано разнымъ лицамъ до 100 дес., то правительству придется теперь поневолѣ пожалѣть, что они ушли отъ казны».

Между тѣмъ, такую драгоцѣнную землю получали въ количествѣ

пяти, восьми и болѣе десятинъ такіа лица, имена которыхъ вовсе не извѣстны въ Россіи въ числѣ выдающихся какими нибудь блистательными заслугами и подвигами въ исторіи Кавказа за послѣднія 20 лѣтъ, какъ, напримѣръ, служащій на Кавказѣ нѣмецкій князь, или бывшій бакинскій губернаторъ, а вѣдь подарокъ 5—8 десятинъ бакинской нефтяной почвы это по самой скромной оцѣнкѣ 100—160 тысячъ р., подарокъ черезъ-чуръ крупный для губернскаго администратора, ничего не сдѣлавшаго болѣе того, что дѣлаетъ всякій губернаторъ, или для нѣмецко-сіятельнаго кавалерійскаго штабъ-офицера, хотя можетъ быть и храбраго лично, но вѣдь и личная храбрость въ русскомъ да еще въ кавказскомъ войскѣ не представляетъ, слава Богу, вовсе какого нибудь изъ ряду выходящаго качества. Такъ какъ мы коснулись уже Кавказа, то скажемъ встати, что при настоящемъ стремленіи нашего правительства къ сокращенію расходовъ и сбереженіямъ, едва-ли оно въ цѣлой Россіи найдетъ болѣе обильное поле для жатвы всяческихъ сокращеній и сбереженій, какъ именно въ этой кавказской окраинѣ нашей, и притомъ сокращеній самыхъ цѣлесообразныхъ, отъ которыхъ выиграетъ не только государственный сундукъ, но и самое устройство края и теченіе въ немъ дѣлъ.

Нигдѣ нѣтъ у насъ столько, не говоримъ, положительно излишнихъ, но даже крайне неудобныхъ для дѣла учреждений и инстанцій, какъ на Кавказѣ, точно также какъ нигдѣ нѣтъ столько, какъ тамъ, разныхъ числящихся, причисленныхъ, находящихся и состоящихъ въ распоряженіи, для порученій, по штату и сверхъ штата, временно и безсрочно, ничего недѣлающаго, а содержаніе и награды получающаго люда и гдѣ-бы вмѣстѣ съ тѣмъ, при такихъ громадныхъ расходахъ, такъ мало было сдѣлано собственно для народонаселенія, не только инородческаго, но даже для мѣстныхъ казачьихъ войскъ, этихъ передовыхъ бойцовъ въ дѣлѣ покоренія Кавказа. Думаемъ, что нельзя найти болѣе авторитетнаго подтвержденія послѣднихъ словъ, какъ собственное сознаніе по этому предмету, высказанное, если не ошибаемся, въ прошломъ году начальникомъ Терской области и атаманомъ терскаго казачьяго войска генераломъ Свистуновымъ въ извѣстной рѣчи его, произнесенной на войсковомъ праздникѣ. Не имѣя въ настоящую минуту подъ рукою этой многозначительной рѣчи, мы не можемъ цитировать подлинныя слова генерала; но въ нихъ почтенный атаманъ терскаго казачьяго войска, съ прямодушіемъ, достойнымъ военнаго человѣка, не обинуясь призналъ плохое экономическое состояніе и недостатокъ благоустройства состоящаго подъ его начальствомъ войска, а также и живущихъ въ области горцевъ, вслѣдствіе отсутствія должной о томъ заботливости властей. Что сказалъ генераль Свистуновъ о Терской области, тоже почти можно сказать и о Кубанской

области, которую по-истинѣ можно назвать перломъ нашихъ владѣній на Кавказѣ, по ея почвеннымъ богатствамъ и географическому положенію, и которая, между тѣмъ, по справедливому замѣчанію автора статьи «Судоходство по Кубани» («Новое Время», № 2126 сего года), вслѣдствіе невниманія къ ней кавказской администраціи, «остается въ полнѣйшемъ жалчайшемъ запустѣніи. Бездорожица и ежегодныя затопленія цѣлыхъ тысячъ благодатнаго чернозема, вотъ нормальное состояніе Кубанской области. «Затопленія, производимыя Кубанью, и отсутствіе всякихъ путей сообщенія, болѣе всего препятствуютъ развитію края и его серьезной экономической эксплуатаціи. Одна изъ обширнѣйшихъ рѣкъ Россіи—Кубань прорѣзываетъ область на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ; отъ станицы кавказской (пунеть пересѣченія рѣкою ростово-владикавказской дороги) до Азовскаго моря—на разстояніи 250 верстъ—рѣка можетъ и должна быть обращена въ судоходную. Вопросъ этотъ былъ окончательно выясненъ еще при князѣ Воронцовѣ, но съ того времени положеніе Кубани не только не улучшилось, а напротивъ, съ каждымъ днемъ рѣка болѣе и болѣе заваливается карчами и падающими въ рѣку огромными деревьями съ берега. О сооруженіи столь извѣстныхъ у насъ даже всякому простолюдину обыкновенныхъ струеотводныхъ плотинъ для огражденія отъ затопленій нѣтъ и помину. За то въ канцеляріяхъ и разныхъ управленіяхъ имѣется на готовѣ цѣлая серія проектовъ постройки дорогихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ, на примѣръ, отъ станціи Кавказской до Екатеринодара—паралельно рѣкѣ. Князь М. С. Воронцовъ отлично понималъ силу и значеніе кубанскаго бассейна, но при немъ кипѣла война на Кавказѣ, и всѣ вопросы, касавшіеся экономического преуспѣянія намѣстничества, откладывались по необходимости на второй планъ. Преемники князя Воронцова затратили на Кавказѣ въ послѣднія 25 лѣтъ многіе десятки миліоновъ русскихъ рублей на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, шоссе, искусственныхъ портовъ, образцовыхъ фермъ и садовъ; но среди этихъ затратъ осталась какъ-то въ сторонѣ Кубанская область, и эта житница Кавказа пребываетъ по-нынѣ въ своемъ первобытномъ положеніи. Между тѣмъ, какихъ-либо пять или шесть прикубанскихъ станицъ способны дать столько же зерна, льну, табаку и другихъ продуктовъ, сколько производитъ иная закавказская губернія». Такія же неприглядныя картины административной неумѣлости, непониманія или невниманія, представляютъ, можно сказать, повсемѣстное явленіе на Кавказѣ, этой благодатнѣйшей странѣ по климату и богатству естественныхъ произведеній, которыя остаются втунѣ, или эксплуатируются хищническимъ, или самымъ первобытнымъ способомъ, при самомъ многосложномъ и дорогомъ управленіи. Это подтверждаетъ и извѣстный старослуживый Кавказа и знатокъ его, въ

особенности относительно существующаго тамъ административнаго обихода—г. Зисерманъ. Вотъ что, говоритъ онъ, между прочимъ по поводу вышеупомянутой новой рѣчи генерала Свистунова («Новое Время», № 2073): «Недавно, еще одинъ изъ главныхъ мѣстныхъ начальниковъ Кавказа въ публичной рѣчи набросалъ печальную картину положенія подчиненной ему области, гдѣ населеніе «вымираетъ» и нищадаетъ. Если бы всѣ прочіе мѣстные начальники съ такою же откровенностью и гражданскимъ мужествомъ, безъ всякаго страха іудейска, рѣшились произнести рѣчи о положеніи ввѣренныхъ имъ областей, картина вышла бы едва-ли болѣе веселая, чѣмъ упоминаемая, нарисованная 3 октября во Владикавказѣ. Были бы другіе сюжеты, другія фигуры и мотивы, но тонъ обаялся бы одинаковъ». Въ прежнее время оправданіемъ бездѣятельности кавказскихъ властей относительно благоустройства края и развитія благосостоянія населенія могла служить война. Но вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ какъ война окончилась. Край, до самыхъ непреступныхъ трупобъ его включительно, покоренъ и относительно замирень; что же сдѣлано въ эти двадцать лѣтъ въ вышеуказанномъ отношеніи? Излюбленнымъ занятіемъ кавказскаго управленія было однако же постоянно составленіе всяческихъ проектовъ разныхъ преобразованій и осуществленіе этихъ проектовъ. Въ чемъ же состояли эти преобразованія? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ тотъ же, близко знакомый съ дѣломъ г. Зисерманъ (Реформа кавказскаго управленія, «Новое Время», *ibid*). «Такъ называемыя «преобразованія», которыми столь богата исторія нашего управленія Кавказомъ, суть только безпѣльныя упражненія разныхъ канцелярій въ сочиненіи проектовъ, болѣею частію увеличивающихъ штаты, расходы на чиновниковъ и количество исписываемой бумаги. Называется ли мѣстность губерніею или областію, состоитъ ли она изъ трехъ или шести уѣздовъ, управляются ли они уѣздными или окружными начальниками, сидятъ ли на шеѣ населенія—пристава или засѣдатели, существуетъ ли въ Тифлисѣ пять департаментовъ или одинъ,—все это не только безразлично для достиженія благихъ результатовъ, но болѣею частію тормазитъ дѣло, и составляетъ важныя событія развѣ въ области чисто чиновничьихъ интересовъ. Я помню, напримѣръ, Закавказье, раздѣленное на два управленія: Грузино-Имеретинская губернія и Каспійская область, съ канцеляріею главноуправляющаго во главѣ. Посмотрите, до чего разрослось управленіе въ наши дни: губерніи: Тифлисская, Кутаисская, Елисаветпольская, Бакинская, Эриванская, Дербѣнтское градоначальство, Сухумскій отдѣлъ, кажется, отдѣльное управленіе Мингрелии, а уѣздовъ новыхъ создано не менѣе двухъ десятковъ!» А вотъ и еще образчикъ такого же рода плодотворныхъ (для чиновниковъ) преобразованій, о которомъ упоми-

наеть авторъ цитированной уже нами статьи «Судоходство по Кубани». «Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, по соображеніямъ совершенно непонятнымъ, отдѣлена была отъ Кубанской области узкая приморская полоса земли и образованъ изъ нея пресловутый Черноморскій округъ, въ коемъ и нынѣ числится всего 20,000 душъ населенія. Начальникъ этого округа получаетъ содержаніе равное губернаторскому, и штаты округа выкроены по примѣненію къ губернскимъ учрежденіямъ. Какая отъ этого польза—никому неизвѣстно». Кстати объ этомъ пресловутомъ судоходствѣ по Кубани. Въ одномъ изъ прошлогоднихъ обозрѣній нашихъ, говоря о кавказскихъ минеральныхъ водахъ, мы упомянули между прочимъ, что князь Барятинскій, въ бытность свою намѣстникомъ Кавказа, желая улучшить состояніе этого драгоценнаго цѣлебнаго сокровища Россіи, предположилъ передать эксплуатацію его въ частныя руки, и въ этихъ видахъ вызвалъ на Кавказъ извѣстнаго универсальнаго дѣятеля по всевозможнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, преимущественно съ казенными субсидіями, г. Новосильскаго, который, только что около того времени создалъ извѣстную ненасытную піявку русской казны—знаменитое общество черноморскаго пароходства и торговли. Г. Новосильскій, какъ это достовѣрно извѣстно, хотя и не иностранецъ, но въ искусствѣ прельщать и обвораживать, чего потребно, обязательностью своихъ проектовъ и общаемыми имъ миліонами въ туманѣ, не уступить любому иностранному прожектору,—явившись въ Тифлисъ, не ограничился вопросомъ лишь о кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Онъ развернулъ передъ княземъ Барятинскимъ такую широкую и грандіозную картину всевозможныхъ благъ цивилизаціи, которыми, по его мнѣнію, можно и должно надѣлать Кавказъ, и каковое надѣленіе онъ, единственно изъ патріотизма, готовъ принять на себя, чѣмъ совершенно увлекъ впечатлительнаго князя. Независимо отъ устройства минеральныхъ водъ въ такой совершенной степени, что они привлекутъ къ себѣ больныхъ со всей Европы, г. Новосильскій предложилъ между прочимъ, устроить пароходство и по Курѣ, и по Кубани, которое должно обогатить край. Предложеніе это было принято въ числѣ другихъ, и заполучивъ по всѣмъ этимъ предметамъ нѣсколько сотъ тысячъ, г. Новосильскій умчался съ Кавказа, на который кажется болѣе уже и не заглядывалъ. Въ составѣ полученныхъ имъ сотенъ тысячъ фигурировали полмиліона взятыхъ отъ кубанскаго войска на предметъ устройства пароходства по Кубани. На рѣкѣ дѣйствительно скоро появился пароходъ черноморскаго общества, прошелъ нѣсколько верстъ вверхъ по рѣкѣ, но за встрѣченнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему плаванію скоро ушелъ назадъ и болѣе не возвращался. Тѣмъ и кончилось въ то время устройство г. Новосильскимъ правильнаго срочнаго пароходства по Кубани; а что случилось съ 500,000 р., отпущенными

на этотъ предметъ исторія умалчиваетъ и мы незнаемъ возвращены ли они кубанскому войску и по настоящее время.

Но возвратимся къ тѣмъ, совершеннымъ на Кавказѣ преобразованіямъ, о которыхъ мы говорили выше. «Что же отъ нихъ выигралъ край спрашиваетъ тамъ-же г. Зисерманъ (Новое Время» № 2073), увеличилось ли благосостояніе жителей, уменьшились ли затраты Россіи на содержаніе кавказскихъ учреждений, приносятъ ли богатства края пользу всему государству, обеспечена ли вполнѣ безопасность личная и имущественная, творится ли судъ скорый, правый и милостивый, сознало ли населеніе выгоды нашего управленія, ослаблено ли враждебное его настроеніе къ намъ, удовлетворяются ли его законные интересы и желанія, ничего опаснаго для спокойствія края и вообще государственныхъ русскихъ интересовъ неимѣющие, и т. д.? и затѣмъ слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы. «Очень можетъ быть, что на всѣ эти вопросы найдутся въ подлежащихъ канцеляріяхъ самые положительныя отвѣты, въ видѣ прекрасно написанныхъ и еще прекраснѣе переписанныхъ докладовъ, записокъ и проч.; но въ средѣ неофициальнаго міра уже давно извѣрились въ тождество докладовъ и всѣхъ канцелярскихъ произведеній съ дѣйствительностью; требуются болѣе обязательныя, реальныя доводы и факты, а таковыхъ, увы, очень и очень мало; даже если обратиться къ мѣстнымъ свѣдущимъ людямъ (это же теперь излюбленный приѣмъ), то, пожалуй, явится не мало докладовъ совсѣмъ другаго, отрицательнаго свойства». Нужно же, наконецъ, приступить къ измѣненію такого непригляднаго положенія дѣлъ, заключаетъ тотъ же компетентный публицистъ, и для этого считаетъ необходимымъ снять рогатки, которыми окружилъ себя Кавказъ отъ вторженія общегосударственныхъ законовъ; нужно устранить обособленность, вслѣдствіе которой ни одно министерство не считало себя вправѣ и даже избѣгало касаться кавказскихъ дѣлъ, двигавшихся особыми путями, въ обходъ всякихъ препятствій и возрѣній. Если такое упраздненіе обособленности нѣсколько уменьшитъ всевластіе главнаго начальства въ край, за то въ гораздо большей степени снимется съ него отвѣтственность за все, тамъ происходящее, будетъ дана ему возможность съ большимъ безпристрастіемъ относиться къ дѣлу и, какъ естественный выводъ, оказывать болѣе пользы». Такая-то именно работа и предлежитъ новому начальнику края князю Дондукову-Корсакову, отправившемуся на Кавказъ уже не въ качествѣ намѣстника, а главноначальствующаго надъ гражданскою частью и командующаго войсками. Работа громадная и трудная, потому что ему придется бороться съ заматерѣлымъ зломъ, съ укоренившимися дурными обычаями, служебными правами, взглядами и порядками, обнаруженіе, осужденіе которыхъ и борьба съ ними въ извѣстномъ отношеніи представитъ не

мало неудобствъ. Вотъ почему мы думаемъ, что серьезная сенаторская ревизія, на первыхъ порахъ по приѣздѣ на мѣсто новаго начальника края, много облегчила бы ему дѣло реорганизаціи Кавказа и устранила бы въ извѣстной мѣрѣ нѣкоторые щекотливыя и деликатныя обстоятельства, съ которыми ему вѣроятно не разъ придется сталкиваться въ предстоящей ему дѣятельности, не говоря уже о томъ, что, по справедливому замѣчанію г. Зисермана, «совмѣстное обсужденіе главнаго начальника края съ окончившими ревизію лицами предстоящихъ реформъ гражданскаго управленія, дало бы тогда результаты, конечно, гораздо болѣе полныя и устойчивыя, чѣмъ добытыя единоличнымъ осмотромъ; къ нимъ отнеслись бы и высшія правительственныя сферы, при санкціонированіи предложенныхъ реформъ, съ большею вѣрою; реформы были бы приняты и въ обществѣ, равнодушіемъ нынѣ къ государственнымъ дѣламъ, съ большею увѣренностью въ томъ, что это уже не временныя опыты и перемѣна ярлыковъ, какъ это было до сихъ поръ». До того же, по его мнѣнію, указывать на необходимыя для Кавказа реформы можно только въ общихъ чертахъ. Реформы эти обсуждаются однако въ настоящее время во всѣхъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ въ соотвѣтствующихъ имъ частяхъ. Насколько извѣстно, «по соображеніямъ нѣкоторыхъ министерствъ, должны быть упразднены не только многія должности, существовавшія при бывшемъ кавказскомъ намѣстничествѣ, но и цѣлыя учрежденія, какъ, на примѣръ: совѣтъ бывшаго намѣстника, управленіе медицинскою частью гражданскаго вѣдомства, должности помощника намѣстника и начальника главнаго управленія, канцелярія начальника главнаго управленія, департаментъ главнаго управленія и другія. При главночальствующемъ гражданскою частью на Кавказѣ предполагается учредить только канцелярію, примѣняясь къ существующимъ канцеляріямъ генераль-губернаторовъ. Кавказскій учебный округъ предполагается подчинить, на общемъ основаніи, министерству народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, однакожь, чтобы въ чрезвычайныхъ случаяхъ на него распространялись власть и вліяніе главнначальствующаго. Существующій въ Тифлисѣ кавказскій цензурный комитетъ подчиняется главному управленію по дѣламъ печати. По всей вѣроятности, при рассмотрѣніи вопроса о сліяніи управленія Кавказа съ общимъ управленіемъ имперіи, министерства обратятъ вниманіе не только на бывшія центральныя учрежденія при кавказскомъ намѣстничествѣ, но и на учрежденія мѣстныя. Такъ, во многихъ мѣстностяхъ Кавказа, населенныхъ преимущественно мусульманами, по всей вѣроятности, потребуется упрощеніе учреждений губернскихъ, уѣздныхъ, и даже сокращеніе числа самыхъ губерній». («Голосъ», № 17 сего года.) Есть предложеніе также Ставропольскую губернію и Кубанскую

область выдѣлить вовсе изъ вѣденія начальника кавказскаго края, присоединивъ ихъ къ губерніямъ на общемъ положеніи, такъ какъ нѣтъ основанія оставлять ихъ долѣе въ исключительномъ положеніи, такъ какъ и по мѣстнымъ условіямъ, и по составу населенія, онѣ болѣе подходятъ къ чисто русскимъ губерніямъ, чѣмъ прочія мѣстности Кавказа. Полагаютъ также, что втеченіи перваго года управленія краемъ князя Дондукова-Корсакова существующіе теперь на Кавказѣ система и порядки останутся почти безъ измѣненія. Этотъ годъ будетъ употребленъ княземъ на 'осмотръ и ознакомленіе съ краемъ. Такой мотивъ замедленія нельзя не признать вполне уважительнымъ. Есть однако вещи, съ которыми бы слѣдовало покончить безотлагательно, такъ какъ онѣ настолько бѣютъ въ глаза своимъ безобразіемъ, что не требуютъ особеннаго ознакомленія для признанія невозможности дальнѣйшей ихъ терпимости, какъ, напримѣръ, такой фактъ, о которомъ сообщаютъ газеты «Голосъ» (№ 17 сего года), изъ Тифлиса: «Не смотря на то, что въ настоящее время холодъ и снѣгъ и нѣтъ никакой физической возможности работать подъ открытымъ небомъ, въ Борчалинскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, дѣятельно наряжаются отъ уѣзда рабочіе для дальнѣйшаго проведенія никому ненужной дороги въ Джавбахчинскомъ ущельѣ, стоившей уже сельскому населенію 60,000 р. При такомъ безвыходномъ положеніи, рабочіе бѣгутъ массами съ работы, а, взамѣнъ ихъ, на счетъ сельскихъ обществъ нанимаются греки. Дорога эта проводится къ стеклянному заводу богатаго нѣмца, прусскаго подданнаго Кученбаха. Этотъ Кученбахъ—очень счастливый человѣкъ. Онъ явился сюда въ 1866 году безъ всякихъ средствъ и поселился во владѣльческой деревнѣ Мамутлы, съ счастливою мыслью устроить сыроварню. Для этого дѣла ему была выдана субсидія въ 30,000 р. изъ земскихъ суммъ края. Субсидія мотивировалась, конечно, общею пользою; ученый нѣмецъ долженъ былъ ознакомить населеніе съ входившимъ тогда въ моду сыровареніемъ. Послѣ того, впродолженіи 12-ти лѣтъ, онъ купилъ въ свою собственность 11,000 дес. земли, цѣною въ 400,000 р.» Не мѣшало бы только изслѣдовать, съ какой стати, по чьему распоряженію, дорога къ частному промышленному заведенію какого-то захожаго нѣмца, необходимая только для его личныхъ интересовъ, устраивается на земскій счетъ; какая бабушка ворожитъ этимъ разнымъ Кученбахамъ, которыхъ на Кавказѣ не одинъ? Пора же, наконецъ, убѣдиться, хотя на основаніи двухсотлѣтняго опыта, что эти дорого оплачиваемые выписные учителя изъ нѣмцевъ, не исключая и тѣхъ, которые сидятъ въ нашей академіи наукъ, никогда и ничему насъ не учили и пользовались своимъ знаніемъ (если дѣйствительно обладали имъ, что было далеко не всегда) исключительно для своихъ личныхъ видовъ и выгодъ.

Много, громадно много предстоитъ работы новому начальнику Кавказскаго края, пока ему удастся лишь до нѣкоторой степени очистить тамошнія авгиевы конюшни. Хотя князь Дондуковъ-Корсаковъ чело-вѣкъ нечужой Кавказу, на которомъ онъ прослужилъ многіе годы, но помимо того, что онъ довольно давно уже оставилъ тѣ чисто военныя должности, которыя онъ занималъ, онъ не давалъ ему ни повода, ни возможности близко познакомиться съ гражданскимъ состояніемъ края, а въ немъ-то и заключается главная часть предстоящей ему къ разрѣшенію задачи. Такое же знакомство, при всемъ его умѣ и дѣловитости, едва-ли можетъ доставить одинъ объѣздъ края, безъ содѣйствія серьезной и всесторонней сенаторской ревизіи, которую мы поэтому считаемъ безусловно необходимымъ для успѣха возложеннаго на него порученія. Одно уже чудодѣйное дѣло о нескончаемой стройкѣ пресловутаго Потійскаго порта заслуживаетъ самой строгой ревизіи, а такихъ дѣлъ на Кавказѣ найдется не одно. Не смотря на болѣе чѣмъ полувѣковое обладаніе наше Кавказомъ и двадцатилѣтнее замиреніе его, прекрасный край этотъ все еще остается для Россіи какою-то, трудно-доступною, легендарною красавицею, покрытою, непроницаемой для глазъ, фатою таинственности. Пора, наконецъ, сдернуть съ нея эту фату, призвать ее къ жизни, къ полному общенію съ Россіей. По извѣстію изъ Тифлиса, «первымъ пунктомъ, который посѣтитъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, будетъ Батумъ, затѣмъ побережье Чернаго моря, а въ Тифлисъ онъ прибудетъ 3 марта. Къ этому времени соберется смѣшанная комисія, въ составъ которой, вромѣ начальниковъ отдѣльныхъ управленій на Кавказѣ, войдутъ командированные изъ Петербурга представители нѣкоторыхъ министерствъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ строгомъ разграниченіи полномочій, которыми долженъ быть облеченъ новый главный начальникъ Кавказскаго края».

По богатству даровъ природы, по своему географическому положенію, Кавказъ представляетъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ алмазовъ въ коронѣ русскихъ царей. Но самую прекрасную часть этого прекраснаго края является, конечно, черноморское побережье, славившееся уже въ самой глубокой древности. Недаромъ же древніе греки ходили искать тамъ золотое руно; недаромъ венеціанцы и генуэзцы въ самое цвѣтущее время своей исторической жизни вели дол-гую и упорную борьбу за обладаніе этимъ благодатнымъ побережьемъ. Даже подъ турецкимъ владычествомъ оно представляло, сравнительно, довольно густо заселенную мѣстность, часто посѣщаемую турецкими и греческими судами изъ Трапезонта и другихъ портовъ Анатолиі, съ которыми она вела тогда относительно довольно бойкую торговлю. Въ Сухумѣ, напримѣръ, во времена принадлежности восточнаго берега Чернаго моря Турціи, было болѣе 6000 жителей, въ крѣпость и

въ городъ была проведена вода съ горъ, и самый городъ былъ окруженъ садами. Съ переходомъ побережья, по адрианопольскому миру, подъ власть Россіи, турки выселились, и побережье, на которомъ во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще сохранились развалины гевуэзскихъ построекъ и слѣды когда-то цвѣтущихъ колоній ихъ, обезлюдѣло, опустѣло, торговля прекратилась, тѣмъ болѣе, что въ видахъ прекращенія, съ одной стороны, подвоза горцамъ съ моря пороха и оружія, а съ другой—вывозъ съ Кавказа дѣвушекъ и мальчиковъ, которыми мѣстные жители снабжали Константинополь и другіе рынки востока, гдѣ на этотъ, славившійся своею красотой людской товаръ былъ всегда большой спросъ, вдоль восточнаго берега Чернаго моря постоянно крейсировала наша эскадра, преслѣдовавшая суда, занимавшіяся указанными подвозомъ и вывозомъ. Такое обращеніе прекраснѣйшей страны въ пустыню могло въ то время оправдываться военнымъ временемъ. Но вотъ, говоримъ мы, 20 лѣтъ слишкомъ прошло со времени замиренія Кавказа. Препрежнее неспокойное воинственное населеніе края большею частію ушло въ Турцію, остальное выселено въ Кубанскую область, уступивъ свое благодатное побережье для заселенія его мирнымъ, трудящимся людомъ. Совершилось ли это заселеніе? Какъ же мы воспользовались прекраснѣйшею страной, что сдѣлали изъ нея и для нея?—Ничего, положительно ничего! Край такъ и остался пустыннымъ, съ рѣдкими, дрянными, и по числу, и по составу, поселеніями, разобщенными между собою, потому что до настоящаго времени не устроены еще сколько нибудь сносныя дороги для сообщенія вдоль берега, которое теперь совершается моремъ и притомъ не съ помощію срочнаго пароходства, специально устроеннаго для быстрого сообщенія прибрежныхъ пунктовъ, а большею частію на баркахъ и кочермахъ; не существуетъ также сколько нибудь удобныхъ дорогъ и черезъ горы, для сообщенія хотя бы съ Кубанскою областью; не говоримъ уже вообще о сообщеніи съ внутренностью страны даже такихъ портовъ, какъ Сухумъ, Беленджикъ и въ особенности Новороссійскъ, лучшій портъ не только на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря, но едва-ли и не на всемъ его побережьѣ, за исключеніемъ можетъ быть одного Севастополя. Въ то время, когда миліоны безплодно затрачивались на устройство порта тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, т. е. гдѣ природа ничего для этого не сдѣлала, а напротивъ, сгруппированы всѣ неудобства, именно, въ Поті, доступъ къ которому постоянно загороженъ огромнымъ биромъ Ріона, далеко выдвинутымъ въ море, а рейда котораго открыть для всѣхъ вѣтровъ, вслѣдствіе чего приходящія въ Поті суда, при малѣйшемъ волненіи, должны уходить, отстаиваться, или разгружаться въ Батумъ, который до вчерашняго дня былъ чужимъ—самою природою созданный превосходный портъ Новороссійска оставался забы-

тѣмъ и заброшеннымъ, вслѣдствіе предрасудочнаго страха боры (холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, дующій съ ледниковъ Кавказа), порожденнаго тѣмъ, что чуть не полвѣка тому назадъ, маленькая парусная шкуна, главнымъ образомъ благодаря нераспорядительности капитана, обледѣвъ подъ налетомъ боры, затонула въ этомъ портѣ. Почти столь же сильной борѣ подверженъ, какъ извѣстно, и Триестскій портъ, что не мѣшаетъ ему однако быть едва-ли не самымъ оживленнымъ портомъ на Адриатическомъ морѣ. Дѣло въ томъ, что боръ дуетъ лишь въ извѣстное время года; поражая бассейнъ Новороссійскаго порта почти подъ угломъ 45° , онъ обрушивается лишь на навѣтренную его половину, въ то время какъ подвѣтренная половина его, прикрытая берегомъ, представляетъ совершенно безопасную стоянку для судовъ. Геленджикскій портъ, уступая въ природныхъ достоинствахъ Новороссійскому, но при помощи сравнительно незначительныхъ и недорогихъ искусственныхъ приспособленій, можетъ быть легко обращенъ въ превосходную морскую пристань, тѣмъ болѣе, что даже и дѣйствіе боры въ немъ гораздо слабѣе. Даже Сухумскій портъ, вовсе свободный отъ боры, но болѣе открытый чѣмъ Новороссійскъ и Геленджикъ,—даже и Сухумскій портъ, говоримъ мы, далеко превосходить Потійскій, и въ настоящее время, когда уже и Батумъ перешелъ во владѣніе Россіи, слѣдуетъ серьезно подумать, стоитъ ли безплодно продолжать затрачивать государственныя средства на устройство, наперекоръ природѣ, портъ въ Поти, особенно въ виду предполагаемаго соединенія рельсами Батума съ Поти-тифлисской желѣзной дорогой. Батумо-поти-тифлисская желѣзная дорога можетъ служить выходомъ къ Черному морю только для Закавказья, но она не принесетъ пользы сѣверному Кавказу и всей той части восточнаго черноморскаго побережья, которое лежитъ къ сѣверу отъ Сухума. Въ настоящее время Ставропольская губернія, Кубанская и Терская области могутъ отправлять свои произведенія въ Россію или на европейскіе рынки лишь по ростово-владикавказской желѣзной дорогѣ и частью по Кубани. Оба эти пути представляютъ много неудобствъ и лишнихъ издержекъ, такъ какъ оба они ведутъ къ мелкому Азовскому морю и обусловливаютъ напрасныя расходы на перегрузку. Всего этого возможно избѣжать, если произведеніямъ сѣвернаго Кавказа будетъ открытъ непосредственный путь къ берегу Чернаго моря постройкою рельсовой вѣтви отъ одного изъ пунктовъ ростово-владикавказской желѣзной дороги къ одному изъ вышеназванныхъ портовъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Необходимость этой вѣтви давно уже признана; она имѣлась даже въ виду въ то время, когда только что проектировалась нынѣшняя ростово-владикавказская линія, и вопросъ о вѣтви къ Черному морю поднимался нѣсколько разъ и послѣ сооруженія вышеназванной

дороги. Мнѣнія расходились только относительно конечнаго пункта на берегу моря. Пунктомъ этимъ предлагали Тамань, Анапу, Геленджикъ и Новороссійскъ. Въ пользу перваго изъ этихъ пунктовъ приводили обыкновенно то, что вѣтъ въ этомъ направленіи обойдется дешевле, не требуя ни моста черезъ Кубань, ни перевала черезъ горы; но дѣло въ томъ, что эти выгоды парализуются отсутствіемъ въ Тамани порта, который придется строить искусственно; тоже должно сказать и объ Анапѣ; наилучшимъ направленіемъ будетъ все-таки болѣе южное, на Новороссійскъ, или Геленджикъ, о прекрасныхъ портахъ которыхъ, особенно Новороссійска, мы говорили выше. Переваль-же черезъ горы здѣсь вовсе не такъ труденъ и страшенъ, какъ на пути отъ Владикавказа къ Тифлису, гдѣ приходится переваливать черезъ главный хребетъ. Во всякомъ случаѣ восточное черноморское побережье ждетъ отъ новаго начальніка края того, на чтѣ оно имѣетъ полное право и въ чемъ ему до сихъ поръ такъ упорно отказывалось, т. е. вниманія и заботливости къ его нуждамъ, а эти нужды прежде и главнѣе всего заключаются въ путяхъ сообщенія. Вотъ что по этому поводу говоритъ кавказскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 14, 1881 г.), видимо хорошо знакомый съ нуждами края: «Безъ дорогъ колесныхъ и транспортныхъ, весь восточный берегъ Чернаго моря не можетъ проявить той жизненности, какую даетъ ему сама природа. Богатыя земли Цебельды, Самурзакани, Абхазіи, Сванетіи, Пسخу и Ахчипسخу до сихъ поръ остаются безъ населенія, безъ производительности, и даже тѣ фруктовыя деревья и вообще растенія, которыя принесены въ даръ самой природой, не имѣютъ потребителей. Отсутствие дорогъ—вотъ нашъ главный недостатокъ. Продѣлайте дороги—пойдутъ и промышленность, и культура, и просвѣтится страна. Сухумъ, Новороссійскъ и Геленджикъ, имѣющіе прекрасныя бухты, лишены торговаго движенія по отсутствію дорогъ въ горныя части своихъ окрестностей. Если-бы существовали дороги, мы не ушли-бы изъ Сухума предъ появившимся непріателемъ, не считали-бы себя отрѣзанными отъ мѣстности, изъ которой могла явиться помощь». Необходимо также привлечь на восточный берегъ Чернаго моря переселенцевъ, не ту сволочь изъ выселившихся изъ Турціи грековъ, которыхъ водворяли тамъ, а переселенцевъ изъ Россіи или, по крайней мѣрѣ, изъ южно-славянскихъ земель, причемъ въ отношеніи русскихъ—лишь такихъ, которые по привычнымъ своимъ занятіямъ легко могли бы приспособиться къ условіямъ мѣстной природы. Отроги кавказскаго хребта, окаймляя весь почти восточный берегъ Чернаго моря, весьма близко подходятъ къ нему, оставляя лишь узкую полосу плоскаго побережья, представляющаго мало простора для хлѣбопашества; тоже можно сказать и объ узкихъ долинахъ, выходящихъ

изъ глубины горъ къ морю; но за то здѣсь соединены всѣ благопріятныя условія для культуры болѣе цѣнныхъ растений, для садоводства, огородничества, виноградарства, а въ лощинахъ и долинахъ, укрытыхъ отъ вѣтровъ, для табаководства. Виѣсть съ тѣмъ море представляетъ широкое поприще для развитія рыболовства и вообще морскихъ промысловъ. Понятно, что для заселенія этой мѣстности русскими необходимы переселенцы изъ тѣхъ мѣстностей Россіи, гдѣ упомянутыя отрасли хозяйства входятъ болѣе или менѣе въ кругъ хозяйственной дѣятельности мѣстнаго населенія, а отнюдь не изъ тѣхъ, гдѣ хлѣбопашество составляетъ исключительное занятіе мѣстныхъ жителей. Подобный подборъ переселенцевъ составляетъ необходимое условіе, какъ для упроченія ихъ собственнаго благосостоянія на новомъ мѣстѣ, такъ и вообще для экономическаго развитія этого угла Россіи, несравненно болѣе благодатнаго, чѣмъ даже южный берегъ Крыма, но до сихъ поръ остающагося заброшеннымъ и забытымъ.

Отмѣна намѣстничества на Кавказѣ и предполагавшіяся вслѣдствіе того различныя сокращенія и упраздненія, гораздо ранѣе даже чѣмъ эта отмѣна и назначеніе новаго начальника края сдѣлались совершившимися фактами, какъ тяжелый кошмаръ отяготѣли надъ умами многочисленнаго мѣстнаго служащаго люда и производили въ средѣ его положительную панику, которая начала обнаруживаться вскорѣ послѣ отъѣзда съ Кавказа бывшаго начальника; но, пока это выразилось въ чрезвычайно своеобразномъ видѣ. Умиrotворяя покоренный Кавказъ, какъ подобаетъ насадителямъ культуры, мы воинственное безалаберное хищничество полудикихъ горцевъ замѣнили мирнымъ, благоустроеннымъ административнымъ хищничествомъ, которое, какъ извѣстно, развилось и безпечально процвѣтало въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Даже такіе, можно сказать, святые по своему назначенію предметы, какъ, на примѣръ, фондъ, пожертвованный покойною княгиней Воронцовой на дѣло женскаго образованія въ край, не считались у насъ неприкосновенными. Извѣстно, что еще весной прошлаго года обнаружилось, что фондъ этотъ, въ количествѣ около полутора ста тысячъ, давно уже не существуетъ, и куда онъ исчезъ, не могутъ разъяснить и тѣ, кому это непосредственно надлежало вѣдать. Преемники дѣятельности княгини Воронцовой, говоритъ тифлисскій корреспондентъ газеты «Голосъ» (1881 г., № 192), не только ни на грошъ не увеличили оставленныхъ ею средствъ, но такъ надъ ними надзирали, что отъ нихъ не осталось ни копейки. Васъ, можетъ быть, и удивить, если дѣло это будетъ замято, но для насъ будетъ гораздо болѣе удивительно, если оно дойдетъ до судебнаго разбирательства. Закавказскій дѣвичій институтъ, нѣкогда прекрасно поставленный почтенною, уважаемою директрисою, г-жою Жульчинскою,

въ рукахъ нинѣшней начальницы, г-жи Кулебякиной, не только утратилъ свою славу, но и сдѣлался ареною такихъ скандаловъ, которые только при кавказской безгласности могли сойти безнаказанно. Соидеть и эта растрата, какъ сошли и тысячи другихъ. Все равно, совершались ли онѣ въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи, подъ мракомъ ея тайнъ, или такъ сказать на площади, на глазахъ у всего народа. Триумфовать директоровъ тифлискаго театра изъ двухъ полковниковъ и одного статскаго генерала, въ одинъ сезонъ пробухалъ такую сумму, что пришлось на три года лишить Тифлисъ оперы, чтобы погасить дефицитъ, созданный хозяйствомъ этихъ господъ. И нинѣшняя растрата князя Сидомани-Эристова, отвѣтственность за которую онъ, впрочемъ, слагаетъ съ себя: можетъ быть пополнена, хотя-бы изъ тѣхъ же «суммъ на полезныя предпріятія въ краѣ», изъ которыхъ 40,000 ушло однажды на уплату карточныхъ долговъ поручика-князя».

Въ бытность нашу прошлымъ лѣтомъ на Кавказѣ, намъ лично доводилось говорить съ мѣстными компетентными особами объ исчезновеніи институтскаго фонда, и по ихъ объясненіямъ выходило какъ-то такъ, что никто, не исключая и князя Эристова, не отвѣтственъ въ этой растратѣ, потому что „въ долинахъ Грузіи печальной“ все творилось по волѣ... ну, разумѣется, прежде всего по волѣ Божіей. Должно быть это такъ дѣйствительно и есть, ибо слухи объ этомъ дѣлѣ что-то вовсе замолкли, и намъ не случалось встрѣчать въ газетахъ извѣстій о томъ, чѣмъ кончилось и кончилось ли чѣмъ нибудь это дѣло. Выходить, что согласно предвидѣнію цитированнаго нами корреспондента, мѣстному населенію на Кавказѣ и въ особенности въ Тифлисѣ не оказалось повода предаваться удивленію. При существованіи такихъ гражданско-служилаго люда нравовъ, понятно до нѣкоторой степени и то своеобразное выраженіе въ средѣ его паники, о которомъ мы упоминали выше. Дѣйствительно, паника эта, возбужденная, какъ сказано, уже ожиданіемъ сокращеній, упраздненій и вообще переменъ господствовавшихъ порядковъ, выразилась тамъ, повидимому, обычнымъ въ такихъ случаяхъ крикомъ: «спасайся, кто можетъ!» и крикомъ: «тащи, кто можетъ, что еще до сихъ поръ не растаскано!» такъ по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ думать, судя по тому, что говорить объ этомъ тотъ же тифлискій корреспондентъ («Голосъ» 1881 г. № 192), за которымъ мы и оставляемъ отвѣтственность за наше заключеніе, а говорить онъ ни болѣе ни менѣе, какъ слѣдующее: «Какъ-бы въ предвидѣніи «начала конца», у насъ идетъ усиленный и торопливый расхватъ государственныхъ имуществъ разными генералами и генеральшами „для приплода благонадежнаго населенія“. Не смотря на то, что верховная власть ясно высказала по дѣлу объ оренбургскихъ земляхъ свое желаніе положить конецъ всякаго рода хищенію, у насъ нисколько не стѣсняются такими

ясно выраженнымъ направлѣнiемъ правительственныхъ намѣренiй. Исторiя съ нефтяными участками уже извѣстна читателямъ; многомилiонное достоянiе государства разорено и расхищено всецѣло. Апетитъ увеличивается по мѣрѣ вѣды, и съ береговъ Каспiа взоры аргонатовъ нашихъ дней перенесены теперь на берега Чернаго моря. Извѣстно, что кавказская администрацiя обладаетъ секретомъ обращать цвѣтущiя области въ пустыню. Было бы клеветою полагать, что это дѣлается для того, чтобы расширить территорiю, предназначенную къ раздачѣ генераламъ и генеральшамъ „для приплода благонадежнаго населенiя“. Совсѣмъ не то; вѣроятно, эта система—результатъ высшихъ соображенiй внутренней политики, не всегда доступной пониманiю простыхъ смертныхъ. Такъ или иначе, словомъ, образовалась еще одна пустыня, требующая приплода благонадежнаго населенiя—это Абхазiя, счастливая страна экспериментовъ общества возстановленiя православiя и доблестныхъ подвиговъ генерала Кравченко. Турки, оставляя Сухумскую область, взяли съ собою и значительную часть населенiя; по окончанiи войны, когда оно пожелало вернуться на родныя пепелища, то, конечно, оно не было допущено. Теперь предположено свободныя земли, „по бывшимъ примѣрамъ“, раздать въ награду и надѣлъ чиновникамъ! Привлеченiе въ область чиновниковъ, въ качествѣ землевладѣльцевъ, конечно, моментально и здѣсь дастъ такiя же благотворныя послѣдствiя, какiя дало въ Черноморской области. Извѣстно, что значительная часть Абхазiи покрыта дѣвственнымъ лѣсомъ цѣннѣйшихъ породъ корабельнаго и даже пальмоваго дерева, едва-ли не единственнаго въ Россiи, тянущагося отъ берега моря вплоть до кавказскаго хребта. Представьте себѣ, что кавказская администрацiя проектируетъ мѣры, которыя поведутъ къ окончательному истребленiю этого безцѣннѣйшаго дара природы. Лежащiе въ культурной полосѣ Абхазiи корабельные и пальмовые лѣса предполагаютъ раздать въ даръ чиновникамъ, а лежащiе въ некультурной—отдать въ арендное пользованiе. Черезъ какихъ нибудь 20 лѣтъ, все дѣнное будетъ вырублено и останутся одни пни, нѣмые, но, краснорѣчивые свидѣтели хищническаго хозяйства.»

Читая эти по истинѣ запугивающiя строки, невольно право воскликнешь съ газетой, корреспонденцiей которой мы воспользовались, «когда же наконецъ государство наше выплатитъ всѣ свои долги кавказскому чиновничеству за его заслуги отечеству, чтобы положить конецъ столь хищнической системѣ эксплуатацiи государственныхъ имуществъ?!..» Будемъ надѣяться, что новый начальникъ Кавказскаго края ликвидируетъ, эти, повидимому, неоплатные долги, но, повторяемъ еще разъ въ заключенiе, что при этой ликвидации сенаторская ревизiя могла бы оказать громадную услугу. Провѣряя претензiи безпощадныхъ кредиторовъ, ревизiя вѣроятно нашла бы много подложныхъ и дутыхъ векселей.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Интересный примѣръ догадливости наука ¹⁾). Вопросъ объ умѣ животныхъ принадлежитъ несомнѣнно къ числу существенныхъ проблемъ сравнительной психологiи. Можно сказать, что вопросъ этотъ одинъ изъ старѣйшихъ вопросовъ общей психологiи и вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ наименѣ выясненныхъ, наименѣ разработанныхъ не только въ теоретическомъ, но и въ фактическомъ отношенiи. Не то, чтобы чувствовалась особенная бѣдность въ фактахъ и наблюденiяхъ надъ умственной жизнью животныхъ. Совсе нѣтъ! Напротивъ, материалу собрано уже не мало, но этотъ материалъ мало разработанъ и, главное, разработанъ крайне односторонне. Одни не видятъ въ этихъ фактахъ ничего, кромѣ слѣпаго инстинкта; другiе, обратно, до того увлекаются антропоморфическою точкою зрѣнiя, что въ каждомъ поступкѣ животнаго готовы видѣть проявленiе разсудочной дѣятельности, словно забывая, съ кѣмъ они имѣють дѣло.

Давно уже было замѣчено, что «истину слѣдуетъ искать на экваторѣ, а не на полюсахъ», что крайности всегда останутся крайностями. И дѣйствительно, въ послѣднее время въ области знанiя, о которой идетъ здѣсь рѣчь, все съ большею и большею опредѣленностью обнаруживается попытка устраненiя этихъ двухъ крайностей, попытка постановки и рѣшенiя вопроса, согласно основнымъ требованiямъ современнаго, строго-научнаго метода изслѣдованiя, устраняющаго оцѣнку фактовъ по однимъ внѣшнимъ ихъ признакамъ, незави-

¹⁾ «La Nature», 1881, № 440.

симо отъ ихъ внутренняго содержанія и ихъ отношенія другъ къ другу. И эти попытки начинаютъ увѣнчиваться успѣхомъ. Болѣе научное, менѣе одностороннее отношеніе къ предмету, не замедлило дать плодотворные результаты, выразившіеся рядомъ весьма цѣнныхъ работъ, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ на одну изъ наиболѣе темныхъ областей знанія. Не мало обнаружено при этомъ въ высокой степени интересныхъ данныхъ, позволяющихъ составить болѣе точное, болѣе цѣльное представленіе о природѣ и характерѣ психической жизни животныхъ.

Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала мы надѣемся посвятить' этому интересному предмету отдѣльную хронику, въ которой постараемся представить возможно обстоятельный обзоръ наиболѣе существенныхъ вопросовъ, относящихся къ данному предмету. Въ настоящей же небольшой замѣткѣ мы ограничимся указаніемъ одного весьма интереснаго случая, могущаго служить прекрасною иллюстраціею къ вопросу объ умѣ животныхъ и притомъ именно низшихъ животныхъ, безпозвоночныхъ.

Дѣло въ томъ, что, при изученіи умственныхъ способностей животныхъ, очень трудно ограничиваться свидѣтельствомъ фактовъ изъ обычной жизни животныхъ, ибо, чѣмъ рутиннѣе поступки животного, тѣмъ скорѣе они могутъ быть приписаны дѣйствию привычки, унаслѣдованныхъ способностей, словомъ, тому, что извѣстно подъ общимъ именемъ «слѣпаго инстинкта». Другое дѣло, если животное, поставленное въ необычныя для него условія, обнаруживаетъ, тѣмъ не менѣе, извѣстную находчивость; въ такомъ случаѣ, уже гораздо больше основанія видѣть въ этихъ поступкахъ проявленіе нѣкоторой умственной способности, нежели слѣпое дѣйствіе инстинкта. Поэтому факты, относящіеся къ послѣдней категоріи, представляютъ наиболѣе цѣнный матеріалъ при изученіи умственныхъ способностей животныхъ.

Къ числу такихъ именно фактовъ и принадлежитъ интересное наблюденіе надъ паукомъ, сообщенное недавно однимъ англійскимъ энтомологомъ. Наблюденіе было произведено съ тѣмъ, чтобы опредѣлить—какъ воспользуется паукъ своею способностью выпускать паутинную нить, если его поставить въ необычныя условія?

Вопросомъ этимъ еще ранѣе интересовался извѣстный энтомологъ Керби и для разрѣшенія его произвелъ очень любопытный опытъ. Онъ помѣстилъ крестовика на длинный шестъ и поставилъ этотъ шестъ въ сосудъ съ водою. Паукъ тотчасъ же поползъ внизъ по шесту, протягивая за собою паутину, но прикоснувшись передними ногами къ водѣ, повернулъ назадъ и вновь взобрался по нити на верхній конецъ шеста. Эти невольныя гимнастическія упражненія паука, повторялъ

нѣсколько разъ и до того, наконецъ утомилъ наблюдателя, что послѣдній оставилъ крестовика на нѣсколько часовъ. Возвратясь, Керби не нашелъ паука на шестѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ увидѣлъ нить, протянутую отъ верхушки шеста къ близъ стоящему шпапу, которая и послужила бѣглецу мостомъ. Паукъ былъ однако найденъ тутъ же, на шпапу, и вновь посаженъ на шестъ.

Сначала животное стало повторять тѣ же операціи, что и въ предъидущемъ случаѣ, но затѣмъ паукъ, прикрѣпивъ одновременно къ верхушкѣ шеста двѣ нитки, сталъ спускаться, заботливо раздѣляя задними ногами одну нитку отъ другой, для того, чтобы онѣ не слились. Достигнувъ нижняго конца шеста, паукъ опустилъ одну нитку, предоставивъ ее свободно плавать въ воздухѣ, а по другой вновь поднялся на верхушку шеста и сталъ выжидать, когда летающая въ воздухѣ нитка пристанетъ свободнымъ концемъ къ какомунибудь постороннему предмету. Керби помогъ случаю, онъ подхватилъ кисточкою свободный конецъ паутины и натянулъ ее; паукъ тотчасъ попробовалъ нить ногами и, найдя ее достаточно прочною, сталъ перебираться по ней, укрѣпляя ее новою, пристающею нитью и такимъ образомъ благополучно достигъ до кисточки.

Этотъ интересный опытъ, только нѣсколько видоизмѣненный, недавно былъ повторенъ другимъ англійскимъ энтомологомъ, и далъ еще болѣе любопытные результаты.

Паукъ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, былъ посаженъ на довольно длинный шестъ, воткнутый по срединѣ большой лужи. Паукъ сталъ опускаться, но, найдя здѣсь воду, остановился и нѣсколько времени пребывалъ въ нерѣшимости, словно соображая, что предпринять. Затѣмъ онъ, какъ бы придумалъ: быстро взобрался на верхушку шеста и выпустилъ длинную нить, съ одного конца свободно плавающую въ воздухѣ (точно такъ какъ въ опытѣ Керби). Но вблизи не оказалось ни одного предмета, къ которому могла бы пристать паутиная нить, да и самъ наблюдатель вовсе не былъ расположенъ допустить паука такъ легко избавиться отъ неприятнаго положенія.

Паукъ нѣсколько разъ пробовалъ ногами, съ укрѣпленнаго конца, выпущенную имъ нить, и каждый разъ убѣждался, что она не пристала ни къ какому предмету. Тогда онъ обратился къ другому средству. Каждому несомнѣнно приходилось встрѣчать иногда въ полѣ плавающіе въ воздухѣ бѣлые небольшіе комочки паутины болѣе или менѣе сферической формы, словно шелковые шарики. Къ постройкѣ такого именно шарика и приступилъ паукъ, взобравшись предварительно на верхушку шеста.

Когда шарикъ достигъ уже нѣкоторыхъ размѣровъ, паукъ приервѣ-

пилъ его ниткою къ песту и сталь пробовать ногами можетъ ли онъ удержатъ его; оказалось, что нѣтъ; тогда паукъ вновь приступилъ къ работѣ и, въ концѣ концовъ, соорудилъ такой аэростатъ, на которомъ могъ уже безопасно держаться. Этого было достаточно: паукъ перебрался на свой аэростатъ и оторвалъ нитку, прирѣвленную къ песту. Подхваченный легкимъ дуновеніемъ вѣтерка, пушистый шарикъ медленно поплылъ въ воздухъ и, въ концѣ концовъ, перенесъ маленькаго аэронавта на твердую почву. Паукъ былъ на свободѣ!

Вотъ одинъ изъ любопытѣйшихъ фактовъ, несомнѣнно обнаруживающій даже у такого животнаго, какъ паукъ, достаточную степень находчивости, для того, чтобы можно было не признать въ данномъ случаѣ проявленіе нѣкоторой умственной способности, помимо одного слѣпаго инстинкта. И смѣемъ думать, что подобные факты если и не устраняютъ значеніе инстинкта въ жизни животныхъ, то во всякомъ случаѣ и не даютъ права ограничивать всѣ поступки животныхъ дѣйствіемъ одного только инстинкта. Впрочемъ, повторяемъ, здѣсь мы имѣли въ виду лишь указать на одно изъ новѣйшихъ интересныхъ наблюденій, отмѣтить фактъ и только; въ ближайшей же книгѣ нашего журнала мы возвратимся къ этому интересному вопросу и дадимъ болѣе подробный отчетъ о его современномъ состояніи.

Цитозои (Cytosoe), новые элементы кѣлочекъ. Ассистентъ физиологии лейпцигскаго института Гёле произвелъ рядъ въ высокой степени интересныхъ микроскопическихъ наблюденій ¹⁾, обращающихъ на себя вниманіе, не только по новизнѣ обнаруженныхъ при этомъ фактовъ, но и по важному теоретическому значенію послѣднихъ.

Изслѣдуя красные кровяные шарики лягушки при температурѣ отъ 30—32° Цельсія въ растворѣ хлористаго натра (насыщеніе 6 на 100), Гёле замѣтилъ въ этихъ шарикахъ или кѣлѣчкахъ, подлѣ ядра, подвижное тѣлцо удлинненной формы, заостренное съ концовъ. Ближайшее и болѣе подробное изслѣдованіе показало, что эти тѣльца, названныя сперва червячками, а затѣмъ цитозоами, не остаются въ кѣлѣчкѣ, а напротивъ, выходятъ изъ кровянаго шарика, причемъ нѣкоторое время, пока совсѣмъ не оторвутся отъ кѣлѣтки, увлекаютъ послѣднюю за собою. Затѣмъ, уже совершенно отдѣлившись отъ кѣлѣтки, они свободно двигаются въ жидкости. Но движенія эти непродолжительны: цитозои перемѣщаются все медленнѣе и медленнѣе, наконецъ, совершенно

¹⁾ «Revue Scientifique», № 4, 1882 г.

успокаиваются и, по истеченіи нѣкотораго времени, исчезаютъ, т. е. расплываются въ окружающей ихъ жидкости.

Достойно вниманія, что это замѣчательное явленіе наблюдается въ крови далеко не у всѣхъ лягушекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не при всякихъ обстоятельствахъ. Какъ свидѣлствуютъ произведенныя въ этомъ направленіи изслѣдованія, громадное вліяніе на появленіе цитозой оказываетъ время, мѣсто, ростъ, а главное, состояніе животныхъ, кровь которыхъ подвергается испытанію

Такъ, время, въ которое всего скорѣе и легче появляются цитозои, чаще всего совпадаетъ съ временемъ, когда лягушка не принимаетъ никакой пищи и живетъ исключительно на счетъ запасовъ своего тѣла, т. е. для большихъ лягушекъ это будетъ осенью, а для маленькихъ—весною. Уже такое совпаденіе довольно ясно показываетъ, что происхожденіе цитозой находится въ нѣкоторой зависимости отъ функции питанія.

Но рѣшеніе этого вопроса, связаннаго съ рѣшеніемъ другаго вопроса, — вопроса о происхожденіи цитозой: что это за подвижныя тѣльца, и встрѣчаются ли они, только въ кровяныхъ шарикахъ лягушки, или также и въ другихъ клѣткахъ этого животнаго?

Послѣдній изъ этихъ вопросовъ, рядомъ тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій, можетъ считаться точно рѣшеннымъ въ смыслѣ существованія данныхъ тѣлецъ въ клѣткахъ различныхъ частей тѣла. Такъ, они найдены были, и притомъ въ достаточномъ изобиліи, въ клѣткахъ селезенки, въ печеночныхъ клѣткахъ и въ клѣткахъ костнаго мозга.

Что же касается вопроса о происхожденіи и природѣ цитозой, то хотя нѣкоторые ученые, какъ, на примѣръ, Аридтъ, и готовы были считать эти подвижныя тѣльца паразитами, но изслѣдованія Гёле показали полнѣйшую несостоятельность подобнаго предположенія. Согласно этимъ изслѣдованіямъ, всего вѣроятнѣе признать, что цитозои не постороннія тѣла, не паразиты, а составныя протоплазматическія части клѣтки, выдѣляющіяся и обособляющіяся въ видѣ временныхъ самостоятельныхъ образований. Подвергнувъ шарики крови дѣйствию красящаго вещества (одной капль фіолетовой горечавки), Гёле нашель, что ядра клѣтокъ и содержащіяся въ нихъ цитозои одинаково окрашены, откуда названный ученый заключилъ, что послѣднія состоятъ изъ того же вещества, какъ и ядра, или, другими словами, что каждая цитозоя ничто иное, какъ обособленная частица вещества ядра. Но теперь рождается вопросъ: что же именно обуславливаетъ подобное обособленіе ядернаго вещества клѣтокъ въ цитозои.

Изслѣдованіе этого интереснаго вопроса привело Гёле къ весьма поучительнымъ выводамъ. Такъ, онъ произвелъ рядъ тщательныхъ опы-

товъ и наблюдений надъ клѣточками свѣжей селезенки, съ цѣлю опредѣленія условий, которыя содѣйствуютъ возникновенію цитозой, и при этомъ оказалось, что появленіе послѣднихъ идетъ рука объ руку съ распаденіемъ протоплазмы клѣтокъ, и что, напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда такое распаденіе устранялось соответствующими средствами, цитозой совершенно отсутствовали.

Въ виду подобныхъ фактовъ, Гёле пришелъ къ заключенію, что причину появленія цитозой служитъ смерть клѣточекъ. постепенное распаденіе составляющей ихъ протоплазмы; часть протоплазмы клѣтки, ближайшая къ ея периферіямъ, умираетъ, тогда какъ внутренняя еще продолжаетъ бодрствовать; она, такъ сказать, переживаетъ самую клѣтку, оставляетъ послѣднюю и, обособившись, обнаруживаетъ нѣкоторое время дѣятельность (движется), присущую каждому комочку протоплазмы.

Согласно такому объясненію природы цитозой и условий ихъ происхожденія,—объясненію, по которому эти подвижныя тѣльца являются начальнымъ продуктомъ распаденія протоплазмы, и принимая во вниманіе, что такое распаденіе состоитъ въ опредѣленномъ отношеніи къ функции питанія, становится уже понятнымъ, какъ вышеуказанное время для наиболѣе благоприятнаго появленія цитозой, такъ и тотъ фактъ, что эти тѣльца всего болѣе встрѣчаются въ такихъ частяхъ тѣла (селезенка, печеночныя клѣтки и т. д.), гдѣ процессъ распаденія всегда усиленный.

Само собою разумѣется, что эти наблюденія Гёле представляютъ важное значеніе, не только по новизнѣ крайне интересныхъ фактовъ, но и въ другомъ, болѣе общемъ отношеніи; открытіе цитозой, этихъ живыхъ остатковъ умершей протоплазмы клѣтокъ, приводитъ насъ къ двумъ весьма важнымъ заключеніямъ.

Во первыхъ, оно свидѣтельствуетъ, что клѣточка, подобно сложному организму, подчиняется тому же закону цѣлое умираетъ прежде, чѣмъ его отдѣльныя, составныя части.

Во вторыхъ, постепенное отмирание частей протоплазмы отъ периферій къ центру, не только свидѣтельствуетъ о большей живучести внутреннихъ частей надъ внѣшними, но и служитъ также новымъ, весьма интереснымъ подтвержденіемъ сложности строенія протоплазмы, на что указываетъ, напримѣръ, Фехтингъ. Въ самомъ дѣлѣ, только съ признаніемъ этой сложности становится понятною возможность возникновенія цитозой, разъ они представляютъ собою живую, обособившуюся часть умершей протоплазмы клѣтокъ.

Наконецъ, заслуживаетъ также вниманіе это совпаденіе относительно сложности строенія протоплазмы, съ результатами микроскопи-

ческих изслѣдованій Фехтинга, о которыхъ мы имѣли уже случай говорить. Невольно рождается вопросъ: не представляютъ ли открытыя Гёле цитозои нѣчто общее съ тѣми отдѣльными, нитевидными, подвижными протоплазматическими частицами, которыя иногда наблюдались въ клеточкахъ Фехтингомъ. Само собою разумѣется, что если мнѣніе Гёле о природѣ и происхожденіи цитозой дѣйствительно, то тѣльца эти должны встрѣчаться не только у однѣхъ лягушекъ. Такъ ли на самомъ дѣлѣ—должны показать дальнѣйшія изслѣдованія.

Распространеніе заразительныхъ болѣзней при посредствѣ молока ¹⁾. Нѣсколько времени тому назадъ французскій химикъ Фовель указалъ на крайне нераціональный, хотя и самый распространенный способъ искусственнаго кормленія рожкомъ, обыкновенно практикуемый въ дѣтскихъ пріютахъ. Вслѣдствіе плохого ухода за рожками, въ послѣднихъ, въ трубкѣ и въ соскѣ, развивается масса всевозможныхъ бактерій, такъ что влитое въ такой флаконъ молоко легко скисаетъ и подвергается броженію.

Это указаніе вызвало со стороны знаменитаго химика Пастера замѣчаніе, что въ сущности никакія мѣры предосторожности не могутъ предупредить ферментацию и порчу молока, если на самыхъ фермахъ не будутъ соблюдаемы самыя тщательныя заботы о чистотѣ, такъ какъ иначе молоко можетъ заражаться бактеріями въ самый моментъ доенія.

Какъ бы ни казалось такое замѣчаніе знаменитаго химика порадоксальнымъ или, по меньшей мѣрѣ, крайнимъ, тѣмъ не менѣе оно оправдывается многочисленными случаями распространенія эпидемическихъ болѣзней посредствомъ молока. Такъ, еще десять лѣтъ назадъ, д-ръ Боларъ былъ свидѣтелемъ свирѣпствовавшей въ Излингтонѣ эпидемической, тифозной лихорадки, источникъ которой, послѣ тщательнаго изслѣдованія, былъ найденъ. Именно оказалось, что причиною распространенія болѣзни служило зараженное молоко, доставляемое одною, довольно удаленною отъ города фермою, гдѣ въ то время господствовала тифозная лихорадка.

Правда, этотъ случай былъ слишкомъ единичнымъ для того, чтобы обратить на себя вниманіе. Но въ послѣднее время собраны уже многочисленныя данныя, не оставляющія никакого сомнѣнія въ способности молока служить распространителемъ различныхъ эпидемическихъ болѣзней и притомъ часто при условіяхъ, совершенно непредвидѣнныхъ.

¹⁾ Cartaz: «La contagion par la lait». (Nature, 1881, № 444).

Такъ, Марчинсонъ, при изслѣдованіи контагіозныхъ больныхъ въ своемъ собственномъ домѣ, всегда находилъ, что болѣзнь распростра- нялась исключительно между тѣми лицами, которыя употребляли мо- локо, какъ оказалось, зараженное. Камеронъ, не далѣе прошлаго лѣта, указалъ на распространеніе въ Дублинѣ скарлатины, причиною чего, послѣ тщательнаго изслѣдованія, опять-таки оказалось молоко.

Тотъ же фактъ былъ засвидѣтельствованъ рядомъ наблюденій дру- гихъ медиковъ, причемъ обнаружена также возможность зараженія, по- средствомъ молока, дифтеритомъ. Такъ, въ одномъ изъ точно конста- тированныхъ случаевъ, изъ числа присутствующихъ въ одномъ собра- ніи, 7 особъ различнаго возраста и пола напились сливокъ, достав- ленныхъ ближайшею фермою. У всѣхъ ихъ появился дифтеритъ, тогда какъ остальные члены собранія оставались здоровыми; тутчасъ произ- веденное изслѣдованіе обнаружило, что на фермѣ, откуда доставлены были сливки, свирѣпствовали дифтеритъ. Докторъ Гаръ, дѣятельный гигиенистъ-реформаторъ въ Лондонѣ, какъ называетъ его Картазь, со- общилъ на медицинскомъ конгресѣ о 71 случаѣ заболѣваній, изъ нихъ 50 относятся къ тифозной лихорадкѣ, 14 къ скарлатинѣ и 7 къ диф- териту; во всѣхъ этихъ случаяхъ причиною зоболѣванія служило за- раженное молоко.

Всѣ подобные факты говорятъ сами за себя и не требуютъ комментариев. Другое дѣло, какимъ образомъ молоко способствуетъ распространенію болѣзней? Давно уже извѣстна та легкость, съ какою молоко подвер- гается ферментации и порчѣ. Извѣстно также, какъ вредно молоко отъ коровъ, страдающихъ буторчаткою, въ особенности нерѣдкою на фермахъ большихъ городовъ, что однако не мѣшаетъ сбыту молока отъ такихъ больныхъ коровъ.

Что касается случаевъ распространенія эпидемическихъ болѣзней, указанныхъ выше, то, какъ показываютъ изслѣдованія, причиною тому были: нахожденіе молока въ комнатахъ, занимаемыхъ больными, а еще чаще—употребленіе воды (для омыванія сосудовъ, въ которыхъ содер- жать молоко) изъ колодцевъ или другихъ источниковъ, недостаточно защищенныхъ отъ просачиванія въ нихъ различныхъ нечистотъ, изо- билующихъ контагіозными грибами (бактеріями).

Дѣло все въ томъ, что возможны тысячи различныхъ случаевъ за- раженія молока бактеріями, тѣмъ болѣе, и это главнымъ образомъ необходимо имѣть въ виду, что молоко оказывается средою, одною изъ наиболѣе благоприятныхъ для быстрого и усиленнаго развитія бакте- рій, разъ они находятъ къ ней доступъ. Отсюда уже становится со- вершенно понятнымъ вышеприведенное замѣчаніе Пастера о необходи- мости соблюденія на фермахъ самой тщательной чистоты для того, чтобы устранить возможность распространенія заразы посредствомъ мо-

лова; необходимость соблюденія до деталей всѣхъ условій, при которыхъ молоко было бы совершенно застраховано отъ зараженія бактеріями. И напрасно было бы думать, что это одна «праздная мечта», что это «практически невыполнимая задача».

Напротивъ, живой примѣръ на лицо. Таковы именно фермы компании Эйлесбюри въ Лондонѣ, основанныя по указаніямъ упомянутого уже нами выдающагося англійскаго гигиениста Гара. Одно уже помѣщеніе центральной молочной этого общества въ Лондонѣ говоритъ само за себя.

Особую специальною системою канализаціи молочная совершенно изолирована отъ сосѣднихъ домовъ и ихъ нечистотъ. Стѣны самаго зданія покрыты изнутри силикатомъ (кремнекислою солью) и ежедневно омываются салицилливою кислотою; въ залахъ, гдѣ хранится молоко, приготавливаются сливки и масло, царствуетъ самая тщательная чистота, какую только можно пожелать. Почти на каждомъ шагѣ находится кранъ горячей и холодной воды, которою рабочіе постоянно пользуются для омыванія сосудовъ и т. п.

Самыя помѣщенія рабочихъ находятся въ отдѣльномъ зданіи, гдѣ также соблюдается образцовая чистота. Строгія инструкціи, тутъ же вывѣшенныя, напоминаютъ размѣры взысканій въ случаѣ несоблюденія гигиеническихъ условій, предписываемыхъ администраціею.

На фермахъ тотъ же порядокъ; достаточно указать на тѣ главныя условія, строгое выполненіе которыхъ обязательно для каждаго фермера, поставляющаго молоко компании, и за нарушеніе которыхъ уплачивается штрафъ. Условія слѣдующія (упоминаемъ только главныя):

Молоко должно быть доставляемо цѣльное, безъ всякой примѣси воды или другихъ постороннихъ веществъ, и должно содержать по меньшей мѣрѣ 12 на 100 твердыхъ веществъ. Оно должно быть сейчасъ же послѣ доенія сливаемо въ сосуды, тщательно вымытые, предварительно, въ кипяченой водѣ. Утреннее молоко должно отправляться каждое утро, вечернее—каждый вечеръ. На обязанности фермера—самымъ строгимъ образомъ слѣдить за чистотою стойлъ, коровъ и коровницъ. Въ случаѣ заболѣванія коровы или появленія на фермѣ малѣйшихъ признаковъ эпидемической болѣзни, какъ тифозной лихорадки, скарлатины, дифтерита и проч., фермеръ немедленно долженъ извѣстить о томъ администрацію и приостановить доставку молока.

Нарушеніе этихъ условій карается штрафомъ въ 2,500 франковъ. Съ своей стороны администрація, въ случаѣ временнаго прекращенія фермеромъ доставки молока по указаннымъ выше причинамъ, обязывается выплачивать послѣднему убытки въ размѣрѣ его обычнаго сбыта.

Каждая ферма посѣщается инженеромъ компании, на обязанности котораго слѣдить, находятся ли въ соотвѣствующихъ условіяхъ ко-

лодцы или другіе источники воды, которою пользуется ферма, а докторъ Гаръ провѣряетъ санитарныя условія самой фермы.

Далѣе, во всѣхъ фермахъ введены рефигераторы (холодильники) системы Лоренса, въ которые сливается сдаиваемое молоко и отсюда оно затѣмъ переливается въ особенные мѣдныя сосуды съ узкимъ горлышкомъ, снабженнымъ герметическою крышкой. Въ этихъ сосудахъ молоко доставляется въ Лондонъ, въ центральную молочню, гдѣ оно переливается въ предварительно выпаренные сосуды меньшихъ размѣровъ, въ которыхъ и развозится по городу. Во избѣжаніе всякаго обмана, каждый разъ по доставкѣ молока изъ фермы образчики его, взятые изъ любого сосуда, тотчасъ же анализируются въ лабораторіи компаніи, что, благодаря новѣйшимъ способамъ, не требуетъ много времени.

Такому образцовому веденію дѣла вполне отвѣчаютъ и результаты, о чемъ можно судить уже потому, что втеченіи одного прошлаго года, компаніей Эйлесбюри было отпущено 900,000 галоновъ ¹⁾ здороваго, совершенно чистаго молока. Самъ Пастеръ, посѣтившій недавно заведенія компаніи, былъ «очарованъ», какъ онъ выражается, детальною точностью выполненія гигиеническихъ условій, при которой борьба съ контагіозными зародышами, случайно попадающими въ молоко, становится дѣйствительно возможною и обѣщаетъ вѣрную побѣду.

Само собою разумѣется, намъ далеко еще до этого, и долго еще придется по части молочнаго дѣла, если можно такъ выразиться, довольствоваться такими доморощенными поставщиками, какъ разныя охтенки и чухны. Но вотъ именно по этой то причинѣ, для насъ, болѣе чѣмъ для кого-либо, представляютъ важное значеніе вышеуказанные факты, касательно распространенія посредствомъ молока различныхъ эпидемическихъ болѣзней. Тамъ, гдѣ «молочное дѣло» поставлено такъ, какъ у насъ, напримѣръ, въ Петербургѣ,—тамъ, въ виду предъидущаго, всего болѣе необходимости соблюдать осторожность въ употребленіи молока, всего болѣе необходимости отказаться отъ искусственнаго кормленія грудныхъ дѣтей коровьимъ молокомъ, хотя бы даже разведеннымъ, а взрослымъ—остерегаться употреблять молоко во время развитія эпидемическихъ болѣзней.

Металлоскопія и металлотерапія ²⁾. Прошло почти 35 лѣтъ, какъ была сдѣлана французскимъ врачомъ Бюркомъ первая попытка примѣ-

¹⁾ Т. е. 225,000 пудовъ.

²⁾ «Еъ казуистикъ металлоскопіи и металлотерапіи». Наблюденіе А. Я. Кагана (Медицинскій вѣстникъ, №№ 1—3; 1882 г.).—Etude expérimentale sur la metalloscopie, etc. (Comptes rendus de l'Academie des sciences des Paris. 1882, № 2).

ненія металловъ къ излѣченію нервныхъ болѣзней. Но ни эта попытка, ни даже доклады членовъ парижскаго біологическаго общества въ 1877—1878 годахъ, доклады,—подтверждавшіе наблюденія Бюрка не обратили вниманія специалистовъ на металlosкопическія явленія. Только послѣ недавнихъ, знаменитыхъ опытовъ Шарко съ истерико-эпилептиками, дѣло приняло уже иной оборотъ и металlosкопическія явленія стали изслѣдоваться такими фізіологами, какъ Бенедиктъ, Шиффъ, Румпфъ, Мюллеръ и многіе другіе.

Случаи успѣшнаго примѣненія на практикѣ металлотерапіи стали чуть ли не ежедневно обогащаться новыми фактами, все болѣе и болѣе подтверждающими несомнѣнную пользу металлотерапіи, при нѣкоторыхъ болѣзняхъ нервной системы. И хотя большинство врачей, «въ особенности у насъ въ Россіи, относятся къ новому методу леченія крайне скептически и смотрять на описанные случаи, въ которыхъ металlosкопія и металлотерапія давали поразительные результаты, далеко недовѣрчиво» (о, вѣдь мы большіе скептики!), тѣмъ не менѣе въ послѣднее время и у насъ стали появляться опыты практическаго примѣненія металлотерапіи.

Къ числу такихъ опытовъ относятся недавно опубликованныя наблюденія А. Я. Кагана, въ которыхъ авторъ сообщаетъ очень интересный случай успѣшнаго примѣненія металлотерапіи къ больной, съ сильно развитою формою истеріи. Испробовавъ обычно практикуемыя средства въ случаяхъ подобнаго рода страданій, г. Каганъ рѣшился испытать дѣйствіе металловъ, причемъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ съ серебряными монетами, онъ остановился на металлической желѣзной пластинкѣ Бюрка.

Не лишнее предварительно замѣтить, что «больная никогда не слыхала о металlosкопіи и не имѣла объ этомъ предметѣ ни малѣйшаго понятія». Не предъувѣдомля больную, изслѣдованіе которой обнаружило потерю назожной чувствительности (анестезію) на лѣвой половинѣ тѣла и параличное состояніе этой половины, къ наружной поверхности ея лѣвой руки, немного выше локтя, привязали металлическую пластинку Бюрка и стали выжидать результатовъ.

Спустя $\frac{1}{4}$ часа, на лѣвой щекѣ больной появляется замѣтный румянецъ, тогда какъ блѣдный цвѣтъ правой щеки оставался безъ перемѣны. По прошествіи второй четверти часа съ момента положенія пластинки, больная вдругъ вскрикнула и стала жаловаться на сильное жженіе въ лѣвой рукѣ, причемъ указала правою рукою какъ разъ на то мѣсто, гдѣ находилась пластинка. Чувство боли было до того сильно, что больная стала кричать, вслѣдствіе чего пластинка была удалена, причемъ тотчасъ же появились судорожныя подергиванія во всей лѣвой рукѣ, постепенно усилившіяся.

Судороги прекращались только въ томъ случаѣ, когда лѣвая рука плотно прижималась къ кровати; но достаточно было прикоснуться пальцемъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала пластинка или на протяженіи плеча выше этого мѣста, и судороги тотчасъ же появлялись вновь; напротивъ, прикосновеніе къ кожѣ ниже мѣста приложенія пластинки не вызывало судорогъ.

Одновременно съ этимъ явленіямъ обнаружилось и другое: усиленная чувствительность (гиперестезія) правой руки, ясно констатированная до вышеописаннаго опыта, послѣ опыта совершенно исчезла, прикосновеніе и даже щипаніе не вызывали больше судорогъ, хотя больная ясно ощущала эти раздраженія. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ приложенія металлической пластинки къ лѣвой рукѣ, въ правой ненормальная чувствительность смѣнилась нормальной, а въ лѣвой, вмѣсто анестезіи, появилась усиленная чувствительность.

Ободренный такимъ успѣшнымъ результатомъ, Каганъ продолжалъ опыты съ пластинкою Бюрка: онъ приложилъ ее выше лѣвой ключицы больной, въ надключечную ямку, гдѣ наблюдалась еще полная нечувствительность кожи, но долженъ былъ ее скоро удалить, вслѣдствіе сильнаго жженія, на которое больная стала сильно жаловаться. Тогда было обращено вниманіе на лѣвую ногу, гдѣ анестезія и параличъ движенія продолжались; желѣзную пластинку привязали къ лѣвому бедру въ средней его части, и хотя больная ничего не чувствовала и даже не знала объ этомъ, но спустя уже десять минутъ стала жаловаться на сильное жженіе въ лѣвомъ бедрѣ, причемъ указала прямо на то мѣсто, гдѣ находилась пластинка. Но всего интереснѣе, что какъ только пластинка была удалена, тотчасъ появились судорожныя подергиванія во всей лѣвой ногѣ и затѣмъ развился бредъ и общій конвульсивный приступъ, отличавшійся такой продолжительностію, что онъ длился около четырехъ часовъ.

Наконецъ, больная пришла въ себя, узнала всѣхъ окружающихъ и была крайне обрадована, что у нея возвратилось зрѣніе и общая чувствительность, и что она свободно владѣетъ всѣми конечностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что больная ничего не помнила о происходившемъ, кромѣ чувства жженія, которое она ощущала отъ прикладыванія пластинокъ. Въ такомъ состояніи больная провела весь день.

На слѣдующій день больная была въ полномъ сознаніи и спокойна, только по временамъ появлялись подергиванія въ лѣвой рукѣ. На лѣвой половинѣ тѣла замѣчалась усиленная чувствительность кожи, тогда какъ въ правой половинѣ кожная чувствительность нормальна. Мышечная сила въ лѣвой рукѣ нѣсколько больше, чѣмъ въ правой. Но затѣмъ къ вечеру уже обнаружилась очень интересная перемѣна,

а именно: чувствительность въ правой рукѣ стала постепенно при-
тупляться; такъ, напримѣръ, больная не могла ясно осязать предметы,
которые держала въ правой рукѣ; не вполне отчетливо опущала при-
косновение къ ея рукѣ и т. п. Наконецъ, по истеченіи еще нѣкто-
раго времени, больная совершенно потеряла чувствительность
во всей правой половинѣ тѣла, начиная съ пальцевъ ноги, вплоть
до края правой половины нижней челюсти.

Въ концѣ концовъ, въ 11 часамъ вечера вполне обнаружилось
такъ называемое «явленіе переноса» (phenomène du transport): ане-
стезія и параличъ движенія лѣвой половины тѣла, подвергнутой дѣй-
ствію металлоскопіи, переносятся цѣликомъ на правую половину тѣла.
Однако, такое состояніе продолжалось не болѣе полутора сутокъ. За-
тѣмъ у нея появилось жженіе въ правой рукѣ и ногѣ, послѣ чего
больная вновь получила чувствительность и движеніе въ пораженной
половинѣ тѣла, и послѣ наступившаго за этимъ легкаго конвульсив-
наго припадка съ бредомъ, длившагося всего $\frac{1}{4}$ часа, больная чувство-
вала себя на столько хорошо, что встала съ постели. Движенія въ
рукахъ и ногахъ стали совершенно нормальными; походка сдѣла-
лась твердою, и на слѣдующій день изъ всѣхъ бывшихъ растройствахъ
осталась одна только возвышенная чувствительность въ обѣихъ ру-
кахъ къ холодной водѣ. Но и эта аномалія скоро исчезла; появился
прекрасный аппетитъ, до того совершенно отсутствовавшій. Больная на
столько оправилась, что ей было дозволено выходить на улицу.

Словомъ металлотерапія оказала услугу, какой не ожидалъ и самъ
Каганъ; слѣпая, лишенная аппетита, пораженная гемиплегіей (полу-
параличемъ), съ накожною анестезіею въ одной половинѣ тѣла и чрез-
мѣрнымъ развитіемъ чувствительности кожи—въ другой, эта женщина
находилась въ безнадежномъ состояніи. И вдругъ она оживаетъ подъ
вліяніемъ желѣзной пластинки! Фактъ до того много говорящій въ
пользу металлотерапіи и металлоскопіи, что онъ заставилъ самаго Ка-
гана, до того крайне недовѣрчиво относившагося «къ описаніямъ не-
обыкновенныхъ, почти сказочныхъ металлоскопическихъ явленій», «пе-
ремѣнить свое мнѣніе въ пользу металлоскопіи и металлотерапіи».

И было бы крайне желательно, чтобы сообщенное А. Я. Каганомъ
наблюденіе не прошло безслѣдно; чтобы оно обратило на себя вни-
маніе и другихъ нашихъ врачей и побудило бы ихъ испытать на
практикѣ дѣйствіе металлотерапіи. Сложивъ же руки, пробавляться свеп-
тицизмомъ—дѣло, нестоющее выѣденнаго яйца.

Здѣсь будетъ кстати сообщить о нѣкоторыхъ весьма интересныхъ
результатахъ экспериментальнаго изслѣдованія надъ металлоскопиче-
скими явленіями, недавно сообщенныхъ въ парижской академіи наукъ
Дюмонпалье и Миньеномъ.

Эти ученые произвели рядъ многочисленныхъ опытовъ надъ истерическими больными, причемъ были обнаружены весьма поучительныя явленія. Такъ, они нашли, что у тѣхъ изъ этихъ больныхъ, которые поражены анестезіею, т. е. потерюю нажной чувствительности, можно, прикладываніемъ металлическихъ пластинокъ, вызвать чувствительность въ любой части тѣла, по волѣ экспериментатора.

У больныхъ, находящихся въ состояніи гипноза, соотвѣтственное расположеніе пластинокъ вызываетъ самыя разнообразныя явленія каталепсіи, въ зависимости отъ того, къ какой части тѣла приложены пластинки. Такъ, прикладывая пластинки къ области надпупочной (*zone sus-ombilicule*) или за-пупочной (*zone sous-ombilicule*), можно вызвать состояніе оцѣвненія въ мышцахъ той или другой изъ этихъ областей.

Напротивъ, приложеніе металлической пластинки къ области промежуточной между двумя только что названными — къ пупочной (*Zone ombilicule*), а также къ лобной, пробуждаютъ больного отъ гипнотическаго сна, и не только пробуждаютъ, но, что всего интереснѣе, сообщаютъ послѣдному способность противодѣйствія всякому гипнотическому явленію. Далѣе, наблюденія показываютъ, что дѣйствіемъ тѣхъ-же металлическихъ пластинокъ можно вызвать перекрестныя явленія каталепсіи. Такъ, въ состояніи каталепсіи, поднятіе нижней лѣвой оконечности часто вызываетъ соотвѣтствующее поднятіе верхней правой оконечности, и наоборотъ. Тоже самое наблюдается и въ случаѣ приложенія къ верхней или нижней конечности металлической пластинки. Если, напримѣръ, пластинка, приложенная къ правой рукѣ, вызываетъ въ ней то или другое движеніе въ ту или другую сторону, то соотвѣтствующее-же движеніе въ соотвѣтствующую сторону проявляется и въ лѣвой ногѣ.

Подобныя перекрестныя явленія позволяютъ предположить въ области спинно-поясничнаго мозга существованіе перекрестныхъ чувствительно-двигательныхъ нервовъ, одновременно посылающихъ двигательный импульсъ верхнимъ и нижнимъ противоположнымъ конечностямъ, такъ что возбужденіе поверхности одной изъ этихъ конечностей вызываетъ движеніе не только въ ней, но и въ другой конечности.

Подобныя явленія можно сравнить съ фізіологическимъ актомъ ходьбы какъ четвероногихъ животныхъ, такъ и человека; когда, напримѣръ, животное ставитъ впередъ правую переднюю ногу, одновременно съ тѣмъ оно передвигаетъ въ томъ-же направленіи заднюю лѣвую ногу; когда человекъ дѣлаетъ шагъ впередъ правой ногой, его лѣвая рука такъ-же отклоняется въ ту-же сторону, и наоборотъ; словомъ, происходитъ перекрестное явленіе, какъ и въ предъидущемъ случаѣ; вся разница въ источникѣ, вызывающемъ эффектъ: въ одномъ

случаѣ—это естественный физиологическій актъ, въ другомъ—результатъ возбужденія, вызваннаго дѣйствіемъ металлической пластинки.

Достойно также вниманія, что приложеніе металлическихъ пластинокъ къ той или другой височной области можетъ, на болѣе или менѣе долгое время, вызвать афазію, т. е. прекратить способность рѣчи, а будучи приложены ко лбу больныхъ, эти пластинки обуславливаютъ потерю способности исчисленія. Съ другой стороны, эти же пластинки, парализующія на болѣе или менѣе продолжительное время различныя способности, могутъ также и возстановлять ихъ. Наконецъ, помимо вышеупомянутыхъ явленій, приложеніе металлическихъ пластинокъ къ различнымъ участкамъ поверхности черепа вызываетъ у больныхъ движеніе головы и конечностей въ ту или другую сторону, подобно тому, какъ это наблюдается въ случаѣ непосредственнаго раздраженія психомоторныхъ центровъ. А такъ какъ соотвѣтствующія явленія могутъ быть вызываемы у гипнотиковъ и другими физическими агентами—свѣтомъ, звукомъ и проч., то указанный только что фактъ свидѣтельствуетъ о крайней воспримчивости нервной системы этихъ больныхъ.

Дѣйствительно, вотъ еще другой примѣръ этой, по истинѣ поразительной воспримчивости: конецъ каучуковой трубки, длиною отъ 6—7 метровъ, помѣщается подлѣ ноги больнаго; къ другому концу этой трубки, снабженной рупоромъ, прикладываютъ карманныя часы; тотчасъ же нога больнаго приходитъ въ движеніе: она вздрагиваетъ, согласно тиканью часовъ, какъ будто каждый ударъ маятника производитъ уколъ ноги.

Таковы интересные факты, сообщенные Дюмонпалье и Миньономъ парижской академіи наукъ.

Мнѣніе Мильнѣ Эдвардса о вредномъ дѣйствіи гипнотизма ¹⁾.
 Давая отчетъ объ извѣстныхъ сеансахъ Ганзена въ Петербургѣ, нами тогда же было категорически заявлено о крайне вредномъ дѣйствіи гипнотическихъ опытовъ. Мы можемъ теперь, въ подтвержденіе нашихъ словъ, сослаться на авторитетъ Гартинга и Мильнѣ Эдвардса, сообщившаго недавно парижской академіи наукъ слѣдующіе факты, засвидѣствованные рядомъ экспериментальныхъ изслѣдованій надъ животными Гартингомъ, професоромъ утрехтскаго университета.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ Гартингъ производитъ многочисленные опыты надъ гипнотизаціей различныхъ животныхъ: куръ, го-

¹⁾ Comptes rendus de l'Academie des sciences. 1882, № 7.

лубей, кроликовъ, морскихъ свиноекъ, лягушекъ и проч. И всѣ эти многочисленныя опыты привели его къ заключенію, что гипнотизированіе одного и того же животнаго по нѣскольکو разъ очень вредно отзывается на нервной системѣ животнаго и нерѣдко служитъ причиною смерти послѣдняго. Такъ, у Гартинга было 6 куръ, которыя въ промежуткахъ двухъ, трехъ дней подвергались гипнотизаціи; по истеченіи почти трехъ недѣль одна изъ курицъ начала хромать, затѣмъ появилась гемиплегія (полупараличъ) и животное скоро пало. Той же участи подверглись и всѣ остальные курицы: одна за другою онѣ были поражаемы гемиплегіей, въ довольно различныя промежутки времени, и затѣмъ умирали.

Эти любопытныя факты говорятъ сами за себя. Указывая на нихъ, Мильнъ-Эдвардсъ не считаетъ возможнымъ допустить, чтобы явленія, аналогичныя тѣмъ, которыя такъ губельны для курицъ, могли быть безвредны для организма, гораздо болѣе сложнаго, гораздо болѣе воспримчиваго, каковымъ является человѣкъ.

Кромѣ того, на основаніи данныхъ, собранныхъ самимъ Мильнъ-Эдвардсомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что въ субъектахъ, подвергающихся частымъ вліяніямъ гипнотизаціи, явленія, вызываемыя этими вліяніями, мало-по-малу становятся привычною, патологическою функціею ихъ нервной системы; болѣзнь мало-по-малу развивается и растетъ; «по моему мнѣнію, говоритъ Мильнъ-Эдвардсъ, не слѣдуетъ часто повторять опыты гипнотизаціи надъ истеричными субъектами.»

Эльпе.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Продолженіе современной были «Мытарства упряма», А. В. Круглова и статьи о гомеопатіи доктора медицины В. фонъ-Дитмана, отложено до слѣдующей книги.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. А. Навроцкій.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, 1.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16—
съ пересылкой	17—
за границу: въ Европу	} 18—
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	при подпискѣ	къ 1 Маю	къ 1 Сентября
безъ доставки	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 —	5 —	3 —
съ пересылкой	9 —	5 —	3 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполне за доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Навроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Средняя Подъяческая, 1.

